

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Куцнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). <i>Продолженіе</i>	1
II. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ Томаса Гарди. Переводъ съ англійскаго. <i>Окончаніе</i>	16
III. ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ. (Разсказъ).—Д. Н. Мамина-Сибиряка.	76
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Л. Величко	104
V. СОПЕРНИЦЫ. Романъ Франсуа Коппе. Переводъ съ французскаго М. <i>Окончаніе</i>	106
VI. ДѢДУШКА ТИМОФЕЙ. (Разсказъ).—М. В. Холмогорова	130
VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	160
VIII. НАРОДНЫЙ СУДЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ. (Историческій очеркъ).—А. Я. Ефименко	1
IX. ВЗГЛЯДЪ НА ОТНОШЕНІЯ РОССИИ КЪ ЕВРОПѢ.—Гр. Л. А. Камаровскаго	21
X. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БИОЛОГІИ. III. Что препятствовало и что способствовало успѣхамъ исторической идеи въ биологіи.—Н. А. Тимирязева	39
XI. МОИ БАНИБУЛЫ. (Одесса, Константинополь, Пирей, Аѳины, Александрія, Каиръ, пирамиды).—М. Н. Ремезова	59
XII. ЖЕНЩИНА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. («La femme au États-Unis», par C. de Varigny).—В. М. Р.	86
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Изъ области психіатріи. — А. Н. Але- лекова	102

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:
„ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ“.

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слуга.—Ганя.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева.

Цѣна 1 р. 50 К., съ пересылкою 1 р. 80 К.

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„БЕЗЪ ДОГМАТА“.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ. ПЕРЕВОДЪ В. М. Лаврова.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою—1 р. 80 к. Подписчики „Русской Мысли“ за пересылку не платятъ. Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ БНИГА:

„КОСМОПОЛИСЪ“.

Р О М А Н Ъ

Поля Вурже.

Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова. Изданіе редакціи
журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль»
(Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Вл. Г. Короленко.

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

Изаніе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЦѢНА КАЖДОЙ БНИГИ 1 Р. 50 К.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль»
(Москва, Леонтьевскій, 21).

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.

Изд. (съ 4-го тома) т-ва А. Граната и К^о, бывш. т-ва А. Гарбель и К^о.

Издание имѣетъ цѣлью въ общедоступномъ и скатомъ изложеніи сообщить основныя свѣдѣнія по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ науки, искусства, исторіи, современной жизни и прикладныхъ знаній, этимъ путемъ содѣйствовать болѣе разностороннему, гармоническому развитію и открыть возможность для каждаго значительно пополнить пробѣлы образованія.

Для ознакомленія съ характеромъ изданія въ концѣ настоящей книги „Русской Мысли“ прилагаются 5 страницъ „Словаря“ (стр. 3064—65, 3116—17, 3210), перепечатанныхъ безъ измѣненій со стереотипныхъ досокъ.

„Настольный Энциклопедическій Словарь“ составитъ всего 8 томовъ, 105—115 выпусковъ (10,600 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 5 томовъ (до слова Муромцевъ) и 1 выпускъ (71-й) 6-го тома (до слова Наемъ личный).

ВСЕ ИЗДАНИЕ БУДЕТЪ ЗАКОНЧЕНО ВЪ НАЧАЛѢ 1894 ГОДА.

Въ вышедшей части помѣщено 59,065 статей и замѣтокъ, 570 портретовъ выдающихся дѣятелей государственной и общественной жизни, науки, литературы и искусства, 494 рисунка по всѣмъ отраслямъ знаній, географическія карты, исполненныя специально для изданія извѣстнымъ картографическимъ институтомъ Теодора Гофманна въ Герѣ (княж. Рейсъ), таблицы рисунковъ, хромо и олеографіи.

Для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства, къ изданію прилагаются, начиная съ пятаго тома, **СНИМКИ СЪ КАРТИНЪ КЛАССИЧЕСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ**, исполненныя автотипическимъ способомъ лучшими заграничными художественными фирмами.

„Настольный Энциклопедическій Словарь“ издается на веленовой глазированной бумагѣ двухъ разборовъ—обыкновенной (тонкой) и лучшей (плотной).

Цѣна тому въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ:

на обыкновенной (тонкой) бумагѣ . . . . . 4 р. 50 к.
„ лучшей (плотной) бумагѣ . . . . . 6 „ — „

За пересылку прилагивается по 10 коп. на каждый рубль стоимости.

За отдѣльную пересылку снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ безъ стѣснѣ прилагается за каждую серію по 28 коп.

Учащіе, учащеся и учебныя заведенія пользуются уступкой въ размѣрѣ 10%.

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Гл. служащіе въ назенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно 3 р. 60 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и 4 р. 80 к. для экземпляра на лучшей бумагѣ и, представивъ ручательство казначея въ аккуратномъ платежѣ мѣсячныхъ взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 тома изданія, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, по 1 р. 20 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и по 1 р. 60 к. для экземпляра на лучшей бумагѣ. На послѣдующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частныя лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 выпусковъ (въ томъ 14 вып.) съ наложеннымъ платежомъ въ 1 р. 50 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и въ 2 р. для экземпляра на лучшей бумагѣ и 10 к. за переводъ платежа, или 2) каждыя 2 или 3 мѣсяца по переплетенному тому съ наложеннымъ платежомъ въ 4 р. 50 к. для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и въ 6 р. для экземпляра на лучшей бумагѣ и 20 к. за переводъ платежа.

Главная контора—Москва, Доморучковскій пер., 8.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

- Повѣсти и рассказы. Генрика Сенкевича. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- Безъ догмата. Романъ Генрика Сенкевича. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Космополисъ. Романъ Поля Бурже. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Сизифъ. Картинки деревенской жизни Клеменса Ююши. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
- Объ искусствѣ. Критическія замѣтки В. А. Гольцева. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.
- Щедринъ. (Критическій эпытъ). Н. Б. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.
- Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются? Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Нашихъ полей ягоды. Романъ М. Анютинна (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины В. С. Богословскій, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.
- Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала
«РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьев-
скій пер., 21).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ VIII.

МОСКВА.

1893.

1910
1910

Москва. Типо-литограф. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

AP50
R875
v. 14:8
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЪИНА. (Ихъ переписка). <i>Продолженіе</i>	1
II. ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ. Романъ Томаса Гарди. Переводъ съ англійскаго. <i>Окончаніе</i>	16
III. ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ. (Разсказъ).—Д. Н. Мамина-Сибиряна.	76
IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Л. Величко.	104
V. СОПЕРНИЦЫ. Романъ Франсуа Кошю. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Окончаніе</i>	106
VI. ДѢДУШКА ТИМОФЕЙ. (Разсказъ).—М. В. Холмогорова.	130
VII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича Переводъ съ польскаго В. М. Л.	160
VIII. НАРОДНЫЙ СУДЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ. (Историческій очеркъ).—А. Я. Ефименко	1
IX. ВЗГЛЯДЪ НА ОТНОШЕНІЯ РОССИИ КЪ ЕВРОПѢ.—Гр. Л. А. Капаровскаго	21
X. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БИОЛОГИИ. III. Что препятствовало и что способствовало успѣхамъ исторической идеи въ биологіи.—Н. А. Тимирязева	39
XI. МОИ БАНИКУЛЫ. (Одесса, Константинополь, Пирей, Аены, Александрія, Каиръ, пирамиды).—М. Н. Ремезова	59
XII. ЖЕНЩИНА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. («La femme au États-Unis», par C. de Varigny).—В. М. Р.	86
III. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Изъ области пожіатриі. — А. Н. Алекина	102

852226

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій не распространяется на многіе виды ростовщичества.—Вѣроятное вліяніе закона на ростовщическія сдѣлки.—Перемѣны въ русскомъ таможенномъ законодательствѣ.—О вліяніи, которое будутъ имѣть эти перемѣны на русскую внѣшнюю торговлю и наше сельское хозяйство.—Квартирный налогъ.—Льготы населенію по уплатѣ продовольственнаго долга.—30-тилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».—Заявленіе комиссіи при с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности.	129
XV. АВТОБІОГРАФІЯ Л. РАНКЕ.—Евг. Н. Щепкина	149
XVI. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ.—Вл. В. Бирюковича.	170
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева.	199
XVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія и біографія.—Путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>юль</i> .—«Русскій Вѣстникъ», <i>юль</i> .—«Русское Богатство», <i>юль</i> .—«Сѣверный Вѣстникъ», <i>юль</i> .—«Міръ Божій», <i>юль</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1893 г.	353

1792
Р. С. М.
1893

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина *).

(Ихъ переписка).

Загорье, 12 юля 1836 г., воскресенье.

Читая признаніе твое, ангелъ мой, я залилась слезами ¹⁾. Да не оттого, чтобъ ты палъ въ душѣ моей, о, нѣтъ, нѣтъ, Александръ; влянусь тебѣ, ежелибъ ты сдѣлалъ что-нибудь порочное, —этого не можетъ быть никогда, но если бы, и тогда я омывала бы слезами и молитвою грѣхъ твой, просила бы Бога, чтобъ Онъ за тебя наказалъ меня, а чтобъ ты унизился въ душѣ моей, чтобъ любовь моя умалилась одною каплей?... О, другъ мой, какая мысль, какая ужасная мысль, и чтобъ я раскаялась, отдавшись тебѣ! Больно мнѣ, если ты думалъ такъ, писавши это ко мнѣ. Мнѣ жаль тебя, Александръ, горько, что въ тебѣ не стало силъ устоять противъ того стремленія, которое вовлекло тебя въ этотъ поступокъ. Но, ей-Богу, я слишкомъ постигаю весь ужасъ тогдашняго твоего положенія, и этотъ холодъ, и эти оковы, и эти убійственные взоры на каждомъ шагу, и твою душу. Всею душой, всею любовью моею прощаю тебя на каждомъ словѣ. Вѣрь же, Александръ, вѣрь, милый мой, что, читая письмо, ни одна темная мысль о тебѣ не посѣтила души моей. Не думай, чтобъ любовь моя придавала тебѣ излишнія достоинства, —нѣтъ, ты, Александръ, создалъ во мнѣ эту любовь, ты возвысилъ ее, а не она тебя. Успокойся же, ангелъ мой, о, не спрашивай, насколько палъ ты въ душѣ моей: я не умѣю, не могу исчислить, насколько ты становишься выше, святѣе въ душѣ моей. Чего стоить твое раскаяніе? О, ей-Богу, оно выше твоей вины, а

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

¹⁾ Признаніе въ проступкѣ по отношенію къ Полигѣ Петровнѣ Медвѣдовой, которыя А. И. называлъ „латномъ“ на своей душѣ.

если разлука наша наказаніе, то она давно, давно искупила (пятно) это въ душѣ твоей, и ты прощенъ небесами. Я не скажу съ толпою, чтобъ это была шалость, вѣтренность простибельная, но ты ясно видишь, что это дурно, можетъ, даже видишь хуже, нежели оно есть, и уже этого никогда не будетъ, я отвѣчаю тебѣ за тебя, нѣтъ, зачѣмъ теперь тебѣ вынужденное *равнодушіе*, теперь ужъ найдено тобою то сердце, которое, кажется, создано изъ одной любви къ тебѣ, найдена та душа, которая не видитъ, не знаетъ ничего, кромѣ тебя и Бога. Обнимаю, обнимаю тебя, ангелъ мой, цѣлую тебя и клянусь, что ты еще выше, святѣе въ душѣ моей, потому что я воображала гораздо болѣе о томъ пятнѣ, о которомъ ты почти въ каждомъ письмѣ говорилъ мнѣ. Вѣрь же и тому, что и Богъ простилъ тебя: одни мои страданія могли-бъ искупить твою вину, а твою?... И я молю Его, о, только успокойся, ради Бога, не воображай, чтобъ ты измѣнился передо мною, чтобъ я насколько-нибудь отклонилась отъ тебя, увѣряю тебя, въ тебѣ нѣтъ ничего, что было бы внѣ объятій души моей. Теперь просьба о ней ¹⁾). Если ты не можешь прибавить ей счастья, не умножай горя ея, заставь ее разлюбить тебя незамѣтно ей самой и пуще всего при разставаніи не давай надежды: не то ея страданія будутъ тяжки и продолжительны. Кому бы я съ такою увѣренностью поручила спасеніе несчастной? Тебѣ же... Вѣришь ли, мой ангелъ, какъ покойна я, отдавая судьбу ея въ твои руки. Старайся же всѣми силами не принести ей собою ни малѣйшей неприятности. Ты самъ говоришь, что ужъ она довольно несчастна и безъ новыхъ ударовъ. Да поможетъ тебѣ Богъ спасти ее!

Юля 13, понедѣльникъ.

Боже мой, Господи! Ты уже знаешь теперь судьбу нашу, Александръ, а я томила сомнѣніями. Можетъ быть, ты въ восторгѣ благословляешь Бога, а я и просить Его не могу теперь (потому что ужъ рѣшено). И что съ тобою, если ты получилъ роковое извѣстіе?... Если такъ, не изнемогай, мой ангелъ, подъ бременемъ, которое налагаетъ на тебя Всевышній. Пройдетъ и тотъ годъ разлуки, и мы выше въ терпѣніи, выше въ покорности волѣ Его, выстрадавъ наше соединеніе, будемъ наслаждаться жизнью и любовью. Вспомни, чѣмъ сильнѣе испытаніе, тѣмъ выше награда; въ страданіяхъ, въ мученіяхъ, въ разлукѣ, во всемъ да буетъ слава Богу! Мнѣ страшно за тебя, Александръ. Александръ, ангелъ мой, внемли словамъ моимъ, не падай съ твоею высокою душой, взду-

¹⁾ О Полиѣ Петровнѣ Медвѣдовой.

май, что будетъ со мною, когда *ты* хотя сколько-нибудь окажешь слабость, вспомни, сколько сынъ Божій претерпѣвалъ для человѣка. Ахъ, да что мои слова? Вознесись ты только къ Нему душою, и Онъ ниспослетъ тебѣ и силу, и твердость. Можемъ ли мы придумать и желать къ нашему счастью лучше Его? Если суждена намъ еще разлука, этотъ тяжкій годъ будетъ высочайшею ступеню той лѣстницы, которая ведетъ къ блаженству, высочайшею ступеню! Когда ослабѣешь ты, я изнемогу вовсе, и что же тогда? Я спокойна буду, когда ты будешь спокоенъ, и радостно перенесу все, если буду знать, что ты не огорчаешься. Ежели душу твою не посѣтитъ мысль, что благость Божія превышаетъ все на свѣтѣ, что то, что опредѣлено Имъ, не можетъ быть лучше устроено, то вспомни хоть твою Наташу, которая погибнетъ вовсе, увидѣвъ, насколько ты слабъ... ¹⁾).

Какая ужасная гроза теперь на небесахъ, какое молніе ²⁾ и громъ! Такъ иногда взволнуется духъ мой. Ахъ, еслибъ я могла хоть одно слово получить отъ тебя!... Скажи, что можетъ усладить твою душу? Повелѣвай мною, ангелъ мой: я все, все предприму, о, скажи, скажи, ради Бога, требуй все отъ меня,—все, что возможно будетъ, выполняю. Ты мнѣ все представляешься теперь въ горести... и я не могу такъ живо вообразить твоей радости.

Ахъ, ну, ежели ты знаешь теперь, что черезъ мѣсяць ты увидишь меня!... Не могу писать, не могу думать, ангелъ мой, обнимаю тебя, о, когда же, когда же?... Прощай, жизнь моя, мой Александръ! О, прелестный, дивный другъ мой, повѣй, повѣй на меня хоть тѣмъ воздухомъ, которымъ дышешь ты, хоть обрати взоръ твой въ ту сторону, гдѣ твой вѣрный другъ, твоя Наташа! Все небо потемнѣло при сіяніи молніи. Пишу къ тебѣ, неподражаемый, цѣлую тебя, цѣлую, душа моя, Господь съ тобою ³⁾).

Юля 15, среда.

Нѣтъ, Александръ, еслибъ не вѣра, никогда я не перенесла (бы) тѣхъ душевныхъ волненій, которыя все это время отнимаютъ у меня даже способность думать. Это ужасъ! То вдругъ надежда обниметъ душу и дивные сны лелѣютъ ее, то вдругъ сомнѣніе, или даже совершенное отчаяніе своими холодными, костяными руками вырываетъ душу изъ объятій надежды и давитъ въ своей холодной, желѣзной груди, и подъ (унылые) напѣвы его страшны видѣнья!

¹⁾ Выпущено повтореніе о приближеніи къ Богу.

²⁾ Сохранена старая форма оригинала.

³⁾ Выпущено воспоминаніе о 20 іюля,—почти то же, что писала объ этомъ днѣ Н. А.

Ей-Богу, я бы спокойнѣе вынесла, ежели бы знала, что ты не убить сю. Ангелъ мой! можетъ быть, уже нѣсколько дней, какъ ты получилъ отвѣтъ, и уже нѣсколько дней, какъ ты грустишь! Ну, успокойся, ради Бога, хоть на сію минуту, читай и перечитай письмо мое и воображай, что твоя Наташа, твоя дѣва, умоляетъ тебя на колѣняхъ не предаваться грусти. Милый мой, промчится годъ... и мы вмѣстѣ, вмѣстѣ на вѣки.

Для меня все исчезло теперь. Не слышу, не вижу ничего, не понимаю; я вся теперь—одно *ожиданіе*. Обо мнѣ не думай, божусь любовью моею, я твердо снесу отказъ, цѣлый годъ буду ждать тебя и унывать не стану, не стану и грустить: все, все перенесу, лишь бы ты, мой ангелъ, не унывалъ, не грустилъ. Я увѣрена, что ты успокоишься хоть сколько-нибудь, получа это письмо, и меня терзаетъ то, что ты еще не скоро его получишь.

Какъ несносенъ день для меня, какъ тревожна ночь! Поручаю Полннѣ утѣшать тебя; скажи ей это отъ меня.

Нѣтъ, ни слова болѣе, мой Александръ, нѣтъ мыслей у меня теперь, не знаю, что писать, не знаю, что пишу. И послушаешься ли ты меня, успокоишься ли ты хоть немного? Господи, да будетъ воля Твоя, но дай намъ силы нести. Прости! Прощай, если ты въ скорби, прибѣгай къ молитвѣ. О, блаженна душа, которая въ жаждѣ прибѣгаетъ къ этому источнику! Прощай, Александръ, другъ мой, цѣлую тебя.

16-е.

Можетъ, ты ужъ написалъ ко мнѣ, мой ангелъ, если же нѣтъ, умоляю тебя, напиши скорѣй. Тебѣ-жь теперь я писать не стану болѣе, подожду, авось ли (бо) съ этою оказіей будетъ отъ тебя письмо. Только повторяю мое моленье: если намъ еще разлука, ты мнѣ помоги перейти эту ступень, а я... моя душа всегда готова, обопришь на нее, ангелъ мой. И такъ, прощай, прощай, Александръ. Ни черезъ годъ, ни черезъ десять лѣтъ не можетъ перемѣниться сердце твоей Наташи. Съ тѣхъ поръ, какъ оно чувствуетъ, чувствуетъ одну любовь къ тебѣ; словомъ, мое сердце, моя душа—любовь. Богъ возьметъ ее на небо, и не будетъ и меня на землѣ.

20-е іюля 1836 г.

...¹⁾ Когда-жь, когда-жь прижму я тебя къ моему сердцу? Когда отдохну отъ этой бури? Да, съ гордостью скажу я, я чувствую, что моя душа сильна, что она обширна чувствомъ и поэзією, и всю эту

¹⁾ Выпускается воспоминаніе о 20 іюлѣ—почти то же, что уже писала объ этомъ днѣ Н. А.

душу съ ея бурными страстями дарю тебѣ, существо небесное...¹⁾ Вчера былъ я ночью на стеклянномъ заводѣ. Синій и алый пламень съ какимъ-то неистовствомъ вырывался изъ горна и изъ всѣхъ отверстій, свистя, сжимая, превращая въ жидкость камень. Но наверху, на небѣ свѣтила луна, ясно было ея чело и кротко смотрѣла она съ неба. Я взялъ Полину за руку, показалъ ей горнъ и сказалъ: «*Это я!*» Потомъ показалъ прелестную луну и сказалъ: «*Это она, моя Наташа!*» Тутъ огонь земли, тамъ свѣтъ неба. Какъ хороши они вѣстѣ!

22-е июля.

Минуты грустные все еще также часто налетаютъ на мою душу; судоржное ожиданіе отвѣта изъ Петербурга меня томить. И только ты, ты одна, моя божественная дѣва, могла поселить такую любовь. Передъ тобою исчезаютъ всѣ остальные страсти и потребности мои. Еслибъ не свиданіе съ тобою, что влекло бы меня такъ сильно, такъ непрерывно въ Москву? Родительскій домъ? Но развѣ я не зналъ, что рано или поздно долженъ буду покинуть его? Служба, путешествіе, все должно было меня на время разлучить съ нимъ. Право, мнѣ больно, что мною нанесено столько скорби родителямъ, хотя я и не виноватъ въ томъ, что Богъ мнѣ далъ душу выше толпы, таланты выше обыкновенныхъ людей, а въ этомъ вся моя вина. Друзья?—и они влекуть меня сильно къ себѣ, но гдѣ они, развѣ въ Москвѣ? Огарева тамъ нѣтъ²⁾. Занятія?—здѣсь въ тиши я могу работать. Нѣтъ, все это не могло бы такъ мощно влечь меня; даже мое самолюбіе указываетъ мнѣ скорѣе на Петербургъ, нежели на Москву. Но Москва у меня нераздѣльна съ Наташей, я люблю Москву за тебя, я въ ней люблю тебя. Любовь—высочайшее чувство; она столько выше дружбы, сколько религія выше умозрѣнія, сколько восторгъ поэта выше мысли ученаго.

Религія и любовь, онѣ не берутъ часть души, имъ часть не нужна, онѣ не ищутъ скрытнаго уголка въ сердцѣ, имъ надобна вся душа, онѣ не дѣлятъ ея, онѣ пересѣкаются³⁾, сливаются. И въ ихъ-то слитіи жизнь полная, человѣческая. Тутъ и высочайшая поэзія, и восторгъ артиста, и идеаль изящнаго, и идеаль святаго. О, Наташа! Тобою узналъ я это. Не думай, чтобъ я прежде любилъ такъ; нѣтъ, это былъ юношескій порывъ, эта была потребность, которой я спѣшилъ удовлетворить. За ту любовь ты не (сердись). Развѣ не то же сдѣлало все человѣчество съ Богомъ? Потребность

¹⁾ Выпущено нѣсколько словъ. .

²⁾ И. П. Огаревъ находился въ Пензенской губ., въ имѣніи своего отца.

³⁾ Выраженіе, которое часто употребляли товарищи въ Москвѣ.

поклоняться Иеговъ заставила ихъ сдѣлать идола; но она вскорѣ нашла Бога истиннаго, и онъ простилъ имъ. Такъ и я: я тотчасъ увидѣлъ, что идолъ недостойнъ поклоненія, и самъ Богъ привелъ тебя въ мою темницу и сказалъ: «Люби ее, она одна будетъ любить тебя, какъ твоей пламенной душѣ надобно, она пойметъ тебя и отразитъ въ себѣ». Наташа, повторяю тебѣ, душа моя полна чувствъ сильныхъ, она разовѣтъ передъ тобою цѣлый міръ счастья, а ты ей возвратишь родное небо. Провидѣніе, благодарю тебя!

Что Emilie? Кланяйся ей.

Цѣлую тебя, ангелъ мой, *быть можетъ*, скоро, черезъ мѣсяць этотъ поцѣлуй будетъ не на письмѣ, но на твоихъ устахъ!

Твой до гроба Александръ.

21 юля 1836 г., Загорье.

Твое письмо отъ 9 числа я получила въ Москвѣ. М. С. ¹⁾ Ыхала туда за своими дѣлами, много стоило, чтобъ отпустили и меня. Но, наконецъ, я въ Москвѣ и у меня маменька ²⁾, Машенька Эрнъ ³⁾ и твое письмо! Ангелъ мой, какую боль, какое страданіе не вылечить твоя любовь? Написавъ тебѣ послѣднее письмо, во мнѣ замерло все; ожиданіе роковаго извѣстія наполнило душу какимъ-то страхомъ, ужасомъ. *Еще годъ разлуки!* Часто я вздрагивала, когда заговорить кто со мною, взойдетъ въ дверь, каждую минуту сердце обливалося кровью. Теперь... Господи! теперь, мой ангелъ, пишешь ты, все рѣшено... и я не знаю; если и разлука, Онъ хочетъ, чтобъ ты страдалъ. Да будетъ такъ, Господи. Уже душа моя не взволнована такъ. Развѣ мнѣ еще мало? Развѣ я могу требовать болѣе?

Потому-то мнѣ такъ и страшно думать о будущемъ, что оно основано *почти* на смерти другихъ ⁴⁾). При этой мысли затмѣвается все, я гоню ее, она отравляетъ душу. Да что же еще нужно намъ, ангелъ мой? Кажется, я писала тебѣ, *вѣдь, мы даны другъ другу*, и развѣ есть что болѣе, выше, чего намъ недостаетъ? Я, я не жду ничего; ты любишь меня, я боготворю тебя, счастлива, на верху блаженства твоей и своей любви, для меня нѣтъ ничего болѣе, жду одного, но и это не мало—*взглянуть* на тебя! Ахъ, ангелъ мой, клянусь тебѣ, что съ мыслью, что я любима тобою, съ возмож-

¹⁾ Марья Степановна Макашева, компаніонка княгини.

²⁾ Луиза Ивановна, мать Александра Ивановича.

³⁾ Марья Каспаровна Эрнъ, сестра вятскаго пріятеля. Теперь эта почтенная женщина живетъ въ Бернѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, профессоромъ музыки Рейхелемъ.

⁴⁾ Т.-е. княгини Хованской, у которой жила Н. А. и которая, они думали, никогда не согласится на ихъ бракъ.

ностью иногда видѣть тебя, говорить съ тобою (нѣтъ, хоть и не говорить; смотрѣть и говорить—все то же), поцѣловать тебя, я бы прожила всю жизнь. Ты говоришь, Александръ, что твой поцѣлуй будетъ первый, неправда, я видѣла во снѣ, что ты поцѣловалъ, и такъ какъ никогда никто на яву меня не цѣловалъ, даже ты, стало—это былъ первый поцѣлуй. Да что же такое, ежели мы еще нѣсколько лѣтъ проживемъ такъ, какъ, помнишь, при Emilie? Суббота или воскресенье, воскресенье или суббота—счастливые дни ¹⁾). Тогда я буду благословлять и плѣнь мой, и мое рабство, только Emilie ужаснется этого ²⁾), а я съ восхищеніемъ жду твоихъ посѣщеній. Ахъ, не правда ли, ангелъ мой, какое блаженство, какъ мы счастливы другъ другомъ! Правда, не можно при нихъ; но, вѣдь, только языку могутъ они запретить, а не глазамъ: развѣ не довольно и того, чтобъ смотрѣть на тебя? Ахъ, какая страшная мысль! Боже мой, желать смерти для своего счастья—можетъ ли тутъ быть счастье? Я же, повѣрь, Александръ, всѣхъ ихъ люблю теперь болѣе прежняго. Тогда ничто не сметало праха съ души моей, и она была такъ мелка, что останавливалась на всѣхъ ничтожныхъ неприятностяхъ и болѣла при малѣйшихъ ударахъ, а теперь я вижу, что они мнѣ не сдѣлали ничего, что они думали сами для себя и заслуживаютъ одно состраданіе. И теперь я, *сколько могу*, избавляю ихъ (отъ) неприятнаго, и мнѣ самой лучше. Пусть кругомъ меня будутъ дикіе звѣри, лишь бы видать тебя хоть разъ въ недѣлю! Прости, ангелъ мой, цѣлую тебя.

31-е.

Поздравительное твое письмо получено ³⁾). Конечно, это можетъ мирить васъ ⁴⁾ нѣсколько, а чтобы совершенно переимѣнить мнѣніе к. ⁵⁾),—это, мнѣ кажется, не легко. О, Александръ, мой Александръ! Сколько жертвуешь ты для меня, какъ унижаешь себя! О, ангелъ мой, еслибъ я могла выразить тебѣ, сколько я счастлива, но, нѣтъ, земной языкъ недостаточенъ, да и зачѣмъ? Будто ты самъ не знаешь. Какъ много твердятъ о любви, какъ многое называютъ ею, и какъ мало душъ, которыя понимаютъ ее!... Иль она божественная печать многихъ избранныхъ?

Сколькихъ знаю я, которые говорятъ: *я люблю*, но никогда ни

¹⁾ Въ эти дни А. И. обыкновенно ходилъ въ домъ княгини Хованской, гдѣ его ждала съ нетерпѣніемъ Н. А. вмѣстѣ съ своею молодецкою гувернанткой Эмилией Михайловной Аксбергъ.

²⁾ Т.-е. что они будутъ только церемонно видаться при другихъ.

³⁾ Получено кн. Хованскою къ ея именинамъ, 22 іюля.

⁴⁾ Княгиню и А. И.

⁵⁾ Княгини Хованской.

въ одной душѣ я не видала тѣни той любви, которою соединилъ насъ Богъ. Много читала, много слыхала о любви и нигдѣ не находила подобной тому чувству, которое мы съ тобой звали «дружбою», а потому я была увѣрена, что чувство дружбы ничто въ свѣтѣ не можетъ перевѣсить. Помнишь ли, помнишь ли ты, Александръ, ту жалкую дѣвочку, которая, молча, почти украдкой, бывало, смотрѣла на тебя, которая едва ли заслуживала твоего воспитанія, вспомни ее, съ нея ты нечаянно сбросилъ все людское и нашелъ одну чистую, святую любовь.

Что было съ тобой 20-го числа¹⁾? Я не помнила себя весь день (тогда у насъ былъ Лев. Ал.²⁾ и сестра³⁾! Каждая минута, проведенная съ тобою два года тому назадъ въ этотъ день, приходитъ мнѣ на умъ, каждое слово твое горѣло на сердцѣ—и какъ все живо! Помнишь, ты сидѣлъ со мною въ каретѣ у насъ⁴⁾? Какъ прежде проходилъ мимо, какъ всѣ вмѣстѣ бродили по могиламъ, потомъ какъ незамѣтно мы отдѣлились отъ толпы. Ахъ, помню, помню, тогда исчезло для меня все, тогда я видѣла и слышала только брата моего Александра и его любимую колокольню⁵⁾. Разставшись, долго глядѣла на тебя, долго прислушивалась къ стуку колесъ, которыя увозили отъ меня такъ далеко, такъ надолго все, чѣмъ я жила, чѣмъ дышала! И все-то это прошло! Александръ, Александръ, ангелъ мой, какъ я люблю тебя!

1-е августа.

Насталъ и августъ!...

2-е, воскресенье.

Александръ, Александръ! Боже мой! дай же мнѣ силы пережить эти дни! Вчера я была у обѣдни, вчера я молилась. Никогда душу мою не волновали такъ страшно безнадежность и отчаяніе, и никогда не отдавалась я Его Провидѣнію съ такою полною увѣренностью. Вчера, какъ нарочно, пѣли этотъ дивный канонъ Богоматери. 24 дня остается⁶⁾... Что ты теперь? Ахъ, что съ тобой, другъ мой, или ты въ хлопотахъ и собираешься въ Москву? Ахъ, еслибъ

¹⁾ Какъ уже говорилось раньше, 20 іюля 1834 г. было свиданіе А. И. и Н. А. на Ваганьковскомъ кладбищѣ, а въ слѣдующую же ночь А. И. былъ арестованъ.

²⁾ Левъ Алексѣевичъ, дядя-сенаторъ.

³⁾ Должно быть, дочь Льва Алексѣевича, Софья Львовна, вышедшая потомъ замужъ за Полѣнова, или же прїѣзжая сестра Н. А.

⁴⁾ Когда ѣхали со скачекъ на Ваганьковское кладбище. Въ „Запискахъ“ объ этой встрѣчѣ рассказывается нѣсколько иначе.

⁵⁾ Колокольню Ваганьковской церкви.

⁶⁾ До именинъ Натальи Александровны,—день, къ которому думалъ прїѣхать А. И., если бы изъ Петербурга получился благопріятный отвѣтъ на бумагу объ его переводѣ.

это было такъ! Нѣтъ, не могу писать, прости, ангелъ мой. Придетъ ли пора сказать: здравствуй? Придетъ ли пора обнять не заочно?

3-е августа.

Ты говоришь—дружба. Я весь свѣтъ люблю тобою, но даже для меня нѣтъ тѣхъ дней, которые я проводила (бы) въ однихъ воспоминаніяхъ о моихъ друзьяхъ, я равнодушно читаю ихъ письма, равнодушно думаю о свиданіи съ ними; нѣтъ, нѣтъ, у меня нѣтъ ни кого, кромѣ тебя, нѣтъ ничего, кромѣ любви. Всѣ они потонули, какъ звѣздочки, въ сіяніи солнца: я не очарована болѣе ими, я не восхищаюсь ихъ дружбой. Что они, когда есть *ты*, что ихъ дружба, когда ты любишь меня? Но, все-таки, я ихъ люблю, они вѣчно мнѣ родные. О, много отрадныхъ часовъ давала мнѣ дружба; я готова для нихъ сдѣлать многое, но отдать имъ себя такъ, какъ прежде... я не принадлежу себѣ болѣе. О, прелестный другъ мой, о, дивный мой Александръ! За что такъ обидѣла тебя судьба, за что такъ много она дала мнѣ?

Вчера пошли мы въ лѣсъ и нечувствительно пришли, куда же? Въ Царицыно. Оно болѣе трехъ верстъ отъ насъ ¹⁾. Всѣ устали ужасно, но у всѣхъ еще доставало силы восхищаться прекраснымъ садомъ, а я бродила сиротою, не чувствительна къ усталости, не чувствительна къ красотамъ природы и трудамъ человѣка. Я такъ полна тобою, ничто, ничто меня не трогаетъ, забываю время, когда утро и послѣ обѣда. О, Александръ, пережилъ ли кто въ 80 лѣтъ болѣе, нежели я въ 18, или, лучше сказать, въ 8 мѣсяцевъ?

Эмилія пишетъ мнѣ, но рѣдко и мало. Я не пеняю ей за это: я ее знаю. Къ ней же я пишу, хоть и мало, но часто. Зимой она приѣдетъ въ Москву. Несчастливая, она лишена всего на свѣтѣ! У нея отняли все и въ цвѣтъ лѣтъ ²⁾... Дивлюсь ея твердости, я бы давно лежала въ могилѣ:

Сноснѣе тлѣть въ землѣ сырой,
Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.

И Полина несчастна? Александръ, скажи, что же сдѣлала я, чѣмъ заслужила я такое блаженство? Сколько высокихъ и чистыхъ ушь испытываютъ одно страданіе, а я, я... но и для нихъ, можетъ, свѣтило солнце, и мое будущее закрыто. Только я знаю, что и несчастна не буду никогда. Прощай, ангелъ мой. Долго не посылаютъ къ тебѣ моихъ писемъ,—что дѣлать?—помочь этому нельзя, но

¹⁾ Отъ Загорья, гдѣ жила Наталья Александровна съ княгиней Хованской.

²⁾ Намекъ на то, что Н. М. Сатинъ охладѣлъ къ Эмиліи Михайловнѣ.

когда-нибудь ты получишь и это, и оно принесетъ тебѣ хоть каплю радости. Другъ мой, не забывай же моей молитвы, не упадай подъ ударами. Можетъ, Провидѣніе испытуетъ твою твердость. Если-жь позволеніе пришло ¹⁾, лети, лети скорѣе къ твоей Наташѣ. Цѣлую, обнимаю тебя, Господь съ тобой!

Твоя вѣчно *Наташа*.

Поиниѣ жму руку. Желала бы встрѣтиться съ нею, только тогда, когда прошли бы всѣ тучи.

Теперь у насъ гоститъ дочь священника ²⁾. Я думаю, ты помнишь ее, — ее зовутъ Сашей. Тоже прекрасное созданіе, и за что люблю ее болѣе: разъ она писала мнѣ о тебѣ и, вмѣсто всего твоего имени, написала *А* (окруженное лучами) ³⁾. Не правда ли, какъ полно она выразила свое понятіе о тебѣ?

Еще прощай, еще цѣлую, еще обнимаю.

Твоя *Наташа*.

Что твой Эрнъ? ⁴⁾ Я ужасно люблю его сестру, — прелестное существо! ⁵⁾

(1-го августа 1836 г., Вятка.

Хочу опять сказать тебѣ, ангелъ мой, нѣсколько словъ о себѣ, о внутренней жизни моей. Можетъ, скоро явлюсь я въ твои объятія. Можетъ, ты найдешь перемѣну во мнѣ, и потому вотъ полный отчетъ о себѣ. Да, во мнѣ есть перемѣны послѣ 20 іюля 1834 г., послѣ 9 апрѣля 1835 г. и, наконецъ, послѣ декабря 1835 г. Какъ мало времени, но сколько происшествій, опытовъ, испытаній, чувствъ и мыслей! Сначала, мрачное заключеніе, угрозы, — словомъ, тюрьма подняла меня, я узналъ свою силу, свою твердость, повторяю — я былъ поэтъ! И эта поэма кончилась восторгомъ самымъ чистымъ, самымъ небеснымъ — свиданіемъ съ тобою, твоею любовью; но испытаніе не должно было кончиться этимъ, я узналъ себя токмо на одномъ поприщѣ. Ссылка и вмѣстѣ съ нею частная воля, новый образъ жизни. Тогда я упалъ; можетъ, слишкомъ на-

¹⁾ Позволеніе вернуться въ Москву.

²⁾ Дочь священника отъ Воскресенія Словущихъ, чтѣ на Малой Бронной, въ Москвѣ, — Александра Григорьевна Клиентова, въ замужствѣ Лаврова. Переписка съ ней Натальи Александровны напечатана въ *Русской Старинѣ* (мартъ 1892 г.). А. Г. еще и сейчасъ здравствуетъ, хотя уже и старенькою старушкой. Съ любовью и благоговѣніемъ и сейчасъ вспоминаетъ она Наталью Александровну, которая въ то время имѣла на нее сильное вліяніе.

³⁾ Это *А* изображено здѣсь графически.

⁴⁾ Гавриилъ Каспаровичъ Эрнъ, чиновникъ, служившій при вятскомъ губернаторѣ.

⁵⁾ Сестра Эрна, Марья Каспаровна.

пряженное состояніе души въ заключеніи требовало этой жертвы. Твой голосъ, какъ голосъ Бога къ избранному народу, воскресилъ меня, но мнѣ нужна была опора твердая, крѣпкая. Душа вырвалась уже отъ пыли земной, но тѣло еще лежало, и (дивись) Провидѣнію! въ самое это время явился Витбергъ. Наша жизнь встрѣтилась, наши несчастія насъ сблизили, и еще болѣе симпатія души тѣсно и крѣпко связала мою жизнь съ его жизнью. Великій человекъ, великій художникъ, испытавшій верхъ славы и верхъ несчастія, видѣвшій почти исполненною свою гигантскую мечту и плакавшій на развалинахъ ея, этотъ человекъ остался твердъ и прямъ, какъ колонна каррарскаго мрамора, и такъ же бѣлъ, какъ она; напрасно бросали грязь въ нее: грязь смылась (можетъ, слезою). Чувствуя возлѣ себя этого сильнаго человека, я оттолкнулъ послѣднюю слабость, потомъ же высокое чувство любви, любви не сладострастной, но небесной, утвердило на прочныхъ камняхъ мое нравственное бытіе, и я выросъ. Пустая жизнь первыхъ мѣсяцевъ здѣсь оставила (только) опытъ и раскаяніе, послѣдующая заставила меня сознаться въ новыхъ силахъ души, я приобрѣлъ болѣе положительности и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, я научился обуздывать себя, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, усилилась и мысль, и дѣйствіе. Вотъ тебѣ еще клочокъ моей исповѣди. Кому же, какъ не тебѣ, долженъ я рассказывать все заповѣдное моей души, тебѣ, которой я отдалъ и душу, и сердце, и жизнь?

Въ *Телескопѣ* напечатана моя статья *Гоббсманъ*, въ 10 № за 1836 годъ ¹⁾. Пишу тебѣ для того, что ты, вѣрно, равнодушно не взглянешь на подпись *Искандеръ*. Впрочемъ, ее (напечатали) небрежно... ²⁾, не знаю даже, кто это вздумалъ.

Опять долго нѣтъ твоихъ писемъ, цѣлыя три недѣли. Я знаю, что это не отъ тебя, а отъ отправления, и потому не ропщу, но, признаюсь, когда приходитъ почтовый день, когда приносятъ письма и нѣтъ отъ тебя, мнѣ становится тяжело и грустно, я кусаю губы и готовъ плакать. О, мой ангелъ, моя божественная, какъ я люблю тебя!

4 августа.

Черезъ три недѣли твои именины ³⁾. О, какъ пламенно желалъ бы

¹⁾ Это первая печатная статья А. И. Еще до ссылки у него были двѣ тетради, гдѣ онъ вносилъ свои мысли послѣ каждой прочитанной книги или статьи. Обѣ тетради были исписаны съ начала до конца. Въ Вяткѣ онъ обработалъ одинъ изъ нихъ набросковъ, и изъ него вышла статья подъ названіемъ: *Гоббсманъ*.

²⁾ Не разобрано нѣсколько словъ.

³⁾ 26 августа, день святыхъ Адриана и Наталіи.

я въ этотъ день тебя видѣть! Это была моя мечта... ¹⁾, это не выходило у меня изъ головы, и, кажется, почти нельзя падѣяться, можетъ, потому, что ужь слишкомъ близко, что столько блаженства нельзя себѣ представить. Отвѣта еще нѣтъ изъ Питера. Но ежели это случится?... Зачѣмъ послѣ жить? Тогда земное все совершено, тогда должно бы было умереть, ежелибъ не было еще другого призванія, ибо хотя мысль славы теперъ не такъ душитъ меня: любовь все облагородила, но совершенно съ этою мыслью я разстаться не могу. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты не можешь себѣ представить, не можешь, того моря блаженства, которое раскроетъ тебѣ моя любовь; она поглотитъ тебя. Мною, во мнѣ будетъ твоя жизнь.

5-го августа.

Опять почта и опять не прислано твоихъ писемъ. Неужели и маменька не чувствуетъ, что такое для меня твои письма? Какъ это больно! Прощай, прижимаю тебя къ сердцу.

Твой и навѣки

Александръ.

Я занятъ очень литературнымъ трудомъ, о которомъ скажу послѣ.

7-го августа 1837 г., Загорье.

Александръ, Александръ! Дай силы мнѣ нести все блаженство, которымъ ты даришь меня непрерывно, ангель мой! Каждое слово твое перечитываю съ новымъ наслажденіемъ, въ каждой строфѣ неисчерпаемое счастье, каждая изъ нихъ такъ полна любовью, такъ полна—и чьею же любовью? О, Александръ, и ты же придаешь мнѣ столько, что вся душа моя передъ одною твоею мыслью, передъ однимъ чувствомъ твоимъ? Нѣтъ, полно же, не называй себя земнымъ огнемъ, не зови меня луною, вѣдь, ужь я сказала: ты солнце, я звѣздочка, и мой свѣтъ угасъ при появленіи одного луча твоего; не спорь же, мой Александръ, скажи и ты: «да, Наташа, я солнце (о, какъ идетъ къ тебѣ это названіе, золотое мое солнышко!), а ты—звѣздочка, капля твоего свѣта потонула (а не исчезла) въ морѣ моего огня». Ну, пусть буду я восточною звѣздой, ей много подобныхъ, она только немного ярче другихъ.

Господи! Долго-ль же, Александръ, будетъ томить меня это *можетъ быть?* Ты все обнадеживаешь меня: писалъ, что 20-го іюля придетъ отвѣтъ, потомъ пишешь уже и отъ 23-го, а все неизвѣстность! Письмо твое я получила третьяго дня передъ тѣмъ, какъ ло-

¹⁾ Не разобрано.

житься спать. Прочтя его, долго не могла заснуть: ты непрерывно являлся мнѣ то въ прошломъ высокою тайной, передъ которою я съ благоговѣніемъ поверглась въ прахъ, то въ будущемъ... и эти-то святые мечты убаюкали меня и навѣяли на душу дивный сонъ. Передъ разсвѣтомъ я уснула и вижу, ты пріѣхалъ и стоишь въ стеклянныхъ дверяхъ у корридора, ожидаешь, чтобъ я нечаянно встрѣтилась съ тобой. Я бросилась къ тебѣ, и весь міръ забытъ, не только грозные взоры! Не ручаюсь и на яву; до нихъ ли мнѣ тогда будетъ, когда я увѣрюсь, что предо мною *ты*? Ты только смотрѣлъ на меня и улыбался, я долго цѣловала тебя, и потомъ много мы смотрѣли другъ на друга, долго-долго... Проснувшись, я было закричала: гдѣ-жь ты, Александръ? На что-жь, на что-жь просыпаться, зачѣмъ разбудила меня судьба? Пусть бы длился этотъ сонъ до твоего пріѣзда!

Вчера мы были въ Царицынѣ; съ нами ѣздилъ Воробьевъ¹⁾. Я, право, чуть не заплакала, зачѣмъ не ты на его мѣстѣ? О, какъ бы неизъяснимо протекли эти три часа, которые мы провели тамъ! Садъ хорошъ, но что-то грустенъ, мраченъ. Пустыя аллеи, покиннутый дворецъ дышать тоской, и тамъ мнѣ еще грустиѣе стало. Да, я не знаю, гдѣ я найду удовольствіе безъ тебя; куда ни приду, все кажется опустѣлымъ, тоскующимъ о тебѣ. О, зачѣмъ, зачѣмъ, увѣряешь меня, Александръ, что ты сдѣлаешь меня счастливой? Не довольно ли смертному только любить, чтобы быть счастливымъ? А я—я люблю, я любима! *И какъ люблю и какъ любима!*

Пусть мое будущее будетъ мрачнѣе прошедшаго, я не смѣю требовать большаго счастья на землѣ. Но твои слова: «Пострадай, Наташа, за будущее благоденствіе» пишутъ небесными красками картины будущаго, и душа засмотрится на нихъ, и уже настоящаго ей мало!

8-е.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ видно, что ты немного спокойнѣе, и я спокойнѣе. Ужасна, несносна разлука, но когда я знаю, что она тягостна и для тебя, мученія ея увеличиваются. Я жду тебя, ангель мой; ты преобразишь меня: тогда, тогда только, можетъ быть, я буду тѣмъ, что ты воображаешь во мнѣ. Я трепещу твоего разочарованія: знаю, во мнѣ нѣтъ сотой доли твоего идеала, развѣ одна тѣнь его, но ты, ты можешь все, ты одушевишь эту тѣнь, ты сдѣлаешь ее божествомъ, ангеломъ. Съ тобою, о, я знаю, съ тобою я буду выше существъ обыкновенныхъ, одно присутствіе твое освятитъ меня, и какъ же не быть святою съ тобой? Всю жизнь я знала

¹⁾ Воробьевъ, годовой докторъ у княгини Хованской.

только Бога и тебя, всю жизнь любила только Его и тебя, въ душѣ своей я не вижу ничего, кромѣ тебя, люблю тебя за одну любовь твою ко мнѣ; кажется, я вся созданіе твоей любви, но, можетъ быть, люди навѣяли на меня и своего... О, страшно, страшно, ангелъ мой, Александръ, пусть лучше Богъ возьметъ у меня жизнь, нежели бы ты увидѣлъ во мнѣ недостатокъ; а это легко можетъ быть: ты не жилъ со мною, можетъ быть, во мнѣ много и дурнаго... ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть: тогда бы я не любила тебя. Можетъ ли существо, понявшее тебя, любившее тебя, имѣть большіе недостатки? Нѣтъ. И потому я имѣю какое-то особенное чувство ко всѣмъ тѣмъ, которые къ тебѣ были равнодушны. Не знаяши Мед.¹⁾, я люблю ее всею душой, мнѣ жаль ее, ужасно жаль, и божусь тебѣ, Александръ, готова сдѣлать многое, очень многое для того, чтобы она всю жизнь свою благословляла встрѣчу съ тобою. Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о прежней любви своей? Ангелъ мой, развѣ не то же было со мною? Вѣдь, и я воображала, что люблю Бирюкова²⁾, и вотъ что странно, я почти не смѣла открыть это самой себѣ, когда ты зналъ объ этомъ, и думала, что одно твое слово — и я перестану любить. Такъ любовь ли это? Я видѣла, что онъ не равнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ это нравилось, и поэтому нравился и онъ мнѣ. Мнѣ же было тогда 15 лѣтъ, и первая почти встрѣча была съ нимъ. Но, стало, ты сердилась на меня за это, когда говоришь, чтобы я на тебя не сердилась? Но полно же, ангелъ мой, что говорить намъ о томъ, что было прежде откровенія³⁾; теперь мы знаемъ, что мы созданы другъ для друга, что вся жизнь моя, вся душа моя — пѣснь любви къ тебѣ. О, Александръ! Когда-жь, когда-жь я обниму тебя, мой божественный другъ? Когда я услышу изъ устъ твоихъ о любви, когда прочту ее я въ глазахъ твоихъ?... Ангелъ мой, ангелъ, Александръ мой, жизнь моя, душа моя, хоть бы я издали взглянула на тебя, слышала бы только голосъ твой!... О, чѣмъ, чѣмъ, Александръ, воздамъ я тебѣ? Отдала тебѣ душу, жизнь, — этого мало: я бы желала, чтобы не было подобной той, которую ты любишь.

Прости, обнимаю тебя, цѣлую, цѣлую.

10-е.

16 дней остается до назначеннаго тобою дня⁴⁾. Я ужасно недовольна собою. Ежедневно мнѣ пеняютъ, что я не весела, задум-

¹⁾ Медвѣдовой (г-жи Р.).

²⁾ Молодой человекъ, служившій въ министерствѣ юстиціи. Онъ давно бывалъ у Насакиныхъ, родственниковъ кн. Хованской.

³⁾ Т.-е. до момента, когда они видѣлись въ Крутицахъ.

⁴⁾ Т.-е. до 26 августа, до именинъ Н. А. Къ этому дню думалъ пріѣхать А. И. въ Москву.

чива, а переѣмнись нѣтъ силъ. Тяжко принять веселый видъ. Мысль, что, можетъ быть, еще годъ розно съ тобою, гонить и самую улыбку. Видъ мой сталъ суровѣе, мрачнѣе, а это означаетъ недостатокъ твердости, слабость характера. Но что-жь мнѣ дѣлать, ангель мой? Я умѣю владѣть собою, умѣю скрывать и переносить многое, но гдѣ ты, тамъ я вся, тамъ нечего удѣлать мнѣ людямъ. Но что же?... Впрочемъ, я готова для нихъ сдѣлать и дѣлаю все, а быть веселой безъ тебя—не могу.

Александръ, ангель мой, зачѣмъ ты написалъ въ послѣднемъ твоёмъ: письмѣ «твой до гроба»³⁾? Неужели за гробомъ вѣчность безъ тебя? Но что-жь говорить о небѣ, на что искать неба? Мое небо тамъ, гдѣ ты. Я не помѣняюсь съ жителями неба, не отдамъ земного странствованія за райскую жизнь, нѣтъ, нѣтъ, Александръ мой, милый, на что же Богъ соединилъ насъ здѣсь, когда за могилой намъ вѣчная разлука? Развѣ радости небесныя могутъ замѣнить мнѣ тебя? Тобою я свята, ты мой ангель, ты мое небо, ты мой рай, моя свѣтлая жизнь; гробъ не разлучитъ насъ; мы не переживемъ другъ друга: раставшись съ тѣломъ, не двѣ души возлетятъ на небо, а одинъ ангель. Для чего же здѣсь вмѣстѣ, когда тамъ розно? Не для того ли Богъ слилъ наши существованія въ одно, чтобы мы другъ другомъ становились добродѣтельнѣе, чище, выше, святѣе, чтобы другъ другомъ сближались съ Нимъ? Не для того ли, чтобы, будучи въ обители скорби и печали, мы находили другъ въ другѣ и небо, и рай, чтобы сдѣлали себя *здѣсь* быть достойными другъ друга *тамъ*? Я твоя вѣчно, твоя и здѣсь, твоя и тамъ! Мнѣ не страшна могила, мнѣ сладко будетъ лежать и въ землѣ, по которой ты будешь ходить. Мнѣ кажется, раставшись съ тѣломъ, душа моя не покинетъ землю, когда еще на ней будешь ты, тогда она будетъ твоею спутницей, и ужъ ни языка коварнаго, ни рука злого не коснется тебя, милый мой,—душа моя охранитъ тебя (умолить) за тебя.

О, мой Александръ! Что можетъ сравниться съ тобою? Что можетъ замѣнить тебя? Если бы ты и не любилъ меня, я боготворю тебя; мое блаженство безгранично тѣмъ, что ты есть, что я тебя ачаю, что я умѣю любить тебя. Несравненный, неподражаемый! Измѣрь же, измѣрь ты самъ весь рай души моей, когда я могу навѣять тебя *моимъ Александромъ*! Будь *моимъ до гроба*, а я твоя, *вол* на вѣки! Твоя, твоя! Твоею на землѣ, твоею и въ небесахъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

³⁾ Такъ кончалъ А. П. письмо отъ 20 и 22 іюля. Только теперь (8 авг.) получаю его Н. А.

ТЕССЪ, НАСЛѢДНИЦА Д'ОРБЕРВИЛЕЙ *).

Романъ Томаса Гарди.

XLVІІ.

На фермѣ происходила молотьба послѣдняго скирда пшеницы. Ранній разсвѣтъ мартовскаго утра только что наступилъ. Въ утреннихъ сумеркахъ вырисовывалась вершина скирда, стоявшаго здѣсь подъ дождемъ и подъ снѣгомъ зимней погоды.

Когда Иццъ Гюэттъ и Тессъ пришли къ мѣсту работы, онѣ только по производимому шуму догадались, что другіе уже предупредили ихъ. По мѣрѣ того, какъ увеличивался свѣтъ, на вершинѣ скирда вырисовывались силуэты двухъ рабочихъ. Они раскрывали скирдъ, прежде чѣмъ начать бросать внизъ снопы пшеницы. Покуда продолжалась эта работа, Иццъ Гюэттъ, Тессъ и другія работницы стояли около и дрожали отъ стужи. Фермеръ Гроби велѣлъ имъ придти такъ рано, чтобы къ концу дня успѣть кончить работу. Около скирда неясно выдѣлялись очертанія молотильной машины.

Недалеко отъ нея видѣлась другая черная неясная масса, сдержанное шипѣніе которой говорило о скрывающейся въ ней силѣ. Длинная труба поднималась около большого ясеня и по теплу, исходящему изъ этого мѣста, можно было легко догадаться, несмотря на сумракъ, что здѣсь находится паровая машина. Около паровика стояла неподвижная фигура, высокое, грязное, покрытое сажей существо, какъ бы въ столбнякѣ, съ грудой углей около него: это былъ машинистъ. Онъ принадлежалъ земледѣльческому міру, но былъ чуждъ ему. Онъ служилъ огню и дыму. Со своею машиной онъ ѣздилъ отъ одной фермы къ другой, такъ какъ въ этой части Вессекса паровая машина передавалась съ одного мѣста на другое по мѣрѣ надобности. Онъ говорилъ съ сѣвернымъ акцентомъ. Его думы были

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

обращены на него самого, его глаза устремлены на его желѣзное орудіе, онъ едва замѣчалъ, что дѣлалось кругомъ него, и не чувствовалъ привязанности ни къ чему окружающему. Съ земледѣльцами онъ поддерживалъ только необходимыя сношенія. Длинный ремень, соединявшій маховое колесо его паровой машины съ молотилкой, служилъ единственнымъ звеномъ между нимъ и земледѣліемъ.

Покуда раскрывали скирдъ, онъ апатично стоялъ около своего подвижного хранилища силъ, черныя очертанія котораго все яснѣе выступали въ утреннемъ свѣтѣ. Подготовительная работа не касалась его. Огонь у него былъ готовъ, паръ находился на высокой точкѣ давленія, въ нѣсколько секундъ онъ могъ заставить двигаться длинный ремень съ неумовимою быстротой. Ему было все равно, что находилось за его предѣлами: хлѣбъ, солома или хаосъ. Если кто-нибудь изъ мѣстныхъ абorigеновъ спрашивалъ, какъ его зовутъ, онъ коротко отвѣчалъ: «Машинистъ».

Наступило уже утро, когда кончилась была подготовительная работа. Рабочіе заняли свои мѣста. Фермеръ Гроби или, какъ они называли его, «онъ», подѣхалъ къ этому времени и, по его приказанію, Тессъ стала на платформу молотилки рядомъ съ рабочимъ, который долженъ былъ бросать въ нее пшеницу; на ея обязанности лежало развязывать снопы, которые ей передавала Иццъ Гюэттъ, стоявшая на скирду.

Соро работа была въ полномъ разгарѣ послѣ одной или двухъ остановокъ, обрадовавшихъ сердца ненавистниковъ машинъ. Работа продолжалась до завтрака, тогда машина остановилась на полчаса, а послѣ отдыха всѣ второстепенныя силы фермы были заняты уборкой въ скирды соломы, которая начинала расти на ряду съ грудой зерна. Полудневали стоя, не покидая своихъ мѣсть, а еще часа черезъ четыре наступило время обѣда. Неумолимое колесо продолжало двигаться, а оглушающій гулъ машины пронизывалъ до мозга костей всѣхъ, кто стоялъ около нея.

Старикъ, воздвигавшій соломенный скирдъ, рассказывалъ о прошедшихъ временахъ, когда они всѣ молотили цѣпами на дубовомъ олу риги, когда существовала только ручная работа, которая была тя и медленнѣе, но производительнѣе, по его мнѣнію. Такъ болалъ народъ, занятый соломеннымъ скирдомъ, но обливавшіеся потомъ за работой около машины, въ томъ числѣ и Тессъ, не могли облегчить болтовней своего труда. Непрерывная работа не давала ни на минуту отдыха, такъ что она начала сожалѣть о томъ, что пришла въ Фланткомбъ-Ашъ. Работницы, передававшія снопы, въ

томъ числѣ и Маріанна, могли остановиться, чтобы время отъ времени выпить глотокъ элю или холоднаго чаю изъ бутылки; онѣ могли иногда перекинуться отдѣльными фразами, вытирая потъ съ своего лица или очищая отъ приставшей соломы свое платье. Но для Тессъ не было ни минуты отдыха. Вертящійся барабанъ не могъ остановиться, человѣкъ, бросавшій въ него хлѣбъ, тоже не могъ остановиться, и она, передававшая рабочему развязанные снопы пшеницы, не могла остановиться.

По какимъ-то экономическимъ соображеніямъ, для этой работы всегда выбиралась женщина, и фермеръ Гроби назначилъ Тессъ, потому что она, по его мнѣнію, соединяла быстроту съ ловкостью и тверже держалась на ногахъ. Шумъ молотилки, мѣшавшій говорить, превращался въ ревъ, когда ей не хватало запаса брошенной въ нее пшеницы. Тессъ и стоявшій рядомъ съ ней рабочій не могли повернуть головы отъ работы, поэтому она не знала, что около обѣденнаго времени какой-то господинъ прошелъ въ поле черезъ ворота и теперь стоялъ около второго скирда, наблюдая за всѣмъ происходившемъ, а въ особенности за Тессъ. Онъ былъ одѣтъ въ платье изящнаго покроя и вертѣлъ въ рукахъ красивую тросточку.

— Кто это?—спросила Иццъ Гюэттъ Маріанну.

Она сначала обратилась съ этимъ вопросомъ къ Тессъ, но та не слыхала ее.

— Какой-нибудь франтъ, должно быть, — лаконически отвѣтила Маріанна.

— Держу пари на гинею, что онъ здѣсь ради Тессъ.

— О, нѣтъ! За ней бѣгалъ пасторъ, а не дэнди, какъ этотъ.

— Это тотъ же самый человѣкъ.

— Тотъ же, что проповѣдникъ? Но онъ совсѣмъ не похожъ на него!

— Онъ снялъ съ себя черную одежду и бѣлую косынку, а также сбрилъ свои бакенбарды, но это все же тотъ же самый человѣкъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь? Такъ я скажу ей, — сказала Маріанна.

— Не говори. Она и такъ довольно часто видитъ его.

— Хорошо. Съ его стороны очень дурно говорить проповѣди и ухаживать за замуженною женщиной, даже если мужъ ея далеко и она почти какъ вдова.

Наступило время обѣда и молотилка остановилась. Когда Тессъ сошла съ своего мѣста, ноги ея такъ дрожали, что она съ трудомъ могла двигаться.

— Тебѣ надо было бы время отъ времени прикладываться къ бутылкѣ, какъ я, — сказала Маріанна.

— Тогда бы ты не была блѣдна. У тебя совсѣмъ измученное лицо.

Добродушная Маріанна видѣла, что Тессъ очень устала, и ей пришла мысль, какъ бы она не лишилась аппетита, увидѣвъ гостя. Чтобы избѣжать встрѣчи, она повела ее къ лѣстницѣ по другую сторону скирда, но джентльменъ вышелъ изъ-за скирда и смотрѣлъ вверхъ на нихъ.

Тессъ вскрикнула съ испугомъ:

— О! — и прибавила быстро: — Я пообѣдаю здѣсь на скирду.

Иногда, когда далеко было идти домой, онѣ всѣ обѣдали такимъ образомъ, но сегодня дулъ сильный вѣтеръ, поэтому Маріанна и всѣ остальные сѣли внизу подъ соломеннымъ стогомъ.

Незнакомецъ былъ дѣйствительно Алексъ д'Орбервиль, недавній проповѣдникъ евангелія. По первому взгляду можно было увидеть, что прирожденные свойства его натуры снова вернулись къ нему. Онъ снова былъ тѣмъ, какимъ Тессъ знала его четыре года тому назадъ. Рѣшившись остаться на скирду, Тессъ сѣла между снопами, такъ что ей не видно было земли, и принялась за ѣду; но по лѣстницѣ раздалась шаги, все ближе, ближе, и вскорѣ Алексъ появился наверху скирда; онъ прошелъ къ ней по снопамъ и молча опустился противъ нее.

Тессъ продолжала свой скромный обѣдъ, состоявшій изъ куска толстой лепешки, которую она принесла съ собой. Весь остальной народъ собрался внизу около скирда, гдѣ разбросанная солома представляла довольно комфортабельное убѣжище.

— Я снова здѣсь, какъ вы видите, — сказалъ д'Орбервиль.

— Зачѣмъ вамъ надо смущать меня? — воскликнула она.

— Я смущаю *васъ*? Скорѣе мнѣ надо было бы спросить, зачѣмъ вы смущаете меня?

— Но я ничѣмъ не смущаю васъ.

— Вы говорите, что вы не смущаете меня? Но вы смущаете! Вы посѣщаете меня. Вотъ сейчасъ вы посмотрѣли на меня съ горькимъ упрекомъ во взглядѣ, и я буду видѣть ваши глаза съ тѣмъ же выраженіемъ днемъ и ночью. Тессъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы жазали мнѣ о ребенкѣ, со мной совершается переворотъ. Всѣ силы моея души, подобно потоку, стремились къ небесамъ, но вдругъ на своемъ пути они встрѣтили открытыя шлюзы по направленію къ вамъ и ринулись снова на старый путь. Путь ко спасенію ставленъ навсегда, и вы сдѣлали все это, *вы!*

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Какъ, вы совсѣмъ оставили свои проповѣди? — спросила она.

Она достаточно наслушалась отъ Энджеля, чтобы презирать внезапные порывы религіознаго энтузіазма, но, какъ женщина, она все же страшилась неизвѣстности.

Съ дѣланнымъ равнодушіемъ д'Орбервилъ продолжалъ:

— Совершенно. Я покончилъ съ этимъ навсегда въ тотъ самый день, когда я долженъ былъ говорить проповѣдь несчастнымъ пропойцамъ на Кастербридской ярмаркѣ. Одинъ чортъ знаетъ, что думаетъ обо мнѣ теперь братія. Ха, ха! Братія! Безъ сомнѣнія, они молятся теперь обо мнѣ, плачутъ обо мнѣ; они въ своемъ родѣ добрый народъ. Но что же мнѣ было дѣлать? Развѣ я могъ продолжать прежнее дѣло, когда я потерялъ вѣру въ него? Это было бы самое низкое лицемеріе съ моей стороны... Какъ вы жестоко отомстили мнѣ! Вы были невинны, когда я узналъ васъ, и я обольстилъ васъ. Три съ половиной года спустя вы встрѣтили меня ревностнымъ христіаниномъ, и вы лишили меня вѣры, можетъ быть, на мою окончательную погибель. Но, Тессъ, моя кузиночка, какъ я раньше звалъ васъ, вѣдь, это я только такъ говорю, и вы не должны смотрѣть на меня съ такимъ отчаяннымъ видомъ. Въ концѣ-концовъ, вы ни въ чемъ не виноваты. Ваша вина только въ томъ, что вы сохранили ваше хорошенькое личико и прелестную фигуру. Я видѣлъ васъ на скирду, прежде чѣмъ вы замѣтили меня. Эта грубая одежда и этотъ чепчикъ такъ идутъ къ вамъ. Деревенскія дѣвушки не должны были бы носить такихъ чепчиковъ, если не хотятъ подвергаться опасности. — Онъ нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на нее и потомъ прибавилъ съ короткимъ циничнымъ смѣхомъ: — Если бы ученый апостолъ, чьимъ представителемъ я былъ, могъ видѣть такое хорошенькое личико, онъ, конечно, также, какъ и я, оставилъ бы ради него свое святое дѣло.

Тессъ хотѣла возражать ему, но при такомъ заключеніи все ея краснорѣчіе оставило ее. Онъ продолжалъ:

— Рай, который можете дать вы, лучше всякаго другого. Но я буду говорить серьезно, Тессъ.

Д'Орбервилъ всталъ, подошелъ ближе и опустил ся снова на спопы, опершись на локоть.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, я много думалъ о томъ, что вы передавали мнѣ изъ того, что говорилъ *онъ*. Я пришелъ къ заключенію, что этимъ старымъ, обветшалымъ предписаніямъ религіи недостаетъ здраваго смысла. Какъ

я могъ такъ страстно увлекаться энтузіазмомъ бѣднаго Парсона Клэра, какъ я могъ съ такимъ пыломъ приняться за дѣло, что даже перегналъ его въ своемъ рвеніи,—я не могу теперь понять. Вы мнѣ говорили также въ послѣдній разъ,—тоже со словъ вашего удивительнаго мужа, имени котораго вы мнѣ не хотите сказать,—что можно имѣть, какъ они это называютъ, этическую систему безъ какого бы то ни было догмата, но этого я тоже не могу понять.

— У васъ можетъ быть религія милосердія и непорочности, хотя бы вы и не вѣрили въ догматъ, какъ они это называютъ.

— О нѣтъ! Я не такъ созданъ! Если нѣтъ никого, кто могъ бы сказать мнѣ: «дѣлай это, и ты получишь награду послѣ твоей смерти, дѣлай то, и ты получишь возмездіе»,—я не могу воспламениться. Чортъ побери, я не могу чувствовать отвѣтственности за свои поступки и страсти, если нѣтъ никого, передъ кѣмъ я могъ бы быть отвѣтственнымъ!

Она пробовала возражать ему, сказать, что онъ смѣшиваетъ теологию и мораль, которыя такъ различались въ первые вѣка жизни человѣчества. Но она не умѣла спорить,—Энджелъ Клэръ все же слишкомъ мало говорилъ ей; она руководствовалась скорѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ, и потому не могла развить свою мысль.

— Ну, хорошо, не все ли равно?—заклучилъ онъ.—Я слова здѣсь, дорогая моя, какъ въ прежнія времена.

— Не такъ, какъ прежде, не такъ, теперь совсѣмъ не то!—воскликнула она.—Я и прежде никогда не любила васъ. О, зачѣмъ вы не вѣрите больше, если потеря вѣры заставляетъ васъ говорить мнѣ такія вещи?

— Вы сами выбили ее изъ меня. Все зло исходитъ изъ вашей милой головки. Ха, ха! Я все же очень радъ, что вы сдѣлали изъ меня вѣроотступника. Я теперь еще больше люблю васъ, чѣмъ прежде, и я жалѣю васъ. Несмотря на вашу сдержанность, я вижу, какъ вамъ плохо живется,—тотъ, кто долженъ былъ бы любить васъ, пренебрегаетъ вами.

Кусокъ остановился у нея въ горлѣ; ея губы пересохли, она задыхалась. Голоса и смѣхъ рабочихъ, обѣдавшихъ подъ скирдомъ, глухо долетали до нея, какъ будто бы они были за четверть мили отсюда.

— Это жестоко съ вашей стороны,—сказала она.—Какъ можете вы говорить это, если хоть немного любите меня?

— Правда, правда,—сказалъ онъ, немного тронутый.—Я не долженъ упрекать васъ за свое паденіе. Я пришелъ сказать вамъ, Тессъ, что я не хочу, чтобы вы продолжали эту тяжелую работу.

Вы говорите, что у васъ есть мужъ другой, не я. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но я никогда не видѣлъ его, а вы не хотите сказать мнѣ его имени; это, повидимому, какое-то мистическое существо. Но если онъ даже и существуетъ, я ближе къ вамъ, чѣмъ онъ. Я все же стараюсь какъ-нибудь помочь вамъ въ вашемъ бѣдствіи, а онъ ничего не дѣлаетъ. Тессъ, знаете слова пророка: «И она послѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ, но не догонитъ его, она будетъ искать его, но не найдетъ; и тогда она скажетъ себѣ: пойду и вернусь къ моему прежнему мужу, потому что тогда мнѣ было лучше, чѣмъ теперь». Тессъ, мой экипажъ ждетъ у подошвы холма!...

Ея лицо горѣло густымъ румянцемъ негодованія, но она продолжала молчать.

— Вы виноваты въ моей гибели, — весело продолжалъ онъ, — теперь вы должны раздѣлить со мной мою судьбу и оставить навсегда то животное, которое вы называете своимъ мужемъ.

Одна изъ ея кожаныхъ перчатокъ, которую она сняла, чтобы ѣсть свою лепешку, лежала у нея на колѣняхъ. Она схватила ее и, не помня себя отъ негодованія, ударила его ею прямо по лицу. Перчатка, толстая и тяжелая, какъ у солдата, поранила ему губы. Пылкая фантазія могла бы увидать въ этомъ поступкѣ отголосокъ стараго рыцарскаго обычая, къ которому, конечно, не разъ прибѣгали ея закованные въ латы предки. Алегъ въ бѣшенствѣ вскочилъ. Маленькое кровавое пятнышко показалось у него на губахъ и черезъ минуту кровь закапала на солому. Но онъ сейчасъ же овладѣлъ собой, спокойно вынулъ носовой платокъ и приложилъ его къ губамъ.

Она тоже вскочила, но опять опустилась на снопы.

— Теперь казните меня! — воскликнула она, смотря на него отчаяннымъ взглядомъ, съ какимъ пойманный воробей смотритъ на своего мучителя. — Бейте меня, рѣжьте меня; не бойтесь народа, я не буду кричать. Жертва однажды, жертва навсегда — таковъ законъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Тессъ, — нѣжно сказалъ онъ. — Я не могу сердиться на васъ. Но вы несправедливы ко мнѣ; вы забыли одно обстоятельство, вы забыли, что я женился бы на васъ, если бы могъ. Развѣ я не просилъ васъ быть моею женой, скажите?

— Да, вы просили.

— Но вы не можете. Помните только одно. — Въ его голосѣ зазвучали жесткія ноты. Онъ вспомнилъ, какъ искренно просилъ онъ ее быть его женой, и вотъ какъ она отплатила ему! Гнѣвъ снова овладѣлъ имъ. Онъ подошелъ къ ней и схватилъ ее за плечи такъ сильно, что она пошатнулась. — Помни, когда-то я былъ

твоймъ господиномъ. Я снова буду имъ. Чью бы женой ты ни была, ты моя!

Внизу между молотильщиками послышалось движеніе.

— Не будемъ ссориться, — сказалъ онъ, выпуская ее. — Теперь я оставлю васъ, но приду сегодня опять за вашимъ отвѣтомъ. Вы еще не знаете меня, но я хорошо знаю васъ.

Она ничего не отвѣчала и сидѣла, какъ въ столбнягѣ. Д'Орбервиль прошелъ по снопамъ и спустился съ лѣстницы, въ то время, какъ рабочіе внизу вставали, потягиваясь, расправляя свои члены и стараясь стряхнуть легкой хмѣль отъ выпитого пива.

Молотилка снова была въ полномъ ходу. И при возобновившемся шумѣ около вертящагося барабана Тессъ обдумывала свое положеніе, бессознательно, какъ бы во снѣ, развязывая одинъ снопъ за другимъ

XLVIII.

Послѣ обѣда фермеръ объявилъ, что надо непременно сегодня же покончить со скирдомъ, хотя бы ночью, такъ какъ на слѣдующій день машинистъ со своею машиной долженъ отправиться на другую ферму. Послѣ этого заявленія движеніе, шумъ и ревъ продолжались еще съ меньшими перерывами, чѣмъ обыкновенно.

Около трехъ часовъ Тессъ подняла глаза и оглянулась кругомъ. Она немного удивилась, увидавъ, что Алексъ д'Орбервиль уже вернулся и стоялъ около забора у воротъ. Встрѣтивъ ее взглядъ, онъ ласково махнулъ ей рукой и послалъ воздушный поцѣлуй, давая этимъ знать, что ссора ихъ кончена. Тессъ поспѣшно отвела глаза и потомъ тщательно избѣгала смотрѣть въ ту сторону.

Такъ проходило послѣобѣденное время. Пшеничный скирдъ становился все ниже, соломенный все выше; мѣшки съ зерномъ наполнялись и увозились. Въ шесть часовъ пшеничный скирдъ былъ уже только по плечо взрослому человѣку. Но казалось, что остается еще безчисленное множество необмолоченныхъ сноповъ.

Послѣ пасмурнаго дня близившееся къ закату солнце вдругъ взглянуло на небѣ и освѣтило мѣдно-краснымъ свѣтомъ усталыя, потныя лица молотильщиковъ и развѣвающіяся платья женщинъ, очно охваченныя пламенемъ.

Усталость овладѣвала всѣми. Мало-по-малу самыя свѣжія лица приняли землистый оттѣнокъ. Когда Тессъ поднимала голову, на видѣла все тотъ же постепенно возрастающій скирдъ соломы

съ рабочими на вершинѣ, выдѣляющейся на пасмурномъ небѣ. Съ передней стороны его тянулся длинный красный соломотрясъ; по немъ непрерывно поднимался вверхъ потокъ соломы и разливался на вершинѣ скирда.

Она знала, что Алексъ д'Орбервиль здѣсь и продолжаетъ наблюдать за ней съ той или съ другой стороны, хотя и не могла бы сказать, гдѣ именно онъ находится. Его присутствіе здѣсь могло имѣть объясненіе. Когда обмолачиваемый скирдъ приближался къ концу, начиналась травля крысъ, скрывавшихся подъ послѣднимъ рядомъ сноповъ. Для этого въ своемъ родѣ спорта приходили часто люди, не имѣющіе никакого отношенія къ молотбѣ,— джентльмены съ собаками и со свистками, парни съ палками и съ камнями.

Но до травли крысъ остался еще часъ-другой работы. Когда угасъ послѣдній отблескъ вечерней зари, на небо взомель блѣдный мѣсяць.

Послѣдній часъ или два Маріанна сильно беспокоилась за Тессъ; она чувствовала, что та должна была устать страшно, но не имѣла возможности настолько близко подойти къ ней, чтобы быть услышанной. Другія женщины поддерживали свои силы элемъ, но Тессъ съ дѣтства чувствовала къ нему отвращеніе. Она продолжала работать. Если бы она не могла довести до конца свою работу, она должна была бы оставить ферму. Еще мѣсяць или два назадъ она довольно равнодушно отнеслась бы къ этому обстоятельству, но теперь, съ тѣхъ поръ какъ Алексъ сталъ снова ухаживать за ней, возможность потерять мѣсто представлялась ей невыносимъ, страшнымъ бѣдствіемъ.

Пшеничный скирдъ сталъ теперь такъ низокъ, что съ земли можно было свободно разговаривать съ находившимися на немъ людьми. Къ удивленію Тессъ, фермеръ Гроби поднялся на машину, подошелъ къ ней и сказалъ, что если она желаетъ присоединиться къ своему «другу», то можетъ уйти, а онъ поставитъ на ея мѣсто другую работницу. «Другъ» былъ д'Орбервиль и Тессъ знала, что это разрѣшеніе дается ей благодаря просьбѣ этого друга или врага. Она отрицательно качнула головой и продолжала работу.

Наконецъ, наступило время травли крысъ, и охота началась. По мѣрѣ уменьшенія скирда крысы спускались все ниже и ниже, покуда не достигли земли. Теперь открыто было ихъ послѣднее убѣжище и они бросились бѣжать въ разныя стороны. Среди женскихъ визговъ, мужскихъ криковъ, проклятій и ударовъ, Тессъ развязала послѣдній снопъ. Барабанъ остановился, стукъ прекратился и Тессъ спустилась на землю.

Ея другъ, наблюдавшій за травлей крысъ, въ одну минуту очутился около нея.

— Какъ, послѣ моего оскорбленія! — чуть слышно сказала она. Она такъ устала, что не могла говорить громко.

— Я былъ бы сумасшедшимъ, если бы могъ обижаться на васъ, — отвѣтилъ онъ нѣжнымъ голосомъ прежнихъ временъ. — Какъ вы слабы, какъ вы дрожите, а, вѣдь, вы могли бы не работать съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ. Зачѣмъ вы заупрямились? Я сказалъ фермеру, что онъ не имѣетъ права ставить на молотилку женщинъ; такая работа не для нихъ и на другихъ фермахъ, гдѣ дѣло поставлено лучше, женщинъ никогда не ставятъ на такія работы, онъ это отлично знаетъ. Я провожу васъ до дому.

— О, да, — сказала она, едва передвигая ноги, — проводите меня! Я должна помнить, что вы хотѣли жениться на мнѣ, когда пришли сюда и когда не знали еще о моемъ положеніи. Можетъ быть... можетъ быть, вы добрѣе и лучше, чѣмъ я думала. Я благодарна вамъ за вашу доброту, но я не могу простить вамъ то зло, которое вы мнѣ сдѣлали. Иногда мнѣ кажется, что я не понимаю васъ.

— Я не могу узаконить наши прежнія отношенія, но я все же могу помочь вамъ. И я постараюсь сдѣлать это съ гораздо большимъ уваженіемъ къ вашимъ чувствамъ, чѣмъ раньше. Моя религіозная манія прошла, но во мнѣ осталось еще кое-что хорошее. Тессъ, я прошу васъ, ради всего, что есть лучшаго въ отношеніяхъ мужчины и женщины, успокойте меня! У меня довольно средствъ, болѣе чѣмъ довольно для того, чтобъ избавить отъ нужды и васъ, и вашихъ родителей, и вашихъ сестеръ. Я могу обезпечить имъ всѣмъ спокойную жизнь, если только вы довѣритесь мнѣ.

— Вы видѣлись съ ними недавно? — быстро спросила она.

— Да. Но они не знали, гдѣ вы. Я нашелъ васъ здѣсь случайно.

Холодный мѣсяцъ освѣщаль усталое лицо Тессъ, остановившейся около садоваго плетня своего временнаго жилища. Д'Орбервилъ стоялъ около нея.

— Не говорите мнѣ о моихъ маленькихъ братьяхъ и сестрахъ, — чувствую, что могу погибнуть, — сказала она. — Помогайте имъ, или хотите, — Господь видитъ, какъ они нуждаются, — но не говорите мнѣ объ этомъ. Но нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она. — Я не хочу ничего принимать отъ васъ ни для нихъ, ни для себя!

Онъ не провожалъ ее дальше; она жила вмѣстѣ съ хозяевами и домъ приходилось постоянно быть на людяхъ. Войдя въ домъ, машинально поужинала вмѣстѣ со всѣми, потомъ глубоко за-

думалась и, сѣвъ въ столу около стѣны, при свѣтѣ своей маленькой лампочки, начала страстное посланіе.

«Мой дорогой мужъ! Позволь мнѣ такъ называть тебя, — я должна такъ называть тебя, даже если тебѣ неприятна мысль о такой женѣ, какъ я. Я должна обратиться къ тебѣ въ моемъ горѣ — у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя! Мнѣ грозитъ такое искушеніе, Энджель. Я боюсь сказать, въ чемъ оно состоитъ, и я не хочу писать о немъ. Но я люблю тебя одного, ты не знаешь, какъ я люблю тебя. Не можешь ли ты пріѣхать ко мнѣ сейчасъ, прежде чѣмъ не случилось чего-нибудь ужаснаго? О, я знаю, ты не можешь пріѣхать ко мнѣ, ты такъ далеко. Но мнѣ кажется, что я умру, если ты не пріѣдешь скоро или не напишешь, чтобъ я пріѣхала въ тебѣ. Я знаю, что я заслужила — вполнѣ заслужила — наказаніе, которому ты подвергаешь меня, ты правъ въ своемъ гнѣвѣ на меня, ты вполнѣ справедливъ. Но, Энджель, я прошу, я умоляю тебя, не будь справедливъ, но будь хоть немного добрѣе ко мнѣ, даже если я не заслуживаю этого, и пріѣзжай ко мнѣ! Если бы ты пріѣхалъ, я могла бы умереть у тебя на рукахъ! Я умерла бы съ радостью, если бы знала, что ты простишь мнѣ!

«Энджель, я живу только для тебя. Я слишкомъ люблю тебя, чтобы упрекать тебя за то, что ты уѣхалъ отъ меня. Я знаю, что это было необходимо: тебѣ надо было найти ферму. Не скажу тебѣ ни одного слова упрека, только вернись ко мнѣ. Я прихожу въ отчаяніе безъ тебя, дорогой мой, въ отчаяніе! Я не боюсь работы; но если бы ты написалъ мнѣ одну строчку, написалъ бы мнѣ *я скоро приду*, я съ такою бы радостью стала ждать твоего возвращенія, — о, съ такою радостью!

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы женаты, быть вѣрной тебѣ даже во взглядахъ, даже въ помышленіяхъ сдѣлалось моею религіей. Когда мнѣ совершенно неожиданно приходится слышать комплименты отъ мужчинъ, мнѣ кажется, что и это должно оскорблять тебя. Неужели ты совсѣмъ ничего не чувствуешь ко мнѣ больше, ничего изъ того, что ты чувствовалъ ко мнѣ на мызѣ? А если нѣтъ, если въ тебѣ осталась хоть капля прежнихъ чувствъ, то какъ же ты могъ уѣхать отъ меня? Я все та же женщина, Энджель, все та же, въ которую ты былъ влюбленъ, а не та, которую ты никогда не видѣлъ и которая могла бы не понравиться тебѣ. Чтò было для меня прошедшее, разъ я встрѣтилась съ тобою? Оно умерло. Я сдѣлалась другою женщиной, ты влилъ въ меня новую жизнь. Развѣ я могла снова сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ я была? Какъ ты не видѣлъ этого? Дорогой мой, если бы ты былъ немного болѣе увѣренъ въ

себѣ, ты бы зналъ, какъ я должна была измѣниться подѣ твоимъ вліяніемъ, и ты бы, можетъ быть, пріѣхалъ ко мнѣ, къ твоей несчастной женѣ.

«Какъ безумная я была въ моемъ счастьѣ, думая, что ты всегда будешь любить меня. Не мнѣ, несчастной, было удержатъ любовь твою. Сердце мое такъ болитъ, и не за одно прошедшее только, но и за настоящее. Подумай, подумай только, какъ страдаетъ мое сердце при мысли, что я никогда не увижу тебя больше, никогда! Ахъ, если бы я могла хоть на одну минуту заставить страдать твое сердце такъ, какъ страдаетъ мое каждый день, можетъ быть, ты пожалѣлъ бы меня, бѣдную, одинокую!

«Говорять, что я все такая же хорошенькая, Энджель (красавица, по ихъ выраженію, если говорить правду). Можетъ быть, они правы. Но что мнѣ въ моей красотѣ? Я хочу быть красивой только для тебя, дорогой мой, потому что красота моя принадлежитъ тебѣ и это, можетъ быть, единственное, что есть во мнѣ достойное тебя. Я такъ глубоко это чувствую, что обвязалась платкомъ, Энджель, для того, чтобы не обращать на себя вниманія, и носила его, повкуда могла. О, Энджель, я говорю тебѣ все это не изъ тщеславія, — ты, конечно, повѣришь мнѣ, что не изъ тщеславія, — но только для того, чтобы ты пріѣхалъ ко мнѣ.

«А если ты, правда, не можешь пріѣхать ко мнѣ, то позволь мнѣ пріѣхать къ тебѣ. Какъ я говорила, меня понуждаютъ, меня заставляютъ дѣлать то, что я не хочу дѣлать. Не можетъ быть, чтобы я склонилась на увѣщанія мало-по-малу, но я боюсь, что какой-нибудь случай толкнетъ меня, а я такъ беззащитна, благодаря моей первой ошибкѣ. Но если я опять паду, если я попадусь въ какую-нибудь ужасную ловушку, то это будетъ еще хуже, чѣмъ тогда. О, Боже, я не могу подумать объ этомъ! Позволь мнѣ пріѣхать или пріѣзжай самъ ко мнѣ!

«Я была бы довольна, даже рада, быть твоею служанкой, если я не могу быть твоею женой, только бы мнѣ быть около тебя, видѣть тебя, думать, что ты мой.

«Что для меня солнечный блескъ, если тебя нѣтъ со мною? Мне не радуютъ ни грачи, ни скворцы въ поляхъ; ты любовался на къ вмѣстѣ со мною, и я тоскую, тоскую отъ разлуки съ тобой. Я одного только жажду на небѣ, на землѣ и подѣ землею — встрѣчи тобою, мой дорогой! Пріѣзжай ко мнѣ, пріѣзжай ко мнѣ и спаси меня отъ того, что грозитъ мнѣ!

Вѣрная тебѣ, несчастная

Тессъ».

XLIX.

Послание направилось къ западу, въ тихій викаріатъ, въ долину, гдѣ воздухъ такъ чистъ, а почва такъ богата, что далеко не требуетъ для своей обработки тѣхъ усилій, какъ Флинтгомпъ-Ашъ, гдѣ даже люди, по мнѣнію Тессъ, были другіе (хотя были все тѣ же). Энджелъ просилъ ее писать черезъ отца, разсчитывая, что въ такомъ случаѣ письма будутъ вѣрнѣе доходить до него, такъ какъ отцу онъ постоянно сообщалъ о перемѣнѣ своихъ адресовъ въ странѣ, куда онъ отправился съ тяжелымъ сердцемъ. Письмо пришло въ викаріатъ во время завтрака.

— Ну, — сказалъ старый м-ръ Клэръ, прочтя адресъ на конвертѣ, — если Энджелъ, правда, собирается оставить Ріо въ концѣ мѣсяца, чтобы вернуться домой, онъ поспѣшитъ выполнить свое намѣреніе; мнѣ кажется, что это письмо отъ его жены.

Онъ глубоко вздохнулъ, и письмо было отправлено по назначенію.

— Дорогой мальчикъ, я надѣюсь, что онъ вернется здоровымъ, — прошептала м-съ Клэръ. — Теперь, когда уже мнѣ пора умирать, я чувствую, что мы не совсѣмъ хорошо поступили съ нимъ. Вамъ надо было бы отослать его въ Кембриджъ, несмотря на его возрѣнія, и дать ему такое же образованіе, какъ его братьямъ. Можетъ быть, современемъ онъ оставилъ бы свои заблужденія и также принялъ бы духовный санъ. Сдѣлался бы онъ служителемъ церкви или нѣтъ, все было бы лучше, чѣмъ теперь.

Это былъ единственный упрекъ, который когда-либо позволяла высказать себѣ м-съ Клэръ относительно сына. И она рѣдко повторяла его. Она была не только набожная, но и деликатная женщина и чувствовала, что мужа ея и такъ мучаютъ сомнѣнія, справедливо ли онъ поступилъ относительно своего младшаго сына. Слишкомъ часто слышала она, какъ онъ въ безсонныя ночи вздыхалъ и молился объ Энджелѣ. Онъ былъ не способенъ къ компромиссу и никогда бы не простилъ себѣ, если бы далъ своему сыну, невѣрующему, такія же академическія преимущества, какъ тѣмъ двумъ, зная, что онъ употребитъ ихъ для опроверженія тѣхъ доктринъ, служить которымъ его отецъ считалъ миссіей всей своей жизни. Воздвигать одною рукой пьедесталъ для двухъ вѣрующихъ, а другою — такой же пьедесталъ для невѣрующаго, онъ не могъ; это было бы несогласно ни съ его убѣжденіями, ни съ его положеніемъ и надеждами. Тѣмъ не менѣе, онъ любилъ своего Энджела и втайнѣ скорбѣлъ о немъ. Его молчаливая скорбь была тяжелѣе всѣхъ упрековъ, которые могла сдѣлать ему м-съ Клэръ.

Они обвиняли себя за этот несчастный бракъ. Если бы Энджель не долженъ былъ сдѣлаться фермеромъ, ему никогда бы не довелось придти въ близкое соприкосновеніе съ деревенскими дѣвушками. Они не знали, что именно разлучило его съ женой и когда собственно совершилась эта разлука. Сначала они думали, что это какое-нибудь серьезное недоразумѣніе. Но въ послѣднихъ письмахъ онъ постоянно говорилъ, что привезетъ ее домой, какъ только пріѣдетъ. Изъ его словъ они заключили, что недоразумѣніе было не важное и легко устранимое. Онъ сказалъ имъ, что она живетъ съ родителями, и въ своихъ сомнѣніяхъ и догадкахъ они рѣшили не вмѣшиваться въ ихъ отношенія, исправить которыя они, все равно, не могли.

А Энджель, для котораго предназначалось страстное посланіе Тессъ, любовался въ это время безграничною далью, странствуя верхомъ на мулѣ, который везъ его изъ южно-американскаго континента къ побережью. Его пребываніе здѣсь было крайне неудачно. Онъ никакъ не могъ совершенно оправиться отъ тяжелой болѣзни, которую ему пришлось перенести, какъ только онъ пріѣхалъ сюда, и мало-по-малу долженъ былъ отказаться отъ мысли заняться здѣсь земледѣліемъ, хотя скрывалъ перемѣну въ своихъ намѣреніяхъ отъ родителей, покуда была какая-нибудь возможность остаться здѣсь.

Толпа земледѣльцевъ, увлеченныхъ обѣщаніями полной независимости и пріѣхавшихъ сюда вмѣстѣ съ нимъ, значительно порѣдѣла отъ болѣзней и отъ смерти. Несчастныя матери шли съ больными дѣтьми на рукахъ, покуда они не умирали. Тогда онъ останавливался, собственными руками, безъ помощи инструментовъ, выкапывали имъ могилы, клали ихъ туда, проливали слезу и шла дальше.

Первоначально Энджель и не собирался эмигрировать въ Бразилію. Онъ хотѣлъ устроить ферму въ сѣверной или восточной части Англій. Въ Бразилію его потянуло въ минуту отчаянія, а тутъ подошло увлекшее его движеніе туда же англійскихъ земледѣльцевъ.

Во время своего отсутствія онъ состарился умственно лѣтъ на двадцать. Онъ давно уже дискредитировалъ старую систему мистицизма, теперь же онъ подвергъ критикѣ старый кодексъ морали. Что итить быть нравственнымъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе нравственною женщиной? Красота или безобразіе характера лежатъ не столько въ его поступкахъ, сколько въ его цѣляхъ и стремленіяхъ. Характеръ опредѣляется не тѣмъ только, что онъ совершилъ, а тѣмъ, онъ хотѣлъ совершить.

Но какъ же Тессъ?

Его начинало мучить сожалѣніе, что онъ такъ поспѣшно произнесъ надъ ней приговоръ. Навсегда ли онъ разстался съ ней, или нѣтъ? Онъ не могъ сказать, что онъ попрежнему отвергаетъ ее, но не могъ сказать также, что теперь примирился съ ней.

Эта все возрастающая нѣжность совпала со временемъ пребыванія Тессъ въ Флинткомбъ-Ашѣ, когда еще она не рѣшалась написать ему о своихъ чувствахъ и своихъ опасеніяхъ, а онъ ложно понималъ ея молчаніе. Какъ много оно могло бы сказать ему, если бы онъ могъ понять его! Она буквально исполняла приказаніе, которое онъ далъ ей и потомъ забылъ; благодаря своей природной робости, она не смѣла предъявить къ нему никакихъ правъ, считала его приговоръ надъ собою вполне справедливымъ и покорно склоняла предъ нимъ свою голову.

Энджель ѣхалъ по необозримымъ пространствамъ въ сопровожденіи умнаго спутника, тоже англичанина, пріѣхавшаго, какъ и онъ, искать здѣсь возможнаго счастья. Оба они были печально настроены и говорили о домашнихъ дѣлахъ. Довѣріе вызываетъ довѣріе. Съ стремленіемъ, свойственнымъ всѣмъ, особенно въ далекихъ странахъ, открывать чужимъ людямъ свою душу и рассказывать имъ такія подробности своей жизни, какія они не рассказали бы и друзьямъ, Энджель передалъ своему спутнику печальную исторію своей женитьбы.

Незнакомецъ путешествовалъ больше Энджеля, видѣлъ на своемъ вѣку много странъ и много людей; для его космополитическаго ума разныя отклоненія отъ нормъ соціальной жизни, такой огромной важности для каждаго отдѣльнаго человѣка, были такъ же незначительны, какъ разныя неправильности земной поверхности, горы, долины—по отношенію ко всему земному шару. Онъ посмотрѣлъ на дѣло съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ Энджель. То, чѣмъ была Тессъ, не имѣло никакого значенія сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она могла бы быть, и Энджель сдѣлалъ большую ошибку, уѣхавъ отъ нея.

На слѣдующій день они были застигнуты грозой. Спутникъ Энджеля схватилъ лихорадку и умеръ въ концѣ недѣли. Блэръ похоронилъ его и отправился дальше.

Мимолетное замѣчаніе знакомого, о которомъ онъ ничего не зналъ, кромѣ имени, было какъ бы освящено его смертью и произвело на Энджеля гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ разсужденія обштиткѣ разныхъ философовъ. Онъ почувствовалъ угрызения совѣсти. Слова Идцъ Гюэттъ снова вспомнились ему. Онъ спросилъ

Иццъ, любить ли она его, она отвѣчала утвердительно. Любить ли она больше, чѣмъ Тессъ? Нѣтъ, — отвѣчала она, — Тессъ пожертвовала бы жизнью ради него, и она не могла сдѣлать большаго.

Онъ вспоминалъ Тессъ, когда она была еще его невѣстой. Какъ смотрѣла она на него, съ какимъ благоговѣніемъ слушала она каждое его слово, какъ будто бы онъ былъ богомъ! А тотъ ужасный вечеръ, когда раскрылась передъ нимъ ея простая душа, какое жалкое было у нея лицо, освѣщенное догорающимъ огнемъ! Бѣдняжка такъ страдала отъ мысли, что можетъ потерять его любовь.

Изъ ея обвинителя онъ становился мало-по-малу ея защитникомъ. Онъ судилъ о ней ошибочно потому, что руководился общими принципами во всей ихъ суровой непреклонности, не принимая во вниманіе особенностей даннаго случая. Все чаще и чаще представлялась она ему, и ея образъ вызывалъ въ немъ прежнія чувства любви и волненія.

Но вернемся къ Тессъ. Послѣ письма къ мужу въ ней снова ожила надежда на его возвращеніе. Она пѣла его любимыя пѣсни и баллады. Каменное сердце тронулось бы, слушая ея простое, задушевное пѣніе, когда ей случалось работать отдѣльно отъ другихъ дѣвушекъ; слезы текли по ея щекамъ при мысли, что, можетъ быть, онъ все же не пріѣдетъ.

Тессъ такъ была погружена въ свои фантастическія грезы, что не замѣчала, какъ бѣжитъ время. Зима подвигалась къ концу, дни становились длиннѣе, недалеко было и Благовѣщенье, когда оканчивался срокъ ея работы на фермѣ.

Но незадолго до этого дня случилось нѣчто, заставившее Тессъ думать совсѣмъ о другихъ вещахъ. По обыкновенію, она сидѣла вечеромъ въ общей комнатѣ вмѣстѣ съ остальною семьей, когда кто-то постучалъ въ дверь и спросилъ, здѣсь ли Тессъ. Въ дверяхъ при слабомъ свѣтѣ угасающаго дня она увидала полу-женщину, полу-ребенка, высокое, тонкое, нѣжное созданіе, которое она не могла узнать въ сумеркахъ, покуда знакомый голосъ не сказалъ ей:

— Тессъ!

— Какъ, это Лиза-Лу! — воскликнула Тессъ съ удивленіемъ. И сестра, которую годъ съ небольшимъ тому назадъ она оставила эбенкомъ, теперь вдругъ выросла и превратилась въ это прелестное созданіе.

— Я пробѣгала цѣлый день, Тессъ, отыскивая тебя, — сказала Лу съ несвойственною ей серьезностью.

— Что-нибудь случилось дома?

— Мама очень больна, докторъ говоритъ, что она умираетъ, а

отецъ всегда былъ плохого здоровья; теперь онъ говоритъ, что человекъ изъ такой знатной семьи, какъ онъ, не можетъ надрывать-ся надъ работой, какъ простой крестьянинъ. Мы не знаемъ, что дѣлать.

Тессъ долго стояла задумывшись, прежде чѣмъ пригласить Лизу войти и сѣсть. Когда она дала ей напитокъ чаю, она рѣшила, какъ она должна поступить. Ея присутствіе дома необходимо. Ея служба кончалась на Благовѣщенье, и хотя до него оставалось немного, она все же рѣшилась уйти, не дожидаясь срока.

Если бы она вышла въ ночь, она выиграла бы двѣнадцать часовъ времени, но ея сестра такъ устала, что не могла пуститься въ обратный путь раньше утра. Тессъ сбѣгала къ Иццъ и Маріаннѣ, рассказала имъ о случившемся и просила поговорить за нее фермеру. Вернувшись, она дала Лу поужинать, уложила ее въ свою постель, собрала въ маленькую корзиночку кое-что изъ своихъ вещей и отправилась въ путь, сказавъ Лизѣ-Лу, чтобъ она выходила на другое утро.

L.

Прошло десять часовъ, когда она вышла изъ дому въ холодный мракъ ночи, для того, чтобы совершить подъ звѣзднымъ небомъ путешествіе въ пятнадцать миль. Темная ночь не должна пугать одинокого путника, она скорѣе предохраняетъ его отъ опасности. Тессъ знала это и потому пошла кратчайшимъ путемъ по проселочнымъ дорогамъ, по которымъ она такъ боялась ходить днемъ. Разбойниковъ теперь не было, а мысль о больной матери не давала ей возможности думать о разныхъ другихъ опасностяхъ, которымъ она могла подвергнуться. Такъ шла она милою за милей, взбираясь и спускаясь, пока не дошла, наконецъ, около полуночи до Бѣльбарро; съ вершины этой горы она смотрѣла внизъ въ окутанную мракомъ пропасть, на днѣ которой лежала долина ея родины.

Въ три часа утра Тессъ вышла, наконецъ, въ Марлоттъ, прошла лугъ, на которомъ она въ первый разъ видѣла Энджела Клэра, но не танцевала съ нимъ; горькое чувство сожалѣнія опять сжало ей сердце. По направленію къ дому ея матери видѣлся свѣтъ; онъ исходилъ изъ окна спальни. Какъ только передъ ней обрисовались контуры дома, съ крышей, покрытой новою соломой на ея счетъ, все старое, забытое вновь ожило въ воображеніи Тессъ. Погосившія слуховыя окна, остроконечная крыша, старая каменная труба съ обвалившимися кирпичами — все имѣло что-то общее съ ея лич-

ными характеромъ. Теперь на всемъ этомъ лежалъ, какъ ей казалось, отпечатокъ чего-то новаго: это была болѣзнь ея матери.

Она открыла дверь очень тихо, чтобы никого не разбудить; въ нижней комнатѣ никого не было, но сосѣдка, бывшая около ея матери, показала наверху лѣстницы и шепнула ей, что м-съ Дорбифильдъ не лучше, хотя теперь она заснула. Тессъ приготовила себѣ поѣсть и потомъ заняла мѣсто сидѣлки въ комнатѣ матери.

Утромъ, увидавъ дѣтей, она удивилась, какъ они всѣ выросли. Хотя она не была дома болѣе года, все же они удивительно какъ выросли. И необходимость посвятить имъ себя и душой, и тѣломъ заставила ее на время забыть свое собственное горе.

Плохое здоровье ея отца было все въ томъ же неопредѣленномъ состояніи; онъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ креслѣ. Но на другой день послѣ ея прихода онъ пришелъ въ необыкновенно радостное настроеніе. Онъ придумалъ раціональный планъ для существованія и Тессъ попросила его сказать ей, въ чемъ состоитъ этотъ планъ.

— Я думаю обратиться ко всѣмъ антикваріямъ въ этой части Англіи,—сказалъ онъ,—съ просьбой составить фондъ, чтобы обезпечить мое существованіе. Въ этомъ проектѣ есть много романтическаго и артистическаго и я увѣренъ, что они исполнятъ его. Они тратятъ массу денегъ на покупку старыхъ развалинъ, разныхъ древностей и т. п.; а живые останки древности заинтересуютъ ихъ еще больше; только бы они узнали про меня. Надо чтобы кто-нибудь сказалъ имъ, кто живетъ между ними; они и не подозреваютъ этого. Если бы Парсонъ Трингамъ, открывшій меня, былъ живъ, онъ, навѣрное, устроилъ бы это дѣло, я въ этомъ увѣренъ.

Тессъ отложила свои возраженія до другого раза,—теперь у нея было много другихъ неотложныхъ заботъ. Наступило время сѣва. Почти во всѣхъ садахъ и поляхъ уже начались весеннія работы, но въ саду и въ участкѣ Дорбифильда еще ничего не было сдѣлано. Къ своему горю, она открыла, что картофель, оставленный на сѣмена, былъ весь съѣденъ,—самая большая непредусмотрительность въ хозяйствѣ. Ей удалось достать его у другихъ и черезъ нѣсколько дней, благодаря ея настояніямъ, отецъ принялся заботу въ саду, а она отправилась въ поле, сотни въ двѣ ярдовъ, горое они арендовали за деревней.

Она могла теперь оставить свою мать, такъ какъ ей стало лучше, радовалась работѣ на свѣжемъ воздухѣ послѣ временнаго заключенія въ комнатѣ больной. Ихъ участокъ вмѣстѣ съ другими соро-

на или пятидесятью участками находился въ высокомъ, сухомъ, открытомъ мѣстѣ.

Каждый день Тессъ и Лиза-Лу работали здѣсь со своими сосѣдями, пока не исчезали послѣдніе лучи солнца.

Когда наступалъ вечеръ, многіе изъ мужчинъ и женщинъ уходили домой, но большинство оставалось и продолжало работу. Тессъ принадлежала къ послѣднимъ, но сестру свою она всегда отсылала домой. Четыре блестящіе конца ея грабель ударялись съ легкимъ звономъ о камни и о сухія глыбы земли. Иногда дымъ отъ костра окутывалъ ее со всѣхъ сторонъ, и виднѣлось только ея лицо, озаренное огнемъ. На ночь она плохо одѣвалась и имѣла нѣсколько странный видъ въ платьѣ, полинявшемъ отъ частой стирки, и въ короткой черной жакеткѣ. Въ окружающемъ мракѣ виднѣлись иногда бѣлые фартуки и блѣдныя лица женщинъ, освѣщенные блескомъ костровъ.

Было еще не очень поздно и желѣзныя зубья грабель продолжали звенѣть. Въ холодномъ воздухѣ чувствовалось нѣжное дыханіе весны. Никто не смотрѣлъ по сторонамъ. Глаза всѣхъ были опущены въ землю, на ея изрытую поверхность, освѣщенную огнемъ. Тессъ разбивала твердыя глыбы земли и пѣла любимую пѣсенку Клэра въ тщетной надеждѣ, что когда-нибудь онъ услышитъ ее. Она долго не замѣчала, что былъ около нея человекъ въ длинной блузѣ, работавшій на одномъ участкѣ съ нею: она думала, что отецъ послалъ кого-нибудь помочь ей. Она замѣтила его, когда онъ нѣсколько ближе подошелъ къ ней. Одно время дымъ раздѣлялъ ихъ, но теперь онъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что они могли видѣть другъ друга, не будучи видимы другими.

Тессъ не заговаривала съ своимъ товарищемъ по работѣ, онъ тоже молчалъ. Ей вспомнилось только, что днемъ его не было здѣсь. Онъ не походилъ ни на кого изъ извѣстныхъ ей марлоттскихъ земледѣльцевъ, но это не было удивительно, такъ какъ она послѣдніе годы часто и надолго уходила изъ Марлотта. Скоро она перестала думать о немъ. Мало-по-малу онъ такъ близко подошелъ къ ней, что огонь отражался въ зубьяхъ его граблей такъ же ярко, какъ и въ ея. Подойдя къ костру, чтобы бросить въ него охапку сорныхъ травъ, она увидѣла его по другую сторону огня, куда онъ тоже бросалъ траву. Огонь ярко вспыхнулъ и освѣтилъ лицо Алека д'Орбервиля.

Неожиданность его появленія въ рабочей блузѣ, которую теперь носили только преданные стариннѣ крестьяне, такъ поразила ее, что она не могла двинуться съ мѣста. Д'Орбервиль разсмѣялся,

— Если бы я любилъ шутить, я бы сказалъ, что все это очень напоминаетъ одну сцену изъ *Потеряннаго Райа*,—весело сказалъ онъ, изподлобья поглядывая на нее.

— Что вы говорите?—чуть слышно сказала она.

— Любитель сравненій могъ бы сказать, что все это напоминаетъ *Потерянный Рай*. Вы Ева, а я дьяволъ, явившійся искушать васъ въ образѣ низшаго животного. Когда я увлекался религіей, я часто повторялъ эту сцену изъ Мильтона:

«Empreas, the wags ready, and no long,
Beyond a row of myrtles, on a flat
Fast by a fountain, on small thicket past
Of blowing myrch and balm; if thou accept
My conduct, I can bring thee thi ther soon».
«Jead then»,—said Eve».

(«Спѣши, путь не далекъ и не труденъ, за миртами, въ долину почти у источника, въ чащѣ цвѣтущей мирры и бальзама, если ты позволишь, я проведу тебя туда.—«Веди»,—сказала Ева»). И такъ дальше. Милая, милая Тессъ, все это я говорю съ вашей точки зрѣнія. Вы могли бы предположить или сказать это обо мнѣ, конечно, весьма несправедливо. Вы такъ дурно думаете обо мнѣ.

— Я никогда не говорила, что вы сатана, никогда такая мысль не приходила мнѣ въ голову. Я вообще довольно спокойно отношусь къ вамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вы оскорбляете меня. Неужели вы ради меня нарядились въ эту блузу и пришли работать сюда?

— Для васъ, только для васъ. Чтобы выразить этимъ протестъ противъ вашей работы.

— Но мнѣ нравится работать, я дѣлаю это для отца.

— А срокъ вашей службы тамъ кончился?

— Да.

— Куда же вы отправитесь теперь, къ вашему дорогому мужу? Она живо почувствовала унижительность своего положенія.

— О, я не знаю!—съ горечью отвѣтила она.—У меня нѣтъ!

— Это правда, въ томъ смыслѣ, въ которомъ вы говорите. Но ась есть другъ. Я рѣшилъ заботиться о васъ противъ вашей воли. Когда вы придете домой, вы увидите, что я прислалъ вамъ.

— О, Алексъ, мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы помогали мнѣ. Ничего не могу принимать отъ васъ. Я не хочу этого,—это не по!

— Нѣтъ, хорошо!—горячо воскликнулъ онъ.— Я не могу видѣть въ несчастіи женщину, которую я люблю, и не сдѣлать ничего, чтобы облегчить ея горе.

— Но мнѣ очень хорошо. Мое несчастіе совсѣмъ не въ томъ... не въ томъ, какъ я проживу.

Она отвернулась и съ отчаяніемъ принялась за работу. Слезы капали изъ ея глазъ на ручку грабель и на комки земли.

— Васъ беспокоятъ дѣти, ваши братья и сестры. Я тоже думалъ о нихъ.

Сердце Тессъ дрогнуло. Онъ коснулся ея больного мѣста. Онъ угадалъ, въ чемъ заключалось ея главное горе. Съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась домой, ея душа была полна почти страстною любовью къ дѣтямъ.

— Кто-нибудь, вѣдь, долженъ позаботиться о нихъ, если ваша мать не поправится; вашъ отецъ, вѣдь, не можетъ работать?

— Можетъ съ моею помощью и долженъ.

— И съ моею также.

— Нѣтъ, сэръ.

— Это чертовски глупо, наконецъ! — вспыхнулъ д'Орбервиль. — Онъ будетъ очень радъ; онъ думаетъ, что мы одной съ нимъ семьи.

— Онъ не будетъ думать этого. Я объясню ему.

— Такъ вы сумасшедшая!

Д'Орбервиль окончательно разсердился, подошелъ къ забору, снялъ съ себя длинную блузу и красный шарфъ, на половину скрывавшій его лицо, швырнулъ все это въ огонь и ушелъ.

Тессъ не могла работать послѣ всего этого. Она удивилась, замѣтивъ, что онъ пошелъ по направленію къ ихъ дому и, взявъ въ руки грабли, отправилась вслѣдъ за нимъ. Не далеко отъ дома она встрѣтила одну изъ своихъ сестреночъ.

— О, Тесси, что случилось! Лиза-Лу плачетъ и въ нашемъ домѣ толпа народа; мамѣ лучше, но они говорятъ, что папа умеръ!

Дѣвочка чувствовала важность сообщаемой ею новости, но не понимала ея значенія. Она смотрѣла на Тессъ большими серьезными глазами, наблюдая за эффектомъ, который она произвела своею новостью.

— Неужели, Тессъ, никогда больше нельзя будетъ говорить съ отцомъ?

— Да, вѣдь, ему только слегка нездоровилось! — воскликнула Тессъ съ отчаяніемъ.

Въ это время прибѣжала Лиза-Лу.

— Онъ упалъ безъ чувствъ сейчасъ и докторъ, — онъ былъ у мамы, — сказалъ, что надежды нѣтъ никакой, — сердце очень расширилось.

И такъ, чета Дорбифильдовъ помѣнялась мѣстами. Умиравшая была въ безопасности, а слегка больной лежалъ мертвымъ. Это событіе вело за собой гораздо большія послѣдствія, чѣмъ это можно было бы подумать. Отецъ былъ необходимъ для семьи, независимо отъ его личныхъ качествъ, каковы бы они ни были. Съ его смертью кончался срокъ аренды дома и земли. А на нихъ давно имѣлъ виды фермеръ для своихъ постоянныхъ рабочихъ, которые пока ютились въ разныхъ пристройкахъ. Бромѣ того, въ деревняхъ не любили «временныхъ арендаторовъ» за ихъ независимую манеру держать себя и считали ихъ чѣмъ-то вродѣ мелкихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, Дорбифильды, нѣкогда д'Орбервилей, испытали на себѣ ту же участь, которой они во время своего могущества не разъ подвергали такихъ безземельныхъ бѣдняковъ, какими были теперь сами. Такъ съ ритмическою правильностью совершается во всемъ приливъ и отливъ, таковъ вѣчный и неизмѣнный законъ природы.

II.

Насталъ, наконецъ, канунъ дня Благовѣщенья, и весь миръ земледѣльцевъ былъ охваченъ лихорадочною дѣятельностью, которую можно всегда замѣтить въ этотъ день. Сегодня день заключенія контрактовъ на будущій рабочій годъ срокомъ по праздникъ Срѣтенія. Работники, не желавшіе долѣе оставаться на старомъ мѣстѣ, перекочевывали на другія мызы.

Эти ежегодныя странствованія съ одной мызы на другую все болѣе укореялись. Прежде, когда мать Тессъ была еще ребенкомъ, большинство земледѣльцевъ по близости Марлотта оставались всю свою жизнь на одной фермѣ, гдѣ жили и отцы, и дѣды ихъ, но со временемъ стала все сильнѣе проявляться любовь къ кочевкамъ. Для молодыхъ это было чуть ли не пріятное развлеченіе, пожалуй, приносившее даже нѣкоторую пользу.

Со времени происшествія, которое набросило такую тѣнь на жизнь Тессъ, семья Дорбифильдовъ (знатному происхожденію ихъ никто вѣрилъ) была обречена, хотя и не гласно, на изгнаніе, какъ только кончится срокъ ихъ аренды. Этого требовала даже нравенность. Правда, семья не могла бы послужить образцомъ воздержности, умѣренности или чистоты нравовъ. Отецъ и мать чаше всего напивались, дѣти рѣдко ходили въ церковь, а старшая дочь

завела нехорошія знакомства. Деревня хотѣла пользоваться хорошою репутаціей. Поэтому, когда наступило Благовѣщеніе и явилась возможность выгнать Дорбифильдовъ, домъ, довольно просторный, изъявилъ желаніе оставить за собой извощикъ, у котораго была большая семья, а вдова Джоанна, съ дочерьми Тессъ и Лизой-Лу, съ сыномъ Абрамомъ и младшими дѣтьми, могли отправляться куда угодно.

Вечеромъ, наканунѣ переѣзда, стемнѣло рано, такъ какъ шелъ страшный дождь. Они проводили послѣднюю ночь въ деревнѣ, гдѣ они родились и выросли, и мистрисъ Дорбифильдъ съ дѣтьми пошла проститься съ друзьями, а Тессъ осталась одна дома.

Она стояла на колѣняхъ передъ окномъ, прижавшись лицомъ къ стеклу, по которому текли ручьи дождевой воды. Она смотрѣла на паутину, которую паукъ по ошибкѣ сплелъ въ углу, гдѣ никогда не бываетъ мухъ. Тессъ раздумывала о печальномъ положеніи семьи, которое было вызвано отчасти по ея винѣ. Если бы она не вернулась домой, можетъ быть, ея матери и дѣтямъ позволили бы остаться здѣсь. Но на нее обратили вниманіе люди очень вліятельные и со строгими правилами: они видѣли, какъ она бродила по кладбищу и, какъ умѣла, лопатой приводила въ порядокъ дѣтскую забытую могилку. Они догадались, что она снова живетъ здѣсь, матери ея сдѣлали выговоръ, зачѣмъ она кормитъ ее; въ отвѣтъ на это у Джоанны вырвалось нѣсколько рѣзкихъ словъ; она сама вызвалась уйти отсюда; ее поймали на словѣ — и вотъ къ чему привело все это.

«Мнѣ не нужно было возвращаться совсѣмъ домой», — съ горечью думала Тессъ.

Внезапно въ ней пробудилось сознаніе людской несправедливости и глаза ея наполнились горячими слезами, но онѣ не полились изъ глазъ. Даже ея мужъ, Энджель Клэръ, и тотъ такъ жестоко поступилъ съ ней! Раньше она ни за что не созналась бы въ этомъ, но, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, онъ былъ жестокъ! Никогда, во всю свою жизнь, — она могла поклясться въ этомъ, — она не хотѣла сдѣлать что-нибудь дурное, а надъ ней произнесли строгій судъ. Каковы бы ни были ея проступки, она грѣшила не преднамѣренно, а по невѣдѣнію, за что же такъ упорно преслѣдуютъ ее?

Она порывисто схватила первый попавшійся листъ бумаги и набросала слѣдующія строки:

«Ахъ, за что ты такъ безчеловѣчно обошелся со мной, Энджель? Я не заслуживаю этого. Я все думала объ этомъ. Нѣтъ, я никогда, никогда не прощу тебѣ! Ты, вѣдь, зналъ, что я не хотѣла обмануть

тебя, за что же ты такъ жестоко обошелся со мной? Ты жестокъ, жестокъ! Постараюсь забыть тебя! Все, что я терпѣла отъ тебя, все несправедливо! Т.»

Она подождала, пока пройдетъ почтальонъ, выбѣжала отдать ему письмо и затѣмъ опять вернулась на прежнее мѣсто у окна.

Она такъ предалась горькимъ думамъ, что не обратила почти никакого вниманія на человѣка въ бѣломъ макинтошѣ, ѣхавшаго верхомъ по улицѣ. Вѣроятно, онъ увидалъ ее у окна и направилъ свою лошадь прямо къ котѣджу, такъ что она стала копытомъ на растенія, окаямлявшія низъ стѣны. Тессъ замѣтила его только тогда, когда онъ стукнулъ въ окно хлыстомъ. Дождь почти пересталъ, и она открыла окно.

— Вы развѣ не видѣли меня?—спросилъ д'Орбервиль.

— Я задумалась, — отвѣчала она. — Я слышала, что кто-то ѣдетъ, но подумала, что это повозка. Я была точно въ полуснѣ.

— А! Вы, можетъ быть, слышали шумъ д'Орбервильской кареты. Вы знаете эту легенду, навѣрное?

— Нѣтъ. Мой... одинъ человѣкъ собирался разъ мнѣ ее рассказать, но не рассказалъ.

— Если вы настоящая д'Орбервиль, то мнѣ тоже не слѣдовало бы вамъ рассказывать ее. Что до меня, то я незаконно ношу эту фамилию, такъ что мнѣ все равно. Это очень печальная легенда. Шумъ отъ этой несуществующей кареты можетъ слышать только тотъ, въ комъ течетъ кровь д'Орбервилей, и это считается дурнымъ для него предзнаменованіемъ. Преданіе это связано съ убійствомъ, совершеннымъ однимъ изъ членовъ вашего рода, много столѣтій тому назадъ.

— Разъ вы уже начали, такъ окончите ее.

— Хорошо. Говорятъ, что одинъ изъ вашихъ предковъ похитилъ какую-то красавицу; она старалась выскочить изъ кареты, въ которой онъ увозилъ ее, и въ борьбѣ съ ней онъ убилъ ее или она его, я забылъ въ точности. Такъ гласитъ преданіе. Но я вижу, что весь вашъ домашній скарбъ уложенъ... Вы уѣзжаете?

— Да, завтра.

— Я объ этомъ уже слышалъ, но мнѣ плохо вѣрилось; такъ это внезапно. Изъ-за чего же все вышло?

— Со смертью отца кончился срокъ нашего владѣнія, и мы не ѣдемъ больше права оставаться здѣсь. Мы могли бы, можетъ быть, гаться и нанимать домъ по-недѣльно, но это уже изъ-за меня шло.

— Изъ-за васъ?

— Я непорядочная женщина.

Д'Орбервиль вспыхнулъ.

— Что за низость! Негодяи! Желалъ бы я, чтобы за то ихъ подлыя душеньки обратились въ прахъ! — воскликнулъ онъ съ злобой въ голосъ. — Такъ изъ-за этого вы уѣзжаете? Васъ выгоняютъ?

— Не совсѣмъ выгоняютъ, но разъ они сказали, что скоро намъ нужно будетъ уѣхать отсюда, то ужъ лучше уйти теперь, когда всѣ уходятъ, — все можетъ лучше устроиться.

— Куда же вы ѣдете?

— Въ Кингсбери. Мы тамъ наняли комнаты. Мама съ ума сходить по отцовской роднѣ и хочетъ ѣхать туда.

— Но вашей матери не удобно семьей жить по квартирамъ, да еще въ маленькомъ городишкѣ. Почему бы вамъ не переѣхать въ мою дачу въ Трантриджъ? Тамъ, правда, почти нѣтъ никакого хозяйства со времени смерти моей матушки. Но, какъ вы знаете, есть домъ и садъ. Это все я велю почистить и вымыть въ одинъ день, такъ что матери вашей тамъ можно жить съ большими удобствами, а дѣтей я помѣщу въ хорошую школу. Вѣдь, по чести, мнѣ нужно же что-нибудь сдѣлать для васъ!

— Но, вѣдь, мы уже сняли комнаты въ Кингсбери! — сказала она.

— Вы меня считаете вашимъ врагомъ, но я вашъ другъ, хотя вы и не вѣрите этому. Переѣзжайте въ мой коттеджъ. Я устрою у себя птичникъ, а ваша мать будетъ смотрѣть за птицами, дѣти же будутъ ходить въ школу.

Дыханье Тессъ становилась все прерывистѣе и учащеннѣе, наконецъ, она сказала:

— Какъ могу я знать, исполните ли вы все это? Ваши планы могутъ измѣниться, и тогда мы снова... моя мать будетъ опять безъ пріюта.

— Ахъ, нѣтъ, никогда! Я заключу письменное условіе. Обдумайте это.

Тессъ покачала головой. Но д'Орбервиль все настаивалъ; ее удивляла его настойчивость, — онъ во что бы то ни стало хотѣлъ добиться согласія.

— Пожалуйста, сообщите объ этомъ вашей матери, — сказалъ онъ, весь преисполненный какимъ-то восторженнымъ чувствомъ. — Это ея дѣло рѣшать, а не ваше. Я велю вымыть и вычистить весь домъ къ завтрашнему утру; къ вечеру все будетъ готово, такъ что вамъ нужно будетъ пріѣхать прямо туда. Такъ знайте, я буду ждать.

Тессъ снова покачала головой. Ея горло сжалось отъ какого-то необъяснимаго волненія. Она не рѣшалась взглянуть на д'Орбервилей.

— Вѣдь, я вашъ должникъ, вы знаете, — сказалъ онъ въ заключеніе. — Вы излечили меня отъ моего безумія, такъ что я радъ, что...

— Я хотѣла бы лучше, чтобы безуміе оставалось при васъ, тогда бы вы не вернулись ко мнѣ.

— Я радъ, что имѣю случай немного расплатиться съ вами. Надѣюсь, что завтра придутъ пожитки вашей матери. Дайте вашу руку, дорогая, прелестная Тессъ!

При этихъ словахъ онъ понизилъ голосъ до шепота и положилъ руку на полуоткрытое окно. Гнѣвно взглянувъ на него, она быстро захлопнула раму и при этомъ движеніи придавила его руку.

— Проклятіе, вы очень жестоки! — сказалъ онъ, освобождая свою руку. — Да, да, я знаю, что вы не нарочно. И такъ, я буду ждать васъ, или, по меньшей мѣрѣ, вашу мать и дѣтей.

— Я не приѣду. У меня, вѣдь, есть много денегъ! — воскликнула она.

— Гдѣ же онъ?

— У моего тестя; если я попрошу, онъ дастъ мнѣ.

— Да, если вы попросите. Но вы не сдѣлаете этого, Тессъ; я знаю васъ, вы никогда не попросите у него, — скорѣе умрете.

Съ этими словами онъ уѣхалъ.

Тессъ оставалась довольно долго на томъ же мѣстѣ. Стемнѣло. Старшія дѣти ушли съ матерью, четверо младшихъ, начиная съ трехъ съ половиною лѣтъ до одиннадцати, всѣ въ черномъ, собрались около очага, убирая свои игрушки и вещи. Тессъ присоединилась къ нимъ; свѣчи она не зажигала.

— Сегодня мы проведемъ здѣсь, въ домѣ, гдѣ родились, послѣднюю ночь, дорогіе мои, — сказала она быстро. — Вамъ не мѣшаетъ подумать объ этомъ, не правда ли?

Всѣ они сразу примолкли. Впечатлительныя, какъ всѣ дѣти такого возраста, они уже готовы были удариться въ слезы при ея словахъ, живо почувствовавъ, что насталъ конецъ чему-то, между ѣмъ какъ весь день они радовались, мечтая о новомъ жилищѣ. есъ переѣхала разговоръ.

— Спойте мнѣ что-нибудь, милые, — сказала она.

— Что же намъ спѣть?

— Что знаете, мнѣ все равно.

Сначала наступило минутное молчаніе, которое прервалъ одинъ лосокъ, затѣмъ другой поддержалъ его, затѣмъ и остальные дѣ-

ти заплѣли въ униссонъ на слова, выученныя ими въ воскресной школѣ:

«Здѣсь мы терпимъ горе, муки,
Здѣсь мы, встрѣтясь, расстаемся,
А на небѣ нѣтъ разлуки».

Всѣ четверо плѣли флегматично и безучастно.

Тессъ отошла отъ нихъ и снова стала у окна. На улицѣ было совсѣмъ темно; она прильнула лицомъ къ стеклу, какъ будто всматриваясь въ темноту, на самомъ же дѣлѣ она хотѣла скрыть слезы. Если бы она могла только вѣровать въ то, о чемъ дѣти плѣли, если бы она была увѣрена въ этомъ, — какая была бы разница! Какъ довѣрчиво поручила бы она ихъ волѣ Провидѣнія, зная, что ихъ ждетъ царствіе небесное! Но вѣры такой не было и необходимо было что-нибудь предпринять, быть ихъ провидѣніемъ; для Тессъ, какъ и для большинства людей, казались грубою насмѣшкой слова поэта: «Мы приходимъ не въ ужасной наготѣ, а окруженные облаками славы». Для нея и подобныхъ ей явленіе на свѣтъ казалось какимъ-то насильственнымъ фактомъ; жизнь не давала имъ никакого удовлетворенія, — хорошо еще, если она была сносною.

На дорогѣ она вскорѣ различила фигуры матери и высокой Лизы-Лу съ Абрамомъ. Калоши мистрисъ Дорбифильдъ зашлепали около двери и Тессъ отперла ее.

— Около окна видны слѣды лошадиныхъ копытъ, — сказала Джоанна. — Развѣ былъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, — отвѣчала Тессъ.

Дѣти у огня посмотрѣли серьезно на нее и одинъ изъ нихъ сказалъ тихо;

— Какже, Тессъ, джентльменъ верхомъ?

— Онъ не заходилъ сюда, — сказала Тессъ. — Онъ проѣздомъ остановился поговорить со мной.

— Кто этотъ джентльменъ? — спросила мать.

— О, не спрашивай, — отвѣчала Тессъ. — Ты еще раньше его видѣла, да и я также.

— А что же онъ говорилъ? — съ любопытствомъ спросила Джоанна.

— Я скажу тебѣ все завтра, когда мы устроимся на нашей квартирѣ въ Кингсберѣ.

II.

Съ самаго ранняго утра придорожные жители были разбужены непрерывнымъ стукомъ экипажей, продолжавшимся вплоть до поздняго утра. На первой недѣлѣ этого мѣсяца всегда происходило такое движеніе: это было въ порядкѣ вещей, все равно какъ кукованье кукушки въ концѣ мѣсяца. Стукъ этотъ служилъ предвѣстникомъ общаго передвиженія—ѣхали фуры и телѣги забирать пожитки уѣзжавшихъ семей; существовалъ обычай, что мызники, къ которымъ нанимались семьи въ работу, сами присылали за ихъ вещами. Чтобъ успѣть все перевезти за день, надо было отправляться за вещами ночью, а къ шести часамъ утра фуры уже должны были быть у дверей уѣзжавшихъ хозяевъ.

Но никто не прислалъ фуры за вещами Тессъ и ея матери. Онѣ не были работницами, никуда ихъ не звали, такъ что имъ пришлось перевозить вещи на свой счетъ.

Тессъ очень обрадовалась, когда, выглянувъ въ это утро въ окно, увидала, что фура пріѣхала и что дождя не было, хотя погода была вѣтреная и пасмурная. Дождь въ день Благовѣщенья былъ всегда большимъ несчастьемъ: всѣ домашнія принадлежности, постели, одежда,—все привозилось промокшимъ и черезъ это нерѣдко являлись болѣзни.

Мать, Лиза - Лу и Абрамъ также проснулись уже, а младшія дѣти еще наслаждались сномъ. Они четверо позавтракали при слабомъ утреннемъ свѣтѣ и приступили къ укладкѣ.

Они весело принялись за работу съ помощью нѣсколькихъ сосѣдей. Сначала въ фуру поставили болѣе громоздкую мебель, потомъ кровати, на которыхъ должны были сидѣть Джоанна Дорбифильдъ и младшія дѣти во все время переѣзда. Когда все было уложено, пришлось долго ждать, пока запрягали лошадей; наконецъ, около двухъ часовъ они тронулись въ путь. На ось повѣсили котелокъ для воды, сама мистрисъ Дорбифильдъ и дѣти возсѣдали внутри фуры; въ рукахъ мистрисъ Дорбифильдъ держала стѣнные часы, боясь, какъ бы механизмъ ихъ не испортился отъ толчковъ повозки. Тессъ и старшая дѣвочка шли рядомъ, пока не выѣхали изъ околицу деревни. Наканунѣ и сегодня утромъ онѣ побывали у некоторыхъ сосѣдей и попрощались съ ними; нѣкоторые пришли теперь посмотрѣть на ихъ отъѣздъ и пожелать всего хорошаго, но ни въ душѣ ничего хорошаго не ждали для такой несчастной женщины, никому, впрочемъ, не дѣлавшей ничего дурного. Вскорѣ фура начала взбираться на гору; вѣтеръ все усиливался.

Такъ какъ сегодня было шестое апрѣля, то повозка Дорбифильдовъ встрѣчала много другихъ фуръ по пути. Всѣ онѣ были нагружены тѣми же приблизительно предметами и въ томъ же порядкѣ.

Одни изъ отъѣзжающихъ были оживлены, другіе сумрачны. Нѣкоторые останавливались у дверей встрѣчныхъ трактировъ, останавливались и Дорбифильды, чтобы покормить лошадей и немного отдохнуть и подкрѣпиться самимъ.

Въ одну изъ такихъ остановокъ глаза Тессъ случайно упали на кружку, переходившую изъ рукъ въ руки между женщинами, сидѣвшими на повозкѣ съ вещами, которая остановилась не по далеку отъ трактира. Она увидала между ними знакомыя лица и подошла къ фурѣ.

— Маріанна, Иццъ! — закричала она дѣвушкамъ, переѣзжавшимъ съ какою-то семьей. — Вы тоже переѣзжаете сегодня, какъ и всѣ?

Онѣ сказали, что дѣйствительно перекочевываютъ на другое мѣсто, такъ какъ жизнь въ Флинткомбъ-Ашѣ стала имъ очень тяжела. Ушли онѣ безъ вѣдома Гроби; пусть онъ ихъ преслѣдуетъ, если захочетъ. Они сказали, куда теперь направляются, а Тессъ съ своей стороны сказала, куда она ѣдетъ.

Маріанна нагнулась къ ней и сказала, понизивъ голосъ.

— Знаешь ли ты, что господинъ, который тебя преслѣдуетъ, — ты знаешь, о комъ я говорю, — приходилъ и разспрашивалъ о тебѣ въ Флинткомбѣ послѣ твоего отъѣзда? Мы ему не сказали, гдѣ ты, зная, что видѣть его тебѣ было бы непріятно.

— Да. Но я все же видѣла его, — прошептала Тессъ. — Онъ нашелъ меня.

— И онъ знаетъ, куда вы ѣдете?

— Да, я думаю.

— Мужъ не вернулся?

— Нѣтъ.

Затѣмъ она распрощалась со своими знакомыми, такъ какъ возницы обоихъ экипажей вышли изъ трактира, и фуры поѣхали дальше, уже по разнымъ направленіямъ; повозка, въ которой ѣхали Маріанна и Иццъ, блестѣла яркими красками и ее тащила тройка сильныхъ лошадей въ блестящей упряжи съ мѣдными украшеніями, а фура, въ которой ѣхала мистрисъ Дорбифильдъ съ семействомъ, представляла изъ себя скрипучее сооруженіе, которое едва выдерживало грузъ, положенный на него; краски давно сошли съ нея, а везла ее только пара лошадей. Этотъ контрастъ ясно показывалъ,

какая разница заключается между наемною фурой и фурой, принадлежащей богатому мызнику.

Путь былъ длиненъ, такъ что, хотя они выѣхали рано, но былъ уже вечеръ, когда они обогнули возвышенность, составляющую часть плоскогорья, именуемаго Гринхиль. Пока лошади остановились передохнуть, Тессъ осмотрѣлась кругомъ. Подъ горой, какъ разъ передъ ними, лежалъ маленькій, точно вымершій городокъ, — цѣль ихъ странствованія, — Бингсберъ, гдѣ покоились предки ея, о которыхъ такъ много говорилъ и пѣлъ ей отецъ, — Бингсберъ, который могъ по праву считаться родиной и домомъ д'Орбервилей, жившихъ здѣсь пять столѣтій.

Какой-то человекъ вышелъ изъ предмѣстья городка и ускорилъ шагъ, рассмотрѣвъ, что ѣдетъ нагруженная повозка.

— Вы женщина по фамилиі Дорбифильдъ, если я не ошибаюсь? — спросилъ онъ у матери Тессъ, которая сошла съ экипажа, чтобы пѣшкомъ пройти остальной путь.

— Да, — отвѣчала она. — Я вдова покойнаго сэра Джона д'Орбервиля, бѣднаго дворянина, такъ что и я имѣла бы право называться дворянкой, если бы хотѣла; я возвращаюсь во владѣнія моихъ предковъ-рыцарей.

— А! Ну, объ этомъ мнѣ ничего неизвѣстно; но если вы мистрисъ Дорбифильдъ, то меня прислали сказать вамъ, что комнаты, которыя вы хотѣли снять, уже отданы. Мы не знали, что вы пріѣдете, пока не получили вашего письма сегодня утромъ, когда уже было поздно. Но вамъ, конечно, удастся найти квартиру гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Человекъ этотъ посмотрѣлъ на Тессъ, лицо которой сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ при этомъ извѣстіи. Ея мать тоже была въ отчаяніи.

— Что намъ дѣлать теперь, Тессъ? — сказала она съ горечью. — Вотъ какъ насъ привѣтствуютъ въ помѣстьяхъ нашихъ предковъ! Но давай еще попытаемся!

Они поѣхали по городу и всюду искали помѣщенія. Тессъ оставалась въ повозкѣ смотрѣть за дѣтьми, пока мать и Лиза-Лу наволли справки. Когда Джоанна черезъ часъ вернулась послѣ безлюдныхъ поисковъ, кучеръ сказалъ ей, что нужно освободить фуру отъ вещей, такъ какъ ему было велѣно вернуться назадъ ночью.

— Хорошо. Выгружайте ихъ здѣсь, — сказала безучастно Джоанна. — Я найду гдѣ-нибудь пристанище.

Фура остановилась у кладбищенскаго вала въ мѣстечкѣ, закрытой отъ взоровъ, и кучеръ безъ сожалѣнія сталъ выбирать изъ по-

возки жалкія, мѣстами поломанныя хозяйственныя принадлежности. Окончивъ это, онъ уѣхалъ, оставивъ ихъ, довольный, что больше не будетъ имѣть дѣла съ такою странною семьей. Ночь была сухая, такъ что, по его мнѣнію, они могли безъ вреда для себя провести ее подъ открытымъ небомъ.

Тессъ съ отчаяньемъ осмотрѣлась кругомъ. Тутъ былъ когда-то паркъ, теперь раздробленный на маленькія рощицы, и видѣлся зеленый фундаментъ, указывавшій, что здѣсь стоялъ замокъ д'Орбервилей; дажѣ возвышался отрогъ Эженъ - Хиза, который входилъ въ составъ владѣній. Тутъ же видѣлась часть церкви, носившей имя д'Орбервилей.

— Склепъ вашихъ предковъ, вѣдь, и вамъ можетъ служить пріютомъ, — сказала мать Тессъ, вернувшись съ своего обхода вокругъ церкви и кладбища. — Да, конечно, и туда-то мы и помѣстимся, дѣти, пока они не найдутъ намъ другого крова. Ну, Тессъ, Лиза и Абрамъ, помогайте мнѣ. Мы устроимъ дѣтей, а потомъ сами еще разъ пойдемъ въ обходъ.

Тессъ машинально стала помогать ей, и въ четверть часа четыре старыя кровати были отдѣлены отъ груды всѣхъ пожитковъ и поставлены около южной стороны церковнаго вала, около д'Орбервильской церкви, подъ которой находились обширныя склепы. Надъ изголовьемъ кроватей высилось великолѣпное окно съ рѣзбой, съ разноцвѣтными стеклами; окно это было сдѣлано въ пятнадцатомъ столѣтіи. Называли его окномъ д'Орбервилей и на верхней части его можно было различить геральдическія эмблемы, какъ на старой печаткѣ и ложкѣ, хранившейся у Дорбифильдовъ. Джоанна развѣсила надъ кроватями занавѣси, такъ что вышла прекрасная палатка, и положила младшихъ дѣтей.

— На худшій конецъ мы можемъ проспать здѣсь ночь, — сказала она. — Но сначала постараемся раздобыть голубчикамъ моимъ поѣсть. Ахъ, Тессъ, къ чему было тебѣ выходить замужъ за джентльмена, если онъ насъ оставляетъ въ такомъ положеніи!

Въ сопровожденіи Лизы и мальчижа, она опять пошла вверхъ по маленькой тропинкѣ, отдѣлявшей церковь отъ городка. Едва они вступили на улицу, какъ увидали мужчину верхомъ, который внимательно глядѣлъ во всѣ стороны.

— А, васъ-то я и ищу! — сказалъ онъ, подъѣзжая къ нимъ. — Вы всѣ теперь находитесь на историческомъ мѣстѣ, во владѣніяхъ нашихъ предковъ. — Это былъ Алексъ д'Орбервиль. — Гдѣ Тессъ? — спросилъ онъ.

Джоанна не особенно-то была расположена къ Алеку. Она молча

показала ему на церковь. Когда она уходила уже, д'Орбервиль сказалъ ей вслѣдъ, что, вѣроятно, увидить ее, если только ихъ старанія найти пріютъ останутся безуспѣшными. Затѣмъ онъ подѣхалъ къ трактиру и вскорѣ вышелъ оттуда пѣшкомъ.

Между тѣмъ, Тессъ, оставшаяся съ дѣтьми, поговорила съ ними и затѣмъ пошла побродить по кладбищу, на которое уже ложилась ночная тѣнь. Дверь въ церковь была открыта, она вошла туда; здѣсь ей не приходилось быть еще ни разу.

У окна, подъ которымъ стояли дѣтскія кровати, были гробницы ея предковъ, которыхъ хоронили здѣсь нѣсколько столѣтій подрядъ. Однѣ гробницы были съ часовнями, другія совсѣмъ простыя, рѣшетки кругомъ были изломаны, всѣ мѣдныя украшенія также, только остались углубленія, въ которыя они были раньше вдѣланы. Все это особенно живо напоминало о томъ, что ея родъ умеръ для общественной жизни.

Она нагнулась къ черной плитѣ, на которой было написано:

Ostium sepulchri antiquae familiae d'Urberville.

Тессъ не была такъ хорошо знакома латынѣ, какъ какому-нибудь кардиналу, но, тѣмъ не менѣе, она поняла, что здѣсь входъ въ усыпальницу ея предковъ и что здѣсь покоились тѣ рыцари, о которыхъ часто пѣвалъ ея отецъ.

Она повернулась къ выходу, мимо часовни надъ гробницей, казавшейся самою старинной; у нея стояла, прислонившись, какая-то фигура. Въ темнотѣ она ее не замѣтила сразу, но вдругъ фигура зашевелилась. Подойдя ближе, она сейчасъ же распознала, что это живое существо, и такъ испугалась, что едва не упала въ обморокъ, но мало-по-малу она оправилась и разсмотрѣла, что это Алекъ д'Орбервиль.

Онъ перескочилъ черезъ плиту и поддержалъ ее.

— Я видѣлъ, какъ вы вошли, — сказалъ онъ ей ласково и не хотѣлъ мѣшать вашимъ размышленіямъ. — Не правда ли, какъ много тутъ подъ нами разныхъ старыхъ воиновъ! Послушайте-ка. — Онъ громко ударилъ ногой по полу; снизу раздалось отвѣтное эхо.

— Это ихъ немного потревожить, я полагаю, — продолжалъ онъ. — А вы меня приняли за каменное изображеніе одного изъ нихъ. Но нѣтъ. Все переѣнилось. Мизинецъ лже-д'Орбервиля теперь больше можетъ сдѣлать, чѣмъ цѣлая династія лежащихъ здѣсь въ земляхъ... Ну, приказывайте, что мнѣ надо дѣлать?

— Уйдите! — прошептала она.

— Да, я пойду и поищу, гдѣ ваша мать, — сказалъ онъ ласково.

Но, проходя мимо нея, онъ шепнулъ:—Все же знайте, что настанеть время, когда вы будете ласковы со мной.

Когда онъ ушелъ, она стала на колѣни передъ входомъ въ склепъ и сказала:

— Зачѣмъ, зачѣмъ я не по ту сторону этой двери?

Между тѣмъ, Марианна и Иццъ Гюэттъ ѣхали впередъ съ вещами земледѣльца въ иную сторону. Но онѣ мало думали о томъ, куда ѣхали. Онѣ вели бесѣду объ Энджелъ-Блэрѣ, о Тессъ и ея настойчивомъ ухаживателѣ, который, они знали теперь, былъ тѣсно связанъ съ прежнею жизнью Тессъ.

— Она знала его раньше,—говорила Марианна.—Все дѣло въ томъ, что онъ жилъ съ ней. Но очень было бы жалко, еслибъ онъ опять увлекъ ее. Иццъ, мистеръ Блэръ никогда не будетъ нашимъ, такъ не лучше ли намъ не ревновать ее къ нему, а стараться потушить эту ссору между ними? Если бы только онъ зналъ, въ какихъ тискахъ она теперь находится, и чтѣ ей грозитъ, онъ пріѣхалъ бы навѣрное, чтобъ охранить ее отъ этого.

— Нельзя ли какъ-нибудь сообщить ему?

Онѣ все время раздумывали объ этомъ на пути, затѣмъ хлопоты объ устройствѣ на новомъ мѣстѣ отвлекли ихъ вниманіе. Только когда онѣ совсѣмъ устроились, мѣсяцъ спустя, они услышали, что Блэръ возвращается, хотя о Тессъ онѣ болѣе ничего не слышали. Тогда, волнуемая снова пробудившеюся въ ней любовью къ нему, Марианна откупорила стѣянку съ чернилами и вмѣстѣ съ другою дѣвушкой сочинила слѣдующія строки:

«Уважаемый сэръ, смотрите за своею женой, если вы ее любите такъ, какъ она васъ. Около нея близко находится врагъ, принявшій образъ друга. Сэръ, около нея стоитъ нѣкто, кому слѣдовало бы быть далеко отъ нея. Женщину нельзя подвергать искушеніямъ, превышающимъ ея силы; вѣдь, капля за каплей можетъ проточить камень и даже брилліантъ.

Отъ двухъ доброжелателей».

Она адресовала это письмо мистеру Блэру въ единственное мѣсто, о которомъ слышала отъ него—въ Эмминстерскій вигаріатъ; послѣ этого онѣ долго оставались въ какомъ-то экзальтированномъ настроеніи, восхищаясь своимъ великодушіемъ, и не разъ принимались истерично рыдать.

ФАЗА СЕДЬМАЯ.

Преступленіе.

Въ Эминстерскомъ викаріатѣ насталь вечеръ. Двѣ свѣчи горѣли подь зеленымъ абажуромъ въ кабинетѣ викарія, но онъ не сидѣлъ тамъ. Разъ онъ взошелъ, поправилъ слабый огонь, достаточно согрѣвавшій комнаты, тѣмъ болѣе, что весна вступала въ свои права, и снова вышелъ; то онъ останавливался передь входною дверью, то входилъ въ гостиную, то снова выходилъ на крыльцо.

Оно выходило на западъ; хотя на дворѣ было почти темно, но все же можно было различать предметы. Мистрисъ Клэръ, сидѣвшая въ гостиной, послѣдовала за мужемъ.

— Еще долго придется ждать, — сказалъ викарій. — Онъ будетъ въ Чэлкъ-Ньютонѣ въ шесть часовъ, даже если поѣздъ не запоздаетъ, да еще надо сдѣлать десять миль по проселочной дорогѣ, половину ихъ по Криммеркрокской дорогѣ, а наша старая лошадь не сдѣлаетъ ихъ очень скоро.

— Съ нами она проходила ихъ въ часъ.

— Да, но много лѣтъ тому назадъ.

Такими разговорами они старались коротать время, хотя оба хорошо знали, что все это пустыя слова, а, главное, надо терпѣливо ждать.

Наконецъ, по дорогѣ послышался легкій стукъ и старенькій шарбанъ показался вдаль. Вскорѣ они увидали человѣка, выходящаго изъ экипажа; еслибъ они не были увѣрены, что это онъ, они, навѣрное, не узнали бы его.

Мистрисъ Клэръ бросилась къ двери, а за ней немного медленнѣе пошелъ и мужъ ея.

Пріѣзжій увидалъ ихъ озабоченныя лица, когда они еще не могли разглядѣть его, потому что смотрѣли на него противъ свѣта.

— О, мой мальчикъ; мой милый мальчикъ, наконецъ-то ты вернулся! — вскричала мистрисъ Клэръ. Она забыла въ эту минуту о его еретическихъ воззрѣніяхъ, вызвавшихъ разлуку между ними; она такъ же мало думала теперь объ этомъ, какъ и о пыли, кривавшей его платье. Какая женщина, дѣйствительно, хотя бы самая лучшая христіанка, вѣруеть въ обѣщанныя евангеліемъ женства и муки такъ, какъ она вѣруеть въ своихъ дѣтей, и какая женщина не промѣняетъ религію на ихъ счастье?... Когда они шли въ освѣщенную комнату, она взглянула ему въ лицо. — «А! это не Энджель, это не мой сынъ, это не тотъ Энджель,

который уѣзжал!—закричала она въ горѣ, отворачиваясь отъ него.

Его отецъ былъ тоже пораженъ его видомъ,—такъ осунулось и измѣнилось его лицо отъ душевныхъ терзаній и дурного климата страны, куда онъ поспѣшилъ скрыться, боясь насмѣшекъ за случившееся съ нимъ на родинѣ. Это былъ не человѣкъ, а скелетъ—тѣнь прежняго человѣка. Онъ былъ похожъ на мертваго Спасителя Бривеллея. Его ввалившіеся глаза были тусклы, подъ глазами было черно, какъ у мертвеца. Лицо приняло такія же острые очертанія, какъ у его стариковъ-родителей, хотя Энджелю по-настоящему надо было бы стать такимъ не раньше, какъ лѣтъ черезъ тридцать.

— Я былъ боленъ тамъ,—сказалъ онъ.—Теперь я поправился,—но, какъ бы въ опроверженіе его словъ, его ноги подогнулись, и онъ долженъ былъ сѣсть, чтобы не упасть. Это былъ приступъ слабости послѣ долгаго дневного путешествія и отъ волненія, вызваннаго прїѣздомъ.

— Не было ли письмо недавно?—спросилъ онъ.

Одно письмо было получено. Остальныя, присланныя ему нѣсколько недѣль тому назадъ, они переслали ему, не зная, что онъ самъ прїѣдетъ въ скоромъ времени.

Онъ поспѣшно вскрылъ поданное ему письмо и очень былъ пораженъ тѣми чувствами, которыми было полно письмо Тессъ къ нему.

«Ахъ, за что ты такъ безчеловѣчно обошелся со мной, Энджель? Я не заслуживаю этого. Я все думала объ этомъ. Нѣтъ, я никогда, никогда не прошу тебѣ! Ты, вѣдь, зналъ, что я не хотѣла обмануть тебя, за что же ты такъ дурно обошелся со мной? Ты жестокъ, жестокъ! Постараюсь забыть тебя. Все, что я терпѣла отъ тебя—все несправедливо.

Т.». .

— Это все совершенная правда!—сказалъ Энджель, бросая письмо.—Она едва ли когда проститъ меня!

— Не огорчайся такъ, Энджель, изъ-за простой крестьянки.—сказала его мать.

— Простая крестьянка! Да, мы всѣ крестьяне—дѣти земли. И я хотѣлъ бы, чтобы она была простая крестьянка; но мнѣ надо вамъ сказать,—раньше я не говорилъ вамъ ничего объ этомъ,—что ея отецъ происходитъ по мужской линіи отъ одной изъ самыхъ старыхъ норманскихъ фамилій; у насъ много земледѣльцевъ, которые, также какъ и онъ, происходятъ изъ знатныхъ семей, но они никому неизвѣстны и ихъ называютъ простыми крестьянами.

Вскорѣ онъ пошелъ спать и провелъ слѣдующее утро у себя въ комнатѣ, чувствуя себя очень нехорошо. Онъ все время раздумывалъ о положеніи дѣлъ. Когда онъ былъ на экваторѣ, ему казалось, что нѣтъ ничего легче, какъ придти къ Тессъ и заключить ее въ свои объятія; теперь же, по пріѣздѣ сюда, это стало ему казаться не такимъ легкимъ дѣломъ. Она была страстною натурой, и онъ спрашивалъ себя, будетъ ли это благоразумно, не предупредивъ ее, встрѣтиться съ ней? Даже предположивъ, что со времени разлуки она, вмѣсто любви, стала чувствовать къ нему антипатію, все же внезапная встрѣча съ нимъ вызвала бы у нея горькіе упреки.

И такъ, Клэръ рѣшилъ, что будетъ лучше послать въ Марлоттъ письмо къ Тессъ, чтобы приготовить ее и ея родныхъ къ встрѣчѣ съ нимъ,—онъ надѣялся, что она живетъ еще съ ними, какъ у нихъ было условлено при его отъѣздѣ изъ Англии. Онъ въ тотъ же день привелъ свой планъ въ исполненіе и менѣе чѣмъ черезъ недѣлю онъ получилъ короткій отвѣтъ отъ мистрисъ Дорбифильдъ, который нисколько не разсѣялъ его неизвѣстности: письмо было безъ указанія адреса, хотя, къ его удивленію, написано оно было не изъ Марлотта.

«Сэръ, я пишу эти строки, чтобы сообщить вамъ, что дочь моя уѣхала отъ насъ и я не знаю, когда она вернется. Я извѣщу васъ, какъ только узнаю это. Я не считаю себя вправѣ сообщить вамъ, гдѣ она находится въ настоящее время. Прибавлю, что я и мое семейство—мы покинули на время Марлоттъ.

Ваша Ж. Дорбифильдъ».

Для Клэра было такимъ облегченіемъ узнать, что Тессъ жилось, повидимому, довольно хорошо, но онъ не обратилъ особеннаго вниманія на упорное нежеланіе ея матери указать ея мѣстопробываніе. Очевидно, они всѣ сердятся на него. Онъ подождетъ, пока мистрисъ Дорбифильдъ не извѣститъ его о возвращеніи Тессъ, какъ она обѣщала въ письмѣ. Онъ и не заслуживалъ ничего болѣе. Во время своего отсутствія онъ многое передумалъ, въ исторической Корнеліи онъ видѣлъ сходство съ добродѣтельною Фаустиной, во Фринѣ онъ узналъ духъ Лукреціи; онъ думалъ о томъ, какъ женщинъ осудили на побиваніе камнями, и о томъ, какъ жена Урія стала цанцей, и не разъ спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ осудилъ Тессъ на снованіи фактовъ а не на основаніи здраваго смысла, зачѣмъ онъ судилъ ее за поступки, а не принялъ во вниманіе ея желанія дѣйствовать иначе?

День за днемъ ждалъ онъ въ отцовскомъ домѣ второго обѣщан-

наго письма отъ Джоанны Дорбифильдъ. Между тѣмъ, силы возвращались къ нему, а письма все не было. Ему вернули письма изъ Бразиліи и между ними было письмо отъ Тессъ, написанное изъ Флинткомбъ-Аша. Неожиданныя строки привели его въ совершенное уныніе.

«Я должна обратиться къ тебѣ въ моемъ горѣ,—у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя... Миѣ кажется, я умру, если ты не прійдешь скоро или не позволишь миѣ прійхать къ тебѣ... Но, Энджель, я прошу, умоляю тебя, не будь справедливъ, но будь хоть немного добрѣе ко миѣ!... Если ты прійдешь, я могу хотя умереть у тебя на рукахъ! Если бы ты тогда простилъ меня, я бы съ радостью умерла!... Если бы ты написалъ миѣ одну только строчку и сказалъ бы: я прійду скоро, я стала бы все терпѣть съ радостью!... Подумай, подумай, какъ страдаетъ мое сердце при мысли, что я никогда не увижу тебя больше, никогда!... Ахъ, еслибъ я могла хоть на одну минуту заставить страдать твое сердце такъ, какъ страдаетъ мое каждый день, то ты пожалѣлъ бы меня бѣдную, одинокую... Я была бы довольна, даже рада, быть твоею служанкой; если я не могу быть твоею женой, только бы миѣ быть около тебя, видѣть тебя, думать, что ты мой... Я одного только жажду на небѣ, на землѣ и подъ землей—встрѣчи съ тобой, мой дорогой! Приди ко миѣ, приди и спаси меня отъ того, что грозитъ миѣ!»

Глаза Клэра наполнились слезами, страстное желаніе сейчасъ же разыскать ее охватило его. Онъ спросилъ отца, просила ли она у него денегъ во время его отсутствія. Отецъ отвѣтилъ отрицательно. Энджель понялъ, что гордость помѣшала ей обращаться съ такою просьбой. Изъ его словъ родители его только теперь поняли истинную причину, почему они разъѣхались; будучи оба христіанами въ настоящемъ смыслѣ этого слова, они, особенно страдавшіе душой за заблудшихъ овецъ, полюбили Тессъ, почувствовали къ ней жалость и нѣжность, какой не чувствовали ни за ея простоту, ни за бѣдность, ни за происхожденіе.

Убирая различныя вещи, онъ замѣтилъ маленькое письмецо, недавно полученное отъ Маріанны и Иццъ Гюэттъ, начинавшееся словами: «Уважаемый сэръ, смотрите за вашею женой, если любите ее такъ, какъ она васъ», и подписанное: «отъ двухъ доброжелателей».

LIV.

Четверть часа спустя Клэръ выходилъ уже изъ дому; мать слѣдила за его тонкою фигурой, пока онъ не скрылся изъ вида. Зная,

что лошадь нужна въ хозяйствѣ, онъ отклонилъ предложеніе взять ее. Онъ вошелъ на постоянный дворъ, нанялъ тамъ лошадь и едва могъ дожидаться, пока запрягутъ ее. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже подымался на холмъ, съ котораго три мѣсяца тому назадъ Тессъ спускалась полная надеждъ и затѣмъ возвращалась, унося съ собой разбитое сердце.

Вскорѣ передъ нимъ открылась Бенвильская дорога, вдоль которой тянулись живыя изгороди и деревья, покрытыя почками; но онъ былъ занятъ не тѣмъ, и ровно настолько обращалъ вниманіе на окружавшую его природу, чтобы не сбиться съ дороги. Часа черезъ полтора онъ обогнулъ южную часть Кингъ-Чиктока и сталъ подниматься вверхъ по печальной безлюдной мѣстности Креста, гдѣ Тессъ, по настоянію Алека д'Орбервиля, въ характерѣ котораго произошелъ переломъ, должна была повлечься, что никогда съ своей стороны не подастъ ему повода къ искушенію.

Потомъ онъ повернулъ направо и углубился въ горную известковую страну Флинткомбъ-Аша; изъ письма Тессъ онъ зналъ, что она жила здѣсь, и думалъ найти ее на той же фермѣ. Конечно, онъ не нашелъ ея, ему стало еще грустнѣе, когда ему сказали, что никто и не слыхивалъ здѣсь о «мистрисъ Клэръ», а всѣ помнили Тессъ только по имени. То, что она съ умысломъ скрывала отъ всѣхъ свое имя, а еще болѣе то, что она рѣшилась лучше выносить всякія злополучія, чѣмъ обратиться съ денежною просьбой къ его отцу, въ этомъ онъ видѣлъ проявленіе ея непреклонной рѣшимости разстаться съ нимъ навсегда.

Ему сказали, что Тессъ Дорбифильдъ ушла отсюда домой къ роднымъ по другую сторону Блакмура, такъ что ему необходимо было разыскать мистрисъ Дорбифильдъ. Она сообщила ему, что не живетъ болѣе въ Марлоттѣ, но умышленно умолчала о своемъ теперешнемъ адресѣ, такъ что единственное, что онъ могъ сдѣлать, это поѣхать въ Марлоттъ и разспросить о ней. Мызникъ, который былъ такъ грубъ съ Тессъ, оказался удивительно привѣтливымъ съ Клэромъ и одолжилъ ему лошадь и кучера, чтобы добраться до Марлотта, а экипажъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, надо было послать обратно въ Эминстеръ, такъ какъ Клэръ нанялъ его лько на дневной срокъ.

Клэръ ни за что не хотѣлъ долго пользоваться одолженнымъ у экипажемъ и отослалъ его назадъ у предмѣстья Марлотта, а самъ пошелъ пѣшкомъ въ деревню, гдѣ родилась его дорогая Тессъ. Се было слишкомъ рано для зелени въ садахъ; такъ называемая

весна была еще зимой; повсюду едва пробивалась зеленая листва, — такъ было и съ его надеждами.

Домъ, гдѣ Тессъ провела годы своего дѣтства, былъ теперь занятъ какою-то другою семьей, которая совершенно игнорировала ея существованіе. Новые жильцы находились въ саду и всецѣло были заняты только своими интересами, какъ будто бы съ этимъ домомъ не была связана исторія другихъ людей. Они гуляли по дорожкамъ сада, исключительно думая о томъ, какъ бы лучше устроиться здѣсь.

То время, когда Тессъ жила здѣсь, не имѣло для нихъ никакого значенія. Даже весеннія птицы, распѣвавшія надъ ними, продолжали безопасно свои пѣсни, какъ будто не замѣчали ничего отсутствія.

Изъ разспросовъ этихъ простодушныхъ людей, для которыхъ даже имя ихъ предшественниковъ было едва извѣстно, Клэръ узналъ, что Джонъ Дорбифильдъ умеръ, что его вдова и дѣти покинули Марлоттъ, объявивъ, что будутъ жить въ Кингсберъ, а вмѣсто того ушли въ другое мѣсто, называемое такъ-то. Съ этой минуты домъ этотъ, въ которомъ не жила болѣе Тессъ, сдѣлался ненавистнымъ Клэру и онъ поспѣшилъ уйти изъ него, даже ни разу не оглянувшись назадъ.

Путь его лежалъ по полю, гдѣ онъ впервые увидалъ ее во время танцевъ. Затѣмъ онъ прошелъ по кладбищу и здѣсь замѣтилъ среди недавнихъ надгробныхъ камней одинъ, который былъ нѣсколько отличенъ отъ другихъ. Надпись гласила слѣдующее:

«Въ память Джона Дорбифильда, вѣрнѣе, д'Орбервиля, происходившаго отъ знатнаго рода и по прямой линіи нисходившаго отъ сэра Бріана д'Орбервиля, одного изъ рыцарей Завоевателя. Скончался марта 10, 18 — г.»

Такъ низвергаются сильные міра сего.

Какой-то человекъ, повидимому, могильщикъ, увидалъ Клэра и подошелъ.

— Ахъ, сэръ, вотъ человекъ, которому очень не хотѣлось лежать здѣсь; онъ желалъ, чтобъ его перенесли въ Кингсберъ, гдѣ покоются его предки.

— А почему же не исполнили его воли?

— Эхъ, денегъ не было! Да благословить васъ Богъ, сэръ; я не хотѣлъ бы никому говорить объ этомъ, но... даже за этотъ камень, за цвѣтистую надпись на немъ не заплачено!

— А!... А кто поставилъ его?

Человекъ назвалъ имя деревенскаго каменщика и Клэръ, вый-

дя изъ кладбища, пошелъ въ его домъ. Тамъ онъ услышалъ подтвержденіе сказаннаго ему и заплатилъ по счету. Исполнивъ это, онъ пошелъ разыскивать вдову.

Хотя путь предстоялъ ему длинный, но Клэръ такъ жаждалъ уединенія, что ни за что не хотѣлъ нанять экипажъ или пойти вдоль по полотну желѣзной дороги, по которому ему было ближе добратъся до цѣли его странствованія. Въ Чэстонѣ, однако, онъ долженъ былъ нанять лошадь; тѣмъ не менѣе, онъ только къ семи часамъ вечера пріѣхалъ въ мѣстопробываніе Дорбифильдовъ; всего отъ Марлотта онъ сдѣлалъ болѣе двадцати миль.

Деревня была не велика, такъ что онъ безъ труда розыскалъ жилище мистрисъ Дорбифильдъ. Она жила въ домикѣ, обнесенномъ стѣной, въ сторонѣ отъ дороги; тамъ она разставила свою старую мебель, какъ могла лучше. Клэръ былъ увѣренъ, что она не желала его посѣщенія. И онъ какъ бы силою врывался къ ней въ домъ. Она вышла къ двери; на ея лицо падалъ свѣтъ заходящаго солнца.

Клэръ видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни; она все еще была красива въ своей вдовьей одеждѣ. Онъ былъ принужденъ объяснить, что онъ мужъ Тессъ и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Проговорилъ онъ это довольно нескладно:

— Мнѣ нужно видѣть ее, — закончилъ онъ. — Вы мнѣ обѣщали написать еще разъ и не исполнили обѣщанія.

— Потому что она не возвращалась домой, — отвѣчала Джоанна.

— Здорова ли она?

— Я ничего не знаю. Ваше было бы дѣло знать это, — сказала она.

— Да, я согласенъ съ этимъ. Гдѣ она находится?

Джоанна говорила съ нимъ, подперши щеку рукой, — знакъ замѣшательства.

— Я не знаю въ точности, гдѣ она, — отвѣчала она. — Она была... но...

— Гдѣ она была?

— Но ея нѣтъ здѣсь теперь.

Она снова замолчала, не желая выдавать тайны, а младшія дѣти подошли къ двери и одинъ изъ нихъ, спрятавшись въ юбки матери, прошепталъ:

— Это тотъ джентльменъ, который собирается жениться на Тессъ?

— Онъ женился на ней, — шепотомъ отвѣчала Джоанна. — Идиге въ домъ.

Кларъ, видя, что она хочетъ скрыть что-то отъ него, продолжалъ:

— Можеть быть, Тессъ не желаетъ видѣть меня? Если нѣтъ, то, конечно...

— Я думаю, что нѣтъ.

— Вы увѣрены?

— Я увѣрена.

Онъ повернулся, чтобы уйти, но вспомнилъ о нѣжномъ письмѣ Тессъ.

— Нѣтъ, я увѣренъ, что она хочетъ!—воскликнулъ онъ съ жаромъ.—Я ее знаю лучше, чѣмъ вы.

— Очень можеть быть, сэръ, потому что я никогда не могла хорошо распознать ее.

— Прошу васъ, дайте мнѣ ея адресъ, мистрисъ Дорбифильдъ, изъ жалости къ бѣдному, злополучному человѣку!

Мать Тессъ опять въ нерѣшимости оперлась на руку и, видя на его лицѣ страданіе, сказала, наконецъ, тихимъ голосомъ:

— Она въ Сэндбѣрнѣ.

— А!... Гдѣ же именно? Говорять, Сэндбѣрнъ сталъ очень великъ.

— Я больше ничего не знаю, въ Сэндбѣрнѣ. Что до меня, я никогда не была тамъ.

Было несомнѣнно, что Джоанна теперь говорила правду, такъ что онъ не настаивалъ больше.

— Не нужно ли вамъ чего-нибудь?—спросилъ онъ ласково.

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчала она.—У насъ все есть теперь.

Кларъ ушелъ, не заходя даже въ домъ. Въ трехъ миляхъ отъ-да была станція и онъ пошелъ туда, заплативъ извознику. Последній поѣздъ въ Сэндбѣрнъ отошелъ вскорѣ и увезъ съ собой Клара.

LV.

Въ одиннадцать часовъ ночи онъ приказалъ приготовить себѣ постель въ гостиницѣ, и, немедленно пославъ отцу телеграмму съ указаніемъ адреса, пошелъ бродить по улицамъ Сэндбѣрна. Было слишкомъ поздно, чтобы идти за справками или разспрашивать кого-нибудь, такъ что онъ волей-неволей отложилъ это до утра. Но ему еще не хотѣлось спать.

Это людное водяное мѣстечко съ пристанями, съ сосновыми аллеями и садами казалось Энджелю фантастическимъ, явившимся по мановенію волшебства. Вблизи пролегла дорога въ огром-

ную Эдхонскую пустошь. Тамъ все говорило о минувшихъ вѣкахъ: каждая неровность почвы принадлежала исторіи, каждый каналъ, по которому когда-то ѣздили британцы, сохранился неприкосновеннымъ; ни одна травка не была вырвана отсюда со временъ Цезарей. Но и сюда проникла иноземная культура.

Онъ бродилъ по улицамъ этого новаго мірка и при свѣтѣ звѣздъ различалъ между деревьями высокія крыши, бесѣдки и башни прихотливыхъ зданій. Здѣсь дома стояли особнякомъ, — точно уголокъ Средиземнаго моря на англійской почвѣ, ночью казавшійся еще величественнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Море было близко, оно шумѣло, а онъ думалъ, что это колышутся сосны; сосны въ отвѣтъ ему шумѣли тѣмъ же непрерывнымъ шумомъ, а онъ думалъ, что слышитъ плескъ моря.

Гдѣ здѣсь могла жить Тессъ, простая поселанка, его молодая жена, среди такой роскоши и богатства? Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе недоумѣвалъ. Чѣмъ она занималась: доеніемъ коровъ? Навѣрное, здѣсь не было пахотныхъ полей, на которыхъ она могла работать. Вѣроятно, ее наняли прислуживать въ одномъ изъ этихъ большихъ домовъ; онъ все бродилъ, смотря на окна, въ которыхъ еще горѣлъ мѣстами огонь, и спрашивалъ себя, не здѣсь ли гдѣ-нибудь ея комната?

Но отгадывать это было бесполезно, и послѣ полуночи онъ пошелъ къ себѣ и легъ спать. Прежде чѣмъ потушить свѣчу, онъ перечелъ еще разъ страстное письмо Тессъ. Но онъ не могъ уснуть, находясь такъ близко и, въ то же время, увь, такъ далеко отъ нея; онъ безпрестанно поднималъ оконную занавѣску и смотрѣлъ на дома напротивъ, спрашивая себя, въ которомъ изъ нихъ она теперь спитъ.

Такъ просидѣлъ онъ почти всю ночь. Утромъ онъ всталъ въ семь часовъ и вскорѣ вышелъ изъ дому, по направленію къ главному почтовому отдѣленію. У двери онъ встрѣтился съ почтальономъ, несшимъ утреннюю почту.

— Знаете ли вы адресъ мистрисъ Блэръ?—спросилъ Энджель.

Почтальонъ отрицательно покачалъ головой.

Тогда Блэръ, вспомнивъ, что она легко могла принять свое дѣвичье имя, сказалъ:

— А миссъ Дорбифильдъ?

— Дорбифильдъ?

Такой фамиліи почтальонъ тоже не слыхалъ.

— Здѣсь каждый день пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ посѣтители,

сэръ,—сказалъ онъ,—и, не зная названія дома, невозможно найти ихъ.

Въ эту минуту вышелъ другой почтальонъ, которому повторили то же имя.

— Я не знаю Дорбифильдовъ. Но въ гостиницѣ «Цапля» есть фамилія д'Орбервиль,—сказалъ онъ.

— Вотъ это-то мнѣ и нужно!—воскликнулъ Клэръ, который съ радостью узналъ, что она приняла свою настоящую фамилію.— Гдѣ этотъ домъ?

— Это хорошія меблированныя комнаты.

Клэру указали, куда надо было идти, и онъ поспѣшилъ туда. «Цапля» была обыкновенною дачей, и онъ никогда бы не подумалъ, что здѣсь можно имѣть комнаты въ наемъ,—такой видъ «особняга» имѣлъ этотъ домъ. Если Тессъ здѣсь живетъ служанкой, то ему лучше пойти съ задняго входа. Но почему-то онъ подошелъ къ парадному подъѣзду и позвонилъ.

Такъ какъ было еще рано, то хозяйка дома сама отперла ему.

Клэръ спросилъ Терезу д'Орбервиль или Дорбифильдъ.

— Мистрисъ д'Орбервиль?

— Да.

И такъ, Тессъ была извѣстна здѣсь, какъ замужняя женщина; ему было пріятно слышать это, хотя она и не приняла его имени.

— Не будете ли вы такъ добры сказать ей, что ее желаетъ видѣть родственникъ?

— Немного рано еще. Какъ сказать ей объ васъ?

— Скажите: Энджель.

— Мистеръ Энджель?

— Нѣтъ, просто Энджель. Это мое имя. Она пойметъ.

— Я посмотрю, проснулась ли она.

Ему было указано пройти въ первую комнату—столовую; она выходила окнами въ садикъ, въ которомъ цвѣли рододендроны и другія растенія. Повидимому, положеніе Тессъ было вовсе не такъ дурно, какъ онъ боялся; ему пришло на умъ, что она вытребовала у банкира брилліанты и продала ихъ, чтобы жить. Онъ не осудилъ ея за это ни на минуту. Вскорѣ его тонкій слухъ распозналъ шаги по лѣстницѣ, ея шаги; его сердце забилося такъ больно, что онъ едва могъ устоять на ногахъ.

— Боже мой, что она подумаетъ обо мнѣ? Я такъ измѣнился! — сказалъ онъ про себя. Дверь отворилась.

Тессъ показалась на порогѣ,—совсѣмъ не такая, какою онъ ожидалъ увидѣть ее,—чудно прекрасная. Ея природная красота

еще выигрывала отъ наряда. Она была укутана въ богатый блѣдно-сѣрый кашемировый капоть, съ вышивкой болѣе темнаго цвѣта; на ногахъ у нея были такія же туфли. Бругомъ шея лежала пуховая опушка; ея чудные темные волосы частью были завернуты въ узелъ на макушкѣ, частью распущены по плечамъ,—очевидно, она очень спѣшила.

Онъ протянулъ къ ней руки, но она не подошла къ нему, а остановилась у двери; руки его невольно опустились. Онъ внезапно почувствовалъ разницу между ней и собой, желтымъ, худымъ, какъ скелетъ, и подумалъ, что ее оттолкнула его наружность.

— Тесси!—сказалъ онъ какимъ-то сильнымъ голосомъ,—простишь ли ты меня, что я уѣхалъ? Можешь ты уйти со мной? Почему ты стала такой?

— Слишкомъ поздно!—сказала она какимъ-то глухимъ голосомъ; ея глаза неестественно горѣли.

— Я тебя судилъ несправедливо, я на тебя смотрѣлъ не такъ!—продолжалъ онъ свою защиту.—Теперь я оцѣнилъ тебя, моя дорогая Тессъ!

— Слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!—быстро проговорила она, съ нетерпѣніемъ махнувъ рукой.—Не подходи ко мнѣ, Энджелъ! Нѣтъ, ты не долженъ! Уйди!

— Но развѣ ты разлюбила меня, моя дорогая жена, за то, что я такъ измѣнился? Вѣдь, ты не такая непостоянная... Я нарочно пріѣхалъ за тобой, мой отецъ и моя мать ждутъ тебя.

— Да, да. Но я говорю: поздно!—закричала она. Она была какъ во снѣ, хотѣла двинуться, и не могла.—Развѣ ты не знаешь всего, всего? Но какъ же ты пришелъ сюда, если ничего не знаешь?

— Я всюду разспрашивалъ и нашелъ дорогу къ тебѣ.

— Я ждала тебя,—продолжала она съ жалобой въ голосѣ,—но ты не возвращался. Я писала тебѣ, но ты не пріѣзжалъ. Онъ взялъ меня, увѣривъ, что ты никогда болѣе не пріѣдешь, что я сумасшедшая. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, и къ матери, и ко всѣмъ намъ послѣ отцовской смерти. Онъ...

— Я ничего не понимаю.

— Онъ меня снова взялъ къ себѣ.

Онъ быстро взглянулъ на нее, потомъ, понявъ смыслъ ея словъ, разу весь какъ-то опустился; взглядъ его потухъ; онъ перевелъ его на ея руки, которыя были раньше грубы и красны, а теперь лы и нѣжны.

Она продолжала:

— Онъ наверху. Я теперь ненавижу его за то, что онъ обма-

нулъ меня, сказавъ, что ты болѣе не вернешься; а ты вернулся. Но уходи, Энджелъ, прошу тебя, и не возвращайся никогда!

Они продолжали стоять; въ ихъ глазахъ отразилось все ихъ сердечное страданіе; было жалко смотрѣть на нихъ. Оба, казалось, умоляли судьбу послать имъ забвеніе.

— О, это моя вина!—сказалъ Клэръ.

Онъ не могъ продолжать. Слова не могли выразить его чувствъ.

Прошло нѣсколько минутъ; вдругъ онъ замѣтилъ, что Тессъ нѣтъ болѣе въ комнатѣ. Его лицо стало какъ-то холодно; за мину-ту передъ тѣмъ искаженное страданіемъ, теперь оно окаменѣло. Онъ очутился на улицѣ и шелъ впередъ, самъ не сознавая, что съ нимъ и гдѣ онъ находится.

LVI.

Мистрисъ Бруксъ, хозяйка этого дома, была вовсе не очень любопытна по своей природѣ. Она слишкомъ отдалась служенію божку «наживы», чтобъ интересоваться чѣмъ-нибудь, кромѣ кармана жильцовъ. Тѣмъ не менѣе, посѣщеніе Энджеля Клэра хорошо платившихъ ей жильцовъ, супруговъ мистера и мистрисъ д'Орбервилъ, какими она ихъ считала, было довольно необычайно по своему характеру и по раннему часу; въ ней пробудилось женское чувство любопытства, только временно заглушенное хозяйственными соображеніями.

Тессъ разговаривала со своимъ мужемъ у двери, не входя въ столовую, такъ что мистрисъ Бруксъ, стоявшая у смежной двери, могла слышать отрывки ихъ разговора,—если можно сказать, что эти два несчастныя существа вели между собой разговоръ. Она слышала затѣмъ, какъ Тессъ поднималась обратно на лѣстницу и какъ Клэръ, уходя, затворилъ за собой дверь. Затѣмъ слышно было, какъ наверху хлопнула дверь и Тессъ, по догадкамъ мистрисъ Бруксъ, вошла къ себѣ. Такъ какъ молодая женщина была не совсѣмъ одѣта, то мистрисъ Бруксъ была увѣрена, что она не сейчасъ еще выйдетъ.

Поэтому она крадучись взшла на лѣстницу и стала у двери гостиной, смежной съ заднею комнатою (спальной). Бель-этажъ ея дома, въ которомъ помѣщались лучшія комнаты, былъ нанятъ д'Орбервилями. Въ задней комнатѣ все было тихо, но изъ гостиной слышались какіе-то звуки.

Хозяйка посмотрѣла въ замочную скважину. Ей была видна только небольшая часть комнаты, уголь обѣденнаго стола, на ко-

торомъ былъ уже приготовленъ завтракъ, и стулъ. Тессъ стояла на колѣняхъ, спрятавъ лицо на сидѣнье стула; руки ея были заломлены надъ головой, складки платья лежали на полу и виднѣлась босая ножка, съ которой упала туфля. Изъ ея устъ срывался вопль отчаянія.

Потомъ раздался мужской голосъ изъ сосѣдней комнаты:

— Что случилось?

Она, не отвѣчая, продолжала говорить сама съ собой или, скорѣе, жалобно стонать. Мистрисъ Бруксъ могла слышать кое-что:

— И такъ, мой дорогой, дорогой мужъ вернулся ко мнѣ, а я не знала этого... А вы меня убѣдили... вы всегда умѣли меня увѣрить во всемъ! Бѣдность моей матери и всей моей семьи—вотъ что меня принудило... А вы мнѣ сказали, что мой мужъ никогда, никогда не вернется болѣе; вы смѣялись надо мной, называли глупенькой, что я жду его... Я вамъ повѣрила, наконецъ, и уступила... А онъ вернулся. Теперь онъ ушелъ. Ушелъ вторично, и я лишилась его навсегда... онъ будетъ ненавидѣть меня. Да, я лишилась его теперь... опять изъ-за васъ!—Безнадежно качая головой, она обернулась къ двери и мистрисъ Бруксъ разсмотрѣла ужасъ, написанный на ея лицѣ; губы ея были стиснуты, по щекамъ текли ручьи слезъ. Она продолжала:—А онъ умираетъ, онъ совсѣмъ похожъ на умирающаго! Мой грѣхъ убьетъ его, а не меня!... Ахъ, вы разбили всю мою жизнь!... О, Боже, я не вынесу этого, не вынесу!

Мужской голосъ сказалъ ей что-то; потомъ вдругъ раздался шорохъ, она вскочила на ноги. Мистрисъ Бруксъ, думая, что одинъ изъ говорившихъ выйдетъ въ дверь, поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы.

Но она напрасно такъ торопилась, дверь не отворялась. Но мистрисъ Бруксъ сочла не безопаснымъ дальнѣйшее подсматриванье и ушла къ себѣ въ гостиную.

Она продолжала прислушиваться—все было тихо. Потомъ она пошла въ кухню готовить завтракъ. Затѣмъ принялась за шитье, дожидаясь, пока ея жильцы позвонятъ, чтобъ убирать завтракъ, и тѣла даже пойти сама, рассчитывая на то, что ей удастся разуть что-нибудь. Наверху раздавался скрипъ половицы, какъ будто кто ходилъ назадъ и впередъ, затѣмъ послышалось шуршанье атья, отворилась и снова захлопнулась наружная дверь, и фигура Тессъ промелькнула мимо нея. Она была одѣта въ костюмъ и прогулки, только набросила на лицо вуаль.

Мистрисъ Бруксъ не слышала, прощались ли они, можетъ быть,

они поссорились, и, по всёмъ вѣроятіямъ, мистеръ д'Орбервилъ все еще продолжалъ спать, такъ какъ онъ никогда не подымался рано.

Она ушла въ другую комнату и продолжала шить. Молодая дама не возвращалась и джентльменъ не звонилъ. Мистрисъ Бруксъ раздумывала, кто бы такой могъ быть сегодняшній утренній посѣтитель. Углубившись въ эти размышленія, она прислонилась къ своему стулу.

Вдругъ ея глаза увидали на потолокъ какое-то невиданное ею раньше пятно. Сначала оно было величиной съ орѣхъ, но постепенно дѣлалось все большѣ и больше, такъ что стало размѣромъ съ ладонь и было краснаго цвѣта.

У мистрисъ Бруксъ явилось какое-то неясное предчувствіе. Она встала на столъ и тронула пятно на потолокъ. Оно было мокро и у нея мелькнула мысль, не кровавое ли это пятно.

Выйдя изъ комнаты, она вошла наверхъ, намѣреваясь войти въ спальню. Но вдругъ ею овладѣла какая-то нервная слабость: она никакъ не могла рѣшиться повернуть ручку двери и поспѣшила внизъ, открыла дверь и выбѣжала на улицу. Мимо проходилъ знакомый ей рабочій; она попросила его пойти съ ней и взойти наверхъ, такъ какъ она опасалась, не случилось ли бѣды у ея жильцовъ. Рабочій согласился на это и пошелъ за ней.

Отворивъ дверь въ гостиную, она пропустила его впередъ и сама вошла за нимъ. Комната была довольно велика; завтракъ, состоявшій изъ кофе, яицъ и холодной баранины, стоялъ нетронутымъ, только на столѣ не хватало одного ножа. Она попросила рабочаго войти въ другую комнату.

Онъ отворилъ дверь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и возвратился къ ней съ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Тамъ въ постели лежитъ мертвый джентльменъ! Онъ, вѣроятно, былъ убитъ ударомъ ножа, — на полу лужи крови!

Скоро тревожная вѣсть разнеслась повсюду, и домъ, недавно еще такой спокойный, огласился шумомъ шаговъ; явился полицейскій и много разнаго народа. Рана была очень мала, но острие ножа коснулось сердца покойника, лежавшаго на спинѣ, блѣднаго, неподвижнаго, — казалось, онъ умеръ сразу послѣ нанесенія раны. Скоро весь городъ зналъ, что былъ убитъ одинъ пріѣзжій джентльменъ.

LVII.

Между тѣмъ, Энджелъ Клэръ машинально вернулся въ гостиницу, сѣлъ завтракать, но ѣлъ и пилъ безсознательно, затѣмъ

спросилъ счетъ; заплативъ, онъ взялъ въ руку свой дорожный мѣшокъ, — больше у него ничего не было съ собой, — и вышелъ.

Въ ту минуту, какъ онъ уходилъ, ему передали телеграмму — нѣсколько словъ отъ матери, писавшей, что они очень были обрадованы, узнавъ его адресъ, и что его братъ Гутбергъ сдѣлалъ предложеніе Мерси Чантъ и получилъ согласіе.

Клэръ скомкалъ бумагу и направился къ станціи; придя туда, онъ узналъ, что раньше чѣмъ черезъ полтора часа поѣзда не будетъ. Онъ сѣлъ было, собираясь дожидаться на станціи, но черезъ четверть часа почувствовалъ, что не вытерпитъ такого долгаго ожиданія. Ему некуда было особенно спѣшить, онъ былъ разбитъ нравственно и чувствовалъ, что все въ немъ окаменѣло; но, въ то же время, ему хотѣлось скорѣе выбраться изъ города, гдѣ ему пришлось получить такой ударъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ на слѣдующую станцію, рассчитывая, что поѣздъ нагонитъ его.

Дорога была ровная и вскорѣ переходила въ долину, гдѣ взору отрывался обширный горизонтъ. Онъ собирался уже взобраться на холмъ и, остановившись передохнуть, машинально обернулся назадъ.

Почему онъ это сдѣлалъ, онъ не могъ бы объяснить, но что-то точно подтолкнуло его. Дорога вилась, какъ лента, и исчезала вдали; вдругъ онъ замѣтилъ, что по ней движется что-то.

Это была человѣческая фигура. Клэръ переждалъ, пока она приблизится, точно ему какое-то неясное чувство говорило, что это бѣгутъ за нимъ въ догонку.

Теперь онъ могъ уже различить, что бѣжала женщина, но онъ былъ такъ далекъ отъ мысли, что его жена можетъ бѣжать за нимъ, что даже когда она была близко, онъ не узналъ ея. Только когда она поравнялась съ нимъ, онъ узналъ Тессъ.

— Я видѣла, какъ ты ушелъ со станціи, когда я подходила, и я бѣжала за тобой всю дорогу.

Она была такъ блѣдна, такъ тяжело дышала, что онъ, ни о чемъ не спрашивая, взялъ ея руку и поддержалъ ее. Чтобы избѣжать встрѣчи съ прохожими, онъ свернулъ съ большой дороги тропинку подъ соснами. Когда они отошли довольно далеко, ѣ остановился и вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Энджель, — сказала она, точно только и ждала этого, — аешь, зачѣмъ я бѣжала за тобой? Чтобы сказать тебѣ, что я была его!

На лицѣ ея блуждала какая-то жалкая, блѣдная улыбка.

— Что? — спросилъ онъ, думая, что она бредитъ.

— Да, я сдѣлала это, сама не знаю какъ, — продолжала она. — Я должна была это сдѣлать для тебя и для себя, Энджелъ. Я давно уже боялась того, что до этого дойдетъ дѣло, еще когда я его ударила перчаткой по лицу за то, что онъ сдѣлалъ со мной въ моей ранней молодости, а черезъ меня и тебѣ причинилъ горе. Онъ сталъ между нами и разъединилъ насъ, — теперь уже онъ не сможетъ сдѣлать этого. Я никогда не любила его такъ, Энджелъ, какъ любила тебя. Ты, вѣдь, знаешь это? Ты вѣришь мнѣ? Но ты не возвращался ко мнѣ — и я принуждена была вернуться къ нему. Зачѣмъ ты уѣхалъ, зачѣмъ я такъ любила тебя? Не могу понять, зачѣмъ. Но я не осуждаю тебя; только, Энджелъ, простишь ли ты мнѣ теперь мою вину передъ тобой, — теперь, когда я убила его? Пока я бѣжала, я все думала о томъ, что ты, навѣрное, простишь меня теперь. Меня какъ-то сразу осѣнило, что я могу такимъ образомъ вернуть тебя. Я не вынесла бы дальнѣйшей разлуки съ тобой, — ты не знаешь, какъ невыносимо мнѣ было твое равнодушіе! Скажи, что ты любишь меня, скажи, что любишь меня теперь, когда я убила его!

— Я люблю тебя, Тессъ; да, все снова вернулось, — сказалъ онъ, вѣриво и страстно прижимая ее къ себѣ. — Но что ты говорила: ты убила его?

— Да, убила, — пробормотала она, какъ во снѣ.

— Какъ убила? Онъ мертвъ?

— Да. Онъ слышалъ, какъ я плакала о тебѣ, и сталъ насмѣхаться, потомъ обозвалъ тебя гнуснымъ именемъ, — тогда я и сдѣлала это. Я не могла перенести этого. Онъ и раньше смѣялся надъ тобой при мнѣ. А потомъ я одѣлась и пошла разыскивать тебя.

Понемногу ему приходилось повѣрить, что дѣйствительно она если не убила его, какъ говорила, то, по крайней мѣрѣ, покушалась убить. Къ невольному ужасу передъ ея поступкомъ примѣшивалось у него еще чувство удивленія, какая сила любви къ нему была въ ней и какъ необыкновенна была эта любовь, если даже притупила въ ней нравственное чувство. Она была какъ будто довольна собой, не сознавая важности своего поступка; онъ смотрѣлъ на нее, когда она лежала на его плечѣ и плакала отъ счастья, и думалъ, что наследственность, кровь д'Орбервилей, заговорила въ ней и побудила ее на такое безумство. По семейнымъ преданіямъ, д'Орбервилей способны были на такіе поступки. Ему представилось, — въ его головѣ, впрочемъ, царилъ какой-то хаосъ мыслей, — что въ ту минуту безумнаго горя, о которомъ она только что рассказывала, ея мозгъ затуманился и она помѣшалась. Если это все было правда, то это было ужасно; но помѣшательство, хотя и вре-

менное, тоже было ужасно. Какъ бы то ни было, здѣсь стояла передъ нимъ его покинутая жена, эта страстная по своей природѣ женщина, прильнувшая къ нему, твердо увѣренная, что онъ будетъ ея защитникомъ. Нѣжность къ ней взяла верхъ надъ всѣми другими чувствами. Онъ напечатлѣлъ долгій поцѣлуй на ея губахъ и, взявъ ея руку, сказалъ:

— Я не покину тебя! Я всѣми силами буду защищать тебя, любовь моя, что бы ты ни сдѣлала!

Они шли подъ деревьями и Тессъ ежеминутно повертывала голову, чтобы посмотреть на него. Хотя онъ былъ истощенъ и некрасивъ, но онъ видѣлъ, что она не находила никакихъ недостатковъ въ его наружности. Для нея онъ, какъ и прежде, былъ совершенствомъ и тѣлесно, и духовно. Онъ былъ для нея Антиномъ, Аполлономъ; его больное лицо казалось ей прекраснымъ, какъ утро, такимъ же прекраснымъ, какъ въ первое ихъ свиданіе. Вѣдь, это было лицо единственнаго человѣка, полюбившаго ее чистою любовью и вѣрившаго въ ея чистоту.

Теперь онъ не остановился на первой станціи, инстинктивно принимая нѣкоторыя предосторожности, а прошелъ съ ней дальше, все идя подъ соснами, которые тянулись на нѣсколько миль. Обнявъ другъ друга, они шли по землѣ, устланной сосновыми иглами, всецѣло охваченные счастьемъ быть вмѣстѣ, наконецъ, забывъ весь міръ. Такъ они сдѣлали нѣсколько миль и, наконецъ, Тессъ, какъ бы пробудившись, осмотрѣлась вокругъ и робко спросила:

— Мы идемъ куда-нибудь въ определенное мѣсто?

— Не знаю, дорогая. А что?

— Нѣтъ, такъ.

— Мы можемъ пройти еще нѣсколько миль, а когда стемнѣетъ, найти пристанище въ какомъ-нибудь уединенномъ котѣджѣ. Ты можешь еще идти, Тессъ?

— Конечно, да. Я вѣчно могла бы идти, чувствуя прикосновеніе твоей руки.

Дѣйствительно, это было лучшее, что они могли сдѣлать. Поэтому они ускорили шагъ, обходя большія дороги, а пробираясь по аленькимъ лѣснымъ тропинкамъ, старались держаться съвера. Но въ ихъ поступкахъ замѣчалось какое-то отсутствіе практической торожности: ни одинъ изъ нихъ не подумалъ о томъ, чтобы дѣйствительно скрываться или переодѣться, чтобы ихъ не узнали. Ихъ яны были такъ наивны, какъ будто они оба были дѣтьми.

Среди дня они подошли къ постоялому двору, и Тессъ хотѣла идти туда съ нимъ, чтобы поѣсть чего-нибудь, но онъ убѣдилъ ее

посидѣть подь деревьями этой полулѣсистой, полустепной мѣстности, пока онъ не возвратится. Ея платье было слишкомъ модно; на всемъ, кончая красивымъ зонтикомъ съ ручкой слоновой кости, лежалъ отпечатокъ изящества и моды, неизвѣстной въ тѣхъ мѣстахъ, куда они теперь пришли, — все это могло привлечь вниманіе посѣтителей трактира. Онъ вскорѣ пришелъ, неся множество припасовъ и двѣ бутылки вина, такъ что они могли быть теперь обезпеченными на нѣсколько дней, если бы случилось что-нибудь непредвидѣнное.

Усѣвшись подь деревомъ, они принялись за ѣду. Затѣмъ во второмъ часу дня они, взявъ съ собой оставшуюся провизію, пошли дальше.

— Я чувствую себя въ состояніи пройти какое угодно разстояніе, — сказала она.

— Намъ лучше всего держаться сѣвера и понемногу добраться до Лондона, — замѣтилъ Блэръ. — Оттуда идутъ корабли во всѣ страны свѣта, если мы пожелаемъ уѣхать, и насъ тамъ труднѣе замѣтить, чѣмъ въ Чаннелльской пристани.

Она ничего не отвѣчала, а только крѣпче прижалась къ нему. Хотя на дворѣ былъ англійскій май мѣсяць, погода стояла ясная и днемъ было совсѣмъ тепло. Послѣднія нѣсколько миль они шли по Новому лѣсу и къ вечеру, завернувъ за уголь тропинки, увидали надъ красивыми воротами большую дощечку, на которой было написано бѣлыми буквами: «Этотъ прекрасный домъ отдается внаймы»; затѣмъ слѣдовали подробности, просьба адресоваться къ агенту въ Лондонъ. Войдя въ ворота, они увидали домъ правильной архитектуры и удобно расположенный.

— Я знаю этотъ домъ, — сказалъ Блэръ. — Это Брамшерстское помѣстье. Онъ запертъ и даже дорожки заросли травой.

— Но нѣсколько оконъ открыто, — сказала Тессъ.

— Навѣрное, чтобы провѣтрить комнаты.

— Здѣсь столько комнатъ стоятъ пустыми, а намъ негдѣ преклонить голову!

— Ты устала, Тесси, — сказалъ онъ. — Мы скоро остановимся отдыхать.

И, поцѣловавъ ея грустный ротикъ, онъ снова увлекъ ее дальше.

Онъ тоже понемногу сталъ чувствовать утомленіе, такъ какъ они прошли не менѣе двадцати миль. Необходимо было обдумать, что дѣлать. Уже они поглядывали на уединенно стоявшіе коттеджи и постоялые дворы; имъ хотѣлось приблизиться къ нимъ, но не

хватало смѣлости. Наконецъ, ноги стали отказываться служить имъ, и они остановились.

— Можемъ ли мы спать подь деревьями?—спросила она.

Но онъ считалъ это невозможнымъ въ виду еще холодной весны.

— Я думалъ объ этомъ пустомъ домѣ, мимо котораго мы проходили,—сказалъ онъ.—Вернемся назадъ.

Они повернули назадъ и черезъ полчаса уже стояли передъ воротами. Онъ сказалъ ей остаться, а самъ пошелъ узнать, кто живетъ въ домѣ.

Она сѣла подь кустомъ, а Клэръ покрался къ дому. Его отсутствіе было довольно продолжительно, такъ что, вернувшись, онъ нашелъ Тессъ въ большомъ безпокойствѣ. Онъ узналъ отъ мальчика, что къ дому приставлена старуха, которая въ хорошую погоду приходитъ изъ сосѣдней деревушки отпирать и затворять огна. Она придетъ при заходѣ солнца.

— Ну, мы можемъ пробраться туда черезъ нижнія окна и отдохнуть тамъ,—сказалъ онъ.

Подь его охраной она пошла къ главному фасаду; окна были закрыты ставнями,—наблюдать за ними никто не могъ. Они подошли къ двери; около было открыто окно. Клэръ влѣзъ въ него и помогъ войти Тессъ.

Исключая сѣней, всѣ комнаты были погружены во мракъ: ставни были плотно закрыты, но свѣтъ проникалъ въ комнаты черезъ открытое окно сѣней. Клэръ отворилъ дверь въ большую комнату и, освоившись съ темнотой, подошелъ къ окну и немного пріоткрылъ ставни. Лучъ яркаго солнца пробился въ комнату и освѣтилъ старинную мебель, малиновыя шелковыя занавѣси и огромную кровать.

— Ну, теперь ты можешь отдохнуть, наконецъ,—сказалъ онъ ей, снимая съ себя сумку и съѣстные припасы.

Ихъ никто не тревожилъ. На всякій случай они снова закрыли ставни и остались въ совершенной темнотѣ. Сторожившая женщина пришла между шестью и семью часами, но не входила туда, гдѣ они спрятались. Они слышали, какъ она запирала окна, двери и, наконецъ, ушла. Тогда Клэръ опять впустилъ въ комнату немного свѣта, они закусили и мало-по-малу ихъ окружила темнота, которую они не могли разогнать,—у нихъ не было свѣчи.

LVIII.

Ночь прошла, полная торжественной тишины. Въ ночной тьмѣ . рассказала ему всю исторію о томъ, какъ онъ во снѣ перехо-

диль черезъ Брумскій ручей, держа ее на рукахъ, какой опасности они подвергались оба и какъ онъ потомъ положилъ ее въ каменную гробницу въ развалившемся аббатствѣ. Онъ ничего не зная до сихъ поръ объ этомъ.

— Зачѣмъ ты мнѣ не сказала объ этомъ на слѣдующій день?— воскликнулъ онъ.— Это могло бы избавить насъ отъ многихъ недоразумѣній и горестей.

— Не думай о томъ, что уже прошло, — сказала она. — Я хочу теперь думать только о настоящемъ. Кто знаетъ, что намъ готовить завтрашній день?

Но утро не готовило имъ никакого удара. День былъ сырой и туманный, такъ что Клэръ, зная, что женщина приходила отворять окна только по хорошимъ днямъ, осмѣлился выбраться изъ ихъ комнаты и обойти весь домъ, оставивъ Тессъ спящею. Въ домъ не нашлось никакихъ припасовъ, но была вода; пользуясь туманомъ, онъ вышелъ, чтобы добыть чаю, хлѣба и масла изъ лавки, находившейся въ двухъ миляхъ отсюда. Тессъ проснулась при его возвращеніи, и они принялись за принесенный имъ завтракъ.

У нихъ не было никакого желанія отплыть за границу; прошелъ день, затѣмъ ночь, еще день и еще; незамѣтно для нихъ прошло пять дней, въ которые ни одна человѣческая душа не нарушила ихъ полного уединенія. Между ними установилось молчаливое соглашеніе не говорить о прошедшихъ событіяхъ. Грустное время послѣ ихъ свадьбы, казалось, изгладилось безслѣдно изъ ихъ памяти. Всякій разъ, какъ Клэръ заводилъ рѣчь о томъ, что нужно покинуть это пристанище и идти дальше, она выражала полнѣйшее нежеланіе двигаться съ мѣста.

— Зачѣмъ намъ полагать конецъ тому, что дорого и пріятно намъ? — убѣждала она его.— Чему быть, того не миновать. Тамъ все темно передъ нами, а здѣсь такъ покойно.

Онъ выглянулъ въ отверстіе ставни. Это была совершенная правда: здѣсь у нихъ царили любовь, жалость, всепрощеніе, а за дверьми ихъ подстерегалъ неумолимый рокъ.

— И...— говорила она, прижимаясь къ его лицу щекой,— я боюсь, что ты не всегда будешь такъ смотрѣть на меня, какъ теперь. Я не хочу пережить твоего теперешняго чувства ко мнѣ. Лучше мнѣ умереть и быть похороненной, когда ты будешь презирать меня, такъ чтобы твое презрѣніе осталось скрытымъ отъ меня.

— Я никогда не буду презирать тебя.

— Я тоже надѣюсь на это. Но, оглянувшись на мою жизнь, мнѣ сдается, что всякій имѣетъ право презирать меня... Какою я

была дурною! А, вѣдь, раньше я ни за что не тронула бы пальцемъ мухи или червяка; одинъ видъ птицы въ влѣтѣ часто заставлялъ меня плакать.

Они остались здѣсь еще на день. Ночью мрачное небо расчистилось, такъ что старуха проснулась рано въ своемъ коттѣджѣ. Ослѣпительное солнце наполнило ее какою-то живительною бодростью; она рѣшила, что сейчасъ же откроетъ домъ и хорошенько провѣтрить его въ такой денекъ. Она отворила комнаты нижняго этажа еще раньше шести часовъ, а затѣмъ поднялась въ верхній этажъ въ спальни и собиралась уже повернуть ручку двери, за которой они спали. Вдругъ ей почудилось, что она слышитъ чье-то дыханіе. На минуту она остановилась, но потомъ снова взялась за ручку и тихо пріоткрыла дверь. Замокъ былъ сломанъ, но дверь нельзя было широко открыть, потому что она была заставлена. Лучъ свѣта упалъ на лица двухъ человѣкъ, погруженныхъ въ глубокой сонъ. Старуха была такъ поражена, что не двигалась; она обратила вниманіе на нарядное платье Тессъ, висѣвшее на спинкѣ стула, на ея шелковые чулки, на зонтикъ изъ слоновой кости, на всѣ нарядныя вещи, лежавшія тутъ, такъ что, понявъ, что имѣетъ дѣло не съ бродягами, она почувствовала послѣ минутнаго негодованія какое-то умиленіе при видѣ этихъ влюбленныхъ, скрывшихся въ домъ. Она закрыла дверь и такъ же тихо спустилась внизъ, какъ и вошла, чтобы пойти посовѣтоваться съ сосѣдями о странномъ открытіи, сдѣланномъ ею.

Минуту спустя Тессъ проснулась, а затѣмъ и Клэръ. У обоихъ было какое-то неясное чувство, что что-то нарушило ихъ покой, и это чувство все росло въ нихъ. Одѣвшись, онъ выглянулъ въ отверстіе между ставнями.

— Я полагаю, что мы можемъ двинуться, наконецъ, въ путь, — сказалъ онъ. — Сегодня хорошей день. И мнѣ кажется, что кто-то есть въ домъ. Во всякомъ случаѣ, женщина, навѣрное, придетъ сегодня.

Она покорно согласилась съ нимъ и, приведя комнату въ порядокъ, они вышли безъ шума, захвативъ свои вещи. Войдя въ дѣсь, а въ послѣдній разъ обернулась назадъ:

— Ахъ, прощай, мирный пріютъ! — сказала она. — Мнѣ все же не долго жить. Почему бы намъ не остаться здѣсь?

— Не говори такъ, Тессъ. Мы черезъ два или три дня доберемся до какого-нибудь порта. Но лучше намъ не заходить въ Лондонъ, да и въ Соусэмптонъ также, пожалуй, хотя это и близко отъ насъ. Не пойти ли намъ въ Бристоль?

Послѣ минутнаго колебанія, онъ выбралъ послѣднее и они пошли по направленію къ этому порту. Ихъ долгій отдыхъ въ домѣ позволялъ имъ идти быстро, такъ что къ срединѣ дня они уже дошли къ городу Мельчестеру, лежавшему какъ разъ на пути. Онъ рѣшилъ отдохнуть подъ деревьями и пойти дальше вечеромъ, подъ покровомъ ночи. Когда стемнѣло, Клэръ, какъ всегда, раздобылъ съѣстныхъ припасовъ и они отправились дальше; около восьми часовъ они уже перешли границу между Верхнимъ и Среднимъ Вессексомъ.

Имъ пришлось, чтобы миновать городъ, взять немного вправо. Для Тессъ не было новостью идти, она была такъ же неумолима, какъ и въ прежнее время. Чтобы перейти по мосту широкую рѣку, имъ пришлось пройти по маленькому городку, древнему Эмбесбюри. Они шли по безлюдной улицѣ между двумя и тремя часами ночи; улица была освѣщена рѣдкими фонарями и немощена, такъ что шаги ихъ не были слышны. Огромная колокольня высилась по правую руку отъ нихъ, а за ней былъ каменный мостъ, къ которому они направлялись. Затѣмъ они пошли по шоссе, терявшемуся въ ровной дали.

Хотя небо и было покрыто тучами, но имъ немного освѣщала путь выглядывавшая изъ мрака луна. Скоро мѣсяцъ опять спрятался и стало еще темнѣе. Тѣмъ не менѣе, они шли впередъ, стараясь идти по травѣ, чтобы не производить шума. Все кругомъ было пустынно и черно; дулъ сильный вѣтеръ.

Они сдѣлали такъ почти ощупью нѣсколько миль; вдругъ какъ разъ передъ ними Клэръ замѣтилъ зданіе, какъ бы выросшее изъ-подъ земли. Они чуть-чуть не наткнулись на него.

— Что это за ужасное мѣсто?—сказалъ Энджель.

— Слышишь шумъ?—сказала она.—Прислушайся.

Онъ сталъ вслушиваться. Вѣтеръ, ударяясь о зданіе, производилъ какой-то однообразный звукъ, какъ будто звенѣла струна арфы. Больше ничего не было слышно. Клэръ, протянувъ впередъ руку и подойдя немного ближе, почувствовалъ отвѣсную поверхность стѣны. Это, казалось, былъ одинъ большой камень. Продолжая шарить вокругъ себя, онъ понялъ, что то, чего онъ касался, была прямая колонна; протягнувши лѣвую руку, онъ нащупалъ такую же колонну съ другой стороны. Высоко надъ ними что-то виднѣлось, повидимому, это была большая поперечная перекладина. Они обошли все кругомъ; крыши у зданія не было. Тессъ боязливо затаила дыханіе, а Энджель въ недоумѣніи спрашивалъ себя:

«Что это можетъ быть такое?»

Продолжая ошупью касаться зданія, они наткнулись на другую высокую, какъ башня, колонну, такую же прямоугольную и неодступную; затѣмъ еще и еще. Все зданіе состояло изъ входовъ и колоннъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были соединены наверху перекладинами.

— Положительно замокъ вѣтровъ,—сказалъ онъ.

Однѣ колонны стояли особнякомъ, другія составляли треугольникъ; инныя лежали настолько далеко другъ отъ друга, что между ними могъ проѣхать экипажъ; скоро они поняли, что они наткнулись на груды монолитовъ, возвышавшихся среди ровной мѣстности. Оба они дошли, наконецъ, до середины этой груды.

— Это Стоихенгъ!—сказалъ Блэръ.

— Языческій храмъ?

— Да. Это зданіе стоитъ уже много вѣковъ; оно древнѣе фамиліи д'Орбервилей. Ну, что мы теперь будемъ дѣлать, дорогая? Мы найдемъ себѣ, быть можетъ, пристанище гдѣ-нибудь дальше.

Но Тессъ, дѣйствительно, утомленная на этотъ разъ, бросилась на продолговатую плиту, защищенную отъ вѣтра колонной. Благодаря солнцу, нагрѣвшему его, камень былъ сухъ и представлялъ пріятную противоположность колючей и сырой травѣ, отъ которой ея башмаки и чулки были мокры.

— Я не хочу идти дальше, Энджель,—сказала она, протягивая къ нему руки.—Не можемъ ли мы остаться здѣсь?

— Опасно. Вѣдь, днемъ это мѣсто видно отовсюду на разстояніи нѣсколькихъ миль.

— Теперь я вспомнила, что одинъ изъ родственниковъ моей матери былъ здѣсь гдѣ-то пастухомъ. Да и ты часто называлъ меня въ Тальботѣ божествомъ. Такъ что я теперь въ своемъ царствѣ.

Онъ сталъ около нея на колѣни и коснулся ея губъ своими.

— Тебѣ хочется спать, дорогая. Ты лежишь точно на жертвенникѣ.

— Мнѣ очень нравится здѣсь,—прошептала она.—Здѣсь все такъ торжественно и уединенно, надъ нашими головами видно небо. Какъ будто, кромѣ насъ двухъ, никого нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ; и пускай бы, дѣйствительно, никого не было, кромѣ Лизъ-Лу.

Блэръ подумалъ, что ей хорошо будетъ отдохнуть здѣсь, пока не станетъ немного свѣтлѣе; онъ укрылъ ее своимъ пальто и сѣлъ около нея.

— Энджель, если что-нибудь случится со мной, будешь ли ты заботиться ради меня о Лизъ-Лу?—спросила она послѣ долгаго молчанія, прислушиваясь къ завыванію вѣтра между руинами.

— Да, буду.

— Она такая добрая, простая и чистая. Ахъ, Энджель, мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты женился на ней, если меня не станеть; мнѣ не долго осталось жить!

— Если я лишусь тебя, то я лишусь всего. Да, къ тому же, она, вѣдь, доводится мнѣ свояченицей.

— Это ничего не значить, дорогой мой. У насъ въ Марлоттѣ часто женятся на свояченицахъ, а Лиза-Лу такъ мила, такъ протка и такъ красива. Ахъ, съ наслажденіемъ соединила бы тебя съ ней, если только мой духъ будетъ жить по смерти. Если бы ты, Энджель, могъ воспитать ее и поднять до твоего уровня! У нея есть все, что есть лучшаго во мнѣ безъ моихъ недостатковъ; если она будетъ твоею, то будетъ казаться, что смерть не разлучала насъ... Ну, довольно, я высказала свое желаніе и больше не буду повторять его.

Она замолчала, а онъ углубился въ думы. Между колоннами на сѣверо-востокъ пробивался легкій свѣтъ. Однообразный ночной сумракъ понемногу разсѣивался, пропуская слабый дневной свѣтъ, при которомъ стали видны очертанія каменныхъ стѣнъ, ихъ обружавшихъ.

— Они приносили здѣсь жертвы Богу?—спросила она.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— А кому же?

— Я думаю, солнцу. Эта отдѣльная каменная скала обращена къ солнцу, которое сейчасъ покажется изъ-за нея.

— Это мнѣ напомнило, дорогой мой,—сказала она,—что до нашей свадьбы ты никогда не говорилъ со мной о моей вѣрѣ. Но мнѣ казалось, что я поняла, какъ ты смотришь на это, и стала смотреть на все другими глазами, не потому, чтобы поняла сама, что прежде я заблуждалась, а просто потому, что ты такъ думалъ. Скажи мнѣ, Энджель, какъ ты думаешь: встрѣтимся ли мы снова послѣ смерти? Мнѣ хочется знать это.

Онъ поцѣловалъ ее, чтобъ избѣжать отвѣта.

— Ахъ, Энджель, я боюсь, что ты хочешь сказать этимъ, что мы не встрѣтимся!—сказала она съ рыданіемъ въ голосъ.—А мнѣ такъ бы хотѣлось опять увидеть тебя, такъ ужасно хотѣлось бы! Какъ, даже мы, такъ нѣжно любящіе другъ друга, не встрѣтимся?

Онъ не отвѣтилъ ей на этотъ вопросъ, и они замолкли снова. Минуты черезъ двѣ ея дыханіе стало ровнѣе, она слабѣе сжимала его руку, она заснула. Серебряная полоса на востокъ разросталась и освѣщала все кругомъ на большое разстояніе; вся природа была

какъ-то молчалива, сосредоточенна, какъ всегда передъ зарей. Восточныя колонны и жертвенный камень стояли какъ разъ на солнечномъ пути. Ночью и вѣтеръ стихъ, и поверхность воды въ лужахъ между камнями была гладкая, какъ зеркало. Вдругъ онъ замѣтилъ что-то, двигавшееся съ востока, точно какая-то маленькая точка. Это была голова человѣка, который приближался къ нимъ. Блэръ хотя и пожалѣлъ, что они не ушли отсюда раньше, но разсудилъ, что теперь лучше оставаться спокойнымъ. Человѣкъ вошелъ въ колоннаду, гдѣ они находились.

За собой онъ тоже услышалъ шумъ шаговъ; обернувшись, онъ увидалъ другого человѣка за лежавшею колонной; едва онъ успѣлъ опомниться, какъ уже направо выдвинулась другая фигура, потомъ налѣво. Утренній свѣтъ падалъ прямо на человѣка, стоявшаго невдалекѣ, и Блэръ могъ рассмотреть, что онъ былъ большого роста. Они, очевидно, собрались здѣсь съ цѣлью. Значить, все, что она разсказывала, была правда. Вскочивъ на ноги, онъ сталъ озираться, ища оружія, и отыскивая, нельзя ли спастись бѣгствомъ. Въ ту же минуту ближайшій человѣкъ подошелъ къ нему:

— Напрасно, сэръ,—сказалъ онъ.—Насъ здѣсь шестнадцать и вся окрестность на ногахъ.

— Дайте ей самой проснуться,—шепотомъ умолялъ онъ людей, собравшихся вокругъ него.

Когда они увидали, на чемъ она лежитъ,—до сихъ поръ они не обратили на это вниманія,—они не стали возражать, а только молча стояли и стерегли ее. Блэръ подошелъ къ камню и нагнулся надъ ней, взявъ ее маленькую руку; ея дыханіе было быстро и коротко, какъ у ребенка. Всѣ они ждали; ихъ лица и руки были точно посебрены восходящимъ свѣтиломъ; сѣро-зеленые камни были теперь видны, но даль еще была окутана тѣнью. Вскорѣ свѣтъ сталъ ярче, и на Тессъ упалъ лучъ солнца, пробудившій ее.

— Что такое, Энджелъ?—спросила она, приподнимаясь.—Они пришли за мной?

— Да, дорогая,—отвѣтилъ онъ,—они пришли.

— Такъ и должно было быть,—прошептала она.—Энджелъ, я а, да, рада! Мое блаженство не могло быть долговѣчно. Я и такъ ладилась имъ, а теперь умру, чтобы ты не сталъ презирать "я!"

Она встала, оправилась и пошла впередъ; ни одинъ изъ полисныхъ не трогался съ мѣста.

— Я готова,—сказала она спокойно.

LIX.

Городокъ Винтонсестеръ, старинный красивый городокъ, бывший нѣкогда столицей Вессекса, лежитъ между гористою мѣстностью съ одной стороны и ложбиной — съ другой. Было яркое, жаркое июльское утро. Кирпичные, крытые черепицей и просто каменные дома одѣлись вьющимися растеніями, ручьи въ лугахъ обмелѣли. По главной улицѣ отъ начала ея до самаго моста стояла густая пыль, предшествующая базарному дню.

У западныхъ воротъ города, какъ извѣстно всякому жителю Винтонсестера, начинается равномерный и длинный подъемъ. По этой дорогѣ шли изъ города два лица, не обращающія, казалось, вниманія на окружающее, а погруженные въ задумчивость. Хотя они оба были молоды, но шли съ опущенными головами и солнце, казалось, съ состраданіемъ посылало имъ свои лучи, видя горе на ихъ лицахъ.

Одинъ изъ путниковъ былъ Энджелъ Клэръ, другая, высокая, цвѣтущая дѣвушка, полу-ребенокъ, полу-женщина, живое изображеніе Тессъ, немного худоцавъѣ, но съ такими же великолѣпными глазами, свояченица Клэра, Лиза-Лу. Ихъ лица были блѣдны, они шли рука въ руку, не произнося ни слова, съ опущенными головами.

Когда они уже почти поднялись на крутой Западный Холмъ, городскіе часы пробили восемь. Прислушиваясь къ бою, они прошли еще немного впередъ до перваго верстового столба, который бѣлѣлъ на зеленомъ коврѣ луговъ. Они сошли съ дороги на траву и, повинаясь какому-то непоборимому чувству, замедлили шаги, остановились около столба и стали ждать.

Горизонтъ открывался отсюда необозримый. Въ долину внизу лежалъ оставленный ими городъ, изъ котораго видны были только самыя высокія зданія—обширная соборная башня съ ея норманскими окнами, шпигъ св. Томаса, остроконечная башня Коллеги и правѣе башня и крыша стариннаго страннопріимнаго дома, гдѣ до настоящаго времени странникамъ раздають хлѣбъ и эль.

Впереди всѣхъ другихъ городскихъ построекъ возвышалось красное кирпичное зданіе, съ ровною сѣрою крышей и рядомъ оконъ съ рѣшетками, говорившими о заточеніи; все зданіе представляло своею строгою архитектурой рѣзкій контрастъ съ причудливыми фасадами готическихъ построекъ. Оно было со стороны дороги немного закрыто кучами дубовъ и тисовъ, но отсюда его было довольно хорошо видно. Посерединѣ зданія возвышалась безобразная восьми-

угольная башня, казавшаяся отсюда грубымъ пятномъ на красивомъ пейзажѣ. Но вниманіе двухъ зрителей было сосредоточено именно на этомъ пятнѣ пейзажа.

На карнизѣ башни былъ прикрѣпленъ длинный шестъ. Ихъ глаза были устремлены на него. Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ пробили часы, что-то медленно поднялось вверхъ по шесту и распустилось по вѣтру.

Это былъ черный флагъ.

«Правосудіе» свершилось и верховный судья безсмертныхъ боговъ (употребляя выраженіе Эсхила) окончилъ свое дѣло надъ Тессъ. А д'орбервилейскіе рыцари, ничего не вѣдая, мирно спали въ своихъ могилахъ. Оба безмолвные свидѣтели склонились на землю, какъ бы съ молитвой, и долго неподвижно оставались такъ: флагъ все продолжалъ медленно развѣваться. Когда силы вернулись къ нимъ, они снова двинулись въ путь рука въ руку.

ВЕЛИКИЙ ГРѢШНИКЪ.

(Разсказъ).

I.

— Званіе, имя, отчество, фамилія? — спрашивалъ соннымъ голосомъ тюремный смотритель Аванасій Иванычъ стоявшаго передъ нимъ худого мужика въ длинномъ темномъ полукафтани.

— Рабъ Божій, — глухимъ, надтреснутымъ голосомъ отвѣтилъ мужикъ, равнодушно осматривая голыя стѣны острожной пріемной, — Кирилль...

— Значить, непомнящій родства? — уже сердито спросилъ Аванасій Иванычъ, не поднимая глазъ отъ бумаги, въ которой что-то писалъ своимъ мелкимъ старческимъ почеркомъ.

— Ужь это какъ тебѣ будетъ угодно... Такой же человѣкъ, какъ и ты. Помни: рабъ Божій...

Смотритель медленно поднялъ лысую голову, посмотрѣлъ равнодушно черезъ очки своими выпученными глазами на раба Божія, пожевалъ толстыми посинѣвшими губами и равнодушно замѣтилъ:

— У меня такихъ-то рабовъ Божьихъ полонъ острогъ...

У дверей «пріемной», вытянувшись въ струнку, стояли полицейскій стражникъ, конвоировавшій новаго арестанта, и тюремный надзиратель Будзько. Аванасій Иванычъ, кончивъ писать, молча сдѣлалъ надзирателю знакъ своею лысою головой и тотъ повелъ новаго арестанта въ сосѣднюю комнату, за перегородку, гдѣ происходило переодѣванье новичковъ въ арестантское платье и послѣдній обыскъ. По дорогѣ мужикъ еще разъ оглянулся на закопченныя стѣны пріемной, на шкафъ съ дѣлами, на захватанную дверь, которая вела въ канцелярію, состоявшую изъ двухъ согнутыхъ спинъ, на лысину самого Аванасія Иваныча и молча погачалъ головой.

— Не простъ человѣкъ, ваше высокоблагородіе, — въ полголоса,

нерѣшительно проговорилъ стражникъ, по-солдатски скашивая глаза въ сторону перегородки, гдѣ происходило переодѣванье.

— А что?

— Да такъ... На постояломъ дворѣ его приставъ Акакій Семенычъ заполучили. Быдто проѣзжающій, а хватъ—паспорта и не обозначилось. Сейчасъ обыскали, хватъ—при ѣмъ одѣжа особенная. Этакая черная одѣжа, въ томъ родѣ, какъ монашеская, только съ краснымъ камтомъ. Ну, опять шапочка черная, значитъ глобукъ, книги церковныя, свѣчи восковыя, патрахиль—въ томъ родѣ, какъ будто вся архирейская снасть. Акакій-то Семенычъ все и забралъ, потому какъ кругомъ не простъ человекъ... И еще Акакій Семенычъ наказывали, штобы ваше высокоблагородіе особливо его досматривали...

Последнее замѣчаніе окончательно взбѣсило Аѳанасья Иваныча. Онъ весь побагровѣлъ, закашлялся и зарычалъ неистово-сильнымъ голосомъ:

— А у меня разѣ проѣзжающіе номера, а?... Полнымъ-полнѣхонекъ весь замокъ: яблоку упасть некуда... А тутъ еще по постоялымъ дворамъ собираете разныхъ проходимцевъ да добрыхъ людей беспокоите. Такъ и скажи своему Акакію... Мнѣ не по корманамъ разсаживать бродягъ, а по отдѣльнымъ камерамъ. У меня вотъ какіе сизые голуби сидятъ: Слеза, Чечень, Аввамаринычъ. Такъ и скажи... Мнѣ хоть самого митрополита посылай...

Когда Аѳанасій Иванычъ сердился, то начиналъ походить на индѣйскаго пѣтуха, а потому за нимъ въ замѣкъ съ незапамятныхъ временъ утвердилось кличка Жарь-Птицы. Старикъ вѣчно кипятился, багровѣлъ, удушливо кашлялъ и проклиналъ свою каторжную должность. Обругавъ стражника и пристава Акакія, онъ продолжалъ кричать уже просто потому, что разошелся, какъ пущенная въ ходъ машина.

— Ты такъ и скажи своему Акакію... да!... И для чего берутъ какого-то дурака? Пусть бы ѣхалъ съ своею дурацкою шапочкой и ладономъ... Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся.

Въ этотъ моментъ въ канцеляріи послышалось шмыганье тяжелыхъ ногъ, а потомъ въ дверяхъ показалась длинная, стриженная съ гребенку голова. По походкѣ можно было предположить грузную мужчину, а вошелъ тощій, сгорбленный, точно высушенный чектъ. Это и былъ знаменитый Акакій, гроза всѣхъ воровъ, грабителей и разбойниковъ. Самымъ замѣчательнымъ у Акакія была голо—длинная, сплюснутая, какъ у сушеной рыбы. Коротко остриженные волосы стояли ежомъ, придавая ему колючій видъ. Худо-

щавое лицо съ дубленнымъ загаромъ было украшено двумя остановавшими ся сѣрыми глазками, — оно напоминало именно остановившіяся часы. Длинный носъ, длинныя руки и ноги, длинное туловище точно были взяты на время отъ кого-то другого.

— Легокъ на поминѣ, — проворчалъ Аѳанасій Иванычъ.

Акакій, вмѣсто отвѣта, по привычкѣ понюхалъ сначала воздухъ, оттопырилъ нижнюю губу и прищурилъ одинъ глазъ. Стражникъ совсѣмъ замеръ. Осмотрѣвшись, Акакій съежился, подошелъ къ столу и протянулъ свою длинную лапу, всегда холодную, какъ у лягушки.

— Получилъ фрукта? — спросилъ онъ чахоточнымъ теноркомъ.

— Да ты съ ума сошелъ? — накинулся на него Аѳанасій Иванычъ. — Тоже, нашелъ время ловить безпаспортныхъ... У меня однихъ непомнящихъ родства больше двухъ сотъ человѣкъ.

Приставъ подошелъ къ столу, вытянулъ длинныя ноги и приготовился слушать. Полицейская форма сидѣла на немъ какъ на коровѣ сѣдло.

— Ну? — коротко спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Это ужъ послѣдняго принимаю! — азартно заговорилъ Аѳанасій Иванычъ, взмахивая затекшею отъ писанья рукой. — Отца родного приведи, и то некуда посадить... Въ шестомъ номерѣ всего одно мѣсто.

— Особенный человѣкъ...

— А мнѣ плевать! У меня всѣ особенные: Слеза въ семнадцати душахъ ходитъ, Чечень въ девяти повинился, Авгамаринъ въ четырехъ хочетъ признаться... А ты мнѣ какого-то бродягу посылаешь! Такъ, пустой человѣкъ... Сразу видать. Рабъ Божій...

Эти слова не произвели на Акакія никакого впечатлѣнія. Онъ точно заснулъ на стулѣ, какъ вытащенная изъ воды рыба. Въ его сдавленной головѣ ползли свои мысли, а смотритель Аѳанасій Иванычъ былъ простъ и глупъ. Въ замкѣ арестанты называли пристава Ежевою Головою, и это названіе точно было привлечено къ нему. Именно такъ думалъ сейчасъ Аѳанасій Иванычъ, наблюдая черезъ очки своего стараго благопріятеля. Конечно, ежевая голова, когда бѣглыхъ архіереевъ по постояннымъ дворамъ собираетъ.

Въ этотъ моментъ изъ-за перегородки вывели обряженного въ арестантскій халатъ новаго узника. Онъ казался теперь еще ниже ростомъ, а лицо блѣднѣе. Только сѣрые глаза смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей съ такою же простодушною кротостью. Приставъ Акакій сосредоточилъ свое вниманіе на ошарпанной бородачкѣ, охваченной инеемъ серебристой старости, и на темныхъ волосахъ,

какъ-то странно запрятанныхъ подъ широкой воротъ арестантскаго халата.

— Хорошъ,— пробурчалъ приставъ, переводя глаза на Аванасія Иваныча.

Его немного смутило то обстоятельство, что и арестантъ въ свою очередь съ такимъ же вниманіемъ разсматривалъ его и даже, какъ ему показалось, чуть замѣтно улыбнулся. Ихъ глаза встрѣтились на одну секунду, и приставъ Акакій отвернулся. Не робкаго десятка былъ человекъ, а тутъ не выдержалъ.

Будзько стоялъ въ дверяхъ, вытянувшись, какъ охотничья собака. Когда лысая голова Жарь-Птицы сдѣлала ему знакъ, онъ молча схватилъ арестанта за широкой рукавъ и повелъ за собой.

— Шестой номеръ,— прохрипѣлъ Аванасій Иванычъ.

Арестантъ-новичокъ неловко шагалъ за надзирателемъ, съ привычки путаясь въ длинныхъ полахъ своего арестантскаго халата и тяжело шмыгая ногами въ большихъ арестантскихъ «калешкахъ», болтавшихся у него на ногахъ. Одною рукой онъ придерживалъ на груди расходившіяся полы халата, а другая рука висѣла неподвижно, какъ у покойника. По пути онъ еще разъ внимательно оглядѣлъ канцелярію и, не торопясь, началъ спускаться по крутой лѣсенкѣ въ темный проѣздъ, который велъ съ улицы на арестантскій дворъ. Одинъ конецъ этого проѣзда глухою желѣзною дверью выходилъ на улицу, и здѣсь, у крошечной желѣзной калитки, вѣчно толпились родственники и знакомые арестантовъ, ожидавшіе свиданія. Эта калитка ежедневно проглатывала по нѣскольку новыхъ жертвъ. Другимъ концомъ проѣздъ выходилъ на арестантскій дворъ. Здѣсь у рѣшетчатыхъ желѣзныхъ воротъ всегда стоялъ часовой. Новый арестантъ съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ весь проѣздъ, оглянулся на калитку, за которой остался вольный бѣлый свѣтъ, и покорно зашагалъ за торопившимся надзирателемъ. Его охватила острый холодокъ снѣжнаго ноябрьскаго утра. Будзько отомкнулъ ворота. Молодой безусый солдатикъ сонными глазами посмотрѣлъ на новаго арестанта и привычнымъ движеніемъ вскинулъ ружье на плечо.

— Стой, миленькій... крѣпче стой! — проговорилъ новичокъ-тантъ, обернувшись къ часовому.

— Ты... не разговаривать! — зыкнулъ на него Будзько.

Общественно тюрьма помѣщалась въ большомъ каменномъ флигелѣ, занимавшемъ центръ замковаго двора. Три этажа гладились нѣжными окнами, защищенными желѣзными рѣшетками. Передъ частью двора была занята своею арестантскою церковью, канце-

ляріей, квартирой зрителя, больницей и кухней. Въ глубинѣhalb тянулась высокая острожная стѣна, а въ ней рѣшетчатые желѣзные ворота, отдѣлявшія женскую половину. Теперь на дворѣ сѣрая кучка арестантовъ лѣниво убирала выпавшій за ночь снѣгъ, выгадывая каждую лишнюю минуту. Эти блѣдные изнуренные лица казались еще блѣднѣе при яркой бѣлизнѣ молодого снѣга, а сами арестанты походили на грязные пятна, омрачавшія своимъ присутствіемъ эту дѣвственную бѣлизну. Появленіе новичка вызвало самое пристальное вниманіе, и арестанты сбились въ одну кучку. Въ этотъ моментъ на дворѣ показался Аѳанасій Иванычъ. Онъ съ трудомъ догналъ новаго арестанта, схватилъ его за плечо, ощупалъ правый рукавъ и съ торжествомъ вытащилъ изъ него бутылку изъ-подъ сельтерской воды съ какою-то безцвѣтною жидкостью.

— Это что... а?—зашипѣлъ онъ, поднимая бутылку.—Ахъ, разбойникъ, что это?... а?...

Арестантъ улыбнулся своею тихою привѣтливою улыбкой и проговорилъ:

— Святая вода.

— Что-о?... Знаемъ мы вашего брата!...

Зритель даже захохоталъ и накинулся на Будзько, обыскивавшего арестанта при переодѣваньи.

— Ты его обыскивалъ... ты?... а?... Развѣ такъ обыскиваютъ?

— Вашескородіе, не было при ѣмъ никакой бутылки,—оправдывался Будзько, сконфуженный передъ арестантами.—Вотъ сейчасъ съ мѣста не сойти... Слава Богу, не въ первой обыскиваю ихняго брата. Не иначе, што онъ мнѣ глаза отвелъ, вашескородіе. А бутылки никакъ не было, потому какъ его еще на постояломъ дворѣ обыскивали.

— Не заговаривай зубовъ! — накинулся Аѳанасій Иванычъ съ новою яростью.—А какъ же я-то увидѣлъ? Смотрю въ окно, а рукавъ-то и натянулся. Мнѣ вотъ никто глазъ, небось, не отведеть!

Теперь въ окнѣ «пріемной» выглядывалъ Акакій Семенычъ, слѣдившій за всею сценой съ равнодушнымъ видомъ. Ловкая птица, коли такъ ловко провелъ прожженаго Будзько.

Аѳанасій Иванычъ вернулся въ «пріемную» съ торжествующимъ видомъ и молча поставилъ бутылку на столъ. Конечно, Будзько оказалъ себя дуракомъ, а и Акакій Семенычъ-то же хорошъ: вѣдъ, самъ обыскивалъ. Приставъ молча взялъ бутылку, внимательно ее осмотрѣлъ, откупорилъ и понюхалъ.

— Вода,—пробормоталъ онъ.

— Хорошъ архирей?—язвилъ Аѳанасій Иванычъ.—Этакъ онъ въ рукавѣ цѣлую бы четверть пронесъ въ замокъ. Ты-то чего смотришь?

— А ну его и съ водой!

— А кто сталъ бы отвѣчать, а?... Ты его поймалъ, сдалъ мнѣ на руки и кругомъ чистъ, а я за него долженъ отвѣчать. Хорошо, што вода.

Аѳанасій Иванычъ попробовалъ воду на языкъ, сплюнулъ и бутылку присовокупилъ къ числу вещественныхъ доказательствъ, хранившихся въ отдѣльномъ шкафу. Приставъ мрачно шагаль по комнатамъ, тяжело шаркая ногами.

— Сегодня утромъ присылали ко мнѣ на квартиру отъ старухи Банунниковой,—выговорилъ онъ, наконецъ, тяготившую его мысль.

— Н-но-о?—протянулъ Аѳанасій Иванычъ.—Это на счетъ этого архирей?

— Видно што такъ... Старуха богомольная и крѣпко стоитъ по своей австрійской вѣрѣ. Ничего бы не пожалѣла, кабы я умнѣе былъ... Дурака я сваялъ на постояломъ. Чортъ его зналъ, что за человѣкъ. Теперь-то ужъ ничего не подѣлаешь. Вотъ оно какое дѣло...

Друзья пришли въ нѣкоторое уныніе. Посаженный въ острогъ архирей уже потерялъ всякую цѣнность, и трудно было извлечь изъ него что-нибудь. Впрочемъ, Аѳанасій Иванычъ сейчасъ сообразилъ, что дѣло еще не такъ плохо и именно онъ, Аѳанасій Иванычъ, можетъ кое-чѣмъ воспользоваться. Да... А приставъ Аѳакій сыгралъ дурака... Вѣрно.

II.

Сконфуженный и обозленный Будзько провелъ арестанта во флигель. Здѣсь сразу обдало застоявшимся гнилымъ воздухомъ, какой бываетъ въ старыхъ баняхъ. Въ концѣ коридора шагаль часовой. Освѣщался коридоръ всего однимъ окномъ и поэтому робности трудно было разглядѣть сразу. Глазъ привыкалъ только томъ къ этому нильному полусвѣту. По сторонамъ коридора чными впадинами выдѣлялись грязныя тяжелыя двери съ крошечными оконцами. Всѣ они были закрыты, а за ними слышался предѣленный глухой гулъ, какъ въ ульѣ.

— Ничего, крѣпкая работа,—полюбовался новый арестантъ, навливаясь, чтобы перевести духъ.

Видсто отвѣта, Будзько пребольно ударилъ его кулакомъ въ бокъ, такъ, что арестантъ чуть не растянулся тутъ же.

— Какой легкой чортъ!—ругался Будзько, обозлившись еще больше.

Онъ молча ткнулъ рукой на крутую лѣстницу, поднимавшуюся вверхъ точно изгрызенными ступеньками. Вездѣ была настоящая острожная грязь, которой пропитаны были стѣны и самый воздухъ. Арестантъ съ трудомъ поднялся во второй этажъ, гдѣ шелъ такой же корридоръ, какъ и внизу, съ тою разницей, что здѣсь какъ будто было немного посвѣтлѣе. Единственное окно въ концѣ корридора походило на громадное бѣльмо. Будзько подвелъ къ одной изъ тяжелыхъ дверей, отворилъ ее и безъ всякихъ разговоровъ грубо втолкнулъ арестанта въ полутемную узкую камеру. Дверь опять захлопнулась, точно деревянная челюсть какого-то чудовища. Кириллъ остановился, оглядѣлся кругомъ, вздохнулъ и перекрестился широкимъ раскольничьимъ крестомъ, а потомъ по-архіерейски огрaдилъ двумя руками всѣ четыре стѣны каземата. Помѣщеніе было не завидное и производило впечатлѣніе чего-то голаго. Собственно комната была порядочной величины, но казалась узкой отъ деревянныхъ наръ, тянувшихся сплошнымъ помостомъ вдоль внутреннихъ стѣнъ. Между нарами оставался только неширокій проходъ. И больше ничего, что напоминало бы о человѣческомъ существованіи. Маленькое оконце, задѣланное снаружи тяжелою желѣзною рѣшоткой, давало мало свѣта, особенно зимой. Только привыкнувъ къ этому томительному полусвѣту, Кириллъ рассмотрѣлъ давно неблѣсныя стѣны, обсаенныя и затертыя арестантскими спинами, грязныя нары, грязный выбитый полъ. Здѣсь стоялъ такой удушливый воздухъ, что у старика закружилась голова. Его вдругъ охватила та томящая тоска, которая овладѣваетъ попавшеюся въ влѣтку вольною птицей. Это была живая могила.

— Благодарю тебя, Господи, — шепталъ Кириллъ въ изнеможеніи, — сподобилъ и меня грѣшнаго принять заточеніе. Любя, Ты наказуешь раба твоего Кирилла.

Оглядѣвшись, онъ подсѣлъ на нару къ окну. Черезъ переплетъ рамы и желѣзныя рѣшетины открывался видъ на крышу церкви и трубы. Отпотѣвшія запыленные стекла скупо пропускали свѣтъ. Кириллъ еще разъ оглядѣлъ стѣны, дверь, окно и улыбнулся своею тихой, кроткою улыбкой: ничего, крѣпкая работа. Онъ крѣпко умѣетъ строить для своихъ помраченныхъ душъ: однихъ держать, другіе держать, и всѣ одинаково слуги антихристовы. Кириллъ припомнилъ красную рожу Жарь-Птицы, Ежевую Голову, надзирателя

Будзько, солдатика часового,—всѣ они въ плѣну у антихриста и служатъ ему съ яростію. Вотъ какъ ухватились за него. Злости-то, злости-то сколько въ нихъ, бѣдненькихъ! Готовы, кажется, прямо зубами за горло схватить, до того помрачились своими плѣнными душами.

По пути онъ припомнилъ исторію съ бутылкою святой воды. Ухранилъ онъ ее при обыскѣ на постояломъ дворѣ и при обыскѣ въ тюрьмѣ, а антихристъ, все-таки, ее сцапалъ, потому какъ не любить онъ этой святой воды. Ахъ, какъ еще не любить!... Льво-яростно накинулся на него смотритель, а того не понимаетъ миленькій, что не своею волей дѣйствуетъ, а яко слуга и поборникъ антихриста, любезный его сосудъ и вмѣстилище.

— Помѣшала имъ всѣмъ святая-то вода, — вслухъ замѣтилъ Кириллъ съ своею кроткою улыбкой.— А антихристъ лапою своею поганой и сцапалъ ее. То-то, горемыки миленькіе, помрачились со-всѣмъ!...

Эти благочестивыя размышленія были прерваны появленіемъ «шестого номера», который гулялъ на дворѣ. Въ корридорѣ послышался тяжелый топотъ десятковъ ногъ, громкій говоръ, хохоть и ругань, а затѣмъ дверь распахнулась и въ казематъ ввалилась цѣлая орда. Всѣхъ арестантовъ въ шестомъ номерѣ помѣщалось двадцать человекъ, и Кириллъ былъ двадцатымъ. Въ первый моментъ онъ не могъ разглядѣть отдѣльныхъ лицъ,—такъ всѣ были похожи другъ на друга: всѣ такіе сѣрые, истощенные, съ затаенною, какою-то голодною злобой во взглядѣ. Арестанты столпились около новичка и внимательно его разглядывали, какъ стадо овецъ новую овцу. Потомъ изъ толпы послышался голосъ:

— Ты, святая вода, куды забрался-то?

— Куда посадили, тамъ и сижу,—отвѣтилъ Кириллъ, не понявъ вопроса.

Изъ толпы арестантовъ выдѣлился коренастый, чернобородый мужикъ и, схвативъ Кирилла за шиворотъ, оттащилъ его отъ окна.

— Не по чину мѣсто ухватилъ,—объяснилъ кто-то.

Толпа разомъ загадѣла. Кто-то хохоталъ, кто-то ругался. Въ казематѣ казалось теперь еще темнѣе, чѣмъ раньше. Кириллъ помненько присѣлъ на нару у самой двери. Онъ только теперь ваялъ, что у окна мѣсто для избранныхъ, и тяжело вздохнулъ. Здѣсь, двери, было и темно, и душно. Арестанты заняли каждый свое мѣсто на нарахъ и больше не обращали на новичка никакого вниманія. Они всѣ успѣли обидѣться вмѣстѣ и имѣли свои острожные личные интересы, свой языкъ и свои темы для разговора. Кириллъ

слушалъ и ничего не могъ понять. Тоска сдавила его еще сильнѣе, точно онъ попалъ на самое дно ада, гдѣ мучатся грѣшныя души. Это и былъ адъ, смрадный и тѣсный.

— За какія качества?—коротко спросилъ Кирилл, подсаживаясь къ нему, сѣдой, остриженный подъ гребенку арестантъ съ черными бойкими глазами.

— А не знаю, миленькій. Ничего не знаю.

— Перестань врать! Безъ паспорта, видно, Ежевой Головъ попался?

— Не имѣю антихристовой печати, миленькій. Это ты вѣрно. На что мнѣ паспортъ?... Одинъ у меня паспортъ: рабъ Божій...

Весь шестой номеръ залился хохотомъ. Ловокъ новый бродяга... Тоже и объяснилъ. Арестанты обступили опять новичка, а сѣдой арестантъ продолжалъ допросъ:

— На казенные хлѣба пожелаешь поступить?... Такъ и говори. Что же, до весны посидишь, а тамъ по мѣсту жительства. А ты вотъ скажи, по какой такой причинѣ бутылку съ собой принесъ?

— Святая вода въ бутылочкѣ была,—ну, и принесъ.

Опять взрывъ общаго хохота: извѣстно, какую святую воду въ замокъ приносить съ собой. Ловкій мужиченко и передъ своими дурака валяется.

— Вотъ тебѣ Будзько пропишетъ два неполныхъ за твою святую воду,—объяснялъ сѣдой арестантъ.—Ему теперь Жарь-Птица и жару, и пару задасть за тебя, а Будзько ужъ свое будетъ на тебѣ наверстывать. Ловокъ ты, рабъ Божій, хоть бы и намъ, такъ въ самую пору.

— А рукомесо у тебя какое?

— Кузнецъ я...

— А ну, покажи ручки... Какъ есть кузнецъ, изъ кузницы съ краснымъ товаромъ. На крупчаткѣ замѣшанъ... Да и языкъ у тебя сладкій,—меду много кушалъ.

— На тракту вязовою иглой шапки шилъ!—крикнулъ голосъ откуда-то изъ угла.

— Фальшивый монетчикъ!—отвѣтилъ голосъ изъ другого угла.—Шалай, ты ему глухую исповѣдь задай!...

Шалай, сѣдой арестантъ, допрашивавшій Кирилл, зналъ свое дѣло какъ настоящій мастеръ, потому что сидѣлъ въ острогѣ за бродяжничество уже десятый разъ и чувствовалъ себя какъ дома. Его вниманіе теперь сосредоточили на себѣ волосы новичка. Опытный арестантскій глазъ еще на дворѣ замѣтилъ, что тутъ дѣло что-то не такъ. Кириллъ чувствовалъ этотъ ястребиный взглядъ на себѣ

и кротко улыбался. Онъ не шевельнулся, когда Шалай придвинулся къ нему совсѣмъ близко, обнялъ его одною рукой и быстрымъ воровскимъ движеніемъ другой вытащилъ изъ-за ворота длинные волосы Кирилла.

— Вотъ такъ кузнецъ, братцы!—грянула вся камера.—Теперь мы и обѣдно можемъ отслужить.

Кириллъ сидѣлъ съ закрытыми глазами и безмолвно шевелилъ губами, читая какую-то молитву: давече антихристъ сдапалъ святую воду, а теперь добрался и до волосъ... И какъ хитро подбирался, яко тать въ нощи. Вонъ какъ ему весело, точно жеребець заржалъ...

— Попокъ раскольничій,—объяснилъ Шалай.—То-то ручки-то бѣлыя. Бупчихъ, видно, оглаживалъ, которыя побогаче... Одно у васъ у всѣхъ ремесло-то. Ну, и намъ теперь, братцы, будетъ лафа: навезутъ бупчихи въ острогъ къ намъ и жаренаго, и варенаго.

— А ты-то чему обрадовался?—тихо спросилъ Кириллъ.—Тебя антихристъ вонъ какъ гладко выстригъ... Изъ солдатъ?

— Случалось, отче. Ну, такъ какъ же мы будемъ съ тобой разговаривать-то теперь? Кузнецъ ты по всей видимости настоящей и денегъ, навѣрное, наковалъ... Надо бы съ тебя вступиую на артель.

— Ничего у меня нѣтъ, да и не было, а рухлядишка кабая была—вся въ полиціи осталась.

— А ты требуй деньги.

— Было пять съ полтиной...

— И пять съ полтиной деньги. Вотъ святую воду пронесъ, а деньги оставилъ... Эхъ, ты, святая душа на костыляхъ!

Этимъ и закончился допросъ новаго арестанта. Больше съ него и взять было нечего. Такъ, сдуру попался человекъ...

Шестой номеръ былъ занятъ мелкими преступниками, по преимуществу непомятыми родства, разными бродягами и ворами. Народъ былъ все надоѣдливый, вздорный и легковѣсный. Не было такой каверзы, придирки и пакости, которую здѣсь не придумали бы, благо времени свободнаго было достаточно. Для Аванасія Иваича именно этотъ шестой номеръ составлялъ сущую муку, какъ изсякаемый источникъ всякихъ жалобъ и «доѣмокъ». Доѣмками острожномъ языкъ называли цѣлую систему мелкихъ придирокъ какому-нибудь одному лицу, которое желали донять.

Каждый новичокъ проходилъ тоже черезъ своего рода «доѣмку», только выдержавшій этого рода искусь становился членомъ рожнаго братства, съ его порядками, традиціями и уставами.

Жизнь складывалась здѣсь сотни лѣтъ, и выработались свои опредѣленные формы. Новичокъ поступалъ на все готовое и долженъ былъ слѣпо подчиняться этому готовому. Кирилль это чувствовалъ и объяснилъ по-своему, именно все тою же антихристовою работою.

Первый день показался ему ужасно тяжелымъ. Арестантскій обѣдъ въ общей столовой просто оглушилъ его, какъ сонмище нечестивыхъ. Въ столовой сошлись цѣлыхъ пять камеръ, и можно себѣ представить, что это такое было. Шумъ, гвалтъ, неистовство, хохоть. И ѣли все неистово, какъ ѣсть скотина, итъ—хуже. Да и чего было ждать отъ этихъ татей, насильниковъ, грабителей, человѣкоубійць!... Кирилль съ какимъ-то ужасомъ смотрѣлъ на это стадо свиное, неистово попиравшее даръ Божій. Самъ онъ едва прикоснулся къ пищѣ, отвѣдавъ арестантскихъ щей. Въ этой пестрой толпѣ никто не обращалъ на него вниманія, и Кирилль малодушно радовался, что можетъ оставаться незамѣтнымъ. Но и эта относительная свобода была омрачена: къ нему подсѣлъ какой-то лысый старичокъ и повелъ доѣмку.

— Изъ австрицкихъ будешь?—пѣвучимъ голосомъ спрашивалъ старичокъ.—Изъ обливанцевъ?

— А тебѣ на что, кто я таковъ? Ты самъ по себѣ, я самъ по себѣ...

— Нѣтъ, оно любопытно... Какъ же!... На тебѣ священный санъ, такъ любопытно поглядѣть, какіе австрицкіе попы бываютъ.

— А ты изъ какихъ?

— Я-то? Я-то безпоповецъ... изъ стариковщины... Мы люди темные, неученые. Да... Съ насъ и взыскъ по нашему малому разуму... Съ большого человѣка и взыскъ большой.

— Отстань... Не о чемъ намъ съ тобой разговаривать.

— Не гордись, отче... Господь-то Батюшка насъ всѣхъ сравнялъ, какъ траву въ полѣ. А мнѣ любопытно на тебя поглядѣть...

У Кирилла даже сердце сжалось при видѣ безпоповца. Это былъ уже настоящій волкъ... Православные, тѣ не приставали, а этотъ сразу полѣзъ съ кусательнымъ словомъ и укорилъ обливанствомъ. Онъ хотѣлъ уйти изъ-за стола раньше, но Будзько не пустилъ и обругалъ худымъ словомъ.

— Гордость-то, отче, захватилъ съ собою, видно, и въ острогъ?— хихикалъ безпоповецъ.—То-то вы всѣ такіе, австрицкіе... Сладко ѣдите, мягко спите, почетъ любите собирать у богатыхъ милостивцевъ. Власть себѣ присовокупили вязать и разрѣшать.

И пошелъ, и пошелъ. Около нихъ сбилась опять кучка арестантовъ, галдѣвшихъ и хохотавшихъ надъ раскольниками, а Будзько

сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, — онъ рѣшился мстить раскольничьему попу за его хитрость.

Кирилль вздохнулъ свободнѣе, когда обѣдъ кончился и онъ могъ уйти въ свою камеру. Но, къ его удивленію, лысый безпопонецъ оказался тоже въ шестомъ номерѣ, куда Будзько нарочно привелъ его, чтобы травить раскольничьяго попа. Пусть раскольники погрызутся...

Ш.

Наступила ночь. Ахъ, какъ она медленно спустилась надъ острогомъ, и какъ ее ждалъ Кирилль! Онъ такъ усталъ за этотъ день отъ окружавшей его толпы арестантовъ, отъ говора и хохота, отъ тяжелаго воздуха, а, главное, отъ своихъ собственныхъ мыслей, лежавшихъ тяжелымъ камнемъ на душѣ.

Ужинъ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Всѣ были такіе сумрачные, и даже не было того галдѣнья, какъ за обѣдомъ. Въ корридорахъ тускло горѣли маленькія лампочки и такая же лампочка едва освѣщала казематъ. Арестанты залегли спать на нары сейчасъ же послѣ ужина. Кое-гдѣ шелъ разговоръ въ полголоса. Большинство заснуло сейчасъ же тяжелымъ осторожнымъ сномъ. Воздухъ спирался еще сильнѣе отъ дыханія спавшихъ. Слышался тяжелый бредъ, сонное бормотанье и тяжелые вздохи. Кирилль забился въ уголокъ около самой двери и лежалъ съ открытыми глазами: сонъ не шелъ къ нему. Онъ чувствовалъ только одно, что дышать нечѣмъ и что воздухъ дѣлается все тяжелѣе.

— Къ окошечку бы пробраться... дохнуть одинъ разъ...

Эта мысль окончательно овладѣла имъ. Онъ больше ничего не могъ думать, потому что задыхался. Кровь тяжело стучала въ головѣ, все тѣло точно было налито свинцомъ, во рту пересохло... Кажется, всѣ спятъ?... Кирилль снялъ съ себя арестантскій халатъ и въ одной рубашкѣ, босой осторожно началъ пробираться къ окну, точно воръ. Только одинъ разъ дохнуть... Но вотъ и окно, запотѣвшее, тусклое, слезившееся. Кирилль припалъ горѣвшею головою къ мокрому стеклу и съ жадностью вдохнулъ охлажденную струю воздуха, точно онъ ее пилъ. Ахъ, какая радость!... Да, удушье ошло сейчасъ же, а вмѣстѣ съ нимъ и смертная истома. Кирилль даже сдѣлалось совѣстно за собственное малодушіе, — вѣдь, спятъ другіе, дышутъ и ничего, живы, а онъ изнемогъ и впалъ въ лодушіе. Въ царившей полутьмѣ онъ видѣлъ эти скорченные фигуры, босыя ноги, судорожно сжатые руки и блѣдныя, сѣрыя лица

съ полуоткрытыми ртами. Это была ужасная картина. Какія мысли витали надъ этимъ сбродомъ? Какіе сны спускались въ помраченныя души, какія желанія и чувства незримо ползли въ этихъ пропащихъ головахъ? Господи, и онъ, пастырь стада Христова, здѣсь, въ обществѣ этихъ татей, насильниковъ и душегубцевъ... И ему сдѣлалось страшно. За что?..

Но это была опять минутная слабость, вызванная непривычкой къ новой обстановкѣ. Кириллъ началъ молиться про себя, усердно, истово и горячо. Молитва его успокоила, умилила, а по лицу ка- тились слезы.

— Господи, благодарю Тебя, что не оставилъ и меня Своею милостью...

Нѣсколько разъ эта молитва прерывалась чѣмъ-нибудь бормотаньемъ. Нѣкоторые поднимались, садились на нары и долго смотрѣли на него ничего не понимавшими глазами, а потомъ разслабленно валились опять на нары, чтобы опять заснуть тяжелымъ сномъ. А Кириллъ стоялъ у окна и продолжалъ молиться, не замѣчая, какъ летитъ время. Ему вдругъ сдѣлалось такъ легко и хорошо на душѣ. Да, ему все теперь было понятно и это все было такъ просто, что хотѣлось разбудить всѣхъ этихъ спавшихъ грѣшниковъ и все рассказать имъ. Да, все... И просвѣтились бы помраченныя души, умилились бы очерствѣвшія сердца и исторглось бы окрыленное молитвой слово. Тьма ихъ обьяла, а тутъ свѣтъ и радость, и лигованье.

Охваченный однимъ чувствомъ и своимъ свѣтлымъ настроеніемъ, Кириллъ благословилъ спавшихъ «двѣма руками», какъ пастырь.

— Спите, миленькіе горемыги... Господь съ вами.

Такъ онъ и простоялъ на молитвѣ до самаго утра, когда въ шесть часовъ смѣняли часовыхъ, и на дворѣ поднялась обыденная суета. Свѣта еще не было, а только небо дало отбѣли, точно было заслонено громаднымъ матовымъ стекломъ. Настоящій свѣтъ гдѣ-то былъ еще тамъ, далеко, но тѣмъ напряженѣе чувствовалось его медленное приближеніе.

Кириллъ лежалъ въ своемъ уголкѣ и совсѣмъ не хотѣлъ спать. Не первую ночь приходилось ему проводить на молитвѣ, но ни одна не пролила въ его душу такого спокойствія, любовнаго и радостнаго. Ему страстно хотѣлось разбудить всѣхъ товарищей по узилищу и рассказать имъ все, чѣмъ такъ сейчасъ была полна его собственная душа. И какъ все ясно, просто, понятно... И они прозрѣютъ, всѣ до одного, озаренные новымъ свѣтомъ, и тогда не нуж-

но будетъ ни этихъ каменныхъ стѣнъ, ни желѣзныхъ затворовъ, никакой «тѣлесно ощущаемой власти», какъ Жарь-Птица или Ежовая Голова.

— Господи, помоги мнѣ, грѣшному, — молился Кириллъ про себя. — Не даждь ми духа унынія...

Когда уже занялось настоящее утро, Кириллъ забылся тревожнымъ сномъ, точно его придавила могильная плита.

Видѣлъ онъ себя на свободѣ, ѣдущимъ по дѣламъ своей разсѣянной по весямъ и градамъ паствы. Между прочимъ, завернулъ онъ и въ Межигорье, чтобы разрѣшить сварившихся межигорскихъ поповъ Авдѣя и Варсанофія. Большая отъ нихъ смута шла въ боголюбивыхъ народахъ, а паче того соблазнъ и прещеніе. Авдѣй былъ стараго поставленія, начетчикъ и трудникъ, но сталъ зашибать отъ воды забвенія. По просьбѣ межигорянъ, Кириллъ поставилъ имъ новаго попа Варсанофія, человѣка непьющаго, но скромнаго и не весьма борзаго на языкъ. За Авдѣя была своя партія старыхъ дружковъ и милостивцевъ, которые не признали Варсанофія за правильнаго попа, а этимъ подрывали и его собственный пастырскій авторитетъ. Значить, онъ, Кириллъ, и попа настоящаго поставить не умѣлъ и власти не имѣеть отрѣшить Авдѣя на-прочь. А всего хуже, что въ эту «прю» вмѣшались тайно безпоповцы съ своими стариками и начетчиками. Они еще больше увеличивали свару своими навѣтами и шепотами и успѣли отбить отъ смутившагося стада не одну овцу. Такъ, старуха Банунникова, издревле прилежавшая старой вѣрѣ, замѣтно пошатилась къ безпоповцамъ, хотя явно и держала себя по-прежнему. А за ней потянулось бы много слабыхъ душъ: столбъ уронить, и заборъ развалится. Вотъ и поѣхалъ Кириллъ въ Межигорье, чтобы унять свѣру и проявить свою пастырскую власть. Раньше онъ всегда останавливался у нея въ домѣ и проживалъ по недѣлямъ, а теперь приткнулся гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Къ Варсанофію онъ тоже не поѣхалъ, чтобы новый ставленникъ не превознесся гордостью.

Каково было удивленіе, когда владыка Кириллъ нежданно-негаданно явился въ часовню, гдѣ служилъ Авдѣй. Это было на повѣрїи. Старуха Банунникова стояла на своемъ мѣстѣ впереди, у лѣго клироса. Когда повечеріе кончилось, Авдѣй подошелъ подъ благословеніе.

— Владыка, благослови...

— Ты самъ себя благословилъ, такъ для чего тебѣ еще мое благословеніе? Не пастырь ты, а волкъ и губитель. Не твое здѣсь мѣсто...

Смутился Авдѣй и сказать не знаетъ что, и клиръ смущень, и Канунникова больше всѣхъ. Такъ Кирилль повернулся и вышелъ. Ужь на улицѣ догналъ его приващикъ Канунниковой и слезно началъ просить «погоститься» къ ней въ домъ.

— Больно велики у васъ палаты, миленькій, — отвѣчалъ Кирилль, — а я человекъ маленькій... Еще заблужусь грѣшнымъ дѣломъ. Такъ и скажи Авдотѣ Марковнѣ... Была прежде дорога, да заросла та дорога травой.

— Владыка, слезно наказывала просить!...

— Слезы-то хороши въ-время, а безо времени онѣ хуже воды.

Такъ и не пошелъ къ Авдотѣ Марковнѣ: пусть чувствуетъ. У нея миллионы, такъ и важничаетъ, а у него ничего нѣтъ, такъ еще нужно больше важничать. На другой день прѣѣзжала сама, но Кирилль ее не принялъ, а ушелъ къ попу Варсанофію и тамъ просидѣлъ. Хорошій попъ Варсанофій, да только простъ, а въ Межигорьи нужно пробойнаго попа, чтобы въ случаѣ чего и зубы свои могъ показать.

— Плохо, владыка, у насъ, — плакался Варсанофій, — и самъ я чувствую, что простъ не къ мѣсту... Переведи куда-нибудь въ другой приходъ, а здѣсь мнѣ не жить. Бушцы богатые привыкли помыкать своими-то ставленными попами, а я не умѣю имъ кланяться. Авдѣй, тотъ хоть и оказываетъ себя на словахъ грубымъ, привѣсилъ къ нимъ давно.

— Не мѣсто къ головѣ приставляютъ, а голову къ мѣсту, — успокоивалъ оробѣвшаго пастыря Кирилль. — А ты поменьше слушай наговоры-то, да бабьи шепоты, а дѣлай по-своему... Такъ-то!

А Варсанофій сильно растужился, даже до слезъ, такъ что владыка даже прикрикнулъ на него, чтобы напустить храбрости. Что, въ самомъ дѣлѣ, прежде времени горевать? Крѣпкій былъ человекъ Кирилль. Самъ прошелъ отъ простаго начетчика всѣ ступени раскольничьей іерархіи и зналъ до тонкости всю повадку богатыхъ доброхотовъ: имъ только спусти.

— А главная причина отъ безпоповцевъ идетъ, — рассказывалъ Варсанофій. — Усилились они черезъ своихъ бабъ... Она, баба, женскимъ дѣломъ вездѣ пролѣзетъ и вездѣ: шу-шу-шу. Авдѣй-то не отъ ума на заднія лапы поднялся... Только онъ самъ не знаетъ, што дѣлаетъ.

— Мы его утихомиримъ живою рукой... Не великъ въ перьяхъ-то. А про безпоповцевъ я самъ знаю.

Хорошая слава шла про Кирилла. Ревностный былъ человекъ и въ словѣ твердъ. И не боялся онъ ничего, и не потакалъ бога-

тымъ мужикамъ. Время-то не такое, чтобы мирволить смутьянамъ, да расшатывать старую вѣру. И то трудныя времена наступили. Вездѣ раздѣленіе, свары и домашняя рознь. Рушилась старая вѣра, потому что не стало подвижниковъ и трудниковъ, да и суета мірская обошла кругомъ. Раньше-то потѣснѣе жилось, ну, и между собой не было разсѣченія и раздѣлки, а всѣ тянули въ одну сторону.

Межигорскую свару Кириллъ считалъ пустымъ дѣломъ и надѣялся уладить ее домашними средствами. Прежде всего, нужно было сломить зазнавшихся столбовъ и Авдотью Марковну въ первую голову. А придутъ они въ себя, и все пойдетъ своимъ чередомъ. Наложилъ Кириллъ свою владычную опалу на межигорскихъ толстосумовъ, да такъ и хотѣлъ уѣхать. Дальше были свои дѣла до самой Москвы. А тутъ вдругъ на постояломъ дворѣ приставъ и заарестовалъ.

Это послѣднее случилось такъ неожиданно, что Кириллъ не могъ даже опомниться. Межигорье славилось древнимъ благочестіемъ, и проѣздъ всегда былъ свободенъ, благодаря предстательству сильныхъ доброхотовъ и милостивцевъ. «Тѣлесно ощущаемая власть» смотрѣла сквозь пальцы на проѣзжавшихъ черезъ Межигорье раскольничьихъ архіереевъ, и Кириллъ не ожидалъ, что все такъ выйдетъ. Даже во время самага ареста онъ могъ вывернуться: стоило приставу сказать только слово. Но Кириллъ какъ-то уперся, точно на пень наѣхалъ: не хочу, и конецъ тому дѣлу. Въ острогъ, такъ и въ острогъ: пусть Авдотья Марковна порадуется.

«Пусть съ своими безпоповскими друзьями милуется, — думалъ Кириллъ, наслаждаясь собственнымъ униженіемъ. — Подвижники и не это терпѣли, а намъ и Богъ велѣлъ».

Но, все-таки, за вычетомъ этихъ благочестивыхъ размышленій и личныхъ счетовъ, оставалась незаполненной цѣлая пропасть. Являлась какая-то гнетущая пустота. Въ самомъ дѣлѣ, прожилъ всю жизнь, хлопоталъ, трудился, шелъ неуклонною стезей и вдругъ точно въ яму остуился. Собственно осторожнаго сидѣнья Кириллъ не боялся: ну, посидитъ, ну, будетъ слѣдователь пытатъ, потомъ ок-
 ] лый судъ, потомъ ссыла, — не онъ первый, не онъ послѣдній.
 (одно было то, что все случилось какъ-то ужъ очень глупо и не
 ] лѣсту. Остановись онъ у Авдотьи Марковны въ ея палатахъ, да
 ] въ кто-нибудь смѣлъ бы его хоть пальцемъ тронуть, а тутъ
 ] ловаго Голова спалалъ на постояломъ дворѣ, и конецъ тому дѣлу.
 ] дѣла-то много, ахъ, какъ много, — вездѣ неотложная нужда, вез-
 ] ждуть боголюбивые народы, а тутъ вотъ сиди въ каменномъ

мѣшкѣ. Всѣ пастырскіе планы, намѣренія и мысли разбились объ острожную стѣну, какъ набѣжавшая волна.

Мысли какъ-то плохо вязались въ головѣ Кирилла, и только ночью на молитвѣ онѣ прояснились. Да, онѣ понялъ, что именно такъ было нужно, какъ все случилось, и что тутъ нѣтъ ничего ни глупаго, ни случайнаго. Это было только завершеніе его пастырскаго подвига... Ему необходимо пострадать, чтобы его примѣромъ укрѣпились маловѣры и шатаемые вѣтромъ разноученій. Господь все видитъ и все знаетъ. Перебирая въ умѣ всѣ мельчайшія подробности своего злоключенія, Кириллъ видѣлъ только послѣдовательный ходъ того, что должно было быть. И какъ это онѣ раньше самъ не видѣлъ именно главнаго? Да, слѣпота обуяла. Другихъ видѣлъ, а себя не видѣлъ. Оно такъ и бываетъ, если Господь во-время не откроетъ внутреннихъ глазъ. А за то какъ теперь легко, ясно, хорошо, точно самый казематъ освѣтился тѣмъ же внутреннимъ свѣтомъ. А безпоповцы-то радуются его бѣдѣ, маловѣры, и не понижаютъ того, что Господь строить имъ же во вредъ.

IV.

На другой день утромъ Кириллъ былъ разбуженъ громкимъ говоромъ всей камеры, сбившейся въ одну живую кучу у окна. Въ казематѣ трудно было что-нибудь разсмотрѣть, и Кириллъ долго не могъ сообразить, гдѣ онѣ и что съ нимъ. Въ груди саднило, дышать было не чѣмъ, а голова давила, точно пудовая гиря.

— Авмарина вывели!...—галдѣли арестанты у окна.

— Въ четырехъ душахъ у слѣдователя повинился...

— Самъ, видно, считалъ души - то, такъ и вышло четыре, да неслитанныхъ два столько наберется... Тоже ловчачъ!...

Послѣдній голосъ показался Кириллу знакомымъ. Да, это говорилъ Шалай. Теперь все было ясно... Странно, Кириллу показалось, что онѣ уже давно здѣсь сидитъ, очень давно, и все кругомъ такъ знакомо и близко. Прошлое отодвинулось куда-то далеко, далеко.

— Авмаринъ изъ безсрочныхъ... Съ каторги три раза бѣжалъ.

— Изъ себя-то плечистъ... А рука: схватить—заржавѣть.

По утрамъ на прогулку выводили главныхъ арестантовъ, содержавшихся по отдѣльнымъ камерамъ, за особо строгимъ карауломъ. Это была своя острожная аристократія, возбуждавшая въ остальныхъ арестантахъ и зависть, и уваженіе, и почетъ. Особенно завидовали непомятіе родства и мелкіе воришки. Всѣмъ-то имъ вмѣ-

стѣ вся цѣна расколотый грошъ. Такъ на нихъ смотрять и надзиратели, и часовые, и своя братія-арестанты. У всѣхъ у нихъ «короткая душа» и на настоящее не хватаетъ смѣлости. Именно такое настроеніе переживалъ сейчасъ шестой номеръ, занятый прогулкой Аквамарина. Кирилль заразился общимъ жаднымъ вниманіемъ и протискался къ самому окну. Сквозь запотѣвшія стекла онъ увидѣлъ, наконецъ, гулявшаго по двору подь конвоемъ двухъ солдатъ высокаго сутулаго мужика съ длинными руками и маленькою головою. Узкое сѣрое лицо едва было тронуту жиденькою бородкой. Аквамаринъ ходилъ медленно, едва таская ноги и не глядя по сторонамъ. Вообще, ничего особеннаго.

— Онъ бабъ тиранилъ... — проговорилъ подь ухомъ Кирилла голосъ Шалая. — Поймаетъ въ лѣсу бабенку, истеранить и прикончить. Въ четырехъ душахъ у слѣдователя повинился... Лакомъ до бабъ, а вонъ какимъ волкомъ глядитъ. Мужиковъ не трогаетъ, а все бабъ...

Слѣдующимъ номеромъ послѣ Аквамарина явился Слеза, небольшого роста плечистый мужикъ съ большою рыжею бородой. Онъ держался на-показъ и постоянно скидывалъ съ одного плеча свой арестантскій халатъ, точно плохой актеръ въ какой-нибудь трагической роли. И было чѣмъ гордиться: Слеза повинился въ семнадцати душахъ, и его выводили на прогулку подь конвоемъ четырехъ солдатъ. Слеза славился тѣмъ, что его не держали никакія стѣны, никакія кандалы, и во время его прогулки въ окнѣ приемной все время торчала голова Жарь-Птицы.

— Этотъ уйдетъ, сколько ни гляди, — увѣренно повторяли голоса. — Можетъ, всѣ десять разъ уходилъ... Достанется за него Жарь-Птицѣ на орѣхи.

— Конечно, уйдетъ... Какъ пить дастъ уйдетъ. Орелко, однимъ словомъ...

— Этотъ козырный не чета Аквамарину.

— И еще семнадцать душъ прикончить... У Слезы рука не дрогнетъ. Вишь, какъ похаживаетъ, точно губернаторъ.

— Семнадцать душъ? — переспросилъ Кирилль своего сосѣда, толкаго арестанта-бродяжку, кашлявшаго въ руку.

— Сказываютъ, больше... — отвѣчалъ бродяжка съ печальною улыбкой. — А главная причина: неизвѣстный человекъ. Это не братъ, непомятій родства... Всѣ мы, бродяжки, къ своему делу придемъ. Тутъ насъ и накроютъ, а у Слезы другое на умѣ... Всѣ боятся. Онъ вонъ какъ учнетъ съ надзирателями разговаривать, али съ Жарь-Птицей. Только Слеза безпремѣнно уйдетъ...

Всѣ разговоры о Слезѣ заканчивались неизмѣнно однимъ и тѣмъ же: уйдежь, и тому дѣлу конецъ. Кирилль слушалъ и только вздыхалъ. Конечно, онъ и раньше слышалъ о разбойнигахъ и разбойныхъ дѣлахъ, но все это дѣлалось гдѣ-то тамъ, въ сторонѣ, а тутъ всѣ были налицо, вотъ здѣсь, совсѣмъ близко. Хуже всего было то, что маленькіе арестанты завидовали большимъ преступникамъ, учились разному звѣрству и только ждали случая, чтобы сдѣлать то же, что дѣлали большіе. И тотъ, кто сдѣлалъ, и тотъ, кто еще не успѣлъ сдѣлать, одинаково стояли на днѣ погибельной пропасти. У каждаго былъ свой часъ и своя часть. И, можетъ быть, тѣ, которые еще ничего не сдѣлали, гораздо хуже явныхъ разбойниковъ и душегубовъ, хуже по своей душевной испорченности и тайнымъ мыслямъ. Кирилль все ждалъ, что хоть кто-нибудь осудитъ страшныхъ душегубовъ, скажетъ слово обличенія, но никто и ничего не говорилъ.

— Господи, гдѣ я?—повторялъ Кирилль въ ужасѣ. — Господи, за что? И земля матушка носить такихъ злодѣевъ, не разступится отъ ихъ звѣрства, и онъ, служитель Божій, сидитъ съ ними подъ одною кровлей. Вонъ они здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ, обогранные не винною кровью, полные новыхъ злодѣйскихъ замысловъ, закоснѣлые и нераскаянные. Какъ они не боятся Божьяго солнца, бѣлаго свѣта, собственной совѣсти, Божьяго милосердія? Они могутъ и ѣсть, и спать, какъ всѣ другіе, и еще смущаютъ этихъ другихъ. Истинно безстрашные сыны погибели и кровные слуги антихриста.

— Вотъ какъ добрые - то люди поживаютъ, отче! — говорилъ Шалай, хлопая Кирилла по плечу. — Не то что ты, со святою водою влопался.

Безпоповецъ смотрѣлъ на Кирилла и злобно хихикалъ.

— Я-то знаю, зачѣмъ попалъ сюда, — отвѣчалъ Кирилль съ кротостью. — А вотъ вы всѣ помрачались до самаго дна, яко пріямые слуги антихриста. Обуяла васъ всѣхъ злоба... Слѣпотствуете отъ этой самой злобы, яко приспѣшники всесквернаго льстеца, иже есть все онъ же, антихристь.

Это неожиданное обличеніе вызвало дружный хохотъ всей тѣмы. Очень ужъ смѣшной раскольничій попокъ попался и слѣдуетъ говорить совсѣмъ несообразныя.

— Еще прибавь, отче... ха, ха!...

— Бровь неповинная вошеть, а вы лють радуетесь.

— Ну, ну, катай.

— И скажу... Кто же другой вотъ скажетъ?... Каменными ст .

нами да желѣзными затворами не удержатъ злыхъ мыслей. И буду говорить: горе душамъ вашимъ! Горе и мнѣ, сидящу съ вами...

Эта проповѣдь была прервана появленіемъ на острожномъ дворѣ новаго лица. Вся камера замерла, столпившись у окна.

— Братцы, глядите: Чечня вывели... — шепталъ неизвѣстный голосъ. — Этотъ почище Слезы будетъ...

— Есть и поглядѣть на что: въ руки нечего взять.

— Не великъ звѣрь, да лапистъ... Охъ, ловкій чортъ! Два года регентомъ въ церкви служилъ и сейчасъ у себя въ номерѣ все духовное распѣваетъ...

Чечень «ходилъ въ небольшихъ душахъ», но привлекалъ особенное вниманіе острожной толпы, потому что его дѣло было оставлено романическими подробностями. На видъ это былъ сѣднѣйшій, сгорбленный, худенькій старичокъ съ умильно-благочестивымъ лицомъ. Онъ гулялъ по двору, опустивъ глаза, и только время отъ времени угнетенно вздыхалъ, подавленный тайно-благочестивыми мыслями. Какъ арестантъ, Чечень не представлялъ собой никакой опасности, и усатая рожа Жарь-Птицы оставалась въ огнѣ только изъ любопытства. Она даже улыбалась и дѣлала такія движенія, точно большой маятникъ старинныхъ часовъ.

— Чечень-то все на свою Чечотку поглядываетъ, — объяснялъ какой-то голосъ. — Тоже, стосковались другъ по другѣ...

— Достигъ онъ ее, Чечотку-то.

— Ужь какъ достигъ... А потомъ задушить.

— Конечно, задушить. Она и сама говорить то же самое...

— А изъ какихъ онъ будетъ?

— Неизвѣстно: Чечнемъ назвался. Такая лѣсная птичка есть, на манеръ воробья. Ну, онъ у слѣдователя и объявилъ себя чечнемъ, а сплюбовницу свою чечоткой назвалъ...

Кириллъ слушалъ эти «неистовыя слова» и молчалъ съ грустною улыбкой. Онъ даже не полюбопытствовалъ взглянуть на Чечню. Не все ли равно? Зло было слишкомъ велико, ярко и разнообразно. Кириллу начинало казаться, что все, что онъ видѣлъ и слышалъ, тяжелый сонъ, одинъ изъ тѣхъ сновъ, отъ которыхъ чело-вѣкъ не можетъ проснуться. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ точно давно шагъ воть всѣхъ этихъ людей — и Шалаю, и безпоповца, и сми-рго бродяжку.

— Ну, что ты молчишь, отче? — приставалъ къ нему Шалай.

— Страшно мнѣ, братъ...

— Отчего?

— Объя мя ужасъ и сѣнь смерти...

— Отъ писанія, отче?

— Есть немножко... Въ писаніи-то что сказано, миленькій... Царь Давыдъ применько сказалъ: «день дни отрыгаетъ глаголь, и ночь ночи возвѣщаетъ разумъ». Вотъ ты и подумай...

Въ голосѣ Кирилла послышались слезы. Около него опять столпились арестанты. И слова мудренныя, и самъ не то блаженненькій, не то обморошный, не то просто дуракъ.

— Ну-ко, еще прибавь, владыка! — язвиль безпоповецъ, приращиваясь поближе.

— А ты читаль въ книгѣ притчей премудраго царя Соломона: «блаженъ человекъ, иже увѣдѣ премудрость, и смертенъ, иже увѣдѣ разумъ»? Вотъ это о тебѣ сказано, миленькій... Ночь возвѣщаетъ разумъ и разумъ возвѣщаетъ смерть. Есть у тебя глаза, а ты слѣпотствуешь, ибо велика облекающая языки мгла и далекъ день...

На арестантовъ произвело сильное впечатлѣніе слово «отъ писанія». Безпоповецъ не зналъ, что ему отвѣчать, потому что былъ мало ученъ и не хотѣлъ срамиться въ открытомъ диспутѣ. Бродяжка слушалъ Кирилла съ раскрытымъ ртомъ. Но произведенное впечатлѣніе было нарушено появленіемъ Будзько.

— Шестой номеръ, гулять! — крикнулъ онъ, отворяя дверь.

Вся камера загадѣла и бросилась въ корридоръ. Кирилль остался послѣднимъ.

— Ты, ворона, шевелись!... — крикнулъ на него Будзько и больно ударилъ кулакомъ въ бокъ. — Я тебѣ покажу святую воду!...

Кирилль тихо вскрикнулъ, посмотрѣлъ на Будзько и ничего не сказалъ. Да и что онъ могъ сказать вѣрному слугѣ антихриста, творившему волю пославшаго?

Прогулка по двору продолжалась около часу. Кирилль былъ не радъ и свѣжему воздуху, потому что продрогъ до костей. Онъ ежился въ своемъ арестантскомъ халатѣ и пряталъ руки. Арестанты старались незамѣтно пробраться въ ту часть двора, гдѣ были ворота на женскую половину. Это была слабая попытка завести хотя отдаленное знакомство съ острожными красавицами. Будзько не дремалъ и гналъ арестантовъ съ неистовою руганью. Стоявшій у самыхъ воротъ часовой улыбался. Кирилль не понималъ, въ чемъ дѣло, и смотрѣлъ на всѣхъ недоумѣвавшими глазами. Его занимало больше всего неукротимое неистовство «приставника». И откуда такая злоба?

— Я васъ, галманы, выворочу всѣхъ наоборотъ! — кричалъ Будзько.

Арестанты галдѣли, толкали другъ друга и ругались.

— Хорошая работка, владыка? — тихо спрашивалъ безпоповецъ, показывая Бириллу на острожныя стѣны. — Брѣшко налажено?...

— Ничего... А ты не приставай.

— Я-то?... Не любишь?...

— Считаю тебя за прямого волга.

— Вотъ ты какой, владыка: я къ тебѣ съ добромъ, а ты рыло воротишь. А все отъ гордости... Обуяла тебя гордость.

— Не гордость, а кривыхъ твоихъ словъ не люблю, волчище. Зубы волчьи прятешь и слѣдъ хвостомъ заметаешь.

— Ну, ты попрями, владыка...

Бириллъ никакъ не могъ подавить въ себѣ чувства отвращенія къ безпоповцу. Нехорошо, а съ собой не совладаешь. Всѣ другіе арестанты возбуждали въ немъ скорѣе сожалѣніе и даже страхъ, а этого онъ не любилъ. Вѣдь, вотъ и правду сказалъ относительно антихристовой работы, а, все-таки, нелюбъ... Да, эта горькая правда была огорожена каменными стѣнами, заперта желѣзными запорами и оцѣплена всякою тѣлесно-ощущаемою властью. Сколько тутъ было и хлопотъ, и трудовъ, и заботъ, и лютой хитрости. Не даромъ сказано: «египетскія работы вмѣстятся». И вмѣстились... Онъ тоже не любитъ, чтобы сложа руки сидѣли, и донимаетъ вотъ какъ.

У.

Второй день прошелъ мучительно-медленно, какъ идутъ дни только въ тюрьмѣ. Особенно было тяжело, когда погасъ дневной свѣтъ и камеры освѣтились жалкими лампочками. Арестанты ходили такіе хиурые и озлобленные. Ихъ возмущало все: и дрянной арестантскій обѣдъ, и полутьма каземата, и больше всего наболѣвшее сознаніе неволи. Гдѣ-то въ трубѣ голоднымъ волкомъ завывалъ вѣтеръ, нагоняя на всѣхъ еще большую тоску. Казалось, что недоставало малѣйшаго повода, чтобы они бросились другъ на друга, какъ дикіе звѣри. И въ острогѣ бываютъ свои свѣтлые и свои желтые дни...

Бириллъ лежалъ на нарѣ въ своемъ уголкѣ и переживалъ самое мучительное состояніе, извѣстное только арестантамъ. Онъ въ эту первый разъ повторялъ про себя всѣ мельчайшія подробности своего ареста. Мысль работала неутомимо, возвращаясь упорно къ чалу, когда онъ былъ свободнымъ человекомъ. Давно ли это было? Неужели всего два дня назадъ? А сошлись онъ на Конунникову,

и ничего бы этого не было. Можетъ быть, безпопонецъ и правъ, когда говорилъ о гордости... Да, погордился безъ времени. Воображеніе рисовало другія картины: вотъ онъ ѣдетъ въ своей кибиткѣ дальше... мелькають станціи... а тамъ и матушка Москва. Его ужь вездѣ ждуть, ему рады... Есть еще христіолюбивые народы, которые неукоснительно блюдутъ святоотеческія преданія. Пошатилось древнее благочестіе, а есть еще во Израилѣ семь тысячъ мужей, не преклонявшихъ колѣнъ предъ Вааломъ. Да, есть, и есть живая душа, тягчившаяся чужимъ беззаконіемъ. Виноградникъ уже созрѣлъ, но нѣтъ дѣлателя винограда. А тутъ смрадъ, стenanія и скрежетъ зубовный. Нужна ли жертва? Въ писаніи сказано: «милости хочу, а не жертвы». Кириллъ начиналъ испытывать приступы преступной слабости и скорбѣлъ за свое малодушіе.

«Только бы вырваться изъ затвора, — думалъ онъ про себя, продолжая основную мысль. — Ну, будетъ пытать слѣдователь... потомъ въ преторію Пилата... потомъ къ Аннѣ и Каіаеѣ. А тамъ непомнящимъ родства сошлютъ не въ столь отдаленныя мѣста... Все-таки, воля, хоть и волчья. Вездѣ люди живутъ».

Но рядомъ съ этою мечтой о возможной свободѣ возникала совершенно новая мысль, не мало смущавшая Кирилла. Да, за нимъ нѣтъ никакой большой вины, и сколько ни подержать въ затворѣ, а, все-таки, выпустятъ. Увидитъ онъ опять вольный бѣлый свѣтъ и зеленый лѣсъ, и всякое сельное произростаніе, а вотъ *эти* останутся. Вся работа антихристова останется, какъ была. Страшны не каменные стѣны, не жестокіе пристава и желѣзные затворы, а страшенъ мракъ душевный, страшна облегающая тьма. И будутъ они томиться, полные грѣха и злыхъ помысловъ, и ни одинъ свѣтлый лучъ не заглянетъ въ очерствѣвшія души. Они останутся, а онъ, служитель Христовъ, малодушно думаетъ о волѣ... Какая воля, когда врачъ нуженъ не здоровымъ, а больнымъ? За одни сутки Кириллъ уже сжился съ этимъ новымъ міромъ и впередъ бодѣлъ за него.

Полутьма въ казематѣ. Нѣкоторые арестанты уже спятъ, а другіе тяжело ворочаются на голыхъ нарахъ, вздыхаютъ и ворчатъ. Рядомъ съ Кирилломъ примостился Шалай и въ темнотѣ заводитъ свой арестантскій разговоръ:

— Видѣлъ, отче, Слезу-то давѣ?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ онъ семнадцать душъ порѣшилъ... Трехъ любовницъ зарѣзалъ, а попался на пяти душахъ. Вотъ этакъ-то по зимѣ взялъ двухъ благопріятелей и отправился на работу. Самъ Слеза

нарядился подрядчикомъ, одинъ благопріятель какъ будто его подрушный, а другой за вучера отвѣчаетъ. Вотъ и пріѣзжаютъ они къ богатому купцу, который промышлялъ сплавомъ лѣса. Дѣло было къ вечеру... Ну, приняли ихъ честь-честью: и чай, и закуска, и поужинать. Слезка ведетъ свою линію, точно всю жизнь только и дѣлалъ, что торговалъ лѣсомъ. Сговорились, ударили по рукамъ, а Слезка сейчасъ купцу задатокъ. Купцу это и любопытно, што покупатель прямо на домъ пріѣхалъ. То, се, купецъ-то и оставилъ гостей ночевать... Ну, а ночью Слезка всю семью и вырѣзалъ до тла: и купца съ женой, и двоихъ дѣтей, и няньку, а добро навалилъ къ себѣ въ кошевую, да и былъ таковъ. Только стряпку не могли найти второпяхъ, а она и выдала. Сбила народъ, ударили въ погоню и Слезку накрыли съ поличнымъ... Только онъ, все одно, уйдетъ изъ замка. Жаръ-Птица и то говорить, што уйдетъ...

— Чечень не въ примѣръ почище будетъ,— вмѣшался безпоповецъ, подсаживаясь ближе.— Хоша онъ всего въ пяти душахъ повинился, да работа другая. Ты его видѣлъ, владыка, т.-е. Чечня?

— Нѣтъ... Да и что смотрѣть: одинъ звѣриный образъ у всѣхъ, иже есть число шестьсотъ и шестьдесятъ и шесть.

— А про себя ты какъ полагаешь, владыка?— хихикнулъ безпоповецъ.

— Ничего не полагаю... Грѣшный рабъ Божій, и все тутъ.

— Не напускай смиренія паче гордости... Ну, да это все равно. А вотъ Чечень-то ловокъ. Этакого орла днемъ съ огнемъ поискать... Надо тебѣ рассказать, владыка...

— Не хочу я слушать твоихъ нечестивыхъ рѣчей.

— Нѣтъ, пусть расскажетъ!— вступились голоса.

Безпоповецъ еще разъ хихикнулъ, подсѣлъ еще ближе къ Бирилу и завелъ рѣчь пѣвучимъ раскольничьимъ речитативомъ:

— Надо тебѣ сказать, владыка, што въ городѣ прошлою зимой у Обжорнаго ряда, гдѣ кабакъ Ямка, нашли задушеннаго старика нищаго. Ну, полиція дознаніе производитъ... слѣдователь... Показалось удивительно то, што нищій задушенъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ, чуть не осередь бѣла дня. Въ Ямкѣ - то собирается разная толда да рвань, и всѣ извѣстны полиціи. Однимъ словомъ, пьянчуги и мелкіе заворуи... А тутъ работа аховая. Слѣдователь-то и прилегъ... Ну, и вызналъ, што вечеромъ въ Ямку приходилъ регентъ и выпилъ водки. Первое, какая корысть регенту заходить въ Ямку, а второе—у нищаго всего и капитала были новыя валенки. И сейчасъ къ регенту и сейчасъ эти самыя валенки у него обозначены, и сейчасъ паспортъ неправильный, а откуда и каковъ чело-

вѣкъ—невѣдомо. Усадили регента въ замокъ, а онъ себя Чечнемъ называлъ. Вотъ и сидитъ Чечень и мѣсяць, и два, и три, и все запирается: не знаю, и тому дѣлу конецъ. Только надо тебѣ сказать, што у этого самаго Чечня, — по видимости-то онъ старичонко мусорный, — оказалась сплюбовница. Понимаешь?

— Будеть... Оставь.

— Нѣтъ, ты слушай, што дальше-то вышло. Ну, и оказалось, што эта сплюбовница въ острогѣ сидитъ. Вызналъ это Чечень черезъ арестантовъ и посылаетъ ей наказъ, штобъ переводилась въ нашъ острогъ. А та на дыбы: не хочу я тебя, стараго чорта, знать. Бабенка-то молодая, у нея своя линія вышла. Ну, тогда Чечень у слѣдователя чистую и сдѣлалъ: «такъ и такъ, повинень еще въ пяти душахъ. Только не одинъ, а вмѣстѣ съ сплюбовницей». И рассказалъ... Сначала - то все у него приспособлено, какъ и у Слезы... Нарядился купцомъ, посадилъ сплюбовницу, вродѣ какъ жена, и на своихъ коняхъ приѣзжаетъ въ одну деревню къ самому богатому мужику. «Пустите переночевать». Хозяина-то дома не оказалось, а оставалась жена съ двумя ребятишками, старикъ отецъ, да неженатый братъ. Хорошо. Расположился Чечень съ своею Чечоткой въ задней избѣ, задалъ конямъ корму и потребовалъ самоваръ. Какъ слѣдуетъ быть настоящему купцу. Ну-съ, хорошо. Сидятъ, попиваютъ чаекъ, а потомъ купчиха пошла въ переднюю избу и зоветъ старика угоститься чайкомъ. Старикъ лежалъ на печкѣ больной и отказался. Ну, тогда она уводитъ хозяйскаго брата. Привела, усадила за столъ, а Чечень его и задавилъ... У него мертвая хватка. Вѣдь, глядѣть не на что, а рука желѣзная. Такимъ - то манеромъ напоила она чайкомъ хозяйку, а потомъ пошла въ переднюю избу и старика на печкѣ прикончила, и дѣвочку-трехлѣтку, — на палатяхъ спала, — и робенка грудного въ зыбкѣ, и кошку. Чечень взялъ веревочку, связалъ вмѣстѣ съ кошкой и на гвоздь на стѣнку повѣсилъ... Ну, потомъ ограбили все и укатили. Такъ и слѣдъ простылъ. Только изъ-за Чечотки дѣло все и выплыло. «Вмѣстѣ, — говоритъ Чечень-то, — пойду на каторгу съ своею Чечоткой и задуюшу ее»... И задушить.

— Конечно, задушить, — подтвердила вся камера.

Кириллъ молчалъ, скорчившись въ своемъ уголкѣ. Его точно обступала кабая-то холодная вода, даже зубы стучали. Господи, что онъ слышитъ? А безпопонецъ, какъ волкъ, такъ и жметса все ближе къ нему.

— Уйди, — тихо попросилъ его Кириллъ. — Будеть.

— А я тебѣ еще расскажу случай, владыга, — такъ же тихо отвѣчалъ этотъ назойливый врагъ. — Ты не спи...

Бое-гдѣ арестанты уже храпѣли. У окна кто-то шептался. Шалай ушелъ, а на его мѣстѣ расположился безпоповецъ.

— Владыга, ты започивалъ никакъ?...

— Ахъ, Господи, Господи... Не могу я больше... уйди...

— Видишь, какое дѣло вышло... — не унимался безпоповецъ, продолжая свой шепотъ. — Въ номерѣ третьемъ содержится у насъ одинъ человѣкъ, т. е. онъ не человѣкъ, а простой деревенскій паренъ. Изъ себя такой бѣлобрысый да рябой. Промежду прочимъ, могутный паренъ-то, только придурковать малость... Хорошо. Ефимомъ звать. Вотъ и сидитъ этотъ Ефимъ у себя въ избѣ у окошка, это значить въ деревнѣ. Сидитъ и въ окошко поглядываетъ. Только старикъ отецъ и говоритъ: «Ефимъ, ты видѣлъ, какъ мужикъ проѣхалъ въ новомъ полушубкѣ и свиная тушка въ саняхъ, въ передкѣ?» — «Видѣлъ, тятинька». — «Такъ надо отнять у него и полушубокъ, и тушку». — «Да онъ не отдастъ». — «А ты силой...» — «А онъ пожалится?» — «А ты возьми...» Ну, старикъ и научилъ, што надобно сдѣлать. А мужикъ ѣдетъ себѣ путемъ-дорогой и по-свистываетъ, потому какъ былъ на торжкѣ, продалъ что-то, выпилъ малымъ дѣломъ, — ну, весело человѣку. Дѣло зимнее, снѣжокъ падаетъ... хорошо. Только верстахъ въ десяти отъ деревни его и догоняетъ Ефимъ. Ну, разговорились. То, се, Ефимъ и говоритъ: «Тутъ ближе есть дорога, значить, покосами...» Пьяненькій мужичокъ и согласись. А Ефимъ сослался, што быдто за сѣномъ ѣдетъ. Такимъ манеромъ, завезъ онъ мужика въ сторону, да и насѣлъ на него. Вынулъ кнutowище, да кнutowищемъ глазъ мужику и выковырялъ, а потомъ другой. Снялъ съ него полушубокъ новенькій, навалилъ къ себѣ свиную тушку, а мужикъ въ крови весь катается по снѣгу... Глядитъ Ефимъ, а на немъ еще остался понитокъ, какой мужики подъ шубу надѣваютъ. «Ну, — говоритъ Ефимъ, — понитокъ то я, видно, оставлю тебѣ, потому какъ не было родительскаго благословенія нацѣтъ понитка...» Сѣлъ на сани и былъ таковъ, а мужикъ съ выковырянными глазами остался въ сѣсу. И больно ему, и кровь хлещетъ, и холодомъ донимаетъ. Ну, смерти конецъ... Однако, мужикъ-то собрался съ послѣднею силой, подползъ къ лошади, распрегъ ее, сѣлъ верхомъ и пустилъ, — да-нибудь вывезетъ Божова скотинка. Вхали, вхали, долго ли, ротко ли, а потомъ лошадь встала... Слышитъ мужикъ, што она номъ шуршитъ, — значить, къ зароду съ сѣномъ прѣехали. Слѣзъ съ сѣной мужикъ, забился въ зародъ и малымъ дѣломъ отоубѣлся. А

потомъ опять на лошадь и поѣхалъ дальше. Слышитъ, што лошадь вышла на твердую дорогу, значить, въ деревню вывезетъ. Только слышитъ мужикъ, што кто-то его догоняетъ. По голосу-то мальчонко... Остановился мужикъ, а мальчонко какъ увидѣлъ его въ крови, да сѣномъ всего его на свѣжую кровь облѣпило — назадъ. Тутъ ужъ мужикъ истошнымъ голосомъ взмолился. Мальчонко выворотилъ и кричитъ: «Ежели ты не оборотень, прочитай Иисову молитву, да перекрестись». Прочиталъ мужикъ и молитву, и перекрестился, а мальчонко его въ Ефимову деревню и предоставилъ, прямо въ волость. Ну, наѣхалъ становой, слѣдователь, дознались до Ефима, а онъ въ отпоръ. Обыскъ сдѣлали у отца — ничего. Слѣдователь-то догадливъ былъ: взялъ, да и уѣхалъ, а потомъ черезъ три дня, ночью, и накрылъ ихъ. И тушка обозначилась свиная, и новый полушубокъ, и Ефимъ повинился во всемъ. Дурашливъ онъ: родительскому, говорить, благословенію не посмѣлъ перечить. Вотъ какія дѣла, владыка, бываютъ!

— Господи, Господи, страсть-то какая... — шепталъ Кириллъ, чувствуя опять, какъ весь холодѣетъ. — Никакой звѣрь такъ не сдѣлаетъ...

— Куда же звѣрю!... Особливо, ежели сытый звѣрь, онъ никого не тронетъ.

— Хуже звѣря омраченный душою человѣкъ... Последнія гибельныя времена, а все его работа, антихриста. Господи!...

Въ темнотѣ слышались тихія рыданія, — это плакалъ Кириллъ, а безпопонецъ хихикалъ, счастливый, что извелъ раскольничьяго владыку въ конецъ. Шестой номеръ уже спалъ, спалъ и безпопонецъ, а Кириллъ лежалъ и плакалъ о лютыхъ грѣхахъ міра, о помраченныхъ злобой душахъ, о себѣ. Вторая ночь была еще тяжелѣе, чѣмъ первая. Кириллъ не могъ даже сказать, спалъ онъ или не спалъ. Его что-то душило, точно кто сидѣлъ на немъ или навалили на него тяжелый камень. А потомъ онъ какъ будто забылся и видѣлъ страшный, кровавый сонъ: будто онъ не Кириллъ, а Слеза, Чечень и Ефимъ вмѣстѣ... онъ чувствовалъ теплую кровь и жаждалъ новыхъ убійствъ, какъ волкъ, забравшійся въ овечье стадо. Потомъ охватила его ярость любостыжанія: онъ все хваталъ и все пряталъ, и все, казалось ему, было мало. А какъ трудно было прятать... Страхъ на него нападалъ, и Кириллъ начиналъ прятаться самъ. Его кто-то искалъ и старался поймать... Потомъ видѣлъ онъ посинѣвшее лицо задушеннаго Ежовой Головы, а отрѣзанная голова Жарь-Птицы показывала ему такой страшный, синій языкъ. Наконецъ, видитъ Кириллъ, что ѣдетъ онъ

вмѣстѣ съ Чечоткой, онъ править, а она рядомъ съ нимъ и прижимается плечомъ... Несутся кони, а Кириллу кажется, что все тихо и что за ними гонятся тѣни убитыхъ, зарѣзанныхъ и задушенныхъ, и ближе всѣхъ маленькій задушенный ребеночекъ съ веревкой на шеѣ. А Чечотка все тѣснѣе жметъ къ нему, и онъ даже чувствуетъ теплоту этого грѣшнаго бабьяго тѣла...

Кириллъ вскрикнулъ отъ страха и проснулся. Онъ обливался холоднымъ потомъ, зубы стучали. Господи, что же это такое?... Машинально Кириллъ хотѣлъ поправить свои волосы и въ ужасѣ опустилъ руку: половина волосъ была отрѣзана. Рядомъ лежалъ безпопонецъ и притворно храпѣлъ: это была его работа.

— Вотъ *онъ* когда добрался до меня,— скорбно думалъ Кириллъ,— протянулъ свою мерзкую лапу и зацѣпилъ назарейскіе власы...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Женскіе силуэты.

I.

Prima vera.

Сюда пріѣхавъ на грошѣ,
Трудомъ добытые упорнымъ,
Огнемъ пылая животворнымъ
Познаній жаждущей души,—

Она—ручей въ пустынѣ людной,
Ей первымъ вешнимъ быть цвѣткомъ!
Ей черный день давно знакомъ—
И миль, не страшень подвигъ трудный!

Привлекъ ее не шумный свѣтъ,
Не блескъ, не власть минутной моды:
Теперь у насъ такіе годы,
Что на науку моды нѣтъ.

Не куклой быть, а человѣкомъ,
Быть равной мужу,—не рабой,
Вступать съ неправдой всюду въ бой
И съ равнодушнымъ, пошлымъ вѣкомъ—

Вотъ цѣль!... Она и поняла,
Бакъ труденъ бой,—и красотю,
Манерь изящной простотою,
Бостюмомъ не пренебрегла...

Съ почтеньемъ, словно виноватый,
Глядишь на дѣвушку: звѣзда!...
А мы-то, мы-то, господа,
Лѣнны, слабы, хлыщеваты!...

При ней опасно зря болтать,—
Въ невѣждахъ можно очутиться!
Позорь!... Ахъ, надо подьучиться,
Себя бы въ руки надо взять!...

II.

Дама въ футлярѣ.

Какъ тяжкою броней, какъ сложною шнуровкой,
Все въ ней опутано нелѣпой дрессировкой.

Подавленъ слабый умъ, погашенъ сердца жаръ...
Все существо ея заключено въ футляръ.

Футляръ изъ томныхъ чувствъ, изъ предразсудковъ, страховъ,
Изъ дразгъ амбиціи, истерикъ, оховъ, аховъ—

И всеѣмъ изъ прописей извѣстныхъ общихъ мѣсть.
Во-истину, она несетъ тяжелый крестъ!...

И въ этомъ свѣтскій кругъ ни мало не виною:
О немъ лишь довелось ей слышать стороною.

Двѣ-три салонницы, — вотъ весь ея кружокъ.
Всему виной принципъ... Но въ ней онъ не глубоко.

Пусть лишь событіе изъ колеи обычной
Что-либо выдвинетъ—и сразу носъ привычный

Изъяны гордаго футляра ощутить:
Отъ «дамы» лавочкой и кухней разить...

Но ей, увы, ничто всей правды не откроетъ!
Ей мнится, что она любой принцессы стоитъ,

Что всеѣхъ манерами дано ей восхищать
И долженъ въ ней Самъ Богъ почтенье ощущать.

Василій Величко.

СОПЕРНИЦЫ *).

Романъ Франсуа Коппе.

У.

Въ тотъ же вечеръ, когда Сень-Фирменъ принесъ рукопись поэта, Нелли Робенъ прочла ее, лежа въ постели. Красавица не густо смыслила въ литературѣ. Подобно многимъ актрисамъ, она заучивала свои роли выписанными отдѣльно, совсѣмъ не зная пьесы, и въ цѣломъ разбиралась кое-какъ уже на репетиціяхъ, по указаніямъ автора и главнаго режиссера. Но къ стихамъ, къ римовааннымъ фразамъ, говорящимъ о любви, она относилась съ инстингтивнымъ уваженіемъ мелкихъ обитательницъ предмѣстья, слѣдящихъ по грошевой тетрадкѣ за словами романса, который поетъ хриплымъ голосомъ шарманщикъ, вертя рукоятку своего органа. Звучные стихи поэмы Жана Дели были восхитительны. Они растрогали Нелли и показались ей далеко превосходящими куплеты Мопу и Лоизы Пюже, которые она напѣвала въ дѣтствѣ, бѣгая по тротуарамъ Бельвиля. Она заснула, думая о юномъ поэтѣ, написавшемъ разнѣжившіе ея душу стихи и вынужденномъ обѣдать съ гучерами.

Нелли жила тогда съ герцогомъ Эйлау, сыномъ славнаго маршала, бывшаго маленькаго барабанщика, выбивавшаго «наступление» на Аркольскомъ мосту рядомъ съ Бонапартомъ. Герцогъ былъ красивый мужчина, немного истрепанный, съ важными манерами, съ умомъ крайне ограниченнымъ, и вторая имперія смогла дотянуть его только до камергерства. На ужинъ, который герцогъ давалъ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ нѣсколькимъ господамъ, близкимъ къ Тюльери, Нелли явилась съ рукописью Жана

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

Дели. Вечеръ не блисталъ весельемъ, собрались все люди съ сѣдыми головами и порядочно надутые, но рядомъ съ актрисой сидѣлъ г. Бадюкъ, личный секретарь и интимный другъ императора. Это былъ очень милый старикъ, большой знатокъ литературы, чловѣкъ всесильный въ театрахъ. Нелли взяла съ него слово въ томъ, что онъ прочтетъ *Звѣздную ночь*, и черезъ недѣлю получила карточку г. Бадюка, на которой было написано: «Прочелъ и очарованъ. Везу во Французскую Комедию».

Нелли, восхищенная удачей, тотчасъ же написала Сень-Фирмену. А бѣдняга старый комикъ и прочесть уже не могъ ея письма, доставленнаго къ нему въ больницу, гдѣ онъ уже три дня лежалъ между жизнью и смертью. А такъ какъ, на случай неудачи, поэту онъ не сказалъ о томъ, что передалъ рукопись актрисѣ, то никакого отвѣта она не получила и въ началѣ была даже обижена молчаніемъ Сень-Фирмена и взятаго имъ подъ свое покровительство поэта. Потомъ, увлеченная обычною веселою жизнью, она обо всемъ забыла.

А тѣмъ временемъ, по прихоти судьбы, счастье разомъ вознаградило Жана Дели за все, что ему пришлось выстрадать. Не прошло двухъ недѣль съ того дня, когда онъ отдалъ рукопись Сень-Фирмену, какъ раннимъ утромъ, лежа еще въ постели, онъ получилъ записку директора Французской Комедіи. Мариетта не зашла къ нему въ этотъ день, и къ безумной радости поэта примѣшалась первая капля горечи отъ того, что не могъ онъ тотчасъ подѣлиться доброю вѣстью съ милою подругой. А затѣмъ въ этотъ день не допускались посѣтители въ больницу, гдѣ, впрочемъ, старикъ Сень-Фирменъ, лежавшій въ безпамятствѣ и въ бреду, не въ состояніи былъ бы принять восторженную благодарность своего молодого друга.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, десять разъ перечитавши диковинную записку, Жанъ Дели одѣлся, какъ только могъ приличіе, чтобы идти въ театръ Французской Комедіи. Къ счастью, у него былъ чистенькій сюртучокъ и хорошенькій галстукъ, подарокъ Мариетты. Молодой чловѣкъ вышелъ на улицу, и празднично нарядами показались ему грязные дома, привѣтливими—лица прохожихъ, красивыми—сѣрыя и мрачныя ноябрьскія облака. Въ тетрадь мальчугана, съ которымъ онъ репетировалъ уроки, отуманенный счастьемъ поэтъ пропустилъ страшный варваризмъ «*Romanis*», за что несчастнаго школьника до конца года учитель доедалъ жестокими насмѣшками. Въ кабачкѣ, сидя за столомъ съ кулерами, Жанъ чувствовалъ себя такъ, будто трапезуетъ съ богами

Олимпа, вкушаетъ амброзію и пьетъ нектаръ, хотя въ дѣйствительности ѣлъ онъ винегретъ съ прогорклымъ масломъ и пилъ фіолетовое вино. Въ дальнѣйшій путь онъ отправился бодрымъ шагомъ счастливаго человѣка.

Но передъ знаменитымъ «Домомъ Мольера» восторженное настроеніе вдругъ куда-то исчезло, смѣнилось большою робостью. На лѣстницѣ блестящіе портреты и важные бюсты знаменитыхъ артистовъ, казалось, смотрѣли на него, какъ на сущее ничтожество. Дежурный, которому онъ передалъ свою карточку, окинулъ его такимъ презрительнымъ взглядомъ, что Жану пришло въ голову, ужъ не во снѣ ли онъ видѣлъ записку, приглашавшую его придти въ эти чертоги, полные высокомерія.

Поэтъ нѣсколько оправился, однако, когда директоръ встрѣтилъ его пріятными словами. Пьеса будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, въ теченіе двухъ, самое большее—трехъ мѣсяцевъ, прочтена въ комитетѣ, принята и поставлена. Г. Бадюкъ оказалъ огромное одолженіе императорскимъ артистамъ, разыскавши такую прелестную вещь. Молодой человѣкъ узналъ, къ величайшему своему изумленію, что покровительствуетъ ему г. Бадюкъ. На выраженія благодарности управляющій театромъ отвѣтилъ:

— Не меня благодарите, устроилъ это г. Бадюкъ, и вамъ надо къ нему зайти. Всѣмъ вы обязаны его тонкому, изящному вкусу... Онъ живетъ въ двухъ шагахъ отсюда, въ улицѣ Риволи...

Жанъ прямо къ нему и направился. Въ свѣтлой, прекрасной библиотекѣ, выходящей двумя большими окнами въ Тюльерійскій садъ, его принялъ необыкновенно любезный старикъ, съ тонкимъ, умнымъ лицомъ подъ шапкой совершенно бѣлыхъ волосъ, съ очаровательною манерой настоящаго придворнаго.

— Вы ничѣмъ мнѣ не обязаны, милый юноша. Наоборотъ, мнѣ пріятно будетъ гордиться тѣмъ, что я дамъ публикѣ возможность испытать то наслажденіе, какое доставило мнѣ чтеніе вашихъ прелестныхъ стиховъ... Бъ тому же, и получилъ я ихъ изъ рукъ красавицы. Вашу рукопись мнѣ передала Нелли Робенъ изъ *Водевилля*. Она говорила, что получила ее отъ какого-то стараго актера, вашего знакомаго...

И, видя недоумѣніе молодого человѣка, хозяинъ прибавилъ:

— Вы не знали этого?... Такіе рикошеты не рѣдкость въ парижской жизни, про которую говорятъ много дурного и въ которой, что бы тамъ ни говорили, выдающемуся человѣку приходится не долго прозябать въ неизвѣстности... Несите же выраженія вашей

признательности къ ногамъ мадемуазель Робенъ. Она играетъ сегодня, отправляйтесь къ ней въ уборную... И я увѣренъ, — закончилъ милый старикъ съ легкою, игривою усмѣшкой, — что авторъ понравится ей не менѣе произведенія...

Нелли Робенъ!... Жанъ Дели поминутно повторялъ это имя, бродя по Парижу. Онъ порою встрѣчалъ имя актрисы въ газетахъ обставленнымъ такими фразами, которыя говорятъ о роскоши, объ удовольствіяхъ, о веселой жизни полусвѣта. У торговцевъ фотографіями онъ видалъ портреты великолѣпной красавицы. И такъ, онъ обязанъ Нелли Робенъ за такую услугу! Само собою разумѣется, что поэтъ ничуть не раздѣлялъ предубѣжденія, въ сущности, далеко не искренняго и ханжескаго, людей степенныхъ противъ счастливыхъ жриць любви. Куртизанка она! А большинство женщинъ ей завидуетъ, въ семьяхъ ея боятся, а едва ли въ душѣ можно презирать тѣхъ, кого боятся и кому завидуютъ. Что же касается мужчины, который любитъ, то ему представляется вполне естественнымъ наряжать любимую женщину, безразлично, являлся онъ съ нею или нѣтъ къ меру въ трехцвѣтномъ шелковомъ шарфѣ и къ священнику въ блестящей ризѣ. А! еслибъ онъ, Жанъ Дели, былъ богатъ, съ какимъ бы наслажденіемъ далъ онъ сейчасъ же своей милой Маріеттѣ щегольскія платья и брилліанты!... Торгующая собою дѣвушка! Продажная женщина! Какими бессмысленными казались Жану эти оскорбительныя слова, — и въ этомъ онъ былъ отчасти правъ. Онъ уже чувствовалъ странное волненіе при мысли объ этой красавицѣ, артисткѣ, все-таки, какова бы она ни была, капризь которой, навѣрное, выведетъ его изъ нужды и изъ незвѣстности. И къ тому же, какой поэтъ, попавши въ судьи, не оправдаетъ худшаго изъ негодяевъ, если угадаетъ въ немъ своего поклонника?

«Завтра, когда я расскажу Маріеттѣ приключенія, она станетъ тоже обожать Нелли Робенъ», — такъ раздумывалъ онъ, но его тотчасъ же охватило сомнѣніе: — «А кто знаетъ? Пожалуй, Маріеттѣ будетъ неприятно, что такое счастье достается мнѣ отъ другой женщины... Ну, да я ей разьясню...»

И онъ, однако, шагаль по Елисейскимъ Полямъ, куда забрелъ езознательно, уже забывши о своей скромной подругѣ, не думая и о чемъ, кромѣ очаровательной благодѣтельницы. Какъ долго приходится ждать свиданія съ нею! Она приметъ его въ своей уборной. Онъ войдетъ въ таинственный міръ кулисъ, представляющійся такимъ наивнымъ несмышленочкомъ, какъ Жанъ, какими-то каакомбами сладострастія, полными нѣги и любви. Какъ явится онъ

къ Нелли? Онъ такъ мало былъ увѣренъ въ себѣ, что дрожалъ отъ страха показаться неловкимъ, смѣшнымъ. Съумѣетъ ли онъ попасть въ надлежащій тонъ, нѣжно и трогательно высказать ей свою благодарность? И, разумѣется, тогда она протянетъ ему свою чудную, ароматную ручку...

Замечтавшійся поэтъ признательностью объяснялъ чувство, волновавшее его сердце.

Въ этотъ вечеръ Нелли пріѣхала въ театръ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Не одними сладостями полна жизнь красивыхъ созданій, которыми щеголяютъ болваны съ толстыми карманами, какъ гарденіей въ бутоньеркѣ. Герцогъ Эйлау, — пятидесяти четырехъ лѣтъ, величественный, какъ лошадь похоронныхъ дрогъ, — удручалъ свою любовницу съ четырехъ часовъ до шести невыносимою партіей китайскаго безига и выраженіями камергерскаго негодованія по поводу генеалогической ошибки, найденной имъ въ Готскомъ альманахѣ. Въ уборной Нелли до того неистовствовала, что едва не прибила свою одѣвальницу. Но, по натурѣ, неспособная злиться долго, она въ корсетѣ и въ открытомъ пеньюарѣ усѣлась къ туалету и начала «дѣлать себѣ лицо», когда служитель доложилъ ей, что какой-то г. Жанъ Дели ждетъ у швейцара и проситъ позволенія войти на минуточку.

— Жанъ Дели?... Кто такой Жанъ Дели? А, да, поэтикъ, пріятель Сень-Фирмена... Нельзя сказать, чтобы особенно онъ поторопился придти меня благодарить!... Ну, да все равно, ведите его.

Но добродушная женщина уже простила ему запоздалый визитъ, думала лишь о томъ, чтобы быть полюбезнѣе, поласковѣе принять молодого человѣка, забитаго бѣдностью и одареннаго такимъ крупнымъ талантомъ. Когда же онъ появился на порогѣ, совсѣмъ блѣдный отъ волненія, она встала, не запахивая своего пеньюара, двинулась ему на встрѣчу, протянула обѣ руки и проговорила:

— Да идите, дайте поздравить васъ съ такимъ блестящимъ началомъ... Ваша пьеса — прелесть, и я надѣюсь, что поставятъ ее очень скоро... Идите, покажитесь, каковъ вы...

Она взяла его за руку, усадила рядомъ съ собою на маленькій диванчикъ и смотрѣла на юнаго гостя въ то время, какъ онъ извинялся, едва лепеталъ что-то о своей благодарности, совсѣмъ растерянный, опьяненный милымъ приѣмомъ, ароматомъ уборной, пожатіемъ горячихъ рукъ, близостью пышно разцвѣтшей женщины.

Нелли было тридцать лѣтъ, и переиспытать она успѣла въ своей жизни очень многое. Но тутъ ее внезапно охватило совер-

шенно новое чувство, — точно магнитный токъ, сладостный и болѣзненный, разслаблялъ ее и въ жаръ бросалъ, кружилъ ей голову и жегъ ей грудь. И заодно съ физическимъ волненіемъ подступала къ сердцу неизъяснимо-чуждая нѣжность. И хорошо ей, и страшно... Въ первый разъ въ жизни она любила.

Она сознавала, что утратила всякую власть надъ собой, что куда-то уносить ее неопределимая сила, могучая, какъ инстинктъ. Моментаально превратившись въ простую дѣвушку изъ народа, какою она была прежде, Нелли припомнила подругъ своей юности, влюбленныхъ дѣвочекъ предмѣстья, которымъ скажетъ, бывало, грубый возлюбленный: «Иди», — и онѣ покорно слѣдуютъ за нимъ. Если бы въ эту минуту сидящій рядомъ съ нею молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее пристально, она упала бы на его плечо, залилась бы слезами. А робкій юноша не смѣлъ и глазъ поднять. Онъ казался ей такимъ чистымъ, такимъ недоступнымъ для нея, что и она смущалась, и когда конфузливая улыбка отрывала изъ-подъ золотистыхъ усовъ рядъ бѣлыхъ зубовъ и свѣжія губы, Нелли сокрушалась отчаяніемъ, считая себя недостойною такого поцѣлуя, — такъ бываетъ человѣку неловко сорвать розу грязною рукою.

Что говорили они? Самыя заурядныя фразы; она пыталась, насколько могла, быть любезною, повторяла одни и тѣ же слова, расспрашивала о его жизни, очень сочувственно и очень неловко. Онъ въ отвѣтъ бормоталъ что-то. Какимъ ни былъ новичкомъ поэтъ, онъ про себя дивился смущенію актрисы, не умѣя разгадать его причины. Ему душно становилось въ атмосферѣ уборной. Не зная, что говорить, опасаясь быть въ тягость, онъ всталъ, чтобы проститься. Черные глаза, глубокіе глаза Нелли затуманились.

— Вы зайдете ко мнѣ еще, да, зайдете? — въ ея голосѣ почти слышалась мольба.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ онъ. — Когда позволите?

— Сюда, въ уборную, въ этотъ же часъ... Я всегда одна.

Онъ поклонился, она протянула ему руку, на этотъ разъ холодную, какъ ледъ. Когда онъ былъ уже на улицѣ и ночной вѣтеръ освѣжилъ его голову, ему припомнилось, будто рука Нелли дрожа.

«Какъ она хороша! — думалъ онъ, возвращаясь въ свой чуланъ въ крышей. — Нѣтъ, Мариеттѣ я скажу, что Сень-Фирмень лично едалъ мою рукопись г-ну Кадюку... Если Мариетта узнаетъ, что въ покровительствуетъ такая дивная женщина, я увѣренъ теперь, она станетъ ревновать и мучиться... Много лучше будетъ все скрыть отъ бѣдной дѣвочки».

VI.

Поэтъ солгаля своей подругѣ, и радость Маріетты тому, что *Звѣздная ночь* пойдетъ на сценѣ, вскорѣ была отравлена большою тревогой. Дѣвухиѣ стало казаться, будто ея возлюбленный охладѣваетъ къ ней. Еще недавно, когда она приходила къ Жану, онъ нетерпѣливо ждалъ ее, встрѣчалъ на порогѣ, прежде чѣмъ она успѣвала пройти послѣднюю лѣстницу, радостно улыбался и какъ обнималъ, какъ цѣловалъ! Чутьемъ своимъ она знала тогда, что, вмѣстѣ ли они были, врознь ли, онъ одинаково любилъ ее. Совсѣмъ не такимъ былъ онъ теперь. Такъ же былъ онъ милъ и добръ—да, но уже не такъ нѣженъ, чѣмъ-то озабоченъ. Она не сердилась на него. Разумѣется, не могъ онъ, попрежнему, весь отдаваться своей любви, когда его волнуютъ надежды и честолюбіе художника съ приближеніемъ рѣшительной для него минуты. Тѣмъ не менѣе, она тревожилась за него и пугливо спрашивала:

— О чемъ ты задумался?

Отвѣтъ получался успокоительный:

— Сама же ты знаешь... О моей пьесѣ, о чтеніи ея въ комитетѣ... Вѣдь, черезъ двѣ недѣли...

Но онъ и тутъ лгалъ. Въ то время, какъ Маріетта ласкалась къ нему, въ глаза заглядывала и цѣловала, онъ думалъ о Нелли, о роскошномъ цвѣткѣ, аромать котораго онъ вдыхалъ такъ недолго, о красавицѣ, которая готова была отдаться ему, — въ этомъ онъ былъ увѣренъ теперь, — и образъ которой не давалъ ему покоя.

Почему же, однако, въ продолженіе десяти дней онъ не пошелъ вторично въ театръ *Водевилля*? Несомнѣнно, изъ-за Маріетты. Такъ нехорошо имѣть тайну отъ нея. Онъ простить себѣ не могъ даже мечты о невѣрности. Она страстно любитъ его! Да, вѣдь, и онъ же ее любить... Чтѣ бы ни случилось, всегда она останется его подругой, его избранницей, никто не займетъ ея мѣста, не вытѣснитъ изъ глубины его сердца. И онъ смотрѣлъ, убаюканный счастьемъ, привалившись къ ея плечу, на эту наивную головку, на ея рыжіе волосы, въ безпорядкѣ разсыпавшіеся потокомъ мѣди по худенькой спинѣ, по дѣтской почти груди, и любовался милыми глазами кофейнаго цвѣта, заглядывавшими на него такъ довѣрчиво и кратко.

«Нѣтъ, безчестно было бы съ моей стороны...—думалъ онъ въ такія минуты.—Не стану я искать случая видѣть эту Нелли Робенъ».

Но онъ увидалъ ее, не воображая даже искать.

Произошло это на кладбищѣ Отца Лашеза передъ зияющею ямой общей могилы, куда только что опустили гробъ Сень - Фирмена, умершаго въ больницѣ. Очень огорченный утратой своего скромнаго и восторженнаго друга, Жанъ Дели, пьеса котораго наканунѣ была одобрена комитетомъ, слушалъ послѣднія «De profundis». Шелъ мелкій, холодный дождь, и очень немногіе изъ товарищей стараго режиссера собрались проводить его до могилы. Тутъ было всего три или четыре актера изъ Одеона и десятокъ стариковъ съ бритыми, морщинистыми лицами, игравшихъ когда-то съ Сень-Фирменомъ на мелкихъ театрикахъ предмѣстій.

Когда уже кропили святою водою, явилась дама въ дорогой шубѣ и съ цвѣтами въ рукахъ. Жанъ узналъ Нелли Робенъ. Хорошая женщина пришла сказать послѣднее прости старому свидѣтелю ея бывшей бѣдности. Она быстро подошла къ могилѣ, перекрестилась, склонила голову, шепча короткую молитву, потомъ передала могильщику цвѣты и вѣнки, сунула монету ему въ руку и, оглянувшись, увидала раскланивающагося Жана.

И какой взглядъ сверкнулъ изъ-за приличествующей обстоятельству черной вуали! Нѣжный и грустный, въ одно и то же время. Двѣ недѣли актриса ни о чемъ не могла думать, кромѣ молодого поэта. Каждый вечеръ она ждала его въ своей уборной. Въ выразительныхъ глазахъ Нелли сверкнулъ нѣмой укоръ на одну секунду и мгновенно смѣнился выраженіемъ радости всепрощающей. Молодой человекъ покраснѣлъ, его сердце билось такъ сильно, что онъ поднесъ къ нему руку.

Они стояли на грязной дорожкѣ кладбища, подъ ненастнымъ и мрачнымъ декабрьскимъ небомъ, на краю ямы, въ которую сваливаютъ бѣдняковъ... Да, правда: любовь сильнѣе смерти!

Тѣмъ не менѣе, подходя къ Жану, актриса сдѣлала огорченную мину.

— Бѣдняга Сень-Фирменъ, — заговорила она. — Мы оба очень любили его, не такъ ли?

И обоими былъ уже забытъ Сень-Фирменъ, и незлобивая тѣнь его, навѣрное, улыбалась имъ съ обыкновенною актерскою снисходительностью къ увлеченіямъ ближнихъ.

Жанъ и Нелли отошли отъ общей могилы и вмѣстѣ направились къ воротамъ по круговой аллеѣ подъ унылыми безлистыми деревьями.

— Почему вы не приходили ко мнѣ? — спросила она тихо.

— Не смѣлъ... — прошепталъ онъ въ отвѣтъ.

Они шли рядомъ и оба молчали. У воротъ кладбища актрису ждала ея карета.

— Я подвезу васъ... Хотите, мосьё Дели?—проговорила красавица.

Едва очутившись въ каретѣ, изящно обитой, точно коробочка, загроможденной ароматною шубой, Жанъ потерялъ голову. Нелли подбараулила страстное выраженіе глазъ молодого человѣка и опустила голову на его плечо.

— Развѣ же ты не видишь, что я люблю тебя?—нѣжнымъ вздохомъ сорвалось съ ея губъ.

Сколько поцѣлуевъ было обмѣнено, когда карета остановилась передъ квартирой артистки? Нелли выпрыгнула изъ экипажа, пробѣжала крыльцо своего маленькаго отеля, увлекая за собою Жана Дели. Она похищала его, не хотѣла отпустить отъ себя.

Въ прихожей ихъ остановила горничная:

— Герцогъ уже двадцать минутъ здѣсь, — сказала она, — ждетъ въ будуарѣ, пасьянсъ раскладываетъ...

Герцогъ! Про него-то она и забыла! Это обычный часъ его безпощадной партіи въ безигъ.

Бивкомъ головы она удалила горничную, потомъ положила обѣ руки на плечи Жана, вдругъ гордо выпрямившагося, и, не помня себя, задыхаясь отъ любви, проговорила:

— О! Не будь злымъ, прости меня!—умоляла она.—Завтра ты будешь здѣсь господиномъ, если хочешь... Общай придти сегодня ко мнѣ въ уборную...

Любовникъ чужой содержанки! Фу-у!... Чувство чести было у молодого поэта, а также и огромное самолюбіе. Онъ высвободился изъ ея рукъ, поклонился и вышелъ, не сказавши ни слова.

— Нѣтъ, слуга покорный!—говорилъ онъ почти вслухъ, шагая по улицамъ, униженный, отрезвленный и взбѣшенный. — Нѣтъ, не пойду я сегодня въ уборную, ни сегодня и никогда... Хороша она, какъ день, и теперь еще жгутъ меня ея поцѣлуи. Только не изъ тѣхъ я любовниковъ, которыхъ прячуть по шкафамъ, и подлыхъ раздѣловъ я не допускаю... Она говоритъ: быть господиномъ завтра, если хочу? Быть господиномъ среди этой роскоши, полученной ею отъ другого, отъ другихъ... когда у меня въ карманѣ не хватитъ денегъ на покупку ей букета розъ?... За кого же она меня принимаетъ?... Да и я-то безумецъ, сумасшедшій, неблагодарный!... А Мариетта?

И онъ попытался настроить себя на восторженный ладъ воспоминаніемъ о Мариеттѣ. Развѣ же онъ думалъ ее бросить? Ни-

когда въ жизни. Вся вина его въ томъ, что онъ готовъ былъ измѣнить ей. Но это такъ мимолетно было, что не разлюбилъ же онъ отъ того свою нѣжную подругу... А, все - таки... И Жанъ самъ удивился спокойствію своего сердца при мысли о любимой дѣвушкѣ, которой, въ сущности, онъ измѣнилъ уже мысленно. Невольно промелькнуло сравненіе двухъ женщинъ, и кровь опять ударила ему въ голову. На его губахъ горѣли поцѣлуи влюбленной куртизанки. Что же это, однако, за чрезмѣрная совѣстливость?... Не ясно ли, что все это мимолетный капризь красавицы? Почему бы имъ и не воспользоваться? Только, прежде всего, надо быть правдивымъ. Она должна знать, что онъ не свободенъ, и самъ онъ скажетъ это сегодня же вечеромъ...

Въ восемь часовъ онъ вошелъ въ уборную Нелли.

Ласки безумныя... Она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, цѣловала его руки.

— Скажи только слово, — повторяла она, — и я вышвырну герцога вонъ, буду тебѣ принадлежать, одному тебѣ!...

Поэтъ выдержалъ характеръ и сказалъ про Мариетту.

Нелли выпрямилась, вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Ты любишь другую?

Тогда Жанъ сдѣлалъ низость, началъ объяснять. Да, правда, но эта дѣвушка пожалѣла его, когда онъ былъ совсѣмъ одинокъ, несчастливъ. Онъ любилъ ее изъ благодарности, чувствуетъ къ ней не болѣе, какъ дружбу. — Увы, то была уже правда. — Это не должно удивлять Нелли. Развѣ сама-то она?...

— Мой любовникъ! — воскликнула актриса. — Я прогоняю его... Брось и ты свою любовницу.

Такая логика привела въ ужасъ Жана Дели. Онъ искренно, хотя и необыкновенно глупо, принялся отстаивать несчастную дѣвушку передъ ея соперницей. Не можетъ онъ такъ вдругъ, такъ грубо бросить Мариетту. Это привело бы ее въ страшное отчаяніе. Онъ выпрашивалъ отсрочки, чтобы приготовить ее къ разлукѣ, не то она способна на все на свѣтѣ. Такъ сильно она любить его...

Во мнѣніи кокетки Жанъ безповоротно погибъ бы за такую необычайную неловкость. Но Нелли была на самомъ дѣлѣ влюблена, сердце у нея было доброе. Она опустила голову и прошептала:

— Правда, дѣвочка обожаетъ тебя, навѣрное...

Тогда поэтъ подсаживалъ на себя въ душѣ за свою наивность. Онъ схватилъ рукой талію Нелли, заговорилъ нѣжно, пылко, наклоняясь къ самому ея уху:

— Что намъ за дѣло до твоего герцога? Что за дѣло до Мариетты? Не можемъ мы развѣ любить другъ друга, несмотря ни на что?...

Но онъ почувствовалъ, что красавица стала вдругъ холодна и неподвижна въ его объятіяхъ. Она отвернула лицо.

— Нелли, что съ тобой?—спросилъ онъ тревожно.

И, пытаясь поцѣловать ее, онъ увидалъ слезы на ея глазахъ.

Жанъ подумалъ, что оскорбилъ ее, сталъ умолять о прощеніи. А она схватила опять его руки, покрывала ихъ поцѣлуями, облила настоящимъ дождемъ слезъ, говорила о своей любви. Нѣтъ, она ни за что не сердится на него. Напротивъ, она должна умолять простить ее, несчастную женщину, не заслуживающую ничего лучшаго и осмѣлившуюся мечтать объ этомъ лучшемъ, о болѣе чистомъ, о его любви. И на самомъ дѣлѣ она поддалась мечтѣ объ очищеніи любовью, какъ это дѣлаютъ всѣ, ей подобныя, хотя разъ въ жизни. То было безуміе, теперь она понимаетъ это. Бъ тому же, онъ и не свободенъ.

— Ты меня обманываешь или лжешь самъ себѣ,—рыдала она,—когда увѣряешь, будто ты разлюбилъ свою Мариетту... Она была твоею первою и твоею единственною подругой, утѣшала тебя во дни несчастья... Да, я завидую ей, этой счастливницѣ. И знаешь ли? Я такъ люблю тебя, что начинаю любить и ее за то, что хороша она была къ тебѣ, и не хочу я отнимать тебя у нея... Послушайте, другъ мой,—продолжала она, немного успокоиваясь и переставая говорить ему «ты», охваченная внезапною стыдливостью,—Богъ свидѣтель тому, что я бросилась бы въ огонь, если бы это могло принести вамъ хотя немного счастья, ради успѣха вашей пьесы, напримѣръ... Но не буду я настолько слаба, чтобы уступить вамъ, зная, что вы любите другую, а на мою долю выпадаетъ только вашъ капризъ, и въ вашихъ объятіяхъ была бы только женщина, доведенная до отчаянія, которая проплакала бы всю ночь. Слишкомъ дурное осталось бы у васъ впечатлѣніе обо мнѣ... Послушайте меня, разстанемся, не будемъ видаться больше. Такъ лучше будетъ для васъ и для меня... И постараемся забыть другъ друга...

Увлеченный ея неподдѣльнымъ горемъ, поэтъ бросился къ ногамъ Нелли, умолялъ, клялся въ любви и самъ вѣрилъ тому, въ чемъ клялся. Она осталась непоколебимой, имѣла даже силу не допустить ни одного поцѣлуя, отрицательно качала головой на всѣ его клятвы. Когда же онъ ушелъ, почти прогнанный ею, она могла надѣяться или бояться, что онъ уже никогда не вернется.

VII.

Онъ пришелъ на слѣдующій же день и сталъ являться каждый вечеръ, и она принимала его, была съ нимъ ласкова и нѣжна, но отъ своего рѣшенія не отступала и не давала ему ни малѣйшей надежды, что можетъ когда-нибудь отступить. И какъ это часто бываетъ въ любовныхъ исторiяхъ, всѣ оказывались несчастными.

Всѣ, и Нелли прежде всѣхъ. Она вполне убѣдилась, что поэтъ безъ ума отъ нея и готовъ бросить Мариетту. Что касается ея собственной связи, то ее порвать ничего не стоило. И тогда можно было бы премило зажить влюбленною беззаботною парочкой. Но актрисѣ не чуждо было своего рода великодушiе, не могла она помириться съ тѣмъ, чтобъ ея счастье повлекло за собою несчастье другой женщины, явилось бы результатомъ жестокаго поступка. Во всякомъ случаѣ, она ни за что не хотѣла сама требовать этого, никогда не сказала бы Жану: «Разстанься съ своею Мариеттой», — но еслибъ онъ пришелъ и сказалъ: — «Я съ нею разстался», — Нелли бросилась бы ему на шею. А онъ этого не говорилъ, и красавицу томило очень горькое сомнѣнiе, не есть ли вся его любовь лишь грубое желанiе и мимолетная прихоть.

Не менѣе жалка была и Мариетта. Съ каждымъ днемъ Жанъ Дели становился все равнодушнѣе, все мрачнѣе. Когда она жаловалась на это, онъ объяснялъ перемѣну настроенiя своими хлопотами, такъ какъ долженъ былъ ходить каждый день во Французскiй театръ, слѣдить за постановкою своей пьесы. Но простую дѣвушку нельзя было обмануть этимъ, чуткiй женскiй инстинктъ говорилъ, что онъ любитъ ее меньше, чѣмъ прежде. Каждую минуту ее пугали то рѣзкое слово, то нетерпѣливое движенiе любимаго человека, и бѣдная дѣвочка жила въ вѣчной тревогѣ, предчувствовала надвигавшуюся бѣду.

Жанъ тоже страдалъ. Постоянно испытывая у Нелли мученiя Тантала, онъ возвращался домой раздраженнымъ и, при видѣ Мариетты, чувствовалъ страшное утомленiе и жалость. Ибо, хотя и не рѣшившись еще окончательно, онъ думалъ о разрывѣ съ нею и напередъ приходилъ въ ужасъ отъ нечестности такого поступка и отъ своей неблагодарности.

Такимъ-то образомъ несчастны были всѣ. Да, всѣ, не исключая и бѣдняги герцога, аристократическая и скучнѣйшая особа котораго приобрѣла особую способность раздражать въ высшей степени нервы Нелли Робень. Онъ окончательно терялся передъ совершенно равными вспышками актрисы и никакъ не могъ объяснить себѣ без-

численныхъ ошибокъ, которыя она съ нѣкоторыхъ поръ дѣлала, играя съ нимъ въ китайскій безигъ.

Злосчастный герцогъ сталъ первою жертвою такого положенія. Изъ-за пустяка, изъ-за спора за картами, — отставка, чистая. А, вѣдается, совсѣмъ уже не требователенъ былъ этотъ герцогъ, за исключеніемъ, развѣ, его обычной партіи отъ четырехъ до шести часовъ. Онъ смиренхонько удалился, и съ нимъ исчезли тысяче-франковые билеты цѣлыми пачками. И съ Богомъ! О деньгахъ Нелли не думала, — она любила.

Ничуть не сокращая расходовъ, она продавала свои цѣнныя вещи одну за другою и жила со дня на день съ беззаботностью кокетокъ.

Наконецъ, *Звѣздная ночь* была сыграна во Французскомъ театрѣ. Колоссальный успѣхъ не забыть и теперь. Публика первыхъ представленій, всѣ старыя, изжившіеся парижане плакали отъ умиленія. Пьеса освѣжила ихъ, подбодрила. Эта чистая идиллія была для нихъ чашкою молока, выпить которую ѣдутъ на разсвѣтъ въ предмѣстья люди, ужинавшіе въ ночныхъ ресторанахъ. На слѣдующій день, послѣ представленія, имя Жана Дели, прославляемое всѣми газетами, разнеслось по Франціи и по Европѣ. Едва онъ освободился отъ объятій артистовъ, исполнявшихъ пьесу, какъ его сцапалъ между двухъ кулисъ толстый Бееръ, издатель еврей, въ два слова купилъ у него рукопись и всунулъ ему въ карманъ пять тысячъ франковъ. На первомъ представленіи въ ложѣ г. Кадюка Нелли Робенъ плакала отъ радости и сломала вѣеръ, неистово аплодируя, а въ глубинѣ единственнаго, даннаго автору бенуара, Мариетта упала безъ чувствъ отъ волненія на руки бывшей съ нею товарки по мастерской.

Небезопасно счастье. Добрыхъ оно дѣлаетъ лучшими и совсѣмъ сбиваетъ съ пути эгоистовъ, и превознесенный успѣхомъ человекъ считаетъ уже все дозволеннымъ.

На другой день, поздно проснувшись въ своемъ чуланѣ подъ крышей, Жанъ Дели получилъ отъ Нелли Робенъ восторженное письмо и кипу газетъ, такъ и пышавшихъ славой. Онъ знаменитъ, онъ любимъ. Все — разомъ... Нѣтъ, не все, такъ какъ Нелли не принадлежитъ ему. Единственная помѣха — Мариетта. Онъ увидалъ банковые билеты, данныя ему наканунѣ Бееромъ и положенные вечеромъ на столъ. Деньги! Да не ими ли, не деньгами ли, всего чаще распутываются связи молодости, любвишки Латинскаго квартала? Пять тысячъ франковъ, вѣдь, съ этимъ простая мастерица можетъ завести собственное дѣло, это цѣлое приданое, основаніе

для солиднаго состоянія, быть можетъ. Для него же они послужать выкупомъ, цѣною свободы. А затѣмъ, не неопытную же дѣвочку онъ соблазнилъ. Отдала ему Мариетта, отлично сознавая, что дѣлаетъ, всего-то какихъ-нибудь два года жизни. Пять тысячъ франковъ—и расквитались!...

А Жанъ Дели не былъ дурнымъ человѣкомъ. Вчера только въ увлеченіи триумфомъ онъ радостно цѣловалъ Мариетту, робко поджидавшую его на улицѣ у актерскаго подъѣзда... Но страсть къ актрисѣ ослѣпляла его, доводила до безумія, сердце зачерствѣло, и сдѣлать гадость такъ легко, такъ скоро можно!

Мариетта придетъ, конечно, вѣтнимъ же утромъ. Онъ быстро одѣлся, написалъ ей прощальное письмо. Въ немъ онъ умолялъ Мариетту простить его. Разстаться необходимо, такъ какъ онъ разлюбилъ ее. Отнынѣ они стали бы только мучить другъ друга. Деньги онъ, человѣкъ литературный, предложилъ ей въ очень ловкихъ, почти нѣжныхъ выраженіяхъ.

Конвертъ съ письмомъ и банковыми билетами онъ оставилъ на столѣ, на видномъ мѣстѣ, и, уходя, сказалъ швейцару, чтобы передалъ мадемуазель Мариеттѣ, если она придетъ, что тамъ наверху ей оставлена записка. Затѣмъ онъ вскочилъ въ фіакръ и поѣхалъ къ Нелли.

Нѣсколько дней назадъ срокъ ея контракта съ театромъ кончился, и она уже не играла въ *Водевиль*. Въ свое время она отказалась его возобновить въ виду очень выгоднаго предложенія ѣхать въ Россію. Потомъ явился Жанъ, Нелли не захотѣла разстаться съ нимъ и еще наканунѣ не стала разговаривать съ пристававшимъ къ ней импрессарио, не понимавшимъ, какъ можетъ хорошенькая женщина не соглашаться ѣхать въ страну рублей.

— Съ Мариеттой кончено, разстались, — вскричалъ Жанъ въ объятіяхъ актрисы, бросившейся на шею торжествующему поэту.

И онъ рассказалъ ей съ ужасающею радостью эгоиста про только что сдѣланный имъ низкій поступокъ. Нелли, — какъ бы тамъ ни было, продававшаяся, все-таки, за деньги, — пришла въ восторгъ, умилялась и гордилась тѣмъ, что онъ, не задумываясь, выбросилъ первыя пригоршни попавшаго въ руки золота, чтобы всецѣло принадлежать ей.

— И я тоже свободна, — сказала она, склоняясь на его плечо, — и теперь я твоя, твоя навсегда!... Тебѣ не нравится окружающая меня роскошь... Ты гордъ, я понимаю это... Можешь успокоиться. До сихъ поръ я жила, не считая денегъ, а двѣ недѣли назадъ я прогнала шарцога, который хотѣлъ заплатить мои долги... Теперь обстановку,

наряды, брилліанты, все я оставлю кредиторамъ, и у тебя будетъ подруга, такая же бѣдная, какъ ты... Скажите, господинъ поэтъ, такъ же ли будете вы любить меня въ костюмѣ гризетки? Э, не такъ еще давно я сама штопала бѣлье и готовила кушанье... Театръ брошу, хочешь? А то, пожалуй, ты ревновать будешь, и я меньше буду съ тобою. Нѣтъ, я сдѣлаюсь твоею экономкой, и ты увидишь, какъ я буду заботиться о тебѣ, какъ покойно тебѣ будетъ писать твои чудные стихи. На прожитокъ ты заработаешь теперь. Богатъ, конечно, не будешь... Поэты не богатѣютъ. Но я буду экономна... Да мы еще и роскошь можемъ себѣ позволить, — пару сережекъ наглядного золота въ десять франковъ, такихъ, на которыя я засматривалась въ витринѣ улицы Менильмонтанъ, когда была совсѣмъ дѣвчонкой... О, мой Жанъ, какъ я люблю тебя!

Она тихо высвободилась изъ его пылкихъ объятій.

— Нѣтъ, — проговорила Нелли, — теперь уходи. Здѣсь все напоминаетъ мнѣ мое прошлое, все мнѣ гадко... О, прости меня! Вѣдь, я тогда тебя не знала и не знала, что такое любовь... Нѣтъ, я приду къ тебѣ сегодня вечеромъ, въ твою конурку, гдѣ такъ тяжело тебѣ было. Я приду къ тебѣ и у тебя останусь, ничего не возьму съ собою, кромѣ того, что на мнѣ надѣто... Хорошо такъ будетъ, да?... А теперь иди, дѣлай свое дѣло. Тебѣ надо побывать въ театрѣ, всѣхъ тамъ поблагодарить, артистовъ, игравшихъ твою пьесу, критиковъ, провозгласившихъ тебя великимъ поэтомъ. За ними поухаживать не мѣшаетъ. Я то это уже хорошо знаю... А тѣмъ временемъ я здѣсь со всѣмъ покончу и, повѣрь мнѣ, живо раздѣлаюсь. Не оставлю я у себя и нѣсколькихъ золотыхъ, лежащихъ въ портмоне... Не мало здѣсь кружекъ для сбора на бѣдныхъ... Жди меня вечеромъ въ шесть часовъ, и, для начала нашей жизни вмѣстѣ, мы пойдемъ обѣдать въ твой кабачокъ съ кучерами, знаешь, гдѣ ты познакомился съ бѣднягой Сень-Фирменомъ... Я тоже хочу раздѣлать съ тобою, хотя немного, твою бѣдность...

Жанъ ушелъ, опьяненный гордостью отъ того, что внушилъ такую страстную любовь, вызвалъ такія жертвы.

Нелли, оставшись одна и желая по возможности уничтожить всѣ слѣды своей прежней жизни, достала изъ ящика нѣсколько связокъ писемъ и бросила ихъ въ огонь, и въ то время, какъ они горѣли, хотѣла позвать горничную, чтобы сообщить ей о своемъ рѣшеніи. Но та явилась безъ зова и сказала:

— Позвольте войти дѣвушкамъ отъ модистки? Она тамъ внизу, принесла маленькую шляпку, которую вы заказали недѣлю назадъ.

— Позовите ее, — отвѣтила Нелли машинально.

Горничная отправилась исполнить приказаніе, а Нелли раздумывала:

«Да, шляпка во сто франковъ!—и невольно она улыбнулась.— Надо полагать, что не скоро придется купить еще такую, да и за эту расплатится судебный приставъ послѣ аукціона, какъ и за все остальное... И отлично! А ее я надѣну сегодня и въ ней переселюсь къ Жану».

Извѣстно всѣмъ, что никакая сила въ мірѣ не можетъ помѣшать женщинѣ, даже обезумѣвшей отъ любви, даже въ моментъ взрыва страсти, примѣрить хорошенькую шляпку.

Модистка вошла, открыла картонку.

— Посмотримъ,—сказала Нелли.

Она стала передъ трюмо, надѣла на голову кокетливый комочекъ матеріи и тогда только замѣтила отражающееся въ зеркалѣ лицо молодой портнихи.

Что съ нею, однако, съ этою мѣдноволосою дѣвушкой? Почему опухли отъ слезъ ея хорошенькіе глазки кофейнаго цвѣта? Отчего она едва на ногахъ держится и опирается на спинку кресла?

Шляпку принесла Маріетта. О, какъ радостно выбѣжала она съ картонкой въ рукѣ изъ мастерской этимъ утромъ! Прежде всего, скорѣе къ Жану! Онъ, навѣрное, проспалъ сегодня послѣ тревожной вчерашняго триумфа. Она застанетъ только что встающимъ съ постели своего милаго, наконецъ-то, счастливаго поэта.

— Взойдите, все-таки, наверхъ,—сказалъ ей швейцаръ,—тамъ что-то для васъ оставлено.

Боже мой, что такое оставлено? Она нашла тамъ его ужасное письмо и банковые билеты, которые она швырнула прочь, точно они обожгли ей пальцы. Стало быть, конецъ. Жанъ разлюбилъ ее и выпроваживаетъ, расплывается съ нею, какъ съ негодницей. Вся красная, будто ей дали пощечину, съ разбитымъ сердцемъ, выбѣжала она изъ этого дома и безъ удержу плакала на улицѣ... А дѣло не ждетъ, и бѣдная дѣвушка, чтѣ бы съ нею ни случилось, обязана доставить закащицѣ посланную съ нею картонку.

Маріетта никогда не видала Нелли Робенъ, въ это утро въ первый разъ услышала ея имя, никакого понятія о ней не имѣла. Ничего не подозрѣвая ни та, ни другая, соперницы стояли лицомъ къ лицу.

При видѣ разстроенаго горемъ лица незнакомки, Нелли почувствовала необыкновенную жалость. Хорошая отъ природы, актриса особенно сердечно была настроена въ такой счастливый для нея самой день.

— Что съ вами, моя бѣдняжка?

А Мариетта, подѣ непосильною тяжестью давившаго ее отчаянія, упала на диванъ, схватившись руками за голову. Нелли подошла къ ней и, ласково, материнскимъ движеніемъ обняла рыдающую дѣвушку.

— Большое горе, стало быть?... Перестаньте, милое дитя, не надо такъ сокрушаться. Вы меня не знаете, но можете мнѣ довѣриться... Я была бы очень рада, если бы могла помочь вамъ... И во всякомъ случаѣ, расскажите мнѣ, что васъ такъ огорчило.

Сочувствіе всегда располагаетъ къ откровенности, а эта красивая дама такъ добра, повидимому... Цѣлыхъ два часа уже бродила Мариетта по Парижу, задыхаясь отъ отчаянія. Жалобнымъ стономъ она открыла весь свой секретъ:

— Жанъ... Мой Жанъ бросилъ меня!

Ея Жанъ? Смутное предчувствіе тисками сжало сердце Нелли. Не разъ съ ревнивымъ любопытствомъ разспрашивала она поэта про его подругу: «Она хорошенькая? Скажи, какая она?» И теперь, близко вглядываясь въ это молодое лицо, залитое слезами, въ растрепавшіеся сверкающіе волосы, актриса припомнила конфузливый отвѣтъ Жана Дели: «Рыжая, съ темными глазами».

— Милый измѣнилъ! Я такъ и думала,— сказала Нелли дрогнувшимъ голосомъ. — Какъ же это случилось, рассказывайте. А прежде всего, скажите, какъ зовутъ васъ, моя горемычная дѣвочка?

Молодая дѣвушка подняла благодарный взглядъ на Нелли и сквозь слезы съ трудомъ проговорила:

— Добрая вы какая, сударыня!... Меня зовутъ Мариеттой.

Моментально похолодѣла рука, сжимавшая руку Мариетты, опустилась и другая, охватывавшая ее талію. Дѣвушка не обратила на это вниманія. Сочувственный голосъ предложилъ ей облегчить свое сердце, и оно заговорило, вырываясь наружу въ жалобахъ и рыданіяхъ.

— Мой Жанъ!... Я такъ любила его! Если бы вы знали...

Соскочивъ съ дивана, она опустилась къ ногамъ Нелли, взяла руку доброй госпожи, выказавшей ей столько сочувствія, и, цѣлуя ее, какъ ласкающееся больное дитя, Мариетта рассказала, какъ хорошо и счастливо прошли два года любви, когда всѣ минуты ея жизни принадлежали ея Жану, каждый взмахъ иголки сопровождался мыслью о немъ. Она думала, что онъ любитъ ее. Но не дурочка она и не горячка. Порою она, вздыхая, сама говорила себѣ, что такая простая, необразованная дѣвушка, какъ она, не можетъ

удержать навсегда любовь поэта. Конечно, его увлекутъ другія женщины, и онъ ихъ очаруетъ,—онъ такъ хорошъ!—и онъ измѣнитъ ей, она знала это. Все проходитъ, всему бываетъ конецъ. Надѣялась она только, что въ его сердцѣ останется хотя какой-нибудь уголокъ для дружбы къ пей, что Жанъ сохранитъ немного нѣжности къ той, что скрашивала дни его печальной молодости. Въ этомъ онъ ей влялся сотню разъ. Она одного желала бы: видать его, заходить къ нему,—не часто даже, если онъ того потребуетъ,—ухаживать за нимъ, если онъ заболѣетъ... Она довольствовалась бы его ничтожною лаской, въ какой не отказываютъ и комнатной собакѣ. А онъ... онъ выгналъ ее, грубо, безжалостно! Злой онъ, неблагодарный! И тяжело оскорбилъ, выкинувши ей эти мѣрзкія деньги! Деньги!... Ничего ей теперь не нужно. Жанъ разбилъ ей сердце. Она умретъ отъ этого, непременно умретъ! Если же смерть замѣшкается придти, такъ есть, вѣдь, вода подъ мостами и найдется уголь въ лавочкахъ.

Быстрымъ движеніемъ Нелли зажала ей ротъ рукою.

— Что вы такое говорите, несчастная?...

Привалившись къ ея ногамъ, Мариетта смолкла и плакала, плакала, глазъ не осушая.

Глядя на бѣдную дѣвушку, Нелли почувствовала безконечную жалость. По ея, вѣдь, милости несчастна Мариетта. И вотъ, въ первый разъ въ жизни пришлось ей полюбить по-настоящему и то неудачно. Она могла быть счастливой, только сдѣлавши большое зло. Искренно жалѣя бѣдняжку, которою Жанъ пожертвовалъ ради нея, она смутно завидовала ей. Сама она не знала, не испытала такой чистой, сердечной страсти, такого чуднаго горя. Лучшее, что было въ ея жизни, раззолоченный позоръ которой былъ ей теперь ненавистенъ, это,—какова насмѣшка!—года, проведенные съ Ламорльеромъ, ея преданность служанки-любовницы къ старому и смѣшному комедіанту. Если допустить, что умретъ Мариетта, такъ, вѣдь, она любила, она жила, у нея была короткая, но очаровательная молодость. О, какъ завидовала Нелли ея обворожительнымъ мечтамъ, хотя за ними слѣдовала такая жестокая дѣйствительность!... Взглянувши опять на свою жертву, не перестававшую пласть, безпомощную, какъ подстрѣленная птичка, Нелли пришла въ исъ, и въ ея добромъ сердцѣ шевельнулось смутное презрѣніе этому Жану, начало разочарованія въ себялюбивомъ и увлекающемъ поэтѣ, которому она такъ легкомысленно набѣщала слишкомъ много, которому она внушила,—и въ томъ сознаться надо,—его

сегодняшній дурной поступокъ. И очень скоро ей причинить позѣтъ такія же страданія, такъ какъ и она любитъ его.

— Скажите, милая, — спросила она дѣвушку, начинавшую немного успокоиваться, — не знаете вы, изъ-за кого онъ васъ покинулъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила Мариетта. — Я уже съ нѣкоторыхъ поръ замѣтила, что Жанъ перемѣнился ко мнѣ. Но я такъ вѣрила ему, что отогнала прочь всѣ подозрѣнія, даже себя упрекала за нихъ... Но измѣнилась и жизнь Жана, онъ бываетъ теперь за кулисами. Тамъ-то, я думаю, онъ встрѣтилъ какую-нибудь красивую актрису, болѣе привлекательную, чѣмъ я, нарядную, эффектную, умѣющую вкокетничать и увлекать... О, это навѣрное такъ, и не могла я не погибнуть... Что я для него? Умѣла только любить его, какъ безумная, и ничего не могла дать ему, кромѣ моего бѣднаго сердца!...

Пока Мариетта обрывающимся голосомъ изливала свое горе, въ головѣ Нелли Робенъ зародилось желаніе, причинявшее ей большое мученіе, но настоящее, непреодолимое желаніе — отказаться отъ Жана и возвратить его несчастной дѣвушкѣ. Нелли знаетъ жизнь и понимаетъ, чего лишится. Въ тридцать лѣтъ она любила въ первый разъ и хорошо ей было невообразимо. Тяжело вырвать изъ сердца эту поздно расцвѣтшую любовь. Не спуститься ей вторично, въ томъ убѣждена Нелли. И жалко ей не съ Жаномъ только разстаться, а жаль своего чувства къ нему. Да, страшно это тяжело! Но красавица актриса, при всей испорченности своей, неприкосновенными сохранила великодушіе народное и прямоу плебейскую. Изъ-за того, что ей противнымъ становится ея букетъ камелій безъ аромата, не слѣдуетъ, что вправѣ она украсть у проходящей мимо бѣдной дѣвочки ея букетъ фіалокъ, стояцій два су, но пахнуцій хорошо...

Нелли подняла Мариетту, посадила ее рядомъ съ собою.

— Теперь, дитя мое, — сказала она привѣтливо, — хотите выслушать добрый мой совѣтъ?

— Конечно, сударыня... Позвольте мнѣ только высказать, какъ мнѣ совѣстно... Простите меня въ томъ, что утруждала васъ моею глупою болтовней.

— Оставимъ это, поблагодарить вы меня потомъ успѣете... Та рѣзкость, съ которою покинулъ васъ любимый человекъ, доказываетъ, на мой взглядъ, что поступилъ онъ жестоко въ какомъ-то порывѣ... А, вѣдь, это не часто съ нимъ бываетъ?

— О, конечно, нѣтъ. Онъ всегда былъ такъ хорошъ ко мнѣ!

— А потому вамъ надо съ нимъ еще разъ повидаться. Послу-

шайте, я знаю мужчинъ. Вотъ въ эту самую минуту, я поклясться въ томъ готова, онъ уже раскаивается въ своемъ дурномъ поступкѣ, такъ какъ, вернувшись домой, онъ нашелъ оставленные вами деньги... Надо повидаться съ нимъ какъ можно скорѣе. Можете вы сдѣлать это сегодня же?

— Я могу пойти къ нему, какъ часто это дѣлала, послѣ шести часовъ, когда магазинъ закроютъ.

— Идите непременно. Общайтесь мнѣ это. Или у вашего Жана совсѣмъ нѣтъ сердца, или ему стыдно станетъ за свой поступокъ передъ этими чудесными, измученными глазами.

— И вы вправду надѣялись? О, я не заносусь высоко, я буду очень довольна, если онъ еще хотя немножко меня любитъ, только изъ жалости... Но я вѣрить этому не смѣю.

— А я такъ увѣрена въ томъ, что васъ удивить, какъ хорошо онъ васъ встрѣтитъ... И такъ, рѣшено, вы будете у него сегодня. Только постарайтесь уже не плакать больше. А теперь прощайте и вѣрьте, что я сумѣю доказать, насколько я вашъ другъ.

Нелли поцѣловала ее въ лобъ и отпустила молодую дѣвушку если не совсѣмъ утѣшенной, то все же немного подбодренною слабю надеждой.

Возвратившись къ себѣ, Жанъ Дели нашелъ на столѣ оставленные Маріеттой банковые билеты.

— Ну, я сумѣю заставить ее взять эти деньги,—проговорилъ онъ, недовольнымъ тономъ и краснѣя отъ стыда.

А вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ онъ не подумать про себя:

«Бѣдненькая дѣвочка! Меня она, все-таки, любила».

Потомъ онъ спряталъ деньги, прибралъ, насколько возможно, свою комнату и нервно заходилъ, выжидая съ замирающимъ сердцемъ желаннаго часа, въ который общала придти къ нему Нелли.

Въ половинѣ шестого явился швейцаръ съ письмомъ, принесеннымъ посыльнымъ, который не сталъ дожидаться отвѣта. Съ холодяющимъ сердцемъ Жанъ Дели прочелъ слѣдующія ужасныя строки:

«Не ждите меня сегодня, милый повѣтъ, ни сегодня и никогда. читайте меня кокеткой, негодною женщиной. Презирайте меня, ненавидьте. А у васъ я не буду.

«Утромъ, когда вы ушли отъ меня, я вдругъ поняла, что оба мы готовы были сдѣлать огромнѣйшую глупость. И очень ничтожное обстоятельство, признаюсь вамъ, заставило меня опомниться. Моя модистка принесла мнѣ шляпку, стоящую сто франковъ, и я воображала, что этого сорта цвѣты не растутъ на окнахъ мансар-

ды. По прошествіи недѣли я пожалѣла бы о хорошенькихъ шляпкахъ и объ остальномъ. Вы ошиблись во мнѣ, я то, что я есть, только сердце у меня доброе, и, какъ бы то ни было, я избавляю васъ отъ большихъ терзаній. Не пытайтесь видѣться со мною. Я подписала контрактъ и уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ одинъ очень высокопоставленный господинъ, любовавшійся мною прошлою зимой на сценѣ, жаждетъ опять увидать меня, и на этотъ разъ поближе. Но, прежде чѣмъ отправиться въ страну морозовъ, я хочу надышаться воздухомъ юга и сегодня уѣзжаю въ Ниццу, куда согласилась сопровождать меня герцогъ Эйлау, добрый другъ, съ которымъ я не хорошо поступила. Прощайте и будьте счастливы. Надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней, поразмысливши спокойно, вы перестанете сердиться на женщину, которой выпало на долю счастье облегчить вамъ, милый поэтъ, первый вашъ дебютъ въ театрѣ и которая не перестанетъ интересоваться вашими будущими успѣхами.

«Несмотря ни на что, все-таки, вашъ другъ

«Нелли Робертъ».

Маріетта пришла къ нему какъ разъ въ то время, когда Жанъ Дели въ десятый разъ перечитывалъ это письмо, испытывая всё мученіе обманутаго ожиданія и глубоко уязвленнаго самолюбія.

Хотя дверь была отперта, дѣвушка, все-таки, осторожно постучала,—увы, какъ къ чужому человѣку. Жанъ въ пылу отчаянія ничего не слышалъ, такъ что появилась она передъ нимъ совсѣмъ неожиданно и боязливо подняла на своего неблагодарнаго друга робкій и преданный взглядъ побитой собаки.

Не ошиблась добрая Нелли. Моментально въ пылкомъ воображеніи поэта ясно сложилось сравненіе между двумя женщинами и его чувствами къ каждой изъ нихъ. Какъ могъ онъ промѣнять искреннюю дѣвушку на тщеславную и порочную женщину? Ему за себя стало страшно. И явилась Маріетта какъ нельзя болѣе во-время, она несла съ собою утѣшеніе.

Жанъ рванулся къ ней на встрѣчу, страстно обнялъ ее.

— Прости! — проговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ. — Прости меня, моя Маріетта, дорогая моя!... Ты кротость, ты искренность, ты—простое, тихое счастье и настоящая любовь! И я готовъ былъ измѣнить тебѣ, бросить тебя, ради фальшивой, дрянной женщины... Но это кончено, клянусь въ томъ! И такъ какъ не хочу я впредь имѣть никакой тайны отъ тебя, возьми вотъ, прочти,—онъ подалъ ей письмо,—и суди сама, изъ-за какой негодницы я заставилъ тебя страдать, чуть не сдѣлалъ гадости и подлости!

Маріетта, опьяненная и ошеломленная счастьемъ, зашаталась

и сѣла на стулъ, и въ то время, какъ поэтъ, опустившись на колѣни, пряталъ въ ея платъѣ пылающее отъ стыда лицо, она прочла странное посланіе и подписанное подъ нимъ имя «Нелли Робенъ».

Такъ вотъ ради кого Жанъ хотѣлъ ее бросить! И этой-то Нелли Робенъ она только что рассказала про свое несчастье... По нявши, наконецъ, великодушную ложь и дивную жертву, Мариетта была растрогана до глубины души.

УШ.

Прошло тридцать лѣтъ, и двѣ старушки пріятельницы, рассказавшія мнѣ на Эспланадѣ Инвалидовъ свою исторію, не инныя кто, какъ Мариетта и Нелли.

Обѣ онѣ вышли изъ народа и бѣдности и къ тому же вернулись на старости лѣтъ, гонимыя горькою судьбой.

Поэтическій талантъ Жана Дели мелькнулъ какъ метеоръ, — блеснулъ и исчезъ. Вскорѣ послѣ появленія *Звѣздной ночи* и книжки стихотвореній, давшей литературному міру основаніе думать, что родился великій поэтъ, Жанъ занемогъ, зачахъ, не могъ больше писать. Едва доживши до двадцати пяти лѣтъ, онъ угасъ отъ чахотки, на рукахъ своей неизмѣнно преданной Мариетты, которой, оставаясь до конца вѣгнстомъ, онъ не далъ даже своего имени. На маленькія уцѣлѣвшія послѣ него средства дѣвушка попыталась открыть магазинчикъ, жить своимъ мастерствомъ. Но въ торговлѣ она смыслила мало и мастерицей была не очень искусной. Дѣло ея не пошло, и она была очень счастлива, что на оставшіяся еще кое-какія деньжонки могла купить старый кабинетъ для чтенія въ Гро-Балью, чѣмъ и существовала, продавая, въ то же время, письменныя принадлежности и газеты. Ея чувства замерли у постели Жана, въ теченіе долгихъ безсонныхъ ночей, и сердце закрылось навсегда съ послѣднимъ вздохомъ поэта. Къ тому же, скоро пропала и ея привлекательность, заключавшаяся въ милости и свѣжести. Мало-по-малу, удручаемая горемъ, бѣдностью, одиночествомъ, Мариетта опустилась и довольно быстро превратилась въ старую женщину съ пелериной на плечахъ и съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ.

Нелли, напротивъ, до сорока лѣтъ блистала красотой и продолжала въ Петербургѣ свои безумства, когда ее неожиданно разбилъ параличъ. Ея крушеніе было быстро и ужасно. Она вернулась въ Парижъ почти совершенно неможною, жила нѣкоторое время остат-

ками было великолѣпія и выручкою отъ представленія, даннаго въ ея пользу. Но, непривышная къ бережливости, она скоро познакомилась съ нуждою. Прежніе поклонники померли или разѣхались въ разныя стороны. Нелли пришлось примириться съ унижительною ролью обнищавшей актрисы, которой болѣе счастливыя или болѣе предусмотрительныя товарки по сценѣ даютъ отъ времени до времени то золотушку, то старое платье. А вскорѣ, увы, и эти нищенскія подачки прекратились. Всѣмъ были неприятны ея беспомощность, ея противныя немощи. Тогда въ самомъ отчаяніи несчастная женщина почерпнула немного бодрости. Она припомнила, что въ ранней молодости носила дешевыя кофточки и часто завтракала кускомъ колбасы съ лотка. Въ качествѣ бывшей актрисы, она могла рассчитывать на очень малую, но постоянную помощь отъ администраціи Изыщныхъ Искусствъ и изъ какихъ-нибудь благотворительныхъ фондовъ. Она распродала послѣднее, что оставалось отъ прежней жизни, наняла мансарду въ глухомъ кварталѣ, близъ Марсова Поля, и порѣшила жить въ крайней бѣдности, но безъ позорнаго попрошайничества.

И вотъ въ одинъ прекрасный день, чтобы купить листокъ *Petit Journal*, Нелли Робень, выдавая принцезу крови у своихъ ногъ, а теперь превратившаяся въ нѣчто, похожее на штопальницу старыхъ матрацовъ, вошла въ лавочку Мариетты, которую въ округѣ начинали уже называть: «la mère Mariette».

Видѣлись онѣ во всю жизнь одинъ разъ, но въ какую незабываемую никогда минуту! Онѣ долго вглядывались другъ въ друга и, хотя страшно измѣнились ихъ лица, онѣ другъ друга узнали по выраженію глазъ, которое никогда не мѣняется.

— Да, вѣдь, вы... подруга Жана Дели?...

— Вы — Нелли Робень!

И, задыхаясь отъ волненія, онѣ сошлись, взяли другъ друга за руки, обнялись со слезами на глазахъ.

Онѣ видались каждый день, чтобы поговорить о прошломъ. Мариетта высказала Нелли, какъ безконечно была ей всегда благодарна за то, что она пощадила ее тогда. А Нелли призналась Мариеттѣ, что принесенная ею въ жертву несчастной соперницѣ любовь къ поэту была единственнымъ свѣтлымъ и чистымъ чувствомъ во всю ея бурную, но, тѣмъ не менѣе, печальную жизнь.

Объимъ невыразимо сладко было говорить о дорогомъ покойникѣ. Вспоминая его, онѣ полюбили другъ друга и скоро порѣшили жить вмѣстѣ. Добрая Мариетта ухаживала, какъ могла, за одряхлѣвшею Нелли. При совмѣстной жизни, бѣдность обѣихъ сдѣлалась

уже сносною. Какъ опрятны и приличны были старушки въ то время, когда я познакомился съ ними! Съ какою лаской брала Мариетта и грѣла въ своихъ рукахъ почти недвижимыя, парализованныя руки бывшей актрисы! И съ какою признательностью обращались къ ней все еще чудесные глаза Нелли Робень, вызывавшіе когда-то восторги зрителей, наполнявшихъ залы театровъ!

— Вы представить себѣ не можете, — говорила мнѣ Нелли, заканчивая свой рассказъ, — какъ много она дѣлаетъ для меня. Истинное сокровище моя добрая Мариетта... И такъ это она все умѣетъ сдѣлать, такая она экономная! На общія наши четыре су въ день мы живемъ, рѣшительно ни въ чемъ не нуждаясь... И никогда-то она не пожалуется, не выкажетъ нетерпѣнія, хотя я постоянно больна и сожигательница очень неудобная. Самая нѣжная дочь не могла бы сдѣлать большаго для старухи матери... И изъ-за чего все это, скажите? Изъ-за того, что я разъ, какъ-то очень давно, видѣла ее въ горѣ и пожалѣла... Ради такого-то пустяка она точно считаетъ себя обязанною мнѣ чѣмъ-то...

Мариетта взглядомъ остановила немощную старушку, и я никогда не забуду задушевнаго, страстнаго тона, которымъ она проговорила:

— Да, я тебѣ обязана, навсегда обязана!... Ты оставила, уступила мнѣ тогда то, что могла взять у меня и чего сама ты никогда не имѣла, бѣдная моя Нелли! Этого я никогда не забуду и ничѣмъ не расплачусь съ тобою за это... Знаете-ли, — прибавила она, обращаясь ко мнѣ, — немножко любви въ молодости — вотъ и все, чѣмъ скрашивается наша жизнь, жизнь бѣдныхъ женщинъ.

М.

ДѢДУШКА ТИМОФЕЙ.

(Разсказъ).

Жаркій іюльскій день приближался къ вечеру.

Заходящее солнце обливало послѣдними жгучими лучами и раскинувшееся на косогорѣ село съ пирамидальною колокольней, и золотистую рожь, разстилавшуюся по обѣимъ сторонамъ пыльной проселочной дороги. Широкій коверъ задумчиво поникнувшей ржи, постепенно понижаясь, упирался въ небольшую рѣчку, протекавшую подъ самымъ селомъ. Прихотливыми извилинами вилась она, то скрываясь въ ольховыхъ кустахъ, то снова выбѣгая наружу и сверкая на солнцѣ своими прозрачными струями.

Подойдя поближе къ рѣкѣ, наблюдатель могъ бы замѣтить и притаившагося за корягу громаднаго окуня, такого чернаго, какъ и самая коряга, и разбойницу щуку, неподвижно стоящую въ какомъ-то очарованіи среди мелкой рыбешки; увидалъ бы также стадо крупныхъ головлей, спокойно разгуливающихся по самой поверхности воды и при малѣйшемъ шумѣ исчезающихъ въ подмытый берегъ. Раздолье для рыболова! Радостно забилося бы его охотничье сердце, и не напрасно: въ этой неважной на видъ рѣчкѣ была пропасть рыбы, и ловилась она прекрасно.

Неподалеку отъ села находилась мельница, кругомъ обросшая массивными, дуплистыми ветлами. Вверху старой плотины образовался значительный прудъ, на которомъ плавали многочисленныя семьи домашнихъ гусей и утокъ.

Село называлось «Новоселки». Свѣдѣніе это желающимъ передавалъ и поставленный, недалеко отъ плотины, столбъ съ прибитою дощечкой, на которой въ одну строку было написано: «Сѣло навос», а на другой добавлено: «елки», дворовъ столько-то и пр.

Новоселки были не хуже и не лучше многихъ другихъ селъ средней величины. Около сотни домовъ, очень похожихъ другъ на друга: тѣ же почернѣлыя стѣны и темно-сѣрыя соломенные крыши

какъ у одного дома, такъ и у другого. Впрочемъ, среди этого однообразія мелькали изрѣдка дома съ желѣзными или деревянными крышами и вычурною рѣзбой на окнахъ, принадлежащія болѣе зажиточнымъ хозяевамъ. По срединѣ села возвышалась каменная невысокая церковь. Напротивъ ея, въ просторномъ домѣ, помѣщались волостное правленіе и народное училище. На ближайшемъ, при въѣздѣ въ село, домъ красовалась засохшая елка, подъ которой пріютилась вывѣска: «Продажа горячива чаю на правахъ скрепками напитками». Въ этомъ же домѣ находилась и лавочка, въ которой, бромъ необходимыхъ вещей въ крестьянскомъ хозяйствѣ, можно было встрѣтить и предметы гастрономическіе: баранки, крѣпостью похожіе на камень, селедки со ржавчиной и высохшую, вродѣ муши, копченую колбасу.

Мы съ товарищемъ возвращались съ охоты. Проведя цѣлый день въ окрестностяхъ Новоселокъ въ поискахъ за тетеревиными выводками, мы теперь шли домой, и путь намъ лежалъ черезъ это село. Ходьба съ раннего утра и удушливая жара чрезвычайно утомительно подѣйствовали, и мы еле плелись по проселку. Собаки наши испытывали то же ощущеніе усталости. Флегматично бѣжали онѣ за нами по пыльной дорогѣ, нисколько не интересуясь жаворонками и перепелами, во множествѣ находящимися во ржи, а равно и многочисленными галками и грачами, сидѣвшими на дорогѣ съ разинутыми ртами.

Подойдя къ мельницѣ, мы въ изнеможеніи остановились около плотины. Невольно какъ-то снялись ружья и ягдташи съ дичью. Вслѣдъ за ними полѣзла съ плечъ и лишняя одежда. Черезъ минуту все, что можно было сбросить съ себя, не нарушая правилъ общественнаго приличія, было снято и разостлано подъ старую, громадною ветлой, раскинувшею длинныя, корявыя вѣтви около плотины. Съ удовольствіемъ разлеглись мы подъ старымъ, гостепріимнымъ деревомъ. Наши спутники гораздо ранѣ насъ успѣли залѣзть по уши въ воду, распугавъ предварительно пернатыхъ хозяевъ пруда, которые съ страшнымъ крикомъ благоразумно удалились на другой берегъ и подозрительно поглядывали оттуда на непрошенныхъ гостей. Псы, впрочемъ, мало обращали вниманія на переполохъ, произведенный ими. Съ неподражаемымъ комфортомъ развалились они ерега въ тинѣ, забывъ въ данный моментъ все окружающее и цѣло отдаваясь кейфу.

До дома оставалось еще около трехъ верстъ. Но это незначительное разстояніе было для насъ при теперешнемъ положеніи «дишней огромнаго размѣра». Ноги ныли и положительно отказы-

вались отъ дальнѣйшей ходьбы. Мы не безъ трепета думали объ этихъ оставшихся трехъ верстахъ.

— Не отправиться ли намъ ночевать къ дѣдушкѣ Тимошеею, — предложилъ я своему спутнику. — Старикъ будетъ радъ нашему приходу. Попьемъ у него чайку, закусимъ, а спать отправимся на сѣно. Завтра же, можетъ быть, еще поохотимся въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Отлично. Лучше ты и придумать не могъ, — отвѣтилъ мой товарищъ. — Положимъ, дома насъ будутъ ждать, — ну, да это не бѣда.

Мы стали собираться, къ великому огорченію нашихъ псовъ, не понимавшихъ причины такой поспѣшности.

По дорогѣ, на всякій случай, завернули въ лавку, въ которой приобрѣли кое-что изъ гастрономическихъ рѣдкостей. Равнымъ образомъ, не забыли зайти «подъ елочку».

Толстый, лунообразный цѣловальникъ, съ пуговицей, вмѣсто носа, вытащилъ изъ-за стойки бутылку, всю покрытую пылью, увѣряя, что такой хорошей водки и въ Москвѣ не сыщешь. На ярлыкѣ, сильно засиженномъ мухами, съ трудомъ можно было разобратъ фамилію неизвѣстнаго лица и множество кружковъ, очевидно, предполагаемыхъ медалей, о которыхъ мечталъ неизвѣстный авторъ напитка, что его труды, во славу російской промышленности, будутъ когда-нибудь достойно оцѣнены.

Дѣдушка Тимошеею жилъ въ Новоселкахъ. Изба его находилась почти на краю села.

Когда я еще былъ мальчикомъ, помню, изба эта была или казалась новою. Все было крѣпко. На окнахъ пестрѣли издали нарисованные пѣтухи и всякія фантастическія птицы, — плодъ искусства самого дѣдушки Тимошеею. Соломенная крыша всегда была лучше другихъ. Хозяинъ былъ мастеръ крыть «подъ гребенку» и въ этомъ отношеніи не имѣлъ равнаго въ селѣ. Односельцы часто, бывало, надоѣдали ему просьбами.

— Дѣдушка Тимошеею, ужь ты, сдѣлай милость, покрой мнѣ крышу, какъ у себя, — просить его иной разъ крестьянинъ. — Писль Покрова сына женить собираюсь; хочется, чтобъ изба-то былъ понаряднѣй.

— Ладно, — говоритъ дѣдушка. — Аписль завтра безпремѣннъ приду. Мотри, заготовь соломы.

Въ назначенный день дѣйствительно можно было встрѣтить дѣ

душку на «коньѣ» дома. Энергично покригивалъ онъ сверху, приказывая подать то пугъ соломы, то другой какой нужный предметъ.

Дворъ дѣдушки Тимоѳеѣ отличался опрятностью. Здѣсь можно было встрѣтить одну, иногда и двѣ коровы, десятка полтора овецъ. Изъ хлѣва высывалась лопухая голова здоровеннаго борова. Въ конюшнѣ стояла крѣпкая, сытая, приземистая лошадка, которую дѣдушка звалъ «Шкаликъ». «Шкаликъ» отлично зналъ своего хозяина, понималъ его голосъ и всегда привѣтствовалъ дѣдушку веселымъ ржаніемъ, когда тотъ приходилъ провѣдать его. «Озорной», какъ говорили крестьяне, съ посторонними, «Шкаликъ» былъ послушенъ въ рукахъ хозяина и не разъ благополучно доставлялъ домой дѣдушку Тимоѳеѣ, грѣшнымъ дѣломъ подвыпившаго на сторонѣ и спавшаго въ телѣгѣ сномъ праведника.

За дворомъ находился у него садъ, длинною полосой спускавшійся къ рѣкѣ. Въ саду росло десятка два яблонь въ перемежку съ кустами крыжовника и смородины. Близъ амшанника стояли колодки съ пчелами, до которыхъ дѣдушка былъ охотникъ. Наблюдалъ онъ за ними самъ и рѣдко надѣвалъ въ предосторожность отъ укушенія сѣтку. Пчелы знали его и не трогали. Случалось, когда жалила его пчела, дѣдушка былъ въ большомъ недоумѣніи: «ишь, глупая, не узнала меня», — соболизновалъ онъ о безвременно погибшей.

Но самое главное достоинство дѣдушки Тимоѳеѣ, на мой взглядъ, въ то время заключалось въ томъ, что онъ былъ завзятымъ охотникомъ и рыболовомъ.

Трудно сказать, какая изъ этихъ двухъ страстей была преобладающею въ немъ. Кажется, рыбную ловлю онъ предпочиталъ. Но подобное заключеніе можно было вывести развѣ изъ того только, что его легче можно было увидать на рѣкѣ съ удочками, чѣмъ въ лѣсу съ ружьемъ.

Живо припоминается его широкая, немного сгорбленная фигура, когда онъ, бывало, идетъ на рыбную ловлю или разставляетъ жерлицы. Дѣдушка Тимоѳеѣ былъ невысокаго роста, но плотнаго тѣлосложенія. Нѣсколько полное, съ крупными чертами лицо облялось окладистою бородой, сильно заиндевѣвшей къ вискамъ. Головъ сквозь русые, когда-то вудрявые и густые, а теперь поѣвшіе волосы свѣтились тоже серебристыя нити. Ото лба шла косина, доходившая до затылка. Мнѣ очень нравилось, когда дѣдушка Тимоѳеѣ смѣялся тихимъ, безобиднымъ смѣхомъ. Въ эти минуты его широкій съ полными губами ротъ складывался въ такую ясную и добродушную улыбку, что какъ-то веселѣе станови-

лось на душѣ. Невольно думалось: какой, однако, дѣдушка Тимошей славный.

Одѣвался дѣдушка такъ же, какъ и его односельцы, но платье его было чище и опрятнѣе.

Въ праздничные дни дѣдушка Тимошей ходилъ неупустительно въ церковь. Въ этихъ случаяхъ туалетъ его особенно отличался опрятностью. Волосы и борода тщательно бывали расчесаны. Очень чистенькая синяя поддевка казалась совершенно новою, хотя и давненько была спита. На ногахъ красовались сапоги съ калошами. Въ церкви дѣдушка становился около клироса и любилъ подтягивать поющимъ тихимъ, нерѣшительнымъ голоскомъ. Нерѣшительность эта происходила, кажется, изъ опасенія затянуть врозь, а не зависѣла отъ голоса, который былъ у него довольно сильный и пріятный.

По окончаніи службы, дѣдушка Тимошей обыкновенно заходилъ къ мѣстному священнику, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Рѣдко онъ приходилъ къ батюшкѣ съ пустыми руками, все что-нибудь, да принесетъ: крупныхъ моченыхъ яблокъ, меду или какого-нибудь соленья. Чаще онъ приносилъ плоды своей охоты: дичь и рыбу.

Съ своими приношеніями, однако, дѣдушка конфузился. Войдетъ потихоньку въ кухню и сунетъ прислугѣ съ строгимъ набазомъ спрятать и не говорить, или же самъ незамѣтно положить приношеніе въ укромный уголокъ.

Дѣдушку Тимошею приглашали къ чайному столу. Здѣсь онъ выпивалъ предварительно рюмку, двѣ водки, загусывалъ пирогомъ и потомъ принимался за чай.

Во время праздничнаго чаепитія дѣдушка любилъ поговорить о предметахъ божественныхъ и духовныхъ и даже затрогивалъ научные и отвлеченные вопросы. Бѣда, бывало, заговорить съ нимъ въ это время о житейскихъ мелочахъ,—дѣдушка насупливался и молчалъ. Посидѣвъ немного, ради приличія, старикъ быстро поднимался и уходилъ домой, немного обиженный. Всѣ знали эту слабость дѣдушки и, не желая огорчать его, вели бесѣду о «божественномъ».

Но, увы, разныя мудрости не укладывались въ практической головѣ дѣдушки Тимошея. Его умъ, занятый всецѣло близкими быденными вещами, не могъ переваривать духовныхъ и абстрактныхъ тонкостей. Впрочемъ, дѣдушка внутренно и самъ сознавалъ свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ. Если же и говорилъ о непонятныхъ для себя предметахъ, то, вѣроятно, потому, что считалъ неприличнымъ тотчасъ послѣ обѣдни говорить о житейскихъ дѣлахъ. Въ духовной

бесѣдѣ дѣдушка только начиналъ, а собственно вести разговоръ позволялъ собесѣднику. На свою долю онъ бралъ только подтвержденіе и одобреніе бесѣды, выражая свою мысль въ разныхъ неопредѣленныхъ словахъ и восклицаніяхъ, вродѣ: тѣкъ-съ, вотъ оно что, премудрость Божія и проч. Чѣмъ мудренѣе для его пониманія была бесѣда, тѣмъ длиннѣе и безнадежнѣе звучало дѣдушкино «тэээксъ».

Отъ непривычнаго разговора дѣдушка краснѣлъ и покрывался потомъ. Наконецъ, когда становилось ему уже не втерпеть, старикъ быстро вынималъ платокъ, вытиралъ вспотѣвшую лысину и прерывалъ бесѣду:

— Одначе, я заговорился съ вами. Пора и домой. Благодарствуйте за угощеніе.

Поднимался и бралъ шапку. Этимъ обыкновенно и заканчивалась духовная бесѣда. Послѣ подобнаго разговора дѣдушка считалъ свои обязанности по отношенію къ празднику исполненными и свои духовныя потребности удовлетворенными.

Несмотря, однако, на свое безсиліе въ духовномъ дѣлѣ, дѣдушка мало поддавался влиянію собесѣдника и въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ положительно упрямъ. Еще въ вопросахъ неособенной важности, вродѣ: кто такое былъ Богоглаголивый Аввакумъ, — дѣдушка принималъ къ свѣдѣнію сообщенія. Но разъ бесѣда касалась предмета, о которомъ онъ получилъ то или иное представленіе, можетъ быть, перешедшее по наслѣдству, его трудно было поколебать. Вмѣстѣ съ односельцами, наприм., онъ былъ убѣжденъ, что земля благополучно повоюетъ на трехъ китахъ. На всѣ доводы противъ этого мнѣнія дѣдушка молчалъ или ограничивался незначущими междометіями, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ какъ будто понимаетъ и соглашается съ собесѣдникомъ. Но когда послѣдній былъ увѣренъ, что онъ разубѣдилъ старика, дѣдушка вдругъ выпаливалъ:

— Да, такъ вотъ оно что: къ примѣру сказать, эдакая машина и вдругъ на трехъ китахъ. Премудрость Божія!

Равнымъ образомъ, дѣдушка ежегодно праздновалъ, вмѣстѣ съ прочими односельцами, обновленіе Царяграда, бывающее въ маѣ мѣсяцѣ. Дѣлалъ онъ это въ виду огражденія своихъ посявовъ отъ градобитія.

Обыкновенно, наканунѣ этого дня, у крестьянъ бывала сходба. На ней постановляли: по примѣру прошлыхъ лѣтъ, во-первыхъ, не работать на другой день, съ ослушниковъ же полведра; во-вторыхъ, отслужить молебень Царюграду съ водосвятиемъ.

Выборный отъ схода, всего чаще самъ дѣдушка Тимошей, являлся къ священнику.

— Батюшка, православные порѣшили опять завтра праздновать; молебенъ тоже Царюграду.

— Да ты знаешь, какой завтра праздникъ?

— Какже не знать! Болько годовъ справляемъ; обновленье Царяграда.

— А что такое Царьградъ?

Дѣдушка молчитъ.

— Сказывалъ ты какъ-то, городъ, што ли,—рѣшается, наконецъ, отвѣтить онъ.

— Да, Царьградъ, это городъ въ Турціи,—вразумляетъ батюшка,—столица, вродѣ нашего Петербурга... Какъ же вы собираетесь служить молебенъ городу? Развѣ можетъ онъ защитить ваши поля отъ града? Господу Вседержителю подобаеть молиться. Онъ—Владыка надъ всею землей. Въ Его власти послать намъ благо-раствореніе воздуховъ и дождь, и градъ, если мы прогнѣваемъ Его своими грѣхами.

— Вѣстимо, Онъ, Царь Небесный—всему голова,—соглашается дѣдушка.—Ему и служи. Тебѣ лучше знать, какъ молебенъ пѣть, а мы этихъ дѣловъ не знаемъ.

— Такъ. Если хотите помолиться, молебенъ я отслужу вамъ, когда угодно. А завтра праздника никакого нѣтъ,—работайте съ Богомъ!

— Ну, нѣтъ, батюшка, это не модель. Споконъ вѣку справляемъ. Вотъ ты, гришь, не нужно, а вдругъ градъ? Какъ тогда быть? Годовъ десять назадъ мы послушались—не справляли; анъ, глядь, апосля эфтого градъ, да крупный, во какой! Опять, къ примѣру сказать, отецъ мой... печникъ онъ былъ а-атличный... одно слово, мастеръ своему дѣлу. Супротивъ его я и въ подметки не гожусь. Теперича печи какія онъ въ церкви сдѣлалъ; на славу сложилъ, самъ знаешь. Ну, вотъ, и онъ завсегда справлялъ. Когда помиралъ, говорилъ: мотри, не забывай обновленья. Ужь ты, батюшка, какъ хошь, а намъ безпримѣнно завтра отслужи. Потому міръ порѣшилъ, да опять и боязно тоже.

Духовныя потребности, кромѣ бесѣды со священникомъ, дѣдушка Тимошей удовлетворялъ и дома, особенно если ему почему-либо не удавалось побывать у батюшки послѣ обѣдни. Подъ образами у него лежала старинная, на синей бумагѣ, славянская книга, въ кожаномъ переплетѣ, кажется, твореніе одного изъ учителей церкви. Въ праздничные дни дѣдушка съ подобающею важностью надѣвалъ

очки и читалъ съ полчаса изъ этой книги. Чтеніе шло вслухъ, гнусаво и монотонно, какъ у раскольниковъ.

Понималъ ли старикъ прочитанное — трудно сказать. По крайней мѣрѣ, онъ никогда не говорилъ о содержаніи своей книги, и прерывалъ чтеніе иногда на полусловѣ, отмѣчая ногтемъ указательнаго пальца мѣсто, до котораго дошелъ.

Когда дѣдушка Тимоѳей, послѣ праздничнаго чаепитія у бабушки, собирался домой, его можно было безбоязненно спрашивать о разныхъ житейскихъ вещахъ.

Утомленный духовною бесѣдой, онъ тѣмъ охотнѣе переходилъ на знакомые предметы. Какъ въ первомъ случаѣ онъ былъ неестественъ, натянутъ, такъ во второмъ — привѣтливъ и простъ. Въ духовной бесѣдѣ онъ словно цѣдилъ сквозь зубы слова, говорилъ медленно, глухо, съ напускною важностью; наоборотъ, о предметахъ, касающихся домашняго хозяйства, говорилъ безыскусственно и довольно толково. Рѣчь его, если и не отличалась правильностью, но за то касалась сущности предмета. Онъ ставилъ прямо вопросъ и разрѣшалъ его на основаніи многолѣтняго опыта.

Манеры его въ разговорѣ были естественны и нравились слушателямъ. Онъ умѣренно жестикулировалъ, говорилъ плавно, немного тянулъ слова, но не жевалъ ихъ. Сѣрые глаза, далеко еще не потухшіе, свѣтились умомъ и ласкою. По временамъ лицо его озаряла та особенная хорошая улыбка, которая исключительно принадлежала одному дѣдушкѣ.

Старикъ отлично зналъ сельское хозяйство и давалъ практическіе совѣты относительно посѣва, уборки хлѣба, пчеловодства, огородничества и проч. Довольно хорошо былъ знакомъ со многими мастерствами и понималъ ихъ практическое примѣненіе. Онъ былъ слесарь и кузнецъ, печникъ и плотникъ. Отличительною чертой характера, которая рѣзко выдѣляла дѣдушку, была его непрерывная и неутомимая дѣятельность. Чего только онъ ни зналъ и ни дѣлалъ. Чинилъ мужикамъ бороны и сохи, зимой валялъ теплые сапоги, вытачивалъ бабамъ гребни, мальчишкамъ кубари, лечилъ крестьянскій скотъ и т. п.

Заболѣетъ ли кто изъ односельцевъ, онъ и тутъ оказывался полезнымъ. Присовѣтуетъ больному лѣкарство, а иногда и самъ совить его. Хотя рецепты дѣдушки Тимоѳея и сводились, главнымъ образомъ, къ настойкамъ, вродѣ перцовки, къ малинѣ, къ рѣдечно-и морковному соку, но онъ зналъ кое-какія и медицинскія травы, которыя собиралъ во время своихъ охотничьихъ экскурсій.

Ѣздить, бывало, къ нему молодуха, изнуренная и блѣдная

— Охъ, смертушка моя, замучила меня лихоманка окаянная! Три дня покою нѣту! Дѣдушка, касатикъ, помоги!

— Матрена, это ты? Я тебя и не узналъ. Какая ты всегда полная да румяная, а теперь вишь, какъ почернѣла,—говорить дѣдушка, съ участіемъ вглядываясь въ похудѣвшее лицо молодухи.— Гляди, простудилась?

— Не знаю, родимый. А думатца мнѣ, что съ глазу. Ужь безпримѣнно это меня Аленка, иродова душа, сглазила. Прибѣгла на медни и все-то юлить: какая ты, гритъ, Матреша сдобная да пышная, только бы за фунтомъ тебѣ быть.

— Ну, это ты зря. Полы, небось, босикомъ мыла, распотѣла, а потомъ, гляди, на улицу вышла.

— Какже, касатикъ, не мыть? Праздникъ на дворѣ. А это ты правильно. Умаялась я съ полами-то; добре ужь жарко стало. Я чуточку и вышла на крыльцо. На дворѣ таково сиверко было. А тутъ сосѣдка Прасковья подошла...

— И пошли у васъ съ ней тары да бары. Вотъ ты лихоманку и схватила, а что на счетъ Алены—это ты напрасно. Ну, не горюнься, молодуха, все какъ рукой снимемъ. Только ты будь поопасливѣй. Домой придешь, выней разсолцу съ медомъ... медъ-то есть у васъ? Нѣту, небось, ну, я тебѣ дамъ... малинки на ночь попей, перцовкой вытрись, а, главное, не студишься.

Дня черезъ два, смотришь—и разцвѣла молодуха; болѣзни какъ не бывало.

Словомъ сказать, не было такого обиходнаго предмета, въ которомъ бы дѣдушка не смыслилъ и не могъ оказать помощи дѣломъ, совѣтомъ или участіемъ. Въ этомъ отношеніи дѣдушка былъ незамѣнимъ. Всѣ къ нему обращались, начиная съ батюшки, и всѣхъ онъ, по силѣ-возможности, удовлетворялъ.

Несмотря на большое разнообразіе дѣятельности, дѣдушка Тимошей всюду послѣввалъ и не оставлялъ неоконченнымъ начатаго дѣла. Въ его мускулистыхъ рукахъ всякая работа кипѣла и выходила прочною, основательною, «на два вѣка», какъ говорили новосельцы. Можетъ быть, произведенія дѣдушки и не отличались изящностью, тонкостью отдѣлки,—ну, да крестьяне и не гнались за этою стороною дѣла.

Мелкія подѣлки въ крестьянскомъ хозяйствѣ дѣдушка производилъ большею частью даромъ.

— Колько тебѣ слѣдуетъ, дѣдушка, за работу?—спрашиваетъ его бывало мужичокъ, у котораго онъ вмазалъ въ печь два выпавшихъ кирпича.

— Да ничаво. Вить, не цѣлый день просидѣлъ у тебя.

Старикъ, какъ практическій человѣкъ, дорого цѣнилъ время и въ оцѣнкѣ работы сообразовался съ послѣднимъ.

Деньги онъ бралъ при значительныхъ работахъ, на которыя тратилось болѣе или менѣе продолжительное время. Но въ этихъ случаяхъ дѣдушка не торговался и предоставлялъ оцѣнку работы заказнику. Не обижался, если плата оказывалась ничтожной или заказникъ оправдывался неимѣніемъ денегъ, просилъ подождать.

— Ладно, ладно, не сумлѣвайся. Подожду,—говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ. Равнымъ образомъ, дѣдушка довольствовался, подчасъ, вмѣсто денегъ, уплатой хлѣбомъ, холстомъ, домашнею скотиной и проч.

Обладая большимъ, по деревнѣ, запасомъ свѣдѣній, дѣдушка Тимоѳей, однако, не кичился своими знаніями и не ставилъ въ особую заслугу помощь, которую онъ оказывалъ своимъ односельцамъ. Повидимому, онъ считалъ это дѣломъ вполне естественнымъ: по его понятіямъ иначе и быть не могло.

Безъ сомнѣнія, онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ своихъ односельцевъ, какъ *умственный, дѣятельный, дошлый* и, притомъ, *вотче душа человѣкъ*, какъ выражались о немъ крестьяне.

Замѣчательно, что послѣдніе, относящіеся вообще недоброжелательно къ охотѣ и уженью, какъ къ баловству, не ставили этихъ качествъ въ упрекъ дѣдушкѣ.

Особеннымъ расположеніемъ пользовался онъ среди ребятъ, которыхъ очень любилъ и подчасъ баловалъ. Устраивалъ для нихъ игры, лилъ свинчатки, рассказывалъ сказки и свои охотничьи похождения. Дѣти платили ему въ свою очередь тоже любовью. Съ какимъ восторгомъ бѣжали они къ нему съ извѣстіемъ, что попалась щука! Дѣдушка Тимоѳей обыкновенно разставлялъ жерлцы по рѣкѣ, а затѣмъ уходилъ къ своимъ повседневнымъ занятіямъ. По цѣлымъ днямъ иногда оставлялъ ихъ безъ осмотра, и не было случая, чтобы кто изъ ребятъ сшалилъ, или, Боже упаси, утащилъ удочки. Напротивъ, если дѣти замѣчали размотанную галку жерлцы, и, по ея движенію, можно было предположить, добыча на крючкѣ,—взапуски летѣли къ дѣдушкѣ съ этимъ чымъ извѣстіемъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка! — кричали ребята еще издали стариспѣша перегнать другъ друга.—Щука, щука попалась! Истин-Господь—щука... Здо-о-о-о-ровая!

— И гдѣ? На омутѣ?

— Нѣ... Супротивъ Блохина сарая. Гляжу это я... рогулька спущена...

— Дѣдушка, касатиѣ, онъ вре, это я впервой увидалъ!

— Анъ нѣтъ!

— Ну, ладно. Тише. Сейчасъ мы пойдѣмъ, ее, разбойницу, и вытащимъ.

Ребята толпой, во главѣ съ дѣдушкой, шли къ рѣкѣ и, возвращаясь обратно, съ торжествомъ несли пойманную «разбойницу», иногда и въ самомъ дѣлѣ «здоровую».

Своими безконечными разспросами, баловствомъ ребята, конечно, надоѣдали старику. Однако, онъ снисходительно относился къ ребячьимъ шалостямъ. Развѣ ужъ серьезною работой какой занять дѣдушка,—ну, прогнать надоѣдливыхъ шалуновъ. Обыкновенно же вникалъ въ ихъ споры, жалобы и творилъ судъ и расправу. При случаѣ и за «вихры» дралъ, но рѣдко.

Бывало, какой-нибудь черномазый Петька раскваситъ носъ бѣлобрысому Филькѣ. Послѣдній, чтобъ отомстить своему противнику, ореть:

— Вотъ погоди, уже про тебя дѣдушкѣ скажу! Пра слово, скажу!

— Скажи!—кричить озорникъ.— Такъ я твою дѣдушку и испужался.

— Испужаешься! Онъ те задасть, онъ вихры-то нарветъ. Узнаешь, какъ драться.

— Ладно.

Вечеромъ обиженный докладываетъ дѣдушкѣ, что вотъ, молъ, Петька тебя не боится. Дѣдушка хмурится и, стараясь по возможности быть суровымъ, подзываетъ озорника.

— Петька, подь сюда!—повелительно говорить онъ.

— Дѣдушка, да я ничаво,—нерѣшительно подходя, отвѣчаетъ струсившій мальчуганъ.

— Эфто ты што же озорничаешь-то, а?

— Не боюсь!

Дѣдушка въ упоръ смотритъ на ребенка и, немного подумавъ, съ подавляющимъ авторитетомъ произноситъ:

— Што-жь ты апосля эфтого за человекъ? Уходи отъ мен. больше съ тобой и знаться не хочу!

Дѣдушка рѣшительно и, повидимому, безповоротно отварачивается отъ виновнаго.

Петька хнычетъ и раскаявается въ своемъ поступкѣ.

Обстужившіе кругомъ ребята съ захватывающимъ интересомъ

слѣдять за дѣдушкой и глубоко убѣждены, что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли путное выдти изъ Петьки, разъ онъ не боится самого дѣдушки Тимоея?

По окончаніи нравоученія сконфуженный ребенокъ молчитъ или же проситъ прощенія у дѣдушки.

— Что, ловко отдѣлалъ тебя дѣдушка?—трунить надъ Петькой ребята.

Недавній озорникъ не рѣшается уже сказать «не боюсь» и ограничивается только тѣмъ, что высовываетъ въ утѣшеніе языкъ.

Семья у дѣдушки была небольшая; состояла она изъ старухи жены, ворчливой и прижимистой женщины, и придурковатаго парня—племянника дѣдушки. Изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей у дѣдушки была только одна дочь, выданная замужъ въ сосѣднюю деревню за крестьянина.

Бабушка Татьяна,—такъ звали дѣдушкину жену,—была домовитая старуха, по-своему любила своего сожителя и побаивалась его. Къ охотничьимъ страстямъ своего мужа она относилась не совсѣмъ доброжелательно; частенько пилила за это дѣдушку и въ особенности за его нелюбостыжательность. Однако, протесты ея не заходили далеко и ограничивались однимъ ворчаньемъ. Бабушка Татьяна не трогала рыболовныхъ и охотничьихъ вещей своего мужа, оберегала ихъ въ его отсутствіе и прибирала къ мѣсту. Равнымъ образомъ, многочисленные инструменты дѣдушки, занимавшіе добрую половину избы, всегда находились подъ бдительнымъ надзоромъ старухи, которая не позволяла не только брать, но и дотрогиваться до нихъ. Ворчанье бабушки Татьяны обрушивалось, главнымъ образомъ, на дѣдушкина племянника, на котораго воркотня эта, однако, не производила большого вліянія. Въ отвѣтъ на нее онъ только сопѣлъ да похлебывалъ носомъ. Однако, придурковатый парень подъ руководствомъ дѣдушки былъ сноснымъ работникомъ и, главное, усерднымъ. Съ его помощью дѣдушка аккуратно выполнялъ всѣ полевые сельскія работы.

Случалось, иногда, старикъ увлекался какою-либо изъ своихъ страстей въ ущербъ хозяйству. Въ этихъ случаяхъ онъ шелъ къ охоту, у котораго была большая семья и нѣсколько сыновей работниковъ.

— Ну, Вавила, выручай меня,—говорилъ онъ,—я, братъ, поось-то прострѣлялъ. Пошли кого изъ мальцовъ подсобить мнѣ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, дѣдушка Тимоеи. Для кого ругого, а для тебя завсегда. Бери любого: хоть Ваську, аль Сеегу.

— Дѣдушка, а дѣдушка, я пойду!—вричитъ Васька, здоровенный парень, встряхивая русую копну волосъ.— Меня возьми, я дюже ловокъ косить-то!

— Ну, инъ ладно. Приходи ужю ко мнѣ. Мы съ тобою въ одинъ секундъ и смахнемъ.

Бѣ дѣдушкѣ Тимоею было выгодно и пріятно идти «на помочь». Работай онъ не завалитъ, а больше самъ сдѣлаеть. По окончаніи чайкомъ попить, да не пустымъ, а съ медомъ и баранками. Кто выпиваетъ, водочки поднесеть. Кромѣ того, заплатитъ, да, глядишь, еще конецъ холста на портянки подаритъ.

Дѣтство мнѣ пришлось случайно провести въ Новоселкахъ. Безъ сомнѣнія, я коротко знакомъ былъ съ дѣдушкой Тимоеемъ, часто бѣгалъ къ нему и пользовался его расположеніемъ. Страсть къ охотѣ и рыбной ловлѣ, вѣроятно, отъ дѣдушки перешла и ко мнѣ. Дѣдушка Тимоею былъ моимъ первымъ наставникомъ и руководителемъ сначала въ рыбной ловлѣ, а затѣмъ и въ охотѣ.

Какъ рыболовъ, дѣдушка Тимоею былъ истиннымъ любителемъ уженья и только одного уженья. Сѣтями и бреднемъ онъ не любилъ ловить и считалъ это грѣхомъ.

— Отчего ты, дѣдушка, не ловишь бреднемъ?—иногда спрашивалъ я.—На-дняхъ мужики подъ Лабининымъ бреднемъ-то цѣлый ушатъ рыбы поймали.

— Грѣхъ это, Миша. Сколько тебѣ нужно, столько и лови, а лишняго не зачѣмъ. Рыба, небось, тоже Божіе созданіе, и ей жить хочется,—говорилъ дѣдушка, погружаясь въ раздумье.—А то цѣлый ушатъ!—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія,—да на кой мнѣ тагу прорву рыбы?

— Какъ зачѣмъ? Посолилъ бы къ посту или отнесъ бы въ Сотниково, господамъ продалъ.

— Сталъ бы ловить, и другіе бы почали,—говорилъ дѣдушка, развивая свои мысли.—Всю рыбу и переловили бы. И поудить намъ съ тобой негдѣ бы было. Вотъ ты, гришь, продалъ бы,—оборачивается дѣдушка ко мнѣ,—ну, продамъ, деньги получу, а што съ деньгами?—лишнее баловство. Лѣниться учнешь, водки этой, къ примѣру сказать, напьешься, анъ дѣло-то и плохо.

Былъ ли въ этомъ случаѣ искрененъ старикъ, или только давалъ наставленіе, не могу сказать навѣрное. Случалось, къ дѣдушкѣ Тимоею обращались за рыбой, запасъ которой у него всегда бывалъ, и онъ продавалъ понемногу. Но промысла изъ этого не дѣлалъ и ловилъ вообще немного рыбы, которую подчасъ отдавалъ даромъ.

Изъ снастей дѣдушка употреблялъ весной верши и наметку. Но какъ только прояснялась вода, онъ переходилъ къ своимъ любимымъ удочкамъ. И славныя же удочки были у дѣдушки Тимоѳея! Длинные, прямые и сухія удилица были всѣ какъ на подборъ. Срѣзывалъ онъ ихъ осенью и высушивалъ въ сараѣ, привязавъ предварительно къ перекладинѣ. Волосыныя лесы отличались тонкостью, прочностью и необыкновенною бѣлизной: дѣдушка вначалѣ вымачивалъ волосы. Осокоревые раскрашенные поплавки высоко торчали изъ воды, блестя своими разноцвѣтными красками.

Крючки дѣдушка покупалъ, но иногда, особенно крупные, самъ дѣлалъ. За садомъ у него, на рѣкѣ, была устроена сажалка, въ которой хранились живцы и наловленная рыба.

Въ охотничьихъ предпріятіяхъ дѣдушки Тимоѳея мнѣ лично мало приходилось участвовать. Онъ рѣдко бралъ меня съ собою и исполнѣ резонно: въ лѣсу я могъ устать и связать дѣдушку.

Съ охотничьей стороною его жизни я знакомъ, главнымъ образомъ, по его собственнымъ рассказамъ.

Но объ этомъ послѣ. Теперь мы возвратимся къ прерванному разсказу.

Около двадцати лѣтъ прошло со времени моего пребыванія въ Новоселкахъ.

Проходя теперь по селу, я съ понятнымъ любопытствомъ вематривался въ знакомыя мѣста. Воспоминанія далекаго дѣтства, иногда мелкія и пустыя, но дорогія и пріятныя, постепенно воскресали въ головѣ. Вотъ рѣчка, въ которой я такъ любилъ удить и разъ чуть было не утонулъ; церковь, въ которой я бывалъ по праздничнымъ днямъ, — она та же самая, только мѣстами штукатурка на ней пообвалилась. Вотъ домъ, гдѣ я жилъ; теперь онъ не тотъ уже, — перестроенъ, и живутъ въ немъ чужіе и незнакомые мнѣ люди.

Припомнились лица, которыя меня окружали... Между ними первое мѣсто занялъ дѣдушка Тимоѳей. Его симпатичная фигура ярко и живо воскресла въ моей памяти, и я невольно поддался довергимъ воспоминаніямъ.

Показалась дѣдушкина изба, но я не узналъ ее съ перваго взгляда. Теперь замѣчалась большая разница между прежней, которую я такъ хорошо зналъ, и теперешней, къ которой я приближался.

Краски на окнахъ потускнѣли или исчезли. Отъ прежнихъ пѣховъ, рисованныхъ когда-то самимъ дѣдушкою, остались одни грязныя пятна. Ставень на одномъ изъ оконъ свѣсился и держался лько на нижнемъ крючкѣ. На крышѣ мѣстами виднѣлись пучки омы, набросанные кое-какъ и прикрытые кривыми жердями. Вся

вообще изба казалась ветхою и, словно усталая старушка, привалившись на одинъ бокъ, уперлась на двѣ дубовыхъ подставки.

На крыльцѣ стояла молодая и довольно видная баба съ подоткнутымъ подоломъ платья. Голова у ней была повязана платкомъ на подобіе повойника, а въ рукахъ, съ засученными рукавами, виднѣлось корыто. Баба пристально смотрѣла на насъ съ тѣмъ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ деревенскій людъ смотритъ на незнакомое лицо въ костюмѣ «барина».

— Дѣдушка Тимошей здѣсь живетъ?—обратились мы къ стоявшей бабѣ.

— Чаво?

— Дѣдушка Тимошей...

— Здѣся.

Мы вошли на крыльцо.

— А вамъ яво нужно?

— Да, хотѣлось бы повидать.

— Вы что же по дѣлу къ нему, аль такъ?

Удовлетворивъ по возможности любопытство нашей собесѣдницы, мы попросили ее провести насъ въ избу.

Баба, не обращавшая вниманія до этого момента на свой туалетъ, теперь вдругъ спохватилась, —ахнула, швырнула корыто и опрометью бросилась въ сѣни, одергивая на бѣгу платье.

Послѣднихъ ея словъ нельзя было разслышать: въ сѣняхъ раздавалось отчаянное кудактанье куръ. Сквозь отворенную дверь въ сѣни виднѣлся мѣшокъ съ овсомъ, на которомъ сидѣла желтая съ бакенами курица и громко раздѣлывала свое нескончаемое «такъ, такъ, такъ». Гдѣ-то по угламъ тоже голосили курь.

Снова появившаяся баба выхватила изъ угла какое-то веретѣе и махнула имъ на раскричавшихся куръ.

— Ш-ш... вы, проваленныя!

Буры съ трескомъ пронеслись надъ нашими головами и смогли.

— Войдите, касатики, въ избу. Дѣдушка ать всталъ. Притомился отъ жары, —ну, и легъ. Знамо, старый человекъ, —говорила молодуха, идя вслѣдъ за нами.

Въ дверяхъ послышалось кряхтѣнье и старческій глухой кшпель. Переступивъ порогъ, мы чуть не столкнулись съ дѣдушко Тимошеемъ.

Сильно измѣнился дѣдушка. Минуту я его разсматривалъ. Вся фигура дѣдушки какъ-то осунулась и похудѣла. Оставшіеся на вискахъ и бородѣ волосы были совершенно бѣлы, какъ снѣгъ. Когда-то полное лицо теперь страшно сморщилось и образовало отвислы

складки. Несмотря на жару, одѣтъ онъ былъ въ полушубокъ и валенки.

— Здорово, дѣдушка! Узнаешь меня?

Старикъ поднесъ къ глазамъ руку, загоразивая ихъ отъ косыхъ лучей солнца, и всматривался въ меня.

— Здорово, родимый... Нѣтъ, гдѣ-жь узнать, не вижу, касатикъ.

— А помнишь Мишу, съ которыми рыбу ловилъ?

— Мишу... Какова Мишу?

Я напомнилъ дѣдушкѣ свое дѣтство и назвалъ два, три знакомыхъ намъ лица изъ далекаго прошлаго.

Дѣдушка вспомнилъ.

— Миша... касатикъ! Да какъ не помнить-то! Вотъ какимъ тебя помню,—говорилъ дѣдушка, оживляясь и показывая рукою на аршинъ отъ пола.—Какъ же ты, соколикъ мой, выросъ-то! Ну, гдѣ-жь узнать было... кабы не сказалъ—ни въ жисть...

Дѣдушка преобразился. Изъ вялаго и соннаго, какимъ онъ казался мнѣ на первый взглядъ, онъ вдругъ превратился въ бодрого и помолодѣвшаго. Неподдѣльная радость и ласка звучали въ его словахъ, прерываемыхъ удушливымъ кашлемъ. Въ потухшихъ и почти слѣпыхъ глазахъ засвѣтился огонекъ. Сморщенное лицо озарила улыбка. Да, это была его, дѣдушки Тимоея, улыбка. Я узналъ ее. Она также измѣнилась, постарѣла и показывала, вмѣсто зубовъ, синеватая десны, но душа въ ней сохранилась; отъ нея опять, какъ бывало, понеслись прямо къ сердцу какіе-то особенные, добрые и радостные лучи. Я невольно разцѣловалъ дѣдушку.

Дѣдушка задрожалъ, на глазахъ у него навернулись слезы.

— Миша, касатикъ, сколько годовъ... Помнишь, какъ бѣгалъ ко мнѣ?

— Еще бы не помнить, дѣдушка!

И мы оба погрузились въ прошлое, забывъ въ данную минуту обо всемъ остальномъ. Одинъ вспоминалъ далекое дѣтство, всегда почти пріятное, а другой—время, когда былъ здоровъ, силенъ, а, следовательно, и счастливъ. Мы, словно дѣти, перебывали другъ у друга, спѣша высказать нахлынувшія мысли и чувства.

Вспомнили про знакомыя лица. Оказалось, что многихъ изъ нихъ, которыхъ мы съ дѣдушкой знали, уже нѣтъ въ живыхъ. Бабушка Татьяна давно померла, племянникъ дѣдушкинъ ушелъ къ цу, «Шкаликъ» околѣлъ.

Дѣдушка пригласилъ насъ съ товарищемъ садиться.

— Вотъ спасибо, родимый, что навѣстиль меня, вспомнилъ про свою дѣдушку Тимофея,—говорилъ онъ, усаживаясь на лавку.

— Я къ тебѣ, дѣдушка, собирался, но только не сегодня. Нынѣшній же день случайно попалъ сюда. Вотъ съ товарищемъ охотился, поустали; домой идти не хотѣлось, мы и надумали идти къ тебѣ почевать. Въ сараѣ у тебя, вѣроятно, есть сѣно; мы туда и отправимся.

— Какъ сѣну не быть—сѣна много... Вѣстимо, родные, переночуйте. Что за охота домой идти, на ночь глядя. Ахъ, Миша, Миша, колько годовъ ты не былъ у насъ! А теперь-то къ кому пріѣхалъ?

— Да вотъ къ нему,—указалъ я на товарища,—недѣли на двѣ, поохотиться.

— Что-жь ты ранѣ не пріѣзжалъ къ намъ?

— Некогда было. Да и куда же я поѣду? Никого здѣсь у меня не осталось. Съ Василиемъ Константиновичемъ,—указалъ я на товарища,—недавно знакомъ, да и въ вашихъ краяхъ онъ живетъ не особенно давно.

— А ко мнѣ-то забылъ? Пріѣхалъ бы, да и жилъ хушь всеѣ лѣто. И денегъ съ тебя не спросилъ бы.

— Ну, дѣдушка, извини. Къ сожалѣнію, и на умъ не пришло.

— Ахъ, я старій,—вдругъ спохватился дѣдушка,—тары да бары развожу съ вами, а не спрошу: небось вамъ и попить хочется, и поѣсть; гляди, проголодались.

— Да, есть грѣхъ.

— Машуня, ну-ко, касатка, запусти поскорѣй самоварчикъ,—обратился дѣдушка къ стоявшей въ избѣ молодухѣ.

Послѣдняя успѣла принарядиться. На ней красовалось новое ситцевое платье съ мудреными разводами яркаго цвѣта. На головѣ былъ повязанъ шерстяной легонькій платокъ. Молодуха умылась и смотрѣла миловидною бабенкой. Баріе глаза съ длинными рѣсницами и вздернутый носикъ придавали ея лицу интересное и немного лукавое выраженіе.

— Сейчасъ, дѣдушка,—отелигнулась молодуха на послѣднія слова дѣдушки и, слегка застыдившись, выбѣжала за дверь.

— Кто это у тебя молодуха?—спросилъ я дѣдушку.

— Супружница моего внука. Небось, знаешь мою дочь, штъ замужь-то была выдана. Ну, вотъ, къ примѣру сказать, она померла, остался послѣ нея сынокъ, а мнѣ внучекъ. Его я послѣ смерти своей старухи взялъ къ себѣ и женилъ вотъ на Марьѣ-то. Ничего, баба важная.

— Хорошо внучата къ тебѣ относятся, не обижаютъ твою старость?

— Ничаво, ласковы ко мнѣ. Конечно, народъ молодой—не безъ малодушія. Внукъ атъ не сурьезенъ, полѣнливается, водки этой испить любить. Вонъ, вишь, гармонія,—указаль дѣдушка на валяющуюся въ углу гармонію. — Хозяйство, къ примѣру сказать, не ведетъ, какъ слѣдуетъ... Ну, да ихъ дѣло,—махнулъ рукой дѣдушка,—мнѣ што же?—одна могила нужна. Жалѣючи ихъ говорю. А, впрочемъ,—снова добавилъ дѣдушка,—они ласковы ко мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, касатикъ, не обижаютъ, и грѣха на душу неча брать.

Я оглянулъ избу. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно было предположить, что хозяйство дѣдушкина внука отличается довольствомъ и достаткомъ. Очень можетъ быть, что трудолюбивая жизнь дѣдушки и аккуратность бабушки Татьяны не прошли даромъ, и совмѣстные труды обезпечили существованіе внучать.

Внутренность избы представляла теперь значительную разницу съ тѣмъ временемъ, когда хозяйствовали сами старики. Прежде было чрезвычайно просто,—ничего лишняго. Одни только инструменты да токарный станокъ наполняли избу. Теперь было много вещей, не существовавшихъ ранѣе. Окна имѣли занавѣски. На стѣнахъ развѣшаны были олеографіи.

Въ простѣнѣ висѣло зеркало, небольшое, но сносное, изъ-за котораго выглядывали гребенки и разные принадлежности туалета. Бромѣ лавокъ, въ избѣ стояло нѣсколько простыхъ стульевъ. Въ одномъ углу, вмѣсто дѣдушкинаго токарнаго станка, находился большой кованый желѣзомъ сундукъ, въ другомъ—стояла кровать подъ ситцевымъ пологомъ. На вѣшалкахъ виднѣлась разнообразная мужская и женская одежда.

Но рядомъ съ этимъ достаткомъ замѣчалась и неряшливость. Многія вещи были раскиданы и валялись безъ толку. На столѣ виднѣлись остатки завтрака или обѣда; стояла пустая крынка, солонища, валялись крошки хлѣба. По столу расплзлись полувыхошія лужи молока, вокругъ котораго сидѣли рои мухъ. На полу, недалеко отъ стола, валялся смазной съ бураками сапогъ, а другой, подвернувшись намъ подъ ноги, Марья успѣла схватить и куда-то сунуть. лавѣ комкомъ лежала суконная поддевка. Всюду вообще замѣнились слѣды пыли и даже грязи.

— Вотъ самъ я браню ихъ,—продолжалъ дѣдушка начатый разговоръ,—особливо за то, что не убираютъ къ мѣсту. Иной разъ, безъ силу, подберешь, уложишь, глядь — опять раскидали. А вишь поддевка-то новая, а зря бинута.

Вошедшая Марья прервала дѣдушку. Старикъ замолчалъ, вѣроятно, жалѣя пристыдить внучку въ присутствіи постороннихъ лицъ.

Молча и быстро стала молодуха собирать со стола, немного конфузясь за беспорядокъ. Затѣмъ внесла поднось, разостлала пеньковую скатерть и поставила чаши.

— Внучка, ты, касатка, свари въ смяточку яичекъ, да ветчины принеси,—обратился къ ней дѣдушка,—водочки тоже.

— Не хлопочи много, дѣдушка,—отозвались мы.—Яйца въ смятку—это хорошо. Больше ничего не нужно. А водка у насъ есть. Вотъ посмотри,—говорилъ я, вытаскивая изъ ягдташа бутылку,—какимъ напиткомъ наградилъ насъ вашъ кабатчикъ.

— Это Тихонъ, что ли?

— Не знаю. Полный изъ себя.

— Онъ и есть. Большая шельма,—немного подумавъ, проговорилъ дѣдушка,—дуже задавилъ народъ. И старъ, и младъ всѣ въ кабакъ,—всѣхъ спойлъ.

— Какъ же онъ ухитрился это сдѣлать?—спросилъ дѣдушку мой товарищъ.—Я думаю, что сами православные виноваты; никто, вѣдь, не гонитъ ихъ къ кабаку.

— Оно знамо такъ,—насильно никому не вольешь. Да дѣло онъ обставилъ хитро. Теперича въ долгъ отпускаетъ, въ закладъ что хощь приметъ; топоръ, валенки,—показывалъ дѣдушка на лежавшій въ углу топоръ и на свои валенки,—тащи къ нему,—возьметъ. А про одежду и говорить нечего; самы худы-расхуды штаны, и тѣ беретъ, ничѣмъ не брезговаеть. А допрежь у насъ не такъ было. Прежде кабатчикъ не могъ отпустить въ долгъ, а чтобы подъ закладъ—ни-и Боже мой, а то штрафъ. Ну, вотъ пьянства такого и не было.

— Да, хорошее условіе было у васъ съ кабатчикомъ,—подтвердилъ я дѣдушкины слова.—Кто же тогда предложилъ его? Вѣроятно, ты, дѣдушка, орудовалъ?

— Не одинъ я, всѣ міромъ порѣшили. Прохоръ пыталъ меня ругать. Тогда это онъ кабакъ-то держалъ. Все, грить, это старый хрычъ Тимошка надѣлалъ, кабы не онъ, такого контрахту не сдѣлали бы. Ну, а мнѣ что—пушай ругается, Богъ съ нимъ. А пьянства большого, неча сказать, не было.

— По закону, кажется, запрещено кабатчикамъ отпускать въ долгъ водку и брать подъ закладъ вещи?—замѣтилъ мой товарищъ.

— Може, оно и запрещено, да кто объ этомъ знаетъ? Писарь—другъ пріятель Тихона—не скажетъ. Остальные, кто и знаетъ, къ

примѣру сказать, такъ разсуждаютъ: моя, молъ, изба съ краю, что мнѣ за дѣло,—ну, и молчать. Нѣтъ, касатиѣ, ежели сообща всѣ не оставили, толковъ мало, и законъ не поможетъ.

— Почему же крестьяне съ теперешнимъ кабатчикомъ не сдѣлали условія?

— Почему?... Нонѣ народъ другой сталъ. Супротивъ прежняго ничего не стѣить. Малодушія этого очень много. Допрежь какой народъ-то былъ,—столпы, крѣпкій, сурьезный, богобоязненный. Бавилу хушь взять покойника,—царство ему небесное!—каковъ мужикъ-то былъ? Ты, Миша, небось помнишь его. Одно слово—кремень, и хозяинъ обстоятельный. Въ семьѣ у него было безъ мала двадцать человекъ. За столъ сядутъ, что твоя фабрика. Богачество какое было у нихъ. Скота этого цѣлая прорва... А вотъ старикъ-то померъ, межъ сыновьями и пошли препоны, брань да ссора. Раздѣлились,—ну, а тамъ что—вѣстимо захудали и пошли чуть не по міру. Семена Блохина, теперича, взять, аль Мигиту Иванова—какіе тоже люди были. Нонѣ и не сыщешь такихъ. Да мало ли еще кто былъ, теперича не припомнишь... А нонѣ куда ни глянь, вездѣ одна срамота. Нонѣ сынъ-то норовить какъ бы стянуть что со двора, да въ кабакъ. А то и хуже бываетъ. Воротится сынъ, къ примѣру сказать, съ фабрики домой и думаетъ о себѣ, что онъ и Богъ знаетъ какая умница. Ты, грить, деревня,—эфто отцу-то,—необразование, всѣ вы на селѣ-то опметкомъ щи хлебаете. Каково! А спросить его: самъ-то онъ что знаетъ? Самъ-то, вишь, образование получилъ, по трактирамъ шлячусь, да вонъ изъ пѣсенниковъ вычиталъ,—дѣдушка показалъ на какую-то книжку, лежавшую на притолкѣ,—тамъ изъ какого-то «стрѣлочка».

Дѣдушка закашлялся. Нѣкоторое время онъ не могъ говорить. Переведя, наконецъ, духъ, онъ продолжалъ:

— Раздѣлы, къ примѣру сказать, теперича пошли. Остались два брата. Жить да жить бы вмѣстѣ. Нѣтъ, они словно два медвѣдя въ берлогѣ,—сичасъ врозь, давай дѣлить. А и дѣлить иной разъ нечего: боровенка да лошадь. Вмѣстѣ, може, понемножку и прожили бы, а стали жить особнякомъ—оба нищими и сдѣлались. Вотъ отъ нихъ и зло пуще всего. Како же почтеніе можетъ имѣть сынъ къ отцу, ежели у отца-то ничаво нѣту? Сынъ на фабрикѣ получить, димѣрно, красенькую, другую и думаетъ, что онъ богатъ. Ты, грить отцу, ничего не понимаешь, много ты достаешь здѣся въ девнѣ? У тебя, грить, въ карманѣ-то ни рожна нѣтъ, а у меня шь во—деньги. Значить, я тебя умнѣе, и ты мнѣ не перечь.

Дѣдушка нагнулся и задумался. Потомъ, приподнявъ голову, онъ провелъ рукой по бородѣ.

— Такъ-то-ся, — продолжалъ онъ, — вотъ какъ пошла эта розь, кабатчики и забрали силу. Всѣ у нихъ теперича въ кабалѣ. Съ кабатчикомъ нонѣ и тягаться нечего: онъ — сила, что твой старшина. Да куда, больше! — проговорилъ дѣдушка и махнулъ рукой.

— Вотъ ты, дѣдушка, не одобряешь раздѣлы, — обратился къ нему мой товарищъ. — А какъ же иной разъ быть? Невѣстки начинаютъ ссориться. Выходить дѣло, по большей части, изъ-за пустяковъ, изъ-за горшка, изъ-за тряпокъ и доходить до такихъ размѣровъ, до такого ада, что совмѣстная жизнь становится совершенно невозможна. Поневоля приходится раздѣлиться.

— А въ мое-то время рази бабы не ругались? Касатикъ ты мой, вѣдь, вотъ не даромъ пословица-то говорить: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Начнутъ изъ-за горшка, а потомъ въ сурьезъ. Да мужики-то что смотреть, у большака-то гдѣ глаза? Все-таки, дѣлиться не слѣдъ. Не резонъ изъ огня да въ поляныя видаться.

— А если большакъ-то почему-либо плохъ, не имѣетъ авторитета, значенія въ глазахъ семьи? — возразилъ мой товарищъ.

— Ахъ, родимый мой, всяко бываетъ, и большакъ ину пору прихрамываетъ. Старшдму все же должно повиноваться. Хушь и плохъ, а все порядокъ. Рази лучше, если каждый начнетъ свое? Да, къ примѣру сказать, большакъ ежели совсѣмъ плохъ, можно, съ согласія семьи, и смѣнить его. У насъ допрежь бывало. Соберется сходъ, вызовутъ семейныхъ и присудятъ другому брату большакомъ состоять, а прежняго отставятъ.

Марья принесла самоваръ, который она, кажется, немного почистила. На двухъ тарелкахъ разложила яйца и домашнюю ветчину, нарѣзала хлѣба, поставила рюмки и сѣла за столъ.

Глядя теперь на прифрантившуюся молодуху, на ея довольно ловкую манеру разливать чай, трудно было допустить, чтобы она въ обыкновенное время ходила замарашкой и безучастно относилась къ хозяйству. Скатерть, тарелки оказались чистыми и вообще все на столѣ было опрятно.

— Дѣдушка, выпьешь съ нами рюмочку?

— Нѣтъ, касатики, спасибо. Бушайте на здоровье. Я и допрежь мало пилъ, а таперича и совсѣмъ бросилъ.

— А ты, молодуха, хочешь?

— Благодарствуйте. Я тоже не пью, — промолвила Марья, слегка зарумянившись.

— Вотъ мужъ ейный, — указалъ дѣдушка на молодуху, — ежели бы былъ, выпилъ бы съ вами. Таперича узнаеть — жалѣть будетъ.

Замѣчаніе это, повидимому, не понравилось Марьѣ: она недовольно сморщилась и опустила голову.

— Гдѣ же мужъ твой, красавица? — обратился мой товарищъ къ Марьѣ, желая перенести разговоръ на нейтральную почву.

— Съ мужиками косить: нонѣ ложокъ подѣлили, — отвѣтила молодуха. — Теперя должонъ скоро придти, — добавила она, помолчавъ немного.

— Дѣдушка, рыбу-то ловишь? — обратился я къ старику, хотя внутренно и сознавалъ, что вопросъ мой одно празднословіе.

— Ну, куда мнѣ, касатикъ, ловить! Насилу ноги волочу. Совсѣмъ плохъ. Поясница это страсть какъ болитъ, одышка, притомъ, — говорилъ дѣдушка, раскалывая сахаръ на мелкіе кусочки. — Думатца мнѣ, немного наживу на бѣломъ свѣтѣ, — прибавилъ онъ и понурился.

Мы замолчали.

Въ это время дверь тихо скрипнула и на порогѣ показался въ ситцевой рубашонкѣ мальчуганъ лѣтъ трехъ-четырехъ. Переступивъ одною ногою порогъ, ребенокъ остановился въ нерѣшительности, — очевидно, наше присутствіе его смутило.

Дѣдушка замѣтилъ мальчика и улыбнулся.

— Петюнька, глупый, чаво-жь ты пужаешься? Бѣги скорѣй къ дѣдушкѣ, — говорилъ старикъ, ласково приглашая его къ себѣ.

— Иди, сынокъ, слышь, дѣдушка зоветъ, — отозвалась Марья.

Баріе хорошенькіе глаза ребенка очень были похожи на матерныя.

Петюнька, однако, колебался. Запустивъ въ ротъ указательный палецъ, онъ раздумывалъ, опасно или неопасно будетъ пробѣжать разстояніе, отдѣлявшее его отъ дѣдушки.

Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ быстро подбѣжалъ къ дѣдушкѣ и ткнулся въ его колѣни. Повернувъ оттуда голову, Петюнька однимъ глазкомъ поглядывалъ на гостей.

Дѣдушка любовно разгладилъ своими сморщенными пальцами сжавшіеся волосы мальчика и, нагнувшись, поцѣловалъ его.

— Правнучекъ мой, — обратился онъ къ намъ. — Вотъ, Богъ велеть дожить.

Дѣдушка досталъ изъ сахарницы конфетку.

— Накось тебѣ, — проговорилъ онъ Петюнькѣ.

— Балуетъ ты его очень, дѣдушка, — улыбаясь, замѣтила я.

— Ну, не замай... Може, недолго набалуяю-то. Поди-во, касатикъ, посмотри, пригнали скотину, аль нѣтъ?

Петюнъка на этотъ разъ не заставилъ себя просить и тѣмъ же галопомъ юркнулъ за дверь.

Осматривая внутренность избы, я невольно переносясь въ то далекое прошлое, когда мальчикомъ бѣгалъ къ дѣдушкѣ Тимошеею.

— Измѣнилось, однако, у васъ въ избѣ,— замѣтилъ я молодухѣ. — Прежде иначе было. Вотъ здѣсь,— указалъ я на сундукъ,— стоялъ токарный станокъ, а здѣсь, на полкахъ, находились инструменты. Буда же все это исчезло? — обратился я съ послѣдними словами къ дѣдушкѣ.

— Эхъ, касатикъ, пересталъ заниматься, все прахомъ пошло. Сосѣди много растаскали: дай, да дай, дѣдушка, а назадъ не приносить; много поломано... ну, остатки вонъ тамъ, въ чуланѣ, валяются,— и дѣдушка показала рукой въ пространство. — Приучалъ это я внука къ мастерствамъ,— куда тебѣ! Не хочу и шабашъ,— такъ и не сталъ. А вотъ на гармоніи мастеръ играть, колѣно это, къ примѣру сказать, въ хороводѣ выкинуть — супротивъ его и не сыщешь.

— Буда тебѣ, дѣдушка. Не конфузъ Амеляна при гостяхъ,— замѣтила Марья, немного обидѣвшись за мужа.

— А ты, касатка, не сердись. Не всяко лыко въ строку. Я, вить, не съ серцовъ говорю, а такъ, къ слову молвилось. А што, къ примѣру сказать, правда, то правда.

Пригнали скотину, и Марья вышла подоить корову.

Я прошелся по избѣ. Въ углу, около печки, въ прежнее время была каморка бабушки Татьяны. Теперь ея мѣсто занималъ самъ дѣдушка. Дверь была полуотворена, и я заглянулъ въ каморку.

— Дѣдушка, ты здѣсь спишь? — крикнулъ я ему, указывая на комнатку.

— Тамъ, касатикъ. Со смерти своей старухи перебрался,— отвѣтилъ дѣдушка, отрываясь отъ какого-то разговора съ моимъ товарищемъ.

— Можно войти?

— Въстимо, войди.

Маленькая комнатка съ однимъ окномъ занимала нѣсколько квадратныхъ аршинъ. У стѣны стояла кровать, по всѣмъ соображеніямъ, сдѣланная самимъ дѣдушкой. Около кровати — столикъ, его же работы. Постель была накрыта стеганымъ одѣяломъ. Все было просто и скромно у дѣдушки; никакихъ вещей не замѣчалось, только на окнѣ виднѣлась кружка съ квасомъ.

Но, повернувшись обратно, я замѣтилъ висѣвшее около двери ружье. Оно было чрезвычайно старое и заржавленное. Я узналъ это ружье.

— Вотъ не ожидалъ, дѣдушка, встрѣтить у тебя этого инвалида, — проговорилъ я, рассматривая ружье. — Я думалъ, отъ твоей старушки-фузеи и слѣда не осталось.

— Это ты про ружье толкуешь? — отозвался дѣдушка. — Берегу его, касатиѣ, берегу. Аносля отца досталось; охотиться съ этимъ ружьемъ началъ. Лежишь ину пору на постелѣ, взглянешь на него, — ну, и припомнятся молодые годы. По-смерть буду беречь; умирать стану, внуку закажу, чтобы беречь, да вспоминалъ дѣдушку.

Я опять возвратился въ дѣдушкину комнату и вновь сталъ рассматривать ружье. Предо мной висѣлъ предметъ, интересный развѣ для археолога. Стрѣлять изъ этого инвалида было уже опасно. Слѣды многочисленныхъ изъязновъ и поправокъ видѣлись на ружьѣ.

Но оно, очевидно, было дорого старику. Съ нимъ соединялись у него лучшія и, можетъ быть, дорогія воспоминанія. Это былъ старый товарищъ дѣдушки, такой же старый, какъ и онъ самъ, и единственный. Больше у него, кажется, никого и ничего не осталось отъ прошлаго. Родные и друзья — ровесники дѣдушки — давно умерли; домашнихъ животныхъ, которыхъ любилъ дѣдушка, тоже давно не было въ живыхъ, изъ вещей у дѣдушки осталось немного, да и, повидимому, ни одинъ предметъ, употреблявшійся имъ въ мастерствѣ, не былъ для него особенно интересенъ. Другое дѣло — ружье. Оно видѣло и знало лучшіе годы дѣдушки, дѣлило съ нимъ радость и горе, труды и опасности охотничьей жизни.

Еслибъ оно могло говорить, много интереснаго рассказало бы о себѣ и о дѣдушкѣ. И немудрено: оно видѣло на своемъ вѣку куда больше самого хозяина... Оно рассказало бы, что сдѣлано не здѣсь, не въ этой странѣ лютыхъ морозовъ и удушливыхъ жаровъ, а далеко-далеко на Западѣ, гдѣ климатъ и мягче, и ровнѣе, гдѣ люди, нравы и языкъ совсѣмъ иные, чѣмъ здѣсь. Изъ мастерской оно вышло очень красивымъ и имѣло на дулѣ широкій и блестящій гтыѣкъ. Первый хозяинъ ружья былъ не дѣдушка Тимоеѣй, а бравый усачъ гренадеръ, ходившій въ громадной медвѣжьей шапкѣ. Какъ же онъ чистилъ и холилъ ружье! Ни одинъ винтикъ не остался забытымъ и невычищеннымъ. Для ружья это было время лавы и почестей.

Сколько странъ, городовъ, столицъ видѣло ружье съ своимъ хотиномъ. При звукахъ побѣднаго марша входилъ бравый гренадеръ,

какъ побѣдитель, въ тотъ или иной городъ. Торжественно онъ несъ свое ружье, не обращая вниманія на злобные взгляды безсильныхъ враговъ. Ружье видѣло знойные пески, царственные пирамиды, посылало мѣтвія пули въ смуглыхъ всадниковъ, носившихся въ бѣлыхъ тюрбанахъ на быстрыхъ, какъ вѣтеръ, коняхъ.

Далѣе, ружье увидало широкія, необозримыя степи. Вмѣстѣ съ хозяиномъ они стремились къ древнему, большому, потонувшему въ садахъ, бѣлокаменному городу, находившемуся среди этихъ степей. Да и какъ было не стремиться? Самъ императоръ сказалъ, что въ этомъ городѣ его войско ожидаетъ слава, завершеніе трудностей похода и награда побѣдителямъ.

Вотъ и давно желанный городъ. Съ высокаго холма, окруженный блестящею свитой, смотритъ императоръ на разстилающійся передъ нимъ городъ. Протекающая внизу рѣка лентой опоясываетъ его; масса зданій: дворцы, сады, причудливыя башни, бѣлокаменные дома, многочисленныя церкви съ золочеными главами и крестами, на которыхъ ярко отражаются лучи осенняго солнца. Чудная панорама!

Но императоръ недоволенъ; онъ хмурится; онъ ждетъ депутацію и ключей отъ побѣжденнаго города. Почему ихъ такъ долго не несутъ? Недоумѣніе отражается и на свитѣ императора, и на бравомъ гренадерѣ, стоящемъ въ конвоѣ.

Приходится, однако, обойтись безъ этой церемоніи: горожане оказываются невѣжливыми и не выходятъ на встрѣчу. Съ развернутыми знаменами, музыкой и пальбой вступаютъ войска въ городъ, но торжество носить въ себѣ мрачный отпечатокъ. Уныло смотреть опустѣлыя дома, не видно народа и не слышать привѣтственныхъ кликовъ побѣдителямъ. Лишь немногіе оставшіеся урядкой выглядываютъ кое-откуда.

Вступленіе въ городъ далеко не оправдало надеждъ браваго гренадера. Ружье замѣтило, что хозяинъ его сталъ болѣе и болѣе хмуриться и ворчать, жалуясь на недостатокъ продовольствія.

Приходилось отправляться на фуражировку. Окрестности города были опустошены и, чтобы достать съѣстныхъ припасовъ, нужно было далеко удаляться отъ лагеря.

Въ одну изъ такихъ фуражировокъ, — ахъ, какъ помнить ружье этотъ моментъ! — отрядъ, въ которомъ находился и бравый гренадеръ, возвращался обратно съ запасомъ хлѣба. Все шло благополучно.

Но, выйдя на небольшую равнину, отрядъ вдругъ замѣтилъ на опушкѣ лѣса значительное количество всадниковъ, вооруженныхъ

длинными пиками. Быстро построились послѣдніе къ атакаѣ и съ гикомъ понеслись на встрѣчу отряда, сперва медленно, на рысяхъ, а затѣмъ все шибче и шибче. «Стройся!» — раздалась команда въ отрядѣ. Всадники ближе и ближе. Можно уже замѣтить ихъ бараньи съ краснымъ верхомъ шапки, наклоненныя пики, злобныя и рѣшительныя лица. «Пли!» — раздалась вновь команда. Залпъ въ самую середину враговъ. Всадники заколебались; послышались стоны... минута замѣшательства... Но вотъ одинъ выскочилъ впередъ, за нимъ другой, третій, и опять вся масса, объѣзжая павшихъ товарищей, понеслась безумнымъ галопомъ; еще громче и пронзительнѣе раздалось гиканье, злобнѣе и рѣшительнѣе сжались въ рукахъ длинныя пики.

Заряжать ружья было уже некогда. «Стройся въ каррѣ!» — прозвучала команда въ послѣдній разъ. Моментъ — и вся масса кавалеріи съ страшнаго налета врѣзалась въ отрядъ. Послышались раздрающіе душу крики, безобразныя проклятія, лязгъ оружія, ржаніе лошадей.

Ловкимъ ударомъ штыка отбилъ бравый гренадеръ направленную въ него пикую и свалилъ самого всадника. Но, увы, почти въ тотъ же моментъ другой подскакавшій со всего размаху нанесъ шашкой страшный ударъ по головѣ, разможившій ему черепъ. Грохнулся ветеранъ на подмерзшую отъ осенняго морозца землю и судорожно зажалъ въ предсмертной агоніи своего товарища — ружье.

Въ нѣсколько минутъ отрядъ былъ почти весь перебитъ; немногіе уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ.

Вслѣдъ за всадниками появились новыя лица въ армякахъ и полушубкахъ, подпоясанныхъ кушаками, съ топорами и вилами. Во время стычки они находились въ лѣсу и оттуда наблюдали за происходившимъ. Теперь наравнѣ со всадниками они спѣшили воспользоваться доставшеюся добычей.

Одинъ изъ вновь прибывшихъ, высокій, съ рыжею бородой, челоуѣкъ съ топоромъ за поясомъ, подошелъ къ убитому гренадеру.

— Ишь, какой здоровенный ханцузъ-то, — проговорилъ онъ, рассматривая трупъ убитаго, — усищи какіе... А и ловко же, дуи горой, звизданули его... Ружье-то како важное, — надо взять; ты, не отдаешь, — знать, и мертвому жалко разстаться.

Говорившій вырвалъ ружье изъ окоченѣлыхъ рукъ трупа и инуль добычу на плечо. Это былъ новосельскій крестьянинъ, а Прохоръ, отецъ нашего знакома, дѣдушки Тимоея.

У новаго хозяина ружье было въ забросѣ. Онъ началъ съ того, отвинтилъ штыкъ, надѣлъ его на палку и получилось нѣчто

вродѣ пещи. Этимъ инструментомъ онъ скалывалъ съ крыльца ледъ и въ коровникѣ навозъ. Не вынесъ такого позора геройскій штыкъ и сломался.

Дядя Прохоръ былъ печникъ и къ охотѣ не чувствовалъ влеченія. Ружье висѣло у него на стѣнѣ и ржавѣло. Онъ не стрѣлялъ изъ него, развѣ только изрѣдка попугааетъ воронъ на огородѣ.

Дѣдушка Тимоеей еще мальчишкой засматривался на это ружье. Любилъ онъ слушать отъ отца рассказы про «хранцуза», о стычкѣ козаковъ съ французами, бывшей неподалу отъ села, и подробности о ружьѣ, какимъ образомъ досталось оно его отцу.

Подрось Тимоеей. Сначала украдкой бѣгалъ онъ съ ружьемъ въ лѣсъ, а потомъ съ согласія отца, который и отдалъ ему ружье въ полное распоряженіе.

Тимоеей вычистилъ ружье, смазалъ его и сталъ обращаться съ нимъ бережно и осторожно, какъ съ дорогимъ и любимымъ подаркомъ. Давно ружье не видало такой холи. Оно примирилось съ своею участію и, взаимнѣ бережнаго обращенія съ нимъ, стало служить вѣрой и правдой Тимоеею.

Много онъ билъ изъ него всевозможной дичи, начиная съ утокъ и кончая крупнымъ звѣремъ.

Состарился Тимоеей и началъ величаться дѣдушкой, но ружье, попрежнему, раскатисто громыхало на охотѣ, подобно пушечному выстрѣлу. Мальчишки, прислушиваясь, бывало, дѣлали замѣчаніе: слышь, дѣдушка Тимоеей въ пушку палить.

Правда, у дѣдушки впослѣдствіи появилось новое ружье, немного полегче перваго, но онъ не былъ такъ привязанъ къ нему и не дорожилъ имъ, какъ первымъ.

Его любимецъ отличался прочностью, тяжеловѣсностью и требовалъ для заряда добрую пригоршню пороха. Въ силу такихъ качествъ своего ружья, дѣдушка Тимоеей не стрѣлялъ въ лѣтѣ птицу, а билъ только по сидячей. Равнымъ образомъ, мелкихъ птицъ, вродѣ чирятъ, бекасовъ, дупелей и т. п., дѣдушка совсѣмъ не трогалъ, въ какомъ бы положеніи ни засталъ ихъ. Да и нельзя было поставить ему въ упрекъ это игнорированіе лучшей дичи. Что осталось бы отъ какого-нибудь несчастнаго бекаса, если бы дѣдушка пришла фантазія громыхнуть въ него изъ своего *француза*? Не за то по крупной дичи ружье было незамѣнимо: оно наповалъ клало и *согатаго*, и нашего сѣвернаго богатыря Михаила Потапыча.

Я засмотрѣлся на ружье. Дѣдушкины былые рассказы воскрес

ли въ памяти. Я увлекся воспоминаніями и не замѣтилъ, какъ дѣдушка, окончивъ разговоръ съ моимъ товарищемъ, подошелъ ко мнѣ. Положивъ на плечо руку, старикъ, улыбаясь, промолвилъ:

— Ты чаво это уставился на ружье?

— Такъ, дѣдушка, задумался.

— Ну, думай, не думай, а на дворѣ ночь: пора и на покой. Ты, Миша, прости меня—я лягу. Что-то приутомился.

— Ложись, дѣдушка, и мы сейчасъ пойдѣмъ.

Вошла Марья и предложила намъ парного молока. Выпивъ по стакану, мы отправились въ сарай. Въ сѣняхъ мы столкнулись съ высокимъ мужикомъ, который вѣшалъ на перекладину косу и брусочникъ. Мы догадались, что это дѣдушкинъ внукъ.

— Здорово, Емельянъ. А мы у тебя незваные гости.

— Милости просимъ,—проговорилъ онъ.—Жена сказывала. Дѣдушку пришли навѣстить—доброе дѣло.

Мы вышли на крыльцо.

Тихая, теплая ночь спустилась на землю. Въ воздухѣ пахло гречихой и медомъ. На небѣ кое-гдѣ мигали одинокія звѣзды. Повсюду была тишина, лишь изрѣдка доносились съ рѣки какіе-то неясные звуки.

По узенькой тропинкѣ добрались мы до сарая. Предупредительная молодуха постлала намъ простыню на сѣнѣ и положила подушки.

Несмотря на усталость, я долго не могъ заснуть. Воспоминанія цѣлою вереницей, противъ воли, толпились въ головѣ. Мысль усиленно работала. Разнообразныя картины прошлаго сами собой возникали въ головѣ и исчезали, уступая мѣсто другимъ. Долго не могли успокоиться возбужденные нервы. Наконецъ, мало-по-малу мысли стали окутываться какимъ-то фантастическимъ покровомъ и переходить въ область сновидѣній. Утомленіе брало свое, и я, наконецъ, заснулъ.

Утромъ, когда мы проснулись, солнце стояло уже довольно высоко. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ дѣдушка. Онъ стоялъ возлѣ насъ въ полушубкѣ и съ палкой въ рукахъ.

— Проснулись, касатики?—проговорилъ онъ, улыбаясь.— А давно стою здѣсь. Хотѣлъ будить васъ, да жалко стало: ужъ больно вы сладко спали. Ну, вставайте, да пойдѣмъ чай пить. Самоваръ давно кипитъ.

Вставать, дѣйствительно, было уже пора. Мы незамѣтно пропали на свѣжѣмъ сѣнѣ. Надо было поторапливаться, чтобы поспѣть на утренней охотѣ.

Отдохнувшіе псы, повидимому, давно уже бодрствовали. Забравшись къ намъ на сѣно, они шумнымъ лаемъ выражали свой восторгъ по поводу нашего пробужденія и изъясляли непреодолимое желаніе лизнуть въ лицо.

— Эхъ, десятокъ, другой годковъ сбросить бы съ плечъ,—говорилъ дѣдушка, разсматривая наше оружіе,—и я ушелъ бы охотиться съ вами. Вишь во какія нынѣ мудренныя ружья пошли; не то что прежде. А гляди, не больше убьешь ими; легковѣсны, кажись... Дичины-то маловато у васъ,—добавилъ дѣдушка, дѣлая обзоръ нашимъ ягдташамъ.

— Да, немного,—отвѣтилъ мой товарищъ.—Не прежнее время; теперь годъ отъ году становится меньше дичи.

— Оно, знамо, въ былые годы не въ примѣръ больше было. Тетеревей ѣтихъ, бывало, страсть: туча-тучей, особливо подъ осень,—говорилъ дѣдушка, направляясь съ нами въ избу.

— Ну, да и теперь можно найти. Вишь вонъ лѣсокъ-то, Миша,—обратился ко мнѣ дѣдушка, указывая палкой на синѣвшій вдаль лѣсъ.—Туда сходите. На опушкѣ безпремѣнно найдете выводки. Допрежъ много тамъ было этой самой тетери...

Дѣдушка съ трудомъ поднялся на крыльцо, не переставая, однако, рассказывать про свои охоты и совѣтуя, гдѣ лучше найти дичь.

Въ избѣ вся семья дѣдушки была въ сборѣ и сидѣла вокругъ самовара, дожидаясь нашего прибытія, чтобы приступить къ чаю.

Дѣдушка словоохотливо продолжалъ поучать насъ относительно предстоящей охоты. Несмотря на всеокрушающее время, охотничій огонекъ еще не угасъ въ немъ. Страстному когда-то охотнику пріятно было поговорить объ охотѣ. Онъ искренно желалъ отправиться съ нами. Но недуги и слабость крѣпко приковали его теперь къ одному мѣсту. Мало того, что не позволяли ему снять со стѣны свою старинную фузею и осуществить на дѣлѣ свое намѣреніе, но и неволью порождали въ душѣ каждаго смутныя опасенія за будущность охотника.

.....
Сердечно простились мы съ радушными хозяевами.

— Мотри, Миша, еще заходи,—говорилъ дѣдушка, провожая насъ до крыльца и опираясь на свою палку.

— Непремѣнно, дѣдушка. При первомъ же случаѣ заверну,—отвѣчалъ я, обнимая его въ послѣдній разъ на прощанье.

Дѣдушка снова, какъ и при встрѣчѣ, казался разстроганнымъ

— Не забывай старика, може... тово... вишь, слабъ сталъ...—

дѣдушка не договорилъ и махнулъ рукой. Сѣдая голова его тихо поникала.—Ну, прощай... А лѣсокъ-то, лѣсокъ-то не забудьте,— снова оживляясь, повторилъ онъ, когда мы спустились съ крыльца и вышли на улицу.—Безпремѣнно есть выводки!

Утро давно наступило, но въ селѣ было тихо и незамѣтно дневной суеты. Рабочая пора сказывалась въ полномъ почти отсутствіи сельскаго люда. Лишь неутомонные стрижи рѣяли вокругъ колокольни и своимъ чирканьемъ, похожимъ на свистъ, нарушали обычную въ это время тишину.

Близъ околицы мы оглянулись.

Дѣдушка еще стоялъ на крыльцѣ. Его сторбленная фигура, опиравшаяся на палку, удачно гармонировала со старушкой - избой и какъ будто представляла съ ней издали одно нераздѣльное цѣлое. Дѣдушка замѣтилъ наши фуражки, надѣтыя на ружья,— послѣдній нашъ привѣтъ старику, поднялъ палку и показалъ опять на синѣющій лѣсъ, который извиристою лентой тянулся на горизонтѣ. Затѣмъ онъ не спѣша опустилъ свой посохъ и, опираясь на него, тихо скрылся за дверь.

Солнце выше и выше поднималось по небосклону. День опять обѣщалъ быть жаркимъ, но легкій вѣтерокъ пока умѣрялъ начинавшійся зной. Мы вышли на проселочную дорогу и прибавили шагъ.

М. Холмогоровъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича.

Быль часъ пополуночи, когда Поланецкій приближался къ барскому дому въ Бшеменѣ. Во время своего дѣтства онъ былъ два раза въ этой деревнѣ, куда его мать, дальняя родственница первой жены теперешняго владѣльца Бшемена, возила его на вакацію. Поланецкій теперь усиливался припомнить эту мѣстность, что доставалось ему съ трудомъ. Ночью, при лунѣ, все окружающее принимало другія формы. Надъ зарослями, лугами и кочками низко лежалъ бѣлый туманъ, обрацавшій всю мѣстность въ безбрежное озеро, и этотъ обманъ увеличивался еще болѣе, благодаря хорамъ лягушекъ. Ночь была іюльская, погожая, освѣщенная полною луной. По временамъ, когда лягушки смолкали, слышенъ былъ крикъ дергачей, играющихъ на росистой травѣ, а иногда, издали, отъ болотистыхъ прудовъ, скрытыхъ за ольхами, доносился, точно изъ - подъ земли, голосъ выпи. Поланецкій не могъ противиться очарованію этой ночи. Отъ нея вѣяло чѣмъ-то роднымъ и эту родственность онъ ощущалъ тѣмъ живѣе, что только годъ назадъ возвратился изъ - за границы, гдѣ провелъ первые годы молодости, а потомъ занимался торговыми дѣлами. Теперь, когда онъ вѣзжалъ въ эту спящую деревушку, ему припомнилось его дѣтство, припомнилась мать, которая умерла пять лѣтъ тому назадъ, и всѣ непріятности и горести этого дѣтства показались совершенными пустяками въ сравненіи съ настоящими.

Бричка, наконецъ, вѣзжала въ деревню, которая начиналась крестомъ, стоящимъ на песчаномъ холму. Крестъ уже сильно наклонился и грозилъ паденіемъ. Поланецкій помнилъ этотъ крестъ потому, что когда-то въ этотъ песокъ закопали удавленника, котораго нашли на суку въ ближайшему лѣсу, а потомъ люди стали бояться проходить мимо этого мѣста.

За крестомъ начинались первыя хаты. Но люди уже спали. Ни

въ одномъ оконѣ не было видно свѣта. Покуда глазъ хватаетъ, на темномъ фонѣ неба свѣтятся облитыя луннымъ свѣтомъ крыши, которыя въ этомъ блескѣ кажутся серебристо-сѣрыми. Иныя хаты были обмазаны известью и казались свѣтло-зелеными, другія, укрывшіяся въ вишневыхъ садахъ, въ гущѣ подсолнечниковъ или фасоли, едва выдѣлялись изъ тѣни. На дворахъ тявкали собаки, но какъ бы сквозь сонъ, словно аккомпанируя кваканью лягушекъ, крику дергачей, выпей и всѣмъ тѣмъ голосамъ, которыми отзывается лѣтняя ночь и которые еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, производимое тишиною.

Бричка, медленно подвигающаяся по песчаной дорогѣ, въѣхала, наконецъ, въ темную аллею, испещренную и тамъ, и сямъ пятнами свѣта, проникающаго сквозь листву. На концѣ аллеи посвистывали ночные сторожа. Показался бѣлый домъ, въ которомъ нѣсколько оконъ было освѣщено. Когда бричка загремѣла колесами передъ крыльцомъ, изъ дома выбѣжалъ мальчикъ и началъ высаживать Поланецкаго. Потомъ появился ночной сторожъ и двѣ бѣлыхъ собаки, видимо, очень молодые и добродушныя, потому что, вмѣсто лая, онѣ ласкались къ гостю, прыгали ему на грудь и по поводу его прибытія выказывали такую радость, что сторожъ долженъ былъ умѣрять ихъ изліянія при помощи палки.

Мальчикъ взялъ изъ брички вещи Поланецкаго, а самъ онъ черезъ нѣсколько минутъ очутился въ столовой, гдѣ его ожидалъ чай. Здѣсь ничего не измѣнилось со временъ его дѣтства. У одной стѣны стоялъ орѣховый буфетъ, рядомъ съ нимъ часы съ большими гириями и кукушкой, на другой сторонѣ висѣли два плохихъ портрета дамъ въ платьяхъ восемнадцатаго столѣтія, посерединѣ стоялъ столъ, покрытый бѣлою скатертью и окруженный креслами съ высокими спинками. Эта комната, ярко освѣщенная, наполненная паромъ, выходящимъ изъ самовара, казалась уютной и веселой.

Поланецкій началъ прохаживаться вдоль стола, но скрипъ его сапогъ не гармонировалъ съ этою тишиною. Онъ подошелъ къ окну и началъ смотрѣть на освѣщенный луною дворъ, на которомъ двѣ собаки, встрѣтившія его такъ ласково, теперь гонялись другъ за другомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ двери сосѣдней комнаты отворились; шла молодая дѣвушка. Поланецкій догадался, что это дочь владѣца Кшемениа отъ второй жены. При ея появленіи онъ вышелъ углубленія окна, подошелъ въ своихъ скрипучихъ сапогахъ къ стулу и назвалъ свою фамилію.

Дѣвушка протянула ему руку и сказала:

— Мы изъ телеграммы знали о вашемъ прїѣздѣ. Папа немного нездоровъ и долженъ былъ лечь въ постель, но утромъ будетъ очень радъ видѣть васъ.

— Не моя вина, что я прїѣхалъ такъ поздно, — отвѣтилъ Поланецкій, — поѣздъ только въ одиннадцатъ часовъ приходитъ въ Чернёво.

— А отъ Чернёва еще двѣ мили до Ышеменя. Отецъ говорилъ мнѣ, что вы здѣсь не въ первый разъ.

— Я прїѣзжалъ сюда съ матерью, когда васъ еще не было на свѣтѣ.

— Знаю. Вы родственникъ отца.

— Я родственникъ первой жены пана Плавицкаго.

— Отецъ очень цѣнитъ всѣ родственныя связи, хотя бы и самыя дальнія, — отвѣтила дѣвушка.

Она начала разливать чай, отгоняя отъ времени до времени свободною рукой струю пара, которая вырывалась изъ самовара и устремлялась ей прямо въ глаза. Когда разговоръ прекратился, слышно было только тиканье часовъ. Поланецкій, котораго интересовали молодыя женщины, присматривался къ паннѣ Плавицкой. То была дѣвушка средняго роста, довольно стройная; волосы у нея были темные, лицо кроткое, но какъ будто чѣмъ-то затуманенное, щеки загорѣлыя отъ солнца, голубые глаза и прекрасно очерченный ротъ. Вообще то было лицо женщины спокойной и мягкой. Поланецкій, которому хозяйка показалась ни безобразной, ни красивой, подумалъ, что она, все-таки, довольно мила, добра, можетъ быть, и что подъ этою наружностью, не особенно блестящею, кроется множество особенностей, свойственныхъ деревенскимъ барышнямъ. Хотя онъ былъ молодъ, но жизнь научила его одному правилу, что женщины, при ближайшемъ знакомствѣ, вообще выигрываютъ, а мужчины вообще проигрываютъ. Онъ также слышалъ о паннѣ Плавицкой, что все хозяйство въ Ышеменѣ, почти разоренное, лежитъ на ней, и что это одно изъ самыхъ занятыхъ существъ на свѣтѣ. И вотъ, принимая въ соображеніе всѣ непрїятности, которыя тяготѣли на ней, Поланецкій нашелъ ее спокойной и ясной. Кромѣ того, онъ подумалъ, что, вѣроятно, ей хочется спать. Это было видно даже по ея глазамъ, невольно смыкавшимся отъ свѣта висячей лампы.

Экзаменъ вообще кончился бы въ ея пользу, еслибъ вести разговоръ съ нею не было такъ трудно, но это отчасти объяснялось тѣмъ, что они видѣлись въ первый разъ въ жизни. Кромѣ того, она принимала гостя одна, что молодой дѣвухнѣ могло казаться затрудни-

тельнымъ. Наконецъ, она знала, что Поланецкій пріѣхалъ не съ визитомъ, а за деньгами. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Его мать дала когда-то давно нѣсколько тысячъ рублей подъ закладную Ышеменя и теперь Поланецкій хотѣлъ получить ихъ обратно, вопервыхъ, потому, что проценты ему платили страшно неаккуратно, а, во-вторыхъ, въ качествѣ товарища одного торговаго дома въ Варшавѣ, онъ вступилъ въ разныя дѣла и нуждался въ капиталѣ. И онъ заранѣе обѣщалъ себѣ не дѣлать никакихъ уступокъ и получить то, что ему надлежало. Въ дѣлахъ подобнаго рода ему всегда хотѣлось проявить себя человѣкомъ непреклоннымъ. Можетъ быть, онъ не былъ такимъ по природѣ, но изъ непреклонности онъ создалъ себѣ правило и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилъ ее въ дѣло личнаго самолюбія. Вслѣдствіе этого, онъ часто пересаливалъ, какъ всегда дѣлаютъ люди, навязавшіе себѣ что-нибудь. И теперь, смотря на эту милую, хотя и полусонную дѣвушку, вопреки участію, которое начинало пробуждаться въ немъ, онъ повторялъ себѣ:

«Все это отлично, но вы должны будете расчитаться со мною».

И черезъ минуту онъ сказалъ:

— Я слышалъ, что вы здѣсь всѣмъ занимаетесь. Развѣ вы такъ любите хозяйство?

— Я очень люблю Ышемень, — отвѣтила она.

— И я любилъ Ышемень, когда былъ мальчикомъ. Но хозяйничать бы я въ немъ не сталъ... Такія тяжелыя условія...

— Тяжелыя, тяжелыя... А, все-таки, мы дѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ.

— То-есть *вы* дѣлаете то, что въ вашихъ силахъ?

— Я помогаю отцу, — онъ часто хвораетъ.

— Я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю, но изъ того, что вижу и слышу, заключаю, что большая часть землевладѣльцевъ не можетъ разчитывать на будущее.

— Мы разчитываемъ на Провидѣніе...

— Это позволительно, но кредиторовъ нельзя отсылать къ Нему.

Лицо панны Плавичкой покрылось румянцемъ. Настала минута овкаго молчанія.

А Поланецкій сказалъ самому себѣ:

— Коли началъ, то иди дальше.

И проговорилъ вслухъ:

— Вы позволите мнѣ объяснить вамъ цѣль моего пріѣзда?

Дѣвушка посмотрѣла на него взглядомъ, въ которомъ Поланецкій могъ прочесть: «Ты только что пріѣхалъ; время позднее, я

чуть жива отъ усталости,—неужели самая простая деликатность не удержитъ тебя отъ такого разговора?»

Но громко она отвѣтила:

— Я знаю, зачѣмъ вы пріѣхали, но, можетъ быть, будетъ лучше, если вы переговорите объ этомъ съ отцомъ.

— Хорошо; извините меня,—сказалъ Поланецкій.

— Это я прошу у васъ извиненія. Люди имѣютъ право требовать свое и я признаю это правильнымъ. Но сегодня суббота, а въ субботу столько хлопотъ. Наконецъ, въ дѣлахъ такого рода... вы понимаете сами... Когда пріѣзжаютъ жидаы, я улаживаю дѣло одна... Но въ этомъ случаѣ я хотѣла бы, чтобъ вы переговорили съ отцомъ. Вамъ обоимъ будетъ легче.

— Такъ до утра,—сказалъ Поланецкій, у котораго не хватило мужества сказать, что въ денежныхъ дѣлахъ и онъ хочетъ быть третированнымъ какъ жидъ.

— Можетъ быть, вы еще позволите налить вамъ чаю?

— Нѣтъ; благодарю. Покойной ночи.

Онъ всталъ и протянулъ руку; дѣвушка подала ему свою гораздо менѣ сердечно, чѣмъ въ первую минуту свиданія, такъ что Поланецкій едва коснулся конца ея пальцевъ. Уходя, она сказала:

— Слуга укажетъ вамъ комнату.

Поланецкій остался одинъ. Онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, былъ недоволенъ собою, хотя внутренно не хотѣлъ признаться въ этомъ. И онъ началъ внушать себѣ, что поступилъ хорошо, потому что пріѣхалъ сюда не для совершенія какого-нибудь акта вѣжливости, а за деньгами. Что ему панна Плавичкая? Ни тепло ему отъ нея, ни холодно. Будетъ она считать его человѣкомъ грубымъ, и прекрасно; всегда такъ бываетъ, что чѣмъ болѣе противенъ кредиторъ, тѣмъ скорѣе желаютъ отдѣлаться отъ него.

Но неловкость была сильнѣе этого разсужденія. Какой-то глосъ шепталъ Поланецкому, что тутъ дѣло шло не только о приличномъ воспитаніи, но и о каплѣ состраданія къ измученной женщинѣ. Онъ чувствовалъ, притомъ, что, поступая такъ прямолинейно, онъ удовлетворялъ только своей страсти позировать, а отнюдь не своему сердцу, не своимъ врожденнымъ инстинктамъ. Онъ былъ золъ также и на панну Плавичкую, тѣмъ болѣе, что она ему понравилась. Какъ въ этой уснувшей деревушкѣ, какъ въ этой лунной ночи, такъ и въ этой дѣвушкѣ онъ нашелъ что-то родное, чего напрасно искалъ въ заграничныхъ женщинахъ и что волновало его больше, чѣмъ онъ могъ ожидать. Но люди часто стыдятся своихъ добрыхъ чувствъ. Поланецкій, прежде всего, стыдился душев-

ныхъ волненій, и потому рѣшилъ быть неумолимымъ и завтра при-
ехать старика Плавицкаго, не обращая вниманія ни на что.

Мальчикъ проводилъ его въ спальню. Поланецкій сейчасъ же отпустилъ его и остался одинъ. Комната была та самая, которую ему отводили прежде, когда, при жизни первой жены пана Плавицкаго, онъ прїѣзжалъ сюда съ матерью. И воспоминанія снова нахлынули на него. Она выходила въ садъ, за садомъ искрился прудъ; въ водѣ отражалась луна, — и прудъ былъ теперь виднѣнъ лучше, чѣмъ прежде. Тогда его заслонялъ большой старый ясень; теперь, вѣроятно, его свалила буря, потому что на этомъ мѣстѣ торчалъ только пенъ съ свѣжимъ изломомъ наверху. Лунный свѣтъ, казалось, сосредоточивался на этомъ изломѣ. Вообще, все производило впечатлѣніе полного спокойствія. Поланецкій, который жилъ въ городѣ, среди торговыхъ занятій, въ постоянномъ напряженіи умственныхъ и физическихъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ постоянной тревогѣ, невольно чувствовалъ настроеніе окружающей его деревни, какъ испытываешь пріятное ощущеніе теплой ванны послѣ утомительной работы. Въ душу вступала какая-то отрада. Пробовалъ онъ думать о своихъ дѣлахъ, о томъ, какой оборотъ они примутъ, принесутъ ли ему убытокъ, или пользу, потомъ о своемъ товарищѣ, Бигелѣ, и о томъ, какъ онъ управится одинъ во время его отсутствія, — и не могъ. За то онъ сталъ думать о паннѣ Плавицкой. Положимъ, она произвела на него хорошее впечатлѣніе, но онъ былъ къ ней равнодушенъ, хотя бы потому, что едва познакомился съ нею. Она заинтересовала его, но какъ типъ. Поланецкому было лѣтъ тридцать слишкомъ, а это тотъ возрастъ, когда инстинктъ, съ силою почти неодолимой, влечетъ мужчину къ устройству домашняго очага, къ женѣ, къ собственной семьѣ. Величайшій пессимизмъ безсиленъ передъ этимъ инстинктомъ; отъ него не охраняютъ ни художественныя увлеченія, ни какія бы то ни было жизненныя задачи. Вслѣдствіе этого женятся мизантропы, несмотря на свою философію, художники, несмотря на искусство, точно также какъ и всѣ люди, утверждающіе, что они посвящаютъ своей цѣли не половину, а всю свою душу. Исключенія подтверждаютъ правило, что общество не можетъ жить условною ложью и плыть противъ теченія природы. По большей части не женятся только тѣ, у которыхъ на дорогѣ къ женитьбѣ стоитъ та же самая сила, какая связываетъ людей, то-есть обманутые любовью. У стараго холостяка если не всегда, то по большей части есть кабая-нибудь скрытая трагедія.

Поланецкій не былъ ни мизантропомъ, ни художникомъ, ни че-

ловѣкомъ, проповѣдующимъ теоріи, противныя браку. Напротивъ, онъ хотѣлъ жениться и былъ убѣжденъ, что обязанъ сдѣлать это. Онъ чувствовалъ, что время его подошло, и искалъ вокругъ себя женщины. Изъ этого вытекалъ тотъ огромный интересъ, какой въ немъ пробуждали женщины, а въ особенности дѣвушки. Хотя онъ провелъ нѣсколько лѣтъ во Франціи и въ Бельгіи, но никогда не искалъ любви замужнихъ женщинъ, развѣ только самыхъ доступныхъ. Это былъ человѣкъ живой и дѣятельный, который утверждалъ, что вести романы съ замужними женщинами могутъ только люди, не имѣющіе дѣла, что вообще осада чужихъ женъ возможна только тамъ, гдѣ у человѣка много денегъ, мало совѣсти и никакого занятія, то-есть въ обществѣ, гдѣ издавна существуетъ классъ богачей, погрязающихъ въ прихотливомъ бездѣйствіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокой безнравственности. Онъ самъ, дѣйствительно, былъ страшно занятъ, любить хотѣлъ лишь за тѣмъ, чтобы жениться, и поэтому только незамужнія женщины будили въ немъ какъ психическое, такъ и физическое любопытство. Когда онъ встрѣчалъ дѣвушку на своей дорогѣ, то, прежде всего и въ первую же минуту, задавалъ себѣ вопросъ: «не эта ли?»—или, по крайней мѣрѣ: «не такая ли?» Теперь его мысли такимъ же образомъ кружились около панны Плавицкой. Передъ этимъ еще онъ слышалъ о ней многое отъ одной родственницы, живущей въ Варшавѣ, и слышалъ нѣчто не только хорошее, но и трогательное. Ея тихое, кроткое лицо вырисовывалось передъ его глазами. Онъ припоминалъ ея руки, очень красивыя, съ длинными пальцами, хотя и нѣсколько загорѣлыя, ея темно-голубые глаза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и маленькое черное родимое пятнышко надъ губою. И голосъ ея понравился ему. Притомъ, хотя онъ и повторялъ обѣщанія, что не сдѣлаетъ ни малѣйшихъ уступокъ и возьметъ свое, онъ злился на судьбу, которая привела его въ Бшмень въ качествѣ кредитора. Говоря купеческимъ языкомъ, онъ повторялъ себѣ: сортъ хорошъ, но разсматривать его я не стану,—не за тѣмъ пріѣхалъ.

И, все-таки, онъ «разсматривалъ», да такъ, что, раздѣвшись и улегшись въ постель, долгое время не могъ заснуть. Пѣтухи начали пѣть, въ окна заглянулъ разсвѣтъ, а Поланецкій сѣвось закрытыя рѣсницы все еще видѣлъ гладкій лобъ панны Плавицкой, ея родинку надъ губою и руки, разливающія чай. Потомъ, когда сонъ уже началъ овладѣвать имъ, ему все казалось, что онъ держитъ эту руку въ своей и притягиваетъ къ себѣ, а панна Плавицкая пятится назадъ и повертываетъ голову въ бокъ, какъ будто хо-

четь избѣгнуть поцѣлуя. На другой день онъ проснулся поздно и, вспомнивъ панну Плавницкую, подумалъ: «Ага! такъ вотъ она какая!»

II.

Собственно говоря, Поланецкаго разбудилъ мальчикъ, который принесъ ему кофе и взялъ чистить платье. Когда онъ вернулся назадъ, Поланецкій спросилъ, существуетъ ли въ домѣ обычай сходиться въ столовой къ завтраку.

— Нѣтъ,— отвѣчалъ мальчикъ,— паненка встаетъ рано, а старый панъ спитъ долго.

— Паненка встала?

— Она въ костелѣ.

— А, правда,— сегодня воскресенье. А паненка не ѣздитъ въ костелъ съ старымъ паномъ?

— Нѣтъ, старый панъ ѣздитъ къ поздней обѣднѣ, а потомъ идетъ къ канонику, а паненка любитъ ѣздить къ ранней обѣднѣ.

— Что господа дѣлаютъ по воскресеньямъ?

— Сидятъ дома. Бъ обѣду пріѣзжаетъ панъ Гонтовскій.

Этого Гонтовскаго Поланецкій зналъ мальчикомъ. Въ то время его называли «медвѣженкомъ», потому что это былъ мальчикъ толстый, неуклюжій и ворчливый. Бозачокъ объявилъ, что отецъ пана Гонтовскаго умеръ пять лѣтъ назадъ и что молодой баринъ самъ хозяйничаетъ въ Ялбжиковѣ.

— И пріѣзжаетъ сюда каждое воскресенье?—спросилъ Поланецкій.

— Иногда и по буднямъ, вечеромъ.

«Женихъ!»—подумалъ Поланецкій и спросилъ черезъ минуту:

— Старый панъ всталъ?

— Звонилъ уже. Юзефъ пошелъ къ нему.

— Какой Юзефъ?

— Камердинеръ.

— А ты что такое?

— А я его помощникъ.

— Такъ ступай спроси, когда я могу видѣть пана.

Бозачокъ вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— Старый панъ приказалъ сказать, что какъ одѣнется, то просить васъ.

— Хорошо.

Бозачокъ вышелъ; Поланецкій остался одинъ и ждалъ или, вѣрнѣе сказать, скучалъ довольно долго. Терпѣнію его начиналъ

приходить конецъ, онъ хотѣлъ было уже пойти въ садъ, какъ появился Юзефъ, доложилъ, что старый панъ просить гостя къ себѣ, и черезъ сѣни провелъ его въ комнату, расположенную на другой сторонѣ дома.

Поланецкій вошелъ и въ первую минуту не узналъ пана Плавичкаго. Онъ помнилъ его мужчиной въ цвѣтъ лѣтъ и чрезвычайно красивымъ, а теперь передъ нимъ стоялъ старикъ, съ лицомъ сморщеннымъ, точно печеное яблоко, которому выкрашенные усики тщетно старались придать видъ молодавости. Какъ эти усы, такъ и волосы, черные, съ боковымъ проборомъ, доказывали еще неугасшія претензіи на что-то.

Панъ Плавичкій раскрылъ объятія:

— Стахъ! Какъ поживаешь, дорогой мальчикъ? Сюда!

И, указавъ на свою бѣлую рубашку, онъ обхватилъ голову Поланецкаго и прижалъ къ своей сильно волнующейся груди.

Объятіе продолжалось долго, для Поланецкаго даже очень долго. Наконецъ, панъ Плавичкій сказалъ:

— Позволь мнѣ посмотрѣть на тебя. Вылитая Анна! Вылитая Анна! Моя бѣдная, дорогая Анна!

И панъ Плавичкій всхлипнулъ, отеръ среднимъ пальцемъ рѣсницу, на которой, между прочимъ, не было слезы, и повторилъ:

— Вылитая Анна!... Твоя мать была для меня самою лучшею и самою преданною родственницей.

Поланецкій стоялъ передъ нимъ сконфуженный, ошеломленный и приѣмомъ, котораго не ожидалъ, и запахомъ фиксажура, пудры и разныхъ духовъ, которыми благоухали лицо, усы и рубашка пана Плавичкаго.

— Вы какъ поживаете, дядюшка?—спросилъ онъ, думая, что тотъ титулъ, какимъ онъ во время своего дѣтства величалъ пана Плавичкаго, какъ нельзя лучше придется къ торжественному тону приѣма.

— Какъ я поживаю? — повторилъ панъ Плавичкій, — немного осталось мнѣ жить, немного! Но поѣтому я тѣмъ сердечнѣе привѣтствую тебя въ своемъ домѣ... по-отцовски!... И если благословеніе человѣка, стоящаго одною ногой въ гробу, а вмѣстѣ и старшаго члена семьи, имѣетъ въ твоихъ глазахъ какую-нибудь цѣну, ты прими это благословеніе.

Онъ вторично схватилъ голову Поланецкаго, поцѣловалъ и перекрестилъ. На лицѣ молодого человѣка выразилось еще больше неудовольствія. Его мать была родственницей и подругой первой жены пана Плавичкаго. Съ нимъ самимъ, насколько Поланецкій

помнилъ, ее не связывали никакія сердечныя отношенія, и потому торжественность приѣма, къ которой онъ, однако, невольно долженъ былъ подлаживаться, была ему несказанно противна. Самъ Поланецкій не питалъ къ пану Плавицкому никакихъ родственныхъ чувствъ и поэтому думалъ про себя: «Эта обезьяна благословляетъ меня, вмѣсто того, чтобы говорить о деньгахъ». И его охватила злость, которая, впрочемъ, могла быть полезна для ясной постановки дѣла. Тѣмъ временемъ панъ Плавицкій сказалъ:

— Садись, дорогой мальчикъ, и будь какъ дома.

Поланецкій сѣлъ и заговорилъ:

— Милый дядюшка, мнѣ очень пріятно провѣдать васъ; конечно, я сдѣлалъ бы это и безъ всякаго практическаго соображенія, но вы знаете, что я пріѣхалъ также и по тому дѣлу, которое моя мать...

Тутъ панъ Плавицкій неожиданно положилъ ему руку на колѣно.

— А кофе ты пилъ?

— Пилъ, — отвѣтилъ сбитый съ толку Поланецкій.

— Мариня рано выѣзжаетъ въ церковь. Извини меня, что я не уступилъ тебѣ своей комнаты, но я старикъ... привыкъ спать здѣсь. Здѣсь мое гнѣздо...

И онъ плавнымъ движеніемъ руки указалъ на комнату. Поланецкій невольно провелъ глазами за этимъ жестомъ. Когда-то эта комната была для него вѣчнымъ искушеніемъ; потому что въ ней висѣло оружіе пана Плавицкаго. Съ тѣхъ временъ измѣнились только обои, которые были теперь розовые, представляющіе въ безконечномъ числѣ квадратовъ молодыхъ пастушекъ, въ костюмѣ Watteau, ловящихъ рыбу удочкой. Въ амбразурѣ окна стоялъ туалетъ, съ бѣлою покрывкой, съ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, весь заставленный множествомъ баночекъ, коробочекъ, флаконовъ, щетокъ, гребней, пилочъ для ногтей и т. д. Рядомъ, въ углу, подставка для трубокъ съ янтарными мундштуками; на стѣнѣ, надъ диваномъ, кабанья голова, подъ нею двѣ двустволки, сумки, охотничья труба и, вообще, охотничьи приборы; въ глубинѣ стоялъ съ бумагами, дубовыя полки съ книгами, повсюду множество вещей, болѣе или менѣе нужныхъ и красивыхъ, и доказывающихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что обитатель этой комнаты — ось, вокругъ которой обращается все въ домѣ, и что онъ самъ о себѣ очень заботится. Однимъ словомъ, это была комната стараго холостяка и эгоиста, полнаго еще не угасшихъ надеждъ и мелочной заботливости о своихъ удобствахъ. Поланецкому не много нужно было догадли-

вости, чтобы понять, что панъ Плавицкій ни за что и ни для кого не уступилъ бы своей комнаты.

Но гостепріимный хозяинъ спрашивалъ дальше:

— Удобно тебѣ было тамъ? Какъ провелъ ночь?

— Благодарю; отлично; всталъ поздно.

— Недѣлку какую-нибудь проживешь у меня?

Поланецкій, — онъ былъ очень нетерпѣливъ, — подскочилъ на стулъ.

— Развѣ вы не знаете, что у меня въ Варшавѣ есть дѣла и товарищъ, который теперь одинъ занимается всѣмъ? Я долженъ выѣхать отсюда какъ можно скорѣе и хотѣлъ бы еще сегодня окончить то дѣло, для котораго пріѣхалъ сюда.

На это панъ Плавицкій отвѣтилъ хотя сердечно, но важно:

— Нѣтъ, мой мальчикъ. Сегодня воскресенье, а кромѣ того родственнымъ чувствамъ должно отдавать предпочтеніе предъ дѣлами. Сегодня я привѣтствую и принимаю тебя какъ родственника, — завтра, если хочешь, ты можешь выступить какъ кредиторъ. Да. Сегодня пріѣхалъ ко мнѣ мой Стахъ, сынъ моей Анны! До завтра! Такъ должно быть, Стахъ! Тебѣ говоритъ старшій родственникъ, который любитъ тебя и для котораго ты долженъ сдѣлать это...

Поланецкій слегка поморщился, но немного погодя отвѣтилъ:

— Пусть будетъ завтра.

— Теперь твоими устами говоритъ Анна... Ты куришь трубку?

— Нѣтъ. Курю только папирсы.

— Вѣрь мнѣ, ты плохо дѣлаешь. Но для гостей у меня есть и папирсы.

Разговоръ былъ прерванъ стукомъ колесъ экипажа.

— Это Мариня пріѣхала отъ ранней обѣдни, — сказалъ панъ Плавицкій.

Поланецкій взглянулъ въ окно и увидѣлъ, какъ молодая дѣвушка въ соломенной шляпкѣ выходила изъ шарабана.

— Познакомился съ Мариной? — спросилъ панъ Плавицкій.

— Имѣлъ удовольствіе, — вчера.

— Дорогое дитя! Мнѣ не нужно говорить, что я живу только для нея одной.

Въ эту минуту дверь немного отворилась и молодой голосъ спросилъ:

— Можно?

— Можно, можно; здѣсь Стахъ! — отвѣтилъ панъ Плавицкій.

Мариня быстро вошла въ комнату, обняла отца и подала руку

Поланецкому. Въ розовомъ ситцевомъ платьѣ она казалась очень хорошенькой и стройной. Отъ нея вѣяло и праздничнымъ настроеніемъ, и свѣжестію утра, а утро было погожее и ясное. Волоса ея немного растрепались, щеки покрылись румянцемъ, — это было прямое олицетвореніе молодости. Поланецкому она показалась и болѣе веселою, и болѣе красивою, чѣмъ была вчера.

— Поздняя обѣдня сегодня будетъ позже, — сказала она отцу, — каноникъ послѣ ранней обѣдни поѣхалъ на мельницу исповѣдовать Сятковскую. Ей очень плохо. У васъ еще съ полчаса времени.

— Хорошо, — отвѣтилъ Плавицкій, — за это время вы ближе познакомитесь со Стахомъ Поланецкимъ. Говорю тебѣ, вылитая Анна! Впрочемъ, ты ее никогда не видала. Помни, Мариня, что завтра онъ, если захочетъ, будетъ нашимъ кредиторомъ, но сегодня — это только родственникъ и гость.

— Хорошо, — отвѣтила дѣвушка, — у насъ будетъ веселое воскресенье.

— Вы такъ поздно пошли вчера спать, — сказалъ Поланецкій, — а сегодня были у ранней обѣдни.

Мариня отвѣтила весело:

— У ранней обѣдни бываю я и поварь, чтобъ у насъ осталось время подумать объ обѣдѣ.

— Я забылъ вчера сказать, что привезъ вамъ поглонъ отъ пани Эмилиі Хвастовской.

— Я не видала Эмилиі полтора года, но переписываемся мы съ нею довольно часто. Она должна была выѣхать въ Рейхенгалль для своего ребенка.

— Когда я видѣлъ ее, она уже совсѣмъ собралась.

— А дѣвочка какъ?

— Для своихъ двѣнадцати лѣтъ выросла не въ мѣру и очень мажорковна. По виду, не очень здорова.

— Вы часто бываете у Эмилиі?

— Довольно часто. Это почти единственный мой знакомый помя въ Варшавѣ. И, притомъ, я очень люблю пани Эмилию.

— Скажи мнѣ, мой мальчикъ, — спросилъ панъ Плавицкій, адывая пару своихъ перчатокъ въ карманъ визитки, — чѣмъ ты твенно занимаешься въ Варшавѣ?

— Я то, что называютъ «аферистомъ». У меня комиссіонный домъ въ компаніи съ нѣкимъ Бигелемъ. Мы спекулируемъ оломъ, сахаромъ, иногда лѣсами, — чѣмъ придется.

— Но я слышалъ, что ты инженеръ.

— Я техникъ. Но, возвратившись сюда, я не могъ найти занятія ни при какой фабрикѣ и пустился въ торговлю, тѣмъ болѣе, что и о ней имѣлъ кое-какое понятіе. Но моя спеціальность, это — красильное дѣло.

— Какъ ты говоришь? — спросилъ панъ Плавицкій.

— Красильное дѣло.

— Теперь такія времена, что за все приходится браться, — съ достоинствомъ сказалъ панъ Плавицкій.

Поланецкій, въ которому съ появленіемъ молодой дѣвушки возвратилось хорошее расположеніе духа и котораго разсмѣшила «grapp-dezza» пана Плавицкаго, улыбнулся, показывая свои здоровые зубы, и отвѣтилъ:

— Это слава Богу.

Пани Мариня также улыбнулась и сказала:

— Эмилиа, — она очень васъ любитъ, — писала мнѣ, что вы очень хорошо ведете свои дѣла.

— Здѣсь только съ жидами трудно, а вообще конкуренція легка. Но и съ жидами, если только не издавать антисемитскихъ манифестовъ и спокойно дѣлать свое дѣло, тоже можно поладить. Но что касается пани Эмилиа, то она понимаетъ въ дѣлахъ столько же, сколько ея маленькая Литка.

— Да, она никогда не была практична. Если бы не братъ ея мужа, панъ Теофиль Хвостовскій, она бы потеряла все свое состояніе. Но панъ Теофиль очень любитъ Литку.

— Кто Литку не любитъ? Я первый очарованъ ею. Это такой милый ребенокъ. Я говорю вамъ, что питаю въ ней большую слабость.

Пани Мариня внимательно посмотрѣла на его искреннее, живое лицо и подумала:

— Можетъ быть, онъ и рѣзокъ немного, но сердце у него доброе.

Тѣмъ временемъ панъ Плавицкій замѣтилъ, что пора собираться къ обѣднѣ, и началъ прощаться съ панной Мариной такъ, какъ будто бы собирался выѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ, перекрестилъ ее и взялъ шляпу. Дѣвушка пожала руку Поланецкаго искреннѣе, чѣмъ при утреннемъ свиданіи, а онъ, садясь въ кабриолетъ, мысленно повторялъ:

— О, очень хороша, очень симпатична!...

Проѣхавъ аллею, которую Поланецкій видѣлъ еще вчера, экипажъ выѣхалъ на дорогу, только кое-гдѣ обсаженную старыми, дуплистыми березами, стоящими въ неравныхъ разстояніяхъ другъ

отъ друга. По одной сторонѣ тянулось поле, засаженное картофелемъ, по другой — огромное пространство ржи, съ отяжелѣвшими и поникшими колосьями, которые, казалось, спали подъ пригрѣвомъ солнца. Между деревьями перепархивали сороки. Вдали было видно, какъ по межамъ идутъ деревенскія дѣвки съ красными платками на головахъ, точно движущіеся цвѣты мака.

— Хорошая рожь, — сказалъ Поланецкій.

— Недурная. Дѣлаешь все, что въ твоихъ силахъ, а что Богъ дастъ, то и дастъ. Ты молодецъ, дорогой мой, и я тебѣ дамъ совѣтъ, который тебѣ не разъ пригодится въ будущемъ: сдѣлай все, что отъ тебя зависитъ, а въ остальномъ положиись на Господа Бога. Онъ лучше знаетъ, что намъ нужно. Урожай этого года будетъ хорошимъ, и я зналъ объ этомъ заранѣе, потому что если Богъ захочетъ меня наказать чѣмъ-нибудь, то посылаетъ мнѣ знаменіе.

— Что такое? — съ удивленіемъ спросилъ Поланецкій.

— За этажеркой съ трубками, — не знаю, замѣтилъ ли ты, гдѣ она стоитъ, — передъ тѣмъ, какъ со мной должно случиться что-нибудь дурное, появляется мышь, нѣсколько дней подрядъ.

— Должно быть, въ полу есть дыра?

— Дыры нѣтъ, — сказалъ панъ Плавницкій, закрывая глаза и таинственно покачивая головою.

— А если бы вы завели кошку?

— Не заведу, потому что если Богу угодно, чтобы эта мышь была для меня знаменіемъ и предостереженіемъ, то я не хочу идти противъ Его воли. Вотъ въ этомъ году ничего не появлялось. Я говорилъ это Марини... Можетъ быть, Богъ захочетъ показать какимъ-нибудь образомъ, что бдитъ надъ нашею семьей. Слушай, дорогой мой: я знаю, люди говорятъ, что мы разорены или, по крайней мѣрѣ, что дѣла наши очень плохи. А вотъ послушай меня: Бшемень, вмѣстѣ со Сбѣками, съ Магерувкой и Сухоциномъ, — около двухсотъ пятидесяти влукъ^{*)}). На всемъ этомъ долгу около тридцати тысячъ обществу земельного кредита, не больше, и около ста тысячъ по закладнымъ, считая и твою. Такимъ образомъ, сто тридцать тысячъ. Теперь считай только по три тысячи рублей за влукъ, — это составитъ семьсотъ пятьдесятъ тысячъ, а вмѣстѣ вѣсьсотъ восемьдесятъ тысячъ...

— Какъ? — съ изумленіемъ перебилъ Поланецкій, — вы и съ причисляете къ своему имуществу?

— Еслибъ имущество ничего не стоило, то подъ него никто бы

Влукъ — сколо 15 десят. *Прим. пер.*

и гроша не далъ, — значить, я долженъ причислять долгъ къ стоимости имѣнія...

Поланецкій подумалъ: «Сумасшедшій, съ которымъ нечего толковать».

А панъ Плавицкій продолжалъ:

— Магерувку я хочу продать. И мельницу продамъ, а въ Скожахъ и Сухоцинѣ у меня есть мергель, — и знаешь, на сколько я сосчиталъ его? На два милліона рублей.

— У васъ есть покупатель?

— Два года назадъ прїѣзжалъ сюда нѣкто Шаумъ и разсматривалъ поля. Правда, онъ уѣхалъ, не сказавъ ни слова о дѣлѣ, но я увѣренъ, что онъ возвратится. Иначе мышь опять показалась бы за этажеркой...

— Гм... быть можетъ, и возвратится.

— Знаешь, что мнѣ приходитъ въ голову? Боле скоро ты «аферистъ», то возмись за это дѣло. Найди только товарищей.

— Это дѣло черезъ-чуръ крупно для меня.

— Такъ найди мнѣ покупателя: я тебѣ дамъ десять процентовъ съ чистой пользы.

— Что панна Марія говоритъ объ этомъ мергелѣ?

— Мариня, какъ Мариня. Золотой ребенокъ, но ребенокъ. Но, однако, и она вѣритъ, что Провидѣніе бдитъ надъ нашею семьей.

— Я слышалъ это отъ нея вчера.

Экипажъ приближался уже къ Вонторамъ и расположенному посрединѣ липъ костелу. У подножія пригорка стояло нѣсколько рѣшетчатыхъ крестьянскихъ телѣгъ, помѣщичьихъ бричекъ и шарбановъ.

Панъ Плавицкій перекрестился.

— Это нашъ костель; ты долженъ его помнить. Всѣ Плавицкіе лежатъ здѣсь, и я скоро буду лежать. Нигдѣ такъ хорошо нельзя молиться, какъ здѣсь.

— Бадется, народу много будетъ, — сказалъ Поланецкій.

— Тутъ бричка Гонтовскаго, коляска Зазимскихъ, шарбанъ Ямишей и еще нѣсколько другихъ. Послѣ обѣдни я провожу тебя на могилу своей первой жены; помолись за нее, потому что это, все-таки, твоя тетка... Достойная была женщина, упокой ее Господь!

Тутъ панъ Плавицкій снова поднялъ палецъ, чтобы отереть правый глазъ, и Поланецкій спросилъ, чтобы переменить разговоръ:

— А пани Ямишь была когда-то очень хороша. Это та самая? Лицо пана Плавицкаго сразу прояснилось. На минуту онъ вы-

сунулъ кончикъ языка изъ-подъ крашенныхъ усиковъ, потомъ потрепалъ Поланецкаго по колѣну и сказалъ:

— Еще хоть кого въ грѣхъ введеть... да, введеть...

Они обошли костель и, не желая протискиваться черезъ толпу, прошли черезъ ризницу. Господа сидѣли на боковыхъ лавкахъ. Панъ Плавицкій занялъ переднюю лавку, на которой сидѣли только панъ и пани Ямишь: онъ, кажущійся совершеннымъ старикомъ, съ умнымъ, измученнымъ лицомъ; она—женщина подь шестьдесятъ лѣтъ, одѣтая почти такъ же, какъ панна Мариня,— въ ситцевомъ платьѣ и соломенной шляпѣ. По глубокому поклону, который отвѣсилъ ей панъ Плавицкій, и по любезной улыбкѣ, съ которой она кивнула ему головой, можно было заключить, что между ними существуютъ отношенія близкія, основанныя на взаимномъ обожаніи. Пани поднесла лорнетъ къ глазамъ и начала разглядывать Поланецкаго, видимо, не понимая, кто бы это могъ сопровождать пана Плавицкаго. На задней лавкѣ одинъ изъ сосѣдей, пользуясь тѣмъ, что обѣдня еще не начиналась, продолжалъ повѣствованіе о какой-то охотѣ, и нѣсколько разъ повторилъ другому сосѣду: «мои собаки хорошо гонять...» Затѣмъ оба заговорили о Плавицкомъ и пани Ямишь такъ громко, что каждое слово доходило до ушей Поланецкаго.

Вышелъ всендзъ и обѣдня началась. И этотъ костель, и эта обѣдня вновь направили память Поланецкаго къ дѣтскимъ годамъ, когда онъ бывалъ здѣсь съ матерью. Невольно зарождалось въ немъ удивленіе, какъ мало въ деревнѣ измѣняется все, кромѣ людей. Однихъ укладываютъ на Божьей нивѣ, другіе рождаются, но новая жизнь выливается въ старыя формы, и кто приѣзжаетъ сюда послѣ долгаго отсутствія, издалека, тому кажется, что то, что онъ видѣлъ, было вчера. Костель былъ тотъ же самый, и пространство за лавками такъ же наполнено людьми въ сѣрыхъ свиткахъ и разноцвѣтныхъ платкахъ; такъ же пахло ладономъ и свѣжимъ айромъ. За однимъ изъ оконъ росла та же самая береза; вѣтеръ шелестилъ ея листьями, нагибалъ ея вѣтки къ окну, и тогда костель наполнился зеленоватымъ свѣтомъ. Только люди были не тѣ же самыя: ни спокойно разсыпались въ прахъ, другіе въ видѣ травы поднялись надъ землею, а тѣ, которые остались, какъ-то сгорбились, сѣлались меньше, точно мало-по-малу вросли въ землю. Поланецкій гордился тѣмъ, что избѣгаетъ общихъ вопросовъ, а, въ сущности, по привычкѣ, свойственной всякому славянину, у котораго голова еще не достаточно освободилась отъ идеи о всесуществованіи, вѣчно занимался ими, теперъ думалъ о томъ, какая огром-

ная пропасть лежит между врожденною людямъ страстью къ жизни и неизбѣжною смертію. Онъ думалъ, что, можетъ быть, поэтому всѣ философскія системы проходятъ какъ тѣни, а обѣдня совершается попрежнему, что она одна обѣщаетъ остаться вѣчною.

Самъ онъ, воспитанный за границей, не очень вѣрилъ въ это, — по крайней мѣрѣ, не былъ увѣренъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ, какъ и всѣ теперешніе, новѣйшіе люди, непреодолимое отвращеніе къ матеріализму, но выхода еще не нашелъ и, даже болѣе того, ему казалось, что онъ и не ищетъ. Онъ былъ безсознательнымъ пессимистомъ, какъ тѣ, которые ищутъ чего-то, чего не могутъ найти. Онъ одурялъ себя занятіями, къ которымъ привыкъ, и только въ минуты большого прилива этого пессимизма спрашивалъ себя: «На что все это? На что нужно приобрѣтать состояніе, работать, жениться, плодить дѣтей, коль скоро все кончается могилою?» Но это было временно и не обращалось въ общее правило. Отъ этого его спасала молодость, — не первая, но еще и не угасающая, извѣстная упругость духовная и физическая, инстинктъ самосохраненія, привычка къ труду, живость характера и та элементарная сила, которая влечетъ мужчину въ объятія женщины. И теперь, отъ воспоминаній дѣтства, отъ мысли о смерти, отъ сомнѣній въ разумности брака онъ перешелъ къ тому, что если въ немъ, Поланецкомъ, и есть что-нибудь хорошее, то, все равно, этого некому отдать. Затѣмъ его мысль вернулась къ паннѣ Маринѣ, и ея розовое ситцевое платье, обтягивающее молодое, стройное тѣло, такъ и мелькало передъ его глазами. Вспомнилъ онъ, что когда ѣхалъ сюда, пани Эмилиа Хвостовская, большая пріятельница его и панны Марини, смѣясь, сказала ему: «Если вы будете въ Бшемени и не влюбитесь въ Мариню, то я запру передъ вами свою дверь». Онъ отвѣчалъ ей, также смѣясь, что ѣдетъ только выколотить деньги, а не влюбляться, но это была неправда. Если бы въ Бшемени не было панны Плавицкой, то онъ и дальше осаждалъ бы пана Плавицкаго письмами или обратился бы къ суду. Дордогой онъ думалъ о томъ, какова она на самомъ дѣлѣ, и злился на себя, что ѣдетъ только за деньгами. Онъ рѣшилъ быть твердымъ въ такихъ дѣлахъ, рѣшилъ, прежде всего, добиться принадлежащаго ему и скорѣе готовъ былъ пересолить въ эту сторону, чѣмъ сдѣлать какое-нибудь послабленіе. Онъ обѣщалъ себѣ это, въ особенности въ первый вечеръ, потому что Мариня хотя и понравилась ему, но не произвела на него такого большого впечатлѣнія, какого онъ ожидалъ или, вѣрнѣе сказать, впечатлѣніе-то произвела, но не такое. Но сегодня утромъ она очаровала его. «Прелестна, какъ

утро, — думалъ онъ, — и сама знаетъ, что прелестна! Женщины всегда знаютъ это!»

Это послѣднее открытіе привело его въ нетерпѣливое настроеніе, онъ жаждалъ какъ можно скорѣе возвратиться въ Кшемень, чтобъ и дальше изучать всѣхъ женщинъ вообще по тому образцу, который обиталъ въ Кшемень. Обѣдня скоро кончилась и панъ Плавицкій вышелъ тотчасъ же послѣ отпуста, потому что передъ нимъ лежали еще двѣ обязанности: первая — помолиться на могилѣ двухъ своихъ женъ, вторая — проводить пани Ямишъ къ экипажу. Такъ какъ онъ не хотѣлъ отказываться ни отъ того, ни отъ другого, то и долженъ былъ сообразоваться съ временемъ. Поланецкій вышелъ съ нимъ вмѣстѣ и вскорѣ очутился передъ двумя каменными плитами, вдѣланными, рядомъ другъ съ другомъ, въ стѣну костела. Панъ Плавицкій преклонилъ колѣна, помолился, потомъ всталъ, отеръ слезы, — на этотъ разъ онъ дѣйствительно показали на его рѣсницахъ, — и, наконецъ, взявъ Поланецкаго подъ руку, сказалъ:

— Да, я утратилъ обѣихъ... и долженъ жить.

Въ это время въ дверяхъ костела показалась пани Ямишъ въ сопровожденіи мужа, двухъ сосѣдей, которые разговаривали о ней во время обѣдни, и молодого пана Гонтовскаго. При видѣ дамы панъ Плавицкій наклонился къ уху Поланецкаго и сказалъ:

— Когда она будетъ садиться въ экипажъ, посмотри, какова еще у нея нога!

Черезъ минуту они оба присоединились къ остальному обществу; начались поклоны и привѣтствія. Панъ Плавицкій представилъ Поланецкаго, и потомъ, обращаясь къ пани Ямишъ, прибавилъ съ улыбкою человѣка, который говоритъ то, чего не каждому сказать удастся:

— Мой родственникъ, который пріѣхалъ прижать дядюшку къ своей груди и... прижать вообще.

— Мы разрѣшаемъ только первое, иначе придется имѣть дѣло съ нами, — отвѣтила дама.

— Но Кшемень*), вѣдь, твердъ, — продолжалъ Плавицкій, — племянникъ мой молодъ, но сломаетъ на немъ зубы.

Пани Ямишъ полузакрываетъ глаза.

— Эта легкость, съ какою вы сыплете исбрами... с'est inouï! какъ вы себя чувствуете сегодня?

— Въ эту минуту я чувствую себя молодымъ и здоровымъ.

— А Мариня?

*) Кшемень — по-русски кремень. *Прим. пер.*

— Она была у ранней обѣдни. Мы ѣдемъ васъ въ пять часовъ. Моя маленькая хозяйка ломаетъ голову надъ какою-то тамъ закуской. Чудесный день...

— Мы приѣдемъ, если моя невралгія позволить... и если мой мужъ позволить.

— Вы что скажете, сосѣдь?—спросилъ панъ Плавицкій.

— Конечно, съ удовольствіемъ, конечно!—отвѣтилъ подавленнымъ голосомъ сосѣдь.

— Значитъ, аи gevoig!

— Аи gevoig! — отвѣтила пани Ямишь, и, обратившись къ Поланецкому, протянула ему руку:—Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами.

Панъ Плавицкій предложилъ ей руку и довезъ до экипажа. Два сосѣда также уѣхали, а Поланецкій остался на нѣсколько минутъ съ паномъ Гонтовскимъ, который посматривалъ на него не особенно дружелюбно. Поланецкій помнилъ его неуклюжимъ мальчикомъ, а теперь «медвѣженокъ» преобразился въ дюжого мужчину, можетъ быть, и не съ особенно ловкими манерами, но очень приличнаго, съ красивыми русыми усами. Поланецкій не начиналъ бесѣды, ожидая, что заговоритъ Гонтовскій, а тотъ засунулъ руки въ карманы и упорно молчалъ.

«Однако, у него остались прежнія манеры»,—подумалъ Поланецкій и въ свою очередь почувствовалъ непріязненное чувство къ этому упряму.

Панъ Плавицкій, возвратившись отъ экипажа Ямишей, прежде всего, спросилъ у Поланецкаго: «Замѣтилъ?»—а потомъ сказалъ:

— Ну, Гонтось, ты поѣдешь въ своей бричкѣ; у насъ только два мѣста.

— Я поѣду въ бричкѣ, потому что везу собаку паниѣ Маріи,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, поклонился и ушелъ.

Черезъ минуту Плавицкій и Поланецкій катились по дорогѣ въ Ешмень.

— Этотъ Гонтовскій, вѣроятно, какой-нибудь родственникъ вашъ?—спросилъ Поланецкій.

— Десятая вода на киселѣ. Они обѣднѣли. У этого, Адольфа одинъ хуторокъ, а въ карманахъ вѣтеръ свищеть.

— Ну, а въ сердцѣ вѣрно вѣтеръ не свищеть.

Панъ Плавицкій поморщился.

— Тѣмъ хуже для него, если онъ мечтаетъ о чемъ-нибудь. Можетъ быть, онъ и добрый человѣкъ, но простякъ. Ни образованія ни воспитанія, ни состоянія. Мариня любитъ его, вѣрнѣе, сноситъ

— А! сносить?

— Видишь, дѣло стоитъ такъ: я жертвую собою ей и сижу въ деревнѣ; она жертвуетъ собою мнѣ и сидитъ въ деревнѣ. Здѣсь—пустыня; пани Ямишъ значительно старше Марини, молодежи вообще нѣтъ, жизнь скучная, но что же дѣлать? Помни, мой мальчикъ, что жизнь—это рядъ жертвъ. Нужно это правило носить и въ сердцѣ, и въ головѣ. Въ особенности тѣ, которые принадлежать къ почтеннымъ и болѣе виднымъ фамиліямъ, не должны забывать объ этомъ. Гонтовскій у насъ всегда обѣдаетъ по воскресеньямъ, а сегодня, какъ ты слышалъ, везетъ еще и собаку.

Они замолчали. Экипажъ медленнѣе катился по песку. За ними ѣхалъ въ своей бричкѣ Гонтовскій, который въ эту минуту думалъ о Поланецкомъ и думалъ такъ:

«Если онъ пріѣхалъ прижимать ихъ, какъ кредиторъ, я сверну ему шею; если пріѣхалъ какъ женихъ, тоже сверну».

Съ самаго дѣтства онъ питалъ къ Поланецкому непріязненные чувства. По временамъ они встрѣчались, и тогда Поланецкій смѣялся надъ нимъ, и даже поколачивалъ, такъ какъ былъ на два года старше.

Наконецъ, пріѣхали въ Бшмень и черезъ полчаса оказались всѣ, вмѣстѣ съ панной Мариней, въ столовой. Молодой щенокъ, привезенный Гонтовскимъ, пользуясь привилегіями гостя, вертѣлся подъ столомъ, а по временамъ прыгалъ на колѣни присутствующихъ съ величайшею довѣрчивостью и радостью, причемъ отчаянно вертѣлъ хвостомъ.

— Это гордонъ, сетерь, — говорилъ Гонтовскій, — онъ пока еще глупъ, но вообще это умная порода и необыкновенно привязчивая.

— Онъ очень красивъ и я вамъ чрезвычайно благодарна, — отвѣчала панна Плавицкая, глядя на лоснящуюся, черную шерсть и желтыя пятна подъ глазами собаки.

— Черезъ-чуръ ужъ онъ любезенъ, — добавилъ панъ Плавицкій, покрывая колѣни салфеткой.

— И на охотѣ онъ также лучше обыкновенныхъ сетеровъ.

— Вы охотитесь, панна Марія? — спросилъ Поланецкій.

— Нѣтъ, и не имѣю ни малѣйшаго желанія. А вы?

— Я охочусь иногда. Но, вѣдь, я живу въ городѣ.

— У многихъ бываешь? — спросилъ панъ Плавицкій.

— Почти нигдѣ. У пани Эмилии, у моего товарища, Бигеля, асковскаго, который когда-то былъ моимъ профессоромъ, а тебѣ обратился въ большого чудака, — вотъ и всѣ. Конечно, я да навѣщаю людей, если понадобится, по дѣлу.

— Это нехорошо, мой мальчикъ. Молодой человекъ обязанъ поддерживать хорошія отношенія съ обществомъ, когда онъ имѣетъ право на это. Кому-нибудь, можетъ быть, и приходится карабкаться вверху, но ты, какъ Поланецкій, можешь бывать всюду. Я вѣрно говорю тебѣ. Съ Мариной у меня вѣчно та же самая исторія. Два года назадъ, когда ей сравнялось восемнадцать лѣтъ, я повезъ ее на зиму въ Варшаву. Понимаешь, что даромъ это не дѣлается, что это потребовало нѣкоторыхъ пожертвованій съ моей стороны. И что же? Она по цѣлымъ днямъ сидѣла у пани Эмилии и читала книжки. Дикаркой она родилась у меня, дикаркой и останется, — можете подать другъ другу руки.

— Подадимъ другъ другу руки! — весело воскликнулъ Поланецкій.

А она, смѣясь, отвѣтила:

— По совѣсти говоря, я не могу, потому что это было не совсѣмъ такъ: правда, я читала книжки съ Эмилией, но мы съ папа выѣзжали много и я натанцовалась на всю жизнь.

— Не давайте зарока.

— Нѣтъ, я зарока не даю, я только не тоскую по танцамъ.

— Вѣроятно, вы не вывезли много воспоминаній.

— Конечно. Осталась память, но это дѣло совсѣмъ другое.

— Простите меня, — я этого не понимаю.

— Память, это — складъ, въ которомъ лежитъ прошедшее, а воспоминаніе является тогда, когда войдешь въ этотъ складъ, чтобы достать что-нибудь.

Тутъ панна Мариня испугалась смѣлости, съ которой пустилась въ философское опредѣленіе разницы между памятью и воспоминаніемъ, вслѣдствіе чего раскраснѣлась, а Поланецкій подумалъ: «И не глупа, и мила» — и сказалъ вслухъ:

— Мнѣ и въ голову не приходило... а какъ это вѣрно!

И онъ окинулъ ее глазами, полными симпатіи. Дѣйствительно, она была очень мила, улыбающаяся, нѣсколько сконфуженная похвалою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно обрадованная ею. Она покраснѣла еще болѣе, когда смѣлый молодой человекъ сказалъ:

— Завтра, передъ отъѣздомъ, я попрошу у васъ о мѣстѣ... хотя бы въ складѣ. Но онъ говорилъ это такъ весело, что на него невозможно было обижаться и панна Мариня отвѣтила ему не безъ оттѣнка кокетства:

— Хорошо; но и я въ свою очередь прошу о томъ же.

— Въ такомъ случаѣ, я ходилъ бы въ свой складъ такъ часто, что предпочитаю сразу поселиться тамъ навсегда.

Это паннѣ Плавицкой показалось нѣсколько смѣлымъ для такого недавняго знакомства, но панъ Плавицкій въ свою очередь отозвался:

— Ты мнѣ нравишься, мальчикъ. Я тебя предпочитаю Гонтосю, который сидитъ точно въ воду опущенный.

— Я умѣю говорить только о томъ, что могу взять въ руки, — съ отгвѣнкомъ грусти отвѣтилъ молодой человекъ.

— Тогда возьми вилку въ руки и ѣшь.

Поланецкій улыбнулся, панни Мариня не улыбнулась, потому что ей стало жаль Гонтовскаго, и она тотчасъ же свела разговоръ на тѣ вещи, которыя можно взять въ руки.

«Или кокетка, или у нея доброе сердце!» — промелькнуло въ головѣ Поланецкаго.

Но панъ Плавицкій, который, видимо, увлекся воспоминаніями о своей послѣдней поѣздкѣ въ Варшаву, спросилъ:

— Скажи мнѣ, Стахъ, ты знаешь Бугацкаго?

— Какъ не знать. Онъ мнѣ ближе сродни, чѣмъ вамъ.

— Мы со всѣмъ свѣтомъ въ родствѣ, буквально со всѣмъ свѣтомъ. Бугацкій былъ самымъ ревностнымъ кавалеромъ Марини. Они отплясывали на всѣхъ вечерахъ.

Поланецкій разсмѣялся.

— И въ награду за это онъ отправился въ складъ, въ пыль. Ну, этого-то, по крайней мѣрѣ, пылить нельзя, — онъ такъ собой занимается, какъ, напримѣръ, вы, дядюшка. Это первый щеголь въ Варшавѣ. Что онъ подѣлываетъ? Завѣдуетъ свѣжимъ воздухомъ, то-есть, когда хорошая погода, то выходитъ или выѣзжаетъ на прогулку. Притомъ, ужасный оригиналъ, у котораго въ головѣ все какія-то перегородки. Онъ подмѣчаетъ такія вещи, которыми никто другой не сталъ бы интересоваться. Когда, послѣ его поѣздки въ Венецію, я встрѣчаю его и спрашиваю, что онъ тамъ видѣлъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ: «видѣлъ на Riva degli Schiavoni, какъ однажды плавали половинка скорлупы отъ яйца и половина лимона; они встрѣчались, сталкивались другъ съ другомъ, расходились, сближались, наконецъ — пафъ! лимонъ попалъ скорлупу и они поплыли вмѣстѣ. Видишь, что такое значить монія!» Вотъ чѣмъ занимается Бугацкій, хотя онъ человекъ званый, въ искусствѣ большой знатокъ.

— Говорятъ, что у него большія способности.

— Можетъ быть, но онъ не умѣетъ ни къ чему примѣнить свои способности. Бѣтъ онъ свой хлѣбъ; — вотъ и все. Еслибъ онъ

хоть былъ веселымъ человѣкомъ, но, въ сущности, онъ меланхоликъ. Я забылъ сказать еще: и влюбленъ въ пани Эмилию.

— Эмилія много принимаетъ?—спросила панна Мариня.

— Нѣтъ. Бываю я, Васковскій, бываетъ Бувацкій... ну, и еще Машко, адвокатъ, тотъ, который покупаетъ и продаетъ земельные участки.

— Она не можетъ много принимать,—сколько времени она должна посвящать Литкѣ.

— Бѣдняжка! — сказалъ Поланецкій, — еслибъ Богъ далъ, чтобъ ей помогъ Рейхенгалль!

И веселое лицо его въ одну минуту побрылось неподдѣльною грустью. Теперь и панна Мариня взглянула на него глазами, полными симпатіи, и въ свою очередь подумала во второй разъ:

«А онъ, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ добрый».

Панъ Плавицкій заговорилъ какъ бы самъ съ собою:

— Машко, Машко... И этотъ тоже увивался около Марини. Но она его не любила. Что касается земли, то цѣны теперь такія, что упаси Богъ.

— А Машко говорить, что при этихъ условіяхъ ихъ хорошо покупать.

Обѣдъ кончился и всѣ перешли въ гостиную пить кофе. Въ это время панъ Плавицкій имѣлъ обыкновеніе подшучивать надъ Гонтовскимъ. Молодой человѣкъ сносилъ это довольно терпѣливо, благодаря своимъ отношеніямъ къ паннѣ Маринѣ, но съ миной, которая говорила ясно: «Эхъ, если бы это не твоя дочь, то я по-вытрясъ бы изъ тебя всѣ кости!» Послѣ кофе панна Мариня сѣла за фортепіано, а ея отецъ сталъ раскладывать пассьянсъ. Мариня играла не особенно хорошо, но ея ясная и спокойная головка такъ чудесно вырисовывалась изъ-за пюпитра инструмента. Время подходило къ пяти часамъ. Панъ Плавицкій посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Ямиши не пріѣдутъ.

— Пріѣдутъ еще,—отвѣтила Мариня.

Но онъ постоянно поглядывалъ на часы и объявлялъ, какъ величайшую новость, что Ямиши не пріѣдутъ. Наконецъ, около шести часовъ онъ сказалъ гробовымъ голосомъ:

— Должно быть, случилось какое-нибудь несчастье.

Поланецкій стоялъ въ это время около панны Марини и она тихо шепнула ему:

— Какъ это неприятно! Тамъ, вѣроятно, ничего не случилось, а папа до вечера будетъ въ дурномъ расположеніи духа.

Поланецкій хотѣлъ было отвѣтить, что папа, когда выспится, придетъ въ хорошее расположеніе духа, но увидалъ неподдѣльную заботу на лицѣ дѣвушки и сказалъ:

— Насколько я помню, до Ямишей педалеко. Пошлите кого-нибудь освѣдомиться, что тамъ такое.

— Послать кого-нибудь, папа?

Но панъ Плавицкій горько улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вы всѣ черезъ-чуръ любезны. Я поѣду самъ.

Онъ позвонилъ, приказалъ запрягать лошадей, потомъ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Елип, въ деревнѣ можетъ случиться, что кто-нибудь придетъ и застанетъ молодую дѣвушку одну въ домѣ. Вѣдь, это не городъ. Кромѣ того, ты родственникъ. Гонтовскій, ты можешь пригодиться мнѣ, поѣдемъ, пожалуйста, вмѣстѣ.

Пану Гонтовскому это было, видимо, крайне неприятно. Онъ провелъ рукой по головѣ и отвѣтилъ:

— Садовникъ никакъ не можетъ столкнуть въ воду лодку, что стоитъ на берегу пруда. Я обѣщалъ паннѣ Маріи, что спущу лодку, но въ послѣднее воскресенье дождь лилъ какъ изъ ведра.

— Такъ бѣги скорѣе и попробуй. До пруда тридцать шаговъ. Черезъ двѣ минуты ты возвратишься.

Гонтовскій, дѣлать нечего, пошелъ въ садъ, а панъ Плавицкій, не обращая вниманія на Поланецкаго и Мариню, повторялъ, расхаживая по комнатѣ:

— Невралгія въ головѣ, я готовъ держать пари, что невралгія въ головѣ; Гонтовскій, въ случаѣ надобности, можетъ сбѣгать за докторомъ. Этотъ растрепанъ, этотъ совѣтникъ безъ совѣта, конечно, не догадается послать.

И, видимо, желая сорвать на комъ-нибудь злость, онъ прибавилъ, обращаясь къ Поланецкому:

— Ты и повѣрить не можешь, что это за безструнная балалайка.

— Кто такой?

— Да Ямишъ.

— Папа...—начала было Мариня.

Но панъ Плавицкій не далъ ей докончить и продолжалъ съ зростающимъ гнѣвомъ:

— Знаю! Тебѣ не нравится, что она проявляетъ ко мнѣ негопріязни. Читай сколько угодно агрономическія статьи пана Иша, обоготворяй его, ставь ему монументы, но позволь мнѣ вѣстись при моихъ симпатіяхъ.

Тутъ Поланецкій могъ удостовѣриться, насколько простирается кротость панны Марини. Въмѣсто того, чтобъ обидѣться, она подбѣжала къ отцу и, подставляя свой лобъ къ его накрашеннымъ усикамъ, зачестила:

— Сейчасъ запрягутъ, сейчасъ, сейчасъ! Можетъ быть, нужно, чтобъ и я поѣхала? А пока извольте перестать сердиться, гадкій папа,—это вамъ вредно.

Панъ Плавицкій, который дѣйствительно былъ привязанъ къ дочери, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Я знаю, что у тебя доброе сердце... А что же это тамъ Гонтовскій дѣлаетъ?

Онъ подошелъ къ открытой двери, ведущей въ садъ, и началъ звать Гонтовскаго. Тотъ вернулся черезъ минуту и сказалъ:

— Въ лодкѣ набралось много воды; кромѣ того, она стоитъ далеко отъ берега. Я пытался спустить ее и не могъ.

— Бери шапку, ѣдемъ. Я слышу, что подають экипажъ.

Черезъ минуту Поланецкій и молодая хозяйка остались одни.

— Папа привыкъ къ болѣе изысканному обществу, чѣмъ можно найти въ деревнѣ,—сказала панна Мариня,— поэтому и любить пани Ямишъ, но и панъ Ямишъ очень хорошій и умный человекъ.

— Я видѣлъ его въ костелѣ. Онъ кажется какимъ-то пришибленнымъ.

— Да, онъ и въ самомъ дѣлѣ болѣнъ и, кромѣ того, утомленъ работой.

— Тагъ же, какъ и вы?

— Нѣтъ, панъ Ямишъ превосходно ведетъ хозяйство и, кромѣ того, много пишетъ объ агрономіи. Это — свѣточъ нашего околота. Она тоже хорошая женщина, только, по моему мнѣнію, немного жеманна.

— Ех-красавица!

— Да. И на это жеманство вліяетъ отчасти деревенская жизнь, отъ которой человекъ какъ-то покрывается ржавчиной. Я думаю, что въ городѣ всѣ человѣческія странности и смѣшныя особенности легче стираются; въ деревнѣ люди чаще обращаются въ оригиналовъ. Понемногу отвыкаешь отъ общества, пріобрѣтаешь странную манеру въ обращеніи съ людьми и приходишь до нежелательной крайности. Столичнымъ людямъ мы всѣ должны казаться заржавѣвшими и немного смѣшными.

— Не всѣ! Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ Поланецкій.—Вотъ вы, напрімѣръ, вовсе нѣтъ!

— И это придетъ со временемъ, — сказала Мариня и улыбнулась.

— Время тоже можетъ принести какую-нибудь переменъ.

— У насъ все такъ мало измѣняется, и по большей части къ худшему.

— Но въ жизни дѣвушекъ, вообще, переменъ очень возможны.

— Прежде всего, мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы съ папа какъ-нибудь уладились съ Кшеменемъ.

— Значить, папа и Кшемень — это двѣ главныя, единственныя цѣли въ вашей жизни?

— Да. Но я мало могу помочь въ чемъ-нибудь, потому что мало знаю.

— Папа, Кшемень... и больше ничего? — повторилъ Поланецкій.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Потомъ панна Мариня предложила Поланецкому пройтись въ садъ, и вскорѣ они очутились на берегу пруда. Поланецкій, привывшій за границей къ разному спорту, спустилъ на воду лодку, съ которой Гонтовскій не могъ справиться, но оказалось, что лодка была дырявая и кататься въ ней нельзя.

— Вотъ вамъ образецъ моего хозяйства! — разсмѣялась Мариня. — Вездѣ и повсюду протекаетъ вода. И я не нахожу даже возможности оправдываться, потому что садъ и прудъ состоятъ въ исключительномъ моемъ завѣдываніи. Но я, все-таки, прикажу починить лодку передъ тѣмъ, какъ станутъ спускать прудъ.

— Чуть ли эта лодка не та самая, къ которой мнѣ не дозволяли приближаться, когда я былъ ребенкомъ.

— Очень можетъ быть. Вы замѣтили, что вещи измѣняются гораздо меньше и существуютъ дольше, чѣмъ люди. Иногда грустно и подумать объ этомъ.

— Будемъ надѣяться, что мы просуществуемъ дольше этой полусгнившей лодки. Если это та же, что была здѣсь въ моемъ дѣтствѣ, то мнѣ положительно нѣтъ удачи съ нею. Прежде мнѣ позволяли кататься на ней, а теперь я поранилъ себѣ руку о какой-то старый гвоздь.

Онъ досталъ платокъ и началъ лѣвою рукой обвязывать палецъ правой. Но дѣлалъ онъ это такъ неловко, что панна Мариня сказала:

— Вы не умѣете, нужно вамъ помочь.

И она начала обвязывать его руку, а Поланецкій старался прод-

лить это, — ему было такъ приятно чувствовать прикосновеніе ея нѣжныхъ пальцевъ. Она замѣтила, что ей мѣшаютъ, посмотрѣла на него, но когда глаза ихъ встрѣтились, она поняла соображенія Поланецкаго, раскраснѣлась и опустила голову. Поланецкій почувствовалъ тепло, исходящее отъ нея, и его сердце забилося живѣе.

— У меня сохранились необыкновенно отрадные воспоминанія о вакаціяхъ, которыя я провелъ здѣсь, но теперь я увезу съ собой еще большее. Вы очень добры... вы цвѣтокъ въ этомъ Бшеменѣ. Честное слово, я не преувеличиваю.

Панна Мариня поняла, что молодой человѣкъ говоритъ это чистосердечно, — немного смѣло, можетъ быть, но скорѣе по своей природной живости, чѣмъ по другимъ соображеніямъ. Она не обидѣлась и только сказала своимъ милымъ, тихимъ голосомъ:

— Пожалуйста, не говорите мнѣ любезностей, потому что, во-первыхъ, я плохо обвяжу вашу руку, а, во-вторыхъ, убѣгу.

— Въ такомъ случаѣ, обвяжите мнѣ руку плохо, но останьтесь. Вечеръ такой чудесный.

Мариня кончила свое дѣло и они пошли дальше. Вечеръ, дѣйствительно, обѣщаль быть чудеснымъ. Солнце опускалось, прудъ, замершій, какъ зеркало, горѣлъ огнемъ и золотомъ. Вдали, за водой, видѣлись спокойныя ольхи, ближайшія деревья до мельчайшихъ подробностей вырисовывались на розовомъ фонѣ заката. На дворѣ, за домомъ, кричали аисты.

— Милый Бшемень, очень милый! — повторялъ Поланецкій.

— Очень, — отвѣтила Мариня.

— Теперь я понимаю вашу привязанность къ этому мѣсту. Притомъ, чѣмъ больше вкладываешь во что-нибудь своего труда, тѣмъ больше привязываешься къ этому. Я понимаю, что и въ деревнѣ бываютъ хорошія минуты. Вотъ, какъ эта, напримѣръ. Но и вообще тутъ хорошо. Въ городѣ охватываетъ изнеможеніе, въ особенности одинокихъ, тѣхъ, которые, какъ я, по уши погружены въ свои счета. У Бигеля, моего товарища, жена и дѣти, — это хорошо. А я что? Я не разъ говорилъ себѣ: работаешь ты, работаешь, а для чего? Допустимъ, у меня будутъ деньги, а дальше что? — ничего. Завтра то же самое, что и сегодня: работа и работа. Видите ли, если человѣкъ втянется во что-нибудь, какъ, напримѣръ, въ наживаніе денегъ, то ему и кажется, что это цѣль. Рѣшаются минуты, когда я думаю, что мой чудакъ Васковскъ правъ, и что никто съ фамиліей, оканчивающейся на *скій* или *вичъ* не можетъ вложить въ это всей своей души и ограничиться только исключительно этимъ. Онъ говоритъ, что въ насъ еще свѣжа па-

мать прежняго существованія и что вообще у славянъ иная миссія. Васковскій—большой чудакъ, и философъ, и мистикъ. Я съ нимъ грызусь, наживаю деньги, какъ умѣю, но теперь, когда я хожу съ вами по этому саду, мнѣ кажется, что онъ правъ.

Онъ замолчалъ. Закатъ становился еще болѣе румянымъ и заливалъ своимъ блескомъ лица Поланецкаго и панны Марини. Между ними начинало возникать что-то, зарождаться добрыя, пріязненныя чувства. Имъ было какъ-то хорошо другъ съ другомъ, спокойно.

Поланецкій, видимо, ясно сознавалъ это, потому что сказалъ черезъ нѣсколько минутъ:

— То, что говорила мнѣ пани Хвастовская, совершенная правда. А говорила она, что спустя часъ послѣ перваго знакомства всякій сближается съ вами и начинаетъ питать къ вамъ больше довѣрія, чѣмъ къ кому-нибудь другому черезъ мѣсяць. Теперь я удостовѣрился въ этомъ. Мнѣ кажется, что я знаю васъ давно-давно, и думаю, что только люди необычайно добрые могутъ производить такое впечатлѣніе.

Панна Мариня отвѣтила просто:

— Эмилія очень любитъ меня, поэтому и хвалить. Хотя бы то, что говоритъ она, и была правда, я не думаю, что съумѣла бы показаться такою всякому человѣку.

— Вчера, конечно, вы показались мнѣ не такою, но вы были утомлены и вамъ хотѣлось спать.

— Да, я утомилась немного.

— Отчего вы не пошли спать? Слуга съумѣлъ бы налить мнѣ чаю, да, наконецъ, дѣло обошлось бы и безъ этого.

— Нѣтъ, мы не настолько уже не понимаемъ, что такое гостепріимство. Папа говорилъ, что кто-нибудь изъ насъ обязанъ васъ встрѣтить. Я боялась, что онъ самъ будетъ ожидать васъ, а это ему вредно, и рѣшила замѣнить его.

Поланецкій подумалъ: «Въ этомъ отношеніи ты могла бы быть спокойна, но, все-таки, ты добрая, что охраняешь стараго эгоиста». И онъ сказалъ вслухъ:

— Я прошу у васъ прощенія и за то, что сейчасъ же заговорю о дѣлахъ. Это купеческая привычка. Но сейчасъ же я скажу самому себѣ: «ахъ, ты, такой-сякой!»... Мнѣ очень стыдно, прошу извиненія.

— Не за что, вашей вины никакой нѣтъ. Вамъ сказали, что ябдую всеми дѣлами, и вы обратились ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько времени они возвратились домой и сѣли на

балконѣ. Поланецкій принесъ изъ гостиной скамеечку и поставилъ ее подъ ноги пани Марини.

— Благодарю васъ, — сказала она, наклоняясь и оправляя платье, — какъ вы добры, благодарю васъ.

А онъ отвѣтилъ:

— Я по натурѣ человекъ, мало обращающій вниманіе на другихъ, и знаете, кто меня научилъ быть хоть немного внимательнымъ? Литка. Ее нужно оберегать ото всего и пани Хвастовская должна помнить объ этомъ.

— Она помнить, — проговорила пани Мариня, — и всѣ мы будемъ помогать ей въ этомъ. Еслибъ она не поѣхала въ Рейхенгалль, я пригласила бы ее къ намъ.

— А я пріѣхалъ бы вслѣдъ за Литкой безъ приглашенія.

— Отъ имени папа я приглашаю васъ разъ навсегда.

— Не говорите этого такъ необдуманно, потому что я могу злоупотреблять вашею любезностью. Мнѣ здѣсь очень хорошо, и если въ Варшавѣ когда-нибудь сдѣлается плохо, то я пріѣду сюда, подъ вашу защиту...

Теперь Поланецкій зналъ уже, что слова его сказаны съ умысломъ, чтобы сблизить ихъ, водворить между ними симпатію. Онъ говорилъ это и съ полнымъ разумѣніемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно, и, говоря, смотрѣлъ на это молодое, кроткое лицо, которое, при лучахъ заходящаго солнца, казалось еще болѣе спокойнымъ, чѣмъ прежде. Пани Мариня подняла на него свои голубые глаза, въ которыхъ какъ будто промелькнулъ вопросъ: «случайно ты говоришь это, или обдуманно?» — и отвѣтила, понизивъ голосъ:

— Хорошо.

И они оба смолкли, чувствуя, что, дѣйствительно, что-то завязывается между ними.

— Меня удивляетъ, — наконецъ, сказала пани Мариня, — что папа такъ долго не возвращается.

Солнце зашло; въ пруду заквагали лягушки; въ потемнѣвшемъ воздухѣ безшумно кружилась большая сова.

Поланецкій ничего не отвѣтилъ на замѣчаніе дѣвушки, но, точно погруженный въ свои мысли, заговорилъ:

— Я не анализирую жизни, потому что у меня нѣтъ времени для этого. Когда мнѣ хорошо, — какъ, напримѣръ, въ настоящую минуту, — я чувствую, что мнѣ хорошо, а когда плохо, я чувствую что плохо, — вотъ и все. Но пять или шесть лѣтъ назадъ бы не такъ. Насъ была кучка людей, которые сходились толковать о значеніи жизни. Было нѣсколько ученыхъ и одинъ литераторъ

теперь довольно извѣстный въ Берлинѣ. Мы задавали себѣ вопросы: куда мы идемъ, какой смыслъ имѣютъ всѣ явленія, какую цѣну и какой конецъ? Мы читали философовъ пессимистическаго направления и терялись въ разныхъ вопросахъ, — бездонныхъ вопросахъ, какъ говорилъ одинъ мой знакомый, ассистентъ при кафедрѣ астрономіи. Онъ потомъ такъ затерялся въ междупланетныхъ пространствахъ, что совсѣмъ обезумѣлъ. Ему все казалось, что его голова движется по параболѣ въ безконечности. Послѣ онъ выздоровѣлъ и сдѣлался патеромъ. Мы также ни до чего не могли дойти, ни на чемъ остановиться... Совсѣмъ какъ тѣ птицы, которыя летятъ черезъ море и не могутъ ни на чемъ усѣсться. Но, наконецъ, я замѣтилъ двѣ вещи: прежде всего, что мои бельгійцы принимаютъ все это къ сердцу не такъ, какъ я, — мы болѣе наивны... Во-вторыхъ, что у меня пропадаетъ охота къ работѣ и я становлюсь немощнымъ, безсильнымъ. Тогда я взялъ себя въ руки и принялся отчаянно раскрашивать ситцы. Потомъ я сказалъ себѣ такъ: жизнь — это право природы, — жизнь умныхъ или глупыхъ, все равно, но это такъ. Жить нужно, значить, отъ жизни нужно взять все, что она даетъ. И я хочу взять кое-что. Правда, Васковскій говоритъ, что мы, славяне, не можемъ ограничиться этимъ, но, вѣдь, это одна болтовня. Что однѣми деньгами мы ограничиться не можемъ, съ этимъ приходится мириться съ грѣхомъ пополамъ. Но я сказалъ себѣ, что, кромѣ денегъ, есть еще двѣ вещи: спокойствіе и, — знаете еще что? — женщина. Нужно, чтобы человѣку было съ кѣмъ подѣлиться всѣмъ этимъ. Потомъ придетъ смерть, — хорошо! Но гдѣ начинается смерть, тамъ кончается человѣческое разумѣніе. «That's not my business!»*), какъ говорятъ англичане. А, вѣдь, отдать-то кому-нибудь нужно то, что у человѣка есть и что онъ добываетъ, — деньги ли, почести ли, славу... Если на лунѣ есть брилліанты, то все равно, еслибъ ихъ и не было, потому что нѣтъ никого, кто бы оцѣнилъ, сколько они стоятъ. Такъ и человѣкъ долженъ имѣть кого-нибудь, кто бы его цѣнилъ. Я и думаю: кто меня оцѣнитъ, если не женщина? Только чтобы она была безконечно добра, безконечно вѣрна мнѣ, совсѣмъ моя, и совсѣмъ бы любила меня. Э все, чего можно хотѣть, изъ этого вытекаетъ спокойствіе, а спокойствіе — единственная вещь, которая имѣетъ смыслъ. Я это говорю не какъ поэтъ, а какъ человѣкъ положительный и купецъ. Имѣть около себя дорогое существо — вотъ цѣль. А потомъ будь, что будетъ, — вотъ моя философія.

---

*) Это не мое дѣло.

Поланецкій утверждалъ, что говорить, какъ купецъ, но говорилъ, какъ мечтатель,—такъ вліяли на него и лѣтній вечеръ, и присутствіе молодой дѣвушки, которая такъ близко подходила къ взглядамъ, только что высказаннымъ имъ. Вѣроятно, онъ и самъ понималъ это, потому что обратился къ ней прямо и сказалъ:

— Я думаю такъ, но обыкновенно не высказываю такъ передъ людьми. Сегодня меня что-то наталкиваетъ на это и, повторяю, пани Эмилія была права: съ вами въ одинъ день больше сблизись, чѣмъ съ другими въ цѣлый годъ. Должно быть, вы баснословно добры. Какую я глупость сдѣлалъ бы, если бы не пріѣхалъ въ Кшемень! И я буду пріѣзжать часто, если вы позволите.

— Пожалуйста... пріѣзжайте.

— Благодарю.

Онъ протянулъ руку и панна Мариня подала ему свою, какъ будто въ знакъ примиренія.

О, и онъ ей такъ понравился, со своимъ искреннимъ лицомъ, темными волосами, живыми глазами и бодрымъ мужествомъ! Кроме того, онъ привезъ съ собою то, чего не было въ Кшемень: какіе-то новые горизонты, забѣгающіе далеко за прудъ и ольхи, которыя замыкали кшеменьскій горизонтъ. И онъ сдѣлался въ теченіе дня такимъ дорогимъ ей, какимъ только возможно сдѣлаться.

За ольхами показался какой-то свѣтъ. Мариня протянула руку и сказала:

— Луна.

— А, луна! — повторилъ Поланецкій.

Луна медленно выплывала изъ-за ольхъ, красная, круглая, словно большое колесо. Но вотъ залаяли собаки, на дворѣ послышался стукъ колесъ экипажа и въ гостиной,—туда уже принесли лампы,—появился панъ Плавицкій. Мариня пошла въ гостиную Поланецкій за нею.

— Ничего не случилось, — сказалъ панъ Плавицкій. — Пріѣхала къ нимъ Хромецкая; они думали, что она скоро уѣдетъ, поэтому и не извѣстили насъ. Ямишъ немного расхворался, но завтра собирается въ Варшаву. Она обѣщала пріѣхать послѣ-завтра.

— Значить, все благополучно? — спросила Мариня.

— Все благополучно. А вы что подѣлывали?

— Слушали лягушекъ, — отвѣтилъ Поланецкій. — Намъ было очень хорошо.

— Господь Богъ зналъ, для чего и лягушекъ сотворить, и хотя онъ не даютъ мнѣ спать ночью, но я не ропщу. Мариня, прикажи подавать чай.

Чай былъ готовъ въ слѣдующей комнатѣ. Панъ Плавичкій усѣлся за столъ и сталъ рассказывать подробности о визитѣ къ Янишамъ. Молодые люди молчали и молча простились.

Панна Мариня чувствовала себя утомленной, какъ будто этотъ день измучилъ ее, но какое это пріятное и отрадное утомленіе! Потомъ, когда ее голова уже опустилась на подушку, она не думала о томъ, что завтра понедѣльникъ, что начинается новая недѣля мелкихъ заботъ, — она думала о Поланецкомъ, и въ ушахъ ее звучали его слова:

«Кто меня оцѣнить, если не женщина? Только чтобы она была безконечно добра, безконечно вѣрна мнѣ, совсѣмъ мою и совсѣмъ любила бы меня».

А Поланецкій говорилъ себѣ, лежа въ постели и закуривая папиросу:

— Хороша она, прелестна, мила, — гдѣ найдешь такую другую?

III.

Въ понедѣльникъ утро было сѣрое, и панна Плавичкая проснулась съ угрызеніями совѣсти. Ей казалось, что вчера она подчинилась какому-то теченію, дозволила ему унести себя далѣе, чѣмъ слѣдовало, и вообще вела себя съ Поланецкимъ какъ кокетка. Это ощущеніе было тѣмъ болѣе непріятно, что Поланецкій пріѣхалъ сюда какъ кредиторъ. Вчера она забыла объ этомъ, а сегодня говорила себѣ: «Конечно, ему придетъ въ голову, что я хотѣла завлечь его или смягчить», — и при одной этой мысли кровь прилиwała къ ее щекамъ. Натура у нея была прямая, было и самолюбіе, и вотъ оно-то возмущалось при одной мысли, что кто-нибудь можетъ заподозрить ее въ неблаговидномъ расчетѣ. Теперь, повѣривъ въ возможность такого предположенія, она сразу почувствовала, что какъ будто обижается на Поланецкаго. Была и еще одна вещь невыразимо непріятнаго свойства: она знала, что въ кшеменецкой каскѣ вообще копѣйка за копѣйкой гоняется, что денегъ нѣтъ, и даже если имъ удастся Магерувку разбить на участки и продать, то отецъ ее будетъ и дальше отлынивать, потому что другія свои обязательства считаетъ болѣе важными, чѣмъ долгъ Поланецкому. Правда, она общалась себѣ, что сдѣлаетъ все, зависящее отъ нее, чтобы Поланецкаго удовлетворили раньше всѣхъ, но знала, что ее усилія едва ли къ чему приведутъ. Отецъ охотно предоставлялъ ей веденіе хозяйства, но денежными дѣлами завѣдывалъ самъ и рѣдко слушался ее

совѣта. Его роль состояла въ томъ, что онъ вывертывался всѣми средствами отъ всѣхъ кредиторовъ, обѣщаній не исполнялъ никогда и только рисовалъ передъ ними пышныя картины своего будущаго. Тагъ какъ взысканіе по закладнымъ вообще вещь трудная и медленная, а защита легка, то панъ Плавницкій и держался въ Бшменѣ благодаря своей системѣ. Въ концѣ-концовъ, все это грозило неизбѣжнымъ и полнѣйшимъ крушеніемъ, но пока старикъ считалъ себя «дѣльною головой» и съ большимъ неудовольствіемъ выслушивалъ совѣты и замѣчанія дочери, подозрѣвая, что она питаетъ какія-то сомнѣнія относительно его «головы». Это въ высшей степени уязвляло его самолюбіе.

Панна Мариня, по милости этой «головы» и ея пріемовъ, уже испытала не мало униженій. Ея жизнь только на видъ казалась идилліей труда и хозяйственныхъ занятій. Здѣсь не было недостатка ни въ горести, ни въ непріятностяхъ, и ея спокойное лицо могло выражать не только кротость характера, но и его силу и, кромѣ того, огромную духовную выдержку. Но униженіе, которое грозило ей сейчасъ, было гораздо болѣе невыносимымъ, чѣмъ предшествующія.

«Пускай хоть онъ-то меня ни въ чемъ не заподозритъ!» — говорила она себѣ. Но что могла она сдѣлать? Первою ея мыслью было вызвать Поланецкаго на объясненіе, прежде чѣмъ онъ увидится съ ея отцомъ, объяснить ему все положеніе вещей, какъ объясняютъ человѣку, къ которому питаютъ довѣріе. Потомъ въ голову ей пришло, что такой разговоръ былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ просьбой о снисхожденіи, — значить, тоже униженіемъ. Панна Мариня, какъ женщина, понимающая всѣ движенія своего сердца, чувствовала на половину сознательно, на половину инстинктивно, что между нею и этимъ молодымъ человѣкомъ что-то начинается, что-то завязывается, а въ особенности, что это въ будущемъ могло и должно быть неизбѣжнымъ. Еслибъ положеніе вещей было не таково, то она осуществила бы свою мысль, но теперь она чувствовала себя не въ состояніи сдѣлать это. Ей оставалось только одно: увидаться съ Поланецкимъ, сегодняшнею тактикой стереть всѣ впечатлѣнія вчерашняго дня, порвать всѣ нити нарождающейся между ними симпатіи и предоставить ему полную свободу дѣйствій. Такой способъ казался ей наилучшимъ, и, узнавъ отъ горничной что Поланецкій всталъ, напился чаю и вышелъ гулять, она рѣшилась отыскать его.

Это было не трудно, потому что онъ уже возвратился съ утренней прогулки и, стоя у крыльца, поросшаго дикимъ виноградомъ

разговаривалъ съ собаками, которыя такъ ласкались къ нему въ день его прїѣзда. Мариню замѣтилъ онъ не сразу, и она, стоя на ступеняхъ, слышала его слова:

— Такъ вы получаете жалованье за охраненіе дома, а? На всемъ готовомъ? А на чужихъ не лааете, только ласкаетесь къ нимъ? Ахъ вы, глупые псы, ахъ вы, дармоѣды!

И онъ слегка трепалъ собакъ по бѣлымъ головамъ, но вдругъ увидалъ Мариню, подпрыгнувъ, какъ камень, выброшенный изъ пращи, и сталъ передъ нею веселый и сіяющій.

— Добрый день. А я тутъ съ собаками разговариваю. Какъ вы провели ночь?

— Благодарю васъ.

Она холодно протянула ему руку, а онъ смотрѣлъ на нее глазами, въ которыхъ ясно выражалось, какое великое и глубокое наслажденіе испытываетъ онъ при видѣ ея.

И онъ не менѣе понравился бѣдной паннѣ Маринѣ. Сердце ея сжалось отъ огорченія, что на его сердечное привѣтствіе ей необходимо отвѣчать такъ церемонно и холодно.

— Можеть быть, вы идете по хозяйству? Въ такомъ случаѣ, если позволите, пойдемъ вмѣстѣ. Сегодня я долженъ возвратиться въ городъ, поэтому мнѣ дорога каждая минута, какую я проведу въ вашемъ обществѣ. Но теперь я уже знаю дорогу въ Кшемень.

— Мы будемъ очень рады, когда время позволитъ вамъ навѣстить насъ.

Поланецкій только теперь замѣтилъ, что отъ ея словъ и отъ ея лица вѣетъ холодомъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но если панна Мариня рассчитывала, что онъ поступитъ такъ, какъ поступаютъ всѣ люди, и тотчасъ же настроится на ея тонъ, то ошиблась. У Поланецкаго было достаточно живости и смѣлости, чтобы подвергнуть ее допросу. Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза:

— Что съ вами?

Мариня смѣшалась.

— Ничего особеннаго, вы ошибаетесь.

— Нѣтъ. Я хорошо вижу и вы хорошо знаете, что я не ошибаюсь. Вы относитесь ко мнѣ такъ же, какъ въ первый вечеръ, когда я прїѣхалъ. Но тогда я былъ виноватъ, потому что не во-время началъ разговоръ о деньгахъ. Вчера я просилъ у васъ извиненія за это, и мнѣ было хорошо,—о, какъ хорошо! А сегодня пошло на старое... Почему это, скажите мнѣ?

Никакая, самая искусная дипломатія не могла бы такъ сбить съ толку панну Мариню. Ей казалось, что своею тактикой она

может охладить его, отдалить отъ себя, а онъ, предлагая ей въ упоръ такіе вопросы, приближался къ ней еще больше. Поланецкій продолжалъ тономъ челоуѣка, которому оказываютъ несправедливость:

— Скажите мнѣ прямо, что это значить? Скажите прямо! Вашъ отецъ говорилъ, что вчера я долженъ былъ быть гостемъ, а сегодня кредиторомъ. Но, вѣдь, это глупо... это ничего не значить, хотѣлъ я сказать. Я ничего не понимаю въ такихъ тонкостяхъ, кредиторомъ вашимъ, панна Марія, никогда не буду... Развѣ должникомъ, потому что уже долженъ вамъ и признателенъ за вашу вчерашнюю доброту, и видитъ Богъ, какъ мнѣ важно всегда считать себя вашимъ должникомъ.

И снова онъ внимательно смотрѣлъ ей прямо въ глаза, не появится ли въ нихъ вчерашняя улыбка, но Мариня, у которой сердце сжималось все болѣе и болѣе, шла дальше по избранному ею пути, во-первыхъ, потому, что она уже избрала его, а, во-вторыхъ, изъ опасенія, что, согласившись съ Поланецкимъ, она принуждена будетъ вступить съ нимъ въ объясненія.

— Увѣрю васъ,—нагонецъ, проговорила она съ нѣкоторымъ усиленіемъ,—что вы или вчера ошибались, или ошибаетесь сегодня. Я всегда одинакова, и мнѣ всегда будетъ пріятно, если вы увезете отсюда добрыя воспоминанія.

Слова были ласковы, но говорила эта дѣвушка такъ не похожая на вчерашнюю, что на лицѣ Поланецкаго начинали выступать нетерпѣніе и гнѣвъ.

— Если вамъ угодно,—сказалъ онъ,—чтобъ я притворился, будто вѣрю вамъ, то пусть будетъ по-вашему. Но, все-таки, я уѣду съ убѣжденіемъ, что понедѣльникъ совсѣмъ не похожъ на воскресенье.

Мариню кольнули эти слова. Похоже было на то, что Поланецкій позволялъ себѣ мечтать о какихъ-то правахъ по поводу ея вчерашняго обращенія съ нимъ. Она отвѣтила скорѣе съ печалью, чѣмъ съ гнѣвомъ:

«Что же я могу сдѣлать?»

И она ушла, подъ предлогомъ, что должна повидаться съ с.цомъ. Поланецкій остался одинъ, оттолкнулъ собаку, которая снова попыталась ласкаться къ нему, и разозлился окончательно.

«Что это такое? — мысленно спрашивалъ онъ самого себя.— Вчера хорошо, сегодня скверно! Совсѣмъ другая женщина. И какъ все это глупо, какъ пошло! Вчера—родственникъ, сегодня—кредиторъ! Что ей за дѣло до этого? Зачѣмъ она третируетъ меня, какъ

собаку? Ограбилъ я кого-нибудь, что ли? Она и вчера знала, зачѣмъ я прїѣхалъ. Хорошо же! Вы хотите видѣть во мнѣ кредитора, а не Поланецкаго? Отлично! Чтобъ чортъ побралъ все это дѣло!»

Мариня прибѣжала въ комнату отца. Панъ Плавицкій уже всталъ и сидѣлъ въ халатѣ у стола, заваленнаго бумагами. На минуту онъ оторвался, чтобъ отвѣтить на привѣтствіе дочери, но потомъ тотчасъ же углубился въ свое занятіе.

— Папа, — сказала Мариня, — я пришла поговорить о панѣ Поланецкомъ... вы какъ?...

Но онъ перебилъ ее, не сводя глазъ съ бумаги:

— Я твоего Поланецкаго сожму въ рукѣ, какъ воскъ.

— Я сомнѣваюсь, что это такъ легко. Наконецъ, я хотѣла бы, чтобъ вы ему заплатили раньше всѣхъ, хотя бы съ величайшими пожертвованіями.

Панъ Плавицкій повернулся, посмотрѣлъ на Мариню и холодно спросилъ:

— Извини. Это опека надъ нимъ или надо мною?

— Это вопросъ нашей чести.

— Въ чемъ, какъ ты думаешь, я нуждаюсь въ твоёмъ совѣтѣ?

— Нѣтъ, папа, но...

— Что за патетичный день! Что съ тобою?

— Я только умоляю васъ всѣмъ на свѣтѣ.

— И я также умоляю тебя, чтобъ ты оставила меня. Ты отстранила меня отъ хозяйства, и я уступилъ, потому что тѣ два года, которые остается мнѣ жить, я не хочу спорить съ родною дочерью. Но оставь мнѣ хоть этотъ уголъ въ домѣ, хоть эту единственную комнату и позволь устраивать тѣ дѣла, которыя устраиваются здѣсь.

— Папа, дорогой, вѣдь, я прошу только...

— Чтобъ я перешелъ на хуторъ? Въ какой избѣ прикажешь мнѣ жить?

Панъ Плавицкій, говоря о «патетическомъ» днѣ, очевидно, не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь дѣлилъ съ нимъ монополію, привсталъ къ своему персидскому халатѣ, словно король Лиръ, и схватился за ручки кресла, давая знать непочтительной дочери, что безъ этой горы онъ, пораженный ея непочтительностью, повергся бы на млю. Слезы набѣгали на глаза Марини, а горькое сознаніе собственнаго безсилія охватывало ея сердце. Съ минуту простояла она, врясь съ горемъ и едва удерживая рыданія, потомъ тихо сказала:

— Простите меня, папа, — и вышла изъ комнаты.

Черезъ четверть часа въ ту же дверь, по приглашенію хозяина,

вошелъ Поланецкій, злой, раздраженный, но усиливающійся сдерживать себя.

Панъ Плавицкій поздоровался съ нимъ, усадилъ его на заранѣе приготовленный стулъ и спросилъ:

— Стахъ, во всякомъ случаѣ, ты не сожжешь этотъ домъ? Меня, который раскрылъ тебѣ объятія какъ родственникъ, не зарѣжешь? Дитя мое не сдѣлаешь сиротою?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Поланецкій, — домъ я не сожгу, васъ не зарѣжу и никакое дитя сиротою не сдѣлано. Я даже прошу васъ, чтобы вы не говорили со мной такимъ образомъ, потому что мнѣ это противно, а вамъ пользы никакой не принесетъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ панъ Плавицкій, нѣсколько оскорбленный тѣмъ, что его тонъ и способъ выраженія не находятъ надмежающей оцѣнки, — помни только, что ко мнѣ и въ этотъ домъ ты пріѣзжалъ еще ребенкомъ.

— Я пріѣзжалъ потому, что меня привозила мать, а она пріѣзжала послѣ смерти тети Елены потому, что вы не платили процентовъ. Но все это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Завладная существуетъ уже двадцать одинъ годъ. Съ недоплаченными процентами это составляетъ около двадцати четырехъ тысячъ рублей. Для круглаго счета скажемъ двадцать тысячъ ровно, эти двадцать тысячъ мнѣ необходимы; я за ними пріѣхалъ.

Панъ Плавицкій съ покорностью наклонилъ голову.

— За этимъ пріѣхалъ?... Да... Но почему же вчера ты былъ совсѣмъ другимъ, Стахъ?

Поланецкій, который полчаса назадъ задалъ такой же вопросъ паннѣ Маринѣ, даже подскочилъ на стулъ, но сдержался еще разъ и сказалъ:

— Прошу васъ, перейдемъ къ дѣлу.

— Я не отступаю отъ него, только позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ и не перебивай меня. Ты говоришь, я не платилъ процентовъ. Правда. Но знаешь ли ты, почему? Твоя мать отдала мнѣ не все свое состояніе, да и не могла сдѣлать этого безъ разрѣшенія семейнаго совѣта. Можетъ быть, тѣмъ хуже для васъ... ну, да дѣло не въ томъ. И такъ, взявъ эти деньги, я сказалъ себѣ женщина осталась одна на бѣломъ свѣтѣ, съ единственнымъ ребенкомъ, — неизвѣстно, какъ она устроится, неизвѣстно, что выпадетъ на ея долю, — пускай эти деньги останутся ея запаснымъ фондомъ, пусть онѣ растутъ... пригодятся ей современемъ. И съ той поры я сталъ какъ бы вашею сберегательною кассой. Твоя мать дала мнѣ двѣнадцать тысячъ, теперь ты имѣешь за мной почт

двадцать четыре. Вотъ результаты. А теперь: неужели ты заплатишь мнѣ неблагодарностью?

На это Поланецкій отвѣтилъ:

— Дорогой дядюшка, пожалуйста, не считайте меня ни за дурака, ни за сумасшедшаго. Я вамъ скажу прямо: не понимаете вы меня на эту мякину. Вы говорите, что у меня двадцать четыре тысячи, гдѣ же онѣ? Я требую ихъ... и, пожалуйста, безъ болтовни, да еще такого сорта!

— А я требую отъ тебя терпѣнія и умѣренности, — съ достоинствомъ и видомъ оскорбленной гордости сказалъ панъ Плавицкій.

— Мой товарищъ черезъ мѣсяцъ вноситъ двадцать тысячъ на извѣстное дѣло, и я долженъ внести столько же. Я говорю это ясно и заявляю, что послѣ двухлѣтней бессмысленной переписки я не могу и не буду ждать больше.

Панъ Плавицкій положилъ локти на столъ, закрылъ лицо руками и молчалъ. Поланецкій смотрѣлъ на него, ждалъ отвѣта, — смотрѣлъ съ негодованіемъ все болѣе и болѣе возрастающимъ и думалъ про себя: что, онъ дуракъ или пройдоха? эгоистъ, такъ влюбленный въ себя, что и добро, и зло мѣряетъ только мѣркою своей выгоды, или все это вмѣстѣ?

А панъ Плавицкій все держалъ лицо закрытымъ и молчалъ.

— Наконецъ, я хотѣлъ бы знать что-нибудь, — началъ Поланецкій.

Но панъ Плавицкій только махнулъ рукой, давая знать, что хочеть еще остаться съ своими мыслями.

Вдругъ онъ поднялъ свой сіяющій ликъ.

— Стахъ, зачѣмъ мы съ тобой ссоримся, когда намъ представляется такой простой выходъ?

— Какой?

— Бери мергель.

— Что?

— Привези сюда своего компаньона, привези какого-нибудь специалиста, мы опѣнимъ мой мергель и составимъ компанію втроемъ. Твой... какъ онъ тамъ называется? Бигель, что ли?... заплати мнѣ столько, сколько придется на его долю, ты или что-нибудь доплатишь, или нѣтъ, а польза можетъ быть огромная.

Поланецкій всталъ.

— Извините меня, — сказалъ онъ, — къ одной вещи я не прилежъ, это именно, чтобы кто-нибудь насмѣхался надо мною. Я не очу вашего мергеля, я требую только свои деньги, а то, что вы мнѣ орите, я считаю просто за недостойныя или безумныя увертки.

Наступилъ моментъ тяжелаго молчанія. Юпитеровскій гнѣвъ началъ омрачать чело и брови пана Плавицкаго. Съ минутою онъ бомбардировалъ дерзкаго своими очами, потомъ подбѣжалъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, схватилъ охотничій ножъ и, подавая его Поланецкому, изрекъ:

— Есть и другой способъ: рази!

Онъ широко размахнулъ халатъ, но Поланецкій, уже не владѣющій собой, оттолкнулъ руку вмѣстѣ съ ножомъ и заговорилъ громкимъ голосомъ:

— Это просто пошлая комедія, ничего больше! Съ вами жалко тратить и слова, и время. Я уѣзжаю, довольно съ меня и васъ, и вашего Кшеменя, но я довожу до вашего свѣдѣнія, что свою претензію продамъ хотя бы за полцѣны первому попавшемуся жида, который съумѣетъ поладить съ вами.

Правая рука пана Плавицкаго воздвиглась торжественнымъ жестомъ:

— Иди! — сказалъ онъ, — продавай! Впусти жида въ родное гнѣздо, но поматуй, что проклятія мое и тѣхъ, которые жили здѣсь, найдутъ тебя повсюду!

Поланецкій выбѣжалъ изъ комнаты блѣдный отъ злости и бранился, на чемъ свѣтъ стоитъ, отыскивая шляпу. Шляпа нашлась, и онъ хотѣлъ выйти посмотрѣть, не пріѣхала ли бричка, какъ дверь гостиною отворилась и вошла Мариня. При видѣ ея Поланецкій немножко укротился, но, вспомнивъ, что она ведетъ въ Кшеменѣ всѣ дѣла, сказалъ:

— Прощайте. Дѣло съ вашимъ батюшкой я окончилъ. Я пріѣхалъ сюда за своею собственностью, а онъ сначала угостилъ меня благословеніемъ, потомъ мергелемъ, а потомъ проклятіемъ. Хорошій способъ платить долги!...

Была минута, когда Мариня хотѣла протянуть ему руку и сказать: «Я понимаю вашъ гнѣвъ; за минутою я также была у отца и умоляла его заплатить вамъ раньше всѣхъ. Поступайте съ нами и съ Кшеменемъ какъ вамъ будетъ угодно, но не обвиняйте меня, не думайте, что я принадлежу къ заговору противъ васъ, имѣйте ко мнѣ хоть каплю уваженія». И ея рука уже готова была протянуться впередъ, слова готовы были слетѣть съ губъ, когда Поланецкій, кипящаясь все болѣе и снова теряя спокойствіе духа, добавилъ:

— Я сообщилъ вамъ это потому, что когда въ первый разъ хотѣлъ поговорить съ вами, вы оскорбились и отослали меня къ своему отцу. Я очень благодаренъ за этотъ совѣтъ, но такъ какъ

онъ принесъ вамъ пользы больше, чѣмъ мнѣ, то я о будущемъ подумаю самъ.

Губы Марини поблѣднѣли, въ глазахъ показались слезы негодованія и сознанія глубокой обиды. Она подняла голову и сказала:

— Вы можете оскорблять меня сколько угодно, — за меня никто не вступится...

Она повернулась къ дверямъ, съ душою, полною униженія и почти отчаянія. Вотъ каковы плоды ея труда, въ который она вкладываетъ всѣ свои силы, весь энтузіазмъ своей молодой, безхитростной души. Поланецкій замѣтилъ, что онъ перешелъ всѣ границы. Онъ былъ очень отходчивъ, поѣтому въ одну минуту отъ гнѣва перешелъ къ сожалѣнію и хотѣлъ было бѣжать за нею, просить прощенія, но было поздно. Мариня уже вышла изъ комнаты.

Это повергло его въ новый припадокъ злости. Но на этотъ разъ онъ злился и на самого себя. Не простившись ни съ кѣмъ, онъ сѣлъ въ бричку и выѣхалъ изъ Бшменя. Въ душѣ его влокоталъ такой гнѣвъ, что одно время онъ не могъ думать ни о чемъ, какъ только о мести. «Продамъ свою закладную, хотя бы за треть цѣны, — повторять онъ себѣ, — пусть васъ растащутъ по кускамъ! И даже если не нужно будетъ, все-таки, продамъ, на зло вамъ!»

Поланецкій не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые не сдерживаютъ обѣщаній, данныхъ кому бы то ни было, самому себѣ или другому человѣку. Теперь его интересовало только одно, найдется ли охотникъ приобрести его претензію. Это было не легко: для того, чтобы получить деньги по закладной, нужно было, въ букввальномъ смыслѣ, разгрызть Бшмень.

Бричка выѣхала уже изъ аллеи на открытое пространство. Поланецкій, нѣсколько успокоившійся, началъ вновь думать о Маринѣ, но думы его складывались въ какую-то странную мозаику. Тутъ смѣшивалось и впечатлѣніе, какое произвели на него ея лицо и фигура, и воспоминаніе о вчерашнемъ разговорѣ, и озлобленіе, и состраданіе, и, наконецъ, недовольство самимъ собою. Последнее было сильнѣе всего и еще болѣе заставляло его негодовать на Мариню. Но по временамъ одно чувство брало верхъ надъ другими и крашивало ихъ своимъ цвѣтомъ. То ему припоминалась высокая фигура Марини, ея глаза, ея темные волосы, ея красиво очерченныя черты, хотя, можетъ быть, и немного большой ротъ, наконецъ, выразительное ея лица, — и тогда его охватывалъ порывъ симпатіи къ ней. Онъ думалъ, что отъ нея вѣетъ удивительно чистою дѣвственностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ губахъ ея, и въ плечахъ, и во всемъ очертаніяхъ кроется что-то женственное, и это влечетъ къ

ней съ неудержимою силой. Онъ припомнилъ ея мягкій голосъ, ея спокойный взглядъ, ея несомнѣнную доброту. Тогда, при мысли, какъ онъ былъ рѣзокъ съ нею, какимъ тономъ говорилъ, Поланецкій начиналъ бранить себя. «Если ея отецъ — старый лмака, комедіантъ и глупецъ, — говорилъ онъ самому себѣ, — и если она все это чувствуетъ, тѣмъ несчастіе ея больше. Что же слѣдуетъ изъ этого? А то, что каждый человѣкъ съ малѣйшимъ намекомъ на сердце понялъ бы это, сжалился бы надъ ней, не нападалъ бы на бѣднаго ребенка, а я этого не понялъ!» И ему хотѣлось надавать себѣ пощечинъ, потому что онъ понималъ, какой бы оборотъ приняло дѣло при другихъ условіяхъ, какъ бы они сблизились, какая бы удивительная нѣжность водворилась между ними, еслибъ онъ, послѣ грызни съ ея отцомъ, отнесся бы къ ней какъ слѣдуетъ, то-есть съ величайшею деликатностью. Да, да... она, прощаясь, подала бы ему обѣ руки, онъ бы поцѣловалъ ихъ, и они разошлись бы какъ близкіе люди. «Чтобъ черти побрали всѣ деньги, — мысленно повторялъ онъ, — а теперь пускай они возьмутъ и меня!» Онъ чувствовалъ, что натворилъ вещей, которыхъ уже нельзя поправить; это сознаніе лишало его послѣдняго нравственнаго равновѣсія и еще сильнѣе толкало на ту дорогу, неправильность которой была ему очевидна. И снова онъ начиналъ произносить такіе монологи: «Если все пропало, то пусть все и провалится съвозъ землю. Продамъ закладную какому-нибудь жиду, — пусть онъ ихъ слопасть, выбросить на улицу, пускай старикъ идетъ въ чиновники, а она въ гувернантки или замужъ за Гонтовскаго»... И онъ сразу почувствовалъ, что согласится на что угодно, только не на это. Гонтовскій!... да онъ ему шею на сторону свернетъ. Пусть ее беретъ кто угодно, только не такой медвѣдь, не такой дуракъ, не такой болванъ... И на голову бѣднаго Гонтовскаго посыпался дѣльный рядъ подобныхъ эпитетовъ, какъ будто онъ былъ виною всего. Поланецкій пріѣхалъ на желѣзно-дорожную станцію въ такомъ людоедскомъ настроеніи, что встрѣтъ онъ Гонтовскаго, то, какъ другой Уголино, впился бы ему зубами «туда, гдѣ черепъ сростается съ плечами». Къ счастью, вмѣсто черепа Гонтовскаго, онъ увидалъ нѣсколько желѣзно-дорожныхъ служащихъ, нѣсколько крестьянъ, нѣсколько мужиковъ и, въ углу, умное, исхудалое лицо ювѣтника Ямиша, который, благодаря своему знакомству съ служащими, увелъ его къ себѣ, въ отдѣльное купе.

— Я зналъ еще вашего отца, — заговорилъ онъ, когда пойдѣ тронулся, — и зналъ въ блестящіе дни его существованія. Моя жена — его сосѣдка. Помню, тогда ему принадлежали Змиху въ,

Бженчонца, Моцаже и Розводы въ Люблинской губерніи. Хорошее состояніе! Вашъ дѣдъ былъ однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ той мѣстности, но это должно было перейти въ другія руки.

— Это было уже давно. Мой отецъ при жизни потерялъ все свое состояніе. Онъ былъ человѣкъ болѣзненный, жилъ въ Ниццѣ, ни за чѣмъ не наблюдалъ,—все и ушло межъ пальцевъ. Еслибъ не наслѣдство, которое мать получила послѣ его смерти, намъ пришлось бы плохо.

— Но вы хорошо ведете свои дѣла. Я знаю вашъ торговый домъ и былъ съ вами въ сношеніяхъ черезъ Абдульскаго по поводу хмеля.

— Абдульскій былъ вашимъ комиссіонеромъ?

— Да, и я остался очень доволенъ. Вы отнеслись ко мнѣ хорошо и я вижу, что вы ведете дѣла какъ слѣдуетъ.

— Иначе и нельзя, никто не удержится. Мой компаньонъ, Бигель, порядочный человѣкъ, да и я не какой-нибудь панъ Плавичкій.

— Какъ это такъ?—заинтересовался Ямишъ.

Поланецкій, еще не остывшій отъ раздраженія, рассказалъ ему все дѣло.

— Гм...—протянулъ Ямишъ,—если вы говорите о панѣ Плавичкомъ такъ откровенно, то позвольте и мнѣ поступать такъ же, хотя онъ и сродни вамъ.

— Самъ онъ мнѣ вовсе не сродни; его первая жена была родственницей и другомъ моей матери,—вотъ и все.

— Я его знаю со временъ его дѣтства. Это скорѣе человѣкъ испорченный, чѣмъ злой. Онъ былъ единственнымъ сыномъ, поэтому отецъ съ матерью страшно избаловали его, а потомъ баловали жены. Обѣ онѣ были женщины тихія, кроткія, для обѣихъ онъ былъ божествомъ. Цѣлые годы вещи складывались такъ, что онъ былъ солнцемъ, вокругъ котораго вращаются другія планеты, и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ требовать отъ міра все, а люди отъ него ничего. При такихъ условіяхъ, когда зло и ро измѣряешь только мѣркою собственнаго удобства, нѣтъ ни о легче, какъ потерять моральный смыслъ. Плавичкій — это съ торжественности и распущенности: торжественности потому, вѣчно курить себѣ еиміамъ, распущенности потому, что позволить себѣ рѣшительно все. Это почти стало его второю натурой. томъ обстоятельства измѣнились къ худшему, подошли тяжелыя чена, съ которыми можетъ бороться только человѣкъ съ харак-

теромъ, а у него характера никогда не было. Началь онъ прибѣгать къ разнымъ уверткамъ и, въ концѣ-концовъ, привыкъ къ нимъ. Насъ, панъ Поланецкій, земля облагораживаетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, земля и портитъ. Мнѣ одинъ мой знакомый, — банкротъ онъ былъ, — говорилъ: «это не я верчусь, это мое состояніе вертится, а я только за него говорю». И это отчасти вѣрно. Въ нашемъ дѣлѣ болѣе разочарованія, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ.

— Представьте себѣ, — отвѣчалъ Поланецкій, — хотя я веду родъ свой отъ земли, но не чувствую ни малѣйшаго желанія заняться земледѣліемъ. Я знаю, что оно будетъ, потому что должно быть, но въ его теперешней формѣ я не вижу для него никакой будущности. Вы всѣ должны погибнуть.

— Я тоже смотрю на все это не черезъ розовыя очки. Я не говорю о томъ, что вообще во всей Европѣ земледѣліе стоитъ на низкомъ уровнѣ, — подумайте только вотъ о чемъ: у помѣщика четверо сыновей, — значитъ, каждый изъ нихъ получить только четвертую часть отцовскаго состоянія. А какъ обставлено дѣло? Каждый, привыкшій къ отцовской нормѣ жизни, хочетъ жить, какъ жилъ отецъ, — значитъ, развязку легко предвидѣть. Еще примѣръ: если у помѣщика четверо сыновей, то болѣе способные избираютъ различныя специальности, а при землѣ, — я готовъ держать пари, — остается наименѣе способный. Въ-третьихъ, то, что цѣлый рядъ поколѣній заработалъ, промотаетъ одна шальная голова. Въ-четвертыхъ, мы не дурные сельскіе хозяева, но плохіе администраторы, а хорошая администрація значитъ больше хорошей обработки поля. Какое же отсюда заключеніе? Земля остается, а мы, которые являемся ея представителями подъ видомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, должны уйти отъ нея. Уйти-то мы уйдемъ, но, можетъ быть, современемъ и вернемся.

— Какъ это такъ?

— Вотъ вы говорите, что васъ не тянетъ къ землѣ: это — заблужденіе. Земля притягиваетъ, и притягиваетъ съ такою силой, что каждый человѣкъ, вошедшій въ извѣстный возрастъ и нажившій себѣ извѣстное состояніе, не можетъ противиться желанію приобрести хоть клочокъ земли. И съ вами будетъ то же самое. И то очень естественно. Наконецъ, на всякое богатство, кромѣ земли, можно смотрѣть какъ на фикцію. Изъ земли все выходитъ и все существуетъ только для нея. Какъ банковый билетъ есть ничто иное, какъ квитанція на металлическую монету, лежащую въ государственномъ банкѣ, такъ и промыселъ, и торговля, и что вы хотите, ничто иное, какъ видоизмѣненная форма земли. Что же а-

сается васъ, которые вышли изъ нея, то вы должны къ ней и вернуться.

— Я, по крайней мѣрѣ, не думаю.

— Какъ вы можете знать? Теперь вы заботитесь о томъ, что бы нажить состояніе, а когда вы наживете его, тогда что? Поланецкіе были земледѣльцами, — теперь одинъ изъ нихъ избралъ себѣ другую спеціальность. Большая часть дѣтей земледѣльцевъ должна идти такъ же, потому что иначе нельзя. Часть ихъ пропадетъ, часть добьется извѣстнаго положенія и вернется, — вернется не только съ деньгами, но и съ новою энергіей и съ тѣмъ запасомъ административныхъ знаній, которыя вырабатываются спеціальными профессіями, — возвратится, благодаря тому притяженію, которое оказываетъ земля, наконецъ, благодаря чувству обязанности, о которомъ мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ.

— Въ томъ, что вы говорите, есть и хорошая сторона. Значить, мой дядюшка - не дядюшка, Плавицкій, тоже принадлежитъ къ такимъ, обреченнымъ на гибель?

Панъ Ямишъ задумался на минуту, потомъ сказалъ:

— Нитка тянется и тянется, пока не оборвется, но, наконецъ, должна будетъ оборваться. Они, по моему мнѣнію, не удержатъ Кшемень, хотя бы и распродали Магерувку по участкамъ. Бого мнѣ жаль, такъ это Мариню. Хорошая, добрая дѣвушка. Вы не знаете, что старикъ, два года назадъ, хотѣлъ продать Кшемень и переѣхать въ городъ, а если не продалъ, то отчасти по настоянію Марини. Потому ли, что ей дорога память матери, которая похоронена тамъ, потому ли, что она начиталась объ обязанности держаться земли, но только Мариня дѣлала, что могла, чтобы не допустить продажи имѣнія. Бѣдняжка вообразила, что нужно только посвятить всѣ свои силы труду, чтобы добиться желаемого результата. И дѣйствительно, она отреклась отъ всего свѣта для Кшеменя. Для нея будетъ страшный ударъ, когда, наконецъ, нить порвется, а она должна порваться... Жалко, она такъ молода еще.

— Вы добрый человѣкъ, панъ совѣтникъ! — воскликнулъ Поциій со свойственною ему живостью.

Старикъ усмѣхнулся.

— Я люблю эту дѣвочку, она моя ученица по агрономической части. Скучно будетъ, когда ея не станетъ.

Поланецкій загусилъ усы и сказалъ:

— Пусть выйдетъ замужъ за кого-нибудь изъ сосѣдей, тогда ланется.

— Выйдетъ, выйдетъ... Развѣ это такъ легко дѣвушка безъ приданого? Кто у насъ женихи? Гонтовскій? Э тотъ бы взялъ ее. Добрый человекъ и вовсе не такой ограниченный, какъ говорятъ о немъ. Но у нея нѣтъ любви къ нему, а безъ любви она не выйдетъ замужъ. Ялбжиковъ—маленькое имѣніе, а старику, притомъ, кажется, что Гонтовскіе ниже Плавицкихъ, да и Гонтовскій въ это увѣровалъ. Вы знаете, какъ это дѣлается у насъ: тотъ считается знатнымъ человекомъ, кому угодно считается такимъ. Посмѣются, посмѣются, а потомъ повѣрятъ. Кромѣ того, одинъ задираетъ носъ потому, что наживаетъ состояніе, другой потому, что растрчиваетъ его, да ему ничего другого и не остается. Ну, да объ этомъ говорить нечего. Я знаю только одно: кто возьметъ Мариню, тотъ возьметъ жемчужину.

Поланецкій въ эту минуту и самъ чувствовалъ, что это такъ. Онъ погрузился въ задумчивость и началъ воображать себѣ Мариню.

И вдругъ ему представилось, что онъ будетъ скучать по ней, но онъ вспомнилъ, что такія вещи случались уже не разъ, а потомъ время разсѣивало эти иллюзіи. Тѣмъ не менѣе, онъ думалъ о ней и тогда, когда поѣздъ подходилъ къ станціи, и, выходя изъ вагона въ Варшавѣ, ворчалъ сквозъ зубы:

— И какъ все это глупо сложилось, какъ глупо!...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Народный судъ въ Западной Руси.

(Историческій очеркъ).

I.

«Что есть правда?»—спрашиваетъ себя современный человѣкъ. Человѣку прошлаго не надо было дѣлать такихъ вопросовъ: онъ, и не оглядываясь, отчетливо знаетъ, что за плечами его стоятъ правда и кривда и своею вѣчною неустанною борьбой направляютъ его шаги по жизненному пути то вправо, то влѣво.

Есть ли та правда, которую инстинктивно ощущаетъ въ себѣ современный человѣкъ, та же самая правда, которою жили люди безчисленныхъ прошедшихъ поколѣній? Да, повидимому. «Не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы дѣлали другіе», какъ правило поведенія, и «положи душу свою за други своя», какъ идеаль,—вотъ основные и вѣчно неизмѣнные устой всякой человѣческой правды.

Какъ ни просты эти два основныхъ положенія правды и морали, тѣ сочетанія, въ какія они вступаютъ со свойствами человѣческой природы и со всеѣмъ разнообразіемъ внѣшнихъ условій, образуютъ безконечно причудливый калейдоскопъ. Однако, несмотря на всю эту причудливость, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ его сочетаній можно усмотрѣть извѣстную правильность.

Наука не знаетъ человѣка внѣ общества, но первые общественные союзы, въ которыхъ она его усматриваетъ, суть союзы кровнаго родства. И первая человѣческая правда безвыходно заключена въ предѣлы подобнаго союза. Внѣ его нѣтъ ни права, ни нравственности, внѣ—дикая пуля, гдѣ царить ужасъ лишь голыхъ зоологическихъ отношеній. Но вѣкъ, силою своей человѣчности, рано выводится изъ этой исключительной замкнутости. Когда же люди разныхъ родовыхъ группъ сталкиваются между собой, неизбежно возникаютъ положенія, при которыхъ эгическая точка зрѣнія является неудобной или невыгодной. Но, между темъ, пока невозможна еще и гуманитарная точка зрѣнія, практикующая чутри кровнаго союза. Отсюда та условная правда, правда компро-

мисса, которая укрывает собою насилие и произволъ,—однимъ словомъ, правда для чужихъ. Если человѣкъ, подталкиваемый страстью, совершаетъ посягательство на своего ближняго, совсѣмъ различныя послѣдствія вытекаютъ для него, смотря по тому, къ своей или чужой группѣ принадлежитъ этотъ ближній. Преступленіе внутри родовой группы можетъ влечь за собой какое-нибудь патриархальное наказаніе виновника съ цѣлью устрашенія его или умилостивленія разгнѣванныхъ пенатовъ,—въ крайнемъ случаѣ, изгнаніе преступника изъ родового союза, самый тяжелый видъ несчастія, какое могло постигнуть человѣка, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ не только всецѣло лишился всѣхъ благъ соціальной жизни, но и повровительства своихъ родовыхъ боговъ, передавался во власть враждебныхъ духовъ, всюду сторожившихъ человѣка за предѣлами его родовой территоріи. Посягательство на ближняго изъ иной родовой группы, чужого, имѣло характеръ произвольнаго нарушенія заключеннаго мира. Первымъ послѣдствіемъ такого нарушенія была месть со стороны обиженнаго виновнику и его роду,—месть во весь неудержъ оскорбленнаго чувства; дальнѣйшимъ—какая-нибудь сдѣлка, которою могла бы быть въ достаточной мѣрѣ удовлетворена обиженная сторона. Здѣсь царитъ принципъ возмездія: пусть обиженный какою бы то ни было монетой,—кровью оскорбителя, его светомъ и другимъ добромъ,—но непременно получить все, чѣмъ можетъ быть удовлетворено его оскорбленное чувство.

Такимъ образомъ, въ генезисѣ права мы имѣемъ двѣ исходныхъ точки, образующихъ два параллельныхъ теченія въ его дальнѣйшемъ развитіи. Теченія эти сталкиваются, переплетаются, наконецъ, окончательно сливаются. Исторія права до сихъ поръ, повидимому, ничего не знаетъ объ этомъ двойственномъ процессѣ. Лишь въ послѣднее время въ замѣчательномъ изслѣдованіи М. М. Ковалевскаго о правѣ осетинъ *) обнаружены чрезвычайно интересные факты, выясняющіе этотъ предметъ, а также и нѣкоторые выводы, сдѣланные на ихъ основаніи почтеннымъ ученымъ. Въ наши цѣли не входитъ останавливаться на этомъ предметѣ. Намъ интересна одна лишь его сторона, а именно вотъ какая.

Два теченія въ развитіи права должны были вызвать къ жизни и два типа правовыхъ учрежденій. Такъ оно и было. Въ то время, какъ членовъ родового союза судило собраніе родичей или родовая старѣйшина, для рѣшенія столкновеній между членами разныхъ союзовъ должны были возникать приспособленные къ потребностямъ дѣла институты. Такимъ институтомъ былъ, прежде всего, добровольно избранный сторонами судъ посредниковъ, судъ знающихъ людей, за которыми признавались особенныя знанія, проникательность или одаренность (брегоны у древнихъ кельтовъ, бия у современныхъ киргизъ и т. д.), судъ жрецовъ. Въ концѣ-концовъ, роли такого посредника, естественно, очутилось государство и его верховныя

*) Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историческомъ сравнительномъ освѣщеніи, Москва, 1886 г.

представитель, великій князь или король у славянскихъ племенъ. Но отсюда никакъ нельзя дѣлать того вывода, который обыкновенно дѣлается нашею историческою наукою, что съ самаго начала исторической жизни славянскихъ племенъ, а, слѣдовательно, и русскаго, судебная власть находилась въ рукахъ главы государства,—нельзя тѣмъ болѣе, что родовые союзы, даже и послѣ того, какъ они обратились въ союзы территориальныя, имѣли свои суды, имѣли ихъ тѣ союзы, которые образовывались съ разнообразными цѣлями, но по типу родовыхъ: «а братчина судить какъ судьи»,—говоритъ псковская судная грамота. Конечно, на сферу компетенціи этихъ судовъ должны были простираться свои ограничивающія стремленія и политическая власть, и церковь. Но несомнѣннымъ свидѣтелемъ того, насколько суды эти были живучи и жизненны, служить наше богатое обычное право: слишкомъ очевидно, что оно могло возникнуть лишь путемъ правильной многовѣковой судно-правовой практики. Что дѣятельность этихъ судовъ могла отложиться лишь напластованіемъ правовыхъ понятій въ сознаніи народной массы, а не кипами писанной бумаги на полкахъ архивовъ, это понятно: суды эти, вообще говоря, не нуждались въ записяхъ. Но, благодаря счастливой исторической случайности, у насъ есть документы, касающіеся одной группы такихъ судовъ, такъ что мы можемъ говорить о предметѣ не на основаніи догадокъ, а на основаніи фактическихъ данныхъ.

Недавно вышелъ 18-й томъ *Актовъ виленской археографической коммисіи*, заключающій въ себѣ *Акты о копныхъ судахъ*. Нашей исторической наукѣ небезызвѣстны эти суды, суды народныхъ сходокъ, имѣвшіе мѣсто въ Литовской Руси. Иванишевъ, на основаніи найденныхъ имъ двухъ десятковъ копныхъ декретовъ, написалъ свое очень извѣстное изслѣдованіе, названное имъ не совсѣмъ точно, или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ неточно: *О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Руси*. Послѣ Иванишева еще найдено было нѣсколько документовъ, относящихся къ XVIII стол. и къ Сѣверщинѣ, т.-е. Черниговской губ. Эти крупинки были все, чѣмъ могла пользоваться наука въ своихъ заключеніяхъ объ этомъ учрежденіи, интересъ котораго она не могла не признавать. Упомянутое изданіе виленской коммисіи есть, по сравненію съ этими крупинками, настоящая розсыпь: въ текстѣ 518 страницъ большого формата, заключающихъ въ себѣ около 450 документовъ, обнимающихъ періодъ отъ 1552 по 1707 г., сохранившихся въ гродскихъ книгахъ брестскаго, минского, пинскаго, слонимскаго и слуцкаго судовъ. Конечно, теперь уже можно затъ объ этомъ предметѣ что-нибудь положительное.

XVI вѣкъ былъ то, что называютъ критическою эпохой въ исторіи овско-русскаго государства. Въ теченіе этого вѣка произошелъ коренной оборотъ въ устояхъ общественнаго строя, и этому-то обстоятельству и обязаны тѣмъ, что до насъ дошла такая масса копныхъ документовъ: въ эпохи спокойнаго органическаго развитія не возникало бы об-

стоятельствъ, побуждавшихъ къ оформливанію рѣшеній, къ внесенію ихъ въ городскія книги, гдѣ они и сохранились.

Общественные устои въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в. потрясались съ такою силой и измѣнялись съ такою быстротой, съ какою это возможно только при одномъ условіи: при сильномъ, подавляющемъ вліяніи на извѣстный социальный организмъ другого, болѣе могучаго социального организма. Таковымъ былъ по отношенію къ Литовской Руси организмъ Польскаго государства. Высшая культурность, большая опредѣленность и законченность формъ и, наконецъ, чисто-внѣшнія, политическія условія,—все сошлось къ тому, чтобы подчинить Литовскую Русь, и подчинить всецѣло, не одною лишь политическою подчиненностью.

Строй Литовской Руси до XVI в. характеризовался двумя основными чертами: мелкимъ землевладѣніемъ и отсутствіемъ строгой междусловной разграниченности. Выраженіе «мелкое землевладѣніе» мы употребили исключительно лишь для отгѣненія его отличій отъ шляхетско-польской организаціи національнаго земельного хозяйства, но на самомъ дѣлѣ это было вотъ что. Большая часть разработанной земли,—которая составляла, конечно, лишь небольшіе куски, выхваченные изъ громадной дикой территоріи,—находилась въ рукахъ свободныхъ земледѣльцевъ, жившихъ отдѣльными родовыми или больше-семейными союзами, дворищами, огнищами. Это была, такъ сказать, основная общественная группа. Къ ней примыкала другая: переходящіе люди, мезные, тѣ, которые вышли по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изъ большихъ кровныхъ союзовъ и не могли, по недостатку силъ и средствъ, сѣсть на дикую землю, а должны были обращаться къ кому-нибудь за разработанною землею, которую и получали на извѣстныхъ обязательствахъ. Самый низшій классъ населенія составляли невольники, о которыхъ не распространяемся. Въ этихъ группахъ и сверху ихъ стоялъ немногочисленный правящій классъ, сильная аристократія, «князья» и «паны», включившая въ себя частью размножившихся потомковъ св. Владиміра и Гедимина, можетъ быть, также частью родовыхъ литовскихъ князей. Этотъ классъ только и былъ обособленъ, представляя изъ себя группу съ наследственною привилегированностью, наследственными правами и обязанностями по отношенію къ управляемой имъ массѣ. Все остальное были не сословія, а состоянія, свободно переходившія изъ одного въ другое. Нѣкоторую устойчивость придавала этому подвижному обществу лишь тяготѣвшая надъ нимъ военная организація, суровая и напругавшая всѣ силы бѣднаго матеріально общества, поставленнаго въ крайне тяжелыя внѣшнія, политическія, условія. Вся воздѣлываемая земля несла на себѣ тягло военной службы: земля и служба сдѣлались, наконецъ, синонимами (въ смыслѣ приуроченія опредѣленной военной повинности къ извѣстному району воздѣлываемой земли; отсюда выраженія: двѣ земли, двѣ службы, $\frac{1}{2}$ земли, $\frac{1}{2}$ службы).

Подъ гнетомъ суровой военной организаціи началось, еще независимо отъ вліянія Польши, нѣкоторое общественное дифференцированіе. Тѣ изъ

сидѣвшихъ на своихъ земляхъ, кто былъ сильнѣе и могъ самостоятельно отбывать военную повинность, оказались какъ бы въ привилегированномъ положеніи и стали называться землянами; кто же не могъ ее отбывать въ виду значительныхъ расходовъ, какія она требовала, тотъ долженъ былъ отправлять извѣстныя повинности въ пользу господаря (великаго князя или иного, удѣльнаго, владѣльца) или того, кому господарь находилъ нужнымъ или возможнымъ предоставить пользованіе этими повинностями, опять-таки подъ обязательствомъ службы. Изъ этой группы отщичей, вмѣстѣ съ тѣми, кто садился на чужой расчищенной землѣ, образовался классъ «людей», «мужей», тотъ слой, который наиблизе соотвѣтствовалъ нашему понятію «народъ» и который въ Литовской Руси до поры до времени пользовался всѣми человѣческими правами въ томъ ихъ объемѣ, въ какомъ понимало эти права тогдашнее общество. Но на Литовскую Русь надвигался иной общественный строй съ равноправнымъ и полноправнымъ шляхетскимъ народомъ и съ совершенно безправною массою человѣческаго «быдла», вся цѣль существованія котораго была въ томъ, чтобы содержать этотъ народъ. Какія исключительныя условія создали этотъ совершенный въ своей возмутительной законченности строй,—это, вѣроятно, такъ и останется навсегда одною изъ множества историческихъ задачъ безъ рѣшеній. Но онъ долженъ былъ подавляюще вліять на тотъ незаконченный и расплывающійся строй, какой представляла собой Литовская Русь.

Конечно, «пановъ» и «князей» Литовско-Русской земли, съ ихъ владѣтельными правами, не могло особенно привлекать шляхетство, тѣмъ болѣе, что оно предполагало уравненіе ихъ съ тѣмъ классомъ, къ которому аристократія относилась какъ къ низшему и зависмому. Но для многочисленнаго и сильнаго класса землянъ шляхетство открывало врата земного рая, вознося ихъ на общественныя высоты и низвергая остальные классы въ преисподнюю. Всѣ условныя и случайныя отношенія зависимости, въ какихъ стояло къ землянамъ остальное населеніе, болѣе слабое матеріально, обращались шляхетскимъ правомъ въ узы крѣпостничества, передававшаго подданныхъ въ безотчетное распоряженіе владѣльца.

Люблинская унія дала окончательное торжество польскому праву въ Литовской Руси, но и до нея земляне усердно тянулись къ шляхетству: конечно, они видѣли покровительство въ своихъ домоганіяхъ со стороны верховной власти, для которой всякое соціальное объединеніе этихъ столь различныхъ по строю областей было прямымъ преддверіемъ желанной политической унії.

Въ самомъ дѣлѣ, еще первая редакція литовскаго статута (1529 г.), авда, неопредѣленно и робко, но уже говорить о шляхтѣ, причѣмъ то подразумѣваетъ подъ шляхтою землянъ, то предлагаетъ это слово вообще въ высшему классу общества: видно, что съ этимъ словомъ еще не свялось никакое точно опредѣленное понятіе. Но уже вторая редакція, на чѣмъ года предупредившая политическую унію, составлена въ духѣ этой и: здѣсь идетъ рѣчь о правахъ народа шляхетскаго, «заровно вспхъ въ

томъ почитаючи отъ вельможнаго и до навбожшого шляхтича». Отсюда понятно, почему земляне еще и до люблинской уніи наклонны выбиваться изъ-подъ юрисдикціи копнаго суда. Но, тѣмъ не менѣе, обычай крѣпко держитъ ихъ въ своихъ тискахъ. Тѣ вѣковыя узы копныхъ обязательствъ, какими земляне были связаны со всѣми людьми и мужами своего сосѣдства, не могли быть разорваны такъ легко и свободно. И вотъ начинается броженіе, которое тянется цѣлое столѣтіе. Только благодаря этому броженію, мы имѣемъ томъ копныхъ документовъ, который даетъ намъ возможность заглянуть въ этотъ любопытный уголокъ старины. Какъ отразилось это броженіе на сознаниі и правовомъ чувствѣ массы, это другой вопросъ: деморализація и одной, и другой стороны, и побѣдителя, и побѣжденнаго, кажется, всегда была обычнымъ результатомъ классовой борьбы.

Копный судъ, захватывавшій въ предѣлы своего вѣдѣнія всѣхъ обывателей своего округа, своего сосѣдства, всѣхъ «спудечныхъ», «пограничныхъ» сосѣдей, необходимо предполагалъ въ своей идеѣ общественное равенство этихъ сосѣдей, если не экономическое, то юридическое. Панъ и его крѣпостной, какъ сосѣди, какъ равноправные члены судебной сходки— абсурдъ. Однако, надо было, все-таки, цѣлое столѣтіе, чтобы жизнь выяснила этотъ абсурдъ и уничтожила его своею непреложною логикой. Такая затяжка, конечно, обуславливалась и тѣмъ, что самое крѣпостное право не было фактомъ, осуществившимся сразу, однимъ актомъ законодательной власти. Въ тѣ времена государство еще было слишкомъ слабо для того, чтобы пересоздавать такъ общество, и старыя фактическія отношенія могли тянуться долгіе годы, лишь медленно уступая надавливанію со стороны новыхъ государственныхъ юридическихъ принциповъ, хотя бы даже за этими принципами стоялъ и перевѣсъ фактической силы. Но были и другія причины.

Конечно, узы обычая, связывавшія землянина и подданнаго въ одинъ общій союзъ копныхъ мужей, были бы разорваны гораздо скорѣе, если бы народившаяся шляхта была цѣльно въ этомъ заинтересована. Но дѣло не стояло такъ. Для каждаго, кто нуждался въ правосудіи, нуждался не въ возможности, а de facto пренебречь судомъ копы, съ его могучими ресурсами къ разслѣдованію преступленія, было просто нерасчетливо. И вотъ каждый землянинъ въ массѣ дѣлъ, входившихъ въ вѣдѣніе копы, предпочиталъ обращаться къ ней, какъ къ болѣе скорому и дѣйствительному способу возстановленія своего права. За то, наоборотъ, каждый, кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы укрыть правонарушеніе, старался уклониться отъ копнаго суда и находилъ себѣ лазейку въ своей принадлежности къ шляхетскому сословію. Шляхтичь-истецъ охотно идетъ на копу, но шляхтичь-отвѣтчикъ ея избѣгаетъ,—вотъ обычная картина отношеній шляхты къ копному суду.

Любопытно слѣдить, какъ шель процессъ разложенія копы. Въ началѣ процесса, относящемся приблизительно къ половинѣ XVI в., земляне, видимо, только что начинаютъ подозревать, что имѣ, въ случаѣ неудобствъ, угро-

жающихъ отъ копы, можно обойтись и «окромъ копнаго права», можно прибѣгнуть «къ уряду». «Я того суда вашего не ганю ани фалю (не порицаю и не одобряю) и его тежь слухать не хочю, але подьте до вряду» (39 *),—такъ говорить представителямъ копы одна землянка, недовольная копнымъ рѣшеніемъ. Вообще женщины раньше и энергичнѣе, «згордивши судомъ копнымъ», начали давать отпоръ притязаніямъ копы. «Выходить шляхтанцѣ на копу рѣчь неслупшна» (неприличное дѣло), или: «я, смерде, вольность маю, ты мене негоденъ на копу позывати» (83, 91),—такъ отвѣчаютъ землянки, проникнутыя идеей своего новаго шляхетскаго достоинства. Мужчины такъ не отвѣчаютъ: пока еще они идутъ на копу, хотя и заявляютъ иногда, что идутъ «не водлугъ (не въ силу) права, а водлугъ сосѣдства», или изъ жалости, «будучи жалостливъ шеоды сосѣднее» (34, 191), идутъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда это безразлично для нихъ или даже противно ихъ интересамъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда это совпадаетъ съ ихъ интересами, они охотно подчиняются всѣмъ подробностямъ копнаго обычая и откладываютъ на время въ сторону свое панское достоинство, обращаясь къ коплянамъ, какъ къ людямъ себѣ равнымъ: «мои ласковые панове-мужеве». Но время идетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и роковой процессъ. Панъ уже не идетъ на копу, если это ему неудобно, не стѣсняется по отношенію къ ней насмѣшками и угрозами, не принимаетъ упоминательныхъ листовъ, не пускаетъ въ свой дворъ посланныхъ отъ копы, а то и просто прогоняетъ копу съ своей земли, стрѣляетъ въ нее и т. п. (43, 131, 141, 180). Но какъ ни разрушительно все это должно было вліять на правовое чувство массы, все-таки, не въ этомъ было главное зло, разрушавшее копное право. Главное зло, главный источникъ разложенія непосредственно истекалъ изъ все усиливавшагося развитія крѣпостнаго права. Сначала нѣтъ и намека на то, что панъ можетъ какъ-нибудь вмѣшаться въ копныя дѣла своихъ подданныхъ: оно и не могло быть иначе, пока подданные эти были мужи лично свободные, лишь обязанные по отношенію къ пану извѣстными, точно определенными повинностями, натуральными или денежными. Но мало-по-малу начинается вмѣшательство. Панъ запрещаетъ своимъ подданнымъ какое-нибудь копное дѣйствіе, по его мнѣнію, неудобное или недолжное, находитъ неудобнымъ такое или иное время для копнаго собранія и проситъ копу отложить на другое, наконецъ, разсердившись на неприятный для него оборотъ суднаго процесса, уводитъ съ копы своихъ подданныхъ. Отсюда одинъ шагъ до того, что и просто запрещаетъ своимъ подданнымъ выходить, «становиться» на копу; или беретъ насильно съ копы подсудимаго, своего поднаго; или не выдаетъ своего подданнаго, осужденнаго копой; или про приказываетъ копѣ разойтись, если ея дѣйствія ему неприятны. Можетъ быть при такихъ условіяхъ серьезная рѣчь объ отправленіи правосудія? Но для народа такъ дорого было это его право, что онъ судорожно

*) Въ своблахъ № документа, изъ котораго сдѣлано извлеченіе.

цѣплялся за его жалкіе обломки, несмотря ни на что. Понемногу паны начали становиться на ту точку зрѣнія, почву для которой имъ давалъ законъ: что они есть отвѣтчики за своихъ подданныхъ передъ государствомъ и что, слѣдовательно, имѣютъ по отношенію къ нимъ и право суда. Панъ начинаетъ вчинать искъ отъ лица своихъ подданныхъ, обращаться съ жалобами на подданныхъ къ пану, и районъ копныхъ правъ все сѣуживается и сѣуживается. Копя понемногу становится орудіемъ панской власти, которому панъ можетъ приказывать отыскать виновнаго, подъ угрозой возложить на нее отвѣтственность.

И вотъ процессъ приходитъ къ своему концу. Мы во второй половинѣ XVII вѣка. Край пережилъ уже Хмельницину или, по крайней мѣрѣ, дошедшіе изъ Украины сюда на Литву ея отголоски. Уже не землянинъ и людинъ стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, одинаково согнувшіеся подъ тяжелымъ государственнымъ ярмомъ, одинаково, въ качествѣ спулечныхъ сосѣдей, охраняющіе миръ и безопасность своего округа,—другъ противъ друга, съ взаимною ненавистью и вѣчною затаенною угрозой, стоятъ мужикъ, хамъ, «непріятель народу шляхетскаго», и панъ-шляхтичъ, охраняющій свою шляхетскую «утѣтливость» (достоинство), «на которой мужикъ, при своей мужичьей завязатости, всегда готовъ его, шляхтича, оскорбить» (255). Положеніе копы такое: хлопской копѣ, какъ категорически выражается одинъ документъ, не подлежитъ ни одинъ человекъ шляхетскаго званія. Но паны еще допускаютъ копу, какъ удобное орудіе предварительнаго судебного разслѣдованія. Въ этихъ только предѣлахъ она допустима у панскихъ подданныхъ. Но паны не забыли копы и ея преимуществъ и не прочь бы были устроить, по ея типу, свой собственный шляхетскій судъ: появляется «судъ пріятелей», который засѣдаетъ на старыхъ коповищахъ (обычныхъ мѣстахъ копныхъ сходокъ) и обращается за содѣйствіемъ къ хлопской копѣ. Но старая копа уже умерла; эти новые блѣдные ея призраки не могли возстановить ее, такъ какъ были лишены того, что только и давало копѣ такую силу: единодушія и единомыслія всѣхъ жителей копнаго сосѣдства, въ основѣ котораго лежали ихъ традиціонно-равноправныя взаимныя отношенія.

Тамъ же, гдѣ было необходимое для процвѣтанія копы условіе—свобода населенія, копа держалась долго: въ бывшей Сѣверщинѣ, т.-е. Черниговской губ., мы встрѣчаемся съ копнымъ судомъ, сохранившимъ еще всѣ свои живыя особенности даже и въ XVIII столѣтіи *).

II.

Копный судъ есть судъ народнаго собранія, копы, купы, громады, в ча, какъ судъ этотъ называется въ болѣе раннихъ актахъ **).

*) *Кіевская Старина* 1885 г., кн. 10-я, стр. 2.

**) *Иванчишевъ*: „О древнихъ сельскихъ общинахъ“. *Кулишъ*: „Исторія воссоединенія“, т. II, стр. 161.

Томъ актовъ, на которомъ мы основываемся, свидѣтельствуетъ о существованіи копныхъ судовъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, на территоріи, главнымъ образомъ, русскаго племени, но частью и литовскаго. Сохранились документы о копахъ и въ Юго-западномъ краѣ, и въ Черниговской губ. Чисто-русское ихъ происхожденіе и характеръ засвидѣтельствованы литовскимъ *Статутомъ* *).

Очень соблазнительна мысль отождествить копный округъ съ вервью Русской Правды, но отъ этого соблазна слѣдуетъ благоразумно воздержаться. Родовою ли, кровною или сосѣдскою, территоріальною, связью была образована вервь, объ этомъ ничего нельзя сказать съ увѣренностью; но что копный округъ былъ союзомъ сосѣдства, территоріальнымъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Разумѣется, надо думать, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это сосѣдство было ничто иное, какъ то же родство, потерявшее память о своей кровной связи. Люди помнили, что они «издавна о шкоды вшелякія зхаживалися» съ такими-то; но почему они сходились именно съ тѣми изъ своихъ территоріальныхъ сосѣдей, а не съ другими, объ этомъ они позабыли. Такимъ образомъ, сосѣдства эти или копные округа, при ихъ естественномъ происхожденіи и ростѣ, не могли имѣть одинаковыхъ размѣровъ. Когда копные суды уже начали приходить въ разложеніе, но еще цѣнились правительствомъ и признавались официально, какъ удобное орудіе для преслѣдованія нѣкоторыхъ преступленій, въ концѣ XVI в. были правительственныя попытки дать копнымъ округамъ точно опредѣленные районы; по крайней мѣрѣ, въ Трокскомъ воеводствѣ назначены коповища (мѣста сходокъ), по преимуществу, въ большихъ населенныхъ пунктахъ и опредѣлены размѣры копной околицы «на всѣ стороны по мили» **). Исконныя же коповища бывали обыкновенно на границахъ селъ или отдѣльныхъ имѣній, въ точно опредѣленномъ урочищѣ: «подъ такими - то липами», «у бору, гдѣ есть звыклое мѣсце судовъ копныхъ», у такого-то прудца и т. д. Копа, собранная не на обычномъ коповищѣ, а тамъ, гдѣ «передъ тымъ отъ стародавнихъ вѣковъ пиколи копа не бывала», могла быть опротестована какъ незаконная: помимо обычныхъ коповищъ, копа могла собираться лишь въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ преступления.

И такъ, передъ нами территорія копнаго округа, приблизительно 75—150 кв. верстъ. Не слѣдуетъ удивляться такимъ ея размѣрамъ. Если принять во вниманіе естественную разрѣженность тогдашняго населенія, большое количество болотъ и лѣсовъ, то надо думать, что это относительно большое пространство далеко не вмѣщало въ себя даже населенія одной на-
и волости среднихъ размѣровъ; это подтверждаютъ и попадающіяся

*) Третья редакція (1588 г.), разд. 14, арт. 9: „На Руси и инде, гдѣ издавна бывали, копы сбираны и отпированы быти мають, яко ся на Руси заховыи и заховуетъ“.

**) Литовская миля—7,2 нашихъ версты. *Словарь древняго актоваго языка Стефанова края*, составленный Горбачевскимъ, стр. 216—217.

кое-гдѣ данныя о числѣ копныхъ сходатаевъ. Разбросанное населеніе жило по разработаннымъ имъ земельнымъ клочкамъ дворищами. Но въ XV в., особенно во второй его половинѣ, когда уже значительно подвинулся описанный нами процессъ общественнаго дифференцірованія, старыя дворища, съ одной стороны, обратились въ землянскіе дворы, съ другой—раздробились въ небольшія села и деревни; кое-гдѣ на территоріи копнаго округа попадалось и мѣстечко. Въ селахъ за единицу, какъ хозяйственную, такъ и правовую, принимался дворъ, — домохозяйство, заключавшее въ себѣ, сколько можно догадываться, большую семью; представителемъ ея былъ домохозяинъ (мужъ), остальное была его «челядь».

Все внутри копнаго округа было проникнуто духомъ круговой поруки: именно духомъ, такъ какъ круговая порука была стихіей правовыхъ отношеній, а не учрежденіемъ. Домохозяинъ отвѣчалъ за свою челядь, село отвѣчало за каждый дворъ, копный округъ отвѣчалъ за все свое населеніе. Кровная связь, естественный источникъ круговой поруки, исчезла, но осталось выросшее на почвѣ этой связи взаимное доброжелательство и довѣріе, знаніе другъ друга, основанное на сосѣдствѣ и общности интересовъ, увѣренность во взаимной добросовѣстности. Принимать участие въ отправленіи копнаго правосудія могли только «защитные люди» (почтенные), «вѣры годные», «добрые мужи»; не даромъ же и копа называлась «святой», а рѣшеніе ея «свентобливымъ» (благочестивымъ). Надо думать, что копный округъ имѣлъ какія-нибудь средства очищать себя отъ «непечныхъ», «подейзренныхъ» членовъ, которые «негодны обращаться на копѣ съ добрыми людьми», и вытѣснять ихъ въ категорію лезныхъ (свободныхъ, но не осѣдлыхъ) людей: не даромъ чувствуется такое предубѣжденіе противъ лезныхъ. Но копный округъ держитъ себя на-сторожѣ не только по отношенію къ лезнымъ,—всякій чужой человекъ, прохожій, гость есть предметъ его подозрительнаго вниманія. Случись какое-нибудь не раскрытое преступленіе въ округѣ, первымъ движеніемъ всѣхъ и каждого—раззнать, не было ли гдѣ-нибудь прохожаго, не былъ ли у кого-нибудь въ околицѣ гость изъ-за ея предѣловъ? И вотъ, если тотъ, у кого случится такой гость, не поспѣшитъ заявить объ этомъ, не представитъ на копу гостя или не дастъ вполне удовлетворительныхъ объясненій по поводу этого гостя, на него тѣмъ самымъ возлагается вина, отъ которой онъ долженъ очищаться, какъ знаетъ, или принять на себя всѣ ея послѣдствія.

Законъ въ лицѣ литовскаго статута предоставлялъ суду копы лишь пограничные споры, убійство безплеменнаго проѣзжаго человека, пограбленіе и разслѣдованіе кражи по слѣду. Но копа сама твердо знала кругъ своихъ вѣдѣній, и пока чувствовала подъ собою почву, не допускала въ него никакихъ ограниченій. Кромѣ правонарушеній, указанныхъ литовскимъ статутомъ, копа всегда вѣдала, и во всемъ ихъ объемѣ, многочисленныя дѣла, вникавшія въ бортныхъ угодыяхъ изъ-за бортей, бортныхъ сосенъ и т. д., затѣмъ столкновенія изъ-за бобровыхъ гоновъ и вообще все, что касалось промысловыхъ урочищъ и ухажавъ. Если прибавить къ этому, что къ е

относились всё дѣла по потравамъ и покосамъ, по захватамъ земли или дѣса, по захвату, угону, убійству скота, то можно сказать коротко, что копа охраняла всю арену хозяйственныхъ интересовъ своего округа. Сюда же примыкали дѣла по поджогамъ и въ особенности многочисленныя и разнообразныя дѣла по покражамъ на территоріи округа, кража хлѣба съ поля, скота, кража въ домахъ, коморахъ и вообще усадебныхъ постройкахъ. Наконецъ, мы встрѣчаемся въ копныхъ документахъ съ дѣлами объ убійствѣ, колдовствѣ, грабежахъ и побояхъ. Но всё ли подобныя преступленія, совершившіяся на территоріи копнаго округа, подлежали вѣдѣнію копы, или только нѣкоторыя, мы не можемъ ничего сказать. Вообще, чувствуется, что принципъ, объединяющій всё правонарушенія, подлежащія вѣдѣнію копы, есть прямая или косвенная связь ихъ съ землей округа. Въ высокой степени любопытно, что даже убійство могло разсматриваться съ этой точки зрѣнія, какъ «змаза грунту» (оскверненіе земли) (214).

Преступленіе нарушило спокойствіе копнаго округа; каждый полноправный членъ округа долженъ принимать участіе въ возстановленіи этого спокойствія. Но, тѣмъ не менѣе, никто не имѣетъ права вчинать дѣла, кромѣ обиженной или пострадавшей отъ правонарушенія стороны, въ дѣлахъ объ убійствѣ—кровные родственники. Даже при убійствѣ безплеменнаго проезжаго человѣка «могъ явиться въ качествѣ частнаго истца тотъ, на чьей землѣ лежалъ трупъ, какъ обиженный «змазой грунту». Истецъ могъ и прекратить начатое дѣло въ каждый данный его моментъ, включая даже тотъ, когда отвѣтчикъ уже «стоялъ на остатнемъ стопню шибеницы» (на послѣдней ступенькѣ висѣлицы). Однимъ словомъ, мы присутствуемъ еще при правовомъ строѣ, соответствующемъ той стадіи праваго развитія, которая не знаетъ разницы между уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ: въ копномъ судопроизводствѣ едва можно разсмотрѣть нѣкоторые слабыя намеки на эту разницу. Отвѣтчикъ еще не преступникъ, а шкодникъ, который долженъ, прежде всего, удовлетворить такъ или иначе—матеріально ли, деньгами, или нравственно, видомъ своимъ страданій—пострадавшаго отъ шкгоды (шкгода—имущественный ущербъ), и въ этомъ вся цѣль правосудія.

Если обиженный открывалъ преступленіе тотчасъ же по его совершеніи, «на горячемъ учинку», онъ сзывалъ ближайшихъ околичныхъ сосѣдей, и, такимъ образомъ, составлялась на мѣстѣ преступленія небольшая «горячая» копа: ея дѣломъ было произвести разслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но это разслѣдованіе лишь давало матеріалъ для настоящей большой копы (великая, вальная, генеральная). На такую копу необходимо было скликать всѣхъ полноправныхъ обывателей копнаго округа, и собиравшаяся она должна была непремѣнно па коповищѣ. Обыкновенно, дѣло не кончалось одною этою копой; для окончательнаго постановленія рѣшенія и исполненія его въ исполненіе собиралась еще третья копа, такъ называемая «завятая». Иногда случалось, что и на трехъ копахъ дѣло не могло закончено, и тогда въ качествѣ завитой собиралась четвертая копа *).

Три суда, три судебныхъ рока, для давнаго суднаго дѣла,—повидямому, эти

III.

Обыватель усматривает нанесенную ему шкodu: у него выградена ко-
мора, выведена из стойки лошадь, перекопанъ огородъ, потравленъ хлѣбъ,
увезено сѣно и т. д., и т. д. Какъ быть, что дѣлать, чтобъ открыть шкo-
дника? Одно ясно: нельзя медлить, надо пользоваться «горячимъ часомъ»,
захватывать «на горячемъ учинку». Нечего и думать пока о томъ, чтобъ
обратиться къ содѣйствию всѣхъ членовъ коннаго округа. Надо какъ мож-
но скорѣе созвать хотъ «малую громаду» мужей, своихъ ближайшихъ со-
сѣдей, чтобы съ ними «сочити злодѣйство» (выслѣживать воровство). И
вотъ горячая копа собирается иногда тою же ночью, какъ обнаружилась
шкoда, чаще на другой день.

Конечно, воръ не можетъ же не оставить какихъ-нибудь слѣдовъ сво-
его пребыванія на мѣстѣ своего злочинства. Копа «береть горячій слѣдъ»
отъ пяты и гонить его, гонить съ искусствомъ и настойчивостью ищейки,
выслѣживающей уходящую отъ нея добычу. Повидимому, человѣкъ XVIII в.
еще имѣлъ больше основаній довѣрять остротѣ своихъ внѣшнихъ чувствъ,
чѣмъ человѣкъ современный. По крайней мѣрѣ, мы ни разу не видимъ,
чтобы копа не достигла своей цѣли—потеряла слѣдъ, сбилась съ него,
кромѣ тѣхъ случаевъ, когда преступникъ имѣлъ возможность насильственно
помѣшать копѣ. Разумѣется, онъ старался объ этомъ изо всѣхъ силъ:
принималъ ложныя направленія, чтобы спутать слѣдъ, сбивалъ скотомъ,
затиралъ, если шелъ по снѣгу. Со стороны землянъ бывали и прямыя на-
силія, тѣмъ болѣе возможныя, что маленькая горячая копа часто не имѣ-
ла возможности захватить съ собою не только вознаго отъ гродскаго уря-
да, но даже и какое-нибудь официальное лицо въ качествѣ вижа (возный,
вижъ—судебный приставъ): паны просто сбивали копу со слѣда и прого-
няли прочь, случалось еще и съ насмѣшкой: «не умѣеть де копа вести
слѣдъ» (280).

Отъ всей этой процедуры, какъ гнали и отводили слѣдъ, вѣтъ на насъ
духомъ орхаческихъ временъ. Конечно, и люди Русской Правды вели точ-
но такимъ же образомъ свой «сводъ по землямъ». Копа беретъ слѣдъ и
идеть по нему. Слѣдъ приводитъ къ грунту (землѣ) такого-то села. Копа
останавливается на границѣ и посылаетъ дать знать въ село, чтобъ оно
выходило на границу, приняло слѣдъ и вывело его изъ своихъ предѣловъ.
Село высылаетъ отъ себя людей для отвода слѣда. Если это село помѣ-
щичье, то съ просьбою объ отводѣ копа посылаетъ на панскій двoръ и

понятія общи не только для всего славянскаго, но и для древняго нѣмецкаго пр. а.
(*Grimm*: „*Rechtsaltheimer*“, стр. 210). Въ славянскихъ же правахъ мы встрѣчаемся съ
этими понятіями, кромѣ русскаго, еще въ польскомъ (въ статутахъ піотковскихъ,
вслицкихъ, мазовецкомъ) и чешскомъ. Такимъ же образомъ въ разныхъ статутахъ
и друг. памятникахъ встрѣчаемся съ выраженіями: горячій судъ, завитой рокъ. По-
нимаемъ, что обычай копы помогутъ пониманію этихъ и подобныхъ темныхъ мѣстъ
и выраженій.

просить, чтобъ дворъ прислалъ кого-нибудь присутствовать при этой процедурѣ. Если злодѣй не укрывается на территоріи села, то слѣдъ можно вывести, и его выводить и ведутъ до новой границы. Тамъ повторяется то же: снова просить хозяевъ земли придти, взять слѣдъ и вывести. По Русской Правдѣ истецъ обязанъ былъ идти со сводомъ только до третьей земли: тотъ, кто владѣлъ третьей землей, долженъ былъ удовлетворить обиженнаго, а самъ уже вести сводъ дальше *). И здѣсь мы встрѣчаемъ въ одномъ дѣлѣ упоминаніе о трехъ границахъ, какъ бы намекъ на особое значеніе именно трехъ границъ (244). Но, къ сожалѣнію, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходится копѣ гнать слѣдъ, онъ кончается, не переходя трехъ границъ. Но вотъ копа привела слѣдъ на такую землю, хозяева которой не могутъ сдѣлать «отвода» и тѣмъ «себя очистить». Хозяева—будто село или отдѣльный землевладѣлец—могутъ, конечно, сначала дѣлать попытки какъ-нибудь отклонить отъ себя бѣду: могутъ доказывать, напримеръ, что слѣдъ, который усматривается на ихъ землѣ, не тотъ самый слѣдъ, который гонитъ копа и который связываетъ ихъ землю съ мѣстомъ преступленія, что потому они не повинны дѣлать отводъ. Но на сцену являются доказательства тождественности: слѣды разсматриваются, вымѣряются въ присутствіи обѣихъ сторонъ и какого-нибудь официального лица, представителя власти, которые «уфалаютъ слѣдъ», «же то есть тотъ слѣдъ власный».

Какъ же быть дальше? Дальше дѣло могло принимать различный оборотъ. Село—или личный хозяинъ земли—могло просто-на-просто отказать отводить слѣдъ; тогда истецъ давалъ вину тому селу, а себѣ оставлялъ право на «вольное правовое мовенье» (точно: свободный правовой разговоръ) на слѣдующей копѣ, гдѣ село это уже должно было явиться въ качествѣ отвѣтчика. Но село могло и не взять на себя вины; тогда оно должно было выдать настоящихъ виновниковъ преступленія, которые не могли не быть ему извѣстны,—собственно, фактически они могли ихъ и не выдавать, а только по общему приговору громады села «дать о нихъ справу». Наконецъ, возможенъ былъ и третій исходъ: если село не признавало себя виноватымъ, но, въ то же время, не могло себя очистить отводомъ слѣда, у него еще была возможность правнаго очищенія—предоставить копѣ «трясти дома». Впрочемъ, отъ копы зависѣло согласиться или не согласиться на трясенью.

Трясенью это, т.-е. обыскъ, было вторымъ правовымъ отпращиваніемъ горячей копы. Дѣлалось это приблизительно такъ. Если село давало со-

*) Съ обычаемъ свода, кромѣ русскаго права, встрѣчаемся въ сербскомъ, гдѣ о слѣдѣ говоритъ законникъ Стефанъ Душана (*Земль*, стр. 182), также въ правѣ чешскъ (*Jereček: „Slowanské právo“*, II, стр. 244). Вообще, всѣ эти правовыя понятія съ ихъ обозначеніями: „сводъ“, „сочить“, „сокъ“ (сочящій, гонящій слѣдъ), „лице“ (и личное), по ихъ распространенности между всѣми славянскими племенами, заставляютъ думать о глубокой древности, предшествующей всѣмъ племеннымъ раздроб-

гласіе на то, чтобъ его трясли, то постановляло, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы никто изъ громады, и даже подростки, не входили больше въ свои дома, а всѣ стояли вмѣстѣ, чтобы не имѣть возможности скрыть что-нибудь. Нѣсколько человекъ съ вижемъ, безъ котораго нельзя было дѣлать обыскъ, шли отъ дома къ дому поочередно, осматривая всѣ строения, и забирали подозрительныя вещи, «лице», буде онѣ находились. Если неудобно было взять «лице», какъ, наприм., хлѣбъ, сѣно, то его оставляли на мѣстѣ, представляя сторбжу.

Бывали случаи, что горячей копѣ не нужно было ни гнать слѣду, ни трясти; тогда она собиралась, чтобы сдѣлать опѣтъ, т.-е. опросъ, лицъ, которыя могли что-нибудь знать или слышать о случившемся.

Все это—и слѣды, и трясенье, и опѣтъ, и осмотръ (наприм., потравы)—давали матеріалъ для судебного слѣдствія, которому была посвящена уже великая, генеральная, вальная копа.

IV.

Истецъ путемъ горячей копы собралъ кое-какой матеріалъ, освѣщающій дѣло; надо дать этому дѣлу дальнѣйшій правовой ходъ, созвать великую копу. Но истецъ могъ и ничего не добиться горячей копой, никакихъ слѣдовъ шводника не обнаружилось. Опять-таки нѣтъ другого исхода, какъ склизать великую копу; авось она поможетъ своимъ «большимъ разсудкомъ», тѣми сильными средствами къ раскрытію истины, какими располагаетъ цѣлое населеніе копнаго округа—кто-нибудь, что-нибудь, гдѣ-нибудь видѣлъ, слышалъ, кто-нибудь, что-нибудь сообразилъ, и, смотришь, уже въ рукахъ ниточка, по которой можно добраться и до сути. И надо сказать, что почти всегда оно такъ и было. Крайне рѣдки случаи, когда даже и большая копа ни до чего не добирается, и вынуждена пустить дѣло «на переслухъ». «Когда узнаешь что-нибудь, тогда снова сберешь копу и будешь отыскивать своего шводника»,—такъ заявляетъ въ этомъ случаѣ копа пострадавшему. Для добыванія же вѣстей наибольше всего случаевъ представлялось «на торгахъ и въ корчмахъ», куда и долженъ былъ обращаться истецъ со своимъ дѣломъ, пущеннымъ «на переслухъ».

Истецъ собираетъ на такой-то день большую копу: всѣ, кто повиненъ на нее становиться, должны явиться на коповище. Единственный предлогъ, по которому могло не состояться собраніе, это неотложныя полевые работы, «часъ пашный». Затѣмъ ни время года, ни непогода не могли служить отговоркой. Недаромъ коповища назначались обыкновенно «подъ дубами», «подъ липами» и т. д.,—это, все-таки, представляло нѣкоторую защиту, когда приходилось стоять цѣлый день подъ дождемъ, какъ бы вало; случалось, что ждала иногда копа выхода какихъ-нибудь своихъ членовъ и дня по два.

На копу шли только домохозяева, но, въ случаѣ необходимости, онъ были обязаны представлять и свою челядь. Допускалось и представителю

ство, и тѣмъ дальше, тѣмъ въ большихъ и большихъ размѣрахъ: вѣроят-
но, тутъ оказывалъ свое вліяніе и панъ, въ интересахъ котораго было
ограничивать личное участіе своихъ подданныхъ въ копныхъ дѣлахъ.
Стали появляться на копахъ по два мужа отъ села въ качествѣ предста-
вителей своихъ односельчанъ: они заявляли, что берутся отвѣчать за свое
село и уполномочены совершать отъ его имени всѣ правовыя дѣйствія.
Но отъ копы и лица зависѣло удовлетвориться ли этимъ представитель-
ствомъ, или потребовать личнаго выхода остальныхъ.

Однако, какія же средства, помимо нравственныхъ, имѣла копа побу-
ждать своихъ членовъ къ выходу? Одно, но чрезвычайно сильное: по край-
ней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока копа имѣла силу приводить въ исполненіе
свои рѣшенія, дѣйствіе этого средства было неотразимо. Это—юридическая
формула, одна изъ основныхъ формулъ копнаго права: «невыходъ платитъ
шкodu» *). «Всѣ ли вышли?»—опрашиваютъ, прежде всего, другъ друга му-
жи-копники. «Нѣтъ такого-то и никого не выслажъ онъ за себя на копу
для отвѣта». Копа даетъ знать отсутствующему, если только въ немъ
почему-либо заинтересована, чтобъ онъ непременно явился на слѣдующую
копу или представилъ кого-нибудь за себя; однако, тотъ не является снова
и никого не ставитъ. Третья копа, завитая, «по невыходу» прилагаетъ
всю шкodu къ тому отсутствующему. А то, какъ нерѣдко случалось, люди
дѣлаго села «не выходятъ на копу, ани о себѣ вѣдомости учинить не хо-
тятъ», а то и становятся, но утекаютъ съ копы. Опять-таки завитая копа
кладетъ вину на село. Эта простая формула очень облегчала конное судо-
производство и совсѣмъ не была столь нелѣпой въ правовомъ смыслѣ,
какъ это можетъ казаться съ современной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ,
если членъ копнаго округа съ явною предумышленностью уклоняется отъ
того, что всѣми и каждымъ признается его непремѣнною обязанностью,
отъ участія въ копномъ собраніи, какая можетъ быть этому причина,
кромѣ страха передъ копнымъ правосудіемъ, кромѣ сознанія своей прикос-
новенности къ правонарушенію («ту се значи ижъ не правый, али винный
утекаетъ», 44)? Къ тому же, приложеніе формулы «невыходъ платитъ шкodu»
совсѣмъ не тождественно съ обвинительнымъ приговоромъ, ничуть: платя-
щій шкodu по невыходу не только не признается этимъ самымъ преступ-
никомъ, но даже и шкодникомъ. Онъ не вышелъ и тѣмъ навлекъ на себя
подозрѣніе, а, главное, положилъ препятствіе къ дальнѣйшему отправленію
копнаго правосудія. Вслѣдствіе этого онъ долженъ взять на себя послѣд-
ствія правонарушенія, матеріальное удовлетвореніе обиженной стороны. Но
у него не отнято право вести дѣло дальше,—тѣми же самыми правовыми
средствами отыскивать настоящаго виновника и получить отъ него удовле-
твореніе. Повидимому, села, въ средѣ которыхъ находился виновникъ, не-

*) „Нестанье на судъ“ или „нестанье на завитой, третій, рокъ терлетъ дѣло“,—
положеніе, выраженное въ разныхъ памятникахъ чешскаго и польскаго законо-
дательства.

рѣдко поступали такъ: не выходили на копу, брали такимъ образомъ на себя шкodu, а потомъ домашнимъ образомъ управлялись съ нарушителями спокойствія. Разумѣется, такая постановка возможна лишь при господствѣ известной точки зрѣнія, что главная цѣль правосудія есть удовлетвореніе обиженной или пострадавшей стороны, при предположеніи, что всякій ущербъ можетъ имѣть свой матеріальный эквивалентъ. Эта точка зрѣнія, послѣдовательно проведенная, могла приводить къ такимъ видимымъ несообразностямъ: наприм., подозрѣваемые въ убійствѣ оправдываются путемъ очистительной присяги (о ней ниже) и освобождаются отъ наказанія, но, тѣмъ не менѣе, присуждаются къ уплатѣ головщины въ пользу истца (259).

Но вотъ копа собралась въ полномъ составѣ: иногда человекъ сто и болѣе. Есть всѣ повинные, т.-е. настоящіе копные мужи, всѣ, кого требовалъ истецъ въ качествѣ ли отвѣтчиковъ или свѣтковъ (свидѣтелей), явились нарочно приглашенные сторонніе люди (можетъ быть, изъ-за предѣловъ копнаго округа?) и, наконецъ, возный, вижь, тоже со «стороной», двумя шляхтичами. Водворяютъ «порядокъ по обычаю и праву своему копному», старшіе копники «засѣдаютъ въ лавѣ» (въ ряду) съ вознымъ и стороною людьми добрыми. Старшіе копники провозглашаютъ судъ открытымъ. Дальнѣйшій ходъ зависитъ отъ частныхъ обстоятельствъ дѣла.

Если истецъ не могъ ничего добиться предварительнымъ разслѣдованіемъ, онъ обращался къ копѣ приблизительно съ такою рѣчью: «Панове-мужеве! прошу васъ и спрашиваю, не слыхали ли вы чего-нибудь о моеѣ шкодѣ на торгу или въ корчмѣ въ какихъ-нибудь разговорахъ, въ бесѣдѣ, не упоминалъ ли кто относительно себя или другого? Или, можетъ быть, вамъ пришлось увидѣть, что кто-нибудь несетъ или везетъ что-нибудь въ то время, какъ мнѣ шкода стала, или у кузнецовъ, можетъ быть, видѣли (дѣло идетъ о покражѣ съ мельницы муки и желѣзныхъ орудій), что они перерабатываютъ желѣзные орудія на другія вещи, или покупаютъ ихъ и продаютъ, или, можетъ быть, кто-нибудь, не имѣя своего хлѣба, хлѣбомъ торговалъ?»

Начинается опытъ всѣхъ присутствующихъ мужей-копниковъ. Село за селомъ, или черезъ своихъ представителей, должны «въ одно слово повѣдать», что они не суть такому-то шкодниками и не знаютъ ничего ни о какой шкодѣ. Въ иныхъ случаяхъ соблюдается строгій порядокъ опыта. Наприм., дѣло идетъ объ убитомъ человекѣ; села даютъ показанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхалъ убитый. Если нѣтъ на копѣ представителей изъ одного населеннаго пункта, лежащаго на дорогѣ, то люди изъ путей, дальше лежащихъ, совсѣмъ отказываются отвѣчать (250). Если дѣло шло о пропавшей лошади, начинается общій допросъ о томъ, былъ ли у кого въ то время, какъ произошла пропажа, какой-нибудь гость издалека, и если былъ, то открыто ли ушелъ, не укрывали ли его? (224). Обыкновенно такой опытъ непременно что-нибудь обнаруживалъ. Если было точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, являлись какія-нибудь косвен-

ныя указанія. Наприм., выступаетъ мужъ-копникъ и заявляетъ, что когда онъ молотилъ на панскомъ гумнѣ съ такими-то, то явился на гумно такой-то и «въ нихъ того жита на хлѣбъ просилъ», а ему такіе-то молотники отвѣчали: «ты-дей жита на хлѣбъ у насъ просишь, а сыновья твои хлѣбомъ торгуютъ; чего-жь ты у сыновей хлѣба не берешь и не просишь?» И вотъ копа уже имѣетъ ниточку, по которой добирается до воровъ, обобравшихъ мельницу. Или копникъ заявляетъ, что онъ былъ въ корчмѣ и тамъ слышалъ споръ между такими-то, причемъ упоминались такія-то имена и обстоятельства, имѣющія отношенія къ расслѣдуемому преступленію (328). Копя снова имѣетъ нить. Или «за пытаньемъ купнымъ» выступаютъ два мужа и выражаютъ свое удивленіе по поводу того, что такой-то Иванъ Стрыга, хотъ и стоитъ передъ вами, панове купя, а ничего не говорить, а между тѣмъ жена его то-то и то-то намъ, постороннимъ людямъ, при встрѣчѣ говорила насчетъ своихъ подозрѣній о томъ, откуда «въ сосѣдствѣ частокротъ шкоды становятся», и не могла же де она не говорить этого и ему, своему мужу. И тутъ «вся копа между собою переглянулись, размышляючи, что бы ей въ этомъ случаѣ дѣлать». Опять-таки копѣ есть за что ухватиться.

Но бывало и такъ, что большая копа, собравшись, уже имѣла желанную нить, помимо истца и общаго опыта копниковъ: надо было только ее укрѣпить. «Ты, старче Микито, со всеми подданными ея милости пани своее теперь на сей копѣ съ нами сталь?» — спрашиваетъ копа послѣ общей провѣрки всѣхъ собравшихся коплянъ (панскіе подданные выходили на копу со своими старцами, т. е. старостами). Микита отвѣчаетъ, что «я-дей, панове старцы и копляне, уже со всеми подданными ея милости пани моее вышолъ». — «А зачѣмъ ты не ставилъ раньше на копѣ двухъ изъ своего села, такихъ-то?» Старецъ объясняетъ, что онъ ихъ не ставилъ раньше не по какимъ-нибудь особеннымъ уважительнымъ причинамъ, а исключительно потому, что они сами не хотѣли идти «за неякою боязнью своею», и предлагаетъ копѣ самой спросить у этихъ двухъ, отчего они раньше не становились. Копя спрашиваетъ, тѣ подтверждаютъ, что дѣйствительно не шли раньше «одно за страхомъ своимъ». Тогда копа, посовѣтовавшись, спрашиваетъ между собою: «Развѣ были тѣ два человекъ въ какомъ подозрѣніи?» Выступаетъ одинъ мужъ-копникъ и заявляетъ, что онъ самъ изъ устъ старца Микиты слышалъ, какъ онъ обвинялъ въ расслѣдуемомъ преступленіи этихъ двухъ человекъ. Старецъ началъ было заператься, но долженъ былъ сознаться, — и вотъ опять завязывается узелъ, который копѣ у не трудно развязать.

Но чаще всего истецъ является на большую копу уже съ готовымъ и арпадомъ для обвиненія, собраннымъ путемъ горячей копы или другимъ имъ способомъ: этого требовалъ его собственный интересъ. Въ такомъ случаѣ копа прямо обращалась къ нему съ вопросомъ: «на кого онъ въ т своей шкодѣ имѣетъ жаль?» — иначе говоря, «на кого онъ кладетъ

вину?» Истецъ долженъ былъ «чинить доводъ». Съ этого момента большая копа вступаетъ въ свою настоящую роль. Изъ среды копы выбираются почтенные люди, которые выступаютъ въ роли судей, выбираются или самою копой, или истцомъ и отвѣтчикомъ. Послѣ объясненій истца, заключающихъ въ себѣ обвиненіе, передъ копой долженъ выступить обвиняемый и «дать о себѣ справку», «сдѣлать выводъ».

Вообще къ обвиненію предъявлялись совсѣмъ инныя требованія, смотря по тому, на кого оно обращалось: на добраго ли мужа, ни въ чемъ никогда не заподозрѣннаго, за добросовѣстность котораго готовы были выступить съ ручательствомъ и родня, и село его, или на «подозрѣннаго», «приличнаго» человѣка, особенно изъ лезныхъ, стоящихъ внѣ союза круговой поруки и отвѣтственности. Чтобы довести до конца обвиненіе добраго мужа, надо было выдвинуть значительный арсеналъ судебныхъ доказательствъ, одной малой частички которыхъ было достаточно для обвиненія подозрѣннаго лезнаго человѣка. Короче говоря, въ первомъ случаѣ *opus probandi* лежала на истцѣ, во второмъ случаѣ—на отвѣтчикѣ.

«Лице» (поличное) не играетъ, можно сказать, почти никакой роли въ числѣ судебныхъ доказательствъ на большой копѣ: потому, надо думать, что злодѣй, пойманный съ лицомъ, вынуждался къ добровольному сознанию и не нуждался въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ большой копы, а прямо переходилъ въ распоряженіе завитой копы, которая постановляла приговоръ и приводила его въ исполненіе. Но за то большое значеніе имѣли свѣтки, т.-е. свидѣтели.

Копы давала цѣну лишь свидѣтельству людей добрыхъ, ей извѣстныхъ. Когда отвѣтчикъ, доказывая *alibi*, ссылается на свидѣтеля, ему говорятъ: «То плохой отводъ: развѣ не могъ тебя видѣть какой-нибудь добрый человѣкъ, кѣмъ бы ты могъ сдѣлать отводъ, а не тѣмъ плохимъ, неизвѣстнымъ человѣкомъ? Дорога никогда не спитъ, ѣздятъ люди не только днемъ, но и ночью: какъ же бы ты большою дорогой да не встрѣтился, не съѣхался съ кѣмъ-нибудь?» (217). Впрочемъ, въ важныхъ дѣлахъ, наприм., убійствѣ, допрашивали всѣхъ обывателей данной мѣстности, не только мужчинъ, но женщинъ и даже дѣтей (432).

Истецъ въ подтвержденіе своего обвиненія «выдаетъ трехъ свѣтковъ». Копы спрашиваетъ у отвѣтчика: «если же всѣхъ трехъ свѣтковъ любишь?» Отвѣтчикъ изъ нихъ «улюбилъ и обралъ такого-то и повѣдилъ, то-деи добрый человѣкъ, може правду сознать». Когда избранный свидѣтель тоже показываетъ не въ пользу отвѣтчика, послѣдній заявляетъ: «похоже-де, что такой-то тѣхъ свѣтковъ накупилъ». Но для копы свидѣтельство въ браннаго самимъ отвѣтчикомъ свѣтка, подтверждаемое показаніями другихъ лицъ, уже имѣетъ рѣшающее значеніе (86).

Обвиненіе, опирающееся на свѣткахъ, должно было выставить ихъ не меньше трехъ: при двухъ свидѣтеляхъ необходимо было представить еще дополнительныя судебныя доказательства.

Если истецъ ссылался на людей изъ такого села, которое не повинно становиться на той копѣ, и потому не могъ представить ихъ на разбирательство, то копа сама выбирала изъ среды себя двухъ мужей добрыхъ и посылала для опроса свидѣтелей на мѣстѣ. Конечно, копа въ такомъ случаѣ должна была разойтись, чтобы собраться снова по полученіи свидѣтельскихъ показаній (224).

Пока копа добивается «слушныхъ доводовъ» отъ истца и выслушивать таковыя же «выводы» отъ отвѣтника, взвѣшиваетъ показанія свидѣтелей и косвенныя улики, выдвигающіяся обстоятельствами дѣла, она стоитъ на той же рационалистической почвѣ, на какой стоитъ и современный процессъ. Но если и современный народный правовой обычай носить на себѣ рѣзкіе слѣды генетической связи права съ иррационалистическимъ мировоззрѣніемъ, то, конечно, на отношеніяхъ къ праву всякаго человѣка XVI вѣка, а тѣмъ болѣе простого мужа-копника, эта связь должна была отразиться еще гораздо болѣе рѣзко. Наприм., мы имѣемъ дѣло съ такого рода судебными доказательствами.

Надо утвердить показанія, отрицаемыя противною стороной: доводчикъ ставитъ ногу съ тѣмъ, чтобы противная сторона приставила свою; копа, видя такое «смѣлое постановенье ноги съ ногой», склоняется на сторону доводчика, а неправильно запиравшійся отвѣтникъ сознается въ своемъ заpiresствѣ. Но что же, однако, было въ этомъ «смѣломъ постановеньи ноги съ ногой» такого, что могло такъ сильно подѣйствовать на душу и виновнаго, и копниковъ? Очевидно, никакихъ рационалистическихъ объясненій здѣсь приложить нельзя; только археологія права можетъ дать кое-какой намекъ на происхожденіе и значеніе этого обычая (63).

Или еще болѣе распространенный, постоянно встрѣчающійся обычай—ставить шапку. Истецъ или свидѣтель, всякій, кому надо было усилить вѣсь своихъ показаній, ставилъ шапку и требовалъ, чтобы противная сторона приставила свою. Въ чемъ опять—таки заключалась сила этой шапки—дѣло темное; но неправый не рѣшался обыкновенно на приставку *).

Или значеніе черты (вѣроятно, подъ чертой надо разумѣть что-нибудь вроде веревки или легкой огорожи, о которой говорить Гриммъ въ своихъ *Bechtsalterthümer* по отношенію къ нѣмецкому народному суду, для отдѣленія дѣйствующихъ лицъ процесса отъ остальной массы): истецъ требо-

*) Обращаясь къ археологіи права, мы находимъ въ древнемъ чешскомъ судномъ процессѣ слѣдующее указаніе, осмысливающее нѣсколько эту „ногу“: истецъ становится правою ногою на спорную вещь, а отвѣтникъ лѣвою, и въ такомъ положеніи выговариваютъ формулу „вданя“, т.-е. правоваго заклада, — обязательства уплатить н-то сумму въ случаѣ своей неправоты (*Jereček*: „Slovanské pravo“, II, стр. 219). Ближнему, родственное происхожденіе имѣла и „шапка“: по крайней мѣрѣ, въ древнихъ памятникахъ литовско-русскаго права упоминается шапка, въ которую (ется правовой закладъ — рубль грошей. Но все это, конечно, нужно принимать не за простое указаніе на древность и широту распространенія тождественныхъ словъ, чѣмъ за объясненіе къ ихъ генезису.

валъ у отвѣтчика стать на черту, всѣ мужи-вопники въ нѣкоторыхъ случаяхъ видали свои шапки за черту или просто выданы за черту. И все это являлось не въ видѣ мертвыхъ правовыхъ символовъ, сохранившихся какъ переживаніе, а въ видѣ живыхъ правовыхъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, обычай ставить ногу или голень, ставить или приставлять шапку является съ вѣсомъ настоящихъ судебныхъ доказательствъ, хотя, можетъ быть, уже и лишенныхъ вполне самостоятельнаго значенія.

Но за то съ вполне самостоятельнымъ значеніемъ является присяга, обычай той же самой категоріи, но получившій въ вопномъ правѣ большое значеніе и очень широкій районъ примѣненія.

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ *).

I.

Всякаго, изучающаго совмѣстную жизнь народовъ въ наши дни, болѣе всего поражаютъ въ ней два рѣзко противоположныя теченія: съ одной стороны, во всѣхъ областяхъ практической и теоретической дѣятельности людей замѣчается стремленіе ихъ къ *сближеніямъ* и взаимному ихъ *обмѣну мыслей и продуктовъ труда* на самой широкой, международной почвѣ; съ другой—обостряются и усиливаются *политическая рознь и натянутость* между кабинетами Европы, а по увѣренію многихъ, даже между самими ея народами.

Весьма многіе у насъ и за границей любятъ особенно толковать на тему этой розни, будто бы существующей между нашимъ отечествомъ и Западною Европой и вытекающей какъ изъ всего прошлаго ихъ, такъ и равно изъ всего ихъ современнаго склада. Въ исторіи и въ природѣ латиногерманскихъ и славянскихъ народовъ лежатъ причины глубокихъ между ними противоположностей, говорятъ многіе, и если это такъ, то обособленіе и вражда между обѣими половинами нашего материка должны современемъ, все усиливаясь, привести къ неминуемой войнѣ и катастрофѣ, одинаково для всѣхъ нежелательнымъ.

Но спокойное и всестороннее изслѣдованіе этого капитальнаго вопроса съ точки зрѣнія науки приводитъ къ убѣжденію въ несостоятельности вышеприведеннаго воззрѣнія, несмотря на его распространенность и модность.

Въ исторіи отношеній Россіи къ Европѣ не трудно подмѣтить три періода.

Послѣ сравнительно-краткой эпохи оживленныхъ сношеній, частью торговыхъ, частью военныхъ, которыя поддерживали наши предки съ сосѣдями по великому пути изъ Варягъ въ Греки,—наступило долгое ихъ отчужденіе отъ Западной Европы, благодаря ихъ вѣроисповѣдному отличію, междукежескимъ усобицамъ, перенесенію центра тяжести русской государственной жизни съ юго-запада на сѣверо-востокъ, изъ Кіева во Владиміръ и

*) Публичная лекція, читанная 27 ноября 1892 г. въ Историческомъ музеѣ въ воустройствѣ сельскихъ библиотекъ.

Москву, и благодаря установленію татарскаго ига. Къ этимъ обстоятельствамъ нужно еще присоединить отдѣленіе насъ отъ Запада враждебными намъ поляками, литовцами и прибалтійскими нѣмцами. Изъ этой многовѣковой замкнутости вывелъ Россію гений Петра Великаго, открывшій ей доступъ къ морю и къ просвѣщенію. Съ его царствованія сношенія ея съ Европой не только становятся все оживленнѣе, но наступаетъ, въ рѣзкій контрастъ съ предшествующею эпохой, время подражанія всему иноземному и даже раболѣпства предъ нимъ. Сказывается печальное для всего нашего общества раздвоеніе между его высшими, образованными слоями и остальною массой чернаго невѣжественнаго люда.

Въ нашемъ XIX столѣтіи совершается новый крупный поворотъ въ жизни мыслящей части русскаго общества: пробужденіе національнаго сознанія, стремленіе сбросить съ себя ученическую зависимость отъ Запада. Многие обозначаютъ это движеніе возвратомъ домой, восстановленіемъ коренныхъ основъ и устоевъ самобытной русскаго жизни; но народы, какъ и отдѣльные лица, такихъ обратныхъ движеній совершать не могутъ: пока они живутъ, они движутся впередъ, и надо только желать и заботиться, чтобы шли они къ лучшему, а не къ худшему.

Можно и должно только радоваться такому пробужденію народовъ къ самосознанію и къ самостоятельному ихъ творчеству въ области политики, науки и искусства, но отсюда еще далеко до той розни и вражды между ними, печальные слѣды которой такъ поражаютъ насъ почти на каждомъ шагѣ.

Отношенія между государствами, какъ и между отдѣльными индивидами, управляются началами *нравственности*, соображеніями *политики* или принципами *права*. Оставляя первыя въ сторонѣ, поскольку они, касаясь внѣшней стороны общежитія, сливаются съ послѣдними, мы должны остановиться, хотя немного, на *соотношеніи между политикой и правомъ*. А такъ какъ совмѣстною жизнью государствъ управляетъ *право международное*, а политика, въ своемъ практическомъ направленіи, всегда исходитъ отъ *интересовъ* извѣстнаго, конкретнаго государства, то это приводитъ насъ къ вопросу собственно о соотношеніи между ними.

II.

Можно ли, говорятъ многіе, какія-то начала международного права, спорныя и неустойчивыя, примѣнять къ обсужденію важныхъ вопросовъ о войнѣ и мирѣ, отъ которыхъ зависитъ все благосостояніе народовъ? Государства, въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ, руководствуются и должны всегда руководствоваться лишь *собственными интересами*.

Конечно, международныя нормы далеки отъ той полноты и законченности, до какой онѣ должны быть, но объ ихъ неустойчивости громче все разсуждаютъ тѣ, которые либо вовсе ихъ не знаютъ, либо имѣютъ о нихъ самое смутное представленіе. Ихъ смѣшиваютъ то съ присвами диплом

товъ и планами разныхъ политикановъ, то съ интересами и требованіями того или другого могущественнаго правительства, задающаго тонъ въ данное время.

Всякое право, а, слѣдовательно, и международное, вѣрнѣе и совершенствуется въ уровень того, какъ вырабатывается на практикѣ болѣе совершенная система *организации* его нормъ и учрежденій и какъ проникають его принципы все глубже и шире въ *сознаніе* всѣхъ мыслящихъ слоевъ общества. Специально международныя нормы представляются тѣмъ-то проблематичнымъ тому, кто смотритъ на международныя событія чрезъ очки лишь повседневной текущей жизни, да какъ она еще является окрашеною политическими или національными воззрѣніями, безъ всякой болѣе глубокой исторической или юридической ихъ провѣрки. Ниже мы постараемся показать, что международный строй и регулирующее его право имѣють реальное и жизненное основаніе и бытіе, не замѣчаемое лишь тѣми, которые этого не *знають* или не *хотятъ* знать.

Признаніе *политическихъ интересовъ* за единственный принципъ и масштабъ для государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ есть ученіе весьма древнее, весьма распространенное даже въ наши дни, и, все-таки, не выдерживающее критики. Мы не говоримъ о томъ, что оно считалось вѣщью политической мудрости въ языческой древности, когда и самаго международного строя еще не существовало, но на рубежѣ новой исторіи оно было сформулировано и послѣдовательно проведено въ сочиненіяхъ флорентійскаго писателя Макиавелли, этого основателя новѣйшей науки о государствѣ и учителя едва ли не большинства практическихъ государственныхъ дѣятелей. Разсматриваемый нами принципъ, безспорно, составлялъ и главную пружину въ политикѣ европейскихъ кабинетовъ за первый періодъ возникновенія международного союза, извѣстный подъ именемъ «династическаго». Но къ какимъ послѣдствіямъ повело тогда его примѣненіе? Къ непрерывнымъ и самымъ произвольнымъ войнамъ, къ постояннымъ вмѣшательствамъ одного правительства во внутреннія дѣла другого, къ безчисленнымъ проектамъ раздѣловъ отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторые и были проведены удачно на практикѣ и т. д.

Договоры и мирные трактаты, весьма многочисленные, заключались тогда какъ будто для того, чтобы быть не исполняемыми и нарушаемыми, а не для болѣе прочнаго и справедливаго укрѣпленія мира между государствами. Словомъ, это былъ порядокъ, продолжавшій ту естественную анархію, устранить которую, еще по мнѣнію Гоббеса, и призвано болѣе о государство.

Порядокъ этотъ или, вѣрнѣе, царившая тогда международная анархія въ будто подтверждали основное положеніе англійскаго писателя объ э-соціальной природѣ челоуѣка: homo homini lupus—и вели къ возроженію на новой, общественной почвѣ той вѣчной вражды и войны каждаго противъ всѣхъ, bellum omnium contra omnes, которая составляетъ характеристическую черту первоначальной, догосударственной эпохи. Что

удивительнаго, если, при такихъ условіяхъ, войны и раздоры по вопросамъ внѣшней политики, отвлекая вниманіе и силы правительства отъ болѣе важныхъ задачъ внутренняго управленія, быть можетъ, болѣе всего подкосили и распатали авторитетъ монархическаго принципа на Западѣ Европы.

Въ наши дни политическіе интересы понимаются въ смыслѣ насущныхъ національныхъ потребностей конкретныхъ государствъ. Такое пониманіе гораздо серьезнѣе прежняго на нихъ воззрѣнія, какъ на пользы и выгоды однихъ лишь кабинетовъ, но и оно, служа удобнымъ руководствомъ для цѣлей практической политики и являясь тутъ, въ извѣстномъ смыслѣ, законнымъ, не можетъ быть возведено въ высшее или даже единственное мѣрило взаимныхъ сношеній народовъ. Разсматриваемое само въ себѣ, это воззрѣніе совпадаетъ съ механическою теоріей о государствѣ, въ которомъ оно видитъ не живые организмы и нравственные личности, а лишь продукты силы, могущіе во всемъ себѣ самимъ довлѣть и враждебно настроенные ко всему остальному, внѣ ихъ лежащему міру. Намъ скажутъ, зачѣмъ доходить до подобныхъ крайностей? И политика интересовъ уживается съ умѣренностію и сводится, въ сущности, къ мудрому эгоизму, который всегда предпочитаетъ соглашенія—обращенію къ открытой силѣ.

Мы этого не отвергаемъ, но говоримъ, что эгоизмъ, хотя бы національный, какъ основная пружина дѣйствій человѣческихъ, возвращаетъ насъ къ идеямъ и традиціямъ языческаго общества, покоившагося, какъ извѣстно, на силѣ и порабощеніи. Основнымъ правиломъ его, въ сферѣ внѣшней политики, совершенно согласно съ принципами внутренней жизни древнихъ обществъ, было: «око за око и зубъ за зубъ». Правило это, по силѣ переживанія, стараются удержать и въ наши дни, но оно стоитъ въ полномъ противорѣчій съ основнымъ закономъ *любви*, на которомъ должна покоиться вся жизнь христіанскаго общества, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя. Предписанія этого закона отмѣняютъ Моисеево *ius talionis* и не только въ частной, внутренне - государственной, но и въ международной жизни. Политика интересовъ грѣшитъ именно болѣе всего своимъ основаніемъ: она не хочетъ знать того высшаго начала, что государства, какъ представители живущихъ въ нихъ народовъ, суть не только личности, но и личности духовныя, обязанныя, какъ таковыя, подчиняться требованіямъ *нравственнаго закона*. Очень распространено заблужденіе, даже среди лучшихъ людей, будто принципы христіанской нравственности, управляя личнымъ спасеніемъ человѣка, не могутъ быть переносимы на общественную и государственную жизнь. Подобный дуализмъ между частною и общественною ея стороною въ принципѣ недопустимъ. Нравственный законъ по существу остается всегда однимъ и тѣмъ же и не прекращается отъ перенесенія его изъ одной области человѣческой дѣятельности въ другую. Измѣненія, которымъ онъ вслѣдствіе этого иногда подлежитъ, касаются лишь его объема, способа проявленія, а никакъ не его сущности и обязательности въ цѣломъ. Непризнаніе этой истины составляетъ одинъ изъ наиболѣе

лѣе распространенныхъ, но и пагубныхъ предразсудковъ въ современной политикѣ *). Отсюда множество насилій, двуличныхъ дѣйствій, легко извиняемыхъ, когда они касаются чужихъ народовъ и ихъ интересовъ. Такъ называемая политическая мораль въ этомъ отношеніи крайне растяжима и даже утрачиваетъ свою связь и единство съ высшимъ нравственнымъ закономъ вообще. Но это не должно быть. Священный союзъ, столь осмѣянный современниками и позднѣе, былъ правъ въ своемъ исходномъ принципѣ, когда онъ заявилъ, что начала христіанской религіи,—начала справедливости, любви и мира,—приложимы отнюдь не къ частной жизни только, но должны оказывать прямое вліяніе и на рѣшенія правителей, призываемыя ими какъ по отношенію къ ихъ собственнымъ подданнымъ, такъ и въ дѣлахъ съ иностранными правительствами. Государя, его заключившіе, напоминаютъ, что они, а, слѣдовательно, и ихъ народы, должны быть связаны между собою узами настоящаго и нерасторжимаго братства. Но Священный союзъ былъ неправъ въ томъ, что чисто-нравственнымъ принципамъ христіанства придавъ узкую теократическую окраску и, возведя себя въ оплотъ лишь консерватизма, превратился, по словамъ Наполеона I, въ союзъ царей противъ народовъ. Въ эпоху общихъ стремленій къ преобразованіямъ на политическомъ поприщѣ, онъ счелъ возможнымъ объявить войну всякому прогрессу и провозгласить основнымъ началомъ въ жизни государствъ застой, а не развитіе. Это его и сгубило, но, повторяемъ, самая мысль его была великая и истинная **). Она лежала въ признаніи принципиальнаго единства частной нравственности съ общественною и въ распространеніи началъ послѣдней на сферу международную. Къ этому же стремится и право международное, по скольку его нормы покоятся на твердыхъ устояхъ нравственнаго порядка вообще.

III.

Едва ли не серьезнѣе другое предубѣжденіе противъ международнаго права, какъ принципа, управляющаго совокупною жизнью государствъ. Историческая школа въ правовѣдѣніи доказала, что право вообще не есть искусственное твореніе человѣка и не создается произволомъ законодателя. Оно, подобно языку, растетъ и развивается въ народѣ естественнымъ образомъ. Настоящимъ его источникомъ является всегда *народное сознаніе*. Возникая изъ народнаго духа, оно, на всѣхъ ступеняхъ своего дальнѣйшаго развитія, стоитъ съ нимъ всегда въ органической связи, и поэтому естественное право, какъ положительное, есть національное явленіе.

Можно ли эту мѣрку приложить къ праву международному? Общаго сознанія о правѣ, говорятъ скептики, хотя бы среди народовъ Европы, никогда не существовало и не можетъ быть. Мы знаемъ право сознаніе нѣм-

*) *Мартенсъ*: „Христіанское ученіе о нравственности“, въ перев. *Долухина*. 0 г., т. II, стр. 531 и 530.

***) *Мартенсъ*, назв. соч., т. II, стр. 677—669.

цевъ, французовъ, англичанъ и т. д., но мы не знаемъ международнаго правосознанія. Безъ него же право международное будетъ лишено всякой реальной почвы и сведется опять-таки къ политическимъ же соглашениямъ между правительствами.

Отвѣчать на это возраженіе можно только съ точки зрѣнія широкаго и сравнительнаго изученія исторіи народовъ.

Достойно вниманія, что уже римляне, на основаніи опыта, пришли къ пониманію нѣкоего права народовъ, *jus gentium*. Кромѣ гражданскаго права, свойственнаго опредѣленному народу, они увидѣли, что существуютъ еще общіе принципы этого права, опредѣляющіе семейныя, имущественныя и обязательственныя отношенія существенно одинаково у всѣхъ народовъ. Такъ, это *jus gentium* расширило и смягчило примѣненіе ихъ *jus civile* *). Правда, источникомъ своимъ оно имѣло не законодательную власть, но естественный разумъ (*naturalis ratio*), т.-е. человѣческую природу, ея законные интересы и потребности. Но чѣмъ болѣе римскіе юристы проникались сознаніемъ общности правовыхъ понятій у всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе они отказывались, въ примѣненіи своего *jus civile*, отъ строгаго, формальнаго его истолкованія и тѣмъ болѣе у нихъ получалъ перевѣсъ голосъ справедливости (*aequitas*) надъ строгимъ правомъ (*jus strictum*). Такимъ образомъ, *jus gentium*, принявъ въ себя общечеловѣческія начала, распространилось не только въ древнемъ мірѣ, но и сдѣлалось источникомъ гражданско-правовыхъ законовъ и всего юридическаго образованія у современныхъ цивилизованныхъ народовъ **).

Въ средніе вѣка *церковь*, какъ самостоятельный и организованный союзъ, выработала и свою особую систему права—каноническаго, которое, болѣе или менѣе свободное отъ мѣстныхъ и національных отгѣнговъ, служило нерѣдко образцомъ для гражданскихъ и уголовныхъ законовъ средневѣковыхъ народовъ.

Другимъ универсальнымъ учрежденіемъ въ тѣ эпохи было *рыцарство*. Члены его много содѣйствовали проведенію болѣе благороднаго воззрѣнія на войну и даже смягченію многихъ ея сторонъ. Рыцари перестали смотрѣть на нее какъ на кровавое ремесло, но видѣли въ ней благородное искусство владѣть оружіемъ. Стремясь воплотить въ себѣ высокій идеаль христіанскаго воина, они считали главными достоинствами своего званія храбрость, великодушіе и вѣрность обѣщаніямъ. Они не ставили себѣ цѣлью непременно, во что бы ни стало, убивать врага, но довольствовались его покорностью. Какъ въ гражданской жизни, такъ и на войнѣ они въ теченіе столѣтій свято соблюдали неписанный кодексъ законовъ, которыхъ никто не смѣлъ отступиться. Многие изъ этихъ обычаевъ и привилѣй не умерли съ рыцарствомъ, но, перейдя въ воззрѣнія и привыч

*) Объ этомъ говоритъ Гай: „*Populus Romanus partim suo proprio, partim cum omni omnium hominum jure utitur*“ (*Inst.*, I, 1).

**) *Мартенсъ*: „Современное междунар. право“, т. I, стр. 65.

дворянства и служилыхъ людей, а также въ военные законы и уставы новѣйшихъ государствъ, продолжаютъ жить до нашихъ дней частью въ военной дисциплинѣ, частью въ рыцарскомъ духѣ, которымъ всегда стремились отличаться лучшіе полководцы и офицеры. Отъ рыцарей ведетъ начало различіе правильной, честной войны (*bonne guerre*) отъ звѣрской (*mauvaise guerre*) *).

Не менѣе любопытна исторія *морского права* въ средніе вѣва. Возникшіе тогда, подъ напоромъ практическихъ потребностей, морскіе и торговые обычая регулировали однообразно права и интересы торговаго сословія независимо отъ религіознаго или племеннаго характера его членовъ. Въ разработкѣ и кодификаціи этихъ обычаевъ не участвовала верховная власть. На нихъ почти не видно слѣдовъ національности, но они отмѣчены характеромъ космополитическимъ. Поэтому они сильно напоминаютъ римское *jus gentium*, но съ тою, однако, разницею, что народы подчинились имъ тогда добровольно и непринужденно. Существованіе ихъ доказываетъ ясно, что *право можетъ быть произведеніемъ многихъ народовъ*. Позднѣе эти обычая, записанные въ особые сборники, перешли въ ордонансы и законы европейскіхъ правительствъ, а равно въ практику ихъ судовъ. Этими заимствованіями изъ названныхъ сборниковъ объясняется, между прочимъ, сходство почти всѣхъ морскихъ уложеній Европы и выраженныхъ въ нихъ основныхъ началъ нынѣ дѣйствующаго морского права **).

Эти примѣры показываютъ намъ, что, даже независимо отъ вопроса о существованіи международнаго права, положеніе исторической школы о *національномъ характерѣ* всякаго *положительнаго* права должно быть исправлено и расширено въ томъ смыслѣ, что *право можетъ явиться продуктомъ совместной жизни народовъ*, если они поставлены въ болѣе или менѣе одинаковыя условія вѣшняго и внутренняго развитія. Общность интересовъ и историческихъ судебъ поведетъ ихъ съ теченіемъ времени, сама собою, къ общности возрѣній и къ извѣстному сходству ихъ общественныхъ формъ и учреждений. Этими причинами вызванъ къ жизни и международный строй. Онъ возникъ и въ продолженіе вѣковъ, хотя медленно, не неукоснительно укрѣпляется въ силу возрастающихъ *практическихъ потребностей* новыхъ народовъ и успѣховъ *теоретическаго* у нихъ *мышленія*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и международное право, какъ положительное, — реально и живо, потому что оно тоже одинъ изъ *продуктовъ самой жизни и науки* новой Европы. Не вдаваясь въ подробности, мы можемъ тутъ на- шѣтить лишь нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся фактовъ.

IV.

Новые народы Европы, романскіе, германскіе и славянскіе, пришедшіе съ смѣну Рима, прежде всего, соединены между собою узамъ двойного род-

*) Каченовскій: „Курсъ междунар. права“, кн. II, стр. 290 и 303.

***) Каченовскій, тамъ же, стр. 331 и 336.

ства: физиологическаго, по крови, и духовнаго. Они вышли изъ одной общей родины, въ Азіи, и, какъ можно предположить, ведутъ свое начало отъ одного общаго родоначальника. Расселились они въ такой части свѣта, въ Европѣ, которая, изъ всѣхъ остальныхъ, по самымъ своимъ физическимъ свойствамъ, требуетъ отъ человѣка постояннаго напряженія всѣхъ его силъ, а съ другой стороны, способствуетъ сближенію и сношеніямъ людей, а не ихъ разобщенію. Принадлежа къ наиболѣе даровитой человѣческой расѣ, бѣлой, и къ той ея части, которую называютъ общимъ именемъ арійцевъ, народы эти особенно отмѣчены въ исторіи своею способностью къ высшей государственной жизни, живымъ сознаниемъ собственного человѣческаго «я» и личнаго достоинства, наконецъ, пытливымъ, чрезвычайно энергичнымъ умомъ. У нихъ мы видимъ не только богатство разнообразнѣйшихъ политическихъ формъ, но и широкое внутреннее развитіе и усовершенствованіе каждой изъ этихъ формъ въ отдѣльности,—отъ грубыхъ и простыхъ до самыхъ сложныхъ и свободныхъ. Этими способностями новыхъ народовъ къ *государственности* и къ *индивидуализму*, какъ внутренними факторами, болѣе всего вызвано къ жизни международное право. Но не должно упускать изъ вида другихъ, тоже очень важныхъ, элементовъ, повліявшихъ на его возникновеніе.

Народы эти нашли въ христіанской религіи идеи братства и любви къ людямъ, не сдерживаемые никакими временными или искусственными перегородками, и идеи, гораздо болѣе глубоко обоснованныя и практически плодотворныя, чѣмъ это было у стоиковъ. Они вступили въ богатое наследіе не только классической древности, особенно по части философіи, политики и права, но и приняли въ себя главные результаты, добытые всею предшествовавшею имъ тысячелѣтнею исторіей Востока. Вотъ почему, принимая все это въ соображеніе, можно безъ преувеличенія сказать, что наша европейская или христіанская культура—общечеловѣческая, столько же по вошедшимъ въ нее *универсальнымъ элементамъ*, сколько и по ея широкимъ, дѣйствительно *мировымъ задачамъ*. Такой культурѣ, сообразно съ ея ходомъ, должно соответствовать и право универсальное, общечеловѣческое, каковымъ, по существу своему, является право международное.

Съ указываемымъ нами явленіемъ не стоять въ противорѣчій позднее возникновеніе этого строя и не одинаковое участіе въ выработкѣ его началъ со стороны отдѣльныхъ народовъ Европы. Онъ возникъ поздно, въ XVII стол., когда пала средневѣковая замкнутость въ духовной и экономической области, когда удивительныя изобрѣтенія и открытія раздвинули человѣческую мысль въ пониманіи нашей планеты и вселенной, когда реформація положила конецъ обскурантизму и деспотизму, исходившимъ отъ папъ, и когда народы Европы пробудились къ новой самостоятельной жизни сперва подъ охраною могущественныхъ національныхъ монархій. Различная же степень ихъ участія въ общей международной жизни была лишь послѣдствіемъ ихъ различнаго внутренняго развитія и положенія въ семьѣ другихъ народовъ. Эти послѣднія условія никогда не исчезаютъ и въ между-

народномъ быту, но, вопреки утвержденіямъ современныхъ націоналовъ, ими не подрываются высшія единство и общность европейской культуры.

На практикѣ росту международнаго союза въ новое время болѣе всего содѣйствовали два фактора: усиленіе принципа *общенія* между народами и постепенное, болѣе полное осуществленіе идеи *современнаго государства*.

Общеніе съ самаго начала исторіи новыхъ народовъ Европы стало по-немногу замѣнять изолированность и вражду, въ которой жили между собою древнія государства. Но даже въ тѣ отдаленныя эпохи, когда всѣ внѣшнія и внутреннія условія въ жизни народовъ такъ сильно толкали ихъ на путь взаимнаго обособленія, даже въ тѣ эпохи, насколько дозволяютъ намъ судить о нихъ скудныя и отрывочныя, дошедшія до насъ, свѣдѣнія, существовали между древними цивилизаціями извѣстное преемство и воздѣйствіе. Но въ средніе вѣка и позднѣе общеніе стало вырабатываться постепенно совмѣстнымъ и параллельнымъ ходомъ всей жизни ново-европейскихъ народовъ. Прежде чѣмъ перейти въ сознательный и самостоятельный *принципъ права*, оно стало сказываться и дѣйствовать на почвѣ *религіозной* (католическая церковь въ средневѣковомъ обществѣ), *экономическихъ интересовъ* (самостоятельная организація торговыхъ сословій и союзовъ тогда же) и *политики* (политическое равновѣсіе, какъ первое, но еще грубое и внѣшнее проявленіе между государствами Европы нѣкоторой общности и солидарности, но чисто-политической).

Переходъ общенія собственно на почву права сталъ опредѣленнѣе совершаться лишь въ нашѣмъ столѣтіи, и то мы присутствуемъ еще только при зарожденіи крайне любопытнаго явленія въ общественной жизни народовъ, о будущихъ цѣляхъ и размѣрахъ котораго судить теперь, даже приблизительно, крайне смѣло. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, если сообразить сложность и обширность международной жизни, которую принципъ общенія, какъ начало права, призванъ преобразовать и организовать, и если вспомнить недавнее возникновеніе междунагоднаго порядка, вообще не восходящаго, какъ сказано, далѣе трехъ вѣковъ отъ насъ.

Юридическая сила общенія въ международной области проявляется въ тройкомъ направленіи: во-первыхъ, въ томъ, что правительства стали за послѣднее время чаще и чаще издавать *законы*, регулирующіе международные интересы и освящающіе международные принципы. По воззрѣнію англійскихъ и американскихъ юристовъ (Блекстона, Филлимора, Уартона), международное право есть составная часть государственныхъ законовъ ихъ отечества *). Гарейсъ, въ своемъ учебникѣ по международному праву, ссылается на законы и распоряженія Германской имперіи, въ которыхъ

*) Особенно характерны слова Блекстона: „The International Law is adopted its full extent by the Law of England, and whenever any question arises which properly subject to its jurisdiction, it is hold to be a part of the Law of the land“ *commentaries on the Laws of England*. Кн. IV, гл. 5, приводится у *Pusey*: „Lehrbuch Völkerrechts“, 1889, S. 8).

выражается охрана международных интересов *)). Правительства, как известно, не утвердили декларации объ обычаяхъ и законахъ войны, выработанной на брусельской конференціи 1874 г., но многія изъ ея постановленій они приняли позднѣе въ своихъ законахъ, распоряженіяхъ и учебникахъ по военному праву, которые они стали издавать для своихъ военныхъ училищъ.

Во-вторыхъ, увеличивается число *договоровъ* по разнымъ вопросамъ общественной жизни, съ болѣе или менѣе богатымъ юридическимъ содержаниемъ и привлекающихъ къ себѣ все большее число участниковъ. Нѣкоторые, по своей части, представляютъ примѣры хотя частичной, но при этомъ довольно полной и тщательной кодификаціи (берлинскій актъ 1885 г. о Конго и Нигерѣ; брусельскій 1890 г.—о преслѣдованіи неготорговли въ Африкѣ и др.).

Въ-третьихъ, получаетъ воплощеніе идея о международной организаціи той или иной отрасли управленія, для чего создаются даже особые, спеціальныя *союзы* (почтовый, телеграфный и мн. др.) **). Государственное управленіе, такимъ образомъ, ради блага самихъ государствъ и ихъ подданныхъ, расширяется до международного управленія и въ немъ находитъ себѣ естественное завершеніе. То же стремленіе къ организаціи можно подмѣтить и въ болѣе частомъ обращеніи государствъ, въ наши дни, къ *международнымъ третейскимъ судамъ* и въ попыткахъ сдѣлать ихъ вообще болѣе правильными и постоянными. Повсюду это движеніе къ сближенію и къ сношеніямъ усиливается, независимо отъ политическихъ или національныхъ граней, и растетъ оно по мѣрѣ усовершенствованій въ техникѣ передачи челоуѣческой мысли независимо отъ пространства и передвиженія лицъ и товаровъ.

Не только усиливающееся общеніе, но и самая природа *современнаго государства* требуетъ международного права и порядка. Писатели нашего времени болѣею частью согласны въ томъ, что они видятъ въ государствѣ не какое-либо искусственное учрежденіе или логическое понятіе, а высшую форму *личности*. Спеціально современное государство они обозначаютъ, въ техническомъ смыслѣ, *правовымъ*. Такъ они его называютъ не потому, что оно издаетъ законы и опредѣляетъ право,—ибо безъ этого не существовало никогда ни одного государства,—а потому, что оно, какъ самостоятельная личность, въ этой своей дѣятельности, не должно сливаться и отождествляться ни съ подвластными ему гражданами, ни съ зависящими отъ него органами.

Но нельзя согласиться съ государственниками въ томъ, что государство абсолютно и принадлежащая ему верховная власть будто безгранична. Правда, они понимаютъ это лишь въ формальномъ смыслѣ ***), не отрицая

*) *Gareis*: „Institution des Völkerrechts“, 1887.

***) О нихъ ср. прекрасную книгу *Moynier*: „Les Bureaux internationaux des Unions universelles“, 1892, о которой мы дали отчетъ въ *Русской Мысли*, дек. 1892

****) „Нѣтъ силы и нѣтъ закона,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—которые были бы вы

ограничиваемости тѣми физическими и нравственными условіями, среди которыхъ она призвана дѣйствовать *). Но эта теорія, какъ она ни распространена, должна быть признана несостоятельною: государство, вытекающая изъ условій земной жизни человѣка, по самой своей природѣ, ограничено, и такимъ только оно и можетъ быть, какъ личность, да, притомъ, юридическая. Никакая сотворенная личность по идеѣ и въ проявленіи не абсолютна, т.-е. не можетъ сама себя во всемъ довѣсть, а живетъ и развивается лишь въ *союзѣ* и при *помощи* другихъ такихъ же особей, какъ она. Законъ этотъ одинъ какъ для физическихъ лицъ, такъ и для собирательныхъ. Будучи требованіемъ строгаго мышленія, онъ всюду подтверждается и историческимъ опытомъ. Затѣмъ, никакія нормы права, будь то законодательныя, тоже не абсолютны, но должны находить себя въ материальныхъ условіяхъ жизни и при встрѣчѣ съ другими принципами высшаго порядка формальныя границы, переступивъ которыя онѣ становятся недѣйствительными. Эти принципы должны быть предусмотрѣны и опредѣлены въ законѣ. По природѣ вещей къ таковымъ относятся: вѣчныя начала нравственности, личныя права человѣка и международныя положительныя нормы. Всѣ они формально должны ограничивать волю законодательной власти, кому бы она ни принадлежала: одному ли лицу, извѣстной ли коллегіи, или даже всему обществу.

Такимъ образомъ, изученіе вѣшной и внутренней жизни современныхъ государствъ въ одинаковой степени подкрѣпляетъ необходимость международного союза и объясняетъ причины его сравнительно быстрого роста въ нашемъ столѣтіи **).

Другимъ, не менѣе важнымъ, факторомъ рядомъ съ жизнью въ работѣ международного строя является *наука*. Она какъ бы собираетъ разрозненные лучи правосознанія народовъ въ одинъ фокусъ и, наводя его на явленія дѣйствительной жизни, не только способствуетъ общему ихъ разумѣнію, но и дальнѣйшему развитію въ будущемъ. Наука, въ сферѣ международной, по самымъ особенностямъ послѣдней, имѣетъ болѣе значенія и самостоятельности, нежели во всякой иной области права: тутъ она призвана не только распространять свѣдѣнія въ обществѣ и критически

верховой власти. Она дѣйствуетъ по законамъ, но она сама творитъ ихъ; въ этомъ смыслѣ она ничѣмъ не ограничена, она можетъ объявить закономъ все, что захочетъ, и никакое другое учрежденіе или отдѣльный человѣкъ не имѣетъ права сказать, что это не законъ" (лекція по исторіи русскаго права).

*) „Своими постановленіями,—читаемъ мы у того же автора,—верховная власть можетъ сдѣлать физически невозможное—возможнымъ, безнравственное—нравственнымъ, вредное—полезнымъ, и наоборотъ; все это вытекаетъ изъ природы вещей, а не называется законами" (тамъ же).

**) Подробности объ этомъ можно найти въ *Введеніи* къ кодексу *Блончли*: „Оченіи и успѣхахъ современнаго международного права" (въ русск. пер. г. Уляниц-о и Ладженскаго, 1877 г.). *Brie*: „Die Fortschritte des Völkerrechts seit dem vner Congress", 1890.—*Noguères*: „Des progrès du droit international public au XIX cle", 1891.

перерабатывать подлежащий ей вѣдѣнію матеріалъ, но и творчески будить мысль и открывать ей новые и болѣе обширные горизонты. Эта дѣятельность не произвольная, разъ она опирается столько же на законы нашего мышленія, сколько и исторіи. Въ этомъ смыслѣ понимали науку и всѣ лучшіе, передовые интернаціоналисты разныхъ временъ. Еще въ XVI ст. Гроцій, въ своихъ сочиненіяхъ *Mare liberum* и *De jure belli ac pacis*, высказалъ двоякій протестъ противъ произвола и грубой силы: съ одной стороны, на моряхъ, съ другой—во время войны. Его послѣдователи, придерживавшіеся началъ естественнаго права, указали въ нихъ, для международной жизни, новые и болѣе возвышенные нравственные идеалы, а позитивисты стали тщательно собирать всѣ матеріалы и прецеденты изъ практики государствъ, способные утвердить ихъ взаимныя сношенія на болѣе твердыхъ основаніяхъ сравнительно съ зыбкою почвой ихъ тогдашней политики. Среди переворотовъ, вызванныхъ французскою революціей, пишетъ Кантъ свой небольшой, но столь глубокій по содержанію проектъ о вѣчномъ мирѣ. Гефтеръ даетъ въ своей книгѣ юридическую обработку матеріаламъ нашей науки и въ этомъ направленіи находитъ многочисленныхъ продолжателей. Блючли раскрываетъ обще-человѣческую природу ея началъ и облакаетъ ихъ въ статьи хотя пока научнаго кодекса, но призваннаго современемъ расчистить дорогу для настоящаго кодекса народовъ. Кальтенборнъ, по тщательномъ изученіи писателей, кладетъ начало самостоятельному построенію всей системы международнаго права, а Лоранъ, во свѣтъ ея идей, пишетъ исторію человѣчества. Наконецъ, Фіоре указываетъ на практическіе способы ихъ осуществленія въ жизни, постепенно, безъ скачковъ и потрясеній.

Сообразно со всѣмъ ходомъ общественной жизни въ наши дни и наука облачается въ *коллективную форму*, представляющія такъ много удобствъ сравнительно съ единичными усиліями. Блестящимъ выраженіемъ этого является *Институтъ международнаго права*. Это—чисто-частное общество, но группирующее вокругъ себя ученыхъ по этой спеціальности всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Чуждый предвзятыхъ идей политики, онъ, согласно своему уставу, болѣе всего стремится стать органомъ юридической совѣсти народовъ въ международной сферѣ нашего времени.

У.

Мы видимъ, что всею предшествующею своею исторіей народы Европы дѣйствительно соединены въ одну семью, но это вовсе не исключаетъ большаго разнообразія въ ихъ индивидуальныхъ способностяхъ, возрѣніяхъ и даже извѣстныхъ между ними противоположностей. Последнія особенно будто бы велики между Россією и Европою и ихъ любятъ рѣзко выдвигать на первый планъ очень многіе какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Это происходитъ вслѣдствіе различныхъ предубѣжденій, о которыхъ нельзя не упомянуть.

За границею вообще не любятъ Россію. Каждый по-своему толкуетъ

мотивы этой нелюбви. Говорятъ: боятся ея могущества, не сочувствуютъ ея политическимъ принципамъ и идеаламъ, не довѣряютъ ея политикѣ и болѣе всего опасаются ея завоевательныхъ наступательныхъ намѣреній, начиная съ покоренія Константинополя, похода въ Индію и кончая... неизвѣстно чѣмъ. Эти возгласы стали раздаваться со времени фабрикаціи пресловутаго завѣщанія Петра Великаго и они повторялись съ различными варіаціями въ устахъ Фридриха II, Наполеона I и ихъ безчисленныхъ послѣдователей. Мысли, ихъ внушающія, вызвали болѣе всего крымскую войну и объясняютъ главное содержаніе берлинскаго трактата. Надо замѣтить, что эти утвержденія опираются, главнымъ образомъ, на политику, искони разъединявшую народы. Нелюбовь, о которой мы говоримъ, питалась еще незнаніемъ, а, слѣдовательно, и непониманіемъ Россіи. Ея отдаленность и языкъ, трудно изучаемый для западныхъ европейцевъ, содѣйствовали составленію и обращенію на ея счетъ различныхъ басенъ и устрасеній. Наконецъ, нравы многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, подолгу странствующихъ въ чужихъ краяхъ, могли внушить тамъ не особенно лестныя мнѣнія о народѣ, за членовъ котораго они себя иногда любятъ выдавать.

Намъ невозможно, само собою разумѣется, входить здѣсь въ оцѣнку каждаго изъ приведенныхъ мотивовъ и разобрать, что въ нихъ принадлежитъ къ міру дѣйствительности и что къ области чистаго вымысла. Замѣтимъ, однако, что европейцы, повторяя эти, или подобные имъ доводы, упускаютъ изъ вида такія важныя обстоятельства, какъ обширность Россіи, дѣлающую для нея рѣшительно нежелательнымъ всякое новое завоеваніе, миролюбивый характеръ ея населенія, постоянные успѣхи, среди него, промышленности, торговли, образованія. Все это—могущественные факторы мира и взаимнаго сближенія народовъ.

Съ другой стороны, усердные націоналы у насъ стараются возвести какъ можно выше стѣну, якобы отдѣляющую насъ отъ чуждаго намъ и враждебнаго Запада. Разнообразные голоса, раздающіеся въ этомъ направленіи, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ теченіямъ: Россія, говорятъ они, во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ Запада по своимъ прошлымъ судьбамъ, по своимъ задачамъ и по характеру ея кореннаго населенія; Западъ, несмотря на всѣ обмалчиваемыя наружныя формы, вступилъ въ періодъ разложенія и гніенія; торжество международныхъ идей мира и братства на практикѣ поведетъ народы къ нравственной дряблости и смерти. Отсюда—Россія призвана дать міру образецъ новой и высшей культуры *).

Въ этихъ утвержденіяхъ много смѣлаго и недоказаннаго. Они радуютъ и не русское сердце, но они едва ли выдерживаютъ строгую критику всепытующаго ума. Дѣло въ томъ, что въ нихъ пункты различія между западною и восточною Европой преднамѣренно увеличены и обострены, черты сходства, напротивъ, умалены или обойдены молчаніемъ.

*) Въ этомъ направленіи особенно писали: *Данилевскій*: „Россія и Европа“. 4-е 1890 г. *Л. Леонтьевъ*: „Востокъ, Россія и славянство“. 2 т. 1885 — 86 г. 1 *жес.*: „Национальная политика, какъ орудіе всемірной революціи“. 1889 г.

Мы не споримъ противъ того, что, въ силу всего своего прошлаго, Россія представляетъ большія отличія отъ западно-европейскихъ странъ, чѣмъ онѣ между собою, но эти отличія никакъ не могутъ обособить ея *) въ отдѣльный отъ Европы мѣръ: она, все-таки, остается страной европейскою и христіанскою. Въ продолженіе своей исторіи она послѣдовательно восприняла на себя дѣйствіе элементовъ: византійскаго, монгольскаго и западно-европейскаго, и элементы эти оказали огромное вліяніе на всѣ стороны ея теоретической мысли и практической жизни. Въ связи съ этимъ и культура, которую призваны, быть можетъ, развитъ и расширить славянскія племена въ будущемъ, корнями своими утверждается въ той почвѣ, изъ которой вышли всѣ указанные элементы. Они же всегда, въ значительной степени, будутъ обуславливать и ея конечныя цѣли и идеалы. Покидая же эту реальную и историческую почву, мы подвергаемся опасности увлечься личными желаніями и иллюзіями, которыя всегда по природѣ столь разнообразны и безбрежны.

Не къ таковымъ ли фантазіямъ слѣдуетъ причислить и мысли о гнѣвнѣи Запада? Многое въ его жизни можетъ намъ представляться ненормальнымъ и внушающимъ серьезныя опасенія за будущее, но отсюда до полнаго его разложенія еще далеко, а, съ другой стороны, мы сами въ дѣйствительности такъ ли во всѣхъ отношеніяхъ здоровы, какъ хотятъ насъ увѣрить въ этомъ иные близорукіе патріоты? Послѣдніе часто приходятъ въ негодованіе отъ современной пропаганды идей мира и братства между народами. Война,—восклицаютъ они за одно съ большинствомъ военныхъ людей,—законъ природы! Въ ней сказывается одна изъ формъ той борьбы за существованіе, которую ведетъ все живое и благодаря которой оно даже совершенствуется. Продолжительный миръ поведетъ лишь къ общей дряблости и трусости и лишитъ насъ тѣхъ высшихъ доблестей, которыми украшаетъ война. Специально русскій народъ въ пору общей опасности проявлялъ, въ борьбѣ съ врагами, столько мощной, стихійной силы, какъ рѣдко другой какой-либо народъ въ исторіи.

Читая подобныя сплетенія софизмовъ нашей печати, не можешь доволь-но имъ надивиться. Никто не отрицаетъ стихійную мощь русскаго чело-вѣка и право его отбиваться отъ враговъ не подвергается сомнѣнію, но защитники войны знаютъ не хотятъ всего, что въ основаніи подрываетъ ихъ утвержденія: современное общество, ходомъ всей его жизни, превра-щается все рѣшительнѣе изъ *военнаго* въ *промышленное*; война, благо-даря непрекращающимся усовершенствованіямъ военной техники, идетъ неотразимо къ *самоуничтоженію*; укрѣпленіе между государствами мир

*) По мнѣнію В. И. Ламанскаго, Россія не настоящая Европа и не настоящая Азія, а особый, посредствующій между ними *Средній мѣръ*, куда онъ относитъ и въ западныхъ славянскія земли. По послѣднія по своей исторіи, духу и симпатіямъ де селѣ, въ большинствѣ, тяготѣла всегда болѣе къ Европѣ, чѣмъ къ Россіи. Не то ж ли можно сказать о Румыніи, Греціи и, до извѣстной степени, даже Сербіи и Бо гаріи? (Ламанскій: „Три міра“ въ *Славянскомъ Обзорннн* 1892 г., кн. I—IV).

путемъ лучшей международной организаціи, не устранить въ человѣческой жизни борьбу и соревнованіе, но переведеть ихъ съ грубой и животной почвы къ формамъ болѣе благороднымъ и человѣчнымъ.

Всѣ эти улучшенія, сами по себѣ столь благія, могутъ только радовать и русскаго, любящаго свое отечество.

Хотя международный строй возникъ вѣ и безъ содѣйствія Россіи, но онъ не можетъ быть ей чуждымъ или враждебнымъ. *Безчисленныя нити*, — независимо отъ политической розни между тѣмъ или инымъ его членомъ, — *связываютъ восточную Европу съ западною*. Еще до вступленія своего въ европейскій концертъ Россія служила ему надежнымъ оплотомъ отъ нашествія азіатскихъ хищниковъ. Сдѣлавшись его членомъ, она, сообразно съ своимъ внутреннимъ складомъ, явилась, въ международной политикѣ, выразительницею и носительницею *консервативнаго начала*. Этимъ объясняется ея борьба съ Фридрихомъ II, Наполеономъ I и вся внѣшняя политика императора Николая. Одностороннее иногда пониманіе ею этого принципа и проведеніе его на практикѣ, вопреки требованіямъ жизни, много способствовали той нелюбви къ намъ Запада, о которой мы намекали выше. Но Россія стояла не разъ и за другія, болѣе широкія и *обще-человѣческія* идеи: Екатерина II выступила, въ актѣ вооруженнаго нейтралитета, противъ насилій англичанъ на моряхъ, и хотя кратковременна была тогда вызванная ею лига нейтральныхъ, но указаннымъ беззаконіямъ былъ поставленъ, все-таки, нѣкоторый предѣлъ. Мало того: Екатерина II вмѣстѣ съ Іосифомъ II обдумывала даже *общенародный морской кодексъ*, въ которомъ были бы выяснены обязательныя для народовъ, во время морской войны, правила, и эти правила она желала видѣть принятыми со стороны всѣхъ державъ безъ исключенія *). Императоръ Александръ I, серьезно заботившійся о замиреніи Европы и заключившій Священный союзъ, отнесся сочувственно къ сдѣланному въ 1816 г. предложенію Англіи о созваніи конференціи изъ военныхъ делегатовъ для опредѣленія нормальной численности каждой европейской арміи въ мирное время. «Даже такой человѣкъ, какъ кн. Метернихъ, въ особой запискѣ призналъ вредъ уже тогда усилившагося милитаризма, увидѣвъ въ слишкомъ многочисленныхъ арміяхъ не малую опасность для внутренняго порядка государства, ибо ими истощаются средства, необходимыя для управленія **). Императоръ Александръ II помышлялъ о *смятеніи войны* посредствомъ кодификаціи ея обычаевъ и законовъ. Если всѣ эти попытки не удались, то слѣдуетъ помнить, что виною тому были внѣшнія обстоятельства и что осуществленіе — лишь вопросъ времени. Наконецъ, Россія содѣйствовала освобожденію христіанскихъ племенъ изъ-подъ власти турокъ и, если она захочетъ вѣрною своимъ лучшимъ преданіямъ, она и впредь не отвернется въ нихъ ни подумаетъ объ ихъ порабощеніи.

*) *Мартенсъ*: „Собраніе трактатовъ Россіи“. II, стр. 131.

**) *Мартенсъ*, тамъ же. IV, ч. I, стр. 36.

VI.

Мы коснулись въ нашемъ очеркѣ лишь нѣкоторыхъ наиболѣе распространенныхъ предубѣжденій противъ международнаго права и порядка: всѣ эти и подобныя противъ нихъ возраженія покоятся на незнаніи или на недостаточномъ размысленіи о томъ, что нѣкоторые обсуждаютъ съ такою легкостью или съ чужаго голоса.

Международный строй вовсе не противорѣчитъ самостоятельности народовъ, въ какой бы то ни было области ихъ дѣятельности, но, ставя ихъ совмѣстную жизнь на почву нравственности и права, онъ стремится соединить ихъ, какъ живыхъ членовъ человечества, въ единый, стройный и организованный союзъ. Его идеаль—возможно справедливый и прочный миръ между государствами, какъ первое, основное условіе преуспѣянія народовъ и отдѣльнаго человѣка. Укрѣпленіе внѣшняго мира между государствами поведетъ неизбѣжно и къ упроченію ихъ внутренняго мира и свободы. Миръ, какъ юридическая идея, ничего не имѣетъ общаго съ нравственною дряблостью, застоємъ и паденіемъ, къ которымъ, по словамъ его противниковъ, будто бы поведетъ его торжество въ жизни человѣка и цѣлаго общества. Всѣ благородные стимулы человѣческой души имъ самимъ не притупляются; въ жизни и безъ войны останется много мѣста для нравственной борьбы человѣка съ самимъ собою и съ другими и для воспитанія его во всѣхъ тѣхъ доблестяхъ, которымъ будто бы научаетъ его всего дѣйствительнѣе война. Напротивъ, ограниченіе ея сферы обозначить укрощеніе звѣря въ человѣкѣ и къ этой цѣли должно стремиться все, даваемое ему, общественное воспитаніе. Съ облагороженіемъ возрѣній и нравовъ людей улучшается и общественная организація на всѣхъ ступеняхъ своего проявленія. Но въ этомъ должны участвовать всѣ умственные и нравственные силы, которыми только располагаютъ люди.

Все большее и большее приближеніе къ замиренію народовъ—такова высшая и конечная цѣль международнаго права, хотя оно ее понимаетъ какъ юридическій принципъ, въ смыслѣ мира юридически-организованнаго и общественнаго, т.-е. покоящагося на началахъ справедливости и общаго блага.

Еще ветхозавѣтные пророки говорятъ о времени, когда волею будетъ лежать вмѣстѣ съ ягненкомъ, когда мечъ и лукъ будутъ сломаны и мечъ будетъ перекованъ въ плугъ *). Съ самаго начала христіанства отцы церкви увидѣли въ мирѣ всеобщій необходимый законъ природы и политическій идеаль христіанства, долженствующій соединить всѣ народы тѣсными и неразрывными узами братства. Уже въ концѣ I вѣка, въ такъ называемомъ посланіи Климента къ коринтянамъ, мы читаемъ: всѣ твари, отъ высшихъ до низшихъ, подчиняются законамъ мира; соотвѣтственно съ этимъ и мы должны къ нему стремиться. Языческій патриотизмъ первые христіане на-

*) Ис. XI, 6; II, 4. Мих. IV, 3.

ходили недостойнымъ и противуобщественнымъ чувствомъ. «Въ чемъ состоятъ теперь любовь къ отечеству? — спрашиваетъ Лактанцій. — Въ ненависти къ другимъ государствамъ. Эта ненависть есть главный источникъ войны. Думаю, что правда и вражда между народами несовмѣстимы и не должны жить рядомъ въ вѣрующихъ душахъ». Проповѣдую равенство всѣхъ людей и народовъ, отцы церкви не дѣлаютъ оговорокъ въ пользу случайныхъ преимуществъ одного племени передъ другимъ и не примѣшиваютъ къ своему ученію гордости, эгоизма или уступокъ силѣ, подобно стоическимъ философамъ. Понятіе, что война есть бѣдствіе и наказаніе за грѣхи людей, съ тѣхъ поръ утвердилось между христіанами навсегда. Будучи противниками ея и связанныхъ съ нею учреждений, отцы церкви съ такою же энергіей возстаютъ противъ замкнутости древнихъ обществъ. «Мы не можемъ обойтись безъ взаимной помощи, — пишетъ Златоустъ. — Сама природа влечетъ насъ къ братскому союзу». Тертуліанъ и Августинъ смотрятъ на цѣлый міръ какъ на одно государство (*unum omnium reipublicam agnoscimus mundum*) и требуютъ свободы сношеній между христіанами. Отцы церкви не переставали заботиться о примиреніи народовъ, сдерживая своимъ вліяніемъ ихъ злыя инстинкты. Вездѣ являлись они вѣстниками мира или безкровными завоевателями, такъ какъ Евангеліе отвергаетъ другія средства къ обращенію, кромѣ увѣщанія и проповѣди.

Въ эпоху распадѣнія языческаго міра церковь была единственнымъ крѣпкимъ союзомъ между людьми, который не только замѣнялъ собою государство, но, подѣ духовною формою, предугазывалъ на будущее единство и организацію человѣчества. До возведенія ея на степень государственнаго учрежденія, она была проникнута самою широкою терпимостью, человѣколюбіемъ и универсализмомъ. Подѣ ея духовнымъ владычествомъ народы могли жить въ добромъ согласіи, сохраняя политическую независимость и не подчиняясь другъ другу. Равноправный союзъ между ними она признавала желаннымъ и полезнымъ для нея самой. Замѣчательно, что отцы церкви не проповѣдуютъ ни всемірной диктатуры, ни вооруженной теократіи, а вѣрятъ, что христіанство положить основаніе новому, естественному порядку на землѣ. «Евангеліе, — говорятъ они, — есть самый вѣрный путь къ миру и сближенію рода человѣческаго. Всѣ племена должны составить одну семью, въ которой не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ» *).

Таково воззрѣніе на сношенія народовъ первоначальнаго христіанства, пока оно было чуждо примѣси позднѣйшихъ политическихъ тенденцій. Между этимъ взглядомъ и идеаломъ международнаго права кроется глубокое внутреннее сродство. Право это стремится лишь облечь въ конкретныя юридическія формы то, что, на почвѣ христіанства, является возвышенными автвенными требованіями. Но какъ же тогда, скажутъ многіе, согласовать съ этимъ слова Евангелія о послѣднихъ временахъ міра и о конечной

*) Каченовскій, назв. соч., стр. 215—222. Ср. Кн. Трубецкой: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в.“ 1892 г., стр. 231 и сл.

судьбѣ челоѵѳка на землѣ? Не проповѣдь о замиреніи народовъ, объ укрѣпленіи между людьми любви и братства слышится въ нихъ, а, наоборотъ, грозныя предсказанія о повсемѣстномъ распространеніи беззаконій и беззачныхъ, имѣющихъ отсюда возникнуть войнъ и переворотовъ.

Вникая глубже въ это пророчество, мы склонны видѣть въ немъ тайну и предостереженіе. *Тайну* — на томъ основаніи, что намъ не дано вѣдать времена и обстоятельства, среди которыхъ наступаютъ эти послѣднія событія. Въ эпоху распадeнiя древняго общества и великихъ передвиженій народовъ можно было думать, какъ и дѣйствительно думали тогда, о скоромъ наступленіи конца міра. Тогда на самомъ дѣлѣ распался древній, язычскій міръ и зарождался новый, христіанскій. Эти ожиданія конца повторились впоследствии много разъ.

Но, кромѣ того, въ приведенномъ пророчествѣ заключается глубокое *предостереженіе*. Имъ указывается возможная и вѣроятная причина нравственной смерти челоѵѳчества. Последняя наступитъ, когда въ немъ изсякнутъ всякіе идеалы, когда въ наслажденіи матеріальными благами оно увидитъ весь смыслъ и цѣль жизни и когда на мѣсто Бога поставитъ собственное обоготворенное «я». Бороться съ такими явленіями — задача всякой культуры. Помимо силъ и утѣшеній, даваемыхъ челоѵѳку на эту борьбу религіею, онъ подкрѣпляется для ея веденія и лучшими доводами разума, научающаго насъ, что, вопреки всѣмъ толкамъ пессимистовъ, *законъ прогресса* управляетъ жизнью вселенной и челоѵѳчества. Въ силу этого закона мы видимъ въ мірѣ не только бессмысленную смѣну и повтореніе формъ и явленій, но постепенное ихъ, хотя бы чрезъ долгіе ряды потрясеній и страданій, восхожденіе отъ болѣе грубыхъ проявленій къ лучшимъ и высшимъ. Специально, совершенствованіе есть внутренній законъ жизни духа. Челоѵѳкъ и цѣлыя народы живутъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, пока они движутся къ совершенствованію. Все дѣлать, чтобы улучшать и облагораживать наше бытіе на всѣхъ ступеняхъ его проявленія, — первый долгъ каждаго, кто сознаетъ все величіе челоѵѳческаго достоинства. Самое отживаніе народовъ и распадeнiе царствъ еще не обозначаетъ застоя челоѵѳчества, какъ цѣлаго. Намъ невѣдомы горизонты, имѣющіеся еще предъ нами открытыя въ будущемъ, но пусть каждый изъ насъ, въ отѣренной ему области, честно и неутомимо трудится надъ укрѣпленіемъ и улучшеніемъ настоящей *челоѵѳчности*.

Гр. Л. Камаровскій.

Историческій методъ въ біологіи.

III. Что препятствовало и что способствовало успѣхамъ исторической идеи въ біологіи.

На основаніи всего сказаннаго нами ранѣе *) мы пришли къ заключенію, что ни морфологія, съ ея сравнительнымъ методомъ, ни фізіологія, съ ея методомъ экспериментальнымъ, не отвѣчали на всѣ вѣковые запросы біологіи. Только изученіе самаго процесса образованія органическихъ формъ могло объяснить современный строй органическаго міра. Но, какъ задача динамическая, это изученіе выходило за предѣлы морфологіи, науки статической. Въ то же время, изученіе этого процесса не могло быть и задачей фізіологіи, въ ея обычныхъ границахъ, какъ выходящее изъ сферы примѣненія чисто-экспериментальнаго метода, съ исключительно доступнымъ ему настоящимъ. Очевидно, задача эта должна была составить предметъ новой области біологическаго знанія, возстановляющаго прошлое организмовъ, т.-е. исторію органическаго міра. Но также очевидно, что эта новая отрасль изслѣдованія должна была строить свои основныя положенія на пріобрѣтеніяхъ двухъ первыхъ, служа для нихъ дополненіемъ и связующимъ звеномъ.

Далѣе мы убѣдились, что историческій процессъ, который могъ бы служить ключомъ для пониманія современнаго строя органическаго міра, долженъ былъ объяснить морфологу *единство*, а фізіологу совершенство или *цѣлесообразность* всего живого. Эту двойственность задачи хорошо сознавали всѣ натуралисты, когда-либо задумывавшіеся надъ нею и такъ или иначе пытавшіеся разрѣшить ее. Мы неоднократно высказывали мысль, что въ этомъ согласномъ указаніи всѣхъ отраслей біологіи на необходимость объединенія всѣхъ ея задачъ—однимъ общимъ допущеніемъ историческаго процесса развитія—было нѣчто *роковое*, какъ бы независимое отъ насъ и даже нерѣдко шедшее наперекоръ внутреннимъ стремленіямъ научныхъ дѣятелей, направлявшихъ біологію къ этому неизбѣжному исходу. съ они: Жюлье, Кювье, Декандоль, Бэръ, Агассизъ и друг. или упорно обхо-

*) См. *Русскую Мысль* 1892 г.

дили молчаніемъ, или даже открыто возставали противъ этого, казалось бы, неотразимаго вывода изъ ихъ блестящихъ открытій. Но если они такъ поступали, то, очевидно, имѣли логическую возможность такъ поступать? Посмотримъ, въ чемъ же заключались тѣ препятствія, которыя становились на пути признанія факта историческаго развитія органическаго міра. Конечно, мы будемъ имѣть въ виду только препятствія научныя, логическія, не касаясь соображеній ненаучнаго или внѣнаучнаго порядка, не потому, чтобъ эти послѣднія не являлись порою самыми существенными тормазами на пути правильнаго развитія науки, но потому, что изученіе столкновѣній различныхъ теченій человѣческой мысли составляетъ область исторіи вообще, исторіи цивилизаціи, а не спеціальной исторіи занимающаго насъ научнаго вопроса.

Всякій здравомыслящій человѣкъ, знакомый съ исторіей культуры, вполне понимаетъ, какъ плачевно было вмѣшательство этихъ идей внѣнаучнаго порядка въ область наукъ, касающихся природы неживленной. Но если по отношенію къ нимъ борьба уже прекратилась, то неисправная близорукость или напускная слѣпота мѣшаетъ еще многимъ видѣть, что въ настоящую минуту біологія переживаетъ тотъ періодъ своего развитія, изъ котораго другія науки о природѣ побѣдоносно вышли въ XVII вѣкѣ. И такъ, оставляя въ сторонѣ тѣ внутреннія побужденія, которыя нерѣдко руководили біологами въ выборѣ той или другой теоріи, останемся только на представлявшейся имъ логической возможности оправдывать то или другое воззрѣніе, исходя изъ наблюдаемой дѣйствительности.

Съ перваго взгляда, казалось бы, ничего не можетъ быть легче, какъ сказать себѣ, какъ нѣкогда Гёте въ Падуанскомъ ботаническомъ саду: «всѣ растенія произошли отъ одного», всѣ организмы связаны единствомъ происхожденія, степени сходства—только степени родства. И, между тѣмъ, большинство ученыхъ, съ самыми славными именами во главѣ, уклонялись отъ этого вывода или прямо отвергали его. Источникомъ этого противорѣчія лежалъ, конечно, не только въ складѣ умовъ этихъ ученыхъ, но и въ самой природѣ вещей. Въ строѣ органическаго міра наблюдалось глубокое противорѣчіе, оправдывавшее разногласіе ученыхъ или, по крайней мѣрѣ, дававшее имъ точку опоры, хотя, конечно, одни, составлявшіе большинство, по своему внутреннему складу охотно усиливали, подчеркивали это противорѣчіе, другіе, наоборотъ, пытались скользить по нему, хотя и не могли предъявить вполне удовлетворительнаго для него объясненія.

Противорѣчіе, представляемое органическимъ міромъ, заключается въ слѣдующемъ. Если всѣ живыя существа связаны узами кровнаго родства, то вся совокупность ихъ должна бы представить одно сплошное непрерывное цѣлое, безъ промежутковъ и перерывовъ, и самая классификація, въ смыслѣ подраздѣленія на группы, должна являться дѣломъ произвольнаго, усмотрѣннаго проведенія границъ тамъ, гдѣ ихъ дѣйствительно не существуетъ, т.-е. (какъ въ классификаціяхъ искусственныхъ) являться продуктомъ нашего ума, а не реальнымъ фактомъ, навязаннымъ извнѣ самою при-

дой *). Совокупность органическихъ формъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, должна бы намъ представиться тѣмъ-то слитнымъ, вродѣ млечнаго пути, гдѣ глазъ не различаетъ отдѣльныхъ свѣтилъ, а не собраніемъ различаемыхъ глазомъ и раздѣленныхъ ясными промежутками отдѣльныхъ звѣздъ, группирующихся въ созвѣздія. А, между тѣмъ, эти различныя и обозначаемыя нами различными именами отдѣльныя органическія формы, эти собирательныя единицы, изъ которыхъ мы строимъ всѣ наши системы классификаціи, все равно, искусственныя или естественныя, являются вполне реально, фактически обособленными, замкнутыми въ себѣ, не связанными между собою, какъ и отдѣльно видимыя звѣзды. И, въ то же время, группировка ихъ въ естественной системѣ является не произвольной, искусственной, какъ группировка звѣздъ въ созвѣздія, а также вполне реальной, основанной на несомнѣнной внутренней связи. Органическій міръ представляетъ намъ несомнѣнную цѣпь существъ, но подь условіемъ, чтобы мы смотрѣли на нее съ извѣстнаго разстоянія, охватывая ее въ одномъ общемъ взглядѣ; если же мы подойдемъ ближе, то убѣдимся, что это не сплошная цѣпь, а лишь расположенныя несомнѣнно на подобіе цѣпи, но, тѣмъ не менѣе, не спѣляющіяся между собою, не примыкающія непосредственно, отдѣльныя звенья. Вотъ это-то, казалось бы, непримиримое противорѣчіе и раздѣляло натуралистовъ на два лагеря. И то, и другое впечатлѣніе, выносимое изъ внимательнаго изученія природы, одинаково несомнѣнно, одинаково опирается на точное наблюденіе. Не будучи въ состояніи согласить эти два факта, связать ихъ въ одномъ логическомъ представленіи, одни, согласно общей склонности своего ума, приписывали выдающееся значеніе только первому, признавая только за нимъ реальную дѣйствительность, другіе, наоборотъ, признавали реальность второго факта, приписывая первому выводу только идеальное бытіе, видя въ немъ только построеніе творческаго ума. Одни, одаренные склонностью къ синтезу, останавливали свои взоры на органическомъ мірѣ, какъ на цѣломъ, скользя по противорѣчіямъ этого представленія съ безчисленнымъ рядомъ частныхъ фактовъ. Другіе, со складомъ болѣе аналитическимъ, сосредоточивали свое вниманіе на частныхъ фактахъ, закрывая глаза передъ впечатлѣніемъ, выносимымъ изъ разсмотрѣнія цѣлаго. Разрѣшить вопросъ можно было только допустивъ одинаковую реальность фактовъ обѣихъ категорій, признавъ ихъ полную равноправность и найдя, въ то же время, фактическую почву для ихъ соглашенія. Но именно это единственное возможное разрѣшеніе и не давалось первымъ смѣлымъ и убѣжденнымъ защитникамъ идеи историческаго развитія органическаго міра.

Разрозненныя звенья органической цѣпи, тѣ собирательныя единицы, въ которыхъ строится зданіе всякой естественной системы, получили въ

*) Такъ, наприм., законъ разрушаетъ подобное затрудненіе, называя человека, достигшаго 21 года, несовершеннолѣтнимъ, а человека, которому исполнилось 21 дѣ и одинъ день,—совершеннолѣтнимъ, хотя между этими существами, конечно, наблюдается никакого различія.

наукѣ названіе видовыхъ группъ или *видовъ*. Отсюда понятно, что всё представленіе объ органическомъ мірѣ, какъ цѣломъ, должны были завѣсть отъ той точки зрѣнія, которую натуралисты принимали по отношенію къ составляющей это цѣлое единицѣ—виду. Что виды представляютъ, не примыкающія непосредственно одна къ другой, группы формъ, это—коренной фактъ, на которомъ основывается самая возможность нашихъ системъ, искусственныхъ или естественныхъ. Весь вопросъ въ томъ: этотъ строй природы, относительно котораго не можетъ быть двухъ мнѣній, выражаетъ ли онъ только ея современное состояніе, настоящій историческій моментъ ея существованія, или и всегда, въ прошломъ, эти группы были такими же обособленными, разрозненными, какъ и теперь? Если видовыя группы всегда были и будутъ такими, какими мы ихъ застаемъ теперь, то всё изложенныя соображенія о единствѣ происхожденія организмовъ получаютъ темный, неуловимый, метафизическій смыслъ: дѣйствительной, реальной цѣпи существъ нѣтъ и никогда не было; она существуетъ только въ нашемъ представленіи. Такимъ образомъ, вопросъ о фактическомъ единствѣ органическаго міра, о связующемъ все живое историческомъ процессѣ сводится, прежде всего, къ узкому, техническому, по своей формѣ, вопросу о происхожденіи видовъ. Всякая теорія происхожденія органическихъ существъ должна исходить изъ критики и яснаго установленія понятія объ естественно-историческомъ видѣ.

Что такое виды? Что такое видъ? Если на первый вопросъ очень легко отвѣтить примѣрами, то на второй никогда еще не было дано удовлетворительнаго отвѣта.

И такъ, что такое виды? Это вполне опредѣленные, реальныя группы сходныхъ между собой существъ, отличающіяся отъ другихъ наиболѣе сходныхъ съ ними группъ существъ въ такой же мѣрѣ, въ какой волкъ отличается отъ собаки, лошадь—отъ осла, малина—отъ ежевики, фіалка—отъ анютиныхъ глазокъ и т. д. Всѣ группы существъ, представляющія такую же степень различія и такъ же обособленныя, не связанныя переходами, мы назовемъ видами. Разрозненныя, но несущія несомнѣнные слѣды сходства, группы видовъ образуютъ собирательныя единицы высшаго порядка—роды и т. д. Между группами высшихъ порядковъ будутъ наблюдаться такіе же, но, понятно, болѣе широкіе разрывы, какъ и между видами. Пока дѣло ограничивается примѣрами видовыхъ группъ, число которыхъ доходитъ до сотенъ тысячъ, все представляется яснымъ; но какъ только изъ этихъ конкретныхъ примѣровъ желаютъ вывести обобщеніе, найти критеріумъ того, что слѣдуетъ считать видомъ, начинаютъ путаться, впадаютъ въ противорѣчія, вынуждены сознаться, что удовлетворительное опредѣленіе невозможно. Линней если не первый установилъ видовыя группы, то болѣе всѣхъ способствовалъ укорененію того воззрѣнія на видъ которое въ теченіе цѣлаго вѣка господствовало въ наукѣ и, по справедливому замѣчанію историка зоологіи Каруса, «было обречено на безплодіе». Для Линнея число видовъ было выраженіемъ соответственнаго числа

творческихъ актовъ: «Species tot sunt diversae, quot diversas formas creavit infinitum ens». Это воззрѣніе, понятно, не спасло отъ ложнаго круга, не отвѣчало на вопросъ: сколько же ихъ было сотворено? Для насущныхъ потребностей науки, какъ критеріумъ для установленія видовыхъ группъ, имѣло гораздо болѣе значенія болѣе реальное представленіе о видѣ, которое высказалъ ранѣе предшественникъ Линнея и основатель ученія о видахъ, знаменитый англійскій ученый Рей. Для него главнымъ критеріумомъ вида было постоянство формъ, происхожденіе подобнаго отъ подобнаго, т.-е. сходство дѣтей съ родителями, или, другими словами, единство происхожденія. Это единство происхожденія, доказанное или подразумеваемое на основаніи соответственнаго сродства, и легло въ основу представленія о видовой группѣ и было особенно отчетливо выражено въ опредѣленіи вида, въ которомъ Кювье подвелъ итогъ воззрѣніямъ своихъ предшественниковъ. Для Кювье видъ, это—«собраніе организованныхъ существъ, рожденныхъ одни отъ другихъ или отъ общихъ родителей и всѣхъ тѣхъ, кто съ ними сходны, въ такой же мѣрѣ, въ какой они сходны между собой».

Такииъ образомъ, единство происхожденія служило основаніемъ, степень сродства—средствомъ для установленія видовыхъ группъ. За представителями одного вида признавалось общее происхожденіе (иногда прямо доказанное, чаще лишь выводимое на основаніи степени сродства), по отношенію къ представителямъ различныхъ видовъ оно прямо, но въ большей части случаевъ голословно отрицалось. Но степень сродства могла служить критеріумомъ принадлежности къ одному виду только при допущеніи, что видовыя формы не способны измѣняться. И для Кювье неизмѣнчивость видовъ была краеугольнымъ камнемъ естественной системы. «Безъ постоянства видовъ,—говорилъ онъ,—немыслима естественная исторія». Эти слова показываютъ, до какой степени натуралисты того времени свыклись съ примѣненіемъ слова «исторія» въ смыслѣ совершенно противномъ его истинному значенію. Съ болѣшимъ правомъ можно было бы извратить слова Кювье, сказавъ: «если виды постоянны, то не существуетъ и естественной исторіи». Но, спрашивается, эта утверждаемая неизмѣнчивость видовыхъ формъ, равносильная отрицанію ихъ историческаго развитія, опирается ли она на достаточномъ основаніи? Правда, за память челоуѣка, отъ лошади не рождалось осла или отъ малины — ежевики, не рождалось также и существъ, которыя отличались бы отъ своихъ родителей въ такой же мѣрѣ, въ какой эти виды отличаются между собой, но, спрашивается, необходимо ли такое исключительное явленіе для убѣжденія единствѣ происхожденія этихъ, очевидно, сходныхъ между собой существъ? Возможно ли даже такое явленіе? Вязется ли оно съ основнымъ представленіемъ о постепенности историческаго процесса? Мы знаемъ доуверенно, что были предки ирландцевъ или французовъ, и, однако, никому приходило въ голову требовать, въ подтвержденіе этого факта, чтобы ирландскихъ или французскихъ родителей вдругъ родился косматый

кельтъ или галлъ и упорно заговорилъ на своемъ давно забытомъ нарѣчїи. Такое немислимое чудо уничтожило бы всѣ наши понятїя о естественнo-историческомъ процессѣ, и, однако, именно такого чуда не разъ требовали отъ защитниковъ естественнo-историческаго развитїя органическаго міра ихъ противники *)).

Впрочемъ, для доказательства невозможности общаго происхожденїя видовъ или, что все равно, зарожденїя новыхъ, достаточно было бы доказать, что видовыя формы неподвижны, абсолютно неизмѣнчивы. Но,—*There's the rub*,—этого-то защитники постоянства видовъ никогда и не могли утверждать. Это отсутствїе абсолютной неизмѣняемости видовъ и было причиной неудовимости понятїя о видѣ, невозможности дать для него точное опредѣленіе. Уже Рей (въ свой *Исторїи растений*) посвящаетъ цѣлую главу вопросу объ измѣненїяхъ, которымъ подвержены видовыя формы. «Этотъ довольно постоянный признакъ тождества видовыхъ формъ,—говоритъ онъ,—нельзя считать абсолютнымъ, непреложнымъ. Опытъ поучаетъ насъ, что нѣкоторыя сѣмена вырождаются, что, правда, рѣдко, изъ сѣмени выходятъ недѣлимые, отличныя отъ материнской формы,—другими словами, растительные виды представляютъ варїаціи». Это соображеніе объ извѣстной степени измѣнчивости видовыхъ формъ въ дѣйствительности никогда и не покидало натуралистовъ, въ томъ числѣ Линнея. Согласить измѣнчивость формъ съ неподвижностью видовъ можно было только допустивъ, что измѣнчивость эта имѣетъ извѣстный предѣлъ. Но, вѣдь, одинаково законно было бы допустить, что такого предѣла не существуетъ. Первый ученый, попытавшійся, съ поразительною ясностью, поставить этотъ вопросъ и подвергнуть его всесторонней критикѣ, былъ знаменитый Ламаркъ, разносторонняя научная дѣятельность котораго обнимаетъ конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтїя.

Съ идеями Ламарка необходимо ближе ознакомиться, не потому только, что онъ долгое время передавались въ превратной, почти каррикатурной формѣ, но и потому, что послѣ того, какъ имъ была отдана должная, хотя и поздняя дань справедливости, возникли два крайнія воззрѣнїя: одно, придающее имъ преувеличенное значеніе, другое—вновь отказывающее имъ въ какомъ бы то ни было значенїи. Съ этими новѣйшими теченїями научной мысли, представляющими живой современный интересъ, намъ придется ознакомиться въ своемъ мѣстѣ, а пока постараемся представить возможно сжатый анализъ воззрѣнїи Ламарка, посмотримъ, какое положеніе онъ принялъ по отношенїю къ занимающему насъ въ эту минуту вопросу о томъ, что такое *видъ*.

---

*) За примѣрами ходить не далеко. Этотъ ребяческій аргументъ былъ предъявленъ Вирховымъ въ его рѣчи при открытїи антропологическаго сѣзда въ Москвѣ. Остается только пожалѣть, что почтенный ученый обнаружилъ такое неуваженіе къ своей аудиторїи. Или законы хогики не одни и тѣ же для Москвы и для Берлина? Почему возможно побѣдоносно предъявлять въ Москвѣ аргументы, которые было бы не безопасно предъявлять въ Берлинѣ или хоть въ Мюнхенѣ, во время знаменитаго турнира между Вирховымъ и Геккелемъ?

Появившаяся въ 1809 году *Philosophie Zoologique* Ламарка представляетъ несомнѣнно первое произведеніе, въ которомъ вопросъ о происхожденіи организмовъ обсуждается не мимоходомъ, а со всею необходимою широтой охвата, во всеоружіи научныхъ знаній того времени *). Съ этой точки зрѣнія, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Бленвиля, что Ламаркъ былъ величайшій натуралистъ-мыслитель своего времени, способный не только обогащать науку новыми фактами, но и обнять въ одномъ широкомъ синтезѣ все поле современнаго ему естествознанія.

Ламаркъ, прежде всего, даетъ опредѣленное объясненіе истиннаго смысла естественной системы. Для него, какъ и для Жюсье, задача натуралиста заключается въ изученіи соотношеній, — *des rapports*, — между живыми тѣлами. А этимъ словомъ обозначаются «аналогическія или сходственные черты, обнимающія совокупность строенія или преобладающихъ его частей, причѣмъ отдается предпочтеніе частямъ наиболее существеннымъ». Результатомъ этого раскрытія *соотношеній* и является естественная система. Это сосредоточеніе вниманія натуралистовъ на изученіи соотношеній (а не исключительно только различій, какъ прежде) обнаруживаетъ, по мнѣнію Ламарка, коренной переворотъ въ направленіи и объясняетъ громадныя шаги впередъ, сдѣланные современнымъ ему естествознаніемъ. Сознаніе потребности въ *естественной системѣ*, по его мнѣнію, отмѣчаетъ самый существенный успѣхъ, сдѣланный *философіей науки*. Но что же лежатъ въ основѣ этой естественной системы? «Это только набросанный человѣкомъ очеркъ того пути, которымъ шла сама природа, осуществляя свои произведенія» (*C'est la marche que suit la nature pour faire exister ses productions*), — отвѣчаетъ Ламаркъ.

Но, допустивъ, что органическій міръ представляетъ одно неразрывное цѣлое, всѣ установленныя наукой группы Ламаркъ совершенно послѣдовательно признаетъ за произведенія человеческого искусства **), за отрѣзки (*coupes* — Ламаркъ охотно неоднократно возвращается къ этому выраженію), которые мы отхватываемъ отъ естественнаго цѣлага. Онъ ясно подчеркиваетъ то кажущееся парадоксальнымъ заключеніе, къ которому мы пришли выше, что именно въ естественномъ ряду подраздѣленіе на группы, составляющее сущность всякой классификаціи, представлялось бы вполне искусственнымъ и произвольнымъ. «Въ такомъ случаѣ, — говоритъ онъ, — ничто не представляло бы болѣе затрудненій, какъ опредѣленіе границъ этихъ различныхъ отрѣзковъ (*ces differentes coupes*); они мѣнялись бы по произ-

*) Извѣстно, что Ламаркъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей, теперь же едва мыслимаго, типа *натуралиста*, т.-е. ученаго, совмѣщавшаго почти одинаково обширныя и глубокія знанія въ области ботаники, зоологіи и отчасти геологіи. Ботаникѣ его имя останется связаннымъ съ изобрѣтеніемъ такъ называемаго *хотомическаго ключа*, который, конечно, навсегда останется самымъ простымъ средствомъ для опредѣленія.

**) Глава, посвященная этому вопросу, такъ и озаглавлена: *Des parties de l'art et les productions de la Nature*.

волу, и согласие было бы возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ряду формъ появлялись бы разрывы (*des vides*). «Но,—продолжаетъ онъ,—*по счастью*, для цѣлей искусства, для осуществленія нашихъ подраздѣлений, такъ много породъ животныхъ и растений намъ не извѣстны, такъ много останется, вѣроятно, неизвѣстными, вслѣдствіе ихъ мѣстонахожденія и иныхъ препятствій, что происходящія отъ того пустоты въ рядахъ животныхъ и растений еще надолго, а, можетъ быть, и на всегда доставятъ намъ возможность рѣзко ограничивать тѣ отрѣзки (*ses coupes*), въ которыхъ мы нуждаемся» *).

Такимъ образомъ, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что отсутствіе непрерывной цѣпи существъ, разрозненность видовыхъ группъ — основная черта современнаго строя органическаго міра, опредѣляющая возможность реальной, а не произвольной классификаціи,—для Ламарка—только результатъ *счастливой случайности*, благодаря которой намъ не извѣстны всѣ существующія животныя и растения, и этими-то случайными пробѣлами мы пользуемся для разграниченія нашихъ группъ. Но это объясненіе отсутствія слитности всѣхъ органическихъ формъ, это толкованіе фактической замкнутости видовыхъ группъ, конечно, не могло удовлетворить и вынуждало ученыхъ и мыслителей, даже сочувствовавшихъ общему складу мыслей Ламарка, соглашаться съ доводами его противниковъ, пока для этого загадочнаго факта не было найдено дѣйствительнаго объясненія.

Гораздо успѣшнѣе осуществилъ Ламаркъ другую и главную задачу своей книги — критику понятія о видѣ. Третья глава его книги, озаглавленная: *De c'espèce parmi les corps vivants et de l'idée que nous devons attacher à le mot*, содержитъ блестящую для его времени аргументацію, мало чѣмъ отличающуюся отъ современныхъ воззрѣній на этотъ предметъ. «Видомъ,—говоритъ Ламаркъ,—называютъ всякое собраніе сходныхъ недѣлимыхъ, произведенныхъ другими недѣлимыми, имъ подобными». «Это опредѣленіе вѣрно,—продолжаетъ онъ,—но къ нему добавляютъ, что недѣлимые, образующія видъ, никогда не измѣняются въ своихъ видовыхъ признакахъ и что, слѣдовательно, *видъ* представляется въ природѣ абсолютно постояннымъ. Вотъ противъ этого-то предположенія я и намѣренъ бороться, потому что очевидныя доказательства, добытыя путемъ опыта, обнаруживаютъ, что оно лишено основанія». Ознакомимся съ общимъ ходомъ его аргументаціи. Чѣмъ болѣе расширяются наши знанія,—говоритъ Ламаркъ,—тѣмъ болѣе разрастаются затрудненія при установленіи видовыхъ группъ. Внимательно изученіе обнаруживаетъ, что полное сходство представителей одного вида наблюдается только при полномъ тождествѣ условій ихъ существованія, съ измѣненіемъ послѣднихъ подмѣчаются и уклоненія въ формахъ. Возникаетъ сомнѣніе: что же считать за самостоятельные виды, что—за разновидности, за породы въ предѣлахъ того же вида? Существуютъ роды, въ которыхъ виды уже почти примыкаютъ

*) Линней, какъ извѣстно, дѣлалъ рѣзкое различіе между видовой и высшими таксономическими группами: *Classis et ordo est sapientiae, species naturae opus*.

одни къ другимъ, образуя непрерывные ряды, и, только выключая нѣкоторые члены этихъ рядовъ, мы получаемъ рѣзко обособленные виды. Таковы были и первыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства съ ближайшими только, насъ окружающими формами и зависѣвшія отъ неполноты доступнаго вначалѣ матеріала. Чѣмъ болѣе растетъ число извѣстныхъ намъ формъ, тѣмъ болѣе сглаживаются эти первыя впечатлѣнія. Ламаркъ указываетъ на роды растеній, представляющіе непреодолимые трудности при установленіи ихъ видовъ, и приводитъ, между прочимъ, такіе примѣры, какъ *осока* или *ястребинникъ*, которые сохранили и до настоящаго времени свою доказательную силу.

Защитники постоянства видовъ уже въ его время, а позднѣе еще съ болѣею силой, выдвигали фактъ, что будто бы между представителями различныхъ видовъ невозможно скрещиваніе, которое давало бы начало плодovitому потомству. Ламаркъ подвергаетъ сомнѣнію всеобщность этого факта и отказывается видѣть въ немъ критериумъ видового различія.

Даже Ламаркъ переходитъ къ оцѣнкѣ фактовъ, которымъ какъ разъ въ то время, когда появилась его знаменитая книга, придавали рѣшающее значеніе въ вопросѣ о постоянствѣ видовъ—къ оцѣнкѣ научныхъ результатовъ египетской экспедиціи, обработанныхъ Жофруа Сентъ-Илеромъ. Животныя и растенія, остатки которыхъ сохранились въ египетскихъ гробницахъ, оказались вполнѣ сходными съ современными видами, изъ чего послѣдствовали сдѣлать выводъ, что если за такіе громадныя промежутки времени видовыя формы не измѣнились, то, значить, онѣ и не могутъ измѣниться. На это Ламаркъ, прежде всего, возражаетъ: «Было бы очень странно, еслибъ оказалось иначе, такъ какъ и положеніе Египта, и его климатъ приблизительно тѣ же, что были прежде», и затѣмъ съ рѣдкою для того времени смѣлостью развиваетъ мысль, что какія-нибудь три тысячи лѣтъ, представляющіяся громаднымъ періодомъ съ точки зрѣнія человѣческой исторіи, очевидно, ничтожны въ сравненіи съ промежутками времени, которыми измѣряется исторія нашей планеты. «Но, конечно,—добавляетъ онъ,—толпой (*par le vulgaire des hommes*) эта кажущаяся неподвижность формъ будетъ всегда признаваться за *дѣйствительную*, такъ какъ обо всемъ мы привыкли судить только по отношенію къ себѣ».

Въ добавленіи ко второму тому своей книги Ламаркъ резюмируетъ эти идеи въ картинномъ сравненіи, которое вполнѣ справедливо, можетъ быть, и безъ умысла, перефразировалось другими писателями. «Еслибъ человѣческая жизнь длилась всего одну *секунду* и существовали бы наши современные часы, каждое недѣлимое нашего вида, наблюдая часовую стрѣлку, подмѣтило бы ея движеніе въ теченіе цѣлой своей жизни, хотя въ дѣйствительности она не неподвижна. Наблюденія тридцати поколѣній не дали бы какихъ очевидныхъ результатовъ относительно ея перемѣщенія, такъ какъ движеніе, соответствующее полуминутѣ, очевидно, было бы слишкомъ мало, чтобъ его можно было уловить; и еслибъ болѣе древнія наблюденія показывали, что стрѣлка дѣйствительно смѣстилась, имъ не дали бы вѣ-

ры, подозрѣвая какую-нибудь ошибку, такъ какъ всякій наблюдатель видѣлъ бы стрѣлку неизмѣнно на той же точкѣ ея пути.

«Предоставляю читателямъ сдѣлать выводъ изъ этихъ соображеній».

Устранивъ это возраженіе противъ измѣняемости видовъ, Ламаркъ останавливаетъ вниманіе читателя на фактѣ исчезновенія съ поверхности земли безчисленныхъ органическихъ формъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣ существующихъ и находимыхъ только въ ископаемомъ состояніи. Куда же дѣлись ихъ потомки? вмѣсто того, чтобы предположить, что это были самостоятельные виды, безслѣдно исчезнувшіе вслѣдствіе *общихъ катастрофъ*, не вѣроятнѣе ли допустить, что происходили непрерывныя измѣненія въ формѣ и распредѣленіи воды и суши, и эти измѣненія, въ свою очередь, были причиной измѣненія живыхъ существъ, такъ что современные организмы—не новыя произведенія природы а только измѣнившіеся потомки прежде существовавшихъ видовъ? На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Ламаркъ, въ противность господствовавшему убѣжденію о неподвижности видовъ, приходитъ къ выводу, «что недѣлимая, первоначально принадлежавшая къ одному *виду*, могутъ оказаться измѣнившимися въ такой мѣрѣ, что будутъ являться представителями новаго *вида*, совершенно отличнаго отъ перваго», и далѣе: «виды обладаютъ только относительнымъ постоянствомъ; ихъ неизмѣнчивость только временная. Тѣмъ не менѣе, ради облегченія труда изученія такого множества разнообразныхъ тѣлъ, нужно сохранить названіе *вида* за каждымъ собраніемъ сходныхъ недѣлимыхъ, передающихъ свои свойства потомству, но лишь пока условія ихъ существованія не измѣнятся настолько, чтобы вызвать измѣненія въ ихъ привычкахъ, характерѣ и формахъ».

Однимъ изъ ближайшихъ выводовъ своего воззрѣнія на единство происхожденія организмовъ Ламаркъ считаетъ необходимость, подражая въ этомъ примѣру Жюлье, и животное царство располагать въ рядъ, начиная съ простѣйшихъ представителей и восходя къ болѣе совершеннымъ, такъ какъ, очевидно, этому порядку слѣдовала сама природа.

До сихъ поръ въ изложеніи идеи Ламарка мы не встрѣтили ничего такого, съ чѣмъ не согласился бы каждый современный натуралистъ, и можно только удивляться ясности и проницательности ума, такъ радикально и безповоротно измѣнившаго основныя представленія о живой природѣ. Признавая, что постоянство видовъ только кажущееся, онъ устранялъ главное препятствіе, мѣшавшее допущенію историческаго процесса, а указывая на громадность сроковъ времени, на которые даетъ право разсчитывать геологія, отводилъ этой исторіи необходимый просторъ.

Если бы Ламаркъ ограничился только тѣмъ, что мы условились называть *морфологическою задачею*, т.-е. объясненіемъ сходства организмовъ на основаніи единства ихъ происхожденія, то все имъ высказанное цѣлкомъ, безъ измѣненія, вошло бы составною частью въ позднѣйшія теоріи, оставался бы только необъясненнымъ фактъ обособленности видовыхъ

группъ, который, какъ мы видѣли, Ламаркъ неудовлетворительно объяснял *счастливою случайностію*, до времени или навсегда скрывшей отъ насъ недостающія звенья.

Но Ламаркъ хотѣлъ разрѣшить и вторую задачу, ту, которую мы называли *физиологической*, т.-е. объяснить вторую основную особенность органическихъ существъ—цѣлесообразность ихъ строенія, соотвѣтствіе между формою и отправленіемъ. Эта попытка, оказавшаяся неудачной, была причиною или, вѣрнѣе, благовиднымъ предлогомъ для того, чтобъ его противники успѣли надолго и всѣ его блестящія идеи облечь въ одну общую невѣрную, почти каррикатурную форму.

Быть можетъ,—возражаетъ онъ самъ себѣ,—даже допустивъ неограниченные сроки времени и безконечное разнообразіе условій существованія, мы должны будемъ воздержаться отъ предлагаемаго объясненія, въ виду всего того, что вызываетъ наше изумленіе при изученіи живыхъ существъ, ихъ инстинктовъ и т. д., и чрезъ нѣсколько строкъ отвѣчаетъ: «Я надѣюсь доказать, что природа обладаетъ средствами, необходимыми для осуществленія того, чему мы въ ней изумляемся». Какъ объяснить этотъ основной фактъ соотвѣтствія между органомъ и его отправленіемъ, между орудіемъ и потребностью, которой оно должно удовлетворить? Разрѣшеніе этой вѣковой загадки, предлагаемое Ламаркомъ, съ перваго взгляда поражаетъ своею простотою. Этого соотвѣтствія не можетъ не существовать,—отвѣчаетъ Ламаркъ,—потому, что *сама потребность порождаетъ органъ*.

Такое объясненіе, еслибъ оно оказалось вѣрнымъ, конечно, развязывало бы узелъ, который тщетно пытались разсѣчь ученіемъ о конечныхъ причинахъ. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что эта неудачная мысль не могла выдержать строгой критики и въ своемъ крушеніи увлекла и все то, что было вполнѣ вѣрно въ ученіи Ламарка, въ чемъ онъ ровно на полбѣса опередилъ самыхъ славныхъ изъ своихъ современниковъ.

Нельзя безъ внутренняго чувства досады читать нѣкоторыя мѣста этой VII главы его книги, такъ надолго установившей за Ламаркомъ совершенно превратную извѣстность. Исходя изъ совершенно вѣрнаго положенія, что *внѣшнія условія вліяютъ на формы и организацію животныхъ*, онъ вслѣдъ затѣмъ, какъ бы спохватившись, самъ отрекается отъ него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Конечно, еслибъ кто-нибудь принялъ эти слова въ буквальный смыслъ, то приписалъ бы мнѣ очевидную ошибку, такъ какъ никакія условія не вызываютъ *прямого, непосредственнаго измѣненія* въ формѣ или организаціи животныхъ». И далѣе онъ подробно развиваетъ свою мысль. Измѣнившіяся условія измѣняютъ только потребности животныхъ. Главныя потребности вызываютъ новыя дѣйствія. Новыя дѣйствія, часто повторяемые, превращаются въ навыки, въ привычки. Являющаяся отсюда усиленное упражненіе органовъ причиняетъ ихъ ростъ, отгвѣствіе же упражненія—ихъ вырожденіе, атрофированіе. Мало того, но и потребности, чрезъ посредство ряда усилій, могутъ даже породить новый органъ, въ которомъ ощущается потребность. Всѣ свои объясненія,

въ примѣненіи къ животному міру (о растеніяхъ будетъ рѣчь далѣе) Ламаркъ резюмируетъ въ двухъ законахъ, которые вкратцѣ можно формулировать такъ. *Законъ первый.*—Упражненіе и неупражненіе органа ведетъ къ его развитію или вырожденію. *Законъ второй.*—Эти измѣненія, въ ту или другую сторону, передаются по наслѣдству. Если первый изъ нихъ, въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ (подтверждаемомъ изъ ежедневныхъ опытовъ челоуѣка надъ упражненіемъ мышцъ), не подлежитъ сомнѣнію, то второй, казавшійся Ламарку столь же очевиднымъ, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ настоящее время, когда возникла школа такъ называемаго *неоламаркизма*, является предметомъ живѣйшихъ обсужденій и представляется, въ качествѣ общаго закона, болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Но и первый свой законъ Ламаркъ пытался подтвердить въ такой преувеличенной формѣ, которая подала поводъ нападкаиъ его противниковъ. Стараясь развить далѣе свое положеніе, что «потребности», «внутреннее чувство», «стремленія» животного могутъ не только развить уже существующій, но и породить новый органъ,—Ламаркъ приводитъ цѣлый рядъ бездоказательныхъ догадокъ, подхваченныхъ и поднятыхъ на смѣхъ его противниками. Дѣйствительно, нельзя безъ улыбки сожалѣнія читать такіа, напр., голословныя утвержденія: что плавательныя перепонки у водяныхъ птицъ явились потому, что въ усиліяхъ плавать онѣ растопыривали свои пальцы; что у береговыхъ птицъ, не желавшихъ промочить своихъ ногъ, вытянулась шея; что привычка настисъ породила копыта, а необходимость тянуться за древесною листвою вытянула шею жирафа и т. д. Едва ли не самымъ комическимъ и произвольнымъ является, наконецъ, слѣдующее объясненіе, которое приводимъ въ собственныхъ словахъ Ламарка, чтобы дать образчикъ тѣхъ неосторожныхъ мѣстъ его книги, на которыя справедливо была поведена атака его противниками: «Въ порывахъ гнѣва, столь обычныхъ у самцовъ, *внутреннее чувство, вслѣдствіе своихъ усилій*, направляло жидкости къ этой части головы, вызывая въ однихъ случаяхъ отложенія рогового, въ другихъ—смѣси рогового и костнаго вещества, давшихъ начало твердымъ отросткамъ: таково происхожденіе роговъ, которыми вооружены ихъ головы». Давно замѣчено, что самое ужасное, что можетъ постичь француза, это стать смѣшнымъ. Изложенная только что сторона ученія Ламарка именно *pretait au ridicule*, и его противники, сосредоточивъ свои удары на этомъ уязвимомъ мѣстѣ теоріи, повели дѣло такъ удачно, что въ глазахъ публики великій ученый надолго остался празднымъ фантазеромъ, объяснявшимъ длинную шею жирафа тѣмъ, что животное тянулось общипывать листья съ верхушекъ деревьевъ, и т. д. Глубокія новаторскія мысли, щедро разсѣяныя на страницахъ *Philosophie Zoologique*, остались заслоненными неудачною попыткой объяснить цѣлесообразность строенія *животныхъ организмовъ* и раздѣлили ея участь. Мы умышленно подчеркиваемъ слова—животныхъ организмовъ, потому что по отношенію къ растенію эта теорія «стремленій», «внутренняго чувства»,

порождающихъ соответственный органъ, конечно, не нашли примѣненія, и здѣсь Ламаркъ остался строгимъ ученымъ, не покидавшимъ почвы наблюдаемыхъ фактовъ. Можно сказать, что будь Ламаркъ только ботаникомъ, а не зоологомъ, напиши онъ, какъ Линней, «философію ботаники», и его идеи почти цѣлкомъ сдѣлались бы достояніемъ науки. Чему же приписываетъ онъ измѣненія, происходящія въ растеніяхъ? На этотъ разъ, хотя и не заявляя этого открыто, онъ отступаетъ отъ высказаннаго положенія, что внѣшнія условія не оказываютъ *прямою* дѣйствія, и опредѣленно заявляетъ, что такъ какъ растеніе не имѣетъ, собственно говоря, «привычекъ», то все достигается измѣненіями, вызываемыми въ питаніи, въ зависимости отъ «поглощеній и испареній», и количествомъ получаемаго тепла, свѣта воздуха и влаги, а также отъ «превосходства однихъ жизненныхъ движеній передъ другими». Эти положенія онъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ удачно подобранныхъ примѣровъ, указывая, какъ, подъ вліяніемъ среды, измѣняется опушеніе листьевъ, приземистыя формы вытягиваютъ свои стебли, появляются или исчезаютъ колючки; указываетъ, наконецъ, на различія водяной и наземной формы рѣчного лютика (*Ranunculus aquatilis*), которыхъ ботаники его времени относили къ различнымъ видамъ. Но, оставаясь при объясненіи измѣненій въ формахъ растеній на строго-научной, фактической почвѣ, Ламаркъ за то оставляетъ безъ объясненія вопросъ о причинѣ цѣлесообразности этихъ формъ.

Подводя итогъ дѣятельности Ламарка въ разсматриваемомъ нами направленіи, мы должны придти къ слѣдующему заключенію. По отношенію къ первой, морфологической, задачѣ онъ вполне опредѣленно высказалъ убѣжденіе въ единствѣ и постепенности развитія органическаго міра, объяснилъ съ этой точки зрѣнія сущность естественной системы, устранилъ главное препятствіе на пути этого объясненія, подвергнувъ въ первый разъ основательной критикѣ научный догматъ о постоянствѣ вида, но не далъ удовлетворительнаго объясненія для другой коренной черты современнаго строя органическаго міра—для отсутствія непрерывной связи между видами, представляющими разорванныя звенья хотя и несомнѣнно одной общей цѣпи. По отношенію къ другой, физиологической задачѣ—объясненію цѣлесообразности строенія организмовъ—дѣятельность Ламарка была только отрицательной. Не объяснивъ ничего въ примѣненіи къ растительному міру, по отношенію къ животному, онъ предложилъ несомнѣнно невѣрную догадку, неудача которой обрушилась и на все его ученіе.

Но, конечно, не эти частные недочеты, а именно общая широта научно-мировоззрѣнія Ламарка, шедшая въ разрѣзъ съ торжествовавшей въ время по всей линіи реакціей, была причиной тому, что современники оцѣнили значенія *Philosophie Zoologique* и не признали въ Ламаркѣ того изъ величайшихъ натуралистовъ-мыслителей своего вѣка. Именно овыя идеи Ламарка, теперь ставшія ходячею монетой, но въ то время представлявшія научную ересь, навлекли на смѣлаго, послѣдовательнаго учителя нареканія и гоненія, выразившіяся, между прочимъ, въ грубомъ

публичному оскорбленіи, нанесенномъ ему Наполеономъ на одномъ изъ торжественныхъ пріемовъ академіи наукъ. Не только въ теченіе своей долгой трудовой и полной испытаній жизни, но и послѣ смерти не дождался Ламаркъ хотя бы запоздалой справедливости. Онъ умеръ черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія *Philosophie Zoologique*, въ 1829 году, на восемьдесятъ пятомъ году своей жизни, за послѣдніа десять лѣтъ слѣпой, но продолжая до конца диктовать дочери своей капитальный трудъ *Histoire des animaux sans vertèbres*. Его торжествовавшій противникъ, Кювье, не имѣлъ даже настолько великодушія, что въ своей академической рѣчи, на этотъ разъ по какой-то злой ироніи сохранившей названіе похвального слова (*éloge*), не отнесся съ должною справедливостію къ своему уже нѣмому сопернику; эта рѣчь болѣе чѣмъ что другое способствовала упроченію за Ламаркомъ славы какого-то безпочвеннаго фантазера *). Ламаркъ самъ глубоко сознавалъ несправедливость современниковъ и свое превосходство передъ своими критиками. Горечь этихъ чувствъ неволью сказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ введенія его книги: «Опытъ научааетъ насъ,—говоритъ онъ,—что люди съ развитымъ умомъ и богатые знаніями составляли во всѣ времена ничтожное меньшинство. Авторитеты въ наукѣ оцѣниваются, а не подсчитываются», и нѣсколькими строками далѣе: «еще далеко не очевидно, чтобы лица, которыхъ общественное мнѣніе облакаетъ авторитетомъ, дѣйствительно оказывались правыми въ произносимыхъ ими сужденіяхъ». За то какою высокою, самоотверженною любовью къ истинѣ долженъ былъ обладать человекъ, имѣвшій столько поводовъ жаловаться на долготѣнную упорную несправедливость современниковъ, высказывая слѣдующую мысль, встрѣчающуюся на страницахъ того же введенія: «Въ концѣ-концовъ, пожалуй, лучше, чтобы вновь открытая истина была обречена на долгую борьбу, не встрѣчая заслуженнаго вниманія, чѣмъ чтобы любое порожденіе человѣческой фантазіи встрѣчало обезпеченный благосклонный пріемъ». Въ этихъ словахъ звучитъ та вѣра въ человѣческій разумъ, въ конечное торжество истины, которою было проникнуто могучее поколѣніе дѣятелей восемнадцатаго вѣка.

Никогда борьба новыхъ идей, выразителемъ которыхъ былъ Ламаркъ, и возрѣній подавляющаго большинства натуралистовъ, блестящимъ представителемъ которыхъ являлся Кювье, не обострялась въ такой степени, какъ въ краткій промежутокъ между смертью того и другого (1829—31 гг.). На этотъ разъ сторонникомъ идеи единства органическаго міра выступилъ Этьенъ Жофруа Сентъ-Илеръ, который съ полнымъ правомъ могъ говорить отстаивавъ это возрѣніе еще съ прошлаго столѣтія. Въ наукѣ навсегда останется памятенъ турниръ, разыгравшійся въ стѣнахъ парижской академіи между Жофруа Сентъ-Илеромъ и Кювье и продолжавшійся, почти еженедѣль

---

* Бленвилъ справедливо замѣчаетъ, что академіи не слѣдовало допускать эту рѣчь до чтенія, тѣмъ болѣе, что и ея автора, Кювье, уже не было въ живыхъ.

но, съ февраля до юня 1830 года. Въ исторіи мало найдется случаевъ, чтобы чисто-научный вопросъ возбуждалъ такой живой интересъ и за предѣлами тѣсно-научныхъ круговъ; въ параллель съ нимъ развѣ можетъ пойти споръ, разыгравшійся на глазахъ нашего поколѣнія между Пастѣромъ и Пуше по поводу самозарожденія. И не въ одной Франціи внимательно слѣдили за столкновениемъ между Жофруа Сентъ-Илеромъ и Кювье. Гёте, самъ, какъ мы видѣли, способствовавшій, за полвѣка передъ тѣмъ, распространению сходныхъ научныхъ идей, познакомилъ, въ газетной статьѣ, нѣмецкую публику съ сущностью и главнѣйшими чертами этого спора. Извѣстенъ анекдотъ о комическомъ недоразумѣніи, происшедшемъ между Гёте и однимъ французскимъ путешественникомъ, посѣтившимъ его лѣтомъ 1830 года: оба собесѣдника нѣсколько разъ упоминали въ разговорѣ о событіи, обращающемъ на Парижъ взоры цивилизованнаго міра, и только спустя нѣкоторое время догадались, что французъ говорилъ объ іюльской революціи и крушеніи Бурбонской монархіи, а Гёте — о спорѣ Жофруа Сентъ-Илера и Кювье и столкновеніи двухъ мировоззрѣній. Впрочемъ, и тотъ живой интересъ, съ которымъ парижская печать слѣдила за перипетіями спора въ за сѣданіяхъ академіи, не былъ вполне чуждъ политическаго оттѣнка. *Journal des Débats* принялъ открыто сторону Кювье, приводя исключительно его мнѣнія, и хотя обѣщавъ представить сводъ возраженій Жофруа Сентъ-Илера, но такъ и не выполнилъ своего обѣщанія. Наоборотъ, оппозиціонныя *Temps* и *National* выступили защитниками Жофруа Сентъ-Илера, и корреспондентъ этой послѣдней резюмировалъ его идеи съ ясностью и блескомъ, которыхъ не доставало самому автору, такъ что послѣдній счелъ полезнымъ приложить этотъ газетный отчетъ къ собранію своихъ статей по этому вопросу.

Аргументація Жофруа Сентъ-Илера дѣйствительно страдала неопредѣленностью и какою-то разбросанностью; формулировка основныхъ положеній была нерѣшительна и расплывчата, а исходная точка зрѣнія постоянно колебалась между исключительнымъ довѣріемъ къ фактамъ и вѣрой въ апіористическія построенія. Все это не говорило въ его защиту, между тѣмъ какъ въ пользу Кювье заступали: хотя и болѣе узкая, но за то всегда ясная постановка вопроса, никогда не покидавшая строго-фактической почвы, извѣстный оттѣнокъ научнаго скептицизма и опредѣленная категоричность отстаиваемыхъ положеній. Если присоединить къ этому громкую научную славу и болѣе блестящее общественное положеніе, то всего этого было, конечно, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить за Кювье впечатлѣніе полной побѣды. А, между тѣмъ, въ основѣ Жофруа Сентъ-Илера, конечно, былъ правъ. Въ чемъ же заключалась центральная мысль этого спора въ глазахъ внимательно слѣдившихъ за ней специалистовъ, то выплывавшая наружу во всей ея широтѣ, то выходящая въ частности непонятныхъ для публики препирательствъ о родѣ *os hyoideum* или аналогахъ *operculum*, *praeoroperculum*, *suboperculum* и т. д.? Идея, которую Жофруа Сентъ-Илеръ, очевидно, сознавалъ, но не смутно выражалъ, касалась самыхъ философскихъ основъ сравни-

тельной анатоміи, т.-е. опредѣленія смысла, который мы должны придавать сходству разнородныхъ организацій, которое составляетъ все содержаніе этой науки. До какихъ предѣловъ законно это сравненіе и почему вообще можемъ мы сравнивать различное,—вотъ вопросы, очевидно записавшіе Жофруа Сентъ-Илера. Это коренное сходство организмовъ, лежащее въ основѣ всѣхъ посылокъ сравнительной анатоміи, онъ называлъ то «единствомъ плана», то «единствомъ состава» (*unité de composition*), то «своею теоріей аналоговъ». Что Жофруа Сентъ-Илеръ разумѣлъ подъ этимъ именно то, что мы называемъ теперь гомологіей и объясняемъ единствомъ историческаго происхожденія, ясно изъ того, что онъ съ особенною старательностью подчеркивалъ мысль, что его аналогіи основаны не на внѣшнемъ сходствѣ формъ и не на сходствѣ отправленій, а на какомъ-то болѣе глубокомъ сходствѣ, опредѣляемомъ единствомъ состава и взаимнаго положенія частей. Онъ ссылается на изреченіе Лейбница, что природа, это—*единство въ разнообразіи*; приводитъ слова Ньютона, что «*in corporibus animalium in omnibus fere similiter posita omnia*», и укоряетъ Кювье за то, что тотъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ, посвященномъ классу рыбъ, утверждалъ, что сходство ихъ органовъ съ органами представителей другихъ классовъ основывается только на сходствѣ отправленія. Кювье, какъ извѣстно, установивъ для животнаго царства нѣсколько типовъ, признавалъ за ними полную самостоятельность, отрицая возможность какой бы то связи или переходовъ. Руководясь идеей единства, Жофруа Сентъ-Илеръ повелъ атаку противъ этого пункта ученія Кювье, но приводимые имъ аргументы (вродѣ попытки видѣть у ракообразныхъ части аналогическія частямъ черепа позвоночныхъ), начиная съ самаго перваго повода къ спору, были неудачно выбраны. Этимъ поводомъ послужило представленное академіи изслѣдованіе двухъ молодыхъ зоологовъ, Дорансея и Мейрана, пытавшихся показать, что головоногія моллюски могутъ быть разсматриваемы какъ позвоночныя, перегнутыя пополамъ, такъ что заднепроходное отверстіе находится у нихъ на томъ же концѣ, гдѣ и ротъ. Жофруа Сентъ-Илеру, очевидно, не доставало того присущаго великимъ натуралистамъ «такта», который дозволяетъ имъ не только видѣть аналогіи тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, но и не видѣть ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Неудачи въ частной фактической аргументаціи Жофруа Сентъ-Илеръ безуспѣшно пытался выкупать нѣкоторыми вѣрными общими соображеніями. Такъ, онъ справедливо обличалъ Кювье въ томъ, что его принципъ условій существованія, на основанія котораго приспособленія органовъ и ихъ координація соответствуютъ роли, которую животное призвано играть въ природѣ, что этотъ принципъ ничто иное, какъ подогрѣтое ученіе о конечныхъ причинахъ. Такъ, онъ высказывалъ убѣжденіе, что истинный ученый долженъ, конечно, избѣгать увлеченій натуръ-философовъ, принимавшихъ свои смутныя предчувствія за средства для разрѣшенія самыхъ сложныхъ вопросовъ, но также не долженъ сводить науку на голую регистрацію фактовъ. Но тщетно пытался онъ утѣшать себя мыслью, будто великіе ученые (какъ Бюффонъ, Лавуазье, Ламаркъ) дѣлали открытія, отпра-

ляясь иногда и отъ невѣрныхъ фактовъ, будто особенность и превосходство великихъ умовъ заключаются именно въ томъ, что они допускаютъ существованіе того, что по ихъ представленію должно существовать, — серьезные ученые предпочитали холодную фактическую аргументацію Кювье, и Жофруа Сентъ-Илеръ остался прорицателемъ, угадывавшимъ будущее направленіе, пророкомъ но не реформаторомъ, дающимъ это направленіе наукъ.

Однако, эта побѣда Кювье была послѣднею побѣдой защищаемаго имъ мировоззрѣнія. Въ январѣ того же 1830 года, слѣдовательно, за мѣсяць до возникновенія знаменательнаго спора съ Жофруа Сентъ-Илеромъ, въ Лондонѣ вышла книга, которая должна была нанести этому мировоззрѣнію, хотя съ совершенно иной стороны, ударъ, отъ котораго оно уже никогда болѣе не оправилось. Однимъ изъ устоевъ мировоззрѣнія Кювье, подрѣплявшимъ догматъ о неизмѣняемости органическихъ формъ, было положеніе, что геологическія явленія не представляютъ непрерывной послѣдовательности, исторической преемственности, а, наоборотъ, свидѣтельствуютъ объ отдѣльныхъ, отрывочныхъ актахъ творенія, раздѣленныхъ антрактами, въ которыхъ все созданное подвергалось всеобщему истребленію. Недоумѣніе, возбуждаемое множествомъ ископаемыхъ остатковъ животныхъ и растений, не встрѣчающихся въ современныхъ фаунахъ и флорахъ, — недоумѣніе, такъ прозорливо разрѣшенное Ламаркомъ предположеніемъ, что эти прежнія населенія не исчезли безслѣдно, а перерождались въ позднѣйшія и, наконецъ, въ современное намъ населеніе земли, — Кювье устранялъ совершенно иначе свою теоріей всеобщихъ катастрофъ, уносившихъ въ концѣ геологическихъ періодовъ все живое и оставлявшихъ *tabula rasa* для новыхъ творческихъ актовъ. Въ жизни консерваторъ и сторонникъ медленныхъ, постепенныхъ реформъ, Кювье отставалъ въ наукѣ мысль, что природа шла путемъ революцій, разрушая, чтобы созидать все вновь съ начала. Такова основная идея его извѣстнаго *Discours sur les révolutions du Globe*. Нигдѣ Кювье не высказывался такъ радикально противъ примѣненія въ геологіи (а, слѣдовательно, и въ биологіи) исторической точки зрѣнія. Вотъ это знаменитое мѣсто его рѣчи: «Долго думали, что прежніе геологическіе перевороты можно объяснить *существующими причинами*, подобно тому, какъ въ политической исторіи объясняютъ прошлыя событія, зная страсти и интриги современныхъ людей. Но мы сейчасъ увидимъ, что, по несчастію, въ исторіи физической дѣло обстоитъ совершенно иначе: нить процессовъ (*le fil des opérations*) порывается; ходъ естественныхъ явленій совершенно измѣняется; ни одинъ изъ употребляемыхъ теперь природой дѣятелей не былъ бы достаточенъ для достиженія ея прежнихъ результатовъ». Вслѣдъ за тѣмъ Кювье перебираетъ всѣ современные факторы геологическихъ измѣненій, каждый разъ приходя къ тому же заключенію, что они не могутъ объяснить намъ прошлаго земли. За Кювье установилась слава точнаго изслѣдователя, скептически отрицавшаго все, что не опирается на строго-фактическую почву, но, конечно, этого нельзя было сказать объ его теоріи катастрофъ, которую Ламаркъ имѣлъ полное право называть продуктомъ смѣлой фантазіи.

Вотъ это-то смѣло высказанное заявленіе, что по отношенію къ прошлому нашей планеты «нить индукціи порывается», это категорическое отрицаніе примѣнимости въ естествознаніи историческаго метода изслѣдованія подвергъ строгой критикѣ и похоронилъ на вѣки Лайель съ перваго тома своихъ *Principles of Geology*, вышедшаго въ 1830 году. Понятно то громадное значеніе, которое имѣло въ дальнѣйшемъ развитіи естествознанія появленіе этой книги. Съ первой же страницы Лайель высказываетъ мнѣніе диаметрально противоположное тому, которое заключалось въ только что приведенныхъ словахъ Кювье. Онъ ставитъ положеніе, что геологія—наука историческая въ буквальномъ смыслѣ этого слова, проводитъ подробную параллель между исторіей земли и исторіей политической и приходитъ къ выводу, что какъ въ исторіи прошлое поясняетъ настоящее и, наоборотъ, настоящее проливаетъ свѣтъ на прошлое, такъ и въ геологіи можно понять прошлое только на основаніи настоящаго. Изученіе «существующихъ причинъ» («existing causes») съ этой минуты становится лозунгомъ точнаго естествознанія. Показавъ въ подробномъ историческомъ очеркѣ, какъ постепенно вырабатывалась, начиная съ поэтическихъ космогоній Востока, эта единственно вѣрная точка зрѣнія на задачу геолога, какъ историка, Лайель заключаетъ его словами Нибура: «Кто призываетъ вновь къ жизни уже исчезнувшее, испытываетъ какъ бы блаженство творчества».

И такъ, «существующія причины» и время—вотъ факторы, которыми, послѣ Лайеля, вправѣ располагать натуралистъ въ своихъ объясненіяхъ прошлаго земли и *населяющихъ ее организмовъ*. Но, настаивая на этомъ ограниченіи въ выборѣ гипотезъ по отношенію къ геологу, самъ Лайель не счелъ возможнымъ признать его обязательность и для біолога. Провозгласивъ историческую идею, какъ единственную вѣрную путеводную нить для геолога, Лайель не рѣшился распространить ее на біологію. Это необходимо выяснитъ, тѣмъ болѣе, что нерѣдко высказывается мнѣніе, что на страницахъ *Principles of Geology* находилось уже въ зачаткѣ все современное эволюціонное ученіе *). Девять изданій этой книги, въ которыхъ Лайель неизмѣнно выступаетъ противникомъ идеи трансформизма, служатъ доказательствомъ невѣрности такого мнѣнія. И приходилъ онъ къ этому заключенію не потому, чтобы не далъ себѣ труда взвѣсить аргументы той или другой стороны,—напротивъ, онъ даетъ самый тщательный анализъ воззрѣній Ламарка, для того, чтобы, въ концѣ-концовъ, отвергнуть его заключенія объ измѣнчивости видовъ и постепенномъ историческомъ процессѣ образованія органическихъ формъ. Правда, Лайеля, какъ многихъ до него и послѣ него, очевидно, отталкиваетъ отъ выводовъ Ламарка послѣдовательность этого ученаго въ распространеніи ихъ и на происхожденіе человека, но та же самая послѣдовательность не оттолкнула же его позднѣе отъ выводовъ другого ученаго. Видно, требовались аргументы болѣе убѣди-

*) Это воззрѣніе, между прочимъ, было высказано и „Старымъ трансформистомъ“ въ *Русской Мысли*.

тельные, чѣмъ тѣ, которыми располагалъ Ламаркъ для того, чтобы заставить Лайеля склониться передъ очевидностью, хотя и шедшей въ разладъ съ его другими искренними убѣжденiями. У Ламарка онъ беретъ только свое, только то, что соответствуетъ его собственному складу мыслей; онъ удивляется проникательности, обнаруживаемой этимъ ученымъ въ тѣхъ мѣстахъ его книги, гдѣ онъ говоритъ о необъятности времени, истекшаго съ той поры, какъ земля уже была заселена живыми существами и гдѣ онъ возстаетъ противъ теорiи катастрофъ, и объясняетъ геологическія явленiя факторами, наблюдаемыми въ современной природѣ, но только дѣйствовавшими въ теченіе этихъ громаднхъ періодовъ времени. Но эти два положенiя, высказываемыя Ламаркомъ только какъ болѣе рациональныя, у Лайеля являются неотразимымъ выводомъ изъ подавляющей массы строго обдуманнхъ фактовъ.

Какъ бы то ни было, но вліяніе идей Лайеля на дальнѣйшее направленіе, которое приняло естествознаніе вообще, а, слѣдовательно, и биологiя, не подлежитъ сомнѣнію. Для натуралиста окончателно была завоевана идея медленнаго естественно-историческаго процесса, проливающего свѣтъ на современный строй природы и, что еще существеннѣе, провозглашенъ былъ научный принципъ, по преимуществу историческій, что и объясненіе прошлаго возможно только при допущенiи въ немъ тѣхъ же факторовъ, какіе мы изучаемъ въ настоящемъ. Всякая попытка прибѣгать при объясненiи этого прошлаго къ факторамъ исключительнымъ, не имѣющимъ аналогii въ современномъ естественномъ ходѣ явленiй, была напередъ осуждена какъ не научная. Можно сказать, что Лайель былъ въ извѣстномъ смыслѣ Вико естественной исторiи; его *Principles of Geology* были дѣйствительно *Principi di una Scienza nuova*: они положили основаніе философи естественной исторiи, въ точномъ смыслѣ этого слова. Основныя идеи *Principles of Geology* относятся къ идеямъ Кювье въ его *Discours sur les Revolutions du Globe*, какъ основныя идеи *Scienza Nuova* относятся къ идеямъ *Discours sur l'histoire universelle* Боссюэ. Если на страницахъ книги Вико сдѣлана первая систематическая попытка разсматривать исторiю человѣка какъ естественную исторiю, то на страницахъ книги Лайеля сдѣлана первая систематическая попытка разсматривать естественную исторiю какъ дѣйствительную исторiю.

Въ то время, когда Лайель былъ еще занятъ обработкой третьяго тома своей книги, въ которомъ онъ высказывалъ свое несогласіе съ идеями Ламарка, изъ гавани Давенпорта уже выходилъ Бигль, несшій на себѣ молодого двадцати-двулѣтняго натуралиста, который изъ впечатлѣнiй своего кругосвѣтнаго плаванiя долженъ былъ вынести зачатки ученiя, черезъ тридцать лѣтъ спустя заставившаго самого Лайеля убѣдиться, что не только земная кора, но и ея населеніе подчиняются тѣмъ же неизмѣннымъ историческимъ законамъ.

Мы теперь уже знаемъ всѣ условiя, которымъ должно было удовлетворить это ученіе. Вотъ какія требованiя были ему заранѣе предъявлены. Морфологу

оно должно было объяснить единство органическаго міра, физиологу—его совершенство, классификатору — разорванность звеньевъ единой органической цѣпи, наконецъ, послѣдователю исторической идеи Лайеля—объяснить прошлое органическаго міра, исходя исключительно изъ «existing causes», т.-е. построивъ свое объясненіе на фактахъ наблюдаемой дѣйствительности.

Понятенъ былъ восторгъ, съ которымъ было встрѣчено ученіе, въ мученъ синтезѣ заключавшее одинъ отвѣтъ на всѣ эти запросы, удовлетворившее всѣмъ этимъ требованіямъ, предъ которыми безпомощно разбились прежнія попытки. Можетъ быть, скажутъ: разъ всѣ условія задачи были опредѣлены, самый отвѣтъ былъ уже тѣмъ намѣченъ. Все это такъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ пришелъ тогда, когда умы, наиболѣе къ тому приготовленные, какъ Лайель, уже, казалось, перестали его ожидать, извѣрившись въ его возможности.

К. Тимирязевъ.

М о и н а н и к у л ы .

(Одесса, Константинополь, Пирей, Афины, Александрия, Каиръ, пирамиды).

Пароходъ „Чихачевъ“. 18 апрѣля 1893 г.

Дорогой В. А.

Якоря только что прогремѣли, машина затихла, рокотаніе руля смолкло, суета прекратилась, пассажиры успокоились, разбрелись на ночлегъ по своимъ каютамъ. Я одинъ въ курилкѣ сажусь за письмо къ тебѣ, за отчетъ о моихъ нынѣшнихъ каникулахъ. Мы стоимъ на якорѣ у входа въ Босфоръ, ночевать будемъ. Послѣ заката солнца суда не пропускаютъ въ проливъ. Мы и до этого затишья едва добрались, — такой туманъ, что, думали, придется опять уходить въ открытое море изъ опасенія наткнуться на берегъ. Съ самыхъ сумерокъ пароходный свистокъ реветъ неистовымъ голосомъ черезъ каждыя двѣ - три минуты. Огней маяковъ совсѣмъ не видно. О близости и расположеніи береговъ, румелійскаго и аналійскаго, мы знаемъ лишь потому, что съ той и съ другой стороны отвѣчаютъ на нашъ ревъ сигнальными пушечными выстрѣлами. Мы замолчали, и пальба прекратилась. Тишина полная, даже рокота моря не слышно, такъ какъ двери и окна закрыты по случаю холода и сырости. Къ вечеру термометръ показывалъ 7°, меньше, кажется, чѣмъ въ Москвѣ въ день моего отъѣзда. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ я, разставшись съ вами, подвигался къ благодатному югу, становилось все холоднѣе. Между Москвою и Курскомъ въ выемкахъ и западинахъ лежалъ зимній снѣгъ, а подъ Киевомъ и въ Киевѣ я засталъ настоящую зиму. Все бѣло, покрыто снѣгомъ, какъ въ февралѣ, и ни одной проталинки, и это 14 апрѣля на 1,000 верстъ южнѣе Москвы. Въ Одессѣ снѣга нѣтъ, но нѣтъ и ни одного листочка на деревьяхъ. Въ Одессу я пріѣхалъ въ четвергъ 15 и, прежде чѣмъ пуститься въ далекое плаваніе, отлично отдохнулъ въ Сѣверной гостиницѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ А. С. Ящука. Изъ нашихъ провинціальныхъ отелей это едва ли не самый лучший, въ особенности же въ смыслѣ пропитанія, а это тѣмъ болѣе цѣнно, что тутъ приходится заговѣться надолго, отправляясь въ ту страну, куда я держу

путь. Весь путь я рассчитываю сдѣлать на пароходахъ Русскаго общества пароходства и торговли, проученный уже разъ плаваніемъ на итальянскихъ компаніи Флоріо-Рубатино, неудобныхъ и грязноватыхъ. А на мое счастье, попалъ я на *Чихачева*, который считается лучшимъ пароходомъ на этой линіи. И на самомъ дѣлѣ, требовать большихъ удобствъ и большей роскоши можетъ развѣ только человекъ, избалованный до привередливости. Вчера, ровно въ 4 часа дня, мы отвалили отъ набережной карантинной гавани подъ дождемъ и порывистымъ холоднымъ вѣтромъ. Кромѣ меня, на пароходѣ всего три пассажира I класса, не считая, впрочемъ, командира надъ портомъ, адмирала Бистрома, отправляющагося съ семействомъ до Константинополя. Изъ трехъ моихъ спутниковъ двое иностранцы, третій... право, не знаю, какъ его назвать: зовутъ его Георгіемъ Одиссеевичемъ Калло, родился онъ въ Россіи, ведетъ торговлю въ Одессѣ, родители его греки съ Ионическихъ острововъ, паспортъ у него англійскій, самъ же себя онъ называетъ русскимъ. А я могу только сказать, что человекъ онъ пресимпатичный, и мы съ нимъ очень скоро сошлись на излюбленномъ обоимъ предметѣ—на нумизматикѣ. Такъ же, какъ и я, онъ собираетъ медали и не менѣе меня увлекается всякою стариной, я бы сказалъ археологіей, если бы мнилъ себя сколько-нибудь археологомъ. Мы условились съ нимъ пуститься завтра на осмотръ Константинополя на компанейскихъ началахъ, обоюднo выгодныхъ. Переходъ черезъ Черное море совершился довольно благополучно. Правда, съ 8 ч. вчерашняго вечера начало покачивать и всю нашу небольшую компанію укачало. Я одинъ остался непоколебимъ и мореходно-способенъ. Но сегодня съ часу дня совершенно стихло и, если бы не туманъ и холодъ, то плаваніе обо-залось бы совсѣмъ хорошимъ. А за сими до завтра; пора спать.

Понедѣльникъ, 19 апрѣля. Константинополь.

Въ видахъ экономіи я остался на пароходѣ. Немножко безпокойно это, цѣлый день трещать краны и лебедки, которыми выгружаютъ товаръ и поднимаютъ новый грузъ на бортъ, за то не платитъ въ гостиницу... Въ Босфоръ мы вошли въ шестомъ часу утра и—увъ!—туманъ лишилъ меня величайшаго наслажденія вторично полюбоваться дивною панорамой, точно волшебствомъ развертывающеюся здѣсь передъ путешественникомъ. Надо знать, что это за диво, чтобы понять злость, терзавшую меня въ теченіе двухъ часовъ слишкомъ, пока мы не стали на якорь у Галаты. Подъ сумрачнымъ небомъ, за сѣрою завѣсой тумана пропали всѣ красоты Босфора. Точно призраки промелькнули развалины старыхъ замковъ Мухамеда II, загородные дворцы султана, знатныхъ пашей и европейскихъ посольствъ. Чудесныхъ садовъ Чарагана и Илдызъ-Кюска точно совсѣмъ не бывало, впереди едва виднѣлись неясныя очертанія Стамбула, св. Софіи и старыхъ султанскихъ дворцовъ, утонувшихъ въ садахъ на мѣстѣ древней резиденціи византійскихъ императоровъ, «священныхъ» палатъ, отъ которыхъ не осталось и камня на камнѣ. Уцѣлѣли только храмы Аія-Софія и св. Ирины, превращеннаго въ складъ стараго оружія, очень интерес-

ный, но недоступный для посѣтителей. Другихъ мечетей съ ихъ минаретами и даже громаднхъ башенъ Сераскирата и Перы совсѣмъ нельзя различить. Противъ такой «планиды», какъ туманъ, ничего не подѣлаешь, приходится помириться съ невзгодой и отмахиваться рукой отъ пристававшей двухъ десятковъ посыльныхъ, навязывающихъ карточки отелей, и проводниковъ-драгомановъ, предлагающихъ свои услуги. Пеструю, рваную и грязную толпу носильщиковъ держать на нижней палубѣ третьяго класса и впускаютъ наверхъ лишь по-одиночкѣ, по вызову драгомановъ и посыльныхъ. Мнѣ торопиться некуда, я высматриваю, а потомъ громко выкликаю стараго знакома Мустафу Сезай. «Здѣсь»,—отвѣчаетъ мнѣ съдоватый посыльный какого-то отеля. «Здѣсь,—повторяетъ другой голосъ,—честью имѣю явиться...»—и передо мной Мустафа, такой же точно, какъ пять лѣтъ назадъ, въ щеголеватой свѣтло-малиновой фескѣ, съ рыжеватыми усами, съ добродушно-радостною улыбкой. Онъ сразу узналъ меня, съ третьяго слова сталъ разспрашивать про В. М. и про С. Ѳ., которымъ онъ служилъ цѣлую недѣлю въ первый нашъ прїѣздъ сюда. Столковались мы моментально, за пять франковъ на день, и черезъ нѣсколько минутъ сидѣли втроемъ въ лодкѣ: я, Калло и Мустафа. Багажа съ нами нѣтъ и потому мы не у таможни, а у паспортнаго отдѣленія, гдѣ, впрочемъ, на наши паспорта никто не взглянулъ, а съдой турецкій чиновникъ вѣжливо спросилъ на французскомъ языкѣ наши карточки, и мы вступили на оттоманскую почву, къ удивленію моему, не слыхавши даже слова «бакшишъ». Мрачный баракъ, темный закоулокъ, и я опять въ Галатѣ, неизмѣнно грязной, шумливой, пестрой до головокруженія, съ снующею взадъ и впередъ толпой въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, съ осликами, нагруженными всякою всячиной, со множествомъ собакъ, не обращающихъ никакого вниманія на прохожихъ, осторожно обходящихъ этихъ четвероногихъ гражданъ турецкой столицы. О константинопольскихъ собакахъ говорено и писано не мало, и я могъ бы о нихъ совсѣмъ не упоминать, если бы не имѣлъ въ виду рассказать тебѣ, по какому поводу безхозянные псы получили здѣсь настоящее право гражданства и даже право на почетъ, которымъ не всегда пользуются столь же голодные, какъ они, разноплеменные обыватели города. Этихъ послѣднихъ можно толкать невозбранно и сколько угодно, порой по ихъ прикрытымъ лохмотьями спинамъ внушительно щелкаетъ палка полицейскаго, тогда какъ измореннаго пса никто не смѣетъ тронуть пальцемъ, подъ страхомъ крупныхъ непріятностей со стороны правовѣрныхъ поклонниковъ Магомета. Суть же дѣла вотъ въ чемъ: по ученію Корана, всѣ правовѣрные мусульмане войдутъ въ рай небесный и получатъ вѣчное блаженство, обѣщанное имъ пророкомъ единственно за то, что они вѣруютъ въ него. Адъ и его мученія существуютъ только для невѣрныхъ гяуровъ. Въ виду такихъ распоряжковъ въ будущей жизни, для магометанина не было бы никакого повода быть добродѣтельнымъ при жизни и воздерживаться отъ дурныхъ и злыхъ дѣяній, если бы не грозила имъ горькая участь потерпѣть

вару тѣмъ, что за грѣхи ихъ души будутъ на болѣе или менѣе долгій срокъ водворены въ собачьи тѣла и обречены валяться по улицамъ и питаться всякою гадостью. Не знаю, писано ли объ этомъ въ мусульманскихъ священныхъ книгахъ, но таково вѣрованіе магометанъ, по словамъ ихъ муллъ и улемовъ. А изъ такого вѣрованія вытекаетъ логическое заключеніе, что мусульманинъ не смѣетъ ни ударить собаку, ни причинить ей иную непріятность, изъ боязни тѣмъ оскорбить и безъ того страждущую душу, принадлежавшую, быть можетъ, кому-нибудь изъ его родныхъ и, почему знать, быть можетъ, папеньгѣ или мамонькѣ. И, тѣмъ паче, было бы непростительною дерзостью, если бы гауръ-невѣрный позволилъ себѣ обойтись не деликатно съ грѣшною душою магометанина, отбывающему временно наказаніе въ собачьей шкурѣ. Ясно также, что и уничтожать собакъ нельзя, не оказывая тѣмъ явнаго противленія волѣ Аллаха, назначающаго сроки искупленія грѣховъ. Вотъ почему не въ одномъ Константинополѣ, а во многихъ мусульманскихъ городахъ кипша кипятъ злощастные уличные псы, питающіеся отбросами, чахлые, захудалые, часто омерзительные своими накожными болѣзнями. Втихомолку ихъ и тутъ, говорятъ, изводятъ отъ времени до времени отравой, иначе отъ нихъ совсѣмъ житья бы не было. Что же касается рассказовъ, будто они «санитары» города, то это суцая пустяковина. «Санитаръ» тутъ одинъ — климатъ: хлынетъ дождь и всякую дрянъ смоешь, засвѣтитъ солнце и всякую грязь высушитъ, а затѣмъ чрезмѣрно накаплиющійся соръ, все-таки, вывозится за-городъ въ перекидныхъ корзинкахъ на осликахъ и въ двухколесныхъ тачкахъ. За городскими стѣнами лежатъ цѣлые валы этого вѣкового сора.

Въ Галатѣ я зашелъ позать руку доброму знакомому и очень любезному нашему соотечественнику Марку Антоновичу, выпилъ у него чашку превосходнаго турецкаго кофе и размѣнялъ десятирублевку на турецкія деньги для мелкихъ расплатъ. Потомъ мы прошли пѣшкомъ до туннеля, по которому вагоны поднимаются въ Перу и доставляютъ пассажировъ за какую-то мелкую монетку въ двѣ минуты, тогда какъ переѣздъ въ экипажѣ стоитъ не менѣе черека (четверть меджидіе—45 коп.) и длится минутъ двадцать. По выходѣ изъ туннеля, мы наняли двухмѣстную коляску, предварительно напумѣвшись и накричавшись до-сыта, какъ это дѣлается при всякомъ торгѣ на Востокѣ. Извозчикъ запросилъ 25 франковъ за день, я предложилъ десять. Извозчикъ вопить, Мустафа оретъ, я кричу, Калло руками разводитъ, съ конца улицы голосятъ другіе извозчики... Сторговались за 15 франковъ и помчались подъ гору, на ту сторону Золотого Рога, къ св. Софіи. Знакомыя улицы, знакомыя картины и, тѣмъ не менѣе, восхитительныя своею необычайною оригинальностью: на горѣ, въ самой Перѣ, старое кладбище, заросшее цѣлою рощей кипарисовъ, налѣво улица, по одну сторону чисто-европейскіе дома, по другую рядъ какихъ-то удивительныхъ сооруженій, похожихъ на вычурные шкафы вышиной въ три и въ четыре этажа, шириной въ 4—5 аршинъ, съ выступами аршина на 1½,

надъ тротуаромъ. Въ воздухѣ точно дрогнуло что, пронеслась теплая струя, облака разорвались, глянуло солнце и смахнуло туманъ, будто отдернуло сѣрую завѣсу, и передъ нами во всей красѣ засіялъ Золотой Рогъ, заблѣли, замскрились минареты, очертились куполы и сады, ярко выступила вся причудливая картина Стамбула. Не смотришься, не налюбишься... Неаполитанцы много похваляются своимъ Napoli, итальянцы иначе не называютъ Венецію, какъ Venezia la bella. Ея красотамъ Неаполя,—вѣроятнo таковыя имѣются,—я такъ же равнодушенъ, какъ къ прелестямъ Одессы. Я не говорю объ окрестностяхъ Неаполя, то статья иная. Венеція поразительна только внутри, когда попадешь въ этотъ дивовиный городъ съ каналами, вмѣсто улицъ и переулковъ, съ площадью, похожею на огромную залу, пожалуй даже на колоссальную базилику, охваченную съ трехъ сторонъ чудесною колоннадой и съ четвертой замкнутую соборомъ св. Марка, точно иконостасомъ. Константинополь—очарованіе, волшебный сонъ наяву, неизобразимый ни вистью, ни фотографіей, ни перомъ. Нѣтъ такихъ красокъ на палитрѣ художника, нѣтъ такихъ тоновъ и нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ, которыми можно было бы дать хотя отдаленное понятіе объ этомъ дивѣ дивномъ, вызывающемъ трепетъ восторга даже во мнѣ, видящемъ его не въ первый разъ и видѣвшимъ его въ теченіе цѣлой недѣли... Знаешь, объ этихъ восторгахъ даже какъ-то неловко писать, настолько они стали общою, такъ сказать, затасканною фразой. А съ тѣмъ вмѣстѣ и воздержаться нѣтъ силъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ сладкихъ впечатлѣній. Одно изъ двухъ: или перо бросай, или злоупотребляя дружескимъ расположеніемъ и заставляя читать многократно повторившееся на всякіе лады. Прости, пера я просто не могу бросить, не подѣлившись съ тобою пережитымъ и перечувствованнымъ за этотъ день. Не могу я не сказать тебѣ, что и на этотъ разъ охватило меня въ храмѣ св. Софіи то же возвышающее душу настроеніе, какое я испытывалъ въ прежнія мои посѣщенія этого чуднаго созданія христіанскаго генія. Здѣсь молиться хочется и здѣсь молиться можно, безъ словъ и безъ прошеній, восхищенною душой, одними хваленіями и благодареніями Богу-Господу подъ куполомъ, подобнымъ своду небесному, среди аркадъ и колоннъ, которыхъ не чувствуешь,—насколько онѣ воздушно-легки, гармонично слиты въ одно прекрасное недѣлимое цѣлое со всѣмъ зданіемъ. Свѣтъ и просторъ, точно стѣнъ совсѣмъ нѣтъ... Соборъ св. Петра въ Римѣ, соборъ во Флоренціи и многіе другіе храмы Европы значительно больше св. Софіи и изукрашены богаче, и не изуродованы безобразными круглыми щитами съ золотыми арабскими надписями. Но тѣ храмы даютъ ея своими громадами и отнюдь не внушаютъ благоговѣнія. Изъ нихъ нѣтъ поскорѣе хочется выбраться наружу, на вольный воздухъ, подъ голубое небо. Не то въ божественномъ храмѣ, обращенномъ въ мечеть съ замазанными фресками и мозаиками. Въ немъ можно забыться, цѣлые часы пробыть, не сознавая времени, не замѣчая ни изуродованій, ни хозяйничающихъ тутъ халатниковъ. Ея чести турокъ надо сказать, что всѣ ихъ

храмы содержатся въ большой чистотѣ, и въ Айя-Софіи, не знаю чьимъ стараніемъ, прекращено расхищеніе мозаикъ, практиковавшееся въ прежнее время муллами, которые выковыривали мозаику и втихомолку продавали ея кусочки туристамъ. Сидящіе у дверей служители мечети взимають съ европейцевъ нѣкоторую плату, по соглашенію съ драгоманомъ и подѣтъмъ предложомъ, что дають посѣтителемъ туфли, безъ которыхъ никого не пускають. Изъ храма мы поднялись извилистымъ наклоннымъ ходомъ безъ ступенекъ на обширные хоры въ сопровожденіи одного служителя, приставленнаго смотрѣть за тѣмъ, чтобы посѣтители не портили стѣны и колонны своими надписями. Во время богослуженія не-мусульманъ не пускають въ мечети, но видѣть богослуженіе можно съ хоръ, для чего въ св. Софіи устроены досчатые подмостки съ лавками какъ разъ противъ алтарной части. На хорахъ особенно замѣчательны три вещи: могила знаменитаго венеціанскаго дожа, прикрытая доской съ лаконическою надписью: «*Enrico Dandolo*», камень, вдѣланный въ полъ, про который повѣствуютъ, что на немъ былъ повить Христосъ при рожденіи, и заложенная дверь, про которую турки ничего не повѣствуютъ и отъ которой они отворачиваются, ибо существуетъ такая легенда объ этой двери: въ то время, когда турки врываются въ храмъ св. Софіи, въ немъ совершалась литургія. Дабы не отдать Св. Дары на поруганіе мусульманамъ, священникъ взявъ потиръ, удалился съ нимъ въ эту дверь, и ее за нимъ замуровали. Когда Константинополь опять перейдетъ въ руки христіанъ, заложенная дверь отворится и изъ нея выйдетъ тотъ же священникъ съ Св. Дарами и закончить прерванную литургію. Подъ вліяніемъ страха турки не смѣють открыть этой двери, хотя и существуетъ предположеніе, будто за нею скрыты какія-то церковныя драгоценности. За посѣщеніе хоръ намъ не пришлось давать никакого бакшиша,—нашъ спутникъ въ пестромъ халатѣ скрылся прежде, чѣмъ я успѣлъ вынуть кошелекъ.

Послѣ св. Софіи наиболѣе замѣчательна мечеть султана Ахмеда (султанъ Ахмедъ-джами), въ которой стѣны, колонны и куполь облицованы внутри превосходными изразцами. Это необыкновенно эффектно, оригинально и красиво. Вся мечеть точно фарфоровая. При ней обширный мраморный дворъ съ колоннадами и фонтанами и шесть минаретовъ, надѣлавшихъ не мало хлопотъ ея строителю султану Ахмеду. До того времени существовало шесть минаретовъ только при главной мечети въ Меккѣ. Шерифъ Мекки считъ сооруженіе такого же числа минаретовъ въ Стамбулѣ за нарушеніе правъ и за оскорбленіе величайшей святыни магометанства и грозилъ султану проклятіемъ до тѣхъ поръ, пока Ахмедъ не уладилъ дѣла постройкою седьмого минарета въ Меккѣ. Мечети султана Ахмеда, Сулейманіе, Султанъ-Валиде, Султанъ-Махмудъ построены болѣе или менѣе по образцу св. Софіи, съ тою разницей, что у большинства мечетей есть обширные дворы, окруженные крытыми колоннадами, и что фасады ихъ не испорчены пристройками и безобразными контрфорсами, совершенно скрывающими наружный видъ Айя-Софіи. Добравшись до Константинополя,

нельзя не посетить небольшой мечети, носящей название Кахрие-Джами, бывшего христианского храма, въ которомъ турки, при обращеніи его въ мечеть, почему-то пощадили старинные византійскіе фрески и мозаики, не замазали изображеній Христа, Богоматери, святыхъ и архангеловъ, цѣлыхъ картинъ, воспроизводящихъ событія ветхозавѣтной и христіанской исторіи. Это въ своемъ родѣ чуть ли не единственный памятникъ византійскаго искусства, уцѣлѣвшій въ Стамбулѣ, если не считать четырехъ херувимовъ въ углахъ подъ куполомъ св. Софіи, которымъ мусульмане прикрыли только лица позолотой. Само собою разумѣется, что мы по пути осмотрѣли Ипподромъ, вѣрнѣе, ту площадь, подъ которою погребены древній Ипподромъ. На ней сохранились три памятника старины: египетскій обелискъ, бронзовая колонна, составленная изъ трехъ свившихся змѣй, у которыхъ отбиты головы, и кирпичная колонна, начинающая разрушаться и грозящая обрушиться въ недалекомъ будущемъ. Рассказываютъ, что когда-то эта колонна была обложена мѣдными золочеными листами, пришли крестоносцы и ободрали ее, вообразивши, что листы чистаго золота. Вообще, крестоносцы похозяйничали на своемъ пути, кажется, не меньше, чѣмъ турки. Въ музей показываютъ голову одной изъ змѣй отъ змѣевидной колонны, но подлинность этой головы подвергается сомнѣнію. Въ этотъ прїѣздъ я не пошелъ въ музей, за краткостью времени, и отложилъ его осмотръ до обратнаго пути. По дорогѣ мы завернули на нѣсколько минутъ въ такъ называемый музей Янычаръ, собраніе сотенъ полутора грубо сдѣланныхъ манекеновъ, одѣтыхъ въ костюмы и во всѣхъ деталяхъ когда-то страшныхъ воиновъ, игравшихъ нѣкоторое время роль преторіанцевъ въ турецкой исторіи. Недалеко отъ церкви св. Ирины показываютъ старый платанъ, у котораго происходили ихъ сходки.

Послѣ всѣхъ этихъ экскурсій,—ты можешь себѣ представить, какъ я усталъ, какъ запросился на отдыхъ, а, между тѣмъ, необходимо было еще отправиться въ консульства,—мнѣ въ русское, моему спутнику въ англійское,—выправлять *тескере*, нѣчто вродѣ турецкаго паспорта, необходимаго для поѣздки въ Египетъ, въ Палестину и въ Сирію *). Заручившись свидѣтельствами консульствъ, пришлось отправиться въ какую-то грязную турецкую канцелярію въ грязномъ переулкѣ Галаты и заплатить гербоваго сбора 10 піастровъ и 2 пара за большой листъ, напечатанный по-турецки. Наши имена и примѣты вписаны чиновникомъ безвозмездно. За то на лѣстницѣ на насъ кинулся какой-то сторожъ и съ нахальнымъ требованіемъ бакшиша загородилъ дорогу. Но, вмѣсто подачки, мой Мустафа чуть не побилъ его, я же такъ раскричался, что чиновники выскочили изъ своего чулана и убрали назойливаго служителя. Завтракъ въ *Hôtel de Londres Belle-Vue* за 5 франковъ съ человѣка, безъ вина, оказался омерзительнымъ до невозможности, и на пароходъ мы вернулись чуть не падающими отъ голода

*) Впоследствии оказалось, что бумага эта нигдѣ не нужна, никто ее у меня не спрашивалъ ни въ Египтѣ, ни въ Яффѣ, ни въ Смирнѣ. Необходима она для путешествія въ глубь Палестины и Сиріи.

и усталости. Нашъ милѣйшій командиръ, капитанъ К., взволнованъ ожиданіемъ на пароходъ цѣлаго полчища «хаджей», пилигримовъ, отправляющихся черезъ Александрію въ Мекку. Объ этомъ уже заявлено агентомъ общества и сдѣлано распоряженіе приготовить для нѣкоторыхъ каюты первого и второго классовъ. «Весь пароходъ загадать,—сокрушается капитанъ,—потомъ въ три дня не отчистишь»...

Жму твою руку и спать иду.

Р. С. Пиши въ Каиръ, не забудь на конвертѣ надписать «Via Brindisi», иначе письмо пойдетъ на Одессу и пропутешествуетъ, по меньшей мѣрѣ, двѣ недѣли, тогда какъ черезъ Бриндизи или Вѣну я получу его черезъ 8—9 дней.

Пирей. 22 апрѣля 93 г.

Шестой часъ утра. Тепло, но далеко не жарко. Пароходъ тихо-хонько пробирается въ небольшую гавань Пирея. Тутъ любоваться нечѣмъ, и я сажусь за письмо къ тебѣ, насмотрѣлся въ то время, какъ подходили къ Пирею. Съ восхода солнца Акрополь видѣнь, какъ на ладони, въ бинокль, разумѣется. И опять разгорѣлось во мнѣ ретивое, хочется поскорѣе въ Афины. Къ сожалѣнію, пароходъ стоитъ тутъ только до 4 часовъ. На то, чтобы съѣздить въ Афины, имѣется въ моемъ распоряженіи всего 7—8 часовъ. Маловато, но рассчитываю, что успѣю видѣть наиболѣе меня привлекающее въ городъ богини Пароены. А теперь пока продолжаю мою Одиссею въ должномъ порядкѣ и отчасти по воспоминаніямъ о первомъ моемъ посѣщеніи Константинополя.

Сущій калейдоскопъ этотъ городъ, блестяшій, пестрый, переливчатый настолько, что голова кружится, глядя на него, и не сразу разберешься въ подробностяхъ при необыкновенно быстрой смѣнѣ новыхъ и непривычныхъ впечатлѣній. Толпы народа, спущаго по люднымъ улицамъ, можно сравнить лишь съ толкотней на какомъ-то необъятномъ костюмированномъ балѣ безъ музыки и танцевъ, среди котораго то промелькнетъ открытое ландо или викторія съ нарядными европейскими дамами, то закрытая карета съ раззолоченнымъ, черномазымъ евнухомъ на козлахъ и съ обитательницами гаремовъ, бойко выглядывающими въ открытыя окна, то прогремитъ вагонъ трамвая, впереди котораго мчится во всѣ ноги и трубитъ въ дудку оборванецъ въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, дающій сигналъ сворачивать встрѣчнымъ экипажамъ. Бѣжить онъ шагахъ въ 50 впереди конки, — предосторожность необходимая при здѣшной тѣснотѣ улицъ, гдѣ мѣстами изъ вагона можно зонтомъ дотронуться до стѣнъ домовъ по обѣ стороны. На первый разъ не поймешь даже, какимъ чудомъ разѣзжаются экипажи, какъ увертываются отъ конки и пропускаютъ мимо себя лошадей и ословъ, навьюченныхъ разнымъ строительнымъ матеріаломъ. Къ этому надо добавить, что тротуаровъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, а тамъ, гдѣ и есть нѣкоторое ихъ подобіе, по нимъ никто не ходитъ. Вся ширина улицъ занята пѣшеходами, кое-какъ увертывающимися отъ экипажей и ѣдущихъ верхами на лошадяхъ и осликахъ. Естественное дѣло, что заѣзжого ино-

странца особенно интересуют турецкія дамы, якобы недоступныя мужскимъ взорамъ. Сущіе это пустыя: закутываются и плотно закрываютъ лица только женщины, идущія пѣшкомъ. Но таковыхъ, во-первыхъ, мало, во-вторыхъ, это по большей части старухи или женщины низшаго класса, далеко не привлекательныя своими костюмами. Что касается женщинъ, ѣздящихъ въ каретахъ, то онѣ такъ же мало скрываютъ свои лица, какъ и наши дамы, вся разница въ томъ, что у насъ онѣ надѣваютъ вуалетки, прикрывающія лобъ, глаза и носъ, а турчанка такимъ же прозрачнымъ лоскуткомъ завѣшиваетъ себѣ подбородокъ, ротъ и кончикъ носа, оставляя открытыми глаза, лобъ и набѣгающіе на него завитки волосъ изъ-подъ шапочки, болѣе или менѣе щеголевато изукрашенной вышивкой. Не берусь рѣшать, что удобнѣе для цѣлей кокетства, *maniège orientale* или нашинская, но могу тебя завѣрить, что сквозь легкій газъ улыбки восточныхъ красавицъ отлично видны и выразительны, не говоря уже о томъ, что глазами онѣ дѣйствуютъ совсѣмъ безпрепятственно. Слово «красавицы», предупреждаю, не принимай въ букввальномъ смыслѣ,—это я только сказалъ изъ любезности. На самомъ же дѣлѣ красавицъ я не видалъ, да и просто красивыхъ видѣлъ очень немного. Предполагать же, будто хорошенькихъ не выпускаютъ изъ домовъ, не имѣю никакихъ основаній, ибо катаются невозбранно пожилыя и молодыя, и очень молоденькія, и цѣлыми семьями или группами. Говорятъ, что султанъ очень не одобряетъ нынѣшнихъ модъ и крѣпко настаиваетъ на томъ, чтобы прекрасная половина его подданныхъ плотно закрывала лица, мусульманскіе обычай онъ желаетъ блюсти строго и правовѣрно, но въ этомъ отношеніи не можетъ ничего подѣлать,—передъ дамами и его абсолютная власть бессильна. Хорошенькія, и даже очень хорошенькія, женщины встрѣчаются только среди евреевъ, которыхъ можно видѣть во множествѣ, и, разумѣется, съ открытыми лицами, на гуляньѣ въ пятницу вечеромъ у Золотого Рога, недалеко отъ еврейскаго кладбища. Въ окнахъ турецкихъ домовъ женщинъ совсѣмъ нельзя видѣть, такъ какъ всѣ окна закрыты пропиленными деревянными филенками. Въ вагонахъ конки и желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ, ходящихъ въ Босфоръ, въ Скутари и на Принцевы острова, для женщинъ имѣются особыя отдѣленія, закрытыя занавѣсками.

Изъ Константинополя мы вышли во вторникъ, 20 апрѣля, въ 5 часовъ вечера, при ясной погодѣ. Я нахожу, что видъ на Стамбулъ съ Мраморнаго моря не такъ хорошъ, какъ съ Босфора. На пароходѣ большое общество, преимущественно англичане,—«Куки», какъ прозвала ихъ одна очень милая русская барыня, отправляющаяся къ мужу въ Пирей. Это сборное общество путешествуетъ по круговымъ билетамъ всемірно-извѣстнаго поводыльщика Кука, берущаго туристовъ за условленную плату чуть ли не на полное свое иждивеніе, во всякомъ же случаѣ, съ обязательствомъ возить ихъ по опредѣленнымъ мѣстамъ, показывать всякія достопримѣчательности черезъ своихъ гидовъ, доставлять экипажи, номера въ гостиницахъ и проч. Таковъ способъ путешествовать имѣетъ свои удобства, избавляетъ,

прежде всего, туристовъ отъ многихъ хлопотъ: билетовъ не брать, о багажѣ не заботиться, проводниковъ не искать, съ извозчиками не торговаться, ни съ кѣмъ по мелочамъ не расплачиваться и, слѣдовательно, не быть обсчитаннымъ, что практикуется здѣсь на каждомъ шагу, благодаря монетной путаницѣ. Номинально франки, итальянскія лиры, греческія драхмы, румынскія левы представляютъ равныя цѣнности, не то выходитъ при расчетахъ: курсъ на лиры, драхмы, левы постоянно мѣняется, турецкіе меджиды не соотвѣтствуютъ счету на франки; въ Египтѣ и въ Палестинѣ, какъ меня предупреждаютъ, опять свои особые счета, и уразумѣть все это довольно мудро. Въ Греціи, кромѣ того, ходятъ бумажныя деньги, стоимостью въ 1, въ 2 и въ 10 драхмъ, настолько грязныя, засаленныя, что до нихъ мерзко дотронуться даже въ перчаткѣ. На нихъ особый курсъ, и обращеніе съ ними довольно своеобразное: большинство десяти-драхмовыхъ бумажекъ разорвано пополамъ, и каждая половина ходитъ по рукамъ за 5 драхмъ. Но, какъ ни удобно положеніе куковскихъ кліентовъ, я имъ не завидую потому, во-первыхъ, что они за свои шиллинги и марки превращаются въ настоящихъ невольниковъ, которыхъ куковскіе «молодцы» водятъ яко стадо безсловесное, и водятъ табуночкомъ по росписанію, составленному разъ навсегда, во-вторыхъ, выводка эта совершается по часамъ: на храмъ Тезея столько-то минутъ, на Акрополь—столько-то, на Одеонъ и театръ Діониза—столько-то... и пожалуйста завтракать всѣмъ табуномъ. Ни задержаться, ни засмотрѣться нигдѣ нельзя, не разрушивши цѣлой системы. Надо имѣть особый складъ ума, характера и желудка, чтобы подчиняться «куковскому» режиму. Мнѣ вчуже жаль смотрѣть на то, какъ эти господа отбываютъ свою туристскую повинность и провѣряютъ Бедекера подъ заученный говоръ жожака...

Лодки поданы,—кончу, вернувшись...

2 часа дня.

Ты представить себѣ не можешь, какъ я доволенъ,—нѣтъ, этого мало, — какъ я счастливъ, что побывалъ еще разъ въ Афинахъ. Присмотрѣться, конечно, ко всему можно, и жители Афинъ, вѣроятно, такъ же равнодушны къ красотамъ своего города, какъ москвичи не сознаютъ своеобразной прелести Бѣлокаменной, поражающей иностранцевъ. Не подумай, однако, что я въ патріотическомъ умиленіи хочу сравнивать Кремль съ Акрополемъ и Василия Блаженнаго съ храмомъ Тезея. Это величины несоизмѣримыя ни въ какомъ смыслѣ и всего менѣе въ эстетическомъ. А затѣмъ въ Афинахъ только и есть прекраснаго, что уцѣлѣло отъ временъ античныхъ. Самъ по себѣ городъ довольно похожъ на наши губернскіе изъ чистенькихъ. Сходство приходитъ на умъ въ особенности при взглядѣ на королевскій дворецъ, весьма напоминающій старыя губернскія присутственныя мѣста николаевской постройки, съ жалкимъ скверомъ на площади, обставленной ресторанами и гостиницами тоже провинціального размѣра и характера. Къ слову, если поѣдешь когда въ Афины, имѣй въ виду, что относительно цѣны номера слѣдуетъ крѣпко поторговаться, какъ и въ

Константинополѣ, да, впрочемъ, и вездѣ, гдѣ мнѣ удалось побывать въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Въ прошлый пріѣздъ я останавливался въ Hôtel Bizançe,—довольно чисто, уютно, комната съ балкономъ на улицу Гермеса, одну изъ главныхъ въ городѣ, 3 франка въ сутки. Запросили 5. Изъ новыхъ зданій интересны музей и политехніонъ, академія, домъ Шлимана, парламентъ, у котораго задній фасадъ мнѣ больше нравится, чѣмъ передній, да еще обсерваторія на пригоркѣ за городомъ, вправо отъ дороги, ведущей отъ желѣзно-дорожной станціи къ храму Тезея, къ Ареопагу и далѣе къ Акрополю. Храмъ Тезея—древнѣйшій и наилучше сохранившійся изъ памятниковъ глубокой старины. Довольно вѣрное понятіе о его внѣшности ты имѣешь по копіямъ съ него въ Крыму, въ Алупкѣ и въ Севастополѣ. Преданіе гласитъ, что онъ построенъ Кимонъ (въ 470 г. до Р. Х.) въ честь Тезея, тѣнь котораго явилась во время Марафонской битвы и помогла афинянамъ одержать побѣду. Впослѣдствіи, въ VII в. по Р. Х., храмъ былъ превращенъ въ церковь св. Георгія. Теперь въ немъ и около него сохраняются нѣкоторые остатки античной скульптуры. Далѣе показываютъ мѣсто Ареопага, на которомъ сохранилось лишь нѣсколько ступеней. Здѣсь, по преданію, предсталъ апостолъ Павелъ передъ судьями афинскими и говорилъ свою проповѣдь о Богѣ «нездѣдимомъ». Съ правой стороны шоссе, поднимающагося къ Акрополю, видны въ отвѣсной скалѣ двѣ двери, закрытыя рѣшетками и ведущія въ выбитыя въ камнѣ помѣщенія, извѣстныя подъ названіемъ темницы Сократа. Сторожъ - инвалидъ охотно ихъ открываетъ и остается очень доволенъ вручаемыми ему 20 сантимами или, по-здѣшнему, лептами. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы эти пещеры служили когда темницей. Всего вѣроятнѣе, что это древнѣйшіе погребальныя покоя; ротонда же со сводомъ и круглымъ отверстіемъ весьма сходна съ «сокровищницей Атрея» въ Микенѣ и, по мнѣнію профессора И. В. Цвѣтаева, должна была составлять казнохранилище при какомъ-нибудь храмѣ. Пещеры эти я осматривалъ съ проф. Цвѣтаевымъ пять лѣтъ назадъ и въ этотъ пріѣздъ посѣтилъ опять. По лѣвой сторонѣ шоссе видны выемки продолжающихся и теперь раскопокъ; впереди высится Акрополь, развалины Пропилей и маленькій храмъ «Безкрылой Побѣды». «Безкрылою» афиняне сдѣлали ее въ тѣхъ видахъ, чтобы не могла она улетѣть, покинуть ихъ города. Храмикъ этотъ возстановленъ на прежнемъ мѣстѣ изъ развалинъ въ тридцатыхъ годахъ, большая часть его фризъ увезена въ Англію и теперь замѣнена репродукціями, представляющими битвы грековъ съ варварами. Часть превосходныхъ барельефовъ, украшавшихъ храмикъ, хранится въ музей Акрополя. Съ площадки передъ храмомъ открывается прекрасный видъ вдаль, на море; внизу, подъ самую площадку, точно изъ верхней ложи, видны хорошо сохранившіяся развалины Одеона, построеннаго Иродомъ Аттическимъ въ 140 г. по Р. Хр., въ память его супруги Региллы. Противъ храма Безкрылой Побѣды, по другую сторону Пропилей, находится неподвергавшееся, кажется, разрушенію, но и мало интересное зданіе Пинакотекы, гдѣ хранились древле лучшія произве-

денія античной живописи. Впереди этого зданія стоит нетронутымъ огромный квадратный пьедесталь, служившій подножіемъ чьей-то статуи,— помнится мнѣ, Агриппы, друга и зятя имп. Августа, а, можетъ быть, тутъ была статуя какого-нибудь римскаго императора,—навѣрное не знаю. По обломкамъ Пропилей очень трудно составить себѣ понятіе о томъ, что они представляли собою въ цвѣтушія времена Аѳинъ. Площадь на вершинѣ Акрополя занята двумя храмами: Пареонономъ и Эрехтеономъ, и помѣщеніемъ для музея. Свободное мѣсто площади завалено обломками, среди которыхъ въ состояніи разбраться только специалистъ-археологъ. Мы же, туристы-простецы, можемъ только восхищаться божественною красотой зданій, пощаженныхъ временемъ и полуразрушенныхъ, обезображенныхъ людскимъ неистовствомъ. Начиная со времени Суллы, кто только ни громилъ и ни грабилъ Аѳинъ? Правда, римляне потомъ и украшали ихъ, и щедро одаряли, какъ Маркъ-Антоній, Октавій-Августъ, Адрианъ... Настоящій упадокъ столичнаго искусства наступаетъ съ полнымъ торжествомъ византійскаго христіанства. При Юстиніанѣ I Пареононъ превращенъ въ церковь, посвященную Богородицѣ. На стѣнахъ до сихъ поръ замѣтны слѣды христіанскихъ фресковъ. Затѣмъ начинается истинный мариологъ: Греція то цѣлкомъ, то частями подпадаетъ подъ власть всякихъ королей, герцоговъ, авантюристовъ, пока не забралъ ее въ свои крѣпкія руки Магометь II (1460 г.), превратившій Пареононъ въ мечеть, Пропилей и зданія, къ нимъ прилежавшія, въ казарму, храмъ Безкрылой Побѣды—въ бастионъ, Эрехтеонъ—въ помѣщеніе для гарема пашы... Въ 1687 г. венеціанцы расколотили Пареононъ бомбами, а доканалъ его въ 1801—1803 гг. англійскій посланникъ въ Турціи, лордъ Эдвардъ Эльжинъ. Этотъ «просвѣщенный» мужъ ревностнѣйшимъ образомъ выламывалъ украшенія фронтоновъ, рельефы и метопы, фрески и статуи, не пощадивъ даже знаменитой ложи Эрехтеона, разрушивъ ее изъ-за того, чтобы стащить одну изъ шести вариатидъ, поддерживавшихъ ея перистиль... Но сила красоты такъ велика, что полуразрушенные, ободранные, изуродованные варварствомъ, изувѣрствомъ, алчностью, грабежомъ, храмы эти остаются до сихъ поръ неподражаемыми и ни съ чѣмъ несравнимыми памятниками искусства. Это, все-таки, «храмы» и когда я, не знаю уже въ который разъ, останавливался передъ Пареонономъ, въ головѣ моей неизмѣнно повторялась молитва: «Поклоняемся убо, Господи, на мѣсто, идѣже стояете нози Твои!...»

Такое умиленно-восторженное настроеніе исчезаетъ, однако, очень скоро подъ вліяніемъ лѣзущей въ глаза дѣйствительности въ видѣ забавной толпы влѣтчатыхъ «куковъ», выползающихъ съ одной стороны, и кучки долгопыхъ персіанъ-хаджей съ нашего парохода, важно выступающихъ,— съ другой. Поводельщикъ первыхъ торопливо отчитываетъ имъ заученныя фразы на англійскомъ языкѣ, взмахиваетъ рукой то на Пареононъ, то на синѣющее вдали море и мчится дальше, ничуть не заботясь о томъ, видѣли ли что-нибудь изъ-за своихъ Бедеккеровъ бѣгающіе за нимъ туристы. Персіане идутъ степенно и тихо, внимательно вслушиваются въ то, что

имъ вретъ на ломаномъ французскомъ языкѣ юркій греченокъ съ мошенической рожей. Для непонимающихъ молодой красавецъ персъ переводить болтовню гйда. У всѣхъ лица сосредоточенныя. Эти пріѣхали смотрѣть, и они видятъ и понимаютъ. Хаджи турки и наши земляки, казанцы и киргизы, благоразумно остались въ Пиреѣ. Безъ проводника довольно трудно разыскать музей Акрополя. Помѣщается онъ въ дальнемъ углу, немного вправо отъ Пареонона. Надъ грудями камней едва замѣтна только крыша и, чтобы добраться до него, надо спуститься по лѣстницѣ въ какую-то довольно глубокую выемку. Видомъ и температурой это напоминаетъ подвалъ, въ особенности послѣ ходьбы подъ палящимъ зноемъ, при яркомъ блескѣ солнца, ослѣпительно отражающемся отъ массы блага камня. Въ этомъ открытомъ сверху предверіи музея засѣдаетъ какой-то господинъ, должно быть, изъ археологовъ, и приклеиваетъ къ гипсовымъ подставкамъ, занумеровываетъ и вноситъ въ каталогъ мелкіе обломки разныхъ антиковъ, преимущественно мраморныя и терракотовыя головки, которыхъ находятъ здѣсь множество. Христіане первыхъ вѣковъ съ большимъ усердіемъ отбивали головы у всѣхъ произведеній языческаго искусства, а гдѣ имъ не удавалось отбить всю голову, тамъ они уродовали лица, отключивали носы. Вотъ почему во всѣхъ раскопкахъ находятъ такъ много безголовыхъ и безносыхъ статуй и головокъ, отбитыхъ по большей части отъ рельефныхъ изображеній. У входа стоитъ хорошо сохранившееся мраморное кресло. Мои спутники, не видавшіе еще такой мебели, обратили на него вниманіе. «На этомъ креслѣ сидѣлъ апостоль Павелъ»,— пояснилъ намъ по-русски господинъ, подклеивающій антики.—«А взято оно изъ театра Діониза?»—спросилъ я. Музейный господинъ немного смѣшался и нерѣшительно проговорилъ: «Нѣтъ, найдено не тамъ... Преданіе есть, что апостоль Павелъ...» Музея, конечно, я описывать не буду,—если поинтересуешься, покажу каталоги, которыхъ въ прошлый мой пріѣздъ не было. Выпущены они въ 1891 г., но оказываются уже далеко не полными, такъ какъ музей разрастается довольно быстро.

Распростившись съ Пареонономъ, мы спустились внизъ и направились къ Одеону Ирода или Региллы, какъ онъ назывался въ древности. Рѣшотку намъ отперъ сторожъ-инвалидъ. У входа, въ нишѣ, стоитъ безголовая статуя какого-то римскаго сановника. Стѣны театра, оркестръ, сцена и амфитеатръ, вмѣщавшій до 6 тысячъ зрителей, сохранились настолько, что можно составить себѣ полное понятіе о театрѣ римской эпохи. Не особенно повреждена даже наружная трехэтажная стѣна, къ которой прислонена сцена. Это удивительно потому, что Одеонъ служилъ фортомъ при защитѣ Акрополя филалленомъ Фавье въ 1829 г. Отъ Одеона, вдоль всего подножія Акрополя, тянутся остатки длинной галлерей, носящей названіе *Stoa Eumonia*, по имени ея строителя, Эвменія II, царя пергамскаго, жившаго во II в. до Р. Хр. Отъ галлерей уцѣлѣли остатки задней стѣны, прислоненной къ подножію Акрополя, и часть фундамента передняго фасада, представлявшаго собою, вѣроятно, крытую колоннаду громаднaго пассажа,

соединявшаго Одеонъ съ театромъ Діониза, построеннаго лѣтъ за 500 до Р. Хр., передѣланнаго импер. Адрианомъ и въ послѣдній разъ реставрированнаго въ III в. по Р. Хр. Стоа-пассажъ былъ, надо полагать, занятъ торговыми помѣщеніями и служилъ мѣстомъ прогулки и ѣды для зрителей, проводившихъ цѣлыя дни въ театрахъ и приносявшихъ съ собою кушанья и питія или покупавшихъ ихъ тутъ же, на мѣстахъ. Судя по остаткамъ другой *стои*, Адриановой, внутри города, застроенной теперь домами, галерея Эвменія была однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ зданій Аѳинъ. Отъ театра Діониза превосходно сохранились только мѣста для 30,000 зрителей, пьедесталы исчезнувшихъ статуй, мраморныя кресла съ надписями, указывающими, для какихъ сановниковъ они были поставлены, а затѣмъ оркестръ съ превосходными барельефами, надъ которыми возвышалась сцена. Наружныя стѣны уничтожены до основанія. Надъ театромъ, высоко наверху, видны двѣ чудесныя, стройныя колонны не одинаковой вышины. Онѣ, кажется, не составляли части какого-либо зданія, а предназначались для постановки треножниковъ, которыми награждали побѣдителей на играхъ. Тутъ же, вблизи этихъ колоннъ, имѣются остатки храмовъ Вакха и Эскулапа (*Asclorium*). Но я до нихъ не добрался,—не по силамъ мнѣ лѣзть такъ высоко. Мимо весьма безвкусной арки Адриана мы проѣхали къ «шестнадцати» колоннамъ,—такъ называютъ здѣшніе извошки и все простонародье руину храма Юпитера Олимпійскаго (*Olimpium*) на огромной площади. Отъ этого грандіознаго когда-то сооруженія не осталось ничего, кромѣ шестнадцати колоннъ, изъ которыхъ одна опрокинута бурей и лежитъ въ видѣ гигантскихъ жернововъ. Весьма portentъ впечатлѣніе расположившаяся тутъ кофейная и гаденькіе стульчики со столами почти подъ самыми колоннами. Не вдалекѣ, за мостомъ черезъ рѣчку Илиссъ, видна въ холмистомъ берегу глубокая выемка, мѣсто бывшаго Стадія. На ступеняхъ его амфитеатра, обложенныхъ когда-то пентелійскимъ мраморомъ, размѣщалось 50 тыс. зрителей. Мраморъ исчезъ, его пережгли на известь, ступеньки сгладились, и смотрѣть здѣсь рѣшительно не на что, кромѣ небольшого подземелья, невѣдомо когда и для какой цѣли сдѣланнаго.

Изъ второстепенныхъ памятниковъ древности я посѣтилъ такъ называемый простонародьемъ *Фонарь Демосоена*, маленькое, красивенькое зданіе, за которымъ, по-внижнему, сохранилось совсѣмъ не историческое имя какого-то Лизиврата. Новѣйшихъ временъ легенда гласитъ, что Байронъ устроилъ себѣ въ немъ спальную въ бытность свою въ Аѳинахъ. Интересна небольшая восьми-гранная башенка, украшенная плохими барельефами, изображающими Зефира, Борей и остальныхъ шесть «вѣтрогоновъ», имена которыхъ я давно забылъ. Поэтому зданіе называется храмомъ Вѣтровъ или храмомъ Эола. При немъ были когда-то: флюгеръ со стрѣлками, показывавшій направленіе вѣтра, и трое часовъ, солнечныя, песочныя и водяныя (для ночи и пасмурнаго времени). Есть еще въ городѣ интереснѣйшее кладбище со множествомъ античныхъ надгробныхъ памятниковъ разныхъ эпохъ. Точно такіе памятники, только значительно меньшихъ раз-

мѣровъ и плохонькіе, нѣются въ Крыму близъ Керчи при Царскомъ курганѣ. Слѣдуетъ еще упомянуть о древней византийской церковкѣ въ концѣ улицы Гермеса и о памятникѣ Филопаппоса, хорошо видною съ шоссе, идущаго мимо храма Тезея. Надъ городомъ съ одной стороны господствуетъ Акрополь, съ другой — высокая гора Ликабетъ, по-нынѣшнему—гора св. Георгія, съ монастыремъ того же имени.

Вотъ тебѣ древности города, болѣе вѣчнаго, чѣмъ Римъ, и натерпѣвагося больше, чѣмъ столица релігіознаго деспотизма... И какъ всѣ эти прелести ни сладостны моему археологическому духу, но «неможная» плоть сокрушила духъ и направилась за пищей вещественной въ довольно приличный ресторанъ на площади противъ дворца. Тутъ оказалась хорошая водка московская, отличный гомаръ пирейскій, прескверное вино мараонское и сыръ псевдо-швейцарскій. Запивши это кофеемъ, мы разстались. Нашъ спутникъ Пр-ій отправился въ русское посольство, мы съ Калло помчались осматривать національный музей и политехникумъ. Къ сожалѣнію, время не позволило намъ побывать въ прекраснѣйшихъ садахъ, которые я видѣлъ въ прошлый разъ, это—сады: ботаническій на «священной» дорогѣ, ведущей къ Элевзису, и дворцовый, отпираемый для публики съ 4 до 7 час. На пароходъ мы вернулись около 3 часовъ дня и застали тутъ небольшой кружокъ русскихъ, — нашего генеральнаго консула Генрихсона, секретаря нашего посольства, секретаря королевы И. И. Философова, г. Миллера, ревизующаго агенства общества пароходства и торговли, и еще какого-то земскаго начальника (забылъ его имя), путешествующаго для своего удовольствія и замѣчательнаго лишь тѣмъ, что за нѣсколько дней пребыванія въ Афинахъ онъ «не успѣлъ» побывать на Акрополѣ: «Знаете, необходимо было сдѣлать визиты»... Онъ представлялся королю и остался недоволенъ «холодностью» приѣма. Бываютъ же такіе путешественники «для своего удовольствія»...

Изъ Пирея мы снялись въ 4 ч. (22 апрѣля)... Не дивись, пожалуйста, тому, что письмо помѣчено Пиреемъ: тамъ оно начато, дописываю же я его въ курилкѣ, при свѣтѣ электричества и при изрядной качкѣ отъ «крѣпкаго» и очень холоднаго NO, уложившаго въ доскѣ всѣхъ моихъ спутниковъ. За обѣдомъ, подъ защитой береговъ Греціи, насъ было шестеро, къ ночи остались на ногахъ двое: капитанъ и твой покорный слуга, отпавляющійся на покой... Поздно, —половина перваго.

23 апрѣля.

Утро чудесное, свѣжо, вѣтеръ сталъ попутнымъ, почти не качаетъ... Вчера, увлекшись Афинами, я не успѣлъ тебѣ передать характерную сцену По случаю наступленія съ закатомъ солнца пятницы, равнозначащей для мусульманъ нашему воскресенію, собрались они на свое моленіе: турки—на нижней палубѣ, персіяне—на верхней. Хотя и отправляются они къ однимъ и тѣмъ же святымъ мѣстамъ—въ Мекку, но для богомолья не сходятся, обоюдно считаютъ другъ друга (шінты и сунниты) еретиками, какъ у насъ православные и католики. Изъ салона, гдѣ я сидѣлъ съ старшимъ офице-

ромъ, насъ заставили спѣшно выйти наружу какіе-то неистовые вопли. Оказалось, что помощники муалъ, за немѣннѣемъ минаретовъ, бѣгаютъ отъ одного борта корабля къ другому и, насколько хватаетъ голоса, призываютъ на молитву серьезно стоящихъ позади нихъ правовѣрныхъ. Когда эти своего рода пономари, по-своему отзвонили, началось чинное моленіе съ монотоннымъ чтеніемъ на-распѣвъ, съ присѣданіями на колѣни и съ земными поклонами. Одно мнѣ въ ихъ обрядѣ нравится, это то, что на молитвѣ, сколько я не видалъ ихъ,— въ деревенскихъ мечетяхъ Тамбовской губерніи, въ полѣ, въ Айя-Софіи и на палубѣ парохода,—они стоятъ не безпорядочною толпой, а правильными, стройными рядами съ промежутками, дающими просторъ дѣлать поясные и земные поклоны, не толкая другъ друга въ спины... По окончаніи богослуженія, на кормовой части у персіянъ, на носовой у турокъ и татаръ, при свѣтѣ множества московскихъ садовыхъ подсвѣчниковъ съ стеклянными колпаками, происходило угощеніе тутъ же изготовленною, сильно начадившею стряпней и чаемъ изъ тульскихъ самоваровъ. Послышались звуки гармоники, оригинальное пѣніе нѣсколькихъ прекрасныхъ голосовъ.

Въ 10 ч. утра прошли мимо Канди. На горахъ виднѣнъ снѣгъ; капитанъ говоритъ, что зимой снѣгъ лежалъ вплоть до самаго моря. Вся эта часть острова показалась мнѣ совершенно пустынною...

23 апрѣля, вечеръ.

Персіяне опять богомольствовали, турки нѣтъ... Обѣ палубы третьяго класса опять освѣщены по-вчерашнему. Красиво и оригинально... И доложу я тебѣ, скучно, скучно... Ни островка въ цѣлый день, ни кораблика,—пустыня. Я нахожу, что моря слишкомъ уже много и не чувствую ни малѣйшей охоты пуститься въ «дальнее плаваніе», какъ Калло, отправляющійся въ Японію. Съ тоски можно повѣситься на мачтѣ...

24 апрѣля, суббота.

Ясно, тепло, хорошо, вѣтеръ почти стихъ. Въ 10 часовъ показались слабыя очертанія африканскаго берега. Въ бинокль можно разсмотрѣть туманный силуэтъ Александріи съ ея фортомъ Наполеона (Fort Napoleon), съ маякомъ и немногими минаретами и колокольнями. Къ пароходу ловко пристала маленькая парусная лодка, изъ нея по веревочной лѣстницѣ вскарабкался на бортъ темнолицый, скуластый человѣкъ въ красной фескѣ, въ широкихъ синихъ шароварахъ и въ гороховомъ короткомъ пальто. Развязно поздоровавшись со старшимъ офицеромъ, онъ прослѣдовалъ на мостикъ и сталъ рядомъ съ капитаномъ. Это портовой лоцманъ. Всѣ суда, входящія въ Александрію и уходящія изъ нея, обязаны брать мѣстныхъ лоцмановъ, такъ какъ передъ входомъ въ портъ есть мели и рифы, очень тщательно отмѣченные вѣхами. Въ виду этого, можно бы, казалось, обойтись и безъ руководства черномазыхъ мореплавателей. Но брать ихъ необходимо потому, что страховыя общества не отвѣчаютъ за погибшій въ случаѣ несчастья товаръ, если на кораблѣ не было портоваго лоцмана. Вознагражденіе имъ полагается, впрочемъ, весьма умѣренное.

Съ приближеніемъ къ городу все болѣе и болѣе раскрывался передъ нами унылый пейзажъ плоскаго песчанаго берега, скрашиваемый только нѣсколькими десятками пальмъ, непривычныхъ взгляду русскаго человѣка.

До свиданія, жму твою руку и водворяюсь на палубу уже безъ отрыва до схода на берегъ.

Александрія, 25 апрѣля.

Вотъ гдѣ пестрота и суета, много большія, чѣмъ въ Константинополѣ. Я говорю не о городѣ, о чемъ рѣчь потомъ, а объ Александрійскомъ портѣ. Пароходы становятся здѣсь прямо къ набережной, запруженной народомъ, какъ у насъ толкучка. Разница въ томъ, однако, что толпа здѣсь не одноцвѣтная или однотонная, какъ въ Россіи и въ Европѣ. Нѣтъ такого колера въ красильняхъ, отъ образцовъ котораго не рябило бы здѣсь въ глазахъ, начиная съ бѣлыхъ, голубыхъ и желтыхъ рубахъ до пятокъ и кончая черною рясою греческаго монаха и ярко-краснымъ мундиромъ англійскаго офицера на чистокровной арабской лошади, точно отлитой изъ золотистой бронзы. На офицерики бѣлый шлемъ, на хаджахъ зеленныя чалмы, синія повязки на головахъ какихъ-то оборванцевъ, красныя фески, обмотанныя у самой головы влѣтчатými платками, зонтики всѣхъ цвѣтовъ въ рукахъ дамъ, черныя покрывала туземныхъ женщинъ, коричневые «котелки» и сѣрые фѣтры всякихъ агентовъ и коммисіонеровъ, фуражки съ галунами посылныхъ изъ отелей... и шумъ, и гамъ, а лица — бѣло-розовыя съ голубыми глазами, красныя, мѣдно-бронзовыя, кофейныя, оливковыя, почти зеленныя, синевато-сѣрыя, совсѣмъ сѣрыя и черныя всѣхъ тоновъ до угольно-блестящаго, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Трескъ лебедокъ и крановъ, начинающихъ выгрузку тяжелаго багажа хаджей, ѣдущихъ въ Мекку, грохотъ подаваемыхъ на бортъ сходней, неистовые вопли арабовъ, мечущихся куда-то и зачѣмъ-то, какъ угорѣлые... Солнце такъ и жаритъ почти отвѣсными лучами, заливаешь море и песокъ, бѣлые дома, закопченныя крыши портовыхъ зданій, всю суету рябющей въ глазахъ толпы. Голова вкружится, и я укрываюсь въ курилку отъ разноязычныхъ приставаній разноцвѣтныхъ коммисіонеровъ...

— Вамъ нуженъ проводникъ? — спрашиваетъ меня милѣйшій спутникъ Миллеръ. — Подождите, я вамъ это устрою... — и знакомитъ меня съ очень любезнымъ агентомъ общества пароходства и торговли А. Е. Прасипо.

Черезъ пять минутъ г. Прасипо представляетъ мнѣ пожилаго араба съ очень симпатичнымъ лицомъ. На поданной мнѣ арабомъ карточкѣ я прочелъ: Mahmoud Salem, dragoman russe pour le Nil et Syrie. Hôtel Abbat, Alexandrie, Egypte. Я и Г. О. Калло, — мы условились дальнѣйшія странствованія совершать сообща, такъ веселѣе и экономнѣе, — очень быстро сдружились съ Махмудомъ: за 8 дней вознагражденіе 40 франковъ на его харчахъ, проѣздъ всюду на нашъ счетъ. Сегодня онъ явился ко мнѣ раннимъ утромъ и подаль такой счетъ: желѣзная дорога до Каира и обратно съ гебуаг-билетами на троихъ 51 фр., экипажъ и всѣ расходы на поѣздки в. пирамидамъ—25 фр., въ Мемфисъ и Сахару—35 фр., къ обелиску и

къ дереву Божіей Матери—12 фр., въ старый Каиръ—16 фр., въ музей Гизе—12 фр., въ садъ хедива—2 фр., всего 154 фр.+40 фр. вознагражденія драгоману = 194 фр., что составитъ 97 фр. на каждого изъ насъ, его кліентовъ. За эту сумму онъ готовъ былъ взять насъ «на подрядъ». Это предложеніе мы отклонили, такъ какъ сами еще не рѣшили, куда и какъ мы поѣдемъ.

Такимъ образомъ, все уладилось еще на пароходѣ наилучшимъ образомъ. Да, кромѣ того, Н. А. Преображенскій, отправлявшійся прямо въ Каиръ, былъ такъ несказанно любезенъ, что предложилъ приготовить мнѣ тамъ недорогое помѣщеніе въ приличной гостиницѣ «безъ пансіона» и выслать каваса встрѣтить насъ на вокзалѣ. Сердечно поблагодарилъ я моихъ добрѣйшихъ спутниковъ в г. Прасино, и мы, слѣдомъ за Махмудомъ и носильщиками въ длинныхъ рубашкахъ, замѣшались въ сутолоку на набережной, протискиваясь къ длинному сараю, въ которомъ помѣщаются таможня и паспортный досмотръ. Помнишь, я писалъ тебѣ о хлопотахъ въ Константинополѣ для полученія *тескерэ*. Никто у меня этой бумаги не спросилъ, на мой русскій паспортъ едва взглянули и ограничились тѣмъ, что попросили мою визитную карточку. Досмотръ багажа—чистая формальность, продолжавшаяся ровно $\frac{1}{4}$ минуты. Изъ таможенного барака мы вышли на небольшую площадку, гдѣ насъ уже ждала нанятая Махмудомъ коляска, и покатали по хорошей мостовой почти совсѣмъ европейскаго города. Если бы не пестрота костюмовъ и лицъ, можно бы забыть, что мы въ странѣ Фараоновъ и Птолемеевъ, особенно когда проѣзжаешь мимо чудесныхъ скверовъ и очень эффектнаго монумента хедива Мегмета Али, красующагося здѣсь вопреки мусульманскому обычаю и религіозному закону. Остановились мы въ рекомендованной намъ гостиницѣ *Hôtel Bonnard*, гдѣ хозяйствуетъ очень любезная французенка, прислуга же говоритъ или по-арабски, или по-итальянски, французскаго языка почти не понимаетъ. За номеръ съ прислугой я плачу $3\frac{1}{2}$ фр., обѣдъ 5 фр. безъ вина, на видъ чисто, обѣдъ сносный за общимъ столомъ, вино хотя и дорого, но недурное, французское. И, все-таки, въ гостиницѣ этой я никогда не останавлиюсь: рѣдко въ жизни приходилось проводить ночь такъ скверно, какъ здѣсь,—подъ окнами до поздней ночи мерзвѣйшая музыка, отвратительное пѣнье, пьяные крики и взвизгиваніе женскихъ голосовъ... Таковъ этотъ кварталъ большого портового города. Бѣлье сырое, чуть не мокрое и цѣлыя подчюща египетскихъ насѣкомыхъ, прыгающихъ и летающихъ. Истерзался я, раскашлялся и разнемогся такъ, что едва поднялся съ постели.

Какъ городъ, Александрія представляетъ очень малый интересъ. Даже базаръ и часть города, носящая восточный характеръ съ неизбѣжною восточною грязью, нисколько не оригинальны для того, кому знакомъ Константинополь. По части древностей только и есть, что слегка покачнувшаяся колонна Помпея и Игла Клеопатры, да и та поддѣльная, такъ какъ настоящая увезена не то въ Лондонъ, не то въ Нью-Йоркъ *).

*) По справкѣ оказалось, что было двѣ Иглы Клеопатры, обѣ ваяты, за 22 г.

вылась мнѣ столица великой куртизанки, вся перестроенная на новый ладъ и, кажется, даже на новомъ мѣстѣ. Спѣшу скорѣе унести ноги отсюда. Заѣду сейчасъ на почту и потомъ на вокзалъ, въ Каиръ, къ пирамидамъ. Salut.

Каиръ, 26 апрѣля.

Телеграмму твою, дорогой В. А., получилъ. Спасибо. Представить себѣ не можешь, какъ тяжело цѣлыхъ двѣ недѣли не имѣть вѣсточки отъ своихъ. Прочелъ вотъ всего нѣсколько словъ и душой приобдирялся, отъ сердца отлегло, и я опять спокойно принимаюсь за мой отчетъ, за мою одиссею. Тутъ уже не Александрія, а какая-то фантазмагорія... Нѣтъ, впрочемъ, коли отчетъ, то и писать его надо по порядку... И такъ, больной и недовольный выѣхалъ я изъ Александріи въ 9 ч. утра, вмѣстѣ съ Калло и въ сопровожденіи Махмуда Салема, человѣка хорошо знающаго свое драгоманское, т.-е. проводническое, дѣло. По-русски онъ говоритъ плоховато, но весьма чисто ругаетъ англичанъ настоящею русскою бранью. Въ то время, когда мы уже были на вокзалѣ, грязномъ по-восточному, мимо насъ прослѣдовала съ пѣніемъ большая толпа богомольцевъ-хаджей, направляющихся въ Мекку и ѣдущихъ съ нами въ одномъ поѣздѣ. Набитые ими вагоны третьяго класса пестры, какъ мѣщанскія одѣяла, сшитыя изъ доскутиковъ. Обрестности Александріи имѣютъ видъ довольно печальный, болотистый, отчасти песчаный. Дальше путь идетъ сначала вдоль озера Маретисъ, потомъ по самому озеру, что напоминаетъ дорогу въ Венецію черезъ лагуны. Нѣсколько поживѣе становится мѣстность около Рамле. Рамле значить собственно песокъ. Песокъ тутъ и есть, но съ нѣкоторыхъ поръ богатые александрійцы вздумали почему-то избрать этотъ пустырь своимъ дачнымъ мѣстомъ, появились тутъ виллы, сады, хедивъ выстроилъ охотничій домикъ. Тутъ же, сейчасъ позади Рамле, у моря находится Санъ-Стефано, красивое дачное мѣстечко, гдѣ имѣетъ свою лѣтнюю резиденцію русская дипломатическая миссія. Потомъ курьерскій поѣздъ (express) останавливается въ Даманхурѣ, весьма напоминающемъ итальянскіе мелкіе городки. Отъ Александріи онъ въ 62 километрахъ, и мѣстность совсѣмъ измѣняетъ характеръ. Отсюда и вплоть до Каира, между двумя ужасными пустынями на западѣ и на востокѣ, раскинулись превосходно воздѣланныя поля, обзаванныя своимъ удивительнымъ плодородіемъ, какъ говорятъ, періодическимъ наводненіемъ Нила. Я же добавлю, что не въ однихъ наводненіяхъ причина такого плодородія, а еще въ отмѣнной обработкѣ и въ замѣчательно устроенномъ орошеніи. Цѣлая система большихъ и малыхъ каналовъ, подъ инспекціей особаго департамента при министерствѣ, провотъ воды Нила по всѣмъ направленіямъ. Желѣзная дорога почти на всемъ протяженіи (210 вил.) идетъ вдоль такихъ каналовъ, и изъ оконъ вагона

Р. Хр., въ Александрію изъ развалинъ Гелиополиса. Въ вышнемъ столѣтіи одна дарава египетскимъ правительствомъ Англій и увезена въ 1878 году въ Лондонъ, угалъ—Америкѣ, увезена въ 1880 г. въ Нью-Йоркъ.

я имѣлъ возможность видѣть, какъ пользуются земледѣльцы (феллахи) ими для поливки полей, лежащихъ выше уровня воды. Дѣлается это очень просто: они поднимаютъ воду въ свои полевые канавки и изъ нихъ уже затопляютъ поля, когда нужно. Воду же они поднимаютъ всѣми возможными способами. Самый распространенный — наливной водочерпальными колесами (по-нашему чигирями), которыя вертять буйволы, иногда верблюды; кое-гдѣ накачиваютъ воду локомотивами или собственными, или наемными у особыхъ предпринимателей, держащихъ по нѣскольку штукъ, до десятка и даже больше. Видѣлъ я еще небольшія турбинки, которыми работаютъ дѣти, и, кромѣ того, самый тяжелый и первобытный способъ времени фараоновскихъ, состоящій въ томъ, что два феллаха большою корзиной на веревкахъ зачерпываютъ воду изъ канала и перебрасываютъ ее въ вышележащій водоемъ, два другихъ феллаха такъ же точно переливаютъ ее въ полевую канаву. У ближнихъ пирамидъ арабы дѣлаютъ то же самое системой стоящихъ другъ надъ другомъ журавцовъ, совершенно одинаковыхъ съ нашими деревенскими у колодцевъ. Трудъ поистинѣ «египетскій», если принять во вниманіе ту массу воды, которая потребна для поливки не какого-нибудь огорода - капустника, а цѣлаго поля, засѣяннаго разными хлѣбами и травами. Подъ здѣшнимъ солнцемъ не помогутъ никакіе разливы Нила, дающіе, въ сущности, только удобреніе въ видѣ наноснаго ила и возможность запасать воду запрудами. Впрочемъ, помимо ила, египтяне очень усердно удобряютъ свои поля изъ хлѣбовъ и отлично пользуются крохотными пастбищами по сжатымъ полямъ, держа скотину, верблюдовъ, буйволловъ и ословъ на приколахъ. При указанномъ мною орошеніи трава растетъ такъ быстро, что на одной десятинѣ можно прокормить небольшое стадо. Если бы поля наши такъ обрабатывать и поливать, то не позавидовали бы мы разливамъ Нила, разносящимъ, вмѣстѣ съ плодородіемъ, смертельныя лихорадки по всей дельтѣ, начиная съ Каира. Необыкновенно оригинальны поселки и деревушки феллаховъ, построенные изъ необожженного темно-сѣраго кирпича на глинѣ. Вся такая деревушка представляетъ собою четырехъугольникъ, обнесенный стѣнами безъ оконъ и съ однимъ входомъ. Снаружи только и видно, что гладкія стѣны и рядъ небольшихъ мазанковыхъ куполочковъ того же цвѣта съ трубами и безъ трубъ. Внутри идутъ улочки-корридоры, изъ нихъ двери въ жилия помещенія, слѣпленные вмѣстѣ и раздѣленные стѣнками. Какъ могутъ тутъ люди жить, уму непостижимо... Каждый поселочекъ окруженъ финиковыми пальмами и фруктовыми деревьями. Женщины, даже деревенскія, ходятъ, по большей части, съ закрытыми лицами, и насколько разнообразны и иногда живописны костюмы мужчинъ, настолько же неизмѣнно одинаковы сплошь черныя одѣянія женщинъ. Тутъ не раскокетничаешься! Въ особенности безобразятъ ихъ желтыя, точеныя изъ дерева трубки, длиною побольше вершка, верхній конецъ которыхъ привязанъ къ головному убору и лежитъ на лбу, а нижній спускается на носъ и служитъ для закрѣпленія на немъ непрозрачнаго чернаго покрывала. И такое-то уродство носятъ всѣ

женщины: феллашки, идущія на работу въ поле, горожанки и купчихи *grandes dames*, ѣздящія въ каретахъ съ евнухами на возлахъ и съ скороходами впереди экипажей, кафе-шантанныя пѣвицы и уличныя торговки цвѣтами и собственными прелестями. А такихъ торговкоь очень не мало на улицахъ Каира, начиная съ сумерокъ и до поздней ночи...

Но я отвлекся отъ моего пути, на которомъ проголодался жестоко. Какіе-то буфеты есть на нѣкоторыхъ станціяхъ, но экспрессъ останавливается не больше, какъ на двѣ минуты, и потому торговля съѣстными припасами и водой производится въ разносъ на платформѣ, какъ въ Италіи. На станціи Танта (*Tantah*) продавались на платформѣ варенныя крутыя яйца и жареные голуби. Голодъ мы кое-какъ удовлетворили и терпѣливо ждали пріѣзда въ Каиръ, минутъ за двадцать до котораго повазались справа на горизонтѣ силуэты двухъ пирамид *Гизе*, слева замелькали загородные домики съ небольшими садами тропическаго характера. Поѣздъ вошелъ подъ навѣсъ платформы,—Каиръ... Подждавшій меня русскій кавасъ сообщилъ по-французски, что *monsieur* Преображенскій самъ пріѣхалъ меня встрѣтить. Черезъ минуту я жаль руку добрыйшаго Николая Александровича, и мы условились въ тотъ же вечеръ (25 апр.) встрѣтиться на катаньѣ въ Гизере, куда весь египетскій *beau-monde* ѣздитъ два раза въ недѣлю любоваться закатомъ солнца. Номеръ для меня приготовленъ въ *Hôtel Khedivial*, въ центрѣ города, на площади около сада Эсбекіа. За комнату въ бельэтажѣ, небольшую, но уютную, я плачу 4 фр. съ прислугой. Обѣдъ за общимъ столомъ 5 фр., довольно плохой. Вообще, это отель не первоклассный, но, ты знаешь, я не прихотливъ, по мнѣ и здѣсь хорошо, благо чисто и отъ всего близко... Одно необходимо внушить всѣмъ, собирающимся ѣхать въ Египетъ: брать обильный запасъ далматскаго порошка и хорошій флаконъ нашатырнаго спирта. Порошкомъ посыпать, не жалѣя, постели и полы, нашатырнымъ спиртомъ тщательно смачивать уязвленія, причиняемые здѣшними комарами, отъ которыхъ не спасаютъ никакія занавѣски-мустикеры. Я не зналъ этого и плачусь за то изрядно: каждый укусъ комара превращается въ настоящій нарывъ. Комары этихъ тропическихъ странъ преядовитые отъ гнилыхъ и отчасти соляныхъ болотъ во-кругъ Александріи.

За эти два дня я порядочно-таки объѣздилъ и обходилъ Каиръ и имъ очарованъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Европѣ и, не выдавши, трудно себѣ представить, что это такое. Дома и улицы,—я видѣлъ пока лишь «Новый Каиръ»,—смѣсь европейскаго съ азіатскимъ и со своимъ, чѣмъ-то особеннымъ, египетскимъ. Зелени множество, и какой зелени! Кромѣ удивительныхъ городскихъ садовъ и скверовъ, на каждомъ шагу, иногда вдоль цѣлыхъ улицъ, встрѣчаются сады, садикп, полисадники и цѣлые садища, и каждый изъ нихъ имѣетъ видъ роскошнѣйшей теплицы поразительныхъ размѣровъ. Подъ моимъ окномъ растутъ бананы (музы) и вытягиваютъ свои широчайшіе листья до рамъ второго этажа; противъ нашего отеля двѣ финиковыя пальмы переросли своими кронами трехъэтажный домъ. Въ

саду Эсбекіа боабабы (arbor gigantea моего добраго друга Тартарена) въ нѣсколько обхватовъ образуютъ цѣлыя рощицы своими корнями, спускающимися отъ вѣтвей въ землю. Апельсины, лимоны, гранаты, чудныя розы, латаніи, казуаріи... и ужь, право, не знаю, какія еще диковинныя растенія невиданныхъ размѣровъ и формъ даютъ тѣнь и льютъ аромать, напоминая подносимыя у насъ дамамъ именинныя корзины цвѣтовъ, только волшебнo увеличенныя въ тысячи разъ. Въ Гизере аллеи незнакомыхъ мнѣ деревьевъ, огромныхъ и очень тѣнистыхъ, тянутся на нѣсколько верстъ по обѣ стороны поссированныхъ и исправно политыхъ дорожекъ, по которымъ катаются сотни экипажей съ нарядными, по-европейски, и съ закутаннми въ черное, по-египетски, дамами, съ шеголевато одѣтыми сплошь въ европейскіе костюмы мужчинами, изъ которыхъ, впрочемъ, добрая половина не въ шляпахъ, а въ красныхъ фескахъ. И на такомъ-то фонѣ, по улицамъ и площадямъ, непрерывною вереницей, тянется цѣлая этнографическая выставка лицъ и мордъ, доходящихъ до звѣроподобія, изуродованныхъ какими-то нарочито сдѣланными шрамами на щекахъ, — головныхъ уборовъ и костюмовъ, доходящихъ до такихъ, на изготовленіе которыхъ требуется всего два аршина коленокора и двѣ четверти тесьмы, связывающей копну черныхъ волнистыхъ и грубыхъ волосъ надъ макушкой головы на подобіе снопа. А вечеромъ — это уже цѣлая феерія, Шахеразада сказочная, да такая, что и во снѣ не приснится, какъ ни разыгрывайся фантазія, если не видалъ на-яву въ богатѣйшихъ кофейныхъ, въ садахъ и въ трущобныхъ закоулкахъ Каира.

Начали мы эту экскурсію въ область темныхъ сторонъ «женскаго вопроса» на египетской почвѣ съ того, что направились въ блестящій кафе-шантанъ на одной изъ главныхъ улицъ и почти въ центрѣ города. Ярko освѣщенный входъ, огромная зала заставлена множествомъ отдѣльныхъ столиковъ; тамъ и сямъ за этими столиками небольшія группы мужчинъ въ разнообразныхъ костюмахъ пьютъ пиво, кофе, воду съ чѣмъ-то. Народа не особенно много, большинство — арабы-египтяне. Влѣво отъ входа большая сцена, приподнятая аршинна на полтора, на сценѣ весьма дикій египетскій оркестръ и хоръ женщинъ, изъ которыхъ однѣ закутаны во все черное, съ закрытыми лицами и съ обычными желтыми трубками между глазъ, другія одѣты крайне пестро, со множествомъ бусъ, цѣпочекъ, монетъ, браслетъ на рукахъ и на ногахъ. Музыка играетъ, хоръ поетъ нѣчто совсѣмъ варварское. Мы проходимъ впередъ и садимся къ столику, примкнутому къ самой эстрадѣ, мои спутники спрашиваютъ пива, я — кофе. Одна изъ женщинъ, красивая, въ розовомъ полу-европейскомъ платьѣ, выражаетъ по-французски желаніе, чтобъ угостили ее пивомъ. Что-жь, милости просимъ, любопытно... Она проходитъ черезъ всю сцену и изъ какого-то бокового закоулка является въ нашу компанію пить пиво. Хорошо говорящая по-французски «мамзель» оказывается алжирскою арабкой и въ Марсели переняла всѣ аллюры кафе-шантаннхъ француженокъ. Музыка и пѣніе удручительны, съ меся довольно того и другого, и нашей себе-

сѣдницы, я не прочь былъ пуститься на-утекъ. Остановили: «подождите, сейчасъ танцы, *danse du ventre...*» Выходить подлинная египетская арабка, напоминающая лицомъ типъ напихъ подлинныхъ цыганокъ, «полевыхъ», очень молодая, своеобразно хорошенькая, въ потертомъ шелковомъ голубомъ платьѣ съ золотою бахромой, позументами и разными блестящими цацками, въ рукахъ какіе-то колокольчики или, вѣрнѣе, металлическія кастаньеты. Ея танца, само собою разумѣется, я описывать не буду, никакому описанію не поддается этотъ образецъ африканской хореографіи, такъ же точно, какъ не передать словами, что такое пляска напихъ цыганокъ, потрясающихъ плечами и руками съ дикимъ визгомъ и гикомъ. Между обѣими плясками есть, по-моему, нѣкоторое сродство, подобное сродству двухъ языковъ, происходящихъ отъ одного корня. Только цыганская пляска короче, живѣе, энергичнѣе, африканская — продолжительна, однообразна, чудовищно-непристойна и, при этомъ, далеко не лишена какой-то необъяснимой граціи. Смотрѣть совѣстно и оторваться не хочется, такъ и затягиваетъ эта мерзость фараонская. Сидѣвшая со мною рядомъ алжирка сказала: «Приходите завтра въ 4 часа въ садъ Эсбекіа, я буду тамъ въ европейскомъ платьѣ, а вечеромъ сюда... Я лучше ея танцую, вы завтра увидите...» Въ садъ я, конечно, не пошелъ, и уже никогда не переступлю порога этой блестящей кофейной. Будетъ съ меня и одного раза... И, тѣмъ не менѣе, я этотъ же самый подлѣйшій «*danse*» или, правильнѣе, приступы къ нему, видѣлъ еще и еще нѣсколько разъ въ тотъ же вечеръ, при осмотрѣ «трущобнаго» Каира, цѣлаго лабиринта узенькихъ, темныхъ, грязныхъ переулковъ, наполненныхъ ужасающими вертепами... При одномъ воспоминаніи морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. И тутъ-то, среди отвратительной грязи физической и нравственной, мы встрѣтили такую процессію: впереди черномазые длиннорубашечники несутъ зажженные факелы, среди нихъ выплясываетъ и выкрикиваетъ что-то толстая, черномордая баба въ яркомъ балахонѣ съ букетами, потомъ идутъ музыканты съ трубами, бубнами и турецкимъ барабаномъ, за ними два ряда молодыхъ людей съ горящими свѣчами въ садовыхъ подсвѣчникахъ, дальше молодой франтъ, котораго ведутъ подъ руки и окружаютъ друзья, въ заключеніе опять факелы и толпа праздныхъ зѣвакъ. Это жонихъ справляетъ свой «мальчишникъ», прощается съ холостою жизнью. Другую, точь-въ-точь такую же процессію мы встрѣтили на одной изъ большихъ улицъ. Въ довершеніе цѣлаго ряда подавляющихъ впечатлѣній мы видѣли среди этихъ логовищъ разврата необыкновенно мрачную могилу мусульманскаго святого, озаренную неугасимую лампадой. Добавь къ этому тамъ и сямъ раскиданные на перекресткахъ полицейскіе посты съ англійскими солдатами въ красныхъ опереточныхъ мундирахъ и ты составишь себѣ, хотя смутное и слабое, представленіе объ этой фееріи, разыгрывающейся съ визгомъ, грохотомъ и гамомъ до поздней ночи чуть не до утра, въ удушающей атмосферѣ смраднаго лабиринта. Когда мы, наконецъ, выбрались изъ него на чистый воздухъ площади, освѣщенной электричествомъ, то лица на насъ не было, и

я едва держался на ногахъ. Чтобы «стереть» эти впечатлѣнія, вздохнуть не физически только, но и душевно, одинъ изъ моихъ спутниковъ предложилъ идти послушать хорошую музыку въ «чистый» *café-concert*, гдѣ играетъ нѣмецкій оркестръ. Не знаю, какъ у моихъ товарищей,— постѣснился ихъ спросить,— а у меня впечатлѣніе не стерлось, а осябло какъ-то еще плотнѣе, еще мрачнѣе: оркестръ, дѣйствительно хорошій, оказался составленнымъ на половину изъ нѣмокъ и венгерокъ, отличающихся, на мой взглядъ, отъ только-что видѣнныхъ нами женщинъ всѣхъ цвѣтовъ лишь своею внѣшностью и болѣе утонченными манерами, ничего не измѣняющими по существу. Быть можетъ, я ошибаюсь и желаю бы ошибиться, а то очень ужъ скверно на душѣ и не могу отдѣлаться отъ этой скверности потому, вѣроятно, что сегодня попалъ опять и совсѣмъ уже невзначай на то же самое, что видѣлъ вчера, только еще болѣе открыто, на всей красотѣ, въ казенномъ саду Эсбекіа и на одной изъ главныхъ улицъ, въ нѣкоемъ домѣ съ вывѣской: *Jardin d'hiver, Hôtel privé*. Этотъ «отель» раздаетъ и разсылаетъ такія карточки-рекламы на двухъ языкахъ, французскомъ и англійскомъ: «*Jardin d'hiver. Hôtel privé (слѣдуетъ адресъ). Chambres garnies. Service complet. Ouvert toute la nuit. On y trouve tout le confortable. La Maison se recommande pour son ordre parfait*». Не знаю, какой тамъ «совершенный порядокъ», но несомнѣнно, что это не отель и не меблированные комнаты, а такое заведеніе, для котораго нигдѣ не полагается вывѣсокъ и объявленій...

Съ утра сегодня (26 апрѣля) погода была не особенно удручающая, въ тѣни 22° R., и мы отправились къ ближнимъ пирамидамъ, къ такъ называемымъ пирамидамъ Гизе. Отъ Каира 1½ часа ѣзды въ коляскѣ по превосходному шоссе, обсаженному тѣнистыми деревьями. Только уже на подъемѣ къ самымъ пирамидамъ нашъ экипажъ завязъ въ пескѣ, и намъ пришлось пересѣсть на осликовъ, полюбовавшись сначала на цѣлую баталію между толпою арабовъ и нашимъ храбрымъ Махмудомъ, доблестно насканивавшимъ на нихъ съ поднятою палкой. Шумъ и вопли были неописуемые, а потомъ пришлось и намъ непрерывно отмахиваться зонтами отъ непрошенныхъ услугъ и приставацій этихъ дикарей, считающихъ пирамиды своею собственностью, а туристовъ—данниками. Тутъ главныхъ три пирамиды, двѣ огромныхъ, Хеопса и Кефрена (около 60 саж. вышиной каждая), и третья на половину ниже первыхъ, а затѣмъ есть еще шесть совсѣмъ маленькихъ пирамидокъ, которыхъ я, впрочемъ, совсѣмъ не замѣтилъ, увлекшись «гигантами». Но и отъ «гигантовъ» я ждалъ большаго. Они эффектиѣ издали, когда ихъ силуэты вырѣзываются надъ горизонтомъ. Вблизи и среди необозримыхъ бугровъ песчаной пустыни онѣ кажутся уже не такими грандіозными, хотя первыя двѣ выше храма св. Петра въ Римѣ, а третья, кажущаяся передъ ними совсѣмъ ничтожною, немного ниже колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ. Нѣсколько болѣе ясное представленіе о ихъ размѣрахъ я получилъ лишь тогда, когда мой спутникъ Калло полѣзъ съ бедуинами (не безъ Махмуда, разумѣется), во входъ внутрь пирамиды Хе-

онса. Я не отважился изъ опасенія, что живымъ не вернусь, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ безъ помощи арабовъ вскарабкаться туда почти невозможно, а эти дикіе народы столь усердно помогаютъ, что у путешественника кости трещать и изъ суставовъ выскакиваютъ. Мѣстами подъемъ состоитъ изъ уступовъ чуть не въ ростъ человѣка. Двое здоровенныхъ молодцовъ вскакиваютъ на верхъ, хватаютъ васъ за руки и вздергиваютъ смаху, двое другихъ подсаживаютъ, вѣрнѣе, подбрасываютъ снизу, и такъ-то на высоту крыши трех-этажнаго дома. По отвѣсу, входъ находится на высотѣ 9 слишкомъ сажень, уклонъ же составляетъ 52°. Внутри пирамиды и Калло не рѣшился отправиться. Туда ведетъ довольно узкій спускъ безъ ступеней и съ уклономъ въ 25°. Да тамъ не специалисту-ислѣдователю и смотрѣть, собственно, нечего. Этотъ наклонный корридоръ спускается на 14 саж. ниже основанія пирамиды, вѣсколько развѣтвленій его ведутъ къ внутреннимъ покоямъ, совершенно пустымъ. Утомленіемъ поплатишься очень большимъ, результатъ же получится весьма малый,—право сказать, что и я былъ внутри пирамиды. Ну, а я не былъ и ни мало о томъ не скорблю, но сожалѣю о томъ, что больныя старыя ноги не дозволили мнѣ подняться на вершину, гдѣ имѣется обширная площадка, съ которой открываются, говорятъ, чудные виды съ одной стороны на Каиръ, Нилъ и цвѣтущую культурную полосу Египта, съ другой на необозримую песчаную пустыню и длинный рядъ пирамидъ по ея границѣ до Мемфиса и далѣе. Одинъ молодой человѣкъ итальянецъ, состоящій на египетской службѣ, рассказывалъ мнѣ, что они цѣлымъ обществомъ устроили пикникъ съ музыкой и танцевали на этой площадкѣ, величиною въ 20 квадратныхъ сажень.

Совершенно иное, потрясающее, впечатлѣніе произвелъ на меня Сфинксъ. Ничего подобнаго я не видывалъ и не воображалъ увидать: ни фотографіи, ни гравюры, ни картины талантливѣйшихъ художниковъ не даютъ понятія о томъ, что такое въ дѣйствительности это чудище. При осмотрѣ пирамидъ, его совсѣмъ не видно, хотя онъ находится менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ каждой изъ большихъ, и разыскать его не легко въ здѣшнихъ песчаныхъ буграхъ. Дѣло въ томъ, что онъ въ теченіе вѣковъ былъ почти весь засыпанъ пескомъ и открытъ сполна, съ пьедесталомъ весьма недавно. А потому и оказывается теперь лежащимъ въ глубокой выемкѣ, загороженнымъ отъ взоровъ путника валами песка. Только подѣхавши къ самой выемкѣ, я увидалъ «звѣря» съ человѣчьей головой. Начну съ его размѣровъ: пьедесталъ, на которомъ протянулось высѣченное заодно съ нимъ изъ цѣлой скалы тѣло льва, имѣетъ въ длину 80 аршинъ, лицо отъ подбородка до вершины лба—12 аршинъ. Лицо все изуродовано, рассказываютъ, что въ то время, когда изъ песочнаго наноса торчала одна голова, по ней, какъ въ мишень, упражнялась арабская артиллерія. Отбить носъ, сильно повреждены щеки, губы и борода. И, все-таки, лицо сохранило вполнѣ определенное выраженіе, на остаткахъ губъ застыла улыбка, разстрѣлянные глаза смотрятъ жестовимъ взглядомъ. И отъ этой улыбки, отъ этого взгляда

становится страшно, страшно до ужаса, не за себя только,—за человечество... «Звѣрь» смѣется, онъ насмѣхается надъ всѣмъ живущимъ, мыслящимъ, вѣрающимъ, надъ землею и надъ небомъ, надо мною и надъ тѣмъ, чѣмъ жива моя душа. Это не простое всеотрипаніе, противъ котораго можно спорить, съ которыми можно биться равнымъ оружіемъ, силою собственнаго убѣжденія. А какую силу противопоставить этому всеохватывающему, сверхъ-человѣчески гордому глумленію? Оно подавляетъ меня, опозориваетъ все дорогое мнѣ, святое для меня и стоитъ передо мною несокрушимымъ, недоступнымъ, въ образѣ колоссальнаго «звѣря», невѣдомо кѣмъ, какимъ орудіемъ, какимъ гениемъ созданнаго. До сего дня мнѣ никогда въ голову не приходило вопроса, какимъ можно себя представить антихриста. Теперь я знаю, видѣлъ образъ его воочию, и ужасъ охватилъ меня, и я бѣжалъ отъ него, спасаясь отъ того отчаянія, которое исходитъ отъ его смѣха и пристальнаго взгляда и захватываетъ мой мозгъ. И это не антихристъ только, это «антибогъ», истребляющій всякое вѣрованіе, всякое божество, всякое понятіе о добрѣ и злѣ, и подавляющею мощью требующій поклоненія себя—вѣчному глумленію... Когда явилось на свѣтъ это чудовище, не извѣстно,—во всякомъ случаѣ много ранѣе царствованія Хеопса (Khoufou), строителя величайшей пирамиды, такъ какъ документально доказано, что Хеопсъ (приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х.) «реставрировалъ» (?) Сфинкса. Не вдалекѣ отъ Сфинкса находится «гранитный храмъ» безъ крыши, сложенный изъ гладко обдѣланныхъ и тщательно пригнанныхъ громадныхъ глыбъ гранита. Ни на стѣнахъ его, ни на четырехгранныхъ столбахъ нѣтъ ни надписей, ни какихъ-либо изображеній, имѣющихся на самыхъ древнихъ памятникахъ Египта, что даетъ основаніе предполагать, что этотъ храмъ есть наидревнѣйшій изъ всѣхъ. А его близость къ Сфинксу, разысканный ходъ къ нему и слѣды общей окружавшей ихъ ограды навели извѣстнаго знатока мѣстныхъ древностей, г. Мариета, на догадку, что самый храмъ былъ посвященъ Сфинксу. Въ одномъ изъ отдѣленій храма имѣется колодезь, въ которомъ неутомимый искатель Мариетъ нашелъ статую Хефрена, строителя второй, по величинѣ, пирамиды. Это, впрочемъ, ничуть не служитъ доказательствомъ, что храмъ выстроенъ Хефреномъ. Тутъ, въ этомъ до-историческомъ сооруженіи, явился бедуинъ съ чашками кофе на англійскомъ подносі. Съ удовольствіемъ выпилъ я два глотка живительнаго напитка и отправился отдохнуть въ ресторанъ-гостиницу, недавно выстроенную внизу подъ каменной грядой, служащею подножіемъ пирамидъ и мѣстомъ ограбленія путниковъ на европейскій манеръ: сэндвичъ на два глотка—франкъ, маленькая бутылочка содовой воды—франкъ, чашка чернаго кофе—франкъ... Фотографія на ландшафтѣ пирамидъ—25 франковъ. Отбыли мы при громкихъ крикахъ со всѣхъ сторонъ старыхъ, молодыхъ, юныхъ и совсѣмъ маленькихъ арабовъ: «бакшишь, мусю, бакшимъ, бакшитъ»!...

Кончаю письмо 27 апрѣля раннимъ утромъ. Явился мой гувернеръ Махмудъ: «Пишешь? Чиво пишешь?»—Письмо домой.—«Письмо?—слышу убо-

ризу. — Въ рубашка сидишь. А когда музей ѣхать, когда старь Каиръ ѣхать, когда Матарія будымъ?... Пишы, мни сѣ равно, пишы въ рубашка»... Гувернеръ мой строгъ, но справедливъ. Надо одѣваться и ѣхать. Жму твою руку, привѣтъ В. М., моимъ передай, что «курилка» живъ и бодръ.

Р. С. Синяго неба не видалъ въ Египтѣ, какъ и въ Греціи, такое же голубое, какъ въ Рязанской губерніи. А сегодня бѣлое, чуть-чуть желтое. Говорятъ, отъ того, что дуетъ *хамсинъ*, вѣтеръ съ Ливійской пустыни. Вѣтра я никакого не чувствую, въ тѣни 18° R., но въ самомъ дѣлѣ душно, дышется тяжело, всюду садится мельчайшая пылъ. Должно быть, не даромъ боятся здѣсь хамсина... Опять Махмудъ...

М. Ремезовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ.

(«La femme au États-Unis», par C. de Varigny).

I.

Болѣе пятнадцати миллионѣвъ эмигрантовъ выкинула Европа на берега Сѣверной Америки въ теченіе одного вѣка, съ 1789 по 1889 г. До 1860 года Европа наводняла Соединенные Штаты произведеніями своей мануфактуры, навязывала имъ свою литературу и идеи, свое искусство и артистовъ, свои моды и вкусы, своихъ искателей приключеній и всѣхъ, не находившихъ себѣ мѣста въ Старомъ Свѣтѣ. Подобно сухой, песчаной почвѣ, новая земля все поглотила, все впитала—и хорошее и дурное, и чистыя и мутныя воды. Изъ этихъ разнородныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ климата, особенностей расы и умственной, нравственной и религіозной культуры, создавалась новая цивилизація, имѣющая нѣкоторое родственное сходство съ нашей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляющая совершенно неожиданные контрасты. Теперь эта новая цивилизація возвращается въ Европу, гдѣ американскіе туристы-милліонеры переполняютъ города и отели, соперничая въ роскоши, изяществѣ и комфортахъ съ вымирающею родовитою аристократіей, которой завидуютъ, и финансовою аристократіей, которую подавляютъ своимъ богатствомъ. Теперь американцы въ свою очередь знакомятъ насъ съ своими идеями, нравами, обычаями, но уже не съ робостью сомнѣвающихся и боящихся показаться смѣшными пришельцевъ, а самоувѣренно улыбаясь надъ нашими предразсудками.

Цивилизація вліяютъ одна на другую и ихъ болѣе или менѣе скорое и радикальное измѣненіе зависитъ отъ обстоятельствъ и тѣхъ мѣръ, подъ давленіемъ которыхъ оно совершалось. Въ древности были извѣстны два способа: побѣда грубою силой—оружіемъ и побѣда духовная—обольщеніе краснорѣчіемъ и искусствами. Теперь оба усовершенствованы: война, сдѣлавшись болѣе гибельной, выработала методы и военную науку; книга и журналъ замѣнили кафедрю, недостаточную для слишкомъ обширной аудиторіи. Къ этимъ двумъ способамъ пропаганды прибавилось третье средство, прежде неизвѣстное или презираемое, средство болѣе скромное, менѣе за-

мѣтное, но за то самое могущественное: женское вліяніе. Долгое время женщина не имѣла никакого значенія, ни въ исторіи народовъ, ни въ жизни мужчинъ; теперь она играетъ видную роль. Историки и путешественники, философы и моралисты, изучая націю, не интересуются теперь исключительно политическими тенденціями, административнымъ механизмомъ, экономическимъ движеніемъ, но особенное вниманіе обращаютъ на обычаи и нравы, на общественную жизнь и ту среду, гдѣ женщина составляетъ центръ, гдѣ ея вліяніе преобладаетъ. Можно не одобрять женскаго вліянія, можно сожалѣть о его размѣрахъ, но нельзя отрицать его значенія. Наполеонъ I возмущался этимъ и осуждалъ госпожу Сталь за то, что она занимается общественными дѣлами; госпожа Сталь возразила, что нельзя порицать женщинъ за ихъ интересъ къ политикѣ въ странѣ, гдѣ изъ-за политики имъ рубятъ головы. Аргументъ остался безъ возраженія; ихъ можно было бы привести еще нѣсколько и удивительно не то, что половина—и даже большая—человѣческаго рода завоевала, наконецъ, свою долю вліянія, а то, что она потратила столько вѣковъ на это завоеваніе.

Каждый народъ имѣетъ свое особое представленіе о женщинѣ. Идеи, какъ и языкъ, мѣняются и для выраженія одной и той же мысли заимствуютъ различныя формы. Если для француза женщина олицетворяетъ идеаль, воплощаетъ лучшія стороны цивилизаціи, то для испанца она еще остается мадонной въ церкви, для итальянца цвѣткомъ въ саду. Англичанинъ, родоначальникъ американца, видитъ въ женщинѣ, прежде всего, мать своихъ дѣтей и хозяйку дома. Несообщительный и независимый по характеру, англичанинъ не любитъ городской жизни и мирится съ нею на время, пока не добьется возможности жить въ собственномъ помѣстьѣ или такомъ, которое онъ надѣется пріобрѣсти въ собственность. Глубоко проникнутый библейскими традиціями, поддерживаемыми семейнымъ культомъ и чтеніемъ священныхъ книгъ, англичанинъ заимствовалъ отсюда нѣкоторыя характерныя черты: уваженіе родительскаго авторитета и желаніе многочисленнаго потомства. Онъ сохранилъ также любовь къ подвижной жизни: инстинкты кочевника, страсть мѣнять мѣсто, климатъ, горизонтъ влекутъ младшихъ сыновей искать болѣе обширное поле дѣятельности въ Индіи, Канадѣ, Австраліи, заставляя людей, осѣдлыхъ въ силу необходимости, посвящать нѣсколько недѣль на путешествіе по Европѣ, доводить отважныхъ изыскателей въ центръ Африки или до ледниковъ сѣвернаго полюса. Свои традиціи и инстинкты англичанинъ переноситъ съ собою въ новыя земли, которыя заселяетъ, и передаетъ потомству. Такъ поступилъ онъ, когда религіозное преслѣдованіе, главнымъ образомъ, и отчасти желаніе нажить состояніе заставили его переселиться въ Новый Свѣтъ. Оторванная вѣтвь могучаго англійскаго ствола пустила корни и дала ростки, такъ какъ англичанинъ переселился не одинъ: его жена, дочери, сыновья послѣдовали за нимъ, раздѣляя его убѣжденія и надежды.

Когда въ 1630 году тысяча человѣкъ эмигрировали изъ Англій, ища въ Америкѣ религіозной терпимости и политической свободы, въ которыхъ

отказывалъ Карлъ I, они не были ни побѣжденными революціонерами, ни доведенными до отчаянія фанатиками, а вѣрными подданными, свободными англичанами; беспокоясь за настоящее, сомнѣваясь въ будущемъ, а не въ самихъ себѣ, они перекочевали въ англійскія земли, отдаленность которыхъ обезпечивала независимость. Почти всѣ эмигранты принадлежали если не къ богатому, то къ зажиточному, среднему классу. Уроженцы по большей части Бостона и Дорчестера, они дали первымъ колоніямъ названія родныхъ городовъ и окрестили вторую родину именемъ Новой Англій.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ морскаго берега начинался безконечный дремучій лѣсъ; при помощи огня и топора колонисты образовали въ немъ большія просѣки, вспахали землю на полянахъ и изъ срубленнаго лѣса выстроили дома; запасъ провизіи, сѣмена, необходимые инструменты эмигранты захватили съ собою. Началась тяжелая жизнь пионеровъ. Мужчины строили, пахали, сѣяли; женщины занимались домашними работами, готовили обѣдъ, чинили одежду и т. д.; вечеромъ вся семья собиралась за общимъ ужиномъ, послѣ котораго слѣдовала молитва и чтеніе Библіи. Простая, здоровая жизнь, полная труда и религіи, не оставляла мѣста пустымъ сожалѣніямъ и празднымъ мечтамъ. Ежегодное увеличеніе достатка, расширеніе владѣній, размноженіе скота придавали колонистамъ энергію и вознаграждали за труды.

Новая Англія заселилась. Съ 1630—1640 гг. двадцать тысячъ эмигрантовъ переплыли Атлантическій океанъ, все англичане и все ревностные протестанты; женщины не были ни менѣе вѣрующими, ни менѣе отважными. Въ религіозной эволюціи, сопровождавшей переходъ Англіи отъ католичества къ протестантству, женщина играла видную роль; на ней не менѣе, чѣмъ на мужчинѣ, отразилось вліяніе реформы. Христіанство освободило женщину отъ рабства, протестантство избавило ее отъ зависимости. Оно дало ей одинаковыя права съ мужчиной, признало за ней равный умъ и способности, равное право на образованіе, возложило на нее тѣ же обязанности и отвѣтственность. Женщина получила свободу въ главномъ вопросѣ своей жизни: въ выборѣ мужа. Чувство безграничной свободы смѣнило сознаніе безпрекословнаго подчиненія; въ ней пробуждалась независимая и отважная душа. Такія женщины стоили мужчинъ. Сдѣлайте шагъ дальше: удалите мысленно эту женщину отъ условій и вліянія той среды, гдѣ протекло ея дѣтство. Перенесите ее и ея близкихъ за 1,200 миль отъ родной земли, по ту сторону невѣдомаго океана, черезъ бури и невзгоды опаснаго и медленнаго въ то время путешествія, посадите ее на чужихъ, далекихъ берегахъ, подвергните вліянію одиночества, безграничныхъ дѣйственныхъ лѣсовъ, поставьте лицомъ къ лицу съ новою жизнью, гдѣ она чувствовала бы себя не только полезной, но и необходимой, и затѣмъ соразмѣрьте ея силы и задачу. Одно соотвѣтствовало другому и вѣра поддерживала ее. Въ сознаніи приносимой пользы женщина черпала ей самой невѣдомую силу; ея умъ, занятый многосторонними обязанностями, развивался; неустанный трудъ и непрерывныя заботы о семьѣ и до-

мѣ удовлетворяли одну изъ главныхъ потребностей женской натуры и сердца: чувствовать себя центромъ, вокругъ котораго все вращается, сознавать себя необходимой тѣмъ, кого любишь. Чѣмъ больше у нея было дѣтей, тѣмъ богаче она себя считала; сыновья раздѣляли труды отца, дочери помогали въ хозяйствѣ. Лихорадка, неизбѣжная спутница колонизаціи, уносила слабѣйшихъ, оставляя самыхъ крѣпкихъ и выносливыхъ—оплотъ будущаго. Впрочемъ, отъ сопривосновенія съ человѣкомъ климатъ оздоравлился. По мѣрѣ заселенія побережья вновь прибывающими колонистами, зеленая стѣна лѣса отодвигалась вглубь, предоставляя для обработки дѣвственный черноземъ, который никогда не видѣлъ солнца, и убирался подъ лучами его золотистыми нивами:

Населеніе увеличивалось, пустыня заселялась; съ одной крыши уже виднѣлась другая, подъ которой жили и работали соотечественники и единовѣрцы. Каждый колонистъ оставался на своемъ участкѣ попрежнему независимымъ, свободнымъ, но прежняго одиночества не ощущалъ; въ случаѣ опасности, болѣзни, несчастья, можно было помочь другъ другу, сплотиться вмѣстѣ противъ общаго врага. Съ расширеніемъ владѣній и увеличеніемъ семьи возросло благосостояніе дома; признаки цивилизаціи и нѣкотораго комфорта проникли въ него въ тотъ день, когда дочери сняли часть бремени съ хозяйки и у нея явилось время и охота украшать домъ, разводить цвѣты рядомъ съ овощами, а вечеромъ, покончивъ съ хозяйственными заботами, заниматься изящными рукодѣліями. Сыновья охотились и звѣриныя шкуры служили мягкими коврами; избытокъ произведеній фермы мѣнялся на европейскіе товары.

Въ этомъ создающемся мірѣ быстро развивались личныя качества и способности и, ничѣмъ не стѣсняемая, находили себѣ примѣненіе. Независимость была подчинена только долгу быть полезнымъ, содѣйствовать общему благу, исполнять роль пчелы, а не трутня. Авторитетъ существовалъ, все-таки: авторитетъ главы семейства, и матери-хозяйки и воспитательницы. Она оставалась ею до тѣхъ поръ, пока размножившаяся и разбогатѣвшая колонія не выстроила на общія средства скромнаго зданія, названнаго капеллой; пасторъ, избранный отцами семействъ, получалъ содержаніе натурою. Почти во всѣхъ колоніяхъ женщина первая позаботилась о сооруженіи храма, не потому, чтобы мужчина былъ индифферентнѣе ея, но онъ лучше умѣлъ считать и меньше предвидѣлъ; онъ сомнѣвался въ своихъ силахъ, останавливался передъ трудностью дѣла и отвѣтственностью. Женщина, указывая на подроставшихъ дѣтей, убѣдила его въ пользѣ общевеннаго культа, въ необходимости оживить и поддержать вѣру болѣе новательными наставленіями. Прошло еще немного времени и нѣсколько олоній соединились вмѣстѣ, построили незатѣйливый домикъ-школу, куда ригласили учителя, достаточно свѣдущаго, чтобы научить читать, писать, считать молодое поколѣніе, которое не могло еще посвящать много времени на приобрѣтеніе этихъ необходимыхъ знаній. Странное это было воспитаніе и странныя школы! Мальчики и дѣвочки посѣщали ихъ въ одно

время и вмѣстѣ присутствовали на урокахъ. Въ этой немного грубой и суровой средѣ началась цивилизація женщины слѣдующаго поколѣнія. Несмотря на грубость, на самые примитивные приемы обученія, образовательное вліяніе росло и крѣпло, пробуждало въ сердцахъ дѣтей, привыкшихъ къ тяжелымъ полевымъ работамъ, дремавшій инстинктъ рыцарства, развивало зарождавшееся чувство уваженія къ женщинамъ, которое впоследствии оправдало американскую аксіому: «въ Соединенныхъ Штатахъ женщина парица».

Но, въ ожиданіи своего будущаго царствованія, женщина сѣвернаго побережья царица пока въ узкомъ семейномъ кругу, въ собственномъ домѣ, и надъ этимъ, съ такимъ трудомъ воздвигнутымъ, домою собиралась грозная туча, надвигалась серьезная опасность. Прибывавшіе изъ Англіи новые колонисты-соотечественники, присутствіе которыхъ должно было бы удвоить энергію и увеличить безопасность тѣхъ, кто раньше занялъ берега, навлекли совершенно непредвидѣнными осложненія. Они тоже требовали себѣ мѣста на земномъ шарѣ и, минуя занятую и обработанную полосу, углублялись въ лѣсъ, отодвигая его дальше и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣсня индѣйцевъ, которые тамъ жили, охотились и считали его своею собственностью. Лѣсъ кормилъ ихъ, доставляя дичь для пропитанія, звѣриные мѣха для продажи; для охоты индѣйцамъ нужны были большія пространства, цѣлыя мили, а не нѣсколько акровъ, какъ бѣлому колонисту, который сѣялъ и жалъ. Расширяющаяся колонизація разогнала дичь и индѣйцы вынуждены были слѣдовать за ней въ чащу лѣса, тишину котораго нарушалъ теперь стукъ топоровъ и трескъ пожаровъ. При видѣ такого постепеннаго вытѣсненія индѣйцы пришли въ удивленіе, потому въ негодованіе. Ихъ жалобы остались безъ отвѣта. Къ врожденному презрѣнію англичанина ко всякой низшей расѣ примѣшалась ненависть къ этимъ дикарямъ, отвергавшимъ цивилизацію и религіозныя наставленія, къ этимъ жестокимъ язычникамъ, скальпировавшимъ побѣжденнаго врага и приносившимъ человѣческія жертвы своимъ кровожаднымъ богамъ. Хотя индѣйцы и первые заняли землю, они не счумѣютъ остаться властителями ея. Земля по праву принадлежитъ высшей расѣ, которая обрабатываетъ ее, поливаетъ потокомъ, владѣетъ съ Божія благословенія и никому не уступить. Начинается война съ индѣйцами. Ферма превращается въ крѣпость, заготавливается оружіе, назначаются предводители, набирается войско; отдѣльныя колоніи соединяются вмѣстѣ и обязуются энергично помогать другъ другу противъ общаго врага. Загорается кровопролитная борьба; индѣйцы жгутъ и грабятъ селенія на берегахъ Коннектикута. Въ этихъ продолжительныхъ и ожесточенныхъ войнахъ женщина поражаетъ своею храбростью. Изъ разсказовъ того времени видно, что она не уступала въ энергіи мужчинамъ, выдерживала съ дочерьми нападеніе индѣйцевъ въ то время, какъ мужья и сыновья, обманутые хитростью, преслѣдовали ихъ вдали, владѣла винтовкой не хуже, чѣмъ веретенемъ, не отступала ни передъ какимъ количествомъ нападающихъ, сама поджигала свое жилище и безъ колебаній по-

гребала себя подъ его развалинами, чтобы только не отдаться живою въ руки враговъ. Безпощадная, кровопролитная война кончилась полнымъ пораженіемъ дикарей; ихъ загнали такъ далеко вглубь лѣсовъ, что дальнѣйшее преслѣдованіе было совершенно излишне. Колонисты вздохнули свободно. Усиліе было велико, но за то эмигранты остались побѣдителями и въ этомъ тяжеломъ испытаніи, едва не стоявшемъ жизни сѣвернымъ колоніямъ, женщина еще разъ показала себя товарищемъ и равной мужчинѣ. Если общая опасность еще болѣе возвысила женщину, еще тѣснѣе связала и безъ того крѣпкія узы, то та же, сблизившая души, опасность соединила между собою колоніи. Первая лига была заключена въ 1643 г. Массачузетсъ, Плимуть, Нью-Гавенъ и Коннектикутъ образовали подъ именемъ Новой Англій союзъ, колыбель великаго американскаго союза.

Женщина сѣверныхъ колоній не была единственною родоначальницею американки. Одновременно съ описанными выше событіями появился другой типъ, совершенно противоположный не по происхожденію, а по условіямъ жизни. Въ наши дни эти два типа соединяются, не сливаясь еще окончательно; отъ ихъ соединенія происходитъ американская женщина, та, которую мы знаемъ, характерный продуктъ иной цивилизаціи, чѣмъ наша. Вскорѣ послѣ того, какъ пуритане, гонимые религіознымъ преслѣдованіемъ, колонизовали сѣверное побережье, побѣжденные приверженцы Карла I явились искать пристанища въ Новомъ Свѣтѣ. Странная иронія судьбы!

На одни и тѣ же далекіе берега она забросила и тѣхъ, кто не задумался покинуть родину, ставя выше всего религіозныя убѣжденія и политическую независимость, и тѣхъ, кто поклонялся монархизму. Изъ горсти добровольныхъ изгнанниковъ, изъ ревностныхъ католиковъ и убѣжденныхъ протестантовъ, изъ отчаянныхъ либераловъ и фанатиковъ-монархистовъ она создала гражданъ великой республики.

Новые эмигранты инстинктивно направились южнѣе. Кромѣ языка и происхожденія, у нихъ ничего не было общаго съ сѣверными пуританами. Ихъ политическія и религіозныя убѣжденія были иныя, также какъ и общественное положеніе, традиціи, идеи, вкусы. Сѣверные эмигранты принадлежали къ среднему классу, къ сектѣ, которая временно торжествовала и представителемъ которыхъ являлся Кромвель, убійца ихъ короля, узурпаторъ его власти. Виргинія была страной монархической. Эмигрировавшіе роялисты поселились тамъ и, чтобы не оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія въ своихъ чувствахъ, смѣло дали новому отечеству названіе the Old Dominion, т.-е. старое владѣніе мученика-короля, который, хотя и побѣжденный, все-таки, даетъ имъ пріютъ. Роялизмъ есть своего рода религія; онъ мѣетъ своихъ приверженцевъ и поклонниковъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ женщины, скорѣе увлекающіяся воплощеннымъ въ личности принципомъ, чѣмъ отвлеченнымъ. Для ихъ жажды идеала необходимъ кумиръ, для вѣры—храмъ, а для тѣхъ, кого рожденіе, воспитаніе, семейныя традиціи сдѣлали роялистами и католическими, кумиръ былъ низвергнутъ,

храмъ осквернень. Не менѣ отцовъ, братьевъ, мужей, сыновей, онѣ стремились покинуть отечество, гдѣ прошлое рушилось, и внесли въ дальнія земли, гдѣ нашли пріютъ, новый элементъ. Только въ одномъ отношеніи приемы колонизаціи сходны на сѣверѣ и на югѣ. Отличительная расовая черта сохранилась. Плантаторъ Виргиніи уединяется въ своей плантаціи точно такъ же, какъ колонистъ Новой Англіи уединился въ своей фермѣ. Ему тоже необходимы обширныя пространства для обработки и разведенія табака. Только потому, когда минуетъ первый періодъ устройства на новомъ мѣстѣ, въ немъ просыпается инстинктъ общественной жизни, развитой придворными и военными привычками. Въ началѣ же ему, какъ и въ Англіи, необходима собственная усадьба, вилла или замокъ, земля, толпа наемной прислуги, которую онъ замѣняетъ рабами. Рабство существовало и практиковалось и на сѣверѣ, и на югѣ, но въ разныхъ видахъ. Колонистъ-пуританинъ относился къ нему съ отвращеніемъ и пользовался имъ, какъ рабочею силой, въ ограниченныхъ размѣрахъ; онъ предпочиталъ свободный трудъ и образъ веденія его хозяйства допускалъ это. Не то было на югѣ: табачныя плантаціи требовали множества рабовъ, хозяйкѣ дома была необходима многочисленная прислуга. Табакъ былъ не только продуктомъ, но и монетою, которою уплачивались налоги, жалованье, покупка; разъ въ годъ пріѣзжали англійскіе корабли, нагружались табакомъ и увозили его въ Англію, оставляя взамѣнъ необходимыя колонистамъ предметы. Эмигрантъ-роялистъ вмѣстѣ съ традиціями, идеями, надеждами, захватилъ съ собою остатки своего имущества. При всей своей знатности, онъ, какъ англичанинъ, былъ, прежде всего, дѣловой человѣкъ, который умѣлъ считать и извлекать пользу изъ своего состоянія, привыкъ затѣвать крупныя предпріятія и управлять ими и на новомъ материкѣ, гдѣ даровая земля отличалась неизсякаемымъ плодородіемъ, онъ быстро составилъ себѣ крупное состояніе, благодаря дороговизнѣ табака въ Европѣ и дешевизнѣ его воздѣлыванія почти ничемъ не стоющими рабами.

Въ этомъ новомъ мірѣ женское вліяніе господствовало. Покинувъ Англію, женщина не забыла тамъ ни своихъ привычекъ, ни традицій. Аристократка по происхожденію, полная предрасудковъ своего рода и среды, она перенесла ихъ на новую почву, ввела тамъ различіе ранговъ и классовъ, научила американку почтять чины и титулы, знатность и древность рода, что совершенно противорѣчитъ нынѣ въковому республиканскому устройству. Эти аристократы сохранили тотъ же широкій образъ жизни, къ которому привыкли при дворѣ Стюартовъ. Среди роскошныхъ плантацій возвышались обширныя резиденціи, похожія на тѣ, въ которыхъ они жили въ Англіи, съ массивными каминами, остроконечными крышами, великолѣпными лѣстницами изъ краснаго дерева, узкими окнами и громадными террасами. Они сохранили также и общественныя традиціи. Веселая, безпечная жизнь, полная примитивной роскоши, оставляла женщину въ привычныхъ ей рамкахъ, а мужу и сыновьямъ давала возможность посвя-

шать время охотѣ, рыбной ловлѣ, гимнастическимъ упражненіямъ. Молодое поколѣніе росло, считая себя высшимъ существомъ по крови, по происхожденію, а также по привычкѣ приказывать и нести за это ответственность, по утонченности манеръ, умственному превосходству и чисто-англійской страсти къ тѣлеснымъ упражненіямъ. При всей своей фанатичности, южные роялисты были, прежде всего, независимы по инстинкту. Эта основная черта характера взяла верхъ надъ остальными; они любили Англію, почитали короля, но въ войнѣ за независимость большинство измѣнило отечеству, взялось за оружіе, чтобы возстать противъ произвола, и повело въ бой сѣверныхъ колонистовъ; въ благодарность за побѣду тѣ отдали въ ихъ руки управленіе республикой, которую они основывали, сами того не подозрѣвая и не желая. Геройская, кровопролитная борьба, въ которую женщины толкали мужей и сыновей, кончилась капитуляціей и отступленіемъ англійскихъ войскъ. Женщины южныхъ плантацій не уступили въ энергіи и рѣшительности сѣвернымъ колонисткамъ. Но особенно рѣзко сказывается вліяніе женщины послѣ войны за независимость, когда, по заключеніи мира, общественная жизнь возвратилась на югъ и зародилась на сѣверѣ. Нью-Йоркъ въ то время уже превратился въ городъ съ 33-хъ тысячнымъ населеніемъ. Къ родовитой аристократіи, представителями которой являлись южные плантаторы, прибавилась новая аристократія изъ міра официальной, состоявшая изъ членовъ президентскаго кабинета и иностранныхъ представителей. Чисто-республиканская простота сразу вводится въ этомъ новомъ мірѣ.

Мистрисъ Вашингтонъ, жена президента, которую сѣверные колонисты укоряли въ томъ, что она вводитъ въ республикѣ «придворные роскошь и этикетъ», предлагала, между тѣмъ, гостямъ «чай, кофе, копченый языкъ, жареное мясо и масло». Моды, нравы и обычай новаго общества оставались еще точнымъ снимкомъ съ Англій и Франціи, которыми женщины слѣпо подражали; но уже тогда выдѣлились и опредѣлились нѣкоторыя особенныя, характерныя черты, а именно: независимость молодыхъ дѣвушекъ и ихъ свободныя манеры. Миссъ Ревекка Фрэнксъ рисуетъ намъ такую картину: «съ ранняго утра собираются молодыя дѣвушки, пьютъ пуншъ, подражаютъ тону мужчинъ, увлекаются азартными играми, отчаянно кокетничаютъ». Кокетками онѣ остались, но, какъ Минерва,—хотя и богиня мудрости, а, все-таки, женщина,—перестала играть на флейтѣ въ тотъ день, когда, любуясь въ зеркальную поверхность воды, увидѣла, что надутыя щеки портятъ ея красоту, такъ и онѣ отказались отъ картъ и пунша, отъ всего, что было некрасиваго въ подражаніи ужинамъ, сохранивъ флиртъ, который ввели въ обычай.

Болѣе тридцати лѣтъ прошло со времени завоеванія независимости. роникнутые традиціями и идеями родины, колонисты и сыновья колонистовъ, которые боролись, побѣдили и основали республику, сѣверные путяне-либералы и южные роялисты уступили мѣсто новому поколѣнію. оно выросло и воспиталось при иныхъ условіяхъ, чѣмъ старое. Изъ ирри-

ципа столько же, сколько изъ необходимости, для него была создана новая система воспитанія: мальчики и дѣвочки вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли, подчинялись одной и той же дисциплинѣ. Изъ немногихъ документовъ той эпохи видно, что молодежь получала суровое воспитаніе; тѣлесныя наказанія и линейка были въ большомъ почетѣ; въ мальчишкахъ поощряли рыцарскій чувства, позволяя имъ принимать на себя наказанія, заслуженныя дѣвочками, которыя относились къ этому какъ къ совершенно естественному явленію. Воспитанныя такимъ образомъ, американскія дѣвушки рѣзко отличались отъ современныхъ имъ европейскихъ дѣвушекъ. Въ нихъ, бабкахъ нынѣшнихъ американокъ, уже можно отмѣтить характерныя черты ихъ послѣдовательницъ: свободныя манеры, инстинктивная осторожность, разсудительность, сознаніе своихъ преимуществъ; также какъ мужчина того времени отличался уваженіемъ къ женщинѣ,—результатъ общаго воспитанія,—и рыцарскими чувствами, съ малолѣтства внушенными физическою слабостью и красотой женщины. Развивающаяся цивилизація и увеличивающееся благосостояніе внесли въ эту первобытную среду, которую мы пытались описать, новые факторы, но суть не измѣнилась и тѣ перемѣны, которыя произошли, оставили неприкосновеннымъ основной принципъ положенія женщины въ Соединенныхъ Штатахъ: въ силу обстоятельствъ, далекой эмиграціи, пережитыхъ вмѣстѣ страданій и борьбы, благодаря общему воспитанію, женщина сразу стала товарищемъ и равной мужчинѣ; ни въ какую эпоху она не стояла ниже мужчины, какъ то было въ Европѣ.

II.

Въ то время женщина въ Европѣ переходила изъ-подъ неограниченной власти родителей подъ не менѣе деспотическое иго супружескаго авторитета. Въ тотъ день, когда эмигранты пристали къ далекимъ берегамъ Америки, оковы спали съ женщины; ея роль выросла. Заслуги, оказанныя ею въ общемъ дѣлѣ, гдѣ она явилась столь же полезною и необходимою, какъ и мужчина, сразу завоевали ей желанное равенство. Если это равенство не вводится въ законы, то только потому, что женщинѣ это не нужно, такъ какъ всякое, точно определенное право не менѣе строго ограничено, и женщинѣ полная выгода не опредѣлять своихъ правъ. Ребенкомъ—ей открыта школа,—молодою дѣвушкой—она вполне независима, замузною женщиной—разводъ позволяетъ расторгнуть нестерпимыя узы. Общественное мнѣніе покровительствуетъ женщинѣ во всѣхъ стадіяхъ ея жизненнаго пути. Но женщина стремится выше и равенство не удовлетворяетъ ее. Обстоятельства, такъ благопріятствовавшія ей, помогаютъ осуществить честолюбивыя стремленія. Года проходятъ, благосостояніе растетъ, цивилизація дѣлаетъ быстрые успѣхи. Съ увеличеніемъ поля дѣятельности трудъ мужчины становится тяжелѣе, женская же задача облегчается. Она избавлена отъ тяжелыхъ работъ первыхъ эмигрантокъ, не вынуждена,

подобно бабкѣ и матери, варить обѣдъ и исполнять обязанности служанки; она можетъ удѣлять время на развитіе ума, на расширеніе круга знаній, тогда какъ мужчина, по выходѣ изъ школы, сейчасъ же долженъ бросить умственные занятія, всецѣло поглощенный хозяйствомъ. Плодородная почва сторицей вознаграждала за труды, но отнимала все время, едва оставляя нѣсколько часовъ для семейной жизни. О развитіи ума мужчинѣ некогда было думать; онъ умѣлъ только зарабатывать деньги, искусства же ихъ тратить, получать на нихъ комфортъ и удовольствія онъ не зналъ. Женщина практикуется, приобретаетъ это искусство и выказываетъ гениальныя способности. Она украшаетъ домъ и дѣлаетъ его привлекательнѣе для мужа, украшаетъ себя, и мужъ больше восхищается ею. Она поощряетъ его рвеніе къ труду, льстя его самолюбію и тщеславію. Женщина извлекаетъ пользу изъ досуга, создаваемого ей трудомъ мужчины, и къ уваженію, которое она внушаетъ ему, какъ женщина, прибавляется уваженіе къ ея высшему умственному развитію. *

Американскія дѣвушки съ юнаго возраста привыкаютъ встрѣчать все общее уваженіе и потому вездѣ чувствуютъ себя такъ же свободно, какъ дома. Въ Нью-Йоркѣ, космополитическомъ городѣ, гдѣ, послѣ Дублина, больше всего ирландцевъ, послѣ Берлина и Вѣны, больше всего нѣмцевъ, въ Чикаго и Санъ-Луи, изъ деревушекъ, выросшихъ въ большіе города, видимыя доказательства женскаго владычества поражаютъ глазъ. Вездѣ, въ общественныхъ и частныхъ мѣстахъ, въ театрѣ и гостиницахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на палубахъ пароходовъ, въ ресторанахъ и магазинахъ, на улицѣ и въ парѣ, въ гостиницѣхъ и въ родительскомъ домѣ, — вездѣ женщина—царица и вездѣ пользуется неограниченною свободой. Европейцы часто преувеличивали размѣры этой свободы, исключеніе возводили въ общее правило и обвиняли нью-йоркскихъ misses въ слишкомъ большой распущенности. Но дѣйствительность, какова она есть, представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ нашими обычаями, что преувеличенія являются излишними. Изъ того, что свободное поведеніе американокъ противорѣчитъ нашимъ идеямъ и вызываетъ съ нашей стороны критическое отношеніе, изъ того, что онѣ отличаются отъ созданнаго нами типа молодой дѣвушки, къ которому наша неумолимая логика приводитъ цѣлую категорію людей, не справляясь съ ихъ вкусомъ, характеромъ и взглядами, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ американцы были абсолютно неправы, а мы абсолютно правы. Вѣрнымъ критеріемъ общественной системы служатъ результаты, а судя по результату, нельзя сказать, чтобы предоставленная американскимъ дѣвушкамъ свобода привела къ болѣе плачевнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ противоположная система, господствующая въ Европѣ. Особенно шокируетъ европейцевъ то, что американка—своя «собственная мамаша», въ томъ смыслѣ, что она сама смотритъ за собой, сама обдумываетъ каждый шагъ и сама отвѣчаетъ за себя. Отъ ранняго общенія съ школьными товарищами воображеніе дѣвушки развивается нормально; оно не уноситъ ее въ заоблачныя сферы, не рисуетъ фантастическихъ героевъ, вмѣсто

живыхъ людей, обманчивые призраки — вмѣсто прозаичной дѣйствительности. Флиртъ, имѣющій къ любви такое же отношеніе, какъ предисловіе къ книгѣ, какъ фехтованіе къ дуэли, заканчиваетъ то, что начало общее воспитаніе. Молодая дѣвушка пользуется имъ съ чисто-женскимъ искусствомъ, съ самоувѣренностью, оправдываемой всеобщимъ уваженіемъ, съ умѣньемъ рано пріобрѣтеннаго опыта и съ убѣжденіемъ, что отъ ея ловкости и умѣнья выбрать мужа зависитъ счастье ея жизни. Она рано привыкаетъ къ ухаживанію мужчинъ и потому ихъ комплименты не могутъ вскружить ей голову; она здраво смотритъ на жизнь, знаетъ, чего можетъ ждать и чего хотѣтъ. Въ этихъ своенравныхъ и, какъ многіе думаютъ, легкомысленныхъ головкахъ больше дипломатіи, чѣмъ подозрѣваютъ, болѣе спокойное сердце и болѣе уравновѣшенная натура, чѣмъ, судя по внѣшности, можно предположить. Да и отличительныя свойства американца не такого рода, чтобъ онъ съ перваго взгляда могъ поразить и увлечь. Холодный по натурѣ, сдержанный по инстинкту, неустойчивый труженникъ, стремящійся къ богатству и власти, американецъ напрягаетъ всѣ силы для достиженія одной цѣли: нажить состояніе. Съ чего бы онъ ни начиналъ, онъ всегда можетъ надѣяться достигнуть высшихъ ступеней, всегда можетъ претендовать на богатство. Земледѣлецъ, дровоколъ, фермеръ можетъ превратиться въ сенатора, посланника, министра, президента республики. Ничто не мѣшало ему заняться либеральною профессіей; никакія условія повышенія, никакія соціальныя категоріи не связывали ему рукъ, не парализовали его усилій; одинаковый образовательный уровень позволялъ конкурентамъ выдѣлиться только превосходствомъ ума, свойственнаго каждому, а часто первенство выпадаетъ на долю энергіи и воли, а не знанія. Врожденная холодность и сдержанность мужчинъ, ихъ трудовая жизнь, уваженіе, которое имъ внушаетъ дѣвушка, ея жизненная опытность и рано дисциплинированное воображеніе сдѣлали флиртъ въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе опаснымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Если эти дочери Евы не изобрѣли флирта, то онѣ выдумали названіе и такъ усовершенствовали дѣло, что онъ вошелъ въ обычай. Флиртъ необходимъ былъ, чтобы замѣнить существующій въ Европѣ обычай сватовства родителей и друзей, прибѣгающихъ къ искуснымъ маневрамъ, чтобы сблизить мужчину и женщину, подготовить и заключить ихъ бракъ. Американская независимость плохо согласовалась съ этимъ обычаемъ, а отсутствіе приданнаго исключало дѣловую сторону, оставляя только вопросъ личнаго вкуса, гдѣ посредники излишни; самое разумное было поставить заинтересованныя стороны лицомъ къ лицу, что и дѣлалось въ Америкѣ. Молодая дѣвушка сама составляла себѣ кругъ знакомыхъ и принимала въ число ухаживателей только тѣхъ, кто, по ея мнѣнію, соединялъ всѣ тѣ условія, которыя она желала бы совмѣстить въ будущемъ мужѣ. Флиртъ давалъ возможность убѣдиться, существуетъ ли между ними гармонія вкусовъ и идей, позволялъ различить, подъ всюду одинаковыми формами ухаживанія, глубину и искренность внушенныхъ ею чувствъ, умственныхъ и нравственныхъ достоинства того,

че имя она будетъ носить. Не въ характерѣ американки примѣняться къ вынужденному обстоятельствами положенію, сообразовать съ нимъ свои вкусы и подавлять свои еяклонности. Ни среда, въ которой она жила, ни воспитаніе, которое получила, не подготовили ее къ такой безличной и подчиненной роли. Она не похожа на нѣмецкихъ принцессъ, которыхъ развитой воспитаніемъ индифферентизмъ заставляетъ дѣлаться католичками или протестантками, православными или схизматичками, англичанками или русскими, итальянками или гречанками, смотря по тому, какого супруга выберутъ ей политическія соображенія данной минуты. Идеи американки опредѣлены, вкусы установились и задача жизни состоитъ въ томъ, чтобы выбрать мужемъ того, кто раздѣлитъ ихъ и лучше всего сумѣетъ осуществить. Привилегія флиртовать такъ же священна и неотъемлема въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ во Франціи безсмертны принципы 1789 года. Если она не связана прямо въ американской конституціи, то намекъ на нее находится въ деклараціи правъ человѣка, гдѣ каждому гражданину великой республики предоставляется право всѣми силами стремиться къ достиженію счастья. Флиртъ даетъ возможность его достигнуть и не составляетъ исключительной привилегіи богатыхъ классовъ. Съ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы до низшихъ флиртъ составляетъ необходимую прелюдію брака, и та дѣвушка сочтетъ себя оскорбленной, которая, минуя это обязательное переходное состояніе, займетъ положеніе замужней женщины. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы не случалось злоупотребленій и чтобы временная близость молодыхъ людей и дѣвушекъ, разжигаемая кокетствомъ, нѣжными признаніями, страстными изліяніями, не приводила иногда къ плачевнымъ результатамъ. Злоупотребленія бывають, но крайне рѣдко, главнымъ образомъ, потому, что американскіе законы и обычай строго карають за соблазнъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Донъ-Жуаны не въ милости; когда за оскорбленную дѣвушку вступаются, съ оружіемъ въ рукахъ, отцы и братья, когда судъ всегда готовъ приговорить соблазнителя къ крупному штрафу, тогда профессія Донъ-Жуановъ теряетъ свою прелесть и немногіе рѣшаются вступать на этотъ, усыянный терніями, путь. Въ Америкѣ мужчина подвергается даже большей опасности, чѣмъ дѣвушка, которая нерѣдко безсердечно играетъ внушенными ею чувствами, распаленною страстью, клятвами; она прекращаетъ игру, когда она надѣбдаетъ, и по прихоти или изъ тщеславія прерываетъ сношенія, не думая о причиненномъ злѣ. Если мужчина вздумаетъ подражать дѣвушкѣ, нарушить неосторожно данное обѣщаніе и откажется ниться, то общественное мнѣніе осуждаетъ его, а законъ караетъ. Женщина вправе требовать съ него убытки, которые судъ признаетъ и выисляетъ не соразмѣрно съ причиненными въ дѣйствительности убытками, о большей части ничтожными, а сообразно съ состояніемъ измѣнника. Въ прогрессомъ цивилизаціи въ Соединенныхъ Штатахъ нравы мѣняются. Бѣтъ тридцать тому назадъ подобныя романическія драмы кончались кровью местию, теперь Breach of promise cases, процессъ о неисполненіи

объщанія, вытѣснилъ устарѣлый обычай. Отъ такой перемѣны женщина ничего не проиграла. Боязнь чудовищныхъ штрафовъ дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ мужчинъ внушительнѣе, чѣмъ оружіе, честолюбіе нѣкоторыхъ женщинъ удовлетворяется крупною суммой скорѣе, чѣмъ бесполезною жертвою. Нѣсколько такихъ процессовъ прославились въ Соединенныхъ Штатахъ, и, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, число ихъ съ каждымъ годомъ растетъ. Какъ и во всѣхъ денежныхъ вопросахъ, сюда не замедлила вмѣшаться спекуляція. Но въ нормальной и здоровой жизни, которую мы изучаемъ въ массѣ американскаго общества, процессы объ отказѣ жениться сравнительно рѣдки.

Въ Америкѣ дѣвушки приданого не получали. Иногда отецъ дарилъ дочери, смотря по состоянію, нѣсколько сотъ или тысячь долларовъ для свадебной поѣздки въ Европу. Поэтому браки по расчету, такъ распространенные въ Европѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ были большою рѣдкостью. Надежда на наслѣдство тоже не играла роли, такъ какъ рѣдко оправдывалась. За исключеніемъ нѣсколькихъ колоссальныхъ и прочныхъ состояній, большинство капиталовъ, вложенныхъ въ банкъ, торговлю или спекуляцію, подвергалось такимъ превратностямъ судьбы, что рассчитывать на нихъ было рискованно. Кромѣ того, отецъ семьи имѣлъ право завѣщать состояніе по своему усмотрѣнію, могъ, если хотѣлъ, отдать все одному изъ дѣтей или лишить всѣхъ наслѣдства. Женщина, наконецъ, не боялась остаться старою дѣвой, такъ какъ свобода, которой она продолжала пользоваться, не выходя замужъ, вознаграждала за радости супружеской жизни, соединенныя съ тяжелымъ бременемъ. Если европейская молодая дѣвушка съ выходомъ замужъ какъ бы пріобрѣтала свободу, то американка теряла свою; первая вступала въ свѣтскую жизнь, вторая отказывалась отъ нея. Другія заботы, другія занятія поглощали ее; беззаботное существованіе, полное удовольствій, кончалось, начиналась серьезная жизнь съ ея обязанностями и отвѣтственностью. Насколько жизнь молодой дѣвушки проходила на виду у всѣхъ, настолько послѣ замужства она была уединенна и тиха. Кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ исключеній, когда колоссальное богатство, блестящіе приемы, роскошь, туалеты или высокое положеніе мужа обращало на себя общественное вниманіе, замужняя молодая женщина вела уединенный образъ жизни и только родные и друзья допускались въ святилище, гдѣ совершалось превращеніе веселой и своенравной кокетки въ серьезную и положительную матрону. Изученіе психологіи американской женщины настолько же сложно, насколько психологія дѣвушки проста; кромѣ личныхъ наблюденій, нѣтъ никакихъ источниковъ для ознакомленія. Не ждите отъ американца полупрозрачныхъ намековъ, не деликатныхъ замѣчаній, касающихся интимной жизни, ея разочарованій или радостей. Они нѣмы вслѣдствіе вражденной сдержанности и англо-саксонскаго темперамента.

Нѣмъ и романъ, который обрывается у порога брачной комнаты и заканчивается, когда герой, послѣ ряда перипетій, женится на героинѣ. Если онъ заходитъ далѣе и, по примѣру нашихъ романовъ, пытается изобразить

жизнь вдвоемъ, не вѣрете ему: онъ ненадежный руководитель, тѣмъ болѣе, что почти исключительно находится въ женскихъ рукахъ, которыя стараются изобразить дѣйствующихъ лицъ не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а такими, какими должны быть. Если американскія газеты, печатая отчеты процессовъ о разводахъ и свѣтскіе скандалы, приподнимаютъ немного завѣсу и позволяютъ заглянуть въ частную жизнь, то онѣ говорятъ только о томъ, что всѣмъ извѣстно, и эти нескромныя сообщенія могутъ служить характеристикой такъ же мало, какъ исключеніе правиломъ.

Отсутствіе приданого у невѣсты обязываетъ мужчину имѣть состояніе, которое онъ не всегда можетъ приобрести къ тому возрасту, когда обыкновенно женятся. Начинаящій адвокатъ, докторъ, негоціантъ должны расчетливо вести расходы и строго распределять бюджетъ. Въ Нью-Йоркѣ и другихъ большихъ городахъ жизнь дорогая, и если жители зарабатываютъ много, то и тратятъ много. Квартыры дороги, хорошая прислуга немыслима за умеренную плату; поэтому молодые супруги останавливаются на самой практичной комбинаціи, позволяющей точно высчитать расходы, сообразивъ ихъ съ приходомъ. Они поселяются въ отелѣ. Для этой цѣли приспособлено множество отелей разнаго сорта и на разныя цѣны. Кто знакомъ съ американскими отелями, съ ихъ богатою обстановкой, великолѣпными гостинными, читальнями, Ladies parlors, широкими лѣстницами съ мягкими коврами, обширными столовыми съ роскошною сервировкой, тотъ пойметъ, что живущіе тамъ могутъ пользоваться, за сравнительно скромную плату, комфортомъ миллионера, удобствами и прихотями, которые доступны только богатому человѣку. Такой образъ жизни, несомнѣнно, противорѣчитъ нашимъ вкусамъ и представленію о тихомъ семейномъ счастьѣ; но надо принять во вниманіе разницу идей и обычаевъ. Поселившись на тѣ же средства въ скромной квартирѣ, молодая женщина съ перваго же дня принуждена была бы возиться съ неумѣлою кухаркой, торговаться съ лавочниками, учиться хозяйству, тогда какъ мужъ, возвращаясь со службы, желалъ бы видѣть жену хорошо одѣтою, изящною, веселою, не утомленною и не раздраженною домашними хлопотами и суетой. Отель гарантируетъ все это, избавляя женщину отъ хозяйственныхъ заботъ и грубой работы. Въ отсутствіе мужа жена можетъ заниматься туалетомъ, визитами и своимъ умственнымъ развитіемъ. Отель представляется для молодыхъ супруговъ переходною ступенью къ постоянному мѣстожительству, но иногда этотъ временный образъ жизни продолжается очень долго, и если онъ имѣетъ свои преимущества, то не лишенъ и недостатковъ. Большинство скандаловъ, опубликованныхъ въ газетахъ, зародилось въ отеляхъ.

Праздность—плохая совѣтница, а излишнее упрощеніе обязанностей часто доводитъ до преувеличенія своихъ правъ и злоупотребленія ими. Мужъ цѣлый день отсутствуетъ, обязанностей, наполняющихъ свободныя часы, нѣтъ и молодой женщинѣ приходится выдумывать себѣ занятія или пользоваться представляющимися развлеченіями. Она принимаетъ кого хо-

четь, ѣздить куда вздумается, и многихъ легкомысленныхъ женщинъ бездѣлье и врожденное кокетство довели до гибели. Но еще опаснѣе въ этомъ отношеніи очень распространенные въ Нью-Йоркѣ boarding houses, гдѣ, дешевле чѣмъ въ отеляхъ, поселяются десять, пятнадцать семействъ, располагающихъ болѣе ограниченными средствами. Каждое семейство занимаетъ по одной комнатѣ; обѣдаютъ и время проводятъ все вмѣстѣ въ общихъ залахъ. Кромѣ основной причины—дороговизны жизни въ большихъ городахъ и невозможности нанять порядочную прислугу за умѣренную плату,—тутъ большую роль играетъ страсть американокъ къ роскоши, неразрывно связанной съ respectability. По странному контрасту, насколько потребность роскоши врожденна въ американской женщинѣ, настолько она мало проявляется въ мужчинѣ, равнодушномъ къ внѣшности. Онъ любитъ деньги и напрягаетъ для ихъ приобрѣтенія все силы энергіи, все способности ума, потому что деньги—осязаемая и видимая доказательства успѣха; самъ онъ мало тратитъ и какъ бы велико ни было его богатство, продолжаетъ вести жизнь, полную труда и занятій. За то трудно представить себѣ ту роскошь, которою окружаетъ себя въ своемъ дворцѣ жена богатаго банкира или крупнаго негодіанта, котораго по простотѣ манеръ и часто небрежному костюму можно принять за небогатаго торговца.

«Надо много оригиналовъ, чтобы образовать народъ»,—говоритъ Шамфоръ. И дѣйствительно, много различныхъ факторовъ входитъ въ социальную организацію народа. Анализируя ихъ въ отдѣльности, рискуешь придти къ ошибочнымъ выводамъ, потому что невольно то, что отстаетъ отъ общаго закона, больше привлекаетъ вниманіе, чѣмъ то, что согласуется. Противуположныя намъ идеи поражаютъ насъ умственно больше, чѣмъ одинаковыя, также какъ, физически, фальшивая нота раздражаетъ больше, чѣмъ вѣрная доставляетъ удовольствія. Поэтому большинство путешественниковъ особенно поражалось контрастомъ между собственнымъ представленіемъ о женщинѣ и тою ролью, какую она играетъ въ Америкѣ. Въ поклоненіи женщинѣ по ту сторону Атлантическаго океана одни находили пошлое ухаживаніе, прикрывающее нравственное равнодушіе и врожденную расѣ физическую холодность, другіе видѣли культъ, ни на какомъ дѣйствительномъ превосходствѣ не основанный; все указывали на недостатки кумира: кокетство, любовь къ роскоши, свободныя манеры, слишкомъ шумная веселость, поверхностное знаніе. Доля истины есть въ этихъ обвиненіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, достоинства берутъ верхъ надъ недостатками. Кокетство врожденно въ американской женщинѣ, но оно не исключаетъ серьезныхъ и глубокихъ чувствъ. Любовь къ роскоши, присущая почти всемъ американкамъ, явилась логическимъ, хотя и немного преувеличеннымъ слѣдствіемъ потока богатства, охватившаго весь край; нельзя требовать, чтобы женщины удержали его; ихъ смѣлый оптимизмъ, ихъ вѣра въ будущее могутъ смущать нашъ европейскій пессимизмъ, но они находятъ себѣ оправданіе въ прошломъ. Слишкомъ свободныя манеры—результатъ наслѣдственной независимости и окружающаго ихъ уваженія—не мѣшаютъ имъ быть

разумными женщинами. Избытокъ веселья не вредитъ серьезности ихъ ума и ихъ умственное развитіе стоитъ, если не превосходить, развитія большинства европейскихъ женщинъ.

Значить ли это, что все обстоитъ благополучно и что американскія женщины и дѣвушки олицетворяютъ идеаль, недостижимый въ другихъ странахъ? Конечно, нѣтъ. Онѣ только иныя и мы указали на причины такого явленія. Среда, нравы, обычаи и законы содѣйствовали тому, чтобы ихъ сдѣлать такими, каковы онѣ есть. Въ какой степени эти различные факторы содѣйствовали повышенію или пониженію нравственнаго уровня юной республики въ теченіе одного вѣка? Какіе результаты дало столь отличное отъ нашего пониманіе роли женщины? Эти вопросы задаютъ себѣ въ настоящее время американская печать, взволнованная громкими процессами, скандалами, беспорядочностью и противорѣчіемъ законовъ, касающихся браковъ и разводовъ, и возрастающимъ числомъ проститутокъ. Правильная постановка вопроса на половину разрѣшаетъ его. Несмотря на всю его щекотливость, американцы приступили къ нему съ безстрашною откровенностью. Его стоитъ изслѣдовать; можетъ оказаться не бесполезнымъ отмѣтить, въ какихъ выводахъ они приходятъ и какія рѣшенія предлагаютъ.

В. Р.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Изъ области психіатріи.

I.

Ни одна изъ областей медицины не пользовалась такимъ хроническимъ равнодушіемъ, чтобы не сказать презрѣніемъ, со стороны не только общества, но и врачей, какъ психіатрія. Въ русскихъ университетахъ до 60-хъ годовъ психіатрію или не читалась совершенно, или же къ ней снисходили изрѣдка съ касядрегъ частной патологіи и терапіи. Достаточно сказать, что первая психіатрическая клиника была открыта въ Петербургѣ въ 1859 г., а въ Москвѣ въ 1887 г., въ Харьковѣ же и Кіевѣ и по сіе время никакихъ психіатрическихъ клиникъ не имѣется. Изъ 54 повременныхъ медицинскихъ изданій 1893 года только три посвящены вопросамъ психіатріи и неврологіи; изъ этихъ 3-хъ одинъ журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ, другой—3 раза и третій—2 раза, такъ что въ общемъ даже не составляется и одного ежемѣсячнаго журнала; но нѣтъ у насъ въ Россіи ни одного изданія, посвященнаго исключительно психіатріи. Теперь, если сдѣлать небольшую экскурсію въ область исторіи, то тамъ мы найдемъ нѣкоторыя, не лишеныя интереса свѣдѣнія. Призрѣніе душевно-больныхъ и попеченіе о нихъ лежало съ давнихъ поръ, съ великаго князя Владиміра, на обязанности духовенства и монастырей. Дѣло это шло такимъ образомъ до Петра I, когда впервые русскимъ законодательствомъ высказываются заботы о душевно-больныхъ въ различныхъ указахъ о «татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ», о «цухтаузахъ и гошпиталяхъ», о «свидѣтельствѣ дураковъ въ сенатѣ», о «непосильнѣ сумасбродныхъ и въ умѣ помѣшанныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ, каковыя напредъ сего акибы для исцѣленія посылавались въ монастыри». Спустя два года этотъ указъ былъ отмѣненъ и только чрезъ 23 года онъ снова вошелъ въ силу. Въ 1762 г. вышелъ первый указъ о постройкѣ для безумныхъ особыхъ домовъ, «долгаузовъ», которому, однако, не такъ-то скоро пришлось быть исполненнымъ, такъ какъ въ 1773 г. «безумныхъ» все еще стараются помѣщать въ монастыри и вновь проектируется постройка такихъ «долгаузовъ» въ Петербургѣ,

Москвѣ и Казани. Въ 1775 г. съ учрежденіемъ приказа общественнаго призрѣнія на него возлагается обязанность строить дома для сумасшедшихъ, причемъ въ общихъ чертахъ обрисовывается въ указахъ и характеръ будущихъ построекъ: «домъ просторный и кругомъ крѣпкій, чтобы утечки изъ него учинить не можно было», рекомендуется за большими «крѣпкое и неослабое смотрѣніе», стараніе объ ихъ излеченіи, человѣколюбіе и добросердечіе въ обращеніи. Съ теченіемъ времени гуманный теоретическій взглядъ на призрѣніе душевно-больныхъ терпитъ существенныя измѣненія; вопросъ развивается шире, детали его разрабатываются и на практикѣ уже устраиваютъ для «бѣшенныхъ чуланы», нѣкоторыхъ изъ нихъ приковываютъ къ стѣнѣ цѣпью, «спятъ они на полу», «надсмотрщики наказываютъ ихъ не иначе, какъ малыхъ ребятъ; иногда одного показанія лозы довольно». Передавать дальнѣйшую исторію законодательства въ ея различныхъ перипетіяхъ я не буду; перейду прямо къ недавнему времени, именно къ 1887 г., когда состоялся первый съѣздъ «отечественныхъ психіатровъ». Послушаемъ, что говорилъ тогда г. Пастернацкій: «Минское отдѣленіе душевно-больныхъ я посѣтилъ лѣтомъ прошлаго года. Вмѣсто цѣпей, на полу прикрѣплены ремни съ кожаными браслетами и на нихъ держатся прикрѣпленными къ кровати или прямо къ полу больные, склонные къ буйству... Въ цѣломъ отдѣленіи нѣтъ ни одной ванны... у многихъ больныхъ тѣло покрыто грязью, а у нѣкоторыхъ на рукахъ имѣются язвы и рубцы» (послѣ кожаныхъ браслетовъ). Въ пензенскомъ отдѣленіи «одинъ буйный разбилъ другому голову кирпичомъ, паранюкъ зарѣзался, одинъ слабоумный повѣсился и т. д., и т. д. Въ пермской—«одна ванна на всю больницу», «калья для буйныхъ похожи на коровьи хлѣва», «воды недостаточно». Въ Рязани за послѣднія 10 лѣтъ бывали такіе случаи, какъ «омертвѣніе правой руки и смерть послѣ наложенія смирительной рубашки»; «у больного найденъ переломъ 14 реберъ»; въ Симбирскѣ—«паденіе со 2-го этажа со смертельнымъ исходомъ, двое больныхъ удавилось, одинъ ослѣпленъ, у одного переломлена рука». Изъ 69 губерній въ большинствѣ есть только психіатрическія отдѣленія при больницахъ подъ завѣдываніемъ большею частью не психіатровъ, въ 8 же губерніяхъ нѣтъ и такихъ отдѣленій и только въ 14 существуютъ самостоятельныя психіатрическія лечебницы *)». На томъ же съѣздѣ г. Брянцевъ рассказывалъ о положеніи душевно-больныхъ въ Сибири; онъ видѣлъ: «голыхъ, изувѣченныхъ, связанныхъ, часто посаженныхъ на цѣпь»; «ни одинъ врачъ въ отдѣленіи душевно-больныхъ не былъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ»; «комнаты безъ оконъ, съ подгнившими полами, со страшнымъ зловоніемъ»; «какъ на память, я сохраняю цѣпи, которыя вырубилъ изъ рѣшетчатыхъ кляттокъ, въ которыя помѣщали буйныхъ больныхъ»; «сестра милосердія, вооруженная ужасающимъ ремнемъ» для строптивыхъ больныхъ... Да, все это было въ 1887 г., но вспомните мрачный, таинственный случай на Сабуро-

*) Все это относится къ 1887 г.

вой дачѣ... это было недавно. Мнѣ не разъ приходилось слышать упреки по адресу г. Чехова въ анахронизмъ и шаржъ его *Палаты № 6*, но передъ этими картинками дѣйствительности совсѣмъ блѣднѣетъ кажущійся фантастическимъ чеховскій «пейзажъ».

II.

Если вопросъ о леченіи душевно-больныхъ принадлежитъ исключительно вѣдѣнію психіатровъ, то другой, не менѣе важный вопросъ—о призрѣніи помѣшанныхъ, объ организаціи психіатрическихъ лечебницъ и колоній не долженъ игнорироваться обществомъ. Душевно-больные болѣе чѣмъ всѣ другіе должны пользоваться его участіемъ: они—большою частью жертвы доведенной до высшей степени напряженности борьбы за существованіе, или же—продукты полученной въ наслѣдство распатанности нервной системы, той психо-и невропатической наслѣдственности, являющейся часто въ формѣ неврастеніи,—гличка, которую мы такъ легко даемъ направо и налево, не подозрѣвая, какое глубокое зло коренится въ этомъ терминѣ, такомъ невинномъ. Наши дѣти въ нашей семьѣ, въ нашей школѣ продолжаютъ разрабатывать эту неврастенію, какъ какую-то высшую культуру. Не быть «нервнымъ», какъ говорилось прежде, не быть «неврастеникомъ», какъ говорятъ теперь, значить отстать отъ вѣка. Писано было объ этомъ и много, и хорошо; чтобы не повторяться, замѣчу только, что эти неврастеники часто появляются потомъ въ качествѣ постоянныхъ обитателей психіатрическихъ лечебницъ, что изъ нихъ выходятъ пьяницы, морфинисты, что потомству ихъ суждена печальная роль вырабатывать типы такъ называемыхъ въ психіатріи «*dégénérés*» — типы вырожденія. Если уже дѣло поставлено такимъ образомъ, если мы уже не въ силахъ предупредить дальнѣйшаго развитія этого зла, не можемъ создать здоровой семьи, здоровой школы, сносныхъ соціальныхъ условий, не можемъ подарить нашимъ дѣтямъ здоровое тѣло и здоровую и крѣпкую нервную систему,—должны же мы, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько озаботиться положеніемъ нашихъ же близкихъ, въ несчастіи которыхъ нерѣдко виноваты мы сами. Мало-помалу страхъ и отвращеніе къ психически-больнымъ и психіатрическимъ лечебницамъ разсѣивается; психіатрія развивается съ каждымъ годомъ; представители ея не внушаютъ уже болѣе подозрѣній въ близкомъ сходствѣ со своими пациентами, больные не сидятъ теперь уже на цѣпи въ лечебницахъ, широко проводятся системы «нестѣсненія» и «открытыхъ дверей», стараются, сколько возможно, устранить всякій намекъ на лишеніе свободы; больныхъ заставляютъ работать, имъ устраиваютъ развлечения приглашаютъ общество, разнообразя монотонную жизнь лѣчебницы, изрѣдка внося въ нее свѣжія струи. Чѣмъ ближе будетъ знакомо общество съ психическими больными, тѣмъ болѣе выиграетъ и оно само, научившись видѣть главное зло отъ больного не въ возможности и готовности при всякомъ удобномъ случаѣ совершить насиліе, а въ томъ, что до того, какъ

больной перестать быть членомъ общества, онъ былъ, быть можетъ, отцомъ, оставилъ послѣ себя цѣлое потомство, которое попадетъ въ психіатрическія лѣчебницы; выиграютъ при этомъ и больные, переставъ сознавать себя оторванными непроходимую пропастью отъ того, что за стѣнами лѣчебницы. Кромѣ всего этого, своевременное помѣщеніе заблѣвшаго въ лечебницу, которое откладывается обыкновенно до послѣдней возможности, увеличить въ общемъ процентъ выздоровленія, а въ частности шансы выздоровѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Въ русской литературѣ психіатріи въ послѣднее время можно отмѣтить два явленія отраднато свойства: во-первыхъ, изъ тѣсно замкнутого круга специальности, недоступной совершенно публикѣ, психіатрія старается идти на встрѣчу требованіямъ общества, количество популярныхъ журнальныхъ статей, брошюръ, книгъ, посвященныхъ тому или другому спеціальному вопросу, увеличивается съ каждымъ годомъ, читаются охотно посѣщаемыя лекціи, а, во-вторыхъ, сказывается очевидное стремленіе создать свою «русскую» психіатрію, не довольствуясь переводами, хотя бы и классическихъ иностранныхъ авторовъ. Такъ, въ началѣ текущаго года вышелъ прекрасный трудъ проф. Корсакова. Въ настоящемъ обзорѣ я постараюсь, насколько возможно въ предѣлахъ журнальной статьи, познакомить читателей съ тѣми вопросами, которые затрогиваетъ проф. Корсаковъ.

Большой недостатокъ въ книгѣ автора — отсутствіе предисловія, а оно очень необходимо не только въ качествѣ «увертюры», выясняющей взгляды и намѣренія автора, сколько въ качествѣ «оправдательнаго документа». Наша психіатрія, какъ и многое другое, выросла на иноземной почвѣ; до сихъ поръ наши «корни» большею частью въ Германіи; наши взгляды воспитаны большею частью германскими учеными. Между тѣмъ, ни въ одной отрасли медицинскихъ наукъ индивидуализація не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ въ психіатріи. Если при леченіи физически-больного хорошій, дѣльный врачъ не долженъ ограничиваться готовымъ шаблономъ, то тѣмъ болѣе настоятельная надобность индивидуализированія въ самыхъ широкихъ границахъ ощущается при леченіи большихъ психическихъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ точный діагнозъ можетъ быть поставленъ психіатромъ при первомъ знакомствѣ съ больнымъ; обыкновенно же приходится много и упорно наблюдать, прежде чѣмъ въ представленіи сложится убѣжденіе о причастности даннаго случая къ тому или другому типу болѣзни. Приходится принимать во вниманіе предъидущій умственный и нравственный обликъ больного, проявленіе его «я» въ его прошломъ, всѣ условія его предъидущей жизни съ самыхъ пеленокъ; не ограничиваясь этимъ, добираться выше, до болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ, отыскивая слѣдовъ наслѣдственности, играющей такую важную роль въ психіатріи. Но каждый индивидуумъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ, есть произведеніе не только его семьи, но и страны, ея историческаго прошлаго. Особенности національнаго характера должны сказываться на умственной дѣятельности не только въ здоровомъ состояніи, но и въ патологическомъ. Народъ, поль-

зававшійся иными, лучшими условіями своего развитія въ зависимости отъ климатическихъ, этнографическихъ, историческихъ, социальныхъ причинъ, даетъ иныя формы національнаго характера,— другой умственный обликъ будетъ представлять индивидуумъ изъ народа забытаго, цѣлые вѣка прожившаго въ рабствѣ; то же будетъ имѣть значеніе и въ проявленіяхъ болѣзненно разстроенной души. У негровъ развивается иногда какая-то «нона», у сибиряковъ—«меряченье», наши истерички называются въ народѣ «кликушами»; часто дѣло не въ разницѣ названій, а въ глубокой разницѣ характерныхъ проявленій того или другого болѣзненнаго состоянія. И такъ, съ этой точки зрѣнія должно признать и «русскую психопатію», и «русскую психіатрію». Иностранннй курсъ, какъ бы ни былъ онъ хорошъ самъ по себѣ, какіе бы широкіе взгляды не проводились въ немъ, далеко не можетъ быть поставленъ въ этомъ отношеніи на ряду съ самостоятельнымъ руководствомъ, результатомъ личной опытности, личныхъ наблюденій надъ особенностями національнаго характера. Въ виду этихъ общихъ соображеній, я и привѣтствую *Курсъ психіатріи* проф. Борсакова, какъ первый опытъ въ этомъ направленіи. Широко задуманный строго-систематично приведенный въ исполненіе планъ, полное отсутствіе всякой банальности и шаблонности, пересказа избитыхъ общихъ мѣстъ, взвинченныхъ фразъ, всякой символистски и подражаній французскимъ или нѣмецкимъ образцамъ, при этомъ простое, спокойное изложеніе,— все это рѣзко отличаетъ *Курсъ* проф. Борсакова.

Въ качествѣ подготовительной части, въ началѣ помѣщены элементарныя свѣдѣнія по психологіи. Несмотря на «элементарность» ихъ, они вполне достаточны для уясненія различныхъ разстройствъ психической дѣятельности. Въ изложеніи общихъ началъ психопатологіи читатель найдетъ прерасно разработанные типы различныхъ психопатическихъ состояній: меланхолическаго, маниакальнаго, состоянія спутанности, помѣшательства, слабоумія, психической неуравновѣшенности. Всѣ элементарныя разстройства душевной дѣятельности авторъ дѣлитъ на разстройства интеллектуальной сферы, количественныя и качественныя, разстройства сознанія, разстройства въ сферѣ душевныхъ чувствъ и въ сферѣ воли. Каждый изъ этихъ отдѣловъ обстоятельно развитъ. Можно было бы возразить нѣчто по поводу группировки нѣкоторыхъ деталей, но здѣсь это неумѣстно, да и не представляется особенно существеннымъ.

Интеллектуальная дѣятельность въ различныхъ душевныхъ разстройствахъ можетъ быть патологически повышена, возбуждена и понижена, сведена до *minimum'a*. Количество идей можетъ варьировать въ самыхъ широкихъ границахъ, завися, съ одной стороны, какъ отъ состоянія запаса этихъ идей, такъ и отъ состоянія сознанія, отъ количества воспріятій также различны и степени интензивности тѣхъ или другихъ идей и представленій, быстрота ихъ смѣны, ихъ сочетаній. Качественныя разстройства интеллекта также могутъ принять различную окраску; къ нимъ причисляются разстройства воспріятій въ зависимости отъ состоянія вниманія и образованія ощущеній, обманы чувствъ (галлюцинаціи и иллюзіи), ложныя

бредовыя идеи, навязчивыя идеи. Разстройства сознанія могутъ обнимать или всю эту область интеллекта, или же только часть ея. Болѣзненные проявленія въ сферѣ душевныхъ чувствъ сказываются или повышеиіемъ душевной чувствительности, или понижеиіемъ ея; подобнымъ же колебаніямъ подвержено и нравственное чувство. Отсюда возникаютъ различныя состоянія настроенія, наклонности къ душевнымъ движеніямъ, аффекты тоски, ужаса, гнѣва и т. д. Въ сферѣ разстройствъ воли авторъ отмѣчаетъ разстройства вниманія, мотиваціи поступковъ, влеченій, хотѣній, вѣшнихъ двигательныхъ проявленій, мимики, рѣчи, письма. Столь же обстоятельно разобраны и физическія (соматическія) разстройства при душевныхъ болѣзняхъ. Въ главѣ «неправильности физическаго развитія у душевно-больныхъ» подробно изложены всѣ признаки пороковъ развитія, такъ называемые «стигматы дегенераціи». Эти особенности развитія организма «хотя и не составляютъ, — говоритъ авторъ, — симптомовъ душевнаго заболѣванія, но имѣютъ очень большое значеніе для діагностики»; при наличности ихъ, мы можемъ судить о недостаточности развитія организма вообще и, слѣдовательно, о недостаточности или неправильности развитія и органа психической дѣятельности. «Но, — прибавляетъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи этой главы, — ученіе о физическихъ признакахъ дегенераціи еще очень мало разработано... какъ и вообще ученіе о дегенераціи. Не установленъ даже тотъ фактъ, дѣйствительно ли эти признаки чаще у людей помѣшанныхъ, чѣмъ у лицъ психически-здоровыхъ. Только по отношенію къ идиотизму этотъ фактъ можно считать прочно установленнымъ... Во всякомъ случаѣ, нужно помнить, что врядъ ли есть хоть одинъ человѣкъ, у котораго при тщательномъ изслѣдованіи нельзя было бы найти одного изъ признаковъ неправильнаго развитія. Поэтому присутствіе у больного одного или двухъ такихъ признаковъ, особенно не принадлежащихъ къ категоріи важныхъ, вовсе не служитъ доказательствомъ дегенераціи даннаго индивидуума. Для заключенія о дегенераціи нужно констатировать нѣсколько физическихъ признаковъ вырожденія и на ряду съ этимъ — психическихъ признаковъ, характеристичныхъ для вырождающихся». Приводя такую длинную цитату и нѣсколько дальѣе останавливаясь на этомъ пунктѣ, я имѣю въ виду какъ господствующее направленіе криминальной антропологии, такъ и не малое количество расплодившихся съ легкой руки итальянскихъ авторовъ работъ о признакахъ вырожденія среди различныхъ лицъ: преступниковъ, проституттокъ и т. п. Прежде всего, исходная точка этихъ увлеченій далеко не имѣетъ за собою крѣпкой основы. Терминъ «преступленіе» не можетъ, во всякомъ случаѣ, считаться неизменно установленнымъ: такъ, если подъ нимъ понимаемъ «проявленіе злой воли», то далеко не во всѣхъ случаяхъ преступленія возможно доказать наличность этой подкладки; если же преступленіе есть то, за что наказываютъ, то въ одной странѣ наказывается то, что въ другой заслуживаетъ всеобщаго одобренія, въ одной странѣ мы будемъ от скивать признаки вырожденія у такихъ лицъ, которыя за рубежомъ ея рагуливаютъ по улицамъ въ качествѣ ничѣмъ не стѣсняемыхъ гражданъ,

у которыхъ никому и въ голову не придетъ измѣрять черепа, искать пороковъ развитія и т. п. Тѣ же самыя соображенія относятся и къ проституціи, такъ какъ не всякая проститутка—порочная женщина и не всякая «матрона» съ безупречною репутаціей недоступности стоитъ выше нравственно самой заурядной проститутки,—подводить все къ одному знаменателю нельзя.

Въ слѣдующей за тѣмъ главѣ—«теченіе душевныхъ разстройствъ и исходъ ихъ»—проф. Корсаковъ предлагаетъ пользоваться, насколько то возможно, графическимъ методомъ для записыванія наблюдений. Методъ и очень простой, и можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать очень серьезныя услуги. Исходъ въ выздоровленіе, по автору, наблюдаются приблизительно въ 30%—40%, всѣхъ случаевъ душевныхъ заболѣваній, причемъ для нѣкоторыхъ формъ процентъ этотъ повышается до 80%—90%, а для нѣкоторыхъ падаетъ до 0. Смертность равна приблизительно 10% въ хорошо устроенныхъ заведеніяхъ, въ переполненныхъ же она повышается до 30% и болѣе. Частота и скорбуть составляютъ самыя частыя осложненія въ переполненныхъ больными заведеніяхъ для душевно-больныхъ.

Система классификаціи душевныхъ больныхъ,—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ современной психіатріи,—предложенная авторомъ, очень проста и стройна. Входить, однако, въ спеціальныя разборы ея неумѣстно. Такое же больное мѣсто—патологическая анатомія. «При вскрытіи лицъ, умершихъ отъ душевныхъ болѣзней, мы часто не находимъ никакихъ измѣненій въ тѣхъ органахъ, въ которыхъ должны ожидать этихъ измѣненій, т.-е. въ головномъ мозгу»,—ничего специфическаго, долженствующаго непременно обуславливать душевную болѣзнь. И, наоборотъ, бывають такіе случаи, гдѣ при вскрытіи находятъ серьезныя измѣненія, причемъ при жизни не наблюдалось никакихъ нарушеній со стороны душевной или нервной дѣятельности. Въ концѣ главы авторъ указываетъ на важность и возможность иного пути—химическихъ изслѣдованій головного мозга. Правда, изысканія въ этомъ отношеніи не дали, благодаря почти непреодолимой трудности такого изслѣдованія, никакихъ ощутительныхъ результатовъ, но апріористическое предположеніе объ измѣненіи химизма мозга при душевныхъ заболѣваніяхъ, въ формѣ ли развитія новыхъ, чуждыхъ организму химическихъ продуктовъ, ядовъ (токсиновъ), продуктовъ неполнаго или задержаннаго метаморфоза, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, уже во второй части своего труда, авторъ, разбирая симптомы остро развивающагося безсмыслія, говоритъ: «Общее распространеніе пораженія чрезвычайно гармонируетъ съ представленіемъ о вліяніи яда (токсина). Правда, натура и условія развитія этого токсина неизвѣстны намъ, но, тѣмъ не менѣе, предположеніе о зависимости остраго безсмыслія отъ вліянія яда очень вѣроятно». На тѣ же размышленія наводитъ и измѣчаемая въ послѣднее время связь психическихъ болѣзней и нѣкоторыхъ заразныхъ, «инфекціонныхъ»; описываются психозы послѣ холеры, послѣ тифа, послѣ инфлуэнцы; я лично наблюдалъ довольно тяжелое заболѣваніе

въ формѣ «остраго безсмыслія» послѣ крупознаго воспаления легкихъ. Конечно, надо быть въ высшей степени осторожнымъ при оцѣнкѣ значенія такихъ явленій, такъ какъ далеко не всегда *post hoc ergo propter hoc*, но нельзя же и безапелляціонно отмахиваться руками, называть эти наблюденія ничего не доказывающими и закрывать тѣмъ дорогу къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи. «Законы явленій,—сказалъ Вундтъ,—никогда не бываютъ въ природѣ такъ открыты, что стѣбитъ только протянуть руку, чтобы схватить ихъ. Ихъ нужно искать долгими, окольными путями, заключая о нихъ по общей связи явленій». При допущеніи той гипотезы, которую развиваетъ проф. Корсаковъ, особенно заманчивая перспектива открывается предъ психіатрами. «А если это такъ,—продолжаетъ онъ,—то какое широкое поле открывается какъ для изслѣдованія, такъ и для предположенія о врачебныхъ мѣрахъ! Если болѣзнь обуславливается токсинномъ, ядомъ, то, можетъ быть, есть и противоядіе... Можетъ быть, если не намъ, то слѣдующему поколѣнію удастся найти его и останавливать въ самомъ началѣ самую частую форму остраго умопомѣшательства». Не слѣдуетъ, однако, забывать и стараго пути: «нѣтъ никакого сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ мы имѣемъ въ основѣ какую-нибудь врожденную или приобретенную недостаточность (можетъ быть, чрезвычайно тонкую) въ анатомическомъ развитіи самыхъ нервныхъ элементовъ мозга..., чѣмъ можно объяснить психическія аномаліи».

Въ качествѣ причинъ, которыя дѣлятся на предрасполагающія и производящія, авторъ указываетъ: вліяніе цивилизаціи, дѣйствующее въ двухъ направленіяхъ—большой запросъ на интеллектуальную дѣятельность, вредное вліяніе большихъ городовъ, переутомленіе мозга, безсонныя ночи, всякія злоупотребленія и т. п. — съ одной стороны, и развитіе гуманныхъ принциповъ, благодаря которымъ «значительное количество людей мало приспособленныхъ «неудачниковъ», слабыхъ—не погибаютъ и не сходятъ съ жизненной арены, а остаются жить и могутъ давать потомство», предрасположенное къ душевнымъ заболѣваніямъ—съ другой. Вліяніе національности изучено сравнительно еще мало; однако, замѣчено, что дегенеративныя формы чаще встрѣчаются въ Бельгіи и Франціи, чѣмъ у насъ. Затѣмъ въ качествѣ причинъ предрасполагающихъ указываются: религіозныя суевѣрія, фанатизмъ, политическія вліянія, переходныя эпохи въ исторической судьбѣ народовъ, климатическія, метеорологическія условія, вліяніе пола, возраста, семейнаго и соціальнаго положенія, образа жизни, занятій, наслѣдственности, воспитанія, индивидуальныхъ свойствъ характера, а въ качествѣ причинъ производящихъ — моральныя потрясенія, тюремное заключеніе, вліяніе примѣра, всякихъ злоупотребленій, поврежденій, болѣзней нервной системы, различныхъ соматическихъ болѣзней, хирургическихъ операцій, травмъ и проч., и проч. Изъ этого, далеко не детальнаго, перечня видно, какою основательною эрудиціей долженъ обладать хорошій психіатръ только для того, чтобъ имѣть возможность оцѣнить значеніе каждаго изъ этихъ факторовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Еще больші

трудности представляются при постановкѣ діагноза. Часто первое посѣщеніе больного психіатромъ обставлено бываетъ большими затрудненіями, обойти которыя требуется съ большимъ тактомъ. Проф. Корсаковъ возстаетъ противъ принятаго нерѣдко обычая обманывать больныхъ и выдавать врача за «адвоката, торговца, полицейскаго» и т. п. Вслѣдствіе такого метода, теряется самое главное: «довѣріе больного къ врачу». Такой же тактъ, такое же умѣнье обходиться съ больнымъ требуются и при леченіи ихъ. «Разговаривая съ больнымъ, слѣдуетъ быть очень внимательнымъ къ своимъ словамъ»; не нужно быть назойливымъ и приторно слащавымъ. Для собиранія анамнеза и описанія настоящаго состоянія больного авторъ предлагаетъ подробный, строго выдержанный планъ. Вообще «распознаваніе болѣзни можетъ представить большія трудности, такъ какъ существуетъ масса переходныхъ ступеней между психическимъ здоровьемъ и болѣзнями». Особенно важно для психіатра «выяснить значеніе патологическаго элемента въ личности больного». Опредѣленіе притворства представляетъ иной разъ чрезвычайныя трудности, такъ какъ легко впасть въ ошибку какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. «Я замѣчалъ,—пишетъ проф. Корсаковъ,—что душевно-больные изъ театральнаго міра часто поражаютъ утрировкой своего болѣзненнаго состоянія и могутъ подать поводъ думать о симуляціи, когда ея вовсе нѣтъ».

Предсказаніе «много зависитъ отъ времени, когда начато леченіе». Оказывается, что изъ поступившихъ въ больницу въ первый мѣсяцъ заболѣванія выздоравливаетъ около 80%, а изъ поступившихъ во второй и третій — уже гораздо менѣе; кромѣ того, предсказаніе зависитъ отъ возраста, отъ пола (женщины выздоравливаютъ чаще мужчинъ), отъ производящихъ причинъ, отъ наслѣдственности и проч.

Особенно интересной и важной не только для спеціалиста, но и для непосвященнаго представляется глава: «общая терапія душевныхъ болѣзней». Большое зло видитъ авторъ въ принципахъ воспитанія и образованія. Съ одной стороны, масса свѣдѣній, которую долженъ усвоить мозгъ ребенка, съ другой—«избалованность, отсутствіе твердыхъ принциповъ долга, сознанія обязанности трудиться, отсутствіе самообладанія и способности управлять своими влеченіями и вниманіемъ, отсутствіе чувства удовольствія отъ труда и отъ принесенія пользы и удовольствія другимъ людямъ». Въ возможности обойти эту Сциллу и Харибду лежитъ залогъ психическаго здоровья подросткающаго поколѣнія. Въ этомъ заключаются предупреждающія мѣры на ряду съ другими: съ устраненіемъ излпшествъ всякаго рода, переутомленій, предупрежденіемъ развитія общихъ болѣзней: вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, пропагандой здравыхъ понятій гигиенъ и проч. Леченіе уже наступившей душевной болѣзни въ общемъ основывается на устраненіи психическихъ условій, поддерживающихъ болѣзнь: удаленіе больного изъ обычной его обстановки, доставленіе ему возможнаго покоя, вдали отъ неумѣлаго и часто вреднаго участія родственниковъ. Въ этомъ отношеніи очень важно проводить въ обществѣ здравы

взгляды и понятія о психіатрическихъ лечебницахъ не какъ о тюрьмахъ, а какъ о медицинскомъ средствѣ. Что касается психическихъ болѣзней, то не слѣдуетъ смотрѣть на нихъ, какъ на несмыслаемое пятно стыда и позора, а какъ на несчастье, которому надо умѣть помочь. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ указываетъ, какіе больные нуждаются въ спеціальному леченіи въ лечебницахъ, какіе могутъ быть оставлены дома, какъ должно обставить переѣздъ больного въ лечебницу, какъ обращаться съ душевно-больными. Всякія хитрости вредны; по отношенію къ бреду должно держаться осторожно: не надо потакать въ этомъ отношеніи, но не слѣдуетъ и разубѣждать, вступать въ споры, когда это раздражаетъ больного. «Одна больная,—передаетъ авторъ,—увѣряла, что у нея въ животѣ змѣя. Послѣ долгихъ увѣреній ей сказали, что змѣю эту вынуть; устроили подобіе операціи, сдѣлали надрѣзъ живота и затѣмъ, показавъ больной змѣю, заранѣе приготовленную, объявили, что она можетъ теперь успокоиться, такъ какъ змѣю вынули. Но больная, посмотрѣвъ на змѣю, не успокоилась, а еще болѣе взволновалась: ей пришло въ голову, что это самка и въ животѣ остались ея дѣтеныши». Такого рода факты доказываютъ, что эти хитрыя выдумки скорѣе всего «способствуютъ поддержанію бреда». Дальнѣйшія задачи леченія сводятся къ заботамъ о настроеніи больныхъ, къ устройству игръ, чтеніи, прогулокъ, музыкальныхъ вечеровъ, домашнихъ спектаклей, организаціи занятій земледѣіемъ, фермой, садоводствомъ, ремеслами. Назначеніе лечебницы не только лечить, но и поставить больныхъ «въ условія, въ которыхъ они наиболѣе безопасны для себя и окружающихъ», предоставляя имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибольшее количество свободы. Однако, какъ бы ни была хорошо устроена психіатрическая лечебница, всякіе несчастные случаи въ видѣ насилій со стороны больныхъ какъ надъ собою, такъ и надъ окружающими все же возможны. Въ недавно изданной прекрасной монографіи г. Бѣлякова *О самоубійствѣ и несчастныхъ случаяхъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ* приводится довольно подробная и безпристрастная скорбная лѣтопись этихъ прокляствій. «Сами больные,—говоритъ г. Бѣляковъ,—носятъ извѣстную опасность для себя и для окружающихъ», а потому «самый бдительный надзоръ не въ состояніи никогда предусмотрѣть всевозможные планы душевно-больныхъ, направленные къ самоубійству». Обстановка всѣхъ этихъ несчастій носить «такое разнообразіе, что далеко не всегда возможно предупредить всѣ многочисленныя, иногда совершенно неуловимыя и заранѣе неустранимыя случайности». Вслѣдствіе этого никакъ нельзя ставить въ вину безъ дальнѣйшихъ сужденій порядкамъ заведенія случаи самоубійства; точно такъ же какъ отсутствіе такихъ несчастій, во всякомъ случаѣ, не значитъ, что «въ иномъ заведеніи установлена идеальная внутренняя организація всего ста душевно-больныхъ». Тѣмъ не менѣе, однако, правильно примѣняемый надзоръ, умѣлый уходъ хорошо подобранной и вполне добросовѣстной прислуги можетъ значительно уменьшить число этихъ несчастій. Дѣло только въ томъ, что хорошей прислуги нѣтъ, да она и не пойдетъ на то ничтож-

ное вознаграждение, какое даетъ большинство лечебницъ. Психіатрами не разъ высказывались жалобы въ этомъ отношеніи и указывалась настоятельная надобность создать спеціальныя школы, которыя могли бы готовить для лечебницъ умѣлыхъ и знающихъ людей.

Въ послѣдующемъ изложеніи *Курса* проф. Корсакова идетъ рѣчь о принципѣ попеченія о душевно-больныхъ, о судебно-медицинской экспертизѣ. Въ этой главѣ приведены очень интересныя цифры: на 100,000 населенія въ 1889 году призрѣвалось: въ Россіи—12 человекъ, въ Германіи—108, въ Швейцаріи—171. Переходя затѣмъ къ отношеніямъ къ душевно-больнымъ государства и законодательства, проф. Корсаковъ впадаетъ въ нѣкоторыя неважныя неточности спеціальнаго свойства, на которыя я уже имѣлъ случай указать на страницахъ *Медицинскаго Обозрѣнія*. Вообще та отрасль психіатріи, которую можно назвать судебно-медицинской, также какъ и статьи русскаго законодательства, опредѣляющія какъ правовыя отношенія душевно-больныхъ, такъ и отвѣтственность ихъ въ случаѣ совершенія ими преступленія,—страдаютъ слишкомъ большою неопредѣленностью, допускающею самыя противурѣчивыя толкованія, а послѣднія, кромѣ того, отсталостью сравнительно съ успѣхами психіатріи. Жалобы психіатровъ на этотъ анахронизмъ раздаются уже давно. Оставивъ на время *Курсъ* проф. Корсакова, я позволю себѣ упомянуть, что всего болѣе здѣсь у мѣста, о двухъ брошюрахъ д-ра Боткина, вышедшихъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; одна изъ нихъ: *Нравственное помѣшательство въ судебно-медицинскомъ отношеніи*, другая — *Особенности гражданской психіатрической экспертизы*. Ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ возникло приблизительно въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія. До сихъ поръ, однако, этотъ отдѣлъ психіатріи очень слабо формулированъ, плохо изученъ и представляется однимъ изъ труднѣйшихъ какъ по самому существу своему, такъ въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наука изъ области теоретическихъ разсужденій должна переселяться на практическую почву, будь то вопросъ о леченіи и призрѣніи «нравственно-помѣшанныхъ», или же, что особенно важно, вопросъ объ ихъ отвѣтственности. Нигдѣ медицинская экспертиза не выслушивала столько упрековъ въ неопредѣленности, противорѣчій, какъ именно въ вопросахъ о нравственномъ помѣшательствѣ. Сущность этого щекотливаго психоза сказывается «тупостью или совершеннымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства; нравственно-помѣшанный не знаетъ ни любви, ни жалости, ни состраданія». Такими отрицательными признаками характеризуетъ современная психіатрія этого рода больныхъ. Но развѣ мало людей, не имѣющихъ никакого понятія о любви, о состраданіи, о жалости, въ самомъ широкомъ смыслѣ тѣхъ чувствованій, которыя обозначаются этими словами? Неужели все это нравственно-помѣшанные? Что такое тотъ «средній», «нормальный» человекъ, который обладаетъ всѣми этими чувствованіями въ должной мѣрѣ, ни больше, ни меньше, какъ разъ настолько, чтобы не поразять «среднихъ» людей своими странностями и неумѣстными вопросами по поводу различныхъ проявленій душевной жизни человѣчества, въ мукахъ

рѣшеній которыхъ онъ изнываетъ? Почему уровень понятій этого «нормальнаго» человѣка, безличнаго и безстрастнаго, долженъ быть нормой, мѣркой, закономъ? И, наконецъ, разъ эта «норма» можетъ измѣняться въ зависимости отъ вѣшнихъ причинъ, то почему же и на какомъ основаніи всякое реформаторство, въ смыслѣ указанія новыхъ путей, всякій крупный шагъ впередъ встрѣчаются такимъ протестомъ «средняго» человѣка? Какъ разъ такіе вопросы затрогиваетъ ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ, не въ узкомъ, банальномъ только смыслѣ. Само собою разумѣется, что такіа наклонности, какъ убійство, развратъ, предательство, клевета, шпіонство, шантажъ, неразборчивость въ средствахъ при преслѣдованіи узкихъ, эгоистическихъ цѣлей и т. п., никогда и ни съ чьей стороны не могутъ пользоваться симпатіями и во всѣ времена не назывались добродѣтелями, также какъ и «особь», владѣющихъ такими «качествами», никогда, кажется, не причисляли къ лику людей идеальныхъ, но дѣло, вѣдь, не въ этихъ заурядныхъ «особенностяхъ характера», а въ томъ, что съ точки зрѣнія «нормальнаго» человѣка и Саванаролла, и Тассо, и Руссо, и Шопенгауэръ—«дегенеранты», да и «геніевъ» вообще нѣкоторые психіатры заподозриваютъ въ близкомъ родствѣ съ самыми заурядными завсегдатаями психіатрическихъ лечебницъ. Дадѣе, послушайте, что говоритъ Кюллеръ (какъ проводится въ брошюрѣ д-ра Боткина): «При увѣренности, настойчивости, фанатизмѣ, отсутствіи совѣстливости и ограниченности ума, характеризующихъ этихъ людей, нѣтъ такого препятствія, которое они, въ концѣ-концовъ, не могли бы побѣдить. Высказывая эти мнѣнія, мы, въ сущности, лишь резюмируемъ исторію не одного знаменитаго реформатора»; и потомъ: «Съ того дня, какъ не будетъ полупомѣшанныхъ, міръ цивилизаціи погибнетъ не отъ избытка мудрости, а отъ избытка посредственности». Гдѣ же тутъ истина? Гдѣ кончается «нормальный» человѣкъ и начинается «дегенерантъ»-психопатъ? Который изъ нихъ лучше? Кого судить? Д-ръ Боткинъ въ своей брошюрѣ указываетъ, что даже такой крупный авторитетъ въ психіатріи, какъ Крафтъ-Эбингъ, характеризуетъ нравственное помѣшательство очень туманными чертами. Еще неопредѣленнѣе стоитъ вопросъ объ отвѣтственности такихъ помѣшанныхъ, «порочныхъ дегенерантовъ»; сплошь и рядомъ они «ставятъ» какъ экспертовъ, такъ и судъ въ безвыходное положеніе. Изъ этого неприятнаго положенія д-ръ Боткинъ старается выйти помощью слѣдующихъ разсужденій: «не всякое сумасшествіе обуславливаетъ невмѣняемость»; «критерій для этого долженъ быть психологическій»; «условія вмѣненія: *libertas iudicii* и *libertas consilii*». Едва ли, однако, такое предѣленіе можетъ хоть сколько-нибудь помочь въ такомъ трудномъ дѣлѣ. Въ зстомъ случаѣ (въ примѣрѣ, приводимомъ авторомъ) понадобились, однако, не и другія условія: физическіе признаки вырожденія, аномаліи черепно-мозговыхъ отправленій, аномаліи въ сферѣ чувствительности, движенія, чувственныя, сосудо-двигательныя, —однимъ словомъ, «органическія основанія», и все это только для того, чтобы защитниками нравственнаго помѣшательства данный субъектъ могъ быть признанъ «нравственно-помѣшаннымъ»

но авторъ, «памятуя свойство 95 ст. дѣйствующаго уложенія» и считая своего кліента «выше нормы», называетъ его дегенерантомъ, такъ какъ послѣдній терминъ не влечетъ за собою невмѣненія. Правъ ли былъ авторъ, сказать трудно; во всякомъ случаѣ, поступаться теоріей въ пользу практическихъ примѣненій не въ принципахъ науки,—это разъ, а другое—замѣнять одинъ эпитетъ другимъ, такимъ же безразличнымъ по существу, не представляетъ никакихъ выгодъ. Суду не важно знать, что такое данный субъектъ, нравственно-помѣшанный или дегенерантъ; если ему и нуженъ какой-либо изъ этихъ эпитетовъ, то, конечно, не въ клиническихъ цѣляхъ, не для того, чтобъ написать названіе его болѣзни на дощечкѣ его койки въ психіатрической лечебницѣ, а для того, чтобы знать, вмѣняемъ онъ или нѣтъ. Слѣдовательно, или приходится передѣлывать ст. 95, чтобы психіатры могли говорить свободно то, что полагается по наукѣ, не «памятуя» постороннихъ обстоятельствъ, или же совершенно выкинуть терминъ «нравственное помѣшательство» и замѣнить его, какъ предлагаетъ д-ръ Боткинъ, «дегенерацией»; тогда всѣ условія вмѣненія налицо, о «помѣшательствѣ» благоразумно умалчивается, порокъ наказывается, и «дегенеранты» каждый получить «по дѣломъ его». Но вопросъ въ томъ: виноватъ ли этотъ «дегенерантъ» въ своей «дегенерации»? При такой манерѣ обходиться съ вопросами, послѣдніе будутъ рѣшаться очень легко, просто и свободно, но методъ этотъ по меньшей мѣрѣ *не наученъ*. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатель познакомятся съ еще болѣе упрощенными методами, до которыхъ дошли «мужи» науки при столкновеніи съ практической стороной разныхъ жгучихъ вопросовъ.

Другая брошюра д-ра Боткина старается доказать, что гражданская психіатрическая экспертиза представляетъ иной разъ значительно большія трудности, чѣмъ уголовная. Если въ уголовномъ судѣ экспертъ можетъ употреблять разныя неопредѣленныя выраженія, вродѣ «невропатъ», «психопатъ», «дегенерантъ», въ надеждѣ, что судъ, снисходя къ изобрѣтательности эксперта, «уважить это утвержденіе» и отнесетъ таковое туманное состояніе подсудимаго «къ смягчающимъ обстоятельствамъ», то гражданскій судъ не позволитъ развить эту изобрѣтательность; онъ требуетъ категорическаго отвѣта: «сумасшедшій, либо нѣтъ?» Однако, и тутъ между двумя полюсами «сумасшедшій и здоровый» существуетъ переходная ступень и, кромѣ того, у сумасшедшаго, патентованнаго всѣми авторитетами психіатріи, могутъ быть такіе періоды, когда онъ рассуждаетъ совершенно здраво,—это такъ называемые «свѣтлые промежутки». Какъ относиться къ нимъ? Если держаться буквы закона, то въ теченіе этихъ періодовъ «сумасшедшій», оставаясь «сумасшедшимъ», невмѣняемъ. «Но это—издѣвательство надъ закономъ его поруганье!»—воскликаетъ д-ръ Боткинъ, что совершенно справедливо. Но кромѣ этого неудобства толкованія только буквы закона, при этомъ въ плывають и соображенія иного свойства. Во-первыхъ, существуютъ нѣкоторыя формы душевныхъ болѣзней, гдѣ фатальный конецъ, въ смыслѣ полной утраты умственныхъ способностей, также неизбеженъ, какъ міровы законы, гдѣ, однако же, бывають «свѣтлые промежутки» неопредѣленно!

продолжительности. «Беззаконно и негуманно,—говорить д-ръ Боткинъ по этому поводу,—лишать человѣка правъ за то только, что онъ скоро сойдетъ съ ума». Но, вѣдь, болѣзнь даже въ этихъ свѣтлыхъ промежуткахъ оставила послѣ себя какіе-нибудь слѣды, слѣдовательно, въ примѣненіи тѣхъ и другихъ статей закона встрѣчается значительное препятствіе. Признать ли такого субъекта больнымъ и тѣмъ лишать его правоспособности? «Очевидно, что положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ приведетъ къ нелѣпостямъ,—говоритъ д-ръ Боткинъ.—Тогда придется признать неправопособными всѣхъ нейрастениковъ, огромное большинство страдающихъ хроническимъ катарромъ желудка и т. д., потому что эти болѣзни часто измѣняютъ характеръ людей до неузнаваемости». Но на это слѣдуетъ возразить, что «характеръ» и «умственные способности» не синонимы, и подставлять одно слово другимъ неудобно. «Только извѣстная величина и совокупность этихъ измѣненій, ставящихъ человѣка ниже *не прежняго его состоянія*, которое можетъ быть и неизвѣстно эксперту, а ниже *нормальной* человѣка, могутъ обуславливать его неправопособность». Опять эта фикція «нормальный человѣкъ»! Предположимъ даже, что опредѣлить эту норму въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не будетъ стоять никакого труда, что она «дана», какъ говорятъ математики, чего, однако, въ дѣйствительности допустить невозможно; предположимъ далѣе, что извѣстный конкретный случай ясно «ниже нормы», спрашивается теперь, на какихъ основаніяхъ экспертъ будетъ заключать, что это *пониженіе* обусловлено *именно* предшествовавшимъ болѣзненнымъ состояніемъ, а не другими, вѣ его лежащими, причинами, которыя, какъ предполагаетъ д-ръ Боткинъ, эксперту могутъ быть и неизвѣстны? Очевидно, мы опять пришли въ уголъ, откуда нѣтъ выхода. Все это потому, что экспертизѣ приходится понижать свои заключенія до уровня статей закона, значительно отставшихъ отъ современныхъ ученій психіатріи.

Я снова долженъ возвратиться къ *Курсу психіатріи* проф. Корсакова, чтобы сказать еще нѣсколько словъ. 2-я часть его заключаетъ описанія различныхъ формъ душевныхъ болѣзней. Передавать содержаніе ея неумѣстно. Какъ и въ общей части, всюду виднѣн оригинальный взглядъ автора, тщательный анализъ, добросовѣстное, подробное, толковое изложеніе простымъ, безъ ненужныхъ вычурностей языкомъ. Книга читается легко, съ большимъ интересомъ и, за неимѣніемъ популярнаго руководства по психіатріи, она смѣло можетъ быть рекомендована всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ этою молодою наукой, а не только специалистамъ-психіатрамъ, юристамъ или чѣмъ-нибудь вообще какое-либо профессиональное отношеніе къ психіатріи. Какъ руководство, *Курсъ* можетъ быть поставленъ на ряду съ классическимъ учебникомъ Крафтъ-Эбинга, на которомъ воспиталось цѣлое поколѣніе психіатровъ.

III.

Наряду съ явленіями отраднаго свойства приходится, однако, отмѣчать явленія противоположнаго характера. Читатель уже видѣлъ, что

какъ только наукѣ приходится изъ области теоріи спускаться на почву практики, сейчасъ же возникаютъ различныя недоразумѣнія.

Въ послѣднее время у насъ въ Россіи выстроены и строятся новыя психіатрическія лечебницы, перестраиваются старыя, болѣе или менѣе удовлетворяющія современнымъ требованіямъ науки. Директора ихъ вполнѣ свѣдущіе, широко образованные, въ большинствѣ случаевъ, врачи, прислуга гуманна... но возьмите въ руки любой отчетъ психіатрической лечебницы, вездѣ вы прочитаете однѣ и тѣ же жалобы завѣдующихъ ими: «лечебница переполнена». Мало того, въ появившемся въ 1-й книжкѣ текущаго года *Вѣстника общественной мнѣны* отчетѣ д-ра Игнатова: *О призрѣніи и леченіи душевно-больныхъ въ Россіи въ 1891 г.*, реферированномъ уже мною въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, мы находимъ, что на 70,000 душевно-больныхъ въ Россіи имѣется всего-на-всего 11,770 мѣстъ въ лечебницахъ, да и то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на два мѣста приходится трое, а то и четверо обитателей. Что касается Москвы, то въ ней недостатокъ помѣщенія для душевно-больныхъ ощущается болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Городъ имѣетъ Преображенскую больницу на 280 мѣстъ, отдѣленіе для 50 психическихъ больныхъ женщинъ и для 35 мужчинъ при бывшей полицейской больницѣ и отдѣленіе для 50 психическихъ больныхъ при Александровской общинѣ сестеръ милосердія «Утоли моя печали». Земство же и до сихъ поръ не имѣетъ вполнѣ законченной психіатрической лечебницы; до мая 1891 г. оно было занято теоретическою, подготовительною частью работы. Передавать даже въ краткихъ чертахъ исторію этого періода дебатовъ, смѣтъ, контрактовъ и скучно, и неумѣстно. Начнемъ прямо съ того момента, когда имѣніе для постройки будущей лечебницы было приобрѣтено и когда вопросъ перешелъ на практическую почву. Тутъ въ распоряженіи имѣются уже печатные документы, доклады д-ра Якобія, приглашеннаго земствомъ «создать и организовать большую психіатрическую лечебницу на 400 штатныхъ кроватей». Эти доклады представляютъ два тома болѣе 400 стр. Первый докладъ губернскому санитарному совѣту помѣченъ 1891 г., второй—московской губернской земской управѣ—1892 г. Первый обсуждался въ московскомъ обществѣ психіатровъ и вызвалъ горячія возраженія, которыя были затѣмъ напечатаны въ *Протоколахъ* общества за 1891—92 гг. (стр. 57—114), второй же, главнымъ образомъ, послужилъ темой для двухъ возраженій д-ра Сербскаго. Въ результатѣ всѣхъ этихъ докладовъ и дебатовъ ничего не вышло. Почему? Попробуемъ разобраться во всей этой исторіи и совершенно безпристрастно, вдали отъ всякой партійной борьбы, увлеченія личныя счетовъ и полемическаго задора, отгестись къ этимъ документамъ. Дѣло настолько серьезно само по себѣ, что вносить въ него мелкіе интересы, по меньшей мѣрѣ, недобросовѣстно.

Для уясненія послѣдующаго изложенія необходимо, прежде всего, упомянуть о двухъ аксіомахъ современной психіатріи: всѣ формы психическихъ болѣзней, въ общемъ, могутъ быть раздѣлены на два класса: излѣ

чимыя и неизлечимыя; въ дурныхъ условіяхъ первыя легко могутъ перейти во вторыя, а вторыя даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при современномъ состояніи нашей науки, никогда не переходятъ въ первыя. Вторая аксіома: задачи психіатра, какъ врача, сводятся, во - первыхъ, къ леченію излечимыхъ, и, во-вторыхъ, къ попеченію о неизлечимыхъ, къ тому, чтобы спасти ихъ отъ дальнѣйшаго крушенія, чтобы сохранить и уберечь въ нихъ ту искру Божьяго подобія, которая отличаетъ человѣка отъ животнаго. Обѣ задачи одинаково благородны и немислимо, и недостойно врача, какъ человѣка, отдавать преимущество одной въ ущербъ другой, въ особенности принимая во вниманіе то обстоятельство, что предсказанія наши относительно излечимости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ высшей степени неопредѣленны; что «только въ рѣдкихъ случаяхъ, по словамъ Крафтъ-Эбинга, мы бываемъ въ состояніи поставить предсказаніе съ полною увѣренностью».

Перепись душевно-больныхъ Московской губерніи, безъ города Москвы, въ 1866 г. дала цифру 1,662; изъ нихъ 995 мужчинъ и 667 женщинъ. Очевидно само собою, что призрѣть всю эту массу больныхъ, т.-е. разомъ покончить съ этою задачей, выстроивъ соотвѣтствующую этому числу лечебницу, не представляется возможнымъ въ виду громадности не только единовременнаго расхода (считая по 1,000 рублей на устройство одного мѣста, мы получаемъ уже цифру болѣе полтора милліона рублей), но и постоянныхъ, ежегодныхъ затратъ на содержаніе этихъ кроватей (опять-таки, какъ и въ первомъ случаѣ, беря крайній мінімумъ, мы получимъ около 500,000 ежегодныхъ расходовъ). Но дѣло еще въ томъ, что расходы далеко не ограничились бы этою цифрой: извѣстно, во-первыхъ, что общее число душевно-больныхъ растетъ съ каждымъ годомъ, а, во-вторыхъ, замѣчено, что въ каждой лечебницѣ, даже при очень строгихъ условіяхъ пріема въ нее, больше больныхъ поступаетъ, чѣмъ выписывается, отчего и происходитъ переполненіе, на которое всюду жалуются наши психіатры. Въ виду невозможности удовлетворить нуждѣ вполне, приходится довольствоваться удовлетвореніемъ только части насущныхъ потребностей. Поэтому московское земство рѣшило выстроить лечебницу всего на 400 кроватей; точно также поступили и другія земства; нигдѣ лечебница не исчерпывала всего числа мѣстныхъ больныхъ. Такъ какъ изъ 4-хъ, а то и изъ 5-ти больныхъ въ лечебницу можетъ быть принятъ только одинъ, то предстоитъ рѣшить, кому изъ нихъ отказать и кого принять, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезопасить лечебницу отъ грозящаго переполненія. Такіе вопросы занимали не одно московское земство, но и земства другихъ губерній, и нѣкоторые изъ поставленныхъ во главѣ дѣла психіатровъ, въ отчаяніи предъ такими неразрѣшимыми дилеммами, называли вновь выстроенныя лечебницы «яркими заплатами на дырявомъ рубищѣ», «попыткой накормить голоднаго парой сладкихъ пирожковъ» и т. п. Въ докладѣ д-ра Якобія мы находимъ, однако, что «дѣло санитарной постановки психіатрическаго вопроса составляетъ основную его (д-ра Якобія) мысль»,

такъ какъ двое изъ троиxъ приглашенныхъ директоровъ лечебницъ «не могли даже взять въ толкъ» этой основной мысли и «вопросъ общей организаціи попеченія о душевно-больныхъ во всѣхъ другихъ земствахъ не обсуждался».

Какъ будто не русскіе психіатры жаловались на переполненіе своихъ лечебницъ, не они искали средствъ избѣжать его. Правда, никто изъ нихъ не рѣшалъ этихъ вопросовъ такъ просто, какъ проектируетъ д-ръ Якобіи: «стоитъ только вылечить излечимыхъ и спасти здоровыхъ отъ заболѣваній», чтобы обезопасить лечебницу отъ переполненія. Какъ д-ръ Якобіи будетъ лечить излечимыхъ, вопросъ насъ не касающійся, но какъ онъ избѣжитъ переполненія лечебницы, какъ и куда онъ дѣнетъ неизлечимыхъ, какъ онъ будетъ спасать здоровыхъ,—на эти вопросы нужно отвѣтить. Будемъ отвѣчать по порядку на нихъ, руководясь исключительно докладами д-ра Якобіа. Для того, чтобы избѣжать переполненія, д-ръ Якобіи предлагаетъ принимать въ будущую лечебницу только случаи острые и отказывать безъ всякихъ разсужденій всѣмъ больнымъ хроническимъ, гдѣ всякая надежда на излеченіе вполнѣ утрачена. Тогда, по его разсчету, если въ первый годъ существованія лечебницы будетъ принято 70—80 «свѣжихъ заболѣваній» и если только $\frac{1}{2}$ изъ нихъ выздоровѣетъ, то только чрезъ 12 лѣтъ лечебница достигнетъ цифры 300 больныхъ, если держаться той же цифры ежегодныхъ поступленій; въ то же время, «населеніе освободится отъ всѣхъ своихъ умашенныхъ» (курсивъ автора), такъ какъ прежніе къ этому времени будутъ элиминированы, за исключеніемъ ничтожнаго числа Несторовъ сумасшествія, естественнымъ ходомъ жизни, т.-е., проще выражаясь, перемрутъ, а «новые, поступающія въ лечебницу, не будутъ производить накопленія». Невѣрность этого разчета бросается въ глаза даже человѣку, мало знакомому съ математикой. На 234 стр. своего доклада д-ръ Якобіи вводитъ въ него еще новый факторъ. Необходимымъ условіемъ для совершенія этого «чуда», какъ выразился оппонентъ д-ра Якобіа д-ръ Буце, оказывается смертность: «достаточно 48 случаевъ смерти, чтобы спасти лечебницу отъ переполненія». Дальнѣйшія строки доклада развиваютъ ту же мысль: 10% смертности «считается малою», какъ говоритъ д-ръ Якобіи. Однако, это не такъ; наприм., у Крафтъ-Эбинга менѣе суровыя требованія: въ первые три мѣсяца болѣзни въ общемъ смертность равна 8,2%; тѣмъ далѣе затягивается болѣзнь, тѣмъ болѣе и болѣе понижается %, смертности, такъ что къ концу года смертность, очевидно, уже менѣе 8%.

Что касается хрониковъ, этого зла, этого ненужнаго балласта всякой лечебницы, то д-ръ Якобіи прямо игнорируетъ ихъ; поступить въ лечебницу они не могутъ. Д-ру Якобію нѣтъ дѣла до того, чего натерпится этотъ хроникъ и какъ будутъ терпѣть отъ него здоровые; ему нѣтъ дѣла до того, что можетъ натворить этотъ хроникъ, оставленный безъ призрѣнія, безъ ухода; это не интересный, совершенно лишній, всему мѣшающій предметъ обихода. Мало того, ослабѣе земство, поддавшись жалкимъ словамъ и «фарисейской гуманности», вздумало извратить роль лечебницы «и начало

бы призрѣвать этихъ несчастныхъ, еслибъ даже оно нашло врачей, согласныхъ взять на себя роль «тюремщиковъ», не лечащихъ больныхъ, а оберегающихъ отъ нихъ здоровыхъ, то тогда, говоритъ д-ръ Якобій, «вся русская психіатрія, всѣ земскіе коллеги-психіатры, всѣ представители медицины вошли бы съ протестомъ, общественное мнѣніе потребовало бы закрытія такого склада хрониковъ, а прокуроръ, надо надѣяться, арестовалъ бы служащихъ при немъ». Однако, д-ръ Якобій, все-таки, признаетъ тѣ опасности, которыя можетъ представить пребываніе такихъ хрониковъ среди населенія; это—опасность насильственныхъ дѣйствій и возможность дѣтороженія. Но первую онъ называетъ опасностью «не въ медицинскомъ, а въ полицейскомъ смыслѣ», и лечебница не тюрьма, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, охраняетъ населеніе отъ опасныхъ больныхъ совсѣмъ не дѣломъ земства, такъ что «мы можемъ и должны умыть руки относительно опасности, представляемой насильственными дѣйствіями умалишенныхъ»; что же касается опасности дѣтороженія, то онъ «преувеличены и мало оправдываются дѣйствительностью». Это мѣсто доклада д-ръ Якобія встрѣтило горячую оппозицію въ членахъ общества психіатровъ. «Что же, однако, дѣлать съ этими хроническими больными? Вѣдь, нѣкоторые изъ нихъ сидятъ на цѣпи?»—спрашивали д-ръ Якобія. Вѣдь, и къ нимъ надо относиться по-человѣчески, вѣдь, и у нихъ, быть можетъ, удастся уберечь отъ окончательной гибели искру Божьяго подобія? вмѣсто прямого отвѣта на эти вопросы д-ръ Якобія говоритъ: «Вашъ крикъ: «люди на цѣпи»—есть недостойное лицемеріе, такихъ людей нѣтъ!...» «Правда, крестьяне связываютъ душевно-больныхъ, когда они буйствуютъ, но это дѣлается въ 9 заведеніяхъ для умалишенныхъ изъ 10»... «Предоставимъ времени и естественному теченію жизни сводить счеты съ прошедшимъ». По поводу опасности дѣтороженія было указано, «что въ русской деревнѣ хроники умалишенные весьма часто, въ теченіе многихъ лѣтъ, пользуются своими супружескими правами»; опасность эта не преувеличена, и на 185 стр. своего доклада самъ д-ръ Якобія признаетъ, что «только благодаря крайнему напряженію вниманія удастся предотвратить половыя сношенія умалишенныхъ». Указано было и на то, что «умалишенный, прежде всего, больной и, какъ таковой, подлежитъ вѣдѣнію врача, который и долженъ указать необходимость врачебной помощи и хроникамъ», что психіатры русскіе «все же умѣютъ лучше заботиться объ опасныхъ хроникахъ, чѣмъ крестьяне, и не вяжутъ этихъ хрониковъ въ 9 лечебницахъ изъ 10». Тѣмъ не менѣе, вопросъ о хроникахъ и самимъ д-ромъ Якобіемъ не считается оконченнымъ; нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть приняты въ лечебницу; это «хорошіе» хроники, полезные лечебницѣ въ качествѣ прислуги или рабочей силы, и, кромѣ того, дѣлается исключеніе и на такихъ «неопытныхъ полу-или совершенныхъ паралитиковъ, которые представляютъ заразные фокусы». Въ этой послѣдней уступкѣ оказывается азгадка третьей задачи, поставленной себѣ д-ромъ Якобіемъ,—«спасенія здоровыхъ отъ заболѣваній. По поводу первой уступки было заявлено, что если уже быть послѣдовательнымъ, то гораздо дешевле будетъ нанять

или прислугу, или работниковъ, взамѣнъ «хорошихъ», но, все-таки, дорогихъ хрониковъ. Что касается фокусовъ заразы, отъ которой нужно спасать здоровыхъ, то вся зараза сводится въ рождѣ, «которая распространяется отъ паралитиковъ», сравнительно невинному заболѣванію, изъ-за котораго совсѣмъ не стоило дѣлать такой уступки. Не желая быть «тюремщикомъ», д-ръ Якобіи уступаетъ попеченіе о хроникахъ городу, гдѣ и можно будетъ устроить «складъ хрониковъ», совершенно позабывъ о тѣхъ громахъ, которые онъ собиралъ надъ головой врачей, взявшихъ на себя роль тюремщиковъ. Когда д-ръ Сербскій предложилъ иную постановку вопроса: хроника должны быть на попеченіи земства, а острые—города, такъ какъ многіе острые больные совсѣмъ не могутъ пользоваться преимуществами загородной лечебницы, въ тому же съ этимъ связаны неудобства перевозки и т. п. соображенія чисто-практическаго свойства, — предложеніе, во всякомъ случаѣ, имѣющее за собою большія основанія,—д-ръ Якобіи отнесся къ этой постановкѣ въ высшей степени странно. Ничего не возражая д-ру Сербскому, онъ спрашиваетъ его: «При чемъ тутъ вы?» Вы—посторонній и «для посторонняго вопросъ этотъ долженъ быть безразличенъ». Дальнѣйшихъ образцовъ полемическихъ пріемовъ д-ра Якобіа я приводить не буду,—это мало интересно и служить скорѣе къ характеристикѣ д-ра Якобіа, чѣмъ его проектовъ. Дѣло въ принципѣ, а не въ личностяхъ, тѣмъ болѣе, что, по выраженію д-ра Якобіа, «московское земство должно научить другія земства», что «рѣшеніе его въ психиатрическомъ вопросѣ имѣетъ не мѣстное только, но и обще-русское, обще-земское значеніе».

Оставляя въ сторонѣ разборъ архитектурной и хозяйственной части проекта, не могу не указать на два мѣста его, также подвергшіяся критикѣ. Первое: при лечебницѣ предполагается устроить пансіонатъ. По внѣшности это «долженъ быть красивый, изящный и хорошо содержимый барскій загородный домъ». «Этотъ роскошный пансіонатъ,—возражаетъ д-ръ Баженовъ,—не желателенъ»; его пансіонеры «испортятъ тонъ и характеръ учрежденія, создадутъ массу хлопотъ и заботъ административныхъ и хозяйственныхъ всему служебному персоналу, отвлекая его время и силы отъ его непосредственной работы». Второе: большая разбросанность павильоновъ, проектированная д-ромъ Якобіемъ, также встрѣтила возраженія. Дѣйствительно, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ и въ медицинскомъ отношеніяхъ, особенно при нашихъ климатическихъ условіяхъ, правильное веденіе дѣла, «если не прямо невозможно, при такой разбросанности, то крайне затруднительно», какъ находить это д-ръ Сербскій.

Если до сего времени мы имѣли дѣло дѣйствительно съ проектомъ, съ которымъ можно соглашаться или нѣтъ, если авторъ его *почти* не выходилъ изъ намѣченной имъ программы, то этого никакъ нельзя сказать относительно 2-й части его труда—доклада московской губернской земской управѣ. Докладъ снабженъ предисловіемъ, гдѣ авторъ частью перепечатываетъ сдѣланныя ему въ московскомъ обществѣ психиатровъ возраженія, и свои отвѣты на нихъ въ засѣданіи, частью же тутъ заключаются «само-

стоятельные отвѣты теперь», когда авторъ «многое видѣлъ, потому что во многому присматривался». Продуктомъ этихъ наблюдений выплылъ новый вопросъ, въ корень измѣнившій взгляды автора на большинство русскихъ психіатрическихъ лечебницъ,—вопросъ о численномъ «соотношеніи мужчинъ и женщинъ». Но, прежде чѣмъ перейти къ этой второй части проектовъ д-ра Якобіа, считаю необходимымъ отмѣтить одно мѣсто въ предисловіи. «Въ цѣломъ,—говоритъ д-ръ Якобій,—общество (психіатровъ) приняло проектъ». При справкѣ въ протоколахъ общества оказывается, однако, что самая главная часть проекта, центральная часть его—основанія приема больныхъ, подвергшаяся такой жестокой критикѣ членовъ общества, измѣнена радикально, да и остальные потерпѣли болѣе или менѣе существенныя поправки, и общество постановило: «всѣ душевно-больные, нуждающіеся въ леченіи и спеціальному уходѣ, должны быть принимаемы въ лечебницу безъ замедленія», что значительно разнится съ редакціей проекта д-ра Якобіа.

Въ началѣ 2-й части авторъ высказываетъ весьма справедливыя жалобы на недостатокъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній, благодаря которому не представляется никакой возможности выработать вполне опредѣленный, до малѣйшихъ деталей законченный планъ будущей лечебницы; такъ, мы не знаемъ, соответствуютъ ли цифровые результаты опытовъ другихъ лечебницъ «дѣйствительному распредѣленію формъ психическаго расстройства въ населеніи вообще»; не знаемъ, «сколько мѣста надо отвести въ лазаретѣ для мужчинъ и сколько для женщинъ»; не увѣрены даже въ томъ, «насколько нашъ расчетъ лазаретныхъ мѣстъ вообще вѣренъ и соответствуетъ ли дѣйствительной потребности». Конечно, всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены только жизненнымъ опытомъ лечебницы, и дать въ настоящее время окончательный планъ, который не пришлось бы потомъ измѣнять, нельзя; давши же его, «значить сознательно солгать, выдавая за окончательное и рѣшенное, что еще не изслѣдовано и сомнительно». Это положеніе повторяется затѣмъ нѣсколько разъ д-ромъ Якобіемъ въ послѣдующемъ изложеніи,—положеніе, возражать противъ котораго едва ли что возможно. Базалось бы, на этомъ и слѣдовало остановиться, однако, далѣе мы находимъ слѣдующее: «сообразно практикѣ большинства русскихъ психіатрическихъ заведеній, численное соотношеніе половъ въ будущей лечебницѣ принято такое: 60% мужчинъ и 40% женщинъ». На основаніи предыдущихъ разсужденій д-ра Якобіа ему остается сказать: «я не знаю, соответствуетъ ли дѣленіе дѣйствительнымъ потребностямъ», или «рѣшеніе этого вопроса въ цифровомъ отношеніи представляетъ большія трудности», какъ какъ оно «различно въ различныхъ странахъ, въ различныя времена въ одной и той же странѣ и зависитъ отъ очень многихъ и разнообразныхъ условий». Тѣмъ не менѣе, вся II-я глава, занимающая 94 стр. доклада д-ра Якобіа, посвящена аргументаціи того положенія, что преобладаніе мужчинъ (въ лечебницахъ) «тѣсно связано съ дурною общею постановкой психіатрическаго дѣла» и есть только слѣдствіе прежняго взгляда на заведенія для душевно-больныхъ, «не какъ на лечебный институтъ, а какъ на

мѣсто заключенія неудобныхъ въ общегити помѣшанныхъ». Оказывается уже теперь, что исторію жизни психіатрическихъ больницъ можно, соотвѣтственно % отношеніямъ мужчинъ и женщинъ въ нихъ, раздѣлить на три періода: первый—когда мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ,—это, такъ сказать, періодъ пещерный; второй, какъ самъ авторъ называетъ его, «героическій», когда «число мужчинъ и женщинъ уравнивается», и третій періодъ «гуманитарныхъ реформъ», періодъ численнаго преобладанія женщинъ. «Какъ только умственный и нравственный уровень страны возвышается, какъ только по отношенію къ умалишеннымъ общество сходитъ съ полицейской точки зрѣнія на гуманную», тотчасъ же «начинается усиленный пріемъ женщинъ». Массой остроумныхъ аргументовъ, искусно сгруппированныхъ таблицъ д-ръ Якобія старается доказать вѣрность своего положенія. Однако, если мы, руководствуясь дѣленіемъ психіатріи на три вышеупомянутые періода, выберемъ цифры изъ таблицъ д-ра Якобія для каждаго періода въ отдѣльности, возьмемъ ихъ сумму и выведемъ среднее арифметическое, мы, къ нашему удивленію, получимъ результаты совершенно неожиданные и какъ разъ идущіе въ разрѣзъ съ положеніями д-ра Якобія. Такъ, въ періодѣ «пещерномъ»—40,2% мужчинъ и 59,8%—женщинъ; въ періодѣ героическомъ—47,4% мужчинъ и 52,6% женщинъ, а въ періодѣ «гуманитарныхъ реформъ»—53,5% мужчинъ и 46,5% женщинъ. Конечно, эти выводы, какъ разъ діаметрально-противуположные выводамъ д-ра Якобія, ничего не доказываютъ: даже я согласенъ съ тѣмъ, что «такая статистика невозможна», и привожу ихъ единственно въ доказательство справедливости возраженій Гюблера: «каковъ человекъ, таковъ и способъ», и Гаварре, что при усердіи цифрами можно «доказать, что угодно», и что такая статистика можетъ служить «только средствомъ вносить путаницу въ самые ясные, повидимому, вопросы». Въ числѣ таблицъ, приведенныхъ д-ромъ Якобіемъ, есть цифры, взятые изъ отчетовъ двухъ знаменитыхъ лечебницъ: Альтъ-Шербицъ и Габерзе. Нѣсколько страницъ спустя послѣ того, какъ эти цифры профигурировали въ качествѣ неопровержимыхъ доказательствъ, мы находимъ слѣдующее, опять-таки сопровождаемое доказательствами положеніе, что эти отчеты составлены «изъ рувъ вонъ плохо» и легкомысленно. Далѣе требуется д-ру Якобію доказать, что у женщинъ наблюдаются чаще формы излечимыя, а у мужчинъ неизлечимыя,—цифры и таблицы налицо; между прочимъ, и отчетъ Диген'я, гдѣ наблюдалось у мужчинъ 38% излечимыхъ формъ, а у женщинъ—54. Перевернувъ 9 страницъ назадъ, мы находимъ, что въ томъ же Диген'ѣ процентъ выздоровленій указанъ одинаковымъ для обоихъ половъ—17%; изъ этого опять-таки, при усердіи и поспѣшности, можно сдѣлать тотъ выводъ, что у женщинъ даже въ излечимыхъ формахъ наблюдается меньшій процентъ выздоровленій, и затѣмъ, ставши на точку зрѣнія д-ра Якобія, съ полнымъ правомъ предлагать въ своемъ проектѣ полный, безапелляціонный отказъ въ пріемъ женщинамъ. Это положеніе д-ра Якобія, что «съ пониженіемъ умственного и нравственного уровня общества въ психіатрическихъ лечебницахъ начинается

преобладать мужской элементъ, приводитъ неизбѣжно автора и къ оцѣнкѣ дѣятельности психіатрическихъ лечебницъ. Авторъ создаетъ для этого вполне опредѣленный критерій. Въ общемъ формулировать его довольно легко: такъ, если въ лечебницѣ находится 64,8% мужчинъ и только 35,2% женщинъ, то такая лечебница «принадлежитъ не столько психіатріи, сколько опереткѣ», а завѣдующій такою лечебницей получаетъ титулъ «готтентота психіатріи». Новыя ключи получили почти всѣ русскія лечебницы, за исключеніемъ смоленской, ярославской и больницы св. Николая въ Петербургѣ, до этого же положенія д-ра Якобіа онѣ, по его же мнѣнію, были «прекрасными», «превосходно веденными»; впрочемъ, такая же участь постигаетъ и французскія лечебницы Воклю и Вилль-Эвраръ.

Сдѣлаю еще лишь двѣ выдержки, которыя мнѣ кажутся особенно важными: «Поспѣшныя аналогіи и неосновательныя сравненія, дѣлаемыя обыкновенно людьми малосвѣдущими, оказываются всегда совершенно ошибочными и несостоятельными». Это слѣдовало бы поставить въ эпиграфѣ проектовъ д-ра Якобіа. Другая выдержка: «есть русская психіатрія»; памятуя это послѣднее положеніе, не слѣдуетъ гнаться какъ за слѣпымъ подражаніемъ заграничнымъ образцамъ, такъ и за пропагандой своихъ личныхъ взглядовъ, основанныхъ на «двухлѣтнемъ» знакомствѣ съ Россіей. Въ результатѣ всей этой не столько смѣшной, сколько грустной исторіи — потраченныя деньги, время, краснорѣчіе, основательная эрудиція и все это «зря», въ пространство, безъ цѣли, безъ видимыхъ ощутительныхъ результатовъ, — попрежнему, Москва безъ лечебницы. «Исторія» эта оставила послѣ себя какой-то горькій осадокъ, недовѣріе, разочарованіе. Задумавъ такъ хорошо, въ такомъ широкомъ планѣ прекрасное дѣло, потративъ на него такъ много силъ, д-ръ Якобіи свелъ его на личные счеты, на защиту своихъ парадоксовъ и, наговоривъ много обиднаго и несправедливаго по адресу своихъ собратьевъ, сошелъ со сцены.

IV.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ брошюрахъ: г. Товарскаго: *Меряченые и болѣзнь судорожныхъ подергиваній* и г. Сикорскаго: *Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Киевской губерніи*. Обѣ онѣ, несмотря на очень большое различіе между собою по существу, упоминаются мною въ одномъ мѣстѣ потому, что между ними есть нѣкоторыя точки соприкосновенія. О «меряченыхъ» вскользь я уже говорилъ въ началѣ обзора. Это странная душевная болѣзнь, которая характеризуется, какъ горитъ г. Товарскій, подражаніемъ словамъ, жестамъ и дѣйствіямъ окружающихъ и неудержимымъ исполненіемъ данныхъ ими приказаній. Въ 1867 г. ее наблюдалъ въ Забайкальской области д-ръ Кашинъ, которому, куду прочимъ, привелось быть свидѣтелемъ такого случая: «одно изъ отлений роты 3-го батальона Забайкальскаго казачьяго полка, составленнаго изъ уроженцевъ деревень, расположенныхъ по р. Уралу, во время

производившагося ученья, при командныхъ словахъ, повторяло эти слова, что, безъ сомнѣнiя, разсердило командира: онъ сталъ кричать и вдругъ, къ удивленiю своему, услышалъ тѣ же самые крики, брань и угрозы (повторенiе его словъ) изъ отдѣленiя роты, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, побросала и ружья». Что бы ни вздумалось кому-нибудь въ присутствiи больного «меряченьемъ» сдѣлать, все это будетъ повторяться имъ въ совершенно правильномъ порядкѣ. «Бѣда стукнуть или крикнуть въ присутствiи такой женщины, несущей посуду и даже собственнаго ребенка: и посуда, и ребенокъ при крикѣ будутъ непремѣнно брошены на полъ». Все это дѣлается совершенно безсознательно. Д-ръ Кашинъ причины этой болѣзни видѣлъ въ «пуганьи» и въ «половой распущенности» (?). Въ 1885 г. д-ръ Янковскiй наблюдалъ такое же страданiе въ Приморской области Восточной Сибири. Кромѣ уже описанныхъ явленiй подражанiя всѣмъ виднмымъ жестамъ и повторенiя слышанныхъ словъ, онъ отмѣчаетъ еще у наблюдавшихся имъ больныхъ: усиленное сердцебиенiе, частый пульсъ, безпричинный смѣхъ, веселое настроенiе, большую подвижность и усиленiе болевой чувствительности. Брейтманъ въ 1888 г. указываетъ, хотя и не совсѣмъ ясно, что «меряченье» встрѣчается также и на югѣ Россiи. Затѣмъ самъ авторъ (г. Токарскiй) наблюдалъ нѣсколько случаевъ этого заболѣванiя въ Кяхтѣ. У его больныхъ «меряченье» развилось послѣ испуга и всѣ они представляются въ высокой степени пугливыми. Чтобы вызвать припадокъ «меряченья»—подражанiя, необходимо, однако, достаточно сильное раздраженiе слуха, вслѣдъ за которымъ слѣдуетъ воспроизведенiе или исполненiе приказанiя, а иногда и произнесенiе ругательствъ. Слабья раздраженiя такого эффекта не вызываютъ. Такое же заболѣванiе было подмѣчено и у жителей Малайскаго архипелага, гдѣ оно называется «latah», а также и въ Сѣверной Америкѣ подъ названiемъ «jumping». Путешественникъ O'Brien рассказываетъ такой случай: «Пароходный поваръ былъ самый настоящiй «лята». Онъ качалъ однажды на палубѣ въ рукахъ своего ребенка; пришелъ матросъ, который принялся, подобно повару, качать въ рукахъ чурбанъ. Потомъ матросъ бросилъ чурбанъ на тентъ и забавлялся, заставляя его кататься по полотну, что непосредственно затѣмъ сдѣлалъ и поваръ съ ребенкомъ. Матросъ, отпустивъ полотно, уронилъ чурбанъ на палубу; поваръ сдѣлалъ тоже съ ребенкомъ, который убился на мѣстѣ».

Что касается причинъ этой странной болѣзни, то г. Токарскiй видитъ ихъ, во-первыхъ, во влiянiи наследственности, выражающемся въ общемъ ослабленiи психической дѣятельности, въ несовершенствѣ или же, быть можетъ, въ «меньшей силѣ высшихъ психическихъ актовъ»; во-вторыхъ, «въ общемъ основномъ свойствѣ психической дѣятельности, присущей человѣку также, какъ и животнымъ,—склонности къ подражанiю»; въ-третьихъ, существуютъ какiя-то, не столько климатическiя, сколько мѣстныя условiя, какiя именно, неизвѣстно, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что «меряченье» наблюдается преимущественно у жителей береговыхъ, примор-

скихъ странъ, и, въ-четвертыхъ, психическая заразительность, вліяніе аффекта (испугъ, сильныя душевныя волненія и т. п.).

Болезнь начинается иногда быстро, даже внезапно. Въ дальнѣйшемъ теченіи могутъ быть временныя улучшенія, но полного прекращенія болѣзни не наблюдали и «случаи исцѣленія неизвѣстны». Г. Токарскій считаетъ это заболѣваніе состояніемъ психической слабости, благодаря которой всякій психическій рефлексъ, вызванный внѣшними раздраженіями, рѣзкими, необычными, неожиданными, оказывается настолько сильнымъ, что преодолеваетъ всѣ остальные и неудержимо стремится къ своему окончанію. Въ нормальномъ состояніи психической дѣятельности рефлексъ этого рода могутъ быть подавлены и задержаны. Испугъ (аффектъ), вызывая пониженіе психической дѣятельности вообще, способствуетъ освобожденію этихъ рефлексовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ чаще вызывается какой-либо рефлексъ, тѣмъ легче и быстрѣе совершается онъ и, въ то же время, постепенно выходя изъ сферы сознанія, онъ «пріобрѣтаетъ нѣкоторую независимость», становится автоматичнымъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняются присоединяющіяся къ подражательнымъ дѣйствіямъ «меряченья» ругательства.

Есть очень отдаленное сходство между «меряченьемъ» и такъ называемою «болѣзнию судорожныхъ подергиваній» и цѣлыми эпидеміями различныхъ двигательныхъ неврозовъ иногда съ галлюцинаціями. Такія эпидеміи наблюдались не разъ въ средніе вѣка. Тѣмъ не менѣе, «меряченье» и «болѣзнь судорожныхъ подергиваній» — совершенно различныя формы. Проводить дифференціальный анализъ обѣихъ формъ, очень тонкій и очень обстоятельно развитый авторомъ, неумѣстно.

Въ концѣ 1891 г. въ нѣкоторыхъ деревняхъ Васильковского уѣзда, Киевской губерніи, крестьянское населеніе было охвачено своеобразнымъ религіознымъ движеніемъ, которое было названо «малеванщиной» (*Сикорскій*, стр. 1). Для изслѣдованія этого религіознаго движенія была наряжена специальная коммиссія, въ составѣ которой находился проф. Сикорскій, изложившій затѣмъ свои наблюденія въ вышеназванной брошюрѣ. Что это за движеніе въ смыслѣ вѣроученія, авторъ разъясняетъ очень мало и очень туманно, указывая только на близкое родство этой «эпидеміи» со штундизмомъ. Первоисточникомъ новой секты считаютъ мѣщанина Кондратія Малеванаго, называющаго себя Иисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, находящагося въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи съ Отцомъ; въ Немъ, по его мнѣнію, находится Св. Духъ. Свою божественность онъ доказываетъ различными «свидѣтельствами»: его тѣло можетъ подниматься на воздухъ, появляются божественныя запахи, яркія звѣзды т. п. Предшествовавшая исторія Малеванаго и наблюденія за нимъ въ больницѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ — психически-больной человекъ, первично помѣшанный (паранойкъ). Какимъ образомъ стало распространяться новое вѣроученіе, въ чемъ его сущность какъ оно «внѣшнимъ образомъ пріурочено къ штундизму», повторяю,

проф. Сикорскій не разъясняетъ. «Малеванщина» обратила на себя вниманіе властей «потому въ особенности, утверждаетъ г. Сикорскій, что «малеванцы» отказались отъ обычнаго образа жизни и занятій и стали обнаруживать странные и вредные въ общественномъ и санитарномъ отношеніи поступки и дѣйствія». А именно: «Они уходили въ поля и въ снѣжную ночь мылись въ холодной водѣ—мужчины и женщины вмѣстѣ—и также мыли своихъ дѣтей... для очищенія тѣла къ моменту страшнаго суда, котораго они ждали въ одинъ изъ дней масляницы». Наблюденіе проф. Сикорскаго надъ малеванцами убѣдило его, что тутъ имѣется «психопатическая эпидемія», а, слѣдовательно, малеванцы—психопаты. Разъ это заключеніе было сдѣлано, легко было уже выработать и мѣры, которыя, какъ говоритъ проф. Сикорскій, «оказались благотворными».

Посмотримъ, однако, насколько убѣдительно аргументація проф. Сикорскаго въ пользу этой «психопатической эпидеміи». «Участники движенія,—говоритъ онъ,—рѣзко измѣнили свой образъ жизни... отказываются отъ работы, ненормально веселы, говорливы, подвижны, чувствительны... у нихъ появилась страсть къ нарядамъ, къ шегольству»; даже инстинкты измѣнились: обзавелись сахаромъ, покупаютъ изюмъ, финики и другія сласти; настроеніе ихъ духа «жизнерадостное», ихъ идеи соотвѣтствуютъ этому настроенію: скоро наступитъ конецъ міра, земля останется, но все будетъ иначе; люди не будутъ ни страдать, ни умирать, ни трудиться. Они «избранники», такъ какъ первые приняли новую вѣру, «собираются массами и предаются порывамъ психическаго возбужденія»; они наслаждаются теперь отдыхомъ,—«Отець все устроить»; захочется работать, буду работать; не хочется—зачѣмъ стану себя принуждать? Если въ мое сердце Отець или Духъ (т.-е. Отець небесный, Духъ небесный) вложитъ желаніе, я исполню это желаніе»,—это обычныя слова ихъ при спросѣ о причинахъ ихъ бездѣятельности. Они галлюцинируютъ: слышатъ необыкновенные запахи (сладкіе, неземные, божественные), чувствуютъ необыкновенную легкость. У нихъ обнаруживается вялость воли: они легко плачутъ, отказываются отъ работъ (обстоятельство, только что профигурировавшее въ качествѣ доказательства «жизнерадостнаго» настроенія духа), «отъ исполненія жизненнаго долга и жизненныхъ задачъ», они неспособны «спорить, доказывать, защищать и отстаивать свое мнѣніе», такъ какъ «Отець или Духъ все знаетъ, все можетъ рѣшить». На своихъ собраніяхъ они подвергаются судорогамъ, говорятъ необыкновенныя слова, «безсмысленныя тарбарскіе звуки». Всѣ они малокровны, исхудалы, болѣзненны. Вотъ въ краткихъ чертахъ все то, что привело проф. Сикорскаго къ убѣжденію, что онъ имѣетъ дѣло съ «психопатическою эпидеміей». Ни вся совокупность этихъ признаковъ, ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности не даютъ, однако, никакого права сдѣлать такое заключеніе. Такъ какъ подробный, специальный разборъ этихъ признаковъ сдѣланъ уже мною на страницахъ *Медицинскаго Обозрѣнія* (1893 г., кн. 13), то я и не считаю возможнымъ приводить его здѣсь. Замѣчу только то, что было опущено по разнымъ соображеніямъ тамъ.

Проф. Сикорскій указываетъ на слабость воли малеванцевъ, совершенно позабывъ о томъ, что здѣсь это явленіе не имѣетъ мѣста. Отказъ отъ работы, отъ «исполненія жизненнаго долга и задачъ» не есть слѣдствіе и выраженіе слабости воли, онъ мотивируется ими довольно обстоятельно, да и самъ проф. Сикорскій прежде объяснялъ его «жизнерадостнымъ» настроеніемъ; галлюцинаціи не доказаны ничѣмъ; если я говорю, что слышу божественный запахъ, то мнѣ могутъ и вѣрить, и нѣтъ; но если я дѣльными днями «принюхиваюсь» къ чему-то, всякій вправѣ заключить, что у меня или галлюцинація, или иллюзія. Покупка сластей не значатъ извращеніе инстинктовъ, такъ какъ если ужъ быть логичнымъ, то и въ отказѣ «малеванцевъ» отъ водки придется видѣть то же извращеніе инстинкта. Судороги, которымъ приписываетъ такое важное значеніе проф. Сикорскій, со всѣмъ, какъ видно изъ описанія, не судороги, а такъ называемыя раздражательныя движенія. Также мало убѣдительно и другіе, не столь важные, аргументы автора. Очевидно, впрочемъ, онъ и самъ не вполне увѣренъ въ этой психопатіи, такъ какъ даетъ «малеванцамъ» различныя названія: то это люди съ «параноическимъ удвоеніемъ сознанія», то это «истерики», также какъ и «малеванщина» оказывается то «психическою эпидеміей», то «болѣзненнымъ религіознымъ движеніемъ», то «нервно-психическою эпидеміей», то «квіэтизмомъ», то «сложнымъ» уже «броженіемъ» и, наконецъ, «воплемъ» и «мольбой» объ освобожденіи отъ вина.

У такого «сложнаго» явленія должны быть и сложныя же причины. Однѣ изъ нихъ «нравственныя», другія «физическія». Въ первымъ авторъ причисляетъ штундизмъ и вѣротерпимость и двусмысленное (?) отношеніе властей къ нему; затѣмъ одностороннее направленіе грамотности, «отсутствіе руководительства народною жизнью со стороны культурныхъ классовъ общества» и присутствіе среди «народныхъ массъ субъектовъ, страдающихъ помѣшательствомъ». Въ числѣ физическихъ причинъ указаны: крымская война, отразившаяся на плодovitости и рожденіи «слабосильныхъ въ физическомъ и нервномъ отношеніи», и злоупотребленіе спиртными напитками, которое, будто бы, въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края приняло «опасные размѣры». Пользуясь цифрами и таблицами брошюры же г. Сикорскаго, оказывается, однако, что въ столичныхъ губерніяхъ количество ведеръ спирта на каждаго человѣка вдвое болѣе, чѣмъ въ юго-западныхъ; вліяніе крымской войны отразилось на всей Россіи, «направленіе грамотности» и «отсутствіе руководительства» одинаково имѣютъ мѣсто въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества, «помѣшанные» среди населенія есть люди, тѣмъ не менѣе, однако, нигдѣ «психопатической эпидеміи» не открывается. Слѣдовательно, остаются въ качествѣ «нравственной» причины гундизмъ и вѣротерпимость (вѣротерпимость, какъ причина душевнаго изстройства) и двусмысленное отношеніе властей къ нему...

Дѣло, однако, не только въ этомъ. Положимъ, что проф. Сикорскій правъ, то предъ нами, дѣйствительно, «психопатическая эпидемія» и мы имѣемъ дѣло съ людьми психически-болѣзными; спрашивается теперь, какимъ обра-

зомъ, выходя изъ этого основнаго положенія, возможно находить «благотворными» и «цѣлесообразными» мѣрами мѣры «охранительнаго порядка», вродѣ помѣщенія въ монастырь тѣхъ сектантовъ, которые страдаютъ нервными и въ особенности судорожными болѣзнями», «арестъ и административная высылка тѣхъ сектантовъ, которые въ своей дѣятельности обнаруживали преступный фанатизмъ», и какъ возможно рядомъ съ этимъ заключать свой очередь слѣдующими словами: «Народныя массы ждуть и жаждутъ духовнаго обновленія. Онѣ ищутъ Спасителя и... находятъ его въ помѣпанномъ Кондратіѣ Малеваномъ... «Малеванщина» есть вопль заболѣвшаго (тѣмъ?) населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина, объ улучшеніи образованія и санитарныхъ условій». Казалось бы, что, устранивъ эти причины, мы прекратимъ и «воплъ», и «мольбу». На самомъ же дѣлѣ принимаются и оказываются «цѣлесообразными» иныя мѣры. Что-то не такъ.

А. Алеленовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій не распространяется на многіе виды ростовщичества.—Вѣроятное вліяніе закона на ростовщическія сдѣлки.—Пережѣны въ русскомъ таможенномъ законодательствѣ.—О вліяніи, которое будутъ имѣть эти пережѣны на русскую внѣшнюю торговлю и наше сельское хозяйство.—Квартирный налогъ.—Льготы населенію по уплатѣ продовольственнаго долга.—30-тиглетіе *Русскихъ Вѣдомостей*. — Заявленіе комиссіи при с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Законъ 24 мая 1893 года о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій принадлежитъ къ выдающимся законодательнымъ актамъ послѣдняго времени. Согласно съ этимъ закономъ, подлежитъ преслѣдованію ростовщичество, образующее промыселъ. Такимъ промысломъ является отдача «въ ссуду сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба или другихъ припасовъ, или же 2) денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работой,—если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, не соответствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условій онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика». Виновный подвергается въ первый разъ аресту на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ, во второй и послѣдующіе разы—заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ законъ признаетъ эту сдѣлку, какъ ростовщическую, недействительною, но лишая, однако, займодавца права на полученіе дѣйствительно данныхъ имъ хлѣба, припасовъ или денегъ. Подвергаются наказанію также виновные въ ссудѣ капитала въ чрезмѣрный ростъ или въ обезпеченіи возврата капитала чрезмѣрной нестойкой. Наказанію подлежатъ ростовщики въ томъ случаѣ, если стѣсненное положеніе заемщика, извѣстное займодавцу, заставило перваго принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ. Признается виновнымъ также тотъ, кто, занимаясь ссудами, скрывъ какимъ-либо способомъ чрезмѣрность роста: включеніемъ роста въ капитальную сумму, въ видѣ платы за храненіе или неустойки. Виновные въ ростовщическихъ дѣйствіяхъ этого рода подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 мѣсяцевъ до одного года и 4 мѣсяцевъ и, сверхъ того, по усмотрѣнію суда, денежному взысканію не свыше 300 рублей. Тому же наказанію подвергаются и лица, приобрѣвшія и предъявившія ко

взысканію обязательства, завѣдомо для нихъ ростовщическія. Ростовщическое обязательство не имѣетъ силы, но заимодавецъ не лишается права на обратное полученіе дѣйствительно даннаго капитала, за вычетомъ полученныхъ платежей. Дальнѣйшими статьями законъ 24 мая усиливаетъ отвѣтственность содержателей ссудныхъ кассъ за присвоеніе, растрату, отдачу въ пользованіе заложенныхъ предметовъ. Наибольшее значеніе имѣютъ двѣ первыя статьи новаго закона, стремящіяся охватить всѣ виды ростовщическихъ дѣйствій и опредѣляющія 12-ю процентами въ годъ высшую норму дозволеннаго роста.

Разрѣшая взимать по ссудамъ до 12 процентовъ годовыхъ, новый законъ отрываятъ для кредитныхъ сдѣлокъ очень широкій просторъ. Законъ тѣмъ самымъ отказался отъ своего прежняго возрѣнія, согласно съ которымъ считались лихвенными проценты выше 6 годовыхъ. Ограниченіе процентовъ 6-ю годовыми, какъ того держалось наше законодательство до 1879 года, не соотвѣтствовало условіямъ нашей экономической жизни: при бѣдности Россіи капиталами, 6% годовыхъ были слишкомъ низкою нормой роста, которая нерѣдко, даже въ большихъ городахъ, затрудняла полученіе ссуды. Но, отказавшись отъ старинной, слишкомъ низкой нормы законнаго процента, законъ 24 мая установилъ слишкомъ высочій maximum. Конечно, населеніе деревень только въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ пользуется кредитомъ не дороже 12 годовыхъ; въ болѣе же обезпеченныхъ группахъ населенія 5—7%, въ годъ могутъ быть признаны нормальными условіями кредита. И даже для заемщиковъ-крестьянъ, разъ они не находятся въ стѣсненномъ положеніи, есть полная возможность получить ссуду при 8—10% годовыхъ. Таково, напримѣръ, положеніе дѣлъ въ большинствѣ нѣмецкихъ колоній: 12 процентовъ въ годъ представляются заемщикамъ изъ нѣмцевъ-колонистовъ чрезмѣрнымъ ростомъ. Вотъ почему законодателю не слѣдовало бы давать санкціи такой величинѣ процента, которая должна быть признана чрезмѣрной при сколько-нибудь благопріятномъ положеніи заемщика: было бы совершенно достаточно установить высшую норму процентовъ на 10 или даже на 9 годовыхъ.

Считая полезнымъ такое измѣненіе высшей нормы процентовъ, которые не признаются лихвенными, мы находимъ въ законѣ 24 мая значительную неполноту. Первая статья говоритъ о хлѣбѣ и другихъ припасахъ (очевидно, *състныхъ*) и деньгахъ, какъ предметахъ ростовщическихъ сдѣлокъ, и тѣмъ суживаетъ область наказуемыхъ дѣяній. А, между тѣмъ, предѣлы ростовщичества, какъ промысла, гораздо болѣе широки и виды ростовщическихъ дѣйствій представляютъ такое разнообразіе, что не могутъ быть втиснуты въ тѣсныя границы, установленныя первой статьей закона. Продажа съ разсрочкою платежа лошадей, коровъ, земледѣльческихъ орудій, строительныхъ матеріаловъ часто имѣетъ всѣ признаки ростовщическаго дѣйствія. Если лошадь, стоющая 20 рублей, продается, съ разсрочкою платежа на годъ, за 40, строительный матеріалъ, стоющій при покупкѣ за наличныя деньги 25 рублей, продается за 50 при погашеніи долга въ теченіе

6—8 мѣсяцевъ; если обрабатываемое кустаремъ орѣховое дерево продается въ кредитъ по цѣнѣ, на 50—70% превышающей рыночную, то мы имѣемъ передъ собою и кредитную сдѣлку, и чрезмѣрный барышъ, который составляетъ неотъемлемую принадлежность ростовщическихъ оборотовъ. Сплошь и рядомъ заемщикъ, покупая на такихъ условіяхъ лошадь, корову, строительные или подѣлочные матеріалы, находится въ «крайне» тягостномъ положеніи, пользованіе которымъ законъ и вмѣняетъ въ вину ростовщику. Сошлемся на общеизвѣстный фактъ — увеличеніе числа безлошадныхъ хозяйствъ, какъ слѣдствіе двухъ неурожайныхъ годовъ; припомнимъ сообщенія изъ разныхъ мѣстностей Россіи, что крестьяне впрягались въ сохи, не имѣя лошадей или воловъ для обработки земли (наплась газета, даже похвалившая мужиковъ, которые пахали на себѣ, за чисто-русскую находчивость), припомнимъ, что снабженіе лошадьми хозяйствъ, пострадавшихъ отъ неурожая, было поставлено въ рядъ главныхъ задачъ особаго комитета и частныхъ благотворительныхъ кружковъ — и мы поймемъ, какой благодарный матеріалъ даетъ ростовщикамъ торговля лошадьми во всѣхъ селеніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, съ возросшимъ числомъ безлошадныхъ хозяйствъ. Крестьянинъ, впрягающійся въ плугъ, всегда готовъ заплатить ростовщическую цѣну за лошадь, лишь бы представился случай купить ее съ разсрочкой платежа. Столь же настоятельна потребность кустика въ матеріалѣ, который онъ перерабатываетъ; отрѣзанный отъ рынка вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, кустарь платитъ ростовщическія цѣны за главные и вспомогательные матеріалы, которые онъ приобретаетъ отъ скупщиковъ. Наконецъ, и *торговля земельными участками* стала за послѣднія десятилѣтія одною изъ самыхъ выгодныхъ формъ ростовщичества. Желѣзныя дороги, проведенныя до окраинъ Европейской Россіи, подняли цѣну земли въ Самарской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ еще недавно продажная цѣна десятины не превышала 2—3 р. осушеніе пинскихъ болотъ сдѣлало выгоднымъ веденіе хозяйства въ Полѣсьѣ, гдѣ еще 10—12 лѣтъ тому назадъ земля не имѣла никакой цѣнности. Сооруженіе сибирскаго рельсоваго пути доставитъ крупныя выгоды обширнымъ земельнымъ площадямъ вдоль строящейся сибирской дороги. Въ эти-то мѣста направляются земельные ростовщики для торговли земельными участками. Было бы разумно, справедливо и въ высокой степени выгодно для всей страны, еслибъ эти мѣстности, связанныя съ главными центрами государства и приспособленныя для сельскаго хозяйства, заселялись земледѣльцами и были ареной для расширенія крестьянской земельной собственности. Но, въ силу общественныхъ условій, на нашихъ глазахъ совершается иной процессъ: тысячи, десятки и сотни тысячъ десятинъ переходятъ въ однѣ руки. Приобрѣтатели всего менѣе думаютъ о веденіи сельскаго хозяйства въ своихъ обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ: купить десятину за 8 руб., продать за 30 или сдать въ аренду за 5 руб.: на одинъ посѣвъ—вотъ цѣль этихъ приобретателей. Такимъ образомъ, на огромныхъ пространствахъ водворяется чистое, ничѣмъ не зату-

маненное земельное ростовщичество. Было бы наивно спрашивать, добровольно ли взносить русскій земледѣлец несоразмѣрно-высокую арендную или покупную цѣну за землю. Потребность въ расширеніи земельного надѣла такъ настоятельна, что спекуляція земельными участками всегда сводить лицомъ къ лицу земельного ростовщика и его неоплатнаго должника, покупасть ли послѣдній землю, или арендуетъ ее; и во всѣхъ случаяхъ послѣдній принимаетъ всѣ условія, которыя предлагаетъ первый, пользующійся стѣсненнымъ положеніемъ своего контрагента.

И такъ, законъ 24 мая редактированъ такимъ образомъ, что нельзя распространить его на большую часть ростовщическихъ дѣйствій. Но и относительно видовъ ростовщичества, которые предусматриваетъ законъ, редакция его не можетъ быть признана удачною. Законъ говоритъ о занятіи ростовщичествомъ «въ видѣ промысла». Подъ «промысломъ» разумѣютъ постоянное занятіе человѣка, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Сельскій ростовщикъ часто занимается выдачей денежныхъ ссудъ изъ высокихъ процентовъ или дачею въ долгъ хлѣба и другихъ предметовъ не какъ промысломъ, а между прочимъ, на ряду съ другими занятіями, дающими тонъ его хозяйству. Ростовщичество бываетъ нерѣдко дѣломъ побочнымъ на ряду съ различными видами торговли, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ кустарнымъ промысломъ. Ростовщичествомъ, какъ прибыльнымъ дѣломъ, занимаются въ удобныхъ случаяхъ волостные писаря, землевладѣльцы различнаго происхожденія, иногда даже священники. Было бы наивно думать, что ростовщическія дѣйствія приносятъ меньшій вредъ, исходя отъ людей, занимающихся этимъ не въ видѣ промысла, нежели въ томъ случаѣ, когда въ нихъ виновенъ человѣкъ, промышляющій дачею въ ссуду денегъ и припасовъ на условіяхъ, обременительныхъ для населенія. Есть основаніе думать, что слова закона «въ видѣ промысла» помѣшаютъ признавать наказуемыми большую часть ростовщическихъ дѣйствій, ибо въ большей части случаевъ ростовщичество не составляетъ главнаго промысловаго занятія сельскихъ кулаковъ. Въ первой статьѣ закона мы находили и другую лишнюю и даже опасную прибавку: законъ признаетъ ростовщическое дѣйствіе наказуемымъ, если оно возлагаетъ на заемщиковъ такія обременительныя условія ссуды, которыя не соотвѣтствуютъ «мѣстнымъ обычаямъ». Можно было бы не возражать противъ уваженія, съ которымъ законъ относится къ обычному праву, еслибъ обычныя условія сельскаго кредита отличались мягкостью и выгодностью для заемщиковъ. Дѣйствительная жизнь говоритъ, однако, совсѣмъ иное. Земскіе статистики и другіе изслѣдователи русской деревни свидѣтельствуютъ, что 1% въ недѣлю не удивляетъ мужика, что, взявъ 1 пудъ хлѣба въ мартѣ, онъ считаетъ нормальнымъ и вовсе не чрезмѣрнымъ возратить 1¼ пуда въ августѣ, что 24% годовыхъ считаются выгоднымъ условіемъ кредитной сдѣлки. Обнаруженное закономъ недостаточное знакомство съ обычными условіями кредита въ нашей деревнѣ повело къ такому противорѣчію: законъ разрѣшаетъ взиманіе процентовъ въ размѣрѣ не выше 12 годовыхъ

и, въ то же время, признаетъ ростовщическими ссуды, по которымъ условія обременительны въ сравненіи съ «мѣстными обычаями», т.-е. гдѣ проценты превышаютъ 30 — 40 годовыхъ. Въ первой статьѣ закона есть и еще одинъ пунктъ, очень благоприятный для ростовщиковъ: послѣдніе подлежатъ наказанію за тѣ случаи ссуды, когда пользуются «крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика». Во многихъ случаяхъ не трудно доказать, что крестьянское хозяйство, уплачивающее 100% за ссуду деньгами или припасами, находится въ крайне тягостномъ положеніи. Но бываетъ сплошь и рядомъ, что исправные крестьяне, въ виду экстреннаго расхода, который превышаетъ ихъ наличныя средства, имѣютъ дѣло съ ростовщиками и отбываютъ на нихъ тяжелыя повинности. Представимъ себѣ, что крестьянинъ средней зажиточности, чтобы не упустить случая увеличить свой земельный надѣлъ 5-ю десятинами, обращается къ ростовщику за ссудой и платитъ ему 150%. Нѣтъ основанія признавать «крайне тягостнымъ» положеніе этого заемщика и нельзя считать цѣль ссуды—покупку земли—необходимую для поддержанія жизни. Тѣмъ не менѣе, злая воля ростовщика обнаруживается здѣсь въ полной силѣ и заслуживаетъ кары такъ же, какъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Мы увѣрены, что признаніе закономъ ростовщическихъ дѣйствій наказуемыми лишь въ томъ случаѣ, когда займодавецъ «воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика», сдѣлаетъ ростовщичество ненаказуемымъ.

Должникъ, находящійся въ стѣсненномъ положеніи, отличается робостью и забитостью: боязнь, что обнаруженіе предъ административною властью ростовщической сдѣлки затруднитъ полученіе въ будущемъ даже дорогого и обременительнаго кредита, будетъ удерживать этихъ людей отъ раскрытія продѣловъ ростовщиковъ. Именно тѣ заемщики, которые принадлежатъ къ болѣе зажиточному крестьянству, которые не состоятъ хроническими должниками ростовщиковъ, а обращаются къ нимъ только въ исключительныхъ случаяхъ, и могли бы облегчить администраціи преслѣдованіе ростовщическихъ дѣйствій: не будучи въ такой зависимости отъ кулаковъ, какъ заемщики первой группы, менѣе робкіе и забитые, они громко заговорили бы о такихъ кредитныхъ сдѣлкахъ, про которыя не посмѣютъ и пикнуть должники, находящіеся въ стѣсненномъ положеніи.

Законъ заслуживаетъ сочувствія потому, что осуждаетъ ростовщичество, признаетъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказуемымъ. Такъ и быть должно: если законъ караетъ мельчайшую кражу, которая, конечно, не можетъ разорить потерпѣвшаго, если самовольно срубленная береза, въ оглоблю толщиной, влечетъ за собою для виновнаго очень серьезную отвѣтственность, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ осужденія со стороны закона, иначе говоря, наказанія ростовщикъ, разоряющій многочисленныя хозяйства и вынуждающій многихъ бѣдныхъ людей, выбитыхъ изъ колеи честнаго труда, становиться на путь нищенства, а нерѣдко и преступленія. Повторяемъ, идея осужденія ростовщичества, лежащая въ основаніи новаго закона, заслуживаетъ сочувствія. Но эта идея выражена робко и неувѣ-

ренно. Въмѣсто того, чтобъ осудить въ ростовщикѣ злую волю, каковы бы ни были формы ея проявленія, законъ осуждаетъ только нѣкоторые виды ростовщическихъ дѣйствій и ставитъ наказуемость ихъ въ зависимость отъ хозяйственнаго положенія должника.

Имѣя нѣкоторое нравственное значеніе, законъ 24 мая, конечно, не можетъ ослабить ростовщичество и освободить населеніе деревни отъ давленія кулаковъ. Кредитныя сдѣлки очень легко скрываются отъ глазъ даже зоркой администраціи. Стѣдить ростовщикамъ держаться такого способа оформленія сдѣлокъ, при которомъ заемщикъ выдаетъ обязательство на сумму, превышающую ссуду,—и легко будутъ спрятаны концы. Стѣдить ростовщикамъ, выговаривающимъ за выданную денежную ссуду или съѣстные припасы исполненіе должникомъ извѣстныхъ работъ, оплачивать ихъ трудъ вмѣсто 80 копѣекъ 40 копѣйками въ день и воздерживаться отъ принужденія ихъ къ безвозмездной работѣ—и опять ростовщическое дѣйствіе будетъ затуманено до невозможности отыскать въ немъ элементы, образующіе составъ преступленія по закону 24 мая. Но особенную поддержку оказываетъ ростовщикамъ положеніе закона о наказуемости ихъ въ томъ случаѣ, если они занимаются выдачею ссуды, какъ промыслѣмъ. Вчитавшись въ эту статью закона, деревенскіе ростовщики постараются разнообразить свои промыслы: комбинируя сельское хозяйство съ торговлей, иногда съ кустарнымъ промыслѣмъ, они всегда будутъ имѣть видъ людей, которые только мимоходомъ выдаютъ ссуды за лихвенные проценты. Мы вовсе не удивились бы, если бы не оказалось ни одного случая привлеченія къ суду за ростовщичество,—настолько кажется намъ нехитрымъ совершить эти сдѣлки въ формѣ приличной, благопристойной. Недалеко ходить и за фактами, которые подкрѣпляютъ наши предположенія. Недавно вышедшая книга Каро о ростовщичествѣ (*Caro: «Der Wucher», 1893*) содержитъ интересныя свѣдѣнія о вліяніи закона на сельскихъ ростовщиковъ въ Галиціи. Положеніе этой стороны во многомъ напоминаетъ положеніе юго-западныхъ губерній Россіи. Образованная въ 1876 году при галицкомъ сеймѣ комиссія изслѣдовала условія сельскаго кредита. Оказалось, что правильно организованный кредитъ совершенно отсутствуетъ и что крестьяне въ лучшемъ случаѣ платятъ по ссудамъ 25—30% годовыхъ, но очень часто проценты доходятъ до 150—200 и 400 въ годъ. Уплата ссудъ работою на поляхъ и лугахъ имѣла въ Галиціи большое распространеніе. Тягостныя условія кредита были причиною обезземеленія и окончательнаго разоренія многихъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Выводы комиссіи побудили галицкій сеймъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи для Галиціи закона противъ ростовщичества. Законъ, ограничивавшій 12-ю годовыми высшую норму процента и угрожавшій ростовщикамъ тюрьмою и значительною денежною пеней, былъ изданъ 16 іюля 1877 года. Первое время послѣ изданія закона въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи ростовщики какъ будто умѣрили свои требованія. Нѣкоторые ростовщики рѣшились воздерживаться отъ выдачи ссудъ даже наиболѣе кре-

дитоспособнымъ крестьянамъ. Вслѣдствіе этого массы крестьянъ пораспродали свой скоть, хлѣбъ на корню, дабы пережить весну; были случаи обращенія крестьянъ въ судъ съ просьбою оказать имъ покровительство, дабы ростовщики не лишили ихъ поддержки» (назв. соч., стр. 205). Однако, вскорѣ ростовщичество стало свирѣпствовать съ прежнею и даже большею силой. По ссудамъ, за рискъ возможной уголовной отвѣтственности, стали взимать еще большіе проценты. Г. Каро перечисляетъ слѣдующіе способы обхода закона: 1) Должники стали писать въ заемныхъ обязательствахъ большія суммы, нежели то, что было получено въ долгъ. 2) Вошло въ обычай уступать ростовщикамъ пользованіе плодами заложенного имущества (земледѣльческими, молочными продуктами и проч.). 3) Проценты облекались въ форму скидки на арендную платѣ, за которую должникъ уступалъ свою землю заимодавцу. 4) Кредитная сдѣлка стала облекаться въ форму продажи должникомъ заимодавцу имущества за сумму, равную полученной ссудѣ, съ правомъ для должника выкупить имущество по болѣе высокой цѣнѣ. Если выкупъ не состоялся, то имущество оставалось за заимодавцемъ. 5) Нерѣдко, вмѣсто платежа процентовъ, должникъ разрѣшалъ заимодавцу пасти скоть на своей землѣ. 6) Если ростовщикъ содержалъ лавку, то должникъ обязывался покупать въ ней всѣ нужные товары и платить за нихъ гораздо дороже рыночной цѣны. 7) Во всей Галиціи ростовщики устраивали тайные притоны, гдѣ принимали вещи въ закладъ безъ свидѣтелей и безъ выдачи росписокъ со взиманіемъ огромныхъ процентовъ по выданнымъ ссудамъ (назван. сочин., стр. 207—10). Авторъ перечисляетъ и другіе приемы, которыми пользовались ростовщики, дабы уйти отъ преслѣдованія закона. Сельскій кредитъ въ Галиціи началъ приближаться къ болѣе нормальнымъ условіямъ только съ 80-хъ годовъ, когда стали возникать доступныя для небогатыхъ людей кредитныя учрежденія. Вліяніе закона 24 мая на русскихъ ростовщиковъ будетъ однородно съ вліяніемъ, которое имѣлъ въ Галиціи законъ 16 іюля 1877 года, хотя положеніе русскихъ крестьянъ не тождественно съ положеніемъ галицкихъ. Если у нашихъ западныхъ сосѣдей ростовщики скоро освоились съ новымъ положеніемъ и изобрѣли различныя способы обходить законъ, то и у насъ не будутъ дремать представители этого достойнаго сословія: законъ послужитъ не для обузданія ихъ, а только для возбужденія ихъ изобрѣтательности. Ростовщичество можетъ быть ослаблено только повышеніемъ благосостоянія русской деревни. Обсуждая причины, въ силу которыхъ ссудо-сберегательныя товарищества остановились въ своемъ развитіи (*Внутреннее Обозрѣніе* 1893 г., апрѣль), мы указали на низкій уровень благосостоянія нашего крестьянства, какъ главное условіе, препятствующее развитію правильнаго кредита въ населеніи русской деревни. И теперь мы повторимъ сдѣланный нами тогда выводъ: власть ростовщика въ деревнѣ будетъ ослаблена не карами, которыми законъ грозитъ за ростовщическія дѣйствія, а только упроченіемъ хозяйственнаго быта крестьянъ.

янь, которое облегчить дѣйствию въ ихъ средѣ какъ государственныхъ, такъ и частныхъ кредитныхъ учреждений.

Перваго іюня высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи въ Россіи двойного таможеннаго тарифа. На основаніи этого закона, дѣйствующій тарифъ, со всѣми могущими послѣдовать въ немъ измѣненіями, будетъ примѣняемъ къ товарамъ, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя предоставляютъ русскимъ товарамъ наиболѣе льготныя условія ввоза и транзита; къ товарамъ же, составляющимъ произведенія почвы и промышленности тѣхъ странъ, которыя не предоставляютъ русскимъ товарамъ такихъ условій, означенный тарифъ будетъ подлежать примѣненію съ надбавкою 30, 20 и 15 процентовъ. Съ товаровъ виѣвропейскаго происхожденія (рисъ, кофе, какао, джута и др.) будетъ взиматься нынѣшняя пошлина съ надбавкою 15%, при ввозѣ этихъ товаровъ изъ европейскихъ странъ второй группы. Права наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ предоставляютъ Россіи Великобританія, Франція, Италія, Голландія, Бельгія, Турція (съ Болгаріей и Египтомъ), Швеція, Норвегія и Данія. Въ эти страны направляются товары, составляющіе по цѣнности до 67% русскаго вывоза: по среднему исчисленію за пятилѣтіе 1886—90 гг. въ эти страны было вывезено русскихъ товаровъ на сумму до 468¹/₂ милліоновъ рублей въ годъ. Германія, Австрія, Румынія, Испанія, Португалія не предоставляютъ Россіи правъ наиболѣе благопріятствуемыхъ странъ; въ эти 5 государствъ направляются товары, составляющіе, по цѣнности, 33% русскаго заграничнаго отпуска; 27% на сумму до 165 милліоновъ рублей вывозятся въ Германію. Въ длинномъ спискѣ товаровъ, подлежащихъ при ввозѣ въ Россію усиленному таможенному обложенію, мы находимъ, между прочимъ, такіе предметы: мѣдныя, стальные, жестяныя издѣлія, проволока разныхъ родовъ, инструменты, машины и аппараты, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, писчебумажный товаръ, бумажная, джутовая, льняная и пеньковая пряжа, веревки, канаты, джутовые и холстинные мѣшки. Эти товары подлежатъ надбавкѣ пошлины въ размѣрѣ 30%. Среди товаровъ, на которые опредѣлена надбавка пошлины въ 20%, мы находимъ: выдѣланныя и невыдѣланныя кожи, строительные матеріалы, кирпичъ, простыя гончарныя издѣлія, карболовую кислоту, скипидарное масло, желѣзо, жестъ, сталь, мѣдь, желѣзные и стальные рельсы, бумажную массу, сельско-хозяйственныя машины и орудія, шерсть нечесанную и непряденую, бумажную вату и разныя другія издѣлія общаго потребленія. 5 іюня заключенъ торговый договоръ съ Франціей, по которому понижена пошлина на нѣкоторые ввозимые къ намъ французскіе товары. Пониженіе составляетъ 10—20%. Изъ товаровъ, которые Франція будетъ ввозить въ Россію, пониженіемъ пошлины на 25% будутъ пользоваться сельско-хозяйственныя машины и орудія, многіе химическіе и фармацевтическіе товары; пониженіе въ 20% дается желѣзнымъ и стальнымъ кардолентамъ; пониженіемъ въ 15% будутъ пользоваться косы,

серпы и разныя другія мелкія сельско-хозяйственныя орудія, а также инструменты для ремеслъ, художествъ, фабрикъ и заводовъ. 10%-ная уступка на пошлины дѣлается для многихъ чугунныхъ, желѣзныхъ, фаянсовыхъ издѣлій, проволочныхъ гвоздей, разныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Мы оставляемъ безъ перечисленія тѣ получившіе скидку на таможенной пошлинѣ товары, которые не относятся къ предметамъ общаго употребленія. Четвертымъ актомъ въ сферѣ таможенныхъ мѣропріятій является распоряженіе министра финансовъ отъ 20 іюля о взиманіи пошлинъ съ надбавкою 50%, съ произведеній почвы и промышленности Германіи и ея внѣевропейскихъ колоній. Результатомъ этихъ перемѣнъ въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ является четверной таможенный тарифъ: общій, изданный 11 іюня 1891 года, со всѣми послѣдующими измѣненіями и дополненіями; *возвышенный* тарифъ, установленный для товаровъ изъ тѣхъ государствъ, которые не предоставляютъ Россіи правъ наиболѣе благоприятствуемыхъ странъ; *максимальный* — для Германіи и *минимальный* — для Франціи.

Министерство финансовъ дало такое объясненіе мотивовъ, которые руководили нашимъ правительствомъ при возвышеніи таможеннаго тарифа: «Съ 1892 года таможенная политика на Западъ получила новое направленіе, существенно характеризующееся широкимъ примѣненіемъ начала взаимныхъ конвенціонныхъ тарифныхъ уступокъ, распространенныхъ на значительно большее, чѣмъ прежде, число предметовъ и, между прочимъ, допущенныхъ по отношенію къ пошлинамъ съ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, составляющихъ, какъ извѣстно, главнѣйшій предметъ нашего вывоза. Введенные въ нѣкоторыхъ государствахъ новые конвенціонные тарифы съ пониженными пошлинами не были распространены на Россію, и вывозъ ея оказался впервые фактически, и, притомъ, по весьма многимъ товарамъ, поставленнымъ въ неодинаковыя условія соперничества съ однородными товарами другихъ странъ, къ существенной невыгодѣ питающихъ вывозъ отраслей нашей промышленности и въ уклоненіе отъ начала добраго взаимства въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ, ибо Россія продолжала попрежнему предоставлять государствамъ, поставившимъ ея вывозъ въ такое неравноправное съ другими вывозящими странами положеніе, совершенно одинаковыя съ наиболѣе ей благоприятствующими державами условія ввоза. При такомъ положеніи дѣла, дальнѣйшее удержаніе одного таможеннаго тарифа не могло уже быть допущено, и русское правительство вынуждено, самою силой вещей, установить и въ своемъ тарифномъ законодательствѣ начало неодинаковаго обложенія привозныхъ товаровъ различныхъ государствъ, смотря по отношенію этихъ государствъ къ предметамъ нашего вывоза. Мѣра эта не имѣетъ иной дѣли, какъ защиту экономическихъ интересовъ государства. Дорожа принципомъ автономнаго тарифа, правительство почти полтора года мирилось съ невыгодными для русскаго вывоза таможенными порядками за границею и медлило принятіемъ мѣры, являющейся лишь возстановленіемъ поколебленнаго, въ чертѣ нашимъ экономическимъ интересамъ, равновѣсія взаимныхъ условій

международнаго товарнаго обмѣна. Оно рѣшилось на этотъ шагъ тогда только, когда окончательно убѣдилось въ прочномъ водвореніи на западѣ Европы новаго направленія таможенной политики, основаннаго на взаимныхъ уступкахъ въ таможенныхъ пошлинахъ, коснувшихся весьма большого числа товаровъ и, между прочимъ, всѣхъ главнѣйшихъ предметовъ нашего вывоза. Имѣя, кромѣ того, въ виду, что европейскія государства заинтересованы транзитными и комиссіонными операціями по ввозу въ Россію нѣкоторыхъ внѣевропейскихъ товаровъ, сопряженными съ коммерческими выгодами, правительство признало справедливымъ и въ этомъ отношеніи установить неодинаковыя условія по ввозу къ намъ, смотря по тому, совершается ли этотъ ввозъ изъ странъ намъ наиболѣе благопріятствующихъ, или же изъ странъ, этого не дѣлающихъ. Согласно съ симъ, закономъ 1 іюня настоящаго года постановлено, между прочимъ, что пошлины съ важнѣйшихъ, потребляемыхъ въ Россіи, внѣевропейскихъ товаровъ взимаются при ввозѣ изъ странъ послѣдней категоріи съ надбавкою 15 проц.»

Какими соображеніями ни руководствовалось бы наше правительство, внося перемены въ таможенные тарифы, экономическія послѣдствія этихъ переменъ образуютъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ фактовъ. Одни изъ этихъ фактовъ относятся до привоза въ Россію иностранныхъ товаровъ, другіе—до отпуски русскихъ товаровъ за границу.

Затрудненія, поставленныя привозу товаровъ изъ нѣкоторыхъ странъ, преимущественно изъ Германіи, поведутъ, прежде всего, къ тому, что производители въ другихъ государствахъ и, особенно, во Франціи, пользующіеся болѣе низкою таможенною пошлиною, расширять свои промышленныя обороты, чтобы доставить русскому рынку товары, обложенные болѣе высокою таможенною податью при ввозѣ ихъ изъ Германіи и другихъ странъ, въ отношеніи которыхъ примѣняется русскій максимальный тарифъ. Такимъ образомъ, соотвѣтственно съ уменьшеніемъ на русскихъ рынкахъ германскихъ желѣзныхъ, стальныхъ, фаянсовыхъ, кожевенныхъ издѣлій, явится увеличеніе этихъ издѣлій англійскаго, бельгійскаго, французскаго производства. Такъ именно смотреть на дѣло и въ Германіи, «Изучивъ нашъ минимальный тарифъ, германскіе промышленники, торговцы и ихъ печать пришли къ заключенію, что уступки далеко не такъ незначительны, какъ это казалось съ перваго бѣглаго взгляда. Изъ 30 слишкомъ главныхъ статей, по которымъ произведены скидки съ основнаго тарифа, только по 3 — 4 Франція ввозитъ къ намъ больше, чѣмъ Германія; по всѣмъ остальнымъ импортъ изъ Германіи болѣе значителенъ. Германскіе фабриканты и заводчики, поэтому, опасаются, чтобы при значительной разницѣ въ сбложеніи германскаго ввоза, съ одной стороны, и французскаго и англійскаго — съ другой, нѣмецкая промышленность вовсе не потеряла нашего рынка» (см. *Русскія Вѣдомости*, № 195, корреспонд. изъ Берлина). Насколько оправдаются опасенія германскихъ фабрикантовъ относительно вытѣсненія съ русскаго рынка нѣмецкихъ товаровъ французскими, англійскими, бельгійскими, наше народное хозяйство не понесетъ ущерба;

вліяніе этихъ перемѣнъ обнаружится въ промышленности только иноземныхъ народовъ. Но можно ожидать и другого послѣдствія. Такъ какъ ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ изъ Германіи (шерсть, химическіе продукты, кожи, шелкъ, разныя металлическія издѣлія) весьма значителенъ и пробѣль, оставленный на нашемъ рынкѣ сокращеніемъ привоза этихъ товаровъ нѣмецкаго производства, не сразу будетъ пополненъ усиленною доставкой ихъ изъ Англіи, Франціи, Бельгіи, то русскіе производители этихъ товаровъ получатъ толчокъ для расширенія своихъ оборотовъ: на нѣкоторое время именно въ этихъ отрасляхъ промышленности усилятся производительность нашихъ фабрикъ и заводовъ. Однако, расширеніе производительности не будетъ продолжительно: богатый запасъ техническихъ средствъ, которыми располагаютъ западно-европейскія страны, позволитъ въ $2\frac{1}{2}$ —2 года народамъ, поставленнымъ нашимъ таможеннымъ тарифомъ въ болѣе благоприятныя условія, привезти намъ все то, чего не довезетъ Германія. Произведенный на русскомъ рынкѣ избытокъ этихъ товаровъ (вслѣдствіе усиленной работы нашихъ фабрикъ и заводовъ), понизивъ цѣны, уменьшитъ барыши многихъ русскихъ предпринимателей и вызоветъ громкія жалобы на невыгодность производства и требованія новыхъ мѣръ по охранѣ русской промышленности. Можетъ быть, правительство останется равнодушно къ этимъ сѣтованіямъ; но возможно, что снова будутъ сдѣланы надбавки къ таможеннымъ пошлинамъ. Какъ бы то ни было, перемѣны въ нашемъ таможенномъ тарифѣ будутъ причиною искусственнаго, а потому и непрочнаго расширенія нѣкоторыхъ отраслей русской промышленности. Промышленность можетъ развиваться ровно и планомѣрно только при возможности точно предусмотрѣть цѣны сырья, вспомогательныхъ матеріаловъ и готовыхъ издѣлій. Какъ скоро таможенные пошлины подвергаются частымъ и рѣзкимъ измѣненіямъ, народная предпримчивость ставится на очень зыбкую почву. Подводя итоги всѣмъ нашимъ соображеніямъ о вліяніи, которое будетъ оказано нашимъ четвертымъ таможеннымъ тарифомъ на ввозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, мы можемъ сказать, что это вліяніе не будетъ имѣть слишкомъ большихъ размѣровъ.

Иначе нужно повести рѣчь о нашемъ отпускѣ. Изложеніе министерствомъ финансовъ мотивовъ, которые руководили нашимъ правительствомъ при установленіи максимальнаго тарифа, показываетъ, что это—боевой тарифъ, что онъ является отвѣтомъ Германіи за усиленное обложеніе нашихъ хлѣбовъ сравнительно съ хлѣбомъ и многими другими продуктами, ввозимыми въ Германію изъ Австро-Венгрии, Румыніи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ Россіи нѣкоторые органы печати рукоплещутъ боевымъ пошлинамъ противъ Германіи. Эта радость питается убѣжденіемъ, что Германія слабѣе насъ, что она не можетъ обойтись безъ нашего хлѣба, что на не дерзнетъ еще болѣе возвысить пошлины на русскій хлѣбъ и что затрудненіе привоза нѣмецкихъ товаровъ на нашъ рынокъ очень скоро оставитъ Германію сдать, «просить пардону» и облегчитъ нашему хлѣбу доступъ на германскій рынокъ. Цифры нашей внѣшней торговли, по-

видимому, оправдывают такое мнѣніе: среди русскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Германію, первое мѣсто принадлежитъ такимъ важнымъ статьямъ, какъ рожь, пшеница, лѣсные матеріалы, пенька, лёнъ, щетина, лошади. Откуда удовлетворять нѣмцы потребность въ этихъ предметахъ, если не будутъ получать ихъ изъ Россіи? По этому поводу намъ приходится на память сочиненная передъ крымскою войною ultra - патриотическая пѣсенка, въ которой изъ факта покупки Западною Европою русскаго хлѣба дѣлался выводъ о зависимости Европы отъ насъ и о невозможности пораженія нашихъ войскъ арміею союзниковъ. Мы вовсе не считаемъ доказанною зависимость Германіи отъ ввоза русскаго хлѣба. Въ нынѣшній годъ, неурожайный для Германіи и мало урожайный для Соединенныхъ Штатовъ, положеніе Россіи благоприятно и у нѣмцевъ можетъ обнаружиться настоящая нужда въ русскомъ хлѣбѣ. Но не того нужно ожидать въ средній годъ для Запада и Америки даже при урожаѣ въ Россіи выше средняго. Изумительная энергія, которую всегда и во всемъ обнаруживаютъ американцы, побудитъ ихъ усилить хлѣбное производство, чтобы занять господствующее положеніе на германскомъ рынкѣ. Помимо соперничества Остъ-Индіи, Австраліи и южно-американскихъ государствъ, не слѣдуетъ забывать о благоприятныхъ условіяхъ, которыми обставленъ ввозъ въ Германію австро-венгерскаго хлѣба. Австро-Венгрія имѣетъ много данныхъ для успѣшнаго развитія сельскаго хозяйства. Припомнимъ, что земли венгерской короны имѣютъ населеніе менѣе 3,000 душъ на квадрат. милю. Обратимъ вниманіе на главные предметы австро-венгерской вывозной торговли. За 1891 годъ цѣнность отпуска составляла 787½ миллионъ флориновъ. Въ общей массѣ цѣнность вывезеннаго хлѣба, лѣса, скота, сахара, льна, шерсти, яицъ и перьевъ составляетъ 322 миллиона, т.-е. сырье занимаетъ очень видное мѣсто. Выгоды, доставленныя Австро-Венгріи торговымъ договоромъ съ Германіей, дадутъ толчокъ усиленному занятію въ этой странѣ сельскимъ хозяйствамъ, и австро-венгерское сырье займетъ на германскомъ рынкѣ часть русскаго сырья. Очень опаснымъ соперникомъ Россіи можетъ явиться также Румынія съ ея рѣдкимъ населеніемъ и обширными пространствами пустующихъ плодородныхъ земель. Немудрено, поэтому, если Россія потеряетъ значительную, быть можетъ, большую часть германскаго рынка.

Наши шовинисты часто говорятъ о легкости отыскать новые рынки для русскихъ продуктовъ. Дѣйствительность даетъ, однако, очень слабыя точки опоры для этихъ надеждъ. Въ настоящее время на мировомъ рынкѣ происходитъ борьба не только между народами съ развитою промышленностью: въ этой борьбѣ принимаютъ участіе даже такія, сравнительно мало культурныя страны, какъ Остъ-Индія, Египетъ, Бразилія, Аргентина. Едва на мировомъ рынкѣ освободилось мѣстечко, какъ производители разныхъ національностей набрасываются на него и ревниво оберегаютъ его отъ захвата со стороны соперниковъ. Недавно напечатана брошюра г. Осипова, командированнаго министерствомъ государственныхъ имуществъ въ Египетъ для изученія условій сбыта въ этой странѣ русскихъ товаровъ

Египетъ ввозитъ много лѣса. Хотя Россія имѣетъ удобные пути для передвиженія лѣсныхъ матеріаловъ изъ богатыхъ лѣсомъ бѣлорусскихъ губерній къ южнымъ портамъ, однако, австрійскіе лѣсные товары господствуютъ на египетскомъ рынкѣ и русскіе не могутъ побѣдить этого соперника. А, вѣдь, всею извѣстна сравнительно высокая цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ въ Австріи. Нѣтъ, мы убѣждены, что весьма возможная потеря значительной части германскаго рынка очень не скоро можетъ быть возмѣщена приобретениемъ за предѣлами Россіи новыхъ покупателей для нашихъ товаровъ.

Какая же бѣда отъ того, что изъ 165 милліоновъ рублей—цѣнности нашего отпуска въ Германію—мы продадимъ за границу товаровъ только половину? Развѣ мы продаемъ излишки, остающіеся за удовлетвореніемъ всехъ потребностей внутри страны? Развѣ въ Россіи не найдется покупателей на тотъ хлѣбъ, скоть, ленъ, лѣсные матеріалы, которые останутся не вывезенными за границу? Конечно, увеличеніе покупательной силы туземнаго населенія составляетъ главную цѣль хозяйственной политики. Крупныя юридико-экономическія преобразованія привели бы Россію къ этой цѣли. Но теперь мы стоимъ отъ нея очень и очень далеко и уменьшеніе отпуска нашихъ продуктовъ за границу понизило бы цѣну ихъ на внутреннемъ рынкѣ. Крупные и средніе хозяева могли бы перенести уменьшеніе доходовъ, а мелкіе, продающіе хлѣбъ, ленъ, пеньку, яйца, выручая за нихъ меньше, нежели въ настоящее время, и расходуя столько же, какъ теперь, на покупку орудій и домашней утвари, на государственные и общественные сборы, были бы поставлены въ еще болѣе стѣсненное положеніе; снова явилось бы налицо условіе накопленія недоимокъ. Закончимъ пожеланіемъ, чтобы максимальный тарифъ существовалъ недолго и чтобы торговый договоръ съ Германіей сохранилъ и даже расширилъ для нашихъ товаровъ германскій рынокъ.

14 мая настоящаго года утверждено положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ. Предметомъ налога служатъ помѣщенія для жилья въ городахъ и поселеніяхъ, поименованныхъ въ особомъ росписаніи. Для взиманія налога, города и поселенія распределены на классы, а въ каждомъ классѣ квартиры распределены на разряды по ихъ наемной цѣнѣ. Все города и поселенія раздѣлены на 5 классовъ: къ 1-му отнесены только общины, ко 2-му—8 значительнѣйшихъ губернскихъ городовъ: Варшава, Гельсингфорсъ, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Рига, Саратовъ и Харьковъ, а также Цесса и Ростовъ-на-Дону. Въ 3-й классъ помѣщены 67 городовъ, почти всѣ губернскіе, а также наиболѣе значительныя изъ уѣздныхъ: Бердичевъ, Мѣль, Елисаветградъ, Рыбинскъ, Царицынъ и нѣкоторые другіе. Въ 4-й классъ мы находимъ 141 городъ, въ томъ числѣ 9 губернскихъ: Вятку, Бѣльцы, Ломжу, Новгородъ, Петразаводскъ, Петроковъ, Радомъ, Сувалки и Дзельцъ. Въ пятую классу отнесены все остальные города и населенія.

Привлекая къ платежу квартирнаго налога какъ русскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, законъ устанавливаетъ слѣдующія изъятія. Освобождается отъ налога: духовенство христіанскихъ исповѣданій; 2) иностранные дипломатическіе представители и другія лица, входящія въ составъ посольствъ и миссій; 3) консулы, состоящіе подданными того государства, отъ котораго они назначены, если въ немъ подобная льгота предоставлена русскимъ консуламъ. Государственный квартирный налогъ не исчисляется: 1) съ помѣщеній, занятыхъ правительственными, общественными и сословными учрежденіями, учеными и учебными заведеніями, больницами, лѣчебницами и проч.; съ нижеслѣдующихъ жилыхъ помѣщеній: съ дворцовъ и иныхъ зданій, занимаемыхъ членами Императорскаго Дома, съ архіерейскихъ домовъ, пріютовъ и иныхъ благотворительныхъ заведеній, съ жилищъ рабочихъ при фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, съ постоянныхъ дворовъ и ночлежныхъ домовъ, а также со всѣхъ квартиръ, наемная цѣна которыхъ ниже размѣра, установленнаго для взиманія оклада налога перваго разряда въ городахъ и поселеніяхъ всѣхъ классовъ. Для взиманія налога квартиры въ мѣстностяхъ каждаго класса раздѣлены на разряды и для каждаго разряда установленъ окладъ налога. Въ объѣмахъ столицахъ квартиры раздѣлены на 35 разрядовъ: къ первому отнесены квартиры съ наемною платою отъ 300 до 360 рублей и съ 5 рублевымъ окладомъ налога, составляющимъ 1 $\frac{2}{3}$ % для низшей квартирной платы въ этомъ разрядѣ. Съ переходомъ къ дальнѣйшимъ разрядамъ окладъ прогрессивно повышается: квартиры 5 разряда съ годовою наемною платою въ 720—840 рублей обложены окладомъ въ 18 рублей, составляющимъ 2 $\frac{1}{2}$ % съ низшей платы въ этомъ разрядѣ; къ 10 разряду отнесены квартиры съ платою въ 1,320—1,440 рублей и окладомъ въ 45 рублей, составляющимъ до 3 $\frac{1}{2}$ % съ низшей платы разряда; въ 25 разрядъ отчислены квартиры съ платою 400—469 рублей, относительно которой окладъ налога въ 264 рубля составляетъ нѣсколько болѣе 6%. Къ послѣднему, 35 разряду, отнесены квартиры съ годовою наемною платою выше 6,000 рублей и съ окладомъ налога въ 10% съ цѣны квартиры. 10% и являются въ мѣстностяхъ всѣхъ 5 классовъ высшимъ предѣломъ обложенія. Въ городахъ 2 класса квартиры разбиты на 36 разрядовъ съ наемною платою отъ 225 до 4,500 рублей; въ мѣстностяхъ 3 класса мы находимъ 27 разрядовъ съ платою отъ 150 до 3,000 рублей; въ 4 классѣ 29 разрядовъ съ платою отъ 120 до 2,400 рублей и, наконецъ, въ мѣстностяхъ 5 класса—19 разрядовъ съ наемною цѣною отъ 60 до 1,200 рублей. Если жилое помѣщеніе занято самимъ домовладѣльцемъ или уступлено имъ въ бесплатное пользованіе другому лицу, то наемная цѣна опредѣляется по соображенію съ годовою наемною платою, которая получалась раньше за эту квартиру. Если нельзя примѣнить этотъ способъ оцѣнки, то цѣна помѣщенія опредѣляется по расчету чистаго дохода въ 4% съ цѣнности строенія. Наемная плата бесплатныхъ казенныхъ квартиръ, отводимыхъ чиновникамъ, признается равною годовому окладу квар-

тирныхъ денегъ, присвоенному должности, которую занимаетъ это лицо. Завѣдуетъ налогомъ казенная палата съ образуемымъ при ней губерскимъ или областнымъ по квартирному налогу присутствіемъ. Въ составъ послѣдняго, кромѣ общаго присутствія казенной палаты, входятъ городской голова губернскаго города и 2 лица, избираемые на 3 года городскою думою или магистратомъ губернскаго города. При разсмотрѣніи въ присутствіяхъ дѣлъ, относящихся до уѣздныхъ городовъ или поселеній, въ засѣданіяхъ участвуютъ, на правахъ членовъ, городскіе головы этихъ поселеній. Опредѣленіемъ окладовъ налога съ плательщиковъ завѣдуютъ городскія по квартирному налогу присутствія изъ мѣстныхъ квартиро-хозяевъ, приглашаемыхъ на 1 годъ въ числѣ отъ 4 до 6; предсѣдательство въ этихъ присутствіяхъ принадлежитъ податному инспектору. Члены городскихъ присутствій избираются думами, а тамъ, гдѣ не введено городское положеніе, назначаются губернаторомъ по соглашенію съ управляющимъ казенною палатой. Матеріаломъ для исчисленія окладовъ налога служатъ свѣдѣнія, которыя каждый домовладѣлецъ или лицо, заступающее его мѣсто, вноситъ въ городское по квартирному налогу присутствіе о жильцахъ, наемной платѣ за квартиры и прочее. Налогъ вносится въ мѣстное казначейство въ одинъ срокъ—15 апрѣля, а съ лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ, вычитается изъ жалованья въ два срока—1 мая и 1 сентября. Налогъ, не внесенный въ теченіе 10 дней послѣ установленнаго срока, считается недоимкою, на сумму которой исчисляется пеня по $\frac{1}{2}\%$ за каждые 15 дней.

Таковъ въ главныхъ чертахъ государственный квартирный налогъ. Даже при бѣгломъ просмотрѣ его бросаются въ глаза его недостатки. Прежде всего, дѣленіе городовъ и поселеній на классы и образованіе разрядовъ внутри каждаго класса. Въ основаніи этой группировки лежитъ одно начало: установить такую классификацію годовыхъ квартирныхъ платъ, чтобы одинъ и тотъ же окладъ падалъ на квартиры примѣрно равнаго достоинства. Руководствуясь такимъ побужденіемъ, сводятъ въ одинъ классъ города и поселенія приблизительно съ равными наемными цѣнами жилыхъ помѣщеній. Устанавливая разряды квартиръ и оклады, имѣютъ въ виду тотъ фактъ, что въ менѣе значительныхъ городахъ и поселеніяхъ извѣстная наемная плата, по справедливости, выноситъ гораздо болѣе высокій окладъ, нежели такая же наемная плата въ самыхъ большихъ городахъ. Это начало и приведено въ росписаніе мѣстностей и разрядовъ крайне неудовлетворительно. Къ первому классу, кромѣ Москвы и Петербурга, слѣдовало вести Одессу и Варшаву, можетъ быть, даже Ригу. Третій классъ вызывъ противъ себя много возраженій: на ряду съ такими торговыми и быстро растущими городами, какъ Екатеринославъ, Орелъ, Самара, Херсонъ, мы находимъ захолустные пункты, вродѣ Архангельска, Владиміра губернскаго, Пскова. Рядомъ съ крупнѣйшими и дѣйствительно оживленными здными городами—Екатеринбургъ, Елисаветградъ, Ливава, Лодзь, Таганъ, Царское Село, мы находимъ Черниговъ и Вологду, города, которые

имѣть почти исключительно административное значеніе. Въ четвертый классъ относятся такіе населенные и, сравнительно, богатые города, какъ Бѣльскъ, Гомель, Глуховъ, Ирбитъ, Стародубъ, и такія ничтожныя поселенія, какъ Жлодра, Юрьевецъ, Угличъ. При распредѣленіи городовъ и поселеній въ классы руководствовались числомъ жителей. Отмѣтимъ здѣсь же, что въ Россіи этотъ признакъ часто можетъ быть болѣе ошибоченъ, нежели во многихъ другихъ государствахъ. На Западѣ городская жизнь развивалась естественно: всего быстрѣе выростали тѣ центры, которые имѣли благоприятныя условія для развитія торговли и промышленности: если, поэтому, въ Германіи или Франціи мы возьмемъ нѣсколько городовъ, каждый съ населеніемъ въ 100,000 душъ, то можемъ съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что эти города пользуются въ равной мѣрѣ благосостояніемъ. Иначе развивались городскіе центры въ Россіи: одни изъ нихъ выросли естественно, вслѣдствіе выгоднаго мѣстоположенія; другіе же созданы искусственно и имѣютъ нѣкоторое значеніе только какъ центры управленія. Таковы многіе изъ нашихъ губернскихъ и большая часть уѣздныхъ городовъ. Часто, поэтому, мы впадемъ въ ошибку, если, сопоставляя два русскихъ города, изъ одинаковаго числа ихъ жителей заключимъ о равной степени ихъ зажиточности. По нашему убѣжденію, почти всегда правильно будетъ такое заключеніе: если по 25,000 жителей имѣютъ губернский городъ, уѣздный и посадъ, то богаче всѣхъ послѣдній, менѣе богатъ второй и бѣднѣе всѣхъ третій. И такъ заключаемъ мы по тому, что посады, предоставленныя своему естественному развитію, достигли значительнаго процвѣтанія не вслѣдствіе искусственной административной поддержки. Въ губернскомъ же городѣ сосредоточивается довольно большое населеніе уже потому, что вокругъ органовъ управленія группируется много людей, занимающихся оказаніемъ личныхъ услугъ, въ губернскія больницы стекается довольно большое число больныхъ, вѣтятся мелкіе торговцы, живутъ пенсіонеры и проч.—все это людъ, который можетъ дать городу довольно большое число жителей, но не въ состояніи обезпечить ему быстрое и успѣшное хозяйственное развитіе. Если мы сравнимъ Елисаветградъ, Кременчугъ, Житомиръ и Пензу, имѣющіе, приблизительно, одинаковое число жителей, то первые два окажутся болѣе богатыми, нежели послѣдніе. Слѣдовало имѣть въ виду этотъ фактъ при раздѣленіи городовъ на классы. Мы находимъ неудачною и классификацію разрядовъ; она построена выгодно для плательщиковъ квартирнаго налога въ малыхъ городахъ. Занимающій въ Москвѣ или Петербургѣ квартиру 4 разряда (600—720 рублей въ годъ) обложенъ окладомъ въ 14 рублей, а занимающій квартиру 10 разряда въ городѣ 5 класса, гдѣ-нибудь въ Суражѣ или Царевкошайскѣ, платитъ 11 рублей въ годъ. А, между тѣмъ, наемная цѣна этихъ квартиръ въ маленькомъ городѣ (300—400 рублей) доставляетъ нанятелю такое жилище, за которое платятъ въ столицѣ не менѣе 1,000 рублей. Налогъ распредѣлялся бы между плательщиками въ разныхъ мѣстностяхъ болѣе равномерно, еслибъ оклады были понижены для квартиръ,

въ болѣе крупныхъ центрахъ. Мы не можемъ отнестись сочувственно и къ 12 ст. закона, которая облагаетъ лицъ, занимающихъ казенныя квартиры по суммѣ квартирныхъ денегъ, входящихъ въ составъ ихъ жалованья. Такое вычисленіе приводитъ къ слѣдующимъ несообразностямъ. Ректоръ Московскаго университета, квартира котораго, при вольномъ наймѣ, стоитъ не меньше 2,000 рублей въ годъ, будетъ платить 5 рублей квартирнаго налога, ибо въ жаловань ректора квартирныя деньги составляютъ 300 рублей; писецъ въ университетской канцеляріи, имѣя 3—4 дѣтей, будетъ нанимать квартиру гдѣ-нибудь въ Малой Грузинской не меньше, какъ за 300 рублей, и также будетъ платить 5 рублей въ годъ. Казенныя квартиры доставляютъ чиновнику такъ много разнообразныхъ удобствъ (чего стоитъ, наприм., одна возможность долго жить на одной квартирѣ и не заботиться о покупке и сбереженіи дровъ), что было бы справедливо облагать занимающихъ эти квартиры по дѣйствительной наемной цѣнѣ помѣщенія. Скажемъ въ заключеніе, что этотъ налогъ представляется однимъ изъ худшихъ видовъ податей на потребленіе. Въ маѣ *Вестникъ Финансовъ* посвятилъ квартирному налогу рядъ статей, излагающихъ организацію этого налога въ Западной Европѣ и старающихся доказать, что наемная цѣна квартиры служить очень надежнымъ мѣриломъ доходовъ плательщика. Но всѣ старанія автора этихъ статей не могутъ опровергнуть факта, основаннаго на обширныхъ наблюденіяхъ и точныхъ выкладкахъ, — что семьи съ малыми доходами затрачиваютъ на жилище гораздо большую часть доходовъ, нежели богатые семьи. Семья, имѣющая 2,000 рублей ежегоднаго дохода, вынуждена затрачивать въ Москвѣ или Петербургѣ не меньше 400 рублей на квартиру, т.-е. 20%. А семья, имѣющая 100,000 рублей дохода, нанимая квартиру въ 5,000 рублей и давая такимъ образомъ широкій просторъ своему влеченію къ роскоши, затрачиваетъ на эту потребность только 5% дохода. И прогрессивное начало, умѣренно проведенное въ этомъ налогѣ, не сглаживаетъ неравномѣрности бремени, которое онъ возлагаетъ на плательщиковъ: окладъ прогрессивно возвышается съ нанимателей мелкихъ и среднихъ квартиръ, но достигнувъ 10% съ наемной платы помѣщеній, стоящихъ 6,000 рублей въ годъ въ столицахъ, останавливается. Конечно, квартиры, стоящія 6,000 рублей въ годъ, нанимаютъ только очень богатые люди, съ доходомъ не меньше 50—60,000. Но съ этой цифры даже не начинаются крупныя состоянія. Здѣсь даже не начинается та сказочная роскошь, которою могутъ окружить себя люди, умѣло и счастливо воспользовавшіеся «свободой труда и правомъ частной собственности на землю и капиталъ». Отъ 50-ти тысячнаго дохода въ годъ еще очень далеко до того триумфальнаго прохожденія жизни, которымъ тѣшатъ себя владѣльцы огромныхъ земельныхъ площадей, первоклассные банкиры, фабриканты, желѣзнодорожники, живущіе во дворцахъ, съ годовой наемной цѣной во много десятковъ тысячъ. Здѣсь истинное царство роскоши; здѣсь богатые музеи вещей, вовсе ненужныхъ для жизни. И квартирный налогъ, доведенный для этихъ жилыхъ помѣщеній до 30, 40, 50% съ

наемной платы, былъ бы истиннымъ налогомъ на роскошь и потому уже получилъ бы серьезное общественное значеніе.

Высочайшій указъ 20 іюня текущаго года облегчаетъ населенію тяжесть долга правительству за выданныя продовольственныя ссуды. Согласно съ этимъ указомъ, всѣ выданныя населенію хлѣбныя ссуды раздѣляются на два разряда, съ отнесеніемъ къ первому разряду ссудъ, выданныхъ рожью, пшеницею, озимую и яровую, суржею и мукою всякаго рода и ко второму разряду ссудъ, выданныхъ ячменемъ, овсомъ, кукурузою, гречихою и проч. Взысканіе упомянутыхъ ссудъ производится не по заготовительнымъ цѣнамъ на хлѣбъ, а примѣнительно къ среднимъ за послѣднее десятилѣтіе цѣнамъ на рожь, а за хлѣбъ по ссудамъ второго разряда—по цѣнамъ на овесъ. Деньги за выданные въ ссуду картофель и мясо взыскиваются соотвѣтственно заготовительной стоимости этихъ продуктовъ, а ссуды, выданныя деньгами, взыскиваются полностью. Эта льгота распространяется на 21 губернію и примѣнена къ продовольственнымъ и сѣменнымъ ссудамъ, выданнымъ по случаю неурожая въ 1891 и 92 гг. Потери, понесенная общимъ продовольственнымъ капиталомъ и мѣстными продовольственными средствами, вслѣдствіе взысканія выданныхъ ссудъ по болѣе низкимъ цѣнамъ, возмѣстится изъ суммъ, взысканныхъ на пополненіе ссудъ, выданныхъ собственно изъ казны. Министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, въ исполненіе этого Высочайшаго указа, установили табель цѣнъ для взысканія ссудъ: цѣны опредѣлены для ржи отъ 60 к. за пудъ въ Симбирской, Тобольской и Уфимской губерніяхъ и до 80 к. въ Таврической и для овса отъ 45 к. въ Тобольской и до 75 к. въ Таврической.

Эта льгота облегчаетъ населенію уплату продовольственнаго и сѣменнаго долга, образовавшагося въ теченіе двухъ послѣднихъ неурожайныхъ годовъ. Въмѣсто того, чтобы возвращать ссуду по 1 руб. и по 1 руб. 25 коп. за пудъ,—цѣна заготовки хлѣба для мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая,—населеніе будетъ уплачивать только по 60—75 коп. Высчитываютъ, что сумма, подлежащая сложенію въ силу этого указа, достигаетъ 70 милл. рублей и составляетъ болѣе половины всѣхъ средствъ, ассигнованныхъ казною на подкрѣпленіе имперскаго продовольственнаго капитала.

Дарунъ эту льготу, правительство руководствовалось соображеніемъ, что народъ обѣднѣлъ и что самыя суровыя мѣры взысканія недоимокъ по продовольственнымъ ссудамъ, равно какъ по государственнымъ и земскимъ податямъ, не могутъ привести къ полученію этихъ платежей полностью. Мы не присоединяемся къ тѣмъ довольно многочисленнымъ доводамъ нашей печати, которая придаетъ ликованію по поводу дѣйствительно хорошаго урожая нынѣшняго года и развязно говорить, что нынѣшнее лѣто возстановитъ русское народное хозяйство. Мы советуемъ прочесть напечатанные въ іюньской книгѣ *Русской Мысли* «Очерки провинціальной жизни», припомнить образцы хлѣба, послужившіе предметомъ для диссертациі д-ра Стефановскаго, заглянуть въ весьма поучительный докладъ

г. Моресса «о потребленіи пищи въ Россіи и за границей» (выводы построены на данныхъ 1870—90 гт., когда послѣдніе неурожайные годы еще не распатали въ конецъ нашего хозяйственнаго быта *). Кто бѣгло просмотритъ эти матеріалы, тотъ скажетъ, что народъ, который потребляетъ только 78% того, что признается нормальнымъ питаніемъ людей, не можетъ быть поставленъ на ноги однимъ, двумя-тремя хорошими урожаями или нѣкоторыми частичными мѣрами финансоваго управленія: нуженъ цѣлый рядъ крупныхъ юридико-экономическихъ преобразованій, дабы хотя немного приблизить нашъ общественный бытъ къ тому уровню, котораго достигла Западная Европа.

3 сентября исполнится тридцать лѣтъ существованія газеты *Русскія Вѣдомости*. Этотъ періодъ времени былъ бы значителенъ и для западно-европейскаго изданія, а у насъ, къ сожалѣнію, очень немногіе серьезные журналы и газеты переживаютъ такой срокъ. Тридцать лѣтъ непрерывнаго и честнаго труда среди разнообразнѣйшихъ препятствій, тридцать лѣтъ вдумчивой разработки всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, это—большая заслуга, которая будетъ отмѣчена въ исторіи нашей общественности. Спокойно и неуклонно проводили *Русскія Вѣдомости* въ русское общественное сознаніе все то, что достигнуто усиліями лучшихъ людей Запада, и, въ то же время, съ горячимъ сочувствіемъ относились ко всякому русскому успѣху и ко всякой русской бѣдѣ. Желаемъ *Русскимъ Вѣдомостямъ* на долгіе годы сохранить то почетное и вліятельное положеніе, которое онѣ приобрѣли, объединивши у себя лучшія ученые и литературныя силы.

Мы получили слѣдующее заявленіе:

М. г., господинъ редакторъ!

Въ общемъ собраніи с.-петербургскаго комитета грамотности 18 мая сего года избрана коммиссія въ составѣ нижеподписавшихся для сбора пожертвованій на сооруженіе въ деревнѣ Батишево, Смоленской губ., гдѣ протекла значительная часть жизни и плодотворной дѣятельности Александра Ниволаевича Энгельгардта, образцовой народной школы его имени. Общественное значеніе покойнаго Александра Николаевича далеко не исчерпывается узкою сферой его специальности, которой преимущественно были посвящены послѣдніе годы его жизни: онъ вообще оставилъ глубокий слѣдъ въ умственной жизни русскаго общества. Сооруженіе общеобразовательной школы его имени на средства, почерпнутыя изъ среды самого же общества, ужно надѣяться, встрѣтитъ широкое сочувствіе, какъ наилучшій способъ вѣковѣчить память покойнаго.

Желаю дать возможность многочисленнымъ почитателямъ покойнаго А. Н.

*) Статья г. Моресса будетъ напечатана въ нашемъ журналѣ.

отеликнуться на призывъ с.-петербургскаго комитета грамотности, комиссія имѣеть честь объявить, что пожертванія могутъ быть доставляемы лично и по почтѣ на имя предсѣдателя комиссіи, Николая Платоновича Барабчевскаго (Петербургъ, Захарьевская, 13).

О поступившихъ пожертваніяхъ будетъ своевременно данъ подробный отчетъ на страницахъ періодическихъ изданій.

Предсѣдатель комиссіи *Н. Карабчевскій.*

Члены комиссіи: *М. Никонова.*

А. Никоновъ.

В. Федченко.

Автобіографія Л. Ранке.

Полное собраніе сочиненій Леопольда Ранке завершилось обнародованьем его личныхъ воспоминаній и обширной переписки съ родными, друзьями, учениками и коронованными покровителями *). Таково было желаніе самого ученаго. Онъ и къ себѣ отнесся, какъ историкъ: вернулъ письма, писавшіяся имъ на протяженіи почти 67 лѣтъ, собралъ свѣдѣнія о родѣ Ранке съ половины XVII вѣка, возстановилъ по памяти свое дѣтство, юность и все это продиктовалъ. Такимъ образомъ получилась какъ бы лѣтопись его личной жизни; но эта единичная жизнь тянется почти черезъ все послѣднее столѣтіе и переплетается съ грандіозными событіями новѣйшей исторіи. Въ юности изъ окна школы Ранке видѣлъ войска Наполеона I, стягивавшіяся къ Лютцену, и, казалось, могъ различить самого императора среди его свиты; подъ старость онъ находилъ у себя на столѣ визитную карточку князя Бисмарка съ нѣсколькими сочувственными строками по поводу своей *Всемирной исторіи*. Въ глазахъ Ранке эти два человѣка олицетворяли враждебныя историческія начала, но были родственны по духу. «Бисмаркъ—натура властная, быть можетъ первый со времени Наполеона человѣкъ, призванный ко власти самымъ темпераментомъ, характеромъ и честолюбіемъ». Въ теченіе всего долгаго пути отъ Наполеона до Бисмарка нѣмецкій историкъ никогда не чуждался ни людей, ни жизни. Онъ бывалъ близокъ и съ австрійскими государственными людьми эпохи Меттерниха, и съ консервативными королями Пруссіи и Баваріи, и съ тѣми новыми историками, которые, какъ Тьеръ, содѣйствовали торжеству либеральныхъ идей во Франціи. Живое знаніе настоящаго Ранке считалъ даже неизбѣжнымъ для пониманія прошедшаго. И вотъ, чуждый тщеславія по природѣ, онъ однако не жалѣетъ времени, чтобы только взглянуть на балъ Наполеона III въ Версалѣ или торжественный выходъ англійскаго двора. Иногда Ранке рѣшался даже выйти изъ рамокъ спокойнаго наблюдателя и непосредственно внести свою лепту въ политику дня. Такой характеръ приняла, напримѣръ, его дружба съ Максимиліаномъ

*) L. v. Ranke's Sämmtliche Werke. B. 53, 54. Zur eigenen Lebensgeschichte. Herausgeg. von Alfred Dove. 1890.

И Баварскимъ. Отъ охоты за сернами и лекцій по всемірной исторіи они впоследствии перешли къ дипломатіи; Ранке попытался вовлечь баварскаго короля въ кругъ прусскихъ интересовъ, и только ранняя смерть Максимилиана помѣшала, можетъ быть, довести это дѣло до конца. Но въ общемъ попытки лично воздѣйствовать на жизнь бывали у Ранке только случайными уклоненіями отъ главнаго, чисто-теоретическаго научнаго пути. По словамъ Тьера, на дѣйствительность онъ смотрѣлъ уже глазами историка («que je vois les choses présentes en historien»); а такому человѣку не было мѣста среди «людей партіи» и не нашлось дѣла въ борьбѣ враждебныхъ историческихъ началъ. Ранке понялъ это. Въ 30-хъ годахъ, когда подъ вліяніемъ іюльской революціи Германія раздѣлилась на два враждующихъ лагеря, онъ сдѣлалъ первый и послѣдній опытъ—выступить въ роли политическаго писателя и внести въ публицистику точку зрѣнія ученаго, стоящаго выше партій. Занятаго имъ положенія не поняли и осыпали историка нападами изъ обоихъ лагерей. Однимъ онъ казался ультра-реакціонеромъ, другіе чужди въ немъ духъ якобинца; а, между тѣмъ, самъ Ранке считалъ себя на почвѣ, которую отстояло себѣ прусское государство при напорѣ двухъ противныхъ теченій, австрійскаго реакціоннаго и либеральнаго французскаго. Правда, отвѣтственность за недоразумѣніе падаетъ, главнымъ образомъ, на самого Ранке. Полуофициальный характеръ *Историко-политическаго Временника* (*Historisch-politische Zeitschrift*) въ зависимости отъ реакціоннаго министерства Ансильона заранѣе подрывалъ вѣру въ его историческую безпристрастность, а слишкомъ отвлеченное изложеніе Ранке, желаніе болѣе говорить о томъ, какъ все было, нежели указывать на все, что должно быть, шли скорѣе историкѣ, нежели публицисту. Но, какъ бы то ни было, бороться ради борьбы или можетъ быть дѣлать уступки одной какой-либо сторонѣ не было въ характерѣ нѣмецкаго историка. Онъ не отказался отъ своихъ антипатій и не измѣнилъ намѣченной цѣли, но пошелъ къ ней другимъ путемъ—путемъ отвлеченной науки. Истолковать жизнь исторически, т.-е. выяснить происхожденіе борющихся началъ, указать смыслъ каждой политической стихіи, каждому лагерю намѣтить мѣсто по силамъ—и тѣмъ распутать узлы жизни, разрѣшить ея противорѣчія—таковъ былъ личный планъ Л. Ранке. Онъ уже раньше началъ въ исторіи XVI и XVII ст. искать корни современныхъ ему явленій. Теперь надо было подвести итогъ и углубиться въ средніе вѣка, отъ германскаго міра перейти къ античному и даже къ Востоку. Приходилось рыть все глубже и глубже, чтобы только прослѣдить нарастаніе всѣхъ элементовъ въ исторіи человѣчества. Истолкованіе своего времени превратилось такимъ путемъ въ изученіе всемірно-историческаго процесса. Осуществленіе этого плана потребовало отъ Ранке чрезвычайнаго напряженія умственныхъ и нравственныхъ силъ; ему пришлось пожертвовать всѣми другими порывами души. Ранке любилъ природу: на охотѣ въ горахъ онъ дѣлаетъ иногда безцѣльный выстрѣлъ въ воздухъ только ради отдаленныхъ раскатовъ эхо; но, все-таки, свои отпуска и вакаціи онъ заставляетъ себя проводить въ

архивахъ европейскихъ столицъ. Въ молодости Ранке сознается брату, что чувствуетъ порой потребность въ любви какой-нибудь нѣжной дѣвушки; но на весь свой зрѣлый возрастъ онъ самъ predeterminedъ себя къ одиночеству; только боязнь надвигавшейся старости побудила его впоследствии жениться, и семейныя радости выпали на его долю въ тѣ поздніе годы, которые у другихъ омрачаются уже утратами. Можетъ быть, болѣе всего теплаго чувства Ранке выказалъ въ своихъ отношеніяхъ къ отцу, матери и братьямъ. Правда, онъ и къ нимъ предъявлялъ строгія требованія историка, но здѣсь онъ всегда находилъ оправданіе своимъ привязанностямъ въ сознаніи, что всѣ его родные безъ исключенія бодро несли крестъ въ жизни и честно выполнили свой долгъ; въ письмахъ нѣтъ примѣра, гдѣ бы чувства родства и уваженія разошлись. И, тѣмъ не менѣе, Ранке не поѣхалъ изъ Берлина въ Эрфуртъ на похороны отца: мать не должна была сердиться, что сына задержали обязанности, отъ которыхъ, по мнѣнію Ранке, самъ отецъ не захотѣлъ бы его отрывать. Со стороны это могло показаться отговоркой съ равнодушіемъ въ основѣ; на дѣлѣ это было искреннее желаніе построить всю свою жизнь на чувствѣ долга. Сосредоточивши всѣ помыслы на своихъ занятіяхъ, Ранке иногда самъ пугался своей нечувствительности къ окружающему. «Развѣ это не эгоизмъ?—спрашиваетъ онъ себя и отвѣчаетъ:—Да, эгоизмъ, но, вѣдь, позволительный, даже обязательный, потому что на немъ покоится наше внутреннее личное бытіе». Какъ бы то ни было, но его жизнь лишилась всякаго внѣшняго драматическаго интереса, а его «внутреннее личное бытіе» чаще всего совпадало съ объективнымъ содержаніемъ той исторической эпохи, надъ которой онъ работалъ въ данную минуту. «Повѣрь мнѣ,—пишетъ онъ брату—удивленіе тоже полезно. Живешь болѣе въ общемъ, чѣмъ въ личномъ. Часто не замѣчаешь болѣе, что есть у тебя личность. Перестаешь быть какимъ-либо я».

Но жизнь Ранке, все-таки, получаетъ общій научный интересъ, если изучать ее по прѣмамъ самого историка. Нѣмецкій ученый совѣтуетъ при изслѣдованіи какой-нибудь исторической силы изучать преимущественно два момента: ея генезисъ, зарожденіе и разростаніе, и ея связь съ другими историческими силами. Самъ Ранке и его школа—крупное, подавляющее явленіе въ культурной исторіи XIX в., тѣсно связанное съ процессомъ объединенія Германіи. И такъ, въ какой средѣ и какъ создалась эта колоссальная научная сила, какъ разрослась она въ цѣлую школу, въ какія связи вступила съ другими историческими силами—политическими и научными? Полный отвѣтъ на эти вопросы впервые даетъ изданный теперь автобиографическій матеріалъ.

I.

Дѣтство и отрочество.

Осенью 1863 г. Ранке въ третій разъ посѣтилъ Венецію и былъ пораженъ, что многихъ изъ его старыхъ друзей и покровителей не было

болѣе въ живыхъ. Какъ историка, его пугала не смерть, а мысль, что каждый навсегда уноситъ съ собой въ могилу интимную исторію своей жизни, мотивы своей дѣятельности; въ этомъ онъ убѣдился еще послѣ смерти Якова Гримма, когда безъ успѣха пытался путемъ разспросовъ возстановить ходъ его внутренней жизни. Тогда тутъ же, въ Венеци, Ранке продиктовалъ сыну Отто заранѣе обдуманнѣйшій очеркъ своего дѣтства и юности и всѣ свѣдѣнія, которыя ему удалось собрать о рядѣ своихъ предковъ. Подобныя диктанты онъ повторялъ впоследствии еще трижды (въ 1863, 1875, 1885 гг.) и съ новыми дополненіями довелъ краткій разсказъ о своей жизни до начала восьмидесятыхъ годовъ нашего столѣтія. Эта автобіографія шагъ за шагомъ описываетъ ростъ умственныхъ силъ и научныхъ знаній Л. Ранке.

Нѣмецкій историкъ вышелъ изъ семьи, которая, начиная съ половины XVII ст., дала рядъ протестантскихъ священниковъ, преимущественно въ приходахъ графства Мансфельдъ. Эти предки Ранке были уже людьми съ нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ, трудились надъ проповѣдями и даже схоластическими разсужденіями. Большую энергію и привязанность къ умственному труду выказалъ дѣдъ историка, Іоаннъ-Гейнрихъ Ранке, родившійся въ началѣ XVIII ст. Въ раннемъ дѣтствѣ, оставшись сиротой безъ надежды на чью-либо помощь, дѣдъ Ранке не захотѣлъ унижать рода, отвергъ мысль о ремесленномъ трудѣ и добился приѣма въ сиротскую латинскую школу въ Галле; проложивъ себѣ отсюда дорогу въ университетъ Галле и Лейпцига, онъ достигъ, наконецъ, мѣста приходскаго священника въ Тюрингін, на берегахъ рѣчки Унстругъ, и жилъ здѣсь ученымъ среди множества книгъ, почти исключительно богословскаго содержанія; его экземпляромъ септуагинты, греческой библіи 70 толковниковъ, историкъ Ранке пользовался еще при своихъ занятіяхъ восточномъ для I-го тома *Всемирной исторіи*. Отецъ историка—Готтлибъ-Израэль Ранке, вопреки семейнымъ преданіямъ, перешелъ въ Лейпцигскомъ университетѣ съ богословскаго факультета на юридическій и выработалъ изъ себя юриста-практика. Онъ поселился въ родной Тюрингін въ городкѣ Віа (Wiehe), гдѣ ему достались отъ матери домъ и небольшое имѣніе, и дѣлилъ свое время между сельскимъ хозяйствомъ и судебною практикой. Безъ всякихъ притязаній на ученость, съ патріархальными привычками и непоколебимой вѣрой, онъ расказывался иногда, что не сдѣлался пасторомъ. Впрочемъ, просвѣщеніе второй половины XVIII в. коснулось и его; онъ часто указывалъ дѣтямъ на жизнь за предѣлами школы и поощрялъ ихъ изучать новыя языки, которыхъ онъ самъ не зналъ. На горѣ, составлявшей лучшую часть наслѣдственнаго участка земли, Готтлибъ Ранке велѣлъ выкорчевать старыя стволы и насадить фруктовыхъ деревьевъ, а вновь купленный участокъ земли съ нѣсколькими прудами онъ превратилъ въ настоящій садъ; собственными руками дѣлалъ прививки. Этотъ уголокъ составлялъ впоследствии семейную святыню для его дѣтей. Мать Ранке вышла замужъ въ полномъ разцвѣтѣ юности; это была женщина съ живымъ умомъ, бо-

гато надѣленная чувствомъ, даже съ нѣкоторою склонностью къ поэзіи, совершенно чуждой ей мужу; въ семьѣ на нее падали заботы о кухнѣ, о прокормленіи рабочихъ, особенно лѣтомъ. Вообще мужъ и жена представляли собой примѣръ чистыхъ, физически и духовно во всѣхъ отношеніяхъ здоровыхъ людей. Сынъ ихъ Леопольдъ Ранке, историкъ, родился 21 декабря 1795 г. Все его дѣтство и юность прошли вдали отъ большихъ городовъ, чаще всего въ сельской глуши; можетъ быть, это только и укрѣпило здоровье хилаго мальчика, не разъ приговореннаго къ смерти врачомъ и родителями. Въ зрѣлые годы Ранке никогда не жаловался на бо-лѣзненность и до старости сохранилъ свѣжесть чувствъ и симпатію къ чистымъ, простымъ натурамъ вродѣ тѣхъ, среди которыхъ онъ росъ. Общество въ городѣ Візъ было малочисленно и не отличалось широкими умственными интересами: наприм., Шиллера до его смерти знали только по имени, а когда послѣ Ауерштедтской битвы въ Візъ пришли французы, то во всемъ городѣ нашлся только одинъ человекъ, сѣумѣвшій кое-какъ вести съ ними переговоры по-французски. Книги вообще были здѣсь рѣдкостью; въ рукахъ у дѣтей бывали только Библія, молитвенникъ, да нѣсколько школьныхъ учебниковъ, вродѣ латинской хрестоматіи Гедике; учились они у ректора на хорахъ церкви, между прочимъ, кто хотѣлъ и латинскому языку. «Я не нуждался въ особомъ принужденіи,—разсказываетъ Ранке,—я скорѣе готовъ былъ сдѣлать слишкомъ много, чѣмъ недостаточно. Я не избѣгалъ игръ, охотно шелъ въ садъ и поле, лазилъ не хуже каждаго по деревьямъ за вишнями и сливами, но, все-таки, охотнѣе всего оставался одинъ. На улицѣ рядомъ съ домомъ лежали бревна, по нимъ часто ходилъ я взадъ и впередъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Все, что я прочелъ, бродило тогда у меня въ умѣ. Я напрягалъ мысль надъ Богомъ и міромъ. Ничего, впрочемъ, не записывалось; никто не спрашивалъ меня, о чемъ я думаю; да я и самъ забывалъ все опять». Наполеоновскій походъ 1806 г. внесъ нѣсколько жизни въ городокъ. Дѣти прилегали ухомъ къ землѣ, чтобы лучше слышать выстрѣлы Ауерштедтской битвы. Но никакого подъема народнаго духа эти событія не вызвали. Візъ принадлежалъ къ Саксоніи, а Наполеонъ покровительствовалъ ей и далъ курфюрсту титулъ короля.

Между тѣмъ пришло время отдать маленькаго Леопольда въ училище. Въ окрестностяхъ было нѣсколько школъ, передѣланныхъ изъ упраздненныхъ монастырей. Ближе всего къ Візъ лежалъ монастырь Донндорфъ, у самой опушки лѣса, на вершинѣ, господствовавшей надъ всею долиной. Здѣсь была подготовительная школа и сюда раньше всего попалъ будущій историкъ. Въ Донндорфѣ преподавался уже греческій языкъ и начала отдѣльныхъ школьныхъ дисциплинъ; но высшею наукой въ кругу учителей все еще считалось богословіе и вся школьная жизнь была проникнута духомъ глубокой религіозности. Особенно высокое настроеніе вызывали у Ранке вечернія молитвы въ лѣсу, подъ звѣзднымъ небомъ, при возвращеніи съ какой-нибудь прогулки въ горахъ: ректоръ приносилъ тогда важ-

дый стихъ молитвы и давалъ тонъ напѣва, который тутъ же подхватывали дѣти. Младшій братъ историка, Гейнрихъ, впоследствии извѣстный богословъ, навѣщалъ своего брата въ Донндорфѣ, а Леопольдъ провожалъ его обыкновенно немного на обратномъ пути и сообщалъ Гейнриху все, чѣмъ была наполнена его собственная душа. На этихъ прогулкахъ старшій Ранке увлекалъ брата разсказами о Троянской войнѣ. Онъ говорилъ о герояхъ *Илиады* такъ, какъ будто бы собственными глазами видѣлъ ихъ битвы и, самъ не подозревая того, открывалъ взорамъ брата совершенно новый міръ, — міръ классической древности, красоту котораго Гейнрихъ сталъ предчувствовать уже тогда же. Вообще, на Леопольдѣ съ самой ранней юности его, сосредоточились всѣ надежды и вся гордость семьи, въ особенности отца. По воспоминаніямъ брата Гейнриха, историкъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ мальчиковъ, у которыхъ рано появляется точное различеніе справедливаго и добраго и непоколебимое рѣшеніе — не уклоняться съ ихъ пути.

Леопольдъ зналъ намѣреніе отца перевести его въ школу въ Пфорта (Schulpforta), высшую и самую извѣстную изъ монастырскихъ школъ. Желаніе попасть туда вскорѣ стало у мальчика неудержимымъ. Совершенно неожиданно онъ обратился къ отцу съ просьбой перейти изъ Донндорфа, гдѣ ему нечему было болѣе учиться, въ Пфорту, гдѣ онъ надѣялся идти далѣе. Его просьба была исполнена, и съ тѣхъ поръ всѣ стремленія Гейнриха были направлены не въ Донндорфъ, а въ Пфорту, гдѣ былъ его братъ. Инспекторъ Йонъ, которому Леопольдъ былъ рекомендованъ, аккуратно присылалъ о немъ свѣдѣнія, и каждое письмо свидѣтельствовало о прилежаніи и успѣхахъ Леопольда и радовало отца. Будущій историкъ самъ писалъ латинскія письма брату Гейнриху, въ которыхъ высоко превозносились *illustrissima schola Portensis* и честь быть принятымъ въ это величественное заведеніе изображалась величайшимъ счастьемъ на землѣ *).

И такъ, весной 1809 г. Л. Ранке перешелъ въ Пфорту. Она со всѣхъ сторонъ была окружена высокою стѣной и составляла свой собственный, замкнутый школьный мірокъ. Реформы прусскаго правительства еще не коснулись въ то время школы, и въ ней держался старый строй эпохи Реформаціи. При каждомъ столѣ былъ старшій ученикъ (Obergesell), средній (Mittelgesell) и младшіе (Untergesellen); младшіе ученики были подчинены старшимъ, которые, съ своей стороны, давали имъ уроки и, вообще, помогали въ занятіяхъ. Такъ, Гейнрихъ Ранке, попавшій въ Пфорту весной 1811 г., сталъ младшимъ при братѣ Леопольдѣ, занимавшемъ среднее мѣсто у стола. Младшіе ученики должны были вставать раньше другихъ (обыкновенно въ половинѣ пятаго утра, зимой на часъ позднѣе), чистить

*) См. *Heinrich Ranke: „Jugenderinnerungen mit Blicken auf das spätere Leben“*, Zweite Aufl., Stuttgart, 1886. Читая первое изданіе этихъ *Воспоминаній* брата Гейнриха, историкъ Ранке писалъ въ 1876 г., что они слишкомъ волнуютъ его своею живяненностью, а картины общей юности выплываютъ тогда и тревожатъ даже по ночамъ.

сапоги и платье себѣ и своимъ старшимъ, ходить къ колодезю за водой, приносить по вечерамъ свѣчи въ комнату и т. п. Обязательныхъ уроковъ было немного, и въ распоряженіи учениковъ оставалось довольно времени для самостоятельныхъ занятій. Л. Ранке подъ старость могъ дать себѣ ясный отчетъ, чѣмъ именно онъ обязанъ каждому изъ преподавателей Шульпфурты. Ректоръ школы, Карлъ Давидъ Ильгенъ, слылъ за человека глубоко изучившаго древніе языки, особенно еврейскій. Его ученикъ, извѣстный филологъ Готфридъ Германнъ, признавался въ Шульпфортѣ самымъ выдающимся изъ ученыхъ, и это подымало значеніе самого ректора. Ильгенъ интерпретировалъ Горація, останавливаясь не столько на самомъ поэтѣ, сколько на древностяхъ; ихъ онъ толковалъ подробно, умѣя всегда поддерживать вниманіе учениковъ. Ректоръ любилъ подчеркнуть всѣ затрудненія при интерпретаціи и затѣмъ тутъ же, на глазахъ класса, распутать ихъ такъ, что всѣ чувствовали себя удовлетворенными. Дважды въ годъ, на экзаменахъ, онъ диктовалъ латинскій текстъ, который ученики должны были тутъ же излагать стихами; для этого выбирался матеріалъ, способный заинтересовать, чаще всего что-нибудь изъ исторіи Саксонской Тюрингіи. Припоминая эти своеобразныя упражненія, Ранке не рѣшился осудить ихъ: они, вѣдь, не лишали ученика самостоятельности въ выборѣ оборотовъ, избавляя, однако, отъ труда вымучивать у себя какія-нибудь незрѣлыя мысли. Вліяніе Ильгена усиливалось глубокою серьезностью и какою-то повелительностью во всемъ его существѣ. Онъ самъ казался объективнымъ закономъ, его наука — объективной, обязательною для изученія наукой. Другимъ характернымъ учителемъ въ Шульпфортѣ былъ математикъ Шмидтъ, преисполненный религіозною ревностью. До тридцатаго года онъ нигдѣ не хотѣлъ учительствовать, ссылаясь на примѣръ Христа. Всякая примѣсь язычества въ сферѣ общихъ представленій внушала ему благочестивый ужасъ; рассказывали, что изъ своего экземпляра Шиллера онъ исключилъ стихотвореніе *Бои Греціи*. Его поэтомъ былъ, конечно, Клопштокъ; иногда, въ видѣ отличія, онъ показывалъ ученикамъ дорогое изданіе *Мессиады* съ гравюрами. Уроки Шмидта по математикѣ были основательны, но, въ сущности, недостаточно будили интересъ. Болѣе одушевленія вносилъ онъ въ классъ на необязательномъ урокѣ морали; тогда онъ являлся въ новомъ парикѣ, съ торжественнымъ лицомъ и Библіей въ рукахъ. Любопытно, что Шмидтъ выказывалъ большое участіе къ походамъ Наполеона и уважалъ его, какъ героя человѣчества; кажется, онъ ждалъ отъ него возвращенія іудеевъ въ обѣтованную землю. Въ числѣ знаменитыхъ учениковъ Пфурты, кромѣ Клопштока, нужно назвать и Фихте. Математикъ Шмидтъ, при которомъ философъ несъ нѣкогда обязанности факултуса, вспоминалъ иногда его и сообщалъ ученикамъ, что Фихте въ своемъ *Науковѣдѣ* подражалъ методу математическому и въ основаніе всего философскаго ученія положилъ неоспоримую аксіому: «я есмь я». Такимъ же вліяніемъ исключительно внѣ обязательныхъ, довольно посредственныхъ уроковъ, поражаетъ и классикъ Терціи Ланге, поклонникъ Шиллера. У

него было много пониманія красоты и знакомство съ древнимъ искусствомъ, раскопками и коллекціями антиковъ. Подробно и пластично описывалъ онъ древніе храмы, стили колоннъ и статуи. Впослѣдствіи нашли, что этотъ урокъ выходитъ изъ рамокъ школы, и уничтожили его; а, между тѣмъ, это было лучшее, что только Ланге могъ дать въ силу своей индивидуальности.

Тѣ пять лѣтъ, которыя Ранке провелъ въ Шульпфортѣ, ушли преимущественно на чтеніе классическихъ писателей, особенно поэтовъ. Среди латинскихъ авторовъ все еще первенствовали *Виргилій*; иные ученики хвалились, что знаютъ всю *Энеиду* отъ доски до доски, и дѣйствительно могли скандовать гексаметры съ любого мѣста. По-гречески изъ поэтовъ изучали Гомера. Ранке чуть ли не трижды прочелъ всю *Илиаду* и *Одиссею*. «Правда,—говоритъ Ранке,—изученіе сплошь и рядомъ не было исчерпывающимъ. Но кругозоръ древнѣйшаго міра охватывалъ насъ; мы жили въ немъ всею нашей душой». Временемъ вечерняго богослуженія онъ воспользовался, чтобы прочесть по возможности всю Библию. Евангеліе онъ изучалъ при этомъ предпочтительно передъ посланіями, псалмы чаще пророковъ, но въ особенности все снова и снова перечитывалъ историческія книги Ветхаго Завѣта. «Здѣсь отрывался горизонтъ совершенно другой, но все-таки лежащій близко къ кругозору гомеровской поэзіи. Это задній планъ или скорѣй фундаментъ всякаго образованія, всѣхъ возрѣній послѣдующихъ вѣковъ. Молодая душа скользитъ легко мимо всего сомнительнаго и непонятнаго; но ее до глубины потрясаетъ величественность и властность образовъ, сила и непосредственность языка, все таинственное, заключающее въ себѣ что-то совершенно новое или по крайней мѣрѣ чуждое какому-то пониманію; она вдыхаетъ въ себя вѣчное. Архаическая окраска Лютеровскаго перевода помогаетъ подняться надъ говоромъ дня и заурадными сочиненіями изъ другихъ областей». Такъ оцѣниваетъ Ранке, по опыту своей жизни, значеніе библии Лютера въ протестантской педагогикѣ. При такомъ направленіи школьнаго образованія Клопштокъ, вышедшій изъ той же Шульпфорты, становился на нѣкоторое время излюбленнымъ нѣмецкимъ поэтомъ для каждаго ученика. Правда, длинныя рѣчи ангеловъ, сатаны и первыхъ людей не возбуждали сочувствія; но *Мессіада* черпала свою силу изъ той великой искупительной драмы, надъ которой въ теченіе вѣковъ трудилось христіанское творчество, исходя отъ апокрифовъ и Новаго Завѣта. Клопштокъ принялъ ее уже въ своеобразномъ протестантскомъ освѣщеніи изъ рукъ Мильтона.

Кромѣ штатныхъ учителей, получившихъ незадолго титулъ профессоръ, въ Пфортѣ насчитывалось нѣсколько коллабораторовъ, бравшихъ на себя, между прочимъ, и школьный надзоръ. Эти лица рѣдко пользовались уваженіемъ и чаще служили цѣлью насмѣшекъ. Однако Ранке съ благодарностью вспоминаетъ о вліятельной дружбѣ коллаборатора Вика. При глубинѣ мысли Вика страдалъ нѣкоторою неясностью въ разговорѣ. Будучи воспримчивъ къ духу времени, онъ единственный во всей Пфортѣ понималъ Гёте и указалъ Ранке на *Фауста*. Но, по мнѣнію историка,

эта субъективная поэзия требует, чтобы вполне наслаждаться ею, больше зрѣлаго возраста. Для Гёте миръ являлся какъ бы личнымъ событіемъ его жизни, которое онъ воспринималъ и передавалъ по-своему; въ отрочествѣ Ранке такъ и не сумѣлъ освоиться съ нимъ. Ближе къ уровню юношества были трагедіи Шиллера; его живые образы какъ бы стояли передъ глазами; думалось, что каждый можетъ восторгаться и даже обсуждать эту поэзію. Впрочемъ и въ области драмы серьезнаго изученія удостоивался только античный миръ. Визъ основательно познакомилъ будущаго историка съ греческою трагедіей, читая съ нимъ самые подлинники. Эсхилъ показался тогда Ранке еще чуждымъ по духу. Но для развитія юноши было уже важно, что за областью понятнаго онъ почувствовалъ здѣсь еще что-то, разрѣшимое только въ будущемъ. Эврипидъ нравился Ранке, но, подъ влияніемъ Вика, всего болѣе вниманія и труда отдалъ онъ Софоклу. Ранке прочелъ всѣ дошедшія отъ него трагедіи, а *Электру* и *Филоклетта* даже перевелъ нѣмецкими ямбами, подражая въ хорахъ *Мессинской неволи* Шиллера. Переводы отличались нѣкоторою свободой, и можно удивляться, что Ранке не сдѣлалъ попытокъ самобытнаго творчества. Но нѣтъ, все это имѣло для него только цѣну филологическихъ упражненій. Очевидно, онъ съ юности руководился инстинктомъ природнаго таланта, даннаго ему отнюдь не для поэзіи. Сравнительно съ поэтами, античнымъ прозаикамъ отводили въ Шульпфортѣ болѣе скромное мѣсто, а всего менѣе читали древнихъ историковъ. За то при истолкованіи дѣлались ссылки на всю позднюю литературу комментаторовъ къ античнымъ писателямъ; до поры до времени эта филологическая ученость была только хаосомъ цитатъ изъ какихъ-то неизвѣстныхъ авторовъ, но, все-таки, имена Гроновія и Грөвія, направляя вниманіе на родственныя дисциплины, превращались какъ бы въ вопросительные знаки и нота-бене для будущаго. Пока Шульпфорта была погружена въ изученіе античнаго міра, вокругъ ея стѣнь шла борьба Европы съ Наполеономъ. На дорогѣ, огибавшей пшолу, Ранке видѣлъ французскія войска, шедшія въ Россію, а черезъ годъ—весной 1813 г.—казаковъ съ значками на копьяхъ. Сначала въ Саксоніи съ сочувствіемъ читали прокламаціи и бюллетени Наполеона, и въ школьныхъ играхъ раздавались имена французскихъ маршаловъ. Но вскорѣ симпатіи измѣнились, и въ Пфортѣ единодушно пріѣтствовали манифестъ союзниковъ. Ранке читалъ тогда Тацита—*Анналы* и *Агриколу*; ему казалось, что здѣсь на его глазахъ возобновляется борьба бриттовъ противъ римлянъ; въ прокламаціи союзниковъ онъ находилъ мысли, которыя Тацитъ приписываетъ королевѣ Боадіцеѣ. Визъ поддерживалъ Ранке въ такихъ сопоставленіяхъ; видно, что событія насильно привлекали къ себѣ вниманіе. Въ Саксоніи не было и того увлеченія, которому отдалась прусская молодежь: только немногіе оставили школу для борьбы. Ранке былъ слишкомъ слабъ, чтобы думать объ этомъ. Онъ торопился окончить работы—послѣднія передъ выходомъ изъ школы—и безъ особаго сожалѣнія покинулъ Пфортъ на Пасхѣ 1814 г.: его мысли были уже устремлены

на его будущность и новыя занятія. Леопольдъ оканчивалъ въ сущности только пятый годъ школьной жизни; между тѣмъ обученіе въ Пфортѣ было рассчитано на 6 лѣтъ. Но какъ онъ нѣкогда настоялъ на томъ, чтобы изъ Донндорфа перейти въ Пфорту, такъ и теперь онъ рѣшился окончить свое ученіе въ школѣ и перейти въ Лейпцигъ. Характерно, какъ Ранке защищалъ свое намѣреніе. Онъ не могъ, какъ нѣкогда въ Донндорфѣ, утверждать, что ему нечему здѣсь болѣе учиться; но онъ утверждалъ, что ему мало остается времени для собственныхъ занятій, что уроки, на которыхъ онъ долженъ присутствовать, составляютъ для него неприятный перерывъ.

Замѣтки Ранке о годахъ юности, проведенныхъ въ Шульпфортѣ, убѣждаютъ, что здѣсь съ успѣхомъ осуществлялся тотъ идеальный образъ классическаго образованія, къ которому нѣмецкая школа стремилась со времени гуманизма и реформаціи. Оторванные отъ жизни днѣ сельскимъ уединеніемъ, молодые умы подвергались здѣсь раньше всего продолжительному воздѣйствію «вѣчныхъ» произведеній человѣческаго духа въ ихъ исторической послѣдовательности. При этихъ условіяхъ древніе классики и Библія становились не столько временнымъ орудіемъ для пробужденія умственныхъ операцій, сколько основнымъ фономъ сознанія на всю будущую жизнь. И учителемъ во Франкфуртѣ, и профессоромъ въ Берлинѣ Ранке не переставалъ перечитывать все тѣхъ же классиковъ, и все ту же Библию. Въ юности они дали извѣстную окраску его уму и характеру; позднѣе они послѣдовательно служили ему основой для уроковъ въ школѣ, для лекцій въ университетѣ и, наконецъ, для его *Всемирной исторіи*. Еще подъ старость, когда Ранке пробило уже 80, каждую субботу вечеромъ къ нему заходилъ братъ Фердинандъ, классикъ и педагогъ, и они вмѣстѣ читали и толковали трудныя мѣста своихъ любимыхъ авторовъ. Отрывки изъ Эврипида и Пиндара чередовались при этомъ съ книгой Іова и посланіемъ къ римлянамъ. Фердинандъ иногда заранѣе готовился къ этимъ бесѣдамъ, а Леопольдъ считалъ ихъ для себя какъ бы «приватными» уроками: они выводили его изъ круга воззрѣній, двигавшихъ новымъ міромъ. Для Ранке все великое было въ прошломъ. Вынеся изъ школы религіозный строй души и высокую мѣрку для стили, мысли и чувства, Ранке и за ея стѣнами былъ глухъ къ пошлости и равнодушенъ ко всему посредственному. Этотъ искусственный приѣмъ—заставлять индивидуальный умъ переживать тѣ же ступени развитія, по которымъ шло и все человѣчество, даже это погруженіе на долгіе годы въ атмосферу патриархальнаго быта евреевъ и античнаго міра—не притупили его чувствительности къ новымъ идеямъ, не помѣшали ему впослѣдствіи понять Канта, Фихте и французскую революцію. Нѣтъ, онъ только приобрѣлъ какъ бы внѣміровую точку зрѣнія на явленія своего времени и избавился отъ узости человѣка, живущаго минутой, для котораго настоящее всегда выше всего, потому что онъ не знаетъ будущаго и позабылъ прошедшее. Это ровное отношеніе ко всѣмъ эпохамъ въ исторіи человѣчества вылилось у Ранке въ цѣлую теорію про-

гресса на лекціяхъ Максимилиану баварскому. «Постоянное движеніе чело-вѣчества впередъ поκειται на томъ, что великія духовныя тенденціи (Tendenzen), управляющія чело-вѣчествомъ, то вырастаютъ другъ изъ друга, то иногда выстраняются и рядомъ. Между этими тенденціями всегда есть одно опредѣленное частное направленіе, которое преобладаетъ и отодвигаетъ остальные въ сторону. Такъ, напримѣръ, во вторую половину XVI столѣтія религіозный элементъ преобладалъ на столько, что литературный отошелъ передъ нимъ на задній планъ. Въ XVIII столѣтіи, напротивъ, на- столько укрѣпилось утилитарное стремленіе, что искусство и родственныя ему отрасли дѣятельности должны были очистить мѣсто. И такъ, въ каж-дой эпохѣ чело-вѣчества воплощается одна опредѣленная крупная тенденція, и прогрессъ поκειται на томъ, что въ каждый періодъ даетъ себя чув-ствовать то поступательное движеніе чело-вѣческаго духа, которое выдвигаетъ то одну, то другую тенденцію и своеобразно проявляется въ ней. Если же, вопреки выраженному здѣсь мнѣнію, принять, будто бы прогрессъ заключается въ томъ, что съ каждой эпохой жизнь чело-вѣчества достигать болѣе высокой степени совершенства, что такимъ образомъ каждое по-колѣніе во всемъ превосходитъ предыдущее, и что въ силу этого самое по-слѣднее поколѣніе всегда наиболѣе взыскано дарами, предыдущія же только устои для послѣдующаго, то это было бы несправедливостью Божества. Такое какъ бы медиатизованное поколѣніе не имѣло бы значенія само по себѣ; оно значило бы что-нибудь только какъ ступень для слѣдующаго по-колѣнія и не стояло бы ни въ какомъ непосредственномъ отношеніи къ божественному. Я же утверждаю: каждая эпоха стоитъ непосредственно передъ лицомъ Бога, и ея достоинство поκειται вовсе не на томъ, что изъ нея выходитъ, а въ ея собственномъ бытіи, въ ея собственномъ «я». Че-резъ это изученіе исторіи и притомъ именно индивидуальной жизни въ исторіи пріобрѣтаетъ своеобразную заманчивость въ томъ смыслѣ, что каж-дая эпоха является въ высшей степени достойной изученія и должна раз-сматриваться какъ нѣчто значительное само по себѣ». «Я представляю себѣ, если уже отважиться на такое замѣчаніе, что Божество, передъ ли-цомъ котораго нѣтъ времени, созерцаетъ все историческое чело-вѣчество въ его совокупности и вездѣ находитъ его одинаково достойнымъ. Идея вос-питанія чело-вѣческаго рода заключается въ себѣ дѣйствительно нѣчто истинное; но передъ Богомъ всѣ поколѣнія чело-вѣчества являются равноправ-ными; такъ долженъ смотрѣть на дѣло и историкъ» *). На эту точку зрѣ-нія и поставила Ранке система, господствовавшая въ Шульпфортѣ.

II.

Университетскіе годы.

Для университетскихъ занятій Ранке выбралъ Лейпцигъ. На первыхъ же порахъ онъ посѣтилъ лекцію по всеобщей исторіи профессора Виланда.

*) *Weltgeschichte*, 9. Th.: „Ueber die Epochen der neueren Geschichte. Vorträge, dem Könige Maximilian II von Bayern gehalten“. Leipzig, 1888.

Отъ чтенія историческихъ книгъ Ранке уже раньше отталкивало множество не истолкованныхъ фактовъ. Виландъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія и не могъ примирить Ранке съ его будущею наукой. Введеніе профессора о генетической разработкѣ исторіи еще возбуждало интересъ, но въ изложеніи всемірно-историческаго развитія скоро утрачивалась нить. О древнемъ мірѣ у Виланда были только приблизительныя представленія; всѣ древніе титулы онъ передѣлывалъ на новый ладъ и легатовъ римскаго войска такъ-таки и называлъ генералъ-лейтенантами. Обстановка его лекцій поражала странностями. Аудиторія примыкала непосредственно къ рабочему кабинету. Профессоръ обыкновенно долго заставлялъ себя ждать и затѣмъ вдругъ появлялся на кафедрѣ. Горе было тѣмъ, кто сидѣлъ прямо передъ нимъ: онъ говорилъ съ одушевленіемъ и при этомъ такъ брызгался, что бумага для записыванія лекцій становилась влажной. Случалось, что слушатели распускали красный зонтикъ, чтобы спокойно записывать подъ его защитой, Виландъ охотно терпѣлъ это. Вдобавокъ ко всему, надворная совѣтница Виландъ любила кошекъ; эти животныя царилы въ аудиторіи въ свободное отъ лекцій время и такъ отравляли въ ней воздухъ, что слушатели были рады поскорѣй уйти оттуда. Для Ранке лекціи Виланда прошли безъ всякаго слѣда, и онъ никогда не сдѣлалъ шагу, чтобы сблизиться съ профессоромъ, хотя шли слухи, что Виландъ обладаетъ разнообразными свѣдѣніями и при личныхъ сношеніяхъ можетъ быть полезенъ. Болѣе удовлетворяли лекціи Тцширнера по исторіи церкви. Вообще эта отрасль и въ учебникахъ, и въ многотомныхъ сочиненіяхъ была лучше обработана въ Германіи, нежели всеобщая исторія. Церковная исторія ограничена болѣе узкими рамками, ходъ ея ясно отмѣченъ цѣпью важныхъ событій, поучительность дается догматическимъ интересомъ, а связь съ литературой вообще дѣлаетъ ее быстро доступной для пониманія. Съ лекціей Тцширнера Ранке вынесъ предчувствіе того, какое широкое поле для изученія можетъ открыться въ литературѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ. Точка зрѣнія историка церкви была особенно близка для Ранке; онъ воспринялъ ее еще изъ книгъ Ветхаго Завѣта, какъ первую по времени попытку найти какой-нибудь цѣльный процессъ въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній. Эту идею Ранке сохранилъ на всю жизнь и положилъ ее въ основаніе исторіи Востока въ главѣ *Амонъ-Ра, Ваалъ, Іегова*. «Лучшая заслуга естественныхъ наукъ,—пишетъ Ранке,—заключается въ томъ, что онѣ постепенно разсѣяли туманъ, который разстилали надъ міромъ культы природы; но одной только наукѣ это навсегда осталось бы не подъ силу. Какъ ошибочно противоположать науку природы и религію. Безъ чистой, соответствующей человѣческому духу религіи, которую люди дѣйствительно восприняли и исповѣдовали, наука природы и человѣка сдѣлалась бы вообще невозможной. Духовную противоположность Амону-Ра и Ваалу, Апису и Молоху образуетъ идея и слово Іегова, какъ ихъ возвѣстилъ Моисей. «Египетскія и вавилонскія представленія создались въ областяхъ плодородныхъ или оживленныхъ ранними международными сношеніями. Идея Моисея от-

крылась на уединенныхъ высотахъ Синая, гдѣ нѣтъ намёка на разнообразіе, доступное для земной поверхности, гдѣ ничего нѣтъ между Богомъ и міромъ».

Вообще первые годы университетской жизни Ранке посвятилъ богословію. Но далеко въ догматику онъ не углублялся; господствовавшій въ Лейпцигѣ умѣренный рационализмъ былъ ему не по душѣ. Ранке казалась недоразумѣніемъ попытка слить два противоположныхъ принципа: откровеніе, за которымъ признавалось абсолютное значеніе, и размышленія минуты. Всѣми своими чувствами онъ преданъ былъ откровенію: «Я самъ не знаю, какъ это случилось; вокругъ меня съ самыхъ раннихъ лѣтъ все склонялось къ рационализму, но мнѣ онъ казался неудовлетворительнымъ, мелкимъ и затхлымъ. Я вѣрилъ безусловно, но мнѣ было бы трудно указать, какъ далеко шель я по этому пути: ибо вѣра въ чудесное тоже, вѣдь, только известное направленіе духа, которое можетъ считать свое дѣло вѣрнымъ и, все-таки, уклоняться отъ послѣдовательности». Большое удовольствіе доставляли Ранке попытки перевести псалмы съ еврейскаго стихами, по возможности близко придерживаясь текста.

Рядомъ съ богословіемъ шли по-прежнему занятія классиками. Филологъ Готфридъ Германнъ не всегда удовлетворялъ Ранке, который не могъ понять его пристрастія къ метричѣ; но за то незабвенными остались его лекціи о Пиндарѣ, Гезіодѣ и въ въ особенности курсъ греческой грамматики, который дышалъ глубокимъ пониманіемъ языка и логичностью правилъ ласкалъ умъ. Самостоятельно Ранке занимался Теоокритомъ и переводилъ изъ него отрывки, казавшіеся подлинными; теперь впервые изучилъ онъ и Оукидида, конспектируя его политическія ученія. «Могучій, великій духъ, передъ которымъ я преклонялся, не смѣя подойти ближе ни къ нему, ни къ Пиндару опытами перевода: уловить только впечатлѣніе оригинала, понять сколько возможно—вотъ все, на что я надѣялся».

Впрочемъ, интересъ къ исторіи проснулся, наконецъ, у Ранке, но отнюдь не подъ влияніемъ университета: его пробудили событія Наполеоновской эпохи и книга, которую самъ онъ ставитъ въ связь съ этой борьбой—*Римская исторія* Нибура. Это было первое нѣмецкое сочиненіе по исторіи, оставившее въ душѣ Ранке отпечатокъ; онъ напелъ тамъ многое, чего раньше и не подозрѣвалъ. Ранке вынесъ впечатлѣніе, что историческая наука развилась изъ противорѣчія Наполеоновской идеѣ единодержавія надъ міромъ. На этой почвѣ выросло то сочувствіе, которое *Римская исторія* Нибура нашла за предѣлами ученыхъ кружковъ. Жизнь особи въ противоположность всемірному господству и внутреннія условія для развитія колоссальнаго государства сдѣлались цѣлью всеобщаго соревнованія въ ученой литературѣ; изъ того же источника вытекали работы Отфрида Миллера, отстаивавшаго самобытность дорической жизни среди другихъ греческихъ культуръ. Въ общемъ занятія Ранке въ университетскіе годы отличались крайнею разбросанностью. По вечерамъ штудировалась *Критика чистаго разума* Банта, или поглощались популярныя труды Фихте по религіи и

политикѣ; теперь постигъ онъ и Гёте, но образцовъ нѣмецкаго слога сталъ искать у Лютера: стараясь усвоить себѣ этотъ краеугольный камень ново-нѣмецкаго литературнаго языка, Ранке незамѣтно увлекся историческою стороною явленія. По поводу трехсотлѣтія реформациі онъ сдѣлалъ было попытку изложить жизнь Лютера на языкѣ его сочиненій. Предложеніе занять мѣсто старшаго учителя при гимназіи во Франкфуртѣ на Одерѣ положило конецъ этимъ исканіямъ призванія.

III.

Педагогическая дѣятельность.

Переселеніе во Франкфуртъ въ 1818 году образуетъ въ жизни Ранке грань, важную и для самого историка, и для его біографа. Съ этихъ поръ Ранке сосредоточиваетъ свои занятія на всеобщей исторіи, и съ этого же времени начинается коллекція его писемъ изъ 329 нумеровъ. Какъ именно самъ Ранке подъ старость понималъ общій ходъ своего развитія, это ясно изъ его воспоминаній, продиктованныхъ сыну. Но письма, разсыянные на протяженіи 66 лѣтъ, написанныя всегда подъ впечатлѣніемъ минуты, сохранили во всей свѣжести переливы личныхъ чувствъ и кромѣ мелочей дня даютъ самосознаніе историка для каждой ступени его жизни.

Во главѣ франкфуртской гимназіи стоялъ филологъ Эрнстъ Поппо, молодой человѣкъ 24 лѣтъ, обратившій на себя вниманіе изслѣдованіями по Фукидиду; онъ даже говорилъ по-гречески и старался греческій разговоръ ввести въ школы—это повредило его имени, какъ педагога. Впрочемъ, онъ отнюдь не былъ педантомъ: не обычное по тому времени знаніе англійскаго языка—порука за широту его образованія. Поппо поставилъ цѣлью жизни—возвысить школу и объединилъ вокругъ себя узамъ дружбы кружокъ молодыхъ учителей по разнообразнымъ отраслямъ знанія. «Насъ было четверо старшихъ учителей,—вспоминаетъ Ранке,—всѣ—люди холостые, а это устанавливало отношенія, напоминавшія отчасти студенческую жизнь. Въ сущности, нужно сказать, что во Франкфуртѣ я болѣе вкусилъ этой жизни, чѣмъ въ Лейпцигѣ; заручившись жалованьемъ, хотя и не большимъ, можно было расправлять крылья легче прежняго. Какъ часто послѣ веселой пирушки прохаживались мы ночью подъ липами предмѣстья и среди потока противорѣчивыхъ мнѣній заставляли возникать передъ собой міръ по нашимъ собственнымъ понятіямъ. Жителямъ это бросалось въ глаза, когда мы совершали наши прогулки, непрерывно говоря и споря, оживленные и, однако, въ полномъ согласіи». Одно время съ Л. Ранке жилъ и его братъ Генрихъ. Это былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, привлекавшій всѣ сердца симпатичностью и прелестью юности. Генрихъ увлекался патріотическимъ движеніемъ среди тогдашней нѣмецкой молодежи и открыто примкнулъ къ кружку «гимнастовъ» (Die Turner) съ Яномъ во главѣ. Что послѣ отраженія Наполеона Священная Римская имперія должна возродиться въ ея древнемъ великолѣпіи, что объединеніе многочисленныхъ

нѣмецкихъ племень — дѣло первой необходимости, эти мысли и надежды охватили тогда всё университеты. Въмѣсто студенческихъ землячествъ, только подчеркивавшихъ раздробленность отечества, думали создать обнимающій все нѣмецкое студенчество христіанско-германскій союз Die deutsche Burschenschaft, — союз нѣмецкихъ буршей. Съ другой стороны, Янгъ и его послѣдователи-гимнасты осуществляли, правда, по-своему, ту цѣль, — воспитать лучшее, болѣе сильное поколѣніе, — которую Фихте ставилъ главною задачею своимъ современникамъ въ *Рѣчь къ нѣмецкой націи*. Благодаря брату, отголоски этой жизни доходили и до Л. Ранке. Въ гостиницѣ Золото-го Льва во Франкфуртѣ онъ видѣлъ Яна, возвращавшагося съ гимнастической поѣздки изъ Силезіи въ сопровожденіи кучки молодыхъ людей; Янгъ произвелъ впечатлѣніе на Ранке своею мужественною самоувѣренностью. Среди мирной учительской дѣятельности застала братьевъ въ концѣ марта 1819 г. роковая вѣсть изъ Маннгейма, пробудившая у всѣхъ друзей нѣмецкой молодежи зловѣщія предчувствія, даже ужасъ, — такъ начинается Гейнрихъ Ранке разсказъ объ убійствѣ Коцебу: «Студентъ поставилъ на карту свою жизнь, чтобы лишить жизни челоуѣка, котораго нѣмецкій народъ зналъ только какъ автора комедій, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ у массы. Никто не понималъ, что могло побудить его на эту жестокость; всё съ нетерпѣніемъ ждали разъясненій. Въмѣсто этого газеты еще болѣе запутывали и безъ того темное и трудно объяснимое дѣло и намекали, будто бы среди нѣмецкой молодежи существуетъ заговоръ, стремящійся ни больше, ни меньше какъ къ испроверженію всего существующаго порядка, какое-то тайное судилище, намѣчающее ненавистныхъ людей и высылающее своихъ членовъ — цѣною собственной жизни приводить надъ ними въ исполненіе смертныя приговоры. На Іену указывали, какъ на гнѣздо заговорщиковъ, будто бы завязавшихъ сношенія по всей Германіи. Союзы буршей и гимнастовъ ставили въ связь съ этими зловѣщими слухами». Все это потрясло Гейнриха Ранке до глубины души: онъ былъ убѣжденнымъ борцомъ за эти союзы. «Началось невообразимое волненіе и долгое время всѣ разговоры вращались около таинственнаго преступленія и побужденій, которыя могли толкнуть на него. Понятно, что среди молодыхъ людей, которые ежедневно занимались древними писателями, обсужденіе этого дѣла переносилось въ область отвлеченныхъ идей и доводилось иногда до вопроса, можно ли безусловно осуждать Брута или Шарлотту Кюрдэ». Генрихъ Ранке припоминаетъ, какъ однажды въ разгаръ подобнаго разговора его братъ Леопольдъ поднялся съ выраженіемъ глубокой серьезности въ чертахъ лица и, не вдаваясь ни въ какія объясненія, сказалъ только: «Не убій. Такова заповѣдь Господа». Леопольдъ не примкнулъ во Франкфуртѣ къ гимнастамъ, но и не сочувствовалъ тѣмъ, кто впоследствии преслѣдовалъ Яна. Отъ 1819 г. дошло письмо Ранке къ какому-то официальному лицу (Praesident), гдѣ онъ беретъ подъ защиту движеніе среди молодежи. «Во-первыхъ, я знаю, удостоверяю и готовъ присягнуть, что никакого тайнаго общества, какъ о томъ ходятъ сплетни — съ Арндтомъ и

Яномъ во главѣ, никогда не было и не существуетъ. Я знаю этихъ людей, которыхъ обвиняютъ, я отчасти пользовался ихъ довѣріемъ. Съ Яномъ я засиживался за бесѣдою до глубокой ночи. Нашъ разговоръ касался всего, что могло бы принести пользу отечеству, всѣхъ отношеній и событій дня. «Надо, прежде всего, привести въ порядокъ маленькіе земскіе мірки—улучшить школы, освободить крѣпостныхъ, вдохнуть жизнь въ села и городское управленіе и т. п. Таковъ по истинѣ урокъ исторіи. Христіанство, реформація, все, что только начиналось великаго, гибло отъ кровопролитія. Блескъ крови гаситъ блескъ солнца». Вотъ ученіе Яна. Онъ былъ взволнованъ до глубины души и открылся мнѣ: если онъ лгалъ,—ну, такъ значить никто никогда не говорилъ правды. Всего болѣе онъ предостерегалъ юношество отъ тайнаго общества».

Таковы были связи Ранке съ общественною жизнью. Что касается до самой франкфуртской школы, то здѣсь отношеніе учениковъ и ихъ родителей къ учителямъ носило еще вполнѣ патріархальный характеръ. Вотъ какъ, на примѣръ, привѣтствовали они Ранке на новый 1821 годъ. «Ученики думали рано разбудить меня пѣніемъ. Можетъ быть это и удалось бы. Но прислуга слишкомъ быстро и сильно рванула дверь; я проснулся и выскочилъ: они убрали для меня елку яблоками и свѣчами; молодой розанъ стоялъ подъ зеркаломъ, а подъ ёлкой нѣсколько хорошенькихъ чашекъ; но я ничего не замѣчалъ, я прислушивался къ пѣнію, которое они начали. Это была молитва; Шнейхъ запѣвалъ, Юнкъ наигрывалъ мелодію на флейтѣ. Исполненіе давно задуманнаго поразило ихъ самихъ; у Алеманна и Юнка навернулись слезы на глазахъ. Я тоже былъ взволнованъ и цѣловалъ ихъ всѣхъ. Когда они ушли, я напелъ еще послышу отъ матери Алеманна съ 6 серебряными чайными ложками. Семья Юнка прислала 6 бутылокъ вина, 4 маркброннера, тортъ и пожеланія счастья». Изъ среды родителей особенную внимательность къ учителямъ выказывала пасторша Алеманнъ. Ранке мучило, что онъ по своей природѣ не всегда умѣлъ найти для нея теплое слово благодарности. «У меня только что была пасторша Алеманнъ,—пишетъ онъ брату Гейнриху,—ты ее не знаешь, потому что при чужихъ людяхъ она сжимается; наединѣ она участлива, откровенна, своеобразно женственна. Эта добрая женщина заботится такъ матерински-нѣжно, что я не нахожу словъ благодарности и передъ ея любовью стою какъ палка, которую дѣти увѣшиваютъ цвѣтами, какъ государь, которому народъ кричитъ многія лѣта. О, такимъ лед-лед-ледянымъ! Она мнѣ рассказывала, какъ сердечно, вѣрно ухаживала за директоромъ Поппо въ время его тяжкой болѣзни; когда директоръ выздоровѣлъ, онъ вышелъ къ ней съ сухимъ поклономъ: «первымъ долгомъ считаю выразить вамъ мою благодарность»... Ни пожатія руки, ни взгляда, словно на похоронахъ. Того же приходится ей ждать и отъ меня. Я замѣчаю, что въ женщинахъ есть что-то, чего я въ себѣ, по крайней мѣрѣ, не нахожу».

Къ своимъ урокамъ Ранке отнесся съ любовью и рѣшился подготовляться не по учебникамъ и даже не по обширнымъ руководствамъ, а, на-

сколько возможно, прямо по источникамъ. Теперь онъ систематически изучилъ всѣхъ историковъ древности, дѣлая замѣтки и конспекты. Первое впечатлѣніе при знакомствѣ съ писателемъ бывало у Ранке такъ самобытно и цѣльно, что часто оставалось на всю жизнь: и вотъ подъ старость для своей *Всемирной исторіи* онъ все еще пользуется этими набросками юности. У Геродота Ранке привлекало сліяніе мѣа съ исторіей, наивность языка и въ особенности широта историческаго кругозора. Ту же вѣру въ сны и предзнаменованія и исканіе Божества въ исторіи онъ находилъ у Есенофонта, и тогда на него вѣяло чѣмъ-то ветхозавѣтнымъ. Изъ Ливія Ранке увлекался, конечно, первыми книгами, при всемъ своемъ уваженіи къ критикѣ Нибура. Впрочемъ, онъ вообще мало вдавался въ область государственныхъ древностей, выдвинутую Нибуромъ, Отфридомъ Миллеромъ для Доранъ и Бёккомъ для государственнаго хозяйства Аѳинъ. Мало цѣны имѣли бы для Ранке и мелочи военной исторіи у Цезаря, если бы онъ не вели къ завоеванію Галліи, положившему начало Западной Римской имперіи; но въ силу этихъ послѣдствій характеристика государственнаго быта кельтовъ и сосѣднихъ германцевъ у Цезаря стала фундаментальнымъ памятникомъ для всей средневѣковой исторіи. Въ Саллюстіи Ранке нашелъ типъ историка-моралиста, не удовлетворявшаго, можетъ быть, въ жизни своей собственной мѣркѣ нравственности; за то эта мораль была гениемъ Рима, идеей, которая, не становясь плотью и кровью отдѣльнаго гражданина, жила въ совокупности народа. Можетъ быть, характеристика Катилины у Саллюстія—плодъ фантазіи, но для историка это олицетвореніе всего, что шло въ разрѣзъ съ правомъ, обычаемъ, закономъ: Катилина—отрицательный символъ, положительная величина къ нему—Цицеронъ, какъ оплотъ преданья. Тотъ же моральный идеалъ, которому не было мѣста въ Римѣ, Тацитъ нашелъ въ полудикой средѣ германцевъ. Культура и мораль какъ бы разошлись: одна примкнула къ испорченности, другая пріютилась у варваровъ. Тацитъ видитъ все это очами почти пророка, ставъ лицомъ къ будущему. Его устами древній республиканскій духъ возмущается противъ деспотизма Юліевъ, связавшаго свою судьбу съ культурой и испорченностью. Но Тацитъ при этомъ самый пластичный, самый живописный историкъ, какого только произвело человѣчество. Ни одна эпоха не создала ничего подобнаго тому, что Тацитъ написалъ о смерти Агриппины; да ни одна эпоха и не создастъ. Таковъ былъ осадокъ въ душѣ Ранке отъ изученія лучшихъ историковъ древности.

Обратившись къ второстепеннымъ историкамъ Римской имперіи, Ранке, незамѣтно перешелъ въ средніе вѣка, а запросы окружающей жизни втягивали его въ изученіе новой исторіи. И здѣсь онъ избѣгалъ руководство. Сводъ средневѣковыхъ историковъ у Гуго Гроція далъ ему первое понятіе о готахъ и лонгобардахъ. Во франкфуртской бібліотекѣ онъ нашелъ часть нѣмецкихъ лѣтописцевъ (*Scriptores rerum Germanicarum*) и познакомился по нимъ съ Нѣмецкой имперіей. Для поздняго средневѣковья нашлись древне-френцузскіе источники. Изученіе подлинныхъ памятниковъ изъ раз-

личныхъ вѣковъ дѣлало Ранке болѣе независимымъ отъ предубѣжденій партій; ему казалось, что въ будущемъ станутъ удовлетворяться только самымъ глубокимъ изученіемъ историческихъ основъ у государственныхъ организмовъ. Вальтеръ Скоттъ своимъ свободнымъ отношеніемъ къ исторической правдѣ вызывалъ въ Ранке недоумѣніе; онъ изучалъ Боммина и затѣмъ возмущался произвольными характеристиками Барла Смѣлаго и Людовика XI въ романѣ Квентинъ Дурвардъ. Но особое сочувствіе вызывали у Ранке событія переходной эпохи отъ XV къ XVI ст.; здѣсь онъ нашелъ для себя самостоятельную точку зрѣнія, чтобы написать свою первую книгу: она появилась въ 1824 году. Это была *Исторія романскихъ и германскихъ народностей 1494—1514*. «Обработанныя здѣсь двадцать лѣтъ образуютъ какъ бы преддверіе къ новой исторіи; книга въ зародышѣ заключаетъ въ себѣ большинство позднѣйшихъ произведеній Ранке, являясь древнѣйшимъ стволемъ въ довольно обширномъ питомникѣ» (Предисловіе къ изданію 1874 г.). Особенно важна была вторая часть—*Къ критикѣ новыя историковъ*, гдѣ впервые наглядно изложенъ былъ методъ, сдѣлавшійся орудіемъ всей школы Ранке. Методъ этотъ не былъ, конечно, какимъ-нибудь откровеніемъ, даннымъ Ранке. Всѣ выдающіеся историки въ лучшихъ частяхъ своихъ трудовъ всегда доходили до него путемъ здраваго смысла. Но Ранке отвлекъ его отъ бессознательнаго фактическаго примѣненія и обобщилъ въ логическую формулу, которую можно было отнынѣ школьнымъ путемъ передавать цѣлому поколѣнію второстепенныхъ историковъ. При сравненіи двухъ главныхъ источниковъ по началу новой исторіи: Гвиччардини и римскаго врача Джовіо—Ранке нашелъ столько непримиримыхъ противорѣчій, что не зналъ, кому изъ нихъ слѣдовать. Джовіо—гораздо обстоятельнѣе и въ частностяхъ пользуется иногда извѣстіями изъ хорошихъ источниковъ. Но Гвиччардини лучше освѣдомленъ и поучительнѣе по вопросамъ общей политики. Если имѣть въ виду историческую правду, то нельзя ни примирить ихъ, ни сдѣлать между ними выборъ. Къ счастью, извѣстны были еще другіе писатели эпохи, каждый съ самостоятельнымъ кругомъ свѣдѣній; пришлось и ихъ привлечь для сравненія, чтобы найти твердый грунтъ подъ ногами. Оказалось, что Гвиччардини, наиболѣе талантливый изъ всѣхъ, то противорѣчатъ имъ, то прямо выписываетъ изъ нихъ; это привело къ необходимости—подвергнуть сравнительному критическому разбору писателей эпохи. Такой перекрестный допросъ источниковъ и есть своеобразный пріемъ Ранке; онъ выясняетъ субъективную окраску для каждаго писателя, даетъ такъ сказать его *личное уравненіе*, а съ другой стороны обнаруживаетъ степень его компетентности для отдѣльныхъ событій. Къ своему пріему Ранке пришелъ самостоятельно, безъ всякихъ притязаній, путемъ естественной необходимости; онъ не бралъ за образецъ ни Нибура, который старается вложить смыслъ въ преданіе, ни филолога Готфрида Германна, который критикуетъ каждаго писателя отдѣльно. Книга и методъ Ранке были оцѣнены и доставили ему на слѣдующій годъ каяедру въ Берлинскомъ университетѣ.

Первый шагъ въ область историческаго творчества принудилъ Ранке сосредоточить свои силы и направить ихъ къ одной цѣли. Поэтому уже здѣсь во Франкфуртѣ его жизнь отлилась въ характерную форму научнаго подвижничества, которая не вполне сгладилась даже послѣ женитьбы. Уединеніе, замкнутость отъ людей, самоограниченіе, предчувствіе какой-то громадной задачи, тяготящей надъ всей жизнью—вотъ настроеніе, господствующее въ письмахъ Ранке изъ начала двадцатыхъ годовъ. При нѣкоторой склонности къ мистицизму это сознаніе цѣли въ жизни принимаетъ для Ранке значеніе какого-то личнаго избранія въ ветхозавѣтномъ смыслѣ слова. «Я живу безъ радости и безъ печали,—пишетъ онъ брату,—безъ любви и дружбы. Должны существовать люди, для которыхъ все наслажденіе въ наукѣ, избранной ими; къ нимъ принадлежу и я. Для меня было бы счастьемъ создать что-либо значительное. Можетъ быть оно не суждено мнѣ; такъ пусть будетъ моимъ счастьемъ самое стремленіе къ значительному: въ этомъ я не хочу отказать себѣ. Твоя наука свѣтская?—спрашиваешь ты.—Развѣ есть на свѣтѣ что-либо свѣтское, что-либо внѣ Бога?» «Я хочу изучить жизнь народовъ въ XV ст.; изучить новые всходы всѣхъ сѣмянъ, посѣянныхъ древностью. Я знаю заранѣе, что эти порывы мысли, воли и творчества не ограничивались вершинами литературы; напротивъ, въ извѣстныхъ проявленіяхъ они жили и среди простаго народа. Я знаю это по реформаціи; хотя Евангеліе милостію Божіей непосредственно, какъ откровеніе, было дано Лютеру, все-таки успѣхъ этого вдохновенія свыше покоился и на другихъ еще основахъ: только сухое дерево вспыхиваетъ сразу. Вѣдь, уже Фихте, думается мнѣ, сказалъ, что эта любовь къ жизни прошлаго, къ ея идеѣ, это внутреннее вынашивание и усвоеніе древности во всей ея глубинѣ—ведетъ къ Богу. Говорятъ: кто принимаетъ причастіе и не вѣруетъ, дѣлаетъ это себѣ въ осужденіе. Я бывало не могъ этого понять, но развѣ это не такъ? Кто понимаетъ античное плоско, поверхностно, грѣховно, дѣлаетъ это себѣ въ осужденіе: все глубже идетъ тогда духовная нищета, жизнь становится болѣе плоской, мысль коченѣетъ. Такъ это было въ Италіи при возрожденіи, такъ это бываетъ и теперь со многими: словно какъ будто бы духъ, присущій античному, мститъ за свое поруганіе. Во всей исторіи живетъ и познается Богъ. Каждое событіе свидѣтельствуетъ о немъ, каждый мигъ называетъ его по имени, а всего болѣе, думается мнѣ, внутренняя связь въ общемъ ходѣ исторіи». Вѣра въ таинственное ярче всего просвѣчиваетъ у историка въ письмѣ къ брату Генриху отъ декабря 1823 г. Въ ночь на четвергъ 17—18 декабря Ранке видѣлъ во снѣ, что жизни отца грозитъ опасность. Проснувшись, онъ тотчасъ же поѣхалъ въ Вію и узналъ тамъ слѣдующее: во вторникъ 16 декабря отецъ ходилъ въ конюшню и упалъ. Это не причинило ему вреда, однако въ среду вечеромъ ему захотѣлось лечь спать вмѣсто десяти часовъ—въ девять. Пока жена и дочь помогали ему снять платье, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Пригласили врача, и черезъ нѣсколько времени отецъ Ранке пришелъ въ себя. Но въ ногахъ отъ колѣнъ вверхъ шли еще какія-

то судороги. Отцу думалось, что онъ умретъ, какъ только эти подергиванья дойдутъ до сердца. «Дорогая мать,—говорилъ онъ,—передай мой поклонъ всѣмъ дѣтямъ. Ты хорошо прожила жизнь, но только не хорони меня слишкомъ рано». Все это происходило въ Вѣнн какъ разъ въ тѣ часы ночи, когда во Франкфуртѣ Л. Ранке видѣлъ свой сонъ. «Говорятъ о непосредственной связи душъ,—писалъ онъ по этому поводу,—и у насъ старшій пасторъ вѣрить въ это и привелъ мнѣ рассказъ изъ Эвтанасіи Виланда. Но по мнѣ это слишкомъ мистично. Я вижу здѣсь только непосредственное и очевидное провидѣніе живого Бога, Его любовь къ тѣмъ, кто въ сущности ничто».

Почти вѣруя въ свое призваніе, Ранке цѣлко держался за свое одиночество и разъ принятый образъ жизни. Родня питала, кажется, надежду на его женитбу, но самъ историкъ отстранялъ отъ себя эту мысль: а между тѣмъ, въ письмахъ не разъ встрѣчается имя Каролины Бееръ, дѣвушки, которая долгое время была связана съ Л. Ранке узами прочной дружбы. «Мнѣ часто приходитъ въ голову,—пишетъ онъ брату,—что я еще ребенкомъ самъ желалъ себѣ жизни, какъ она мнѣ теперь дана. Благородное занятіе, успѣхи въ наукахъ, свободный духъ и другъ. Ты знаешь, что Каролина—мой другъ, добрый, разумный, твердый; она можетъ знать всѣ мои мысли и раздѣляетъ всѣ мои желанья, такъ что лучшаго, болѣе близкаго друга мнѣ и не надо. Правда, моя душа, если только я ее вѣрно понялъ, желала иногда любви нѣжной дѣвушки, но отнюдь не жены; мое тѣло... здѣсь душа и тѣло вполне и поразительно расходятся, но на мое тѣло я твердо рѣшился нисколько не обращать вниманія въ этомъ дѣлѣ». Судьба первой книги волновала Ранке; особенно боялся онъ сужденія своего брата Гейнриха, строгаго ко всему незрѣлому, а главное оставшагося вѣрнымъ наслѣдственному въ родѣ Ранке богословію. «Я прочелъ далеко не все, что должно прочесть по этому предмету; да и мое изложеніе далеко отъ совершенства. Но я вынужденъ и, если я не хочу погубить и испортить свою жизнь, такъ эта книга должна искать друзей и поддержки себѣ и мнѣ. Вѣрно только, что я родился для науки и въ мірѣ больше ни на что отнюдь не гоюсь; не такъ уже безусловно вѣрно, что я родился для изученія исторіи; но я избралъ ее, живу въ ней и моя душа находитъ въ этомъ блаженство, она удовлетворена и довольна: и такъ, я буду держаться за исторію. Между тѣмъ, невозможно здѣсь въ моемъ положеніи съ какимъ-либо успѣхомъ продолжать эти занятія. Извѣстное быстро исчерпывается, блѣдно и никого не поучаетъ. Важно врядъ ли есть, или рѣдко, или даже не напечатано и мнѣ вовсе недоступно. Такъ какъ я не могу бросить этихъ занятій, не убивъ себя, и не могу продолжать ихъ безъ чужой поддержки; такъ какъ я знаю, что не только открылъ кое-что новое, но и прозрѣлъ по крайней мѣрѣ издали непосредственное господство, видимую дѣятельность Божества и ощутилъ отчасти жизнь души человѣчества, то я и рѣшился идти съ этой книгой на встрѣчу хвалѣ и осужденію. Но повѣрь мнѣ: я охотнѣе предпочелъ бы

года два досуга и залъ полный книгъ и нужныхъ мнѣ свѣдѣній и друга, хотя бы одного истиннаго человѣка близъ меня, съ которымъ я могъ бы иногда отдыхать душой; тогда я далъ бы правдивый отчетъ объ истинныхъ людяхъ, истинномъ Богѣ и подлинно бывшей исторіи».

Книга Ранке имѣла быстрый успѣхъ въ официальныхъ сферахъ. Камитцъ написалъ ему письмо, исполненное теплаго участія: онъ видѣлъ въ лицѣ Ранке грядущаго возстановителя исторіи, въ которомъ наука давно нуждалась, и обѣщался представить его министру, какъ кандидата въ профессора. Министерство брало на себя трудъ выписать нужныя для Ранке рукописи изъ Берлина, Вѣны, Мюнхена, Цюриха, Берна, Парижа и Рима. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1825 года Ранке могъ извѣстить брата, что ему предложена катедра экстра-ординарнаго профессора исторіи въ Берлинскомъ университетѣ. «Да, мое сердце, старыя мечты и желанія, наконецъ, осуществляются. Однако, радуюсь ли я безусловно и вполне? Все-таки въ Франкфуртѣ я уже присосался въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не охотно оторвусь отъ нихъ. Здѣсь, въ Берлинѣ, я многого боюсь; не всё здѣсь смотреть съ удовольствіемъ на мое появленіе; къ тому же жалованье у меня маленькое и я принужденъ сжаться. Но за то здѣсь иное поприще, начало новой жизни, которая можетъ стать значительной въ такой степени, какъ я только того хочу. И такъ, мой дорогой братъ, пожелаей мнѣ счастья!»

Евг. Щепкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Государственный банкъ.

I.

Въ настоящее время на очередь поставленъ весьма важный вопросъ о реформѣ нашего государственнаго банка, характеръ операций котораго имѣеть первостепенное значеніе для всей экономической жизни страны. По своимъ задачамъ и полномочіямъ это кредитное учрежденіе соответствуетъ центральнымъ банкамъ западной Европы. Сущность подобныхъ задачъ сводится къ наиболѣе цѣлесообразному для народнаго хозяйства распределенію, путемъ оказанія кредита, тѣхъ свободныхъ капиталовъ, которыми они располагаютъ. Чѣмъ производительнѣе помѣщаются эти свободныя средства, тѣмъ значительнѣе заслуга банка. Что касается извлеченія выгодъ изъ своихъ операций—цѣль, которую прежде всего преслѣдуютъ частныя кредитныя учрежденія, то для центральныхъ банковъ она должна оставаться на второмъ планѣ. Въ сожалѣнію, нашъ государственный банкъ оказывалъ до сихъ поръ весьма слабое вліяніе на улучшеніе условій народно-хозяйственной жизни. «Обозрѣвая слишкомъ тридцатилѣтнюю дѣятельность банка,—говоритъ органъ нашего финансоваго вѣдомства,—нельзя не придти къ заключенію, что дѣятельность эта не вполне отвѣчала той цѣли, которая имѣлась въ виду при его учрежденіи». Въ общемъ всѣ активныя операціи банка, т.-е. операціи по оказанію частнымъ лицамъ кредита, получили весьма слабое развитіе. Главная ихъ ниша—учетъ векселей—развивалась «довольно медленно, не соответствуя росту торговыхъ оборотовъ страны». Затѣмъ «другая операція, имѣющая существенное значеніе для торговли и промышленности, выдачи ссудъ подъ товары, хотя и допускается по уставу банка, на практикѣ не получила развитія и ограничивается самыми скромными размѣрами». Наконецъ, «уставомъ банка вовсе не было разрѣшено открытіе кредитовъ промышленности, не исключая и первенствующаго у насъ земледѣльческаго промысла». «Вышеизложенное и выяснившіяся другія несовершенства дѣйствующаго устава государственнаго банка,—говорится въ официальномъ сообщеніи,—побудили министра финансовъ повергнуть на высочайше Его Императорскаго Величества во-

зрѣніе предположеніе о пересмотрѣ сего устава» *). Въ настоящее время для такого пересмотра учреждена особая коммиссія, намѣтившая уже общій планъ желательнаго преобразованія банка, или, скорѣе, тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ это преобразование должно быть направлено. Но если всѣ активныя операціи государственнаго банка имѣютъ теперь ничтожные размѣры, то прежде всего возникаетъ вопросъ, какое же употребленіе получали и получаютъ тѣ средства, которыми располагаетъ или можетъ располагать столь крупное финансовое учрежденіе, каковымъ является государственный банкъ?

Оборотныя средства центральныхъ банковъ слагаются, какъ извѣстно, изъ трехъ главныхъ элементовъ—собственныхъ (основныхъ) ихъ капиталовъ, вкладовъ, т.-е. капиталовъ чужихъ и эмиссионныхъ операцій. Первые два источника одинаково доступны всѣмъ кредитнымъ учрежденіямъ, третій же въ большинствѣ случаевъ составляетъ привилегію лишь центральныхъ банковъ, являющуюся въ ихъ рукахъ весьма важнымъ ресурсомъ для оказанія кредита. Заключается эта привилегія въ правѣ выпускать за свой счетъ безпроцентныя обязательства, которыя часто приобретаютъ всѣ свойства орудій товарнаго обмѣна или бумажныхъ денегъ. Вопли подобныя обязательства въ обиходъ экономической жизни путемъ постепенно-развивавшейся банковской практики. Прототипомъ ихъ явились вкладныя свидѣтельства, выдававшіяся взамѣнъ положенныхъ на храненіе металлическихъ денегъ. Въ древнія времена роль такихъ депохранилищъ принимали на себя храмы—дельфійскій въ Греціи, Меркурія въ Римѣ и т. д. Въ средніе вѣка эта роль часто выполнялась монастырями. Затѣмъ начали возникать спеціальныя учрежденія, взимавшія за храненіе извѣстную плату, выдаваемые же ими вкладныя свидѣтельства служили орудіемъ платежа на равнѣ съ деньгами. Когда было сдѣлано наблюденіе, что значительная часть вкладовъ лежитъ безъ всякаго употребленія, то явилась возможность обратить ихъ въ источникъ для выдачи ссудъ или непосредственно деньгами, или фиктивными вкладными свидѣтельствами. Такимъ образомъ въ обращеніе начали поступать уже обязательства, вовсе необезпеченныя металлическою денежною наличностію, хранящеяся въ банкахъ. Получивши право гражданства, операція эта и выразилась въ выпускѣ банковыхъ билетовъ (banke-note) съ обязательствомъ непрерывнаго размѣна ихъ на металлъ по предъявленію. Но такъ какъ подобныя операціи могутъ повести къ значительнымъ злоупотребленіямъ, то правительства всѣхъ странъ сочли необходимымъ потребовать отъ банковъ извѣстныхъ гарантій и вообще обставить миссіонную дѣятельность соблюденіемъ извѣстныхъ точныхъ правилъ.

Въ настоящее время въ различныхъ государствахъ весьма различны такъ права центральныхъ банковъ по выпуску своихъ безпроцентныхъ обязательствъ, такъ и гарантій, обезпечивающія безостановочный размѣнъ ихъ. Англійскій банкъ руководствуется въ этомъ отношеніи актомъ Робер-

*) *Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли* 1893 г.

та Пилля, изданнымъ въ 1844 г. Размѣръ выпускаемыхъ имъ билетовъ ограниченъ суммою въ 15½ фунт. стерлинговъ, изъ которыхъ 11 милл. обеспечены долгомъ, лежащимъ на государственной казнѣ. Эти обязательства банка служатъ законнымъ средствомъ платежей по частнымъ сдѣлкамъ, тогда какъ ноты (билеты) другихъ частныхъ банковъ такими правами не пользуются. Затѣмъ ноты, выпускаемыя сверхъ указанной нормы, должны быть полностью обеспечены соответственнымъ увеличеніемъ размѣннаго фонда. Въ Германіи имперскій банкъ пользуется правомъ выпуска нотъ на 274 милл. марокъ, причеиъ третья часть этой суммы обеспечивается его наличностію въ монетѣ. Всѣ остальные банки въ свою очередь могутъ производить выпуски въ размѣрѣ 111 милл. марокъ на тѣхъ же условіяхъ обеспеченія наличностію размѣннаго фонда. Но разница между нотами имперскаго и частнаго банковъ заключается въ томъ, что первыя обращаются по всей территоріи государства, а послѣдніе только въ районахъ, гдѣ находится выпускавшее ихъ учрежденіе. Во Франціи центральный банкъ является единственнымъ въ государствѣ, пользующимся привилегіей выпуска нотъ, общая сумма которыхъ опредѣлена въ 3½ миллиарда франковъ, съ обеспеченіемъ одной трети его металломъ. На однородныхъ же началахъ организованы эмиссіонныя операціи и въ другихъ государствахъ западной Европы.

Но металлическій размѣнный фондъ служитъ лишь гарантіей противъ злоупотребленій банковъ эмиссіонными операціями. Затѣмъ они уже сами должны заботиться, чтобы такое обеспечение подвергалось возможно меньшему риску. Въ виду этого, практикой созданъ цѣлый кодексъ правилъ, которыми руководствуются банки, выдавая ссуды своими обязательствами, такъ какъ предъявленіе къ размѣну значительнаго числа ихъ способно, въ концѣ-концовъ, поглотить весь размѣнный фондъ. Подобные результаты и получаются въ тѣхъ случаяхъ, когда банковыя ноты выпускаются въ размѣрѣ, превышающемъ потребность рынковъ въ орудіяхъ обмѣна. Излишекъ ихъ тогда предъявляется къ размѣну, а, за прекращеніемъ его, обязательства банковъ, буде они получаютъ принудительное обращеніе, теряютъ соответствующую долю своей номинальной цѣнности. Для предупрежденія такого рода послѣдствій банки должны тщательно взвѣшивать кредитоспособность каждаго лица, обязательство котораго они принимаютъ взамѣнъ собственнаго. Эта кредитоспособность выражается главнымъ образомъ въ наличности у кліента товара, который онъ можетъ немедленно поставить на рынокъ. Такимъ образомъ соблюдается то основное правило, по которому количество выпущенныхъ орудій обмѣна соответствуетъ количеству обращающихся на рынокъ товаровъ. За всякое вольное или невольное прегрѣшеніе противъ этого основного принципа банки и платятся своимъ залогомъ въ видѣ размѣннаго фонда. Отсюда очевидно также, что никакихъ точныхъ нормъ ни по отношенію къ размѣрамъ выпусковъ нотъ, ни по отношенію къ размѣрамъ необходимаго обеспеченія ихъ размѣна, установить нельзя. Все зависитъ отъ состоянія товарнаго обращенія, которымъ опредѣляется потребность въ орудіяхъ обмѣна, и отъ тѣхъ или иныхъ способовъ ихъ выпуска.

Дѣйствительно, мы видимъ, что установленныя правительствомъ правила сплошь и рядомъ нарушаются съ его же разрѣшенія, когда подобныя отступленія требуются интересами торговли. По принятой во всѣхъ банкахъ практикѣ ссуды нотами выдаются подъ краткосрочныя обязательства товаровладѣльцевъ, составляющія ихъ вексельный портфель и сообщающія выпускамъ товарное обезпеченіе.

Эмиссіонныя операціи служатъ для центральныхъ банковъ главнымъ источникомъ для операцій по выдачѣ ссудъ. При условіи же обезпеченія размѣна лишь въ размѣрѣ одной трети выпускаемыхъ обязательствъ, онѣ въ значительной своей долѣ является даровымъ. Теперь обратимся къ обзорѣнью способовъ пользованія этимъ источникомъ кредита въ нашемъ отечествѣ.

II.

У насъ учрежденіе банковъ съ выпускомъ своихъ обязательствъ, заимѣющихъ денежныя знаки, принадлежать инициативѣ правительства. Учреждались они также прежде всего для удобствъ торговыхъ оборотовъ, которые крайне затруднялись необходимостью производить платежи громоздкими мѣдными деньгами. Впервые возникли у насъ подобные депозитныя банки, подъ именемъ «ассигнаціонныхъ», въ 1768 г. Въ указѣ Екатерины II, которымъ оповѣщалось объ этомъ российское купечество, между прочимъ, заявлено было: «Мы императорскимъ нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за насъ и преемниковъ престола нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банка». Затѣмъ предупреждалось, что «денежную сумму въ банкахъ находящуюся, ниже малѣйшую часть оной никакому правительству требовать и взаимнообразно брать не дозволяется» *). Подобно банковымъ билетамъ, ассигнаціи выпускались лишь крупныхъ достоинствъ—въ 100, 50 и 25 руб. Размѣнъ ихъ на монету совершался во всѣхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, а затѣмъ для этого устроено было 22 промѣнныхъ конторы. Наравнѣ же съ монетой ассигнаціи принимались и въ уплату податей. Купечество встрѣтило этотъ видъ денежныхъ знаковъ довольно радушно. Въ первое время они ходили съ лажомъ противъ монеты. Въ 1786 году, вмѣсто двухъ ассигнаціонныхъ банковъ—въ Петербургѣ и Москвѣ, учрежденъ единый ассигнаціонный банкъ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставлено было уже право производить разныя кредитныя операціи за счетъ эмиссіонныхъ съ выпускомъ ассигнацій, общая сумма которыхъ, болѣе или менѣе, превышала бы металлическій фондъ. На практикѣ, однако, этими расширеніями полномочій банка воспользовалось главнымъ образомъ финансовое вѣдомство въ качествѣ весьма удобнаго источника для покрытія дефицитовъ въ государственномъ бюджетѣ. Съ

*) *Власій Судейкинъ*: „Государственный банкъ. Исслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія“. Спб., 1891 г.

этого времени въ минуты жизни трудныя всё наши министры финансовъ начали «имѣть прибѣжаніе» къ выпускамъ ассигнацій. До учрежденія «еди-наго» ассигнаціоннаго банка государственный долгъ по необезпеченному выпуску ассигнацій составлялъ 30 милл. руб. Но затѣмъ благодаря безпре-рывнымъ войнамъ и усиливающейся потребности въ деньгахъ, онъ начи-наеть быстро расти. Хотя при учрежденіи банка было торжественно объ-щано, что выпускъ ассигнацій не превыситъ 100 милл. руб., но обстоя-тельства заставили очень скоро нарушить подобное обѣщаніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ учрежденія ассигнаціоннаго банка общая сумма ихъ достигла уже 157 милл. руб. Но такъ какъ ассигнаціи выпускались для нуждъ пра-вительства, а не подъ векселя, съ погашеніемъ которыхъ ассигнаціи воз-вращались бы обратно въ кассы банка, то рынокъ скоро переполнился ими. вмѣстѣ съ тѣмъ приостанавливается развѣтъ ассигнацій на монету и наблюдается паденіе ихъ цѣнности. Въ 1800 г. выпускъ составлялъ уже 212 милл., въ 1811 г.—581 милл., наивысшей же суммы онъ достигъ въ 1817 г.—836 милл. р. Параллельно падалъ и курсъ ассигнацій. Сконча-лась Екатерина II при курсѣ въ 68 к., въ 1810 г. онъ понизился до 43 к., а въ годъ побѣдоноснаго возвращенія нашихъ войскъ изъ Парижа курсъ упалъ до 23 к. сер. за рубль ассигнаціями. Въ то же время въ распоря-женіе «учетныхъ конторъ», учрежденныхъ при ассигнаціонномъ банкѣ и пред-назначавшихся для учета торговыхъ векселей, отпущены были самыя незна-чительныя средства. Крайне ненормальныя условія дѣятельности ассигна-ціоннаго банка сознавались и правительствомъ. Въ 1810 г., при обсужде-ніи въ государственномъ совѣтѣ вопроса о реформѣ этого учрежденія ме-жду прочимъ высказано было, что «ассигнаціонный банкъ съ самаго начала своего образованія, удаляясь отъ существенныхъ своихъ предме-товъ, былъ занятъ почти единственно доставленіемъ казначейству чрез-вычайныхъ пособій въ нуждахъ государственныхъ и есть не что иное, какъ мѣсто заготовленія «кредитныхъ бумагъ». Вообще гласные и неглас-ные выпуски ассигнацій являлись для финансовыхъ дѣятелей того вре-мени наиболѣе удобнымъ и безхлопотнымъ способомъ покрывать дефици-ты. «Кажется, нѣтъ другого средства теперь,—писалъ одинъ изъ нихъ,— какъ прибѣжаніе къ тѣмъ же пособіямъ бязновымъ, вси употребляемы были въ теченіе 1790—91 г. Сія же операція тѣмъ удобнѣе можетъ исполнена быть, что и банки ассигнаціонные и казенные доходы въ одномъ управ-леніи, слѣдовательно, легко можно сію операцію такъ распорядить, что въ публикѣ онаго и гласнаго не будетъ».

Въ мирный періодъ жизни Европы, наступившій послѣ изгнанія Напо-леона, наше правительство начинаетъ предпринимать цѣлый рядъ мѣръ д і поднятія цѣнности ассигнацій. Различныя мѣры въ этомъ направлеіи принимались и ранѣе, но онѣ сплошь и рядомъ противорѣчили другъ др-гу, продолжавшіеся же выпуски ассигнацій на веденіе наполеоновскихъ войнъ способствовали дальнѣйшему ихъ паденію. Такъ, до 1810 г. закон-дательство вовсе не считало нужнымъ опредѣлять юридическія права въ

пускавшихся ассигнацій. Только въ этомъ году по мысли гр. Сперанскаго вся сумма ихъ была объявлена государственнымъ долгомъ, денежною же единицею признанъ серебряный рубль. Но указомъ 9 декабря 1812 г. обращенію ихъ приданъ уже принудительный характеръ. Мотивирована эта мѣра тѣмъ соображеніемъ, что при заключеніи всѣхъ сдѣлокъ на ассигнаціи потребность въ нихъ, а отсюда и самый курсъ, повысится. Но ожиданія эти не сбылись, хотя и причинили рѣшительныя неудобства торговцамъ нѣкоторыхъ окраинъ, совершавшимъ до сихъ поръ сдѣлки на металлическую валюту. Только съ 1818 г. правительство приступило къ заключенію займовъ и продажѣ государственныхъ имуществъ съ цѣлю полученія средствъ для изыатія изъ обращенія нѣкоторой части ассигнацій. Къ 1822 г. министромъ финансовъ гр. Гурьевымъ было извлечено ассигнацій на 241 милл. р. Смѣнявшій гр. Гурьева гр. Канкринъ началъ дѣятельно готовить болѣе радикальную реформу денежной системы, направленную къ возстановленію металлическаго обращенія. Весьма близкое участіе въ этихъ подготовительныхъ работахъ принялъ гр. Сперанскій, бывший въ то время предсѣдателемъ департамента экономіи въ государственномъ совѣтѣ. Началомъ реформы послужило возстановленіе депозитныхъ операцій ассигнаціоннаго банка. Заключались онѣ въ томъ, что взамѣнъ вносимыхъ въ кассу серебряныхъ денегъ выдавались депозитныя свидѣтельства, которыя уже ходили наравнѣ съ металлическою монетою. Затѣмъ сдѣланъ былъ опытъ выпуска особыхъ денежныхъ знаковъ въ видѣ *кредитныхъ билетовъ*, которые также размѣнявались въ кассѣ на серебро. Въ результатъ къ концу тридцатыхъ годовъ у насъ появились трехъ родовъ обязательства банка: ассигнаціи, депозитныя свидѣтельства и кредитные билеты. Для объединенія ихъ манифестомъ 1 іюля 1843 г. объявленъ былъ обмѣнъ ассигнацій на кредитные билеты соотвѣтственно ихъ курсу. Такимъ образомъ 595.475,310 ассигнаціонныхъ рублей превратились (по курсу $3\frac{1}{2}$ ассигн. руб. за 1 р. кред. или сер.) въ 170.221,802 р. государственными кредитными билетами. Операція эта въ финансовой практикѣ извѣстна подъ именемъ девальваціи. Для обезпеченія размѣна новаго вида обязательствъ было установлено, что металлическій фондъ долженъ составлять по крайней мѣрѣ $\frac{1}{5}$ всей суммы выпущенныхъ билетовъ. Право размѣна, впрочемъ, ограничивалось для всѣхъ городовъ кромѣ Петербурга. Въ Москвѣ въ однѣ руки выдавалось серебра на 3 тыс. руб. и во всѣхъ уѣздныхъ казначействахъ—на 100 р. Для завѣдыванія выпусками кредитныхъ билетовъ при министерствѣ финансовъ учрежденъ былъ особый органъ—экспедиція заготовленія государственныхъ билетовъ.

Такимъ образомъ, благодаря произведенной реформѣ, упавшія въ цѣнѣ неразмѣнныя ассигнаціи замѣнились полноцѣнными и размѣнными кредитными билетами. Но реформа вовсе не коснулась самыхъ основаній, на которыхъ впредь должны были совершаться ихъ выпуски. Въ правилахъ вѣсь указывалось, что при дальнѣйшихъ выпускахъ каждый кредитный билетъ, сверхъ 170 милл., долженъ быть обезпеченъ соотвѣтственнымъ

увеличеніем размѣннаго фонда. За чей же счетъ и на какія цѣли могутъ производиться выпуски кредитныхъ билетовъ, объ этомъ ничего не говорилось. Эмиссіонная операція попрежнему осталась въ сторонѣ отъ потребности въ обмѣнныхъ знакахъ, предъявляемыхъ торгово-промышленною жизнію. Между ними не было установлено той связи, которая, какъ мы видѣли, положена въ основаніе эмиссіонныхъ операцій центральныхъ банковъ западной Европы. Заранѣе уже можно было предвидѣть, что при первой же экстренной надобности въ денежныхъ средствахъ финансовое вѣдѣство вновь прибѣгнетъ къ этому источнику. Что подобная опасность предвидѣлась, доказывается образовавшимся въ то время проектомъ передачи ассигнаціоннаго банка въ руки частнаго акціонернаго общества. Опасенія оправдались довольно скоро,—въ началѣ крымской войны послѣдовалъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на весьма значительную сумму. Къ концу 1856 года у насъ имѣлось уже кредитныхъ билетовъ на 700 милл. р. Въ томъ же году пріостановленъ ихъ размѣнъ, такъ что мы опять возвратились къ неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ съ принудительнымъ обращеніемъ и цѣнностію ниже номинальной.

При такомъ положеніи эмиссіонной операціи указомъ 31 мая 1860 г. учрежденъ «государственный банкъ», предназначенный для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежно-кредитной системы. Но учрежденію его не ввело никакихъ существенныхъ измѣненій въ это дѣло. Производить эмиссіонныя операціи для своихъ коммерческихъ цѣлей банку его уставомъ не предоставлено. Подобное право осталось за государствомъ или, скорѣе, за финансовымъ вѣдѣствомъ, а банкъ является въ этомъ отношеніи только исполнительнымъ его органомъ. Первый балансъ государственнаго банка къ 1 января 1861 г. по эмиссіонной операціи представляется въ слѣдующемъ видѣ: кредитныхъ билетовъ въ обращеніи находилось на 713 милл. руб., изъ нихъ около 93 милл. р. было обезпечено металлическимъ фондомъ, и 620 милл. руб. составляли «безпроцентный долгъ государственнаго казначейства». Съ 1861 г. по 1877 годъ въ общемъ безъ особенно значительныхъ измѣненій колебался какъ размѣръ обращающихся кредитныхъ билетовъ, такъ и сумма безпроцентнаго долга казначейства банку. Наступившая затѣмъ русско-турецкая война заставила правительство прибѣгнуть къ новому «временному» выпуску кредитныхъ билетовъ. Общая сумма выпуска составила 467,850 т. р. Изъ этой суммы часть впоследствии была погашена, а 266,263 т. р. находятся въ обращеніи и до сихъ поръ, вопреки Высочайшему указу отъ 1 января 1881 г. объ ихъ погашеніи. Наконецъ указомъ 28 іюля 1891 года г. министру финансовъ предоставлено дѣлать временные выпуски кредитныхъ билетовъ для поддержанія кассъ государственнаго банка, на его коммерческія операціи. Всего на основаніи этого указа въ разное время выпущено 150 милл. руб., изъ котораго погашено 50 милл. руб. и 100 милл. р. остается въ обращеніи. Изъ отчетовъ банка, однако, не видно, чтобы за счетъ этой суммы увеличился размѣръ его коммерческихъ операцій. Очевидно, она также поглощена нуждами финансо-

ваго вѣдомства. Въ общемъ итогѣ сумма обращающихся кредитныхъ билетовъ достигла теперь 1,146 милл. р. По категориямъ она подраздѣляется на просто кредитные билеты—780 милл. руб., билеты 1-го «временнаго» выпуска—266 милл. р. и 2-го «временнаго» выпуска—100 милл. р.

Изъ приведеннаго краткаго историческаго очерка видно, что нашъ государственный банкъ не пользовался и, по уставу, не имѣетъ права прибѣгать къ выпуску краткосрочныхъ безпроцентныхъ обязательствъ для своихъ коммерческихъ операций. Этотъ источникъ оказанія кредита съ избыткомъ исчерпанъ еще до его учрежденія исключительно на покрытіе нуждъ государственно-финансоваго хозяйства. Подобное же назначеніе имѣли и послѣдующіе выпуски, по отношенію къ которымъ банкъ являлся какъ бы комиссіонеромъ казначейства. Указываютъ на отдѣльные случаи, когда выпуски, въ весьма скромныхъ, впрочемъ, размѣрахъ, производились на коммерческія цѣли. Но разрѣшались они лишь въ виду того, что собственные средства банка часто истрачивались финансовымъ вѣдомствомъ. Можно сказать поэтому, что наши эмиссіонныя операціи имѣли и имѣютъ мало общаго съ такими же операціями центральныхъ банковъ Западной Европы. Прежде ассигнаціи, затѣмъ кредитные билеты, выпускались у насъ для погашенія дѣлавшихся правительствомъ издержекъ, а не на совершеніе сдѣлокъ съ товарами и подъ краткосрочныя же обязательства товаро-владельцевъ. При такихъ условіяхъ между ростомъ денежнаго и ростомъ товарнаго обращенія всякое соотвѣтствіе отсутствовало. Съ другой стороны, когда существуетъ размѣнъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на металлъ, то избытокъ ихъ, не поглощенный товарнымъ обращеніемъ, направляется обратно въ кассы эмиссіонныхъ банковъ. Последнее обстоятельство, какъ мы уже говорили, и служить сдерживающею уздой, заставляющею банки пользоваться правомъ дѣлать выпуски своихъ обязательствъ съ крайнею осторожностью. У насъ съ пріостановленіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ и эта гарантія устранена. Въ результатъ избытокъ въ денежныхъ знакахъ, не имѣющихъ собственной внутренней цѣнности, выражается въ пониженіи ихъ покупательной способности, сравнительно съ металлическими деньгами, которыя они замѣняютъ. Иначе говоря, происходитъ паденіе ихъ курса. Но такъ какъ товарное обращеніе, а отсюда и спросъ на орудія обмѣна періодически усиливаются или ослабѣваютъ, то колеблется и самая цѣнность бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Къ этому главному фактору колебаній курса присоединяются второстепенные, въ видѣ биржевой игры и разныхъ политическихъ событій, укрѣпляющихъ или подрывающихъ вѣру въ возможность близкаго выполненія принятыхъ на себя государствомъ обязательствъ.

Такимъ образомъ, государство, сохранивши за собою право на производство эмиссіонныхъ операций, воспользовалось этимъ источникомъ полученія средствъ исключительно для покрытія своихъ финансовыхъ нуждъ. Неумѣренное же пользованіе имъ превратило обязательства государства въ неразмѣнные бумажные денежные знаки съ постоянно колеблющеюся цѣнностью.

III.

Судьбу эмиссионныхъ операций отчасти раздѣляютъ и другіе источники кредита, сосредоточивающіеся въ государственномъ банкѣ. Въ этомъ отношеніи государственный банкъ, прежде всего, также получалъ весьма непріятное наслѣдство отъ старыхъ кредитныхъ учрежденій въ видѣ затраты значительной части вкладовъ на нужды государственно-финансоваго хозяйства. Приемъ ихъ до 1860 года занимались: коммерческій банкъ, заемный банкъ, ссудныя и сохранныя кассы—петербургская и московская, привазы общественнаго призрѣнія. Изъ нихъ ссудныя кассы занимались выдачей ссудъ помѣщикамъ подъ залогъ имѣній, а коммерческій банкъ учрежденъ былъ въ 1817 г. для оказанія кредита торговлѣ. Но наиболѣе значительная часть скопившихся въ ихъ кассы средствъ въ видѣ вкладовъ затрачивалась на удовлетвореніе текущихъ нуждъ государственнаго казначейства. Съ 1817 г. финансовое вѣдомство перестало прибѣгать къ дальнѣйшимъ выпускамъ ассигнацій; взамѣнъ же этого источника оно начало пользоваться вкладами частныхъ лицъ. Про дѣятельность коммерческаго банка г. Судейкина, излагая исторію нашихъ старыхъ кредитныхъ учрежденій, между прочимъ, говоритъ, что, «будучи основано на вѣрныхъ началахъ, это кредитное учрежденіе вскорѣ начало отрѣшаться отъ нихъ подъ вліяніемъ принятыхъ по отношенію къ нему мѣръ государственнымъ казначействомъ, и, наконецъ, оно сдѣлалось тѣмъ источникомъ, изъ котораго министерство финансовъ постоянно черпало потребныя ему средства для покрытія ежегодныхъ дефицитовъ. Последнее обстоятельство въ сильной степени вліяло на ходъ операций банка, такъ какъ, подъ давленіемъ запросовъ на удовлетвореніе нуждъ казначейства, коммерческими операциямъ пришлось отвѣсти въ ряду его операций второе мѣсто и имѣть въ виду не столько удовлетвореніе запросовъ торговли и промышленности, сколько попеченіе о пополненіи недостающихъ средствъ министерства финансовъ». Между тѣмъ, въ уставѣ коммерческаго банка было весьма точно оговорено, что средства коммерческаго банка не должны быть употребляемы на государственныя нужды.

Долги государственнаго казначейства различнымъ кредитнымъ учрежденіямъ постепенно возростали и часто ставили администрацію ихъ въ затруднительное положеніе не только по выдачѣ ссудъ, но даже и по возврату требуемыхъ обратно вкладовъ. Коммерческому банку предписывалось даже передавать накопившуюся у него наличность въ банкъ заемный, изъ котораго она и поступила уже въ распоряженіе финансоваго вѣдомства. Такъ, въ одномъ случаѣ правленію банка предлагается «для скопленія суммъ на подкрѣпленіе заемнаго банка учеть векселей и особенно по залогъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ и облигацій польскихъ займовъ сокращать подъ разными предлогами». Въ другомъ циркулярѣ министръ финансовъ пишетъ: «Особо секретно предложено мною 7 января 1837 года производство частныхъ ссудъ пріостанавливать, но не наруш

очереди и подъ другими благовидными предлогами и удовлетворить преимущественно тѣхъ изъ частныхъ заемщиковъ, кои пожелаютъ получить ссуду банковыми билетами, вмѣсто наличныхъ денегъ». Подъ конецъ своего управленія финансами гр. Банкринъ указалъ какъ на чрезмѣрно широкіе размѣры, которые приняла операція передачи вкладовъ частныхъ лицъ въ пользованіе казначейства, такъ и невозможность выполнить принятыя имъ на себя обязательства. Последняго рода опасенія вполнѣ оправдались, когда съ развитіемъ экономической жизни въ странѣ усилилась потребность въ капиталахъ. Мы видимъ, что до 1856 года притокъ вкладовъ въ кредитныя учрежденія усиливался, чему въ значительной мѣрѣ способствовали огромныя выпуски кредитныхъ билетовъ на веденіе крымской войны. Въ началу 1857 г. общая сумма вкладовъ достигла небывалыхъ размѣровъ—1,276 милл. р. Невозможность найти для нихъ помѣщеніе заставило прибѣгнуть къ пониженію уплачиваемаго процента съ 4-хъ до 3-хъ. Это обстоятельство вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ расширеніемъ частной предпринимчивости повлекло за собою обратное востребованіе вкладовъ. Между тѣмъ, огромная часть ихъ была затрачена финансовымъ вѣдомствомъ, а другая выдана въ долгосрочныя ссуды помѣщикамъ. При такихъ условіяхъ правительству пришлось прибѣгнуть къ укрѣпленію за собою вкладовъ. Съ этою цѣлью въ 1859 г. былъ произведенъ выпускъ 4%, непрерывно-доходныхъ билетовъ, а впоследствии 5% банковыхъ билетовъ. Первыхъ выпущено на 131 милл. р., а вторыхъ—на 277 милл. р. Затѣмъ на удовлетвореніе же вкладчиковъ былъ произведенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на 100 милл. р. Окончательный расчетъ по обязательствамъ старыхъ кредитныхъ учреждений былъ возложенъ на учрежденный въ 1861 г. государственный банкъ. Это наследіе оказалось очень тяжелымъ и въ свою очередь въ продолженіе очень долгаго времени отзывалось весьма неблагоприятно на развитіи коммерческихъ операцій банка.

Въ уставѣ государственнаго банка опять-таки оговорена неприкосновенность его оборотныхъ средствъ, получаемыхъ путемъ притока частныхъ вкладовъ. Но на практикѣ банку пришлось ежегодно затрачивать значительную часть по ликвидаціи обязательствъ старыхъ кредитныхъ учреждений, отдававшихъ вклады въ распоряженіе финансоваго вѣдомства или помѣщавшихъ ихъ подъ долгосрочныя ссуды. Въ теченіе двадцати первыхъ лѣтъ ежегодная затрата его на этой операціи колебалась отъ 65 до 145 милл. р. Только въ 1886 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи ликвидаціонной операціи при банкѣ и возложеніи окончанія ея на государственное казначейство. Точно также, вопреки прямому смыслу устава, финансовое вѣдомство не переставало дѣлать позаймствованія изъ банка и на удовлетвореніе текущихъ своихъ нуждъ. За пятилѣтіе 1860—1864 гг. эти позаймствованія составили около 21 милл. р., въ слѣдующее пятилѣтіе они возросли до 68 милл. р., въ пятилѣтіе 1870—74 гг. они остались почти на томъ же уровнѣ и въ пятилѣтіе съ 1875—79 гг. уменьшились до 43 милл. р. «Затрачивая каждагодно столь значительныя

средства на потребности государственнаго казначейства, — говорит г. Судейкинъ, — банкъ, за немѣнимъ оборотныхъ средствъ, долженъ былъ дорого стоющими мѣрами укрѣплять за собою самыя краткосрочныя вклады, съ другой же стороны, постоянно прибѣгать къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ». Въ результатъ «съ первыхъ же годовъ своего существованія онъ приобрѣлъ крупное финансовое значеніе во вредъ экономическому».

Съ начала 80 годовъ прямыя позаймствованія изъ государственнаго банка прекращаются, но онъ продолжаетъ служить своими средствами болѣе интересамъ и нуждамъ финансоваго вѣдомства, тѣмъ оживленію торговли и промышленности. [Въ этомъ отношеніи, прежде всего, заслуживаетъ вниманія операція банка по выдачѣ ссудъ подъ процентныя бумаги, принявшая чрезмѣрно широкіе размѣры. Этого вида кредитъ всѣми авторитетами банковской теоріи и практики относится къ наименѣ желательнымъ, такъ какъ онъ имѣетъ не производительный характеръ, а является либо потребительнымъ, либо прямо предназначеннымъ для биржевой игры. Уставами большинства центральныхъ банковъ Западной Европы подобной операціи отведено въ виду указанныхъ условій весьма скромное мѣсто. У насъ же она служитъ, главнымъ образомъ, для облегченія реализаціи государственныхъ займовъ. При выпускѣ ихъ банкъ тотчасъ объявляетъ, что будетъ выдавать подъ новыя облигаціи ссуды съ извѣстными льготами. Это позволяетъ частнымъ лицамъ и кредитнымъ учрежденіямъ подписываться на весьма крупныя суммы при ничтожной наличности, которая добывается затѣмъ путемъ залога приобретенныхъ бумагъ въ государственномъ банкѣ. Въ результатъ заемъ реализуется не столько на счетъ свободныхъ капиталовъ, обращающихся въ публикѣ, сколько на счетъ средствъ государственнаго банка, отвлекаемыхъ отъ его коммерческихъ операцій. Фактическая же реализація совершается обыкновенно много позже. Услужливостью банка и объясняется отчасти «блестящій» успѣхъ, съ которымъ подписка иногда въ нѣсколько разъ покрываетъ объявленную сумму займа. Есть полное основаніе опасаться повтому, что сокращеніе операціи по выдачѣ ссудъ подъ государственныя процентныя бумаги повлекло бы къ усиленному ихъ предложенію и паденію цѣнности. Очевидно, что главное ихъ значеніе заключается въ поддержаніи государственнаго кредита. Затѣмъ въ портфель банка имѣется болѣе, тѣмъ на 200 милл. р. процентныхъ государственныхъ бумагъ, хотя уставъ прямо запрещаетъ держать ихъ на столь значительную сумму.

Точно также исключительно на поддержаніе государственнаго кредита употребляются банкомъ и весьма значительныя капиталы, стекающіеся къ нему при посредствѣ сберегательныхъ кассъ. Въ настоящее время общая сумма мелкихъ вкладовъ въ этихъ учрежденіяхъ достигаетъ 250 милл. р.; при переводѣ ихъ въ государственный банкъ подобныя вклады обращаются на покупку государственныхъ процентныхъ бумагъ. При заключеніи послѣдняго займа въ 100 милл. р., изъ этого источника сразу покрыто почти двѣ трети его. Между тѣмъ, въ другихъ государствахъ капиталы, стекающіеся въ

сберегательныя кассы, служат преимущественно развитію мѣстнаго кредита. Въ Пруссіи, напримѣръ, изъ 3,281 милл. марокъ, составлявшихъ въ 1891 г. сумму вкладовъ сберегательныхъ кассъ, только одна треть помѣщена въ бумагахъ. Остальной капиталъ розданъ въ ссуды подѣ самаго разнообразнаго вида обезпеченія. На однородныхъ же началахъ распоряжаются своими средствами сберегательныя кассы въ Австріи, Швейцаріи, Италіи, Норвегіи, Соединенныхъ Штатахъ.

Рядомъ съ операціями, направленными къ поддержанію государственнаго кредита, весьма видное мѣсто въ дѣятельности государственнаго банка занимаютъ и операціи, служащія къ поддержанію курса нашей денежной единицы. Въ послѣднихъ видахъ съ конца 80 годовъ финансовое вѣдомство за счетъ средствъ банка начинаетъ прибѣгать къ значительнымъ закупкамъ золота,—операціи, вовсе не предусмотрѣнной уставомъ государственнаго банка. По балансу 1 января 1891 г. у заграничныхъ банковъ имѣлось золота на 157 милл. р. Въ слѣдующемъ году общая наличность въ металлической валютѣ возросла почти до 250 милл. р. «Эта операція,— по справедливому замѣчанію Н. С. Петлина,—не нужна государственному банку, не можетъ быть отнесена къ его коммерческимъ операціямъ и не оправдываетъ тѣхъ задачъ, которыя на него возложены высочайше утвержденнымъ уставомъ». Между тѣмъ, «уничтоживъ кассовыя средства въ кредитныхъ билетахъ на покупку металла, государственный банкъ долженъ былъ приступить къ усиленному выпуску кредитныхъ билетовъ, къ уменьшенію каковыхъ въ обращеніи правительство постоянно стремится, и къ возвышенію учетнаго процента, пониженіе какового должно составлять одну изъ главныхъ его заботъ». Съ другой стороны, покупка золота на имѣющіеся въ распоряженіи банка кредитные билеты придадо его операціямъ спекулятивно-биржевой характеръ и повлекло даже къ значительнымъ убыткамъ. Въ 1889 г. потери на курсѣ составили 5,300 т. р. Наконецъ, послѣдствіе затратъ средствъ банка на биржевыя операціи отразилось на сокращеніи его коммерческихъ операцій. Вообще съ каждымъ годомъ средства банка все болѣе и болѣе отвлекаются на разныя спекулятивныя операціи, направленныя къ поддержанію курса нашего злоголучнаго бумажнаго рубля и цѣнности государственныхъ бумагъ. Такъ, въ 1881 г. подѣ учетъ векселей и товары выдано ссудъ на 158 милл. р., въ 1891 г. размѣръ ихъ упалъ до 117 милл. руб., а въ 1892 году 75 милл. руб., несмотря на увеличившіяся средства банка *). По отношенію къ этимъ средствамъ коммерческія операціи составляли въ 1871 г. — 91%, въ 1881 г. — 74%, а въ 1891 г. — 18%. Въ настоящее время, слѣдовательно, на помощь торговлѣ и промышленности ассигнуется не болѣе $\frac{1}{3}$ свободныхъ средствъ государственнаго банка. «И такъ, — заключаетъ Н. С. Петлинъ,—мы лишь исполнимъ свой долгъ, если скажемъ, что нельзя

*) Статистическія данныя операцій государственнаго банка за 1860—1892 и. Сиб., 1893 г.

оставить банкъ въ такомъ положеніи, буде выполнение высочайше утвержденнаго устава считается для него обязательнымъ *)).

IV.

Такимъ образомъ, на вопросъ о томъ, какое употребленіе получаютъ стекающіяся въ государственный банкъ свободныя средства, мы должны отвѣтить, что наиболѣе значительная часть ихъ затрачивается на удовлетвореніе нуждъ государственныхъ же финансовъ или на разные биржевыя обороты, тѣсно съ ними связанныя. Въ этомъ до нѣкоторой степени лежитъ, конечно, и причина слабаго развитія коммерческихъ операцій банка, о которомъ говорится въ цитированномъ нами официальномъ сообщеніи. Многие на основаніи такого рода данныхъ приходятъ къ заключенію, что единственнымъ радикальнымъ способомъ устраниенія подобнаго явленія представляется передача центрального банка изъ рукъ государства въ руки частнаго акціонернаго общества. Эта мысль возникала каждый разъ, какъ только заходила рѣчь о необходимости реформировать это учрежденіе и создать гарантію болѣе правильной его дѣятельности. Еще въ 1811 году Сперанскій въ своемъ планѣ финансоваго преобразованія проектировалъ устройство акціонерно - правительственнаго банка. Къ той же мысли многие государственныя люди возвращались въ періодъ денежной реформы, выполненной гр. Канкринимъ, и, наконецъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ при упраздненіи старыхъ кредитныхъ учрежденій, которыя замѣнилъ собою государственный банкъ. Послѣдователи такой радикальной реформы имѣются и въ настоящее время. Пока центральный банкъ, говорятъ они, будетъ оставаться въ исключительномъ распоряженіи государства, до тѣхъ поръ и служить онъ будетъ исключительно интересамъ государственно-финансоваго, а не народнаго хозяйства. Точно также независимость банка признается и единственною гарантіею противъ злоупотребленій выпусками бумажныхъ денегъ, какъ являющихся прямымъ послѣдствіемъ совмѣстительства въ дѣлѣ завѣдыванія государственными финансами и эмиссионными операціями. Въ виду этого предлагается такое сочетаніе въ завѣдываніи центральнымъ банкомъ правительственнаго и частнаго элементовъ, при которомъ интересъ акціонеровъ ограждалъ бы его средства отъ посягательствъ со стороны правительства, контроль же правительства не допускалъ бы злоупотребленій со стороны акціонеровъ.

Нельзя, конечно, вполне отрицать полезнаго значенія всякихъ формальныхъ гарантій. Но исторія банковской практики во всѣхъ странахъ наглядно свидѣтельствуемъ, насколько часто предлагаемый взаимоконтроль превращается во взаимопустительство. Можно сказать, что періодъ служенія честныхъ эмиссионныхъ банковъ исключительно финансовымъ нуждамъ государства съ допущеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ злоупотребленій пережили или продол-

*) Н. С. Петлинъ: „Назначеніе, устройство и очеркъ дѣятельности государственнаго банка“. Сиб., 1892 г.

жають переживать чуть ли не всё страны. Такъ, въ Англии въ началѣ нынѣшняго столѣтія ссуды изъ центрального банка правительству въ четыре или пять разъ превосходили ссуды, выдаваемыя частнымъ лицамъ. Это давало возможность министерствамъ производить расходы, не испрашивая на то разрѣшенія у парламента. Послѣдній издалъ нѣсколько биллей, воспреещающихъ выдачу банкомъ ссудъ правительству. Надлежнаго дѣйствія они, однако, не оказали. Съ другой стороны, неумѣренное пользованіе этимъ источникомъ повело къ чрезмѣрному выпуску банковыхъ нотъ, приостановленію ихъ размѣна и паденію цѣнности почти на 30%. Періодъ неразвѣнности нотъ англійскаго банка продолжался съ 1797 по 1819 годъ. Въ это время онѣ имѣли характеръ неразвѣнныхъ бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ обращеніемъ и пріемомъ въ казну въ счетъ разныхъ платежей отъ частныхъ лицъ. Точно также и по тѣмъ же причинамъ поступало правительство Франціи въ 1848—50 и 1870—79 гг., когда на его нужды произведены были банкомъ весьма значительные выпуски билетовъ, что повело къ приостановленію размѣна и паденію ихъ цѣнности. Но и до этого времени французское правительство въ весьма широкихъ размѣрахъ прибѣгало къ позаймствованіямъ изъ центрального банка. Еще чаще прибѣгало къ подобнымъ услугамъ центрального акціонернаго банка правительство Австро-Венгрии, гдѣ до сихъ поръ еще не послѣдовало возстановленія металлическаго обращенія. Наконецъ, наиболѣе яркимъ доказательствомъ недостаточности такой гарантіи противъ «злоупотребленій» со стороны центральныхъ банковъ, какъ сочетаніе независимости съ правительственнымъ контролемъ, является послѣдній инцидентъ съ эмиссионными банками въ Италіи. Здѣсь уже злоупотребленія эмиссионными операціями производились на почвѣ простого подкупа какъ отдѣльныхъ представителей правительственнаго контроля, такъ и цѣлыхъ политическихъ партій, которымъ давались средства на расходы по выборной агитаціи.

Затѣмъ мы видимъ, что почти во всѣхъ государствахъ, въ силу важнаго общегосударственнаго значенія, которое приобрѣли центральные банки, они превратились въ учрежденія полуправительственныя. Но этотъ переходъ былъ сдѣланъ вовсе не потому, чтобы подобная комбинація признавалась наиболѣе цѣлесообразной съ точки зрѣнія установленія гарантій противъ злоупотребленій. Государство просто не считало себя вправѣ экспроприровать частную собственность и ограничилось поэтому усиленіемъ своего вліянія на дѣятельность центральныхъ банковъ. Не трудно, однако, видѣть, что при такой формѣ завѣдыванія правительство имѣетъ полную возможность, буде пожелаетъ, пользоваться своимъ положеніемъ контролера и стать по отношенію къ акціонерамъ на почву взаимныхъ уступокъ. Съ другой стороны, акціонеры центрального банка, какъ и всѣ прочіе предприниматели, заинтересованы лишь въ извлеченіи возможно высокихъ барышей, а не въ служеніи нуждамъ народнаго хозяйства. Естественно, что и средства своимъ акціонерный банкъ предоставляетъ въ распоряженіе того, кто имъ лучше заплатить. Будетъ то правительство, или частныя лица—для нихъ совер-

шенно безразлично. Теперь наше финансовое ведомство пользуется средствами государственного банка бесплатно, при переходѣ же его въ частныя руки подобныя услуги пришлось бы въ томъ или другомъ видѣ оплачивать. Въ этомъ бы и заключалось ея преимущество правительственно-акціонернаго банка. Что же касается народного хозяйства, то оно врядъ ли что-нибудь выгадало бы въ результатѣ предлагаемой реформы.

Не создавая никакихъ дѣйствительныхъ гарантій противъ злоупотребленій и отвлеченія средствъ банка на удовлетвореніе нуждъ правительства, передача его въ руки акціонернаго общества только передала бы въ пользованіе частныхъ лицъ тѣ весьма солидныя выгоды, которыя извлекаются изъ присвоенныхъ этому учрежденію исключительныхъ правъ. Разсматривая же вопросъ съ принципиальной точки зрѣнія, едва ли можно сомнѣваться, что, оставаясь въ рукахъ государства, оно въ гораздо большей степени способно служить интересамъ народного хозяйства, чѣмъ въ качествѣ учрежденія, принадлежащаго частнымъ лицамъ, для которыхъ на первомъ планѣ будетъ стоять извлеченіе доходовъ. Настоящая дѣятельность нашихъ акціонерныхъ банковъ служить весьма плохимъ залогомъ возможности улучшеній въ организаціи кредита съ осуществленіемъ предлагаемой радикальной реформы. «Частныя банки, за немногими исключеніями,—говоритъ г. Петлинъ,—не развиваютъ учетной операціи, такъ какъ она представляетъ имъ менѣе выгодъ, чѣмъ спекулятивныя операціи съ курсомъ и бумагами, дающими возможность обращать капиталы быстрѣе и, вслѣдствіе особенной дѣятельности банковъ, не имѣть риска». Есть полное основаніе опасаться, слѣдовательно, что передача нашего центрального банка частному обществу не только не послужитъ къ улучшенію его дѣятельности, но явится новымъ тормазомъ для измѣненій въ этой дѣятельности согласно требованіямъ и интересамъ всего народного хозяйства. Частное общество будетъ энергично протестовать противъ развитія всякихъ операцій, которыя, преслѣдуя удовлетвореніе нуждъ народного хозяйства, не обѣщаютъ особыхъ выгодъ банку. Съ другой стороны, теперь личныя выгоды, въ качествѣ хозяина банка, извлекаетъ лишь финансовое ведомство, тогда же придется сверхъ сего нѣкоторую сумму ихъ предоставить въ пользу новаго компаньона. Другого результата отъ предлагаемой «радикальной» реформы ждать нельзя.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится вопросъ объ огражденіи независимости банка по отношенію къ финансовому ведомству, которое, конечно, не можетъ не смущать наличность въ его распоряженіи такого широкаго источника оборотныхъ средствъ, какимъ является государственный банкъ. Поэтому извѣстный ученый А. Вагнеръ, высказываясь за преимущества государственнаго банка, ставитъ, однако, непремѣннымъ условіемъ независимость его отъ министерства финансовъ и полную самостоятельность. Вредное значеніе указанной зависимости сознано и у насъ уже очень давно. Когда въ 1817 году правительство приступило къ упорядоченію эмиссіонныхъ операцій ассигнаціоннаго банка, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочло необходимымъ нѣсколько

ослабить и зависимость его отъ финансоваго вѣдомства. Съ этою цѣлью дѣятельность банка поставлена была подъ контроль вновь созданнаго совѣта государственныхъ кредитныхъ установлений. Это учрежденіе функционируетъ и понынѣ, но, какъ можно видѣть изъ исторіи дѣятельности прежнихъ кредитныхъ учреждений и здравствующаго теперь государственнаго банка, безъ особаго успѣха. Дѣйствительно, на практикѣ вліяніе его сводится почти къ нулю. По уставу, совѣтъ государственныхъ кредитныхъ учреждений собирается ежегодно въ апрѣлѣ для выслушанія и утвержденія отчета управляющаго государственнымъ банкомъ и для распредѣленія, согласно предложенію г. министра финансовъ, прибыли банка. Затѣмъ для постояннаго наблюденія за правильностью операцій совѣтъ назначаетъ для присутствія въ засѣданіяхъ правленія двухъ депутатовъ — одного отъ дворянства и одного отъ купечества. Третій депутатъ назначается отъ государственнаго контроля. Но всѣ эти депутаты лишь «наблюдаютъ» въ буквальномъ смыслѣ слова, правомъ же голоса при рѣшеніи правленіемъ разныхъ вопросовъ они не пользуются. Ихъ «наблюденія» или предложенія, не принятыя правленіемъ, заносятся въ журналъ и доводятся до свѣдѣнія г. министра финансовъ. Но такъ какъ всѣ отступленія отъ устава въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаются въ интересахъ удовлетворенія нуждъ финансоваго вѣдомства и по его инициативѣ, то понятно, что протесты депутатовъ совѣта никакого практическаго значенія не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Очевидно, что независимость государственнаго банка достигалась бы только при полномъ изыятіи этого учрежденія изъ вѣдѣнія министерства финансовъ и допущеніи къ фактическому участию въ управленіи имъ депутатовъ отъ тѣхъ классовъ населенія или учреждений, которымъ и при посредствѣ которыхъ банкъ имѣетъ въ виду оказывать кредитъ. При расширеніи операцій и круга клиентуры, какъ то предполагается сдѣлать согласно программѣ, намѣченной въ трудахъ комиссіи, правленію необходимо будетъ имѣть въ своемъ составѣ лицъ, близко знакомыхъ съ условіями жизни каждой отдѣльной группы кліентовъ. Они явятся вмѣстѣ и совѣтниками правленія, и представителями интересовъ своихъ группъ. Въ этомъ предложеніи, въ сущности, нѣтъ ничего ни особенно новаго, ни тѣмъ паче еретическаго. Въ настоящее время въ учетные комитеты банка, его конторъ и отдѣленій, опредѣляющіе размѣры кредито-способности кліентовъ, приглашаются представители торговли, а съ введеніемъ операціи по выдачѣ ссуды подъ соло-векселя землевладѣльцамъ такіе же представители приглашаются и отъ сельскихъ хозяевъ. Если же банкъ расширитъ клиентуру и прибѣгнетъ къ проектируемому посредничеству земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ и другихъ учреждений, то ему придется расширить и составъ представителей отъ заинтересованныхъ группъ. Далѣе опытъ съ соло-векселями, оказавшійся, по словамъ оффиціальнаго сообщенія, «малоуспѣшнымъ», наглядно показалъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ существующая практика разрѣшенія вопросовъ по организаціи различнаго вида кредита безъ участія и указа-

ній со стороны заинтересованных въ дѣлѣ лицъ. Между тѣмъ, операція по выдачѣ ссудъ подѣ соло-векселя чрезвычайно проста, сравнительно съ тѣмъ широкимъ кругомъ операций, который намѣченъ комиссіей, учрежденной для разработки плана предстоящаго преобразованія государственнаго банка. Едва ли поэтому можно сомнѣваться, что личныхъ силъ администраціи банка окажется крайне недостаточно для правильнаго разрѣшенія всѣхъ разнообразныхъ и весьма сложныхъ вопросовъ, которые возникнутъ при практическомъ осуществленіи этой программы.

У.

Что касается отдѣльныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ обуславливается возможность правильной и широкой постановки организаціи кредита въ странѣ, то въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить вопросъ объ устраненіи печальныхъ послѣдствій нашихъ эмиссіонныхъ операций прежняго времени. Благодаря имъ, нашъ государственный банкъ лишень того широкаго источника указанія кредита, которымъ пользуются всѣ другіе центральные банки. Затѣмъ обращеніе въ качествѣ орудій товарнаго обмѣна бумажныхъ денежныхъ знаковъ, съ колеблющеюся ихъ цѣнностью, крайне затрудняетъ совершеніе не только кредитныхъ, но и всякихъ торговыхъ сдѣлокъ. Это совершенно равносильно тому, какъ если бы измѣнялась цѣна аршина или дѣйствительный вѣсъ пуда, а всѣ сдѣлки обязательно было совершать на эти единицы мѣры. У насъ часто говорятъ о злокозненной спекуляціи иностранныхъ биржъ съ нашими рублями, но, въ сущности, всѣ наши срочныя торговыя сдѣлки заключаютъ въ себѣ такой же элементъ спекуляціи. На это обстоятельство указывали въ своихъ всеподаннѣйшихъ докладахъ какъ бывшій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, такъ и его предшественникъ Н. Х. Бунге.

Въ особенности рельефно проявляются неудобства обращенія денежныхъ знаковъ съ колеблющеюся цѣнностью при сношеніяхъ съ заграничными рынками. Продавая свой хлѣбъ, положимъ, въ Марсели на франки, нашъ экспортеръ находится въ полномъ невѣдѣніи относительно того, какую сумму онъ выручитъ въ переводѣ на кредитный рубль, такъ какъ цѣнность его за время совершенія сдѣлки можетъ значительно измѣниться. Одна и та же сдѣлка въ 1,000 франковъ превращается черезъ мѣсяць то въ 300, то въ 400 р., смотря по состоянію курса. Слѣдовательно, если экспортеръ, на основаніи курса въ моментъ продажи, предполагаетъ вырученною суммой погасить свое обязательство въ 400 р., то онъ рискуетъ понести крупный убытокъ при условіи повышенія курса, когда за франкъ будутъ давать уже не 40, а только 30 коп. На эти неудобства отъ обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ обратила свое вниманіе и комиссія, образованная въ 1884 г. при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ для обсужденія вопроса о причинахъ упадка нашей внѣшней хлѣбной торговли и пониженіи цѣнъ на хлѣбъ. Естественно, что, опасаясь понести убытки отъ

измѣненія курса, экспортеръ заранѣе старается переложить этотъ возможный убытокъ на производителя, предлагая ему низшія цѣны. «Хлѣбные экспортеры, — говоритъ въ своемъ докладѣ обществу г. Королевъ, — теряютъ всякій разъ, когда въ теченіе того періода, который проходитъ отъ покупки хлѣба на мѣстѣ до его продажи на международномъ рынкѣ, курсъ возвысится». «Но, — продолжаетъ г. Королевъ, — чѣмъ ниже въ данное время курсъ, тѣмъ больше надежды на то, что онъ станетъ скоро подниматься, а потому естественное желаніе у хлѣботорговцевъ купить хлѣбъ на мѣстѣ возможно дешевле, и тѣмъ дешевле, чѣмъ ниже курсъ, въ чемъ хлѣботорговецъ всегда и успѣваетъ». Въ сущности же, всякій торговецъ долженъ рассчитывать на самыя худшія случайности и впередъ ихъ учитывать. Слѣдовательно, какъ бы ни былъ высокъ курсъ, онъ можетъ не безъ основанія полагать, что въ близкомъ будущемъ произойдетъ дальнѣйшее его повышение. Въ нашемъ же отечествѣ между закупою хлѣба и продажей его на иностранныхъ рынкахъ проходятъ цѣлые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ часто дѣйствительно происходятъ весьма значительныя измѣненія въ цѣнности нашей денежной единицы.

При сдѣлкахъ внутреннихъ колебанія цѣнности денежной единицы менѣе замѣтны, но вредное ихъ значеніе совершенно одинаково. Съ измѣненіемъ этой цѣнности постепенно измѣняются и цѣны на товары. Въ результатѣ землевладелецъ, взявшій ссуду изъ банка, долженъ для погашенія своего обязательства продавать то меньшую, то большую долю добываемыхъ продуктовъ. При этомъ въ одномъ случаѣ выигрываютъ должники, въ другомъ — кредиторы и вообще владельцы денежныхъ обязательствъ, покупательная цѣнность которыхъ повышается или понижается. «Происходящія отъ колебаній цѣнности бумажныхъ денегъ потери могутъ быть настолько значительны, — замѣчаетъ проф. Иванюковъ, — что нѣкоторая часть производителей принуждена будетъ сократить производство, вслѣдствіе уменьшенія капитала, или даже совершенно прекратить его, вслѣдствіе банкротства. Въ современномъ народномъ хозяйствѣ большая часть среднихъ и крупныхъ предпріятій ведется при помощи заемнаго капитала. А потому, при развитіи кредита, при состояніи взаимной задолженности промышленнаго класса, происшедшія банкротства распространяются на значительный кругъ предпріятій и разоряютъ многихъ людей» *). Мы не думаемъ, чтобы та своеобразная теорія, по которой кредитные билеты измѣняютъ свою цѣнность по отношенію къ драгоценнымъ металламъ или иностранной монетѣ и сохраняютъ ее по отношенію къ другимъ товарамъ, нуждалась съ серьезномъ проверженіи. Достаточно напомнить, что золото и серебро представляютъ собою такіе же товары, какъ и всѣ прочіе. Конечно, и вода въ сообщающихся сосудахъ не сразу устанавливается на одномъ уровнѣ, но этотъ фактъ еще не говоритъ противъ справедливости теоріи о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ.

*) *Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономической жизни.* Москва, 1886 г.

Такимъ образомъ, помимо разныхъ другихъ условій, вліяющихъ на измѣненіе товарныхъ цѣнъ, нашему производителю приходится считаться еще съ такимъ важнымъ факторомъ въ этой области, какъ колебанія цѣнности самой денежной единицы, при посредствѣ которой совершаются всякія сдѣлки. А предѣлы подобныхъ колебаній часто бываютъ весьма значительны. Въ 60-хъ годахъ нашъ кредитный рубль стоялъ около 80 к. зол., послѣ 1877 г.—около 65 к., въ 1887—88 г.—50 к., въ 1890 г.—75 к., въ 1893 г.—63 к. Естественно, что такія колебанія не позволяютъ дѣлать никакихъ правильныхъ коммерческихъ расчетовъ, основанныхъ на устойчивости товарныхъ цѣнъ. Лицо, заложившее свою землю въ 1877 — 78 г. и взявшее ссуду малоцѣнными рублями, очутилось въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, когда дѣйствительная цѣнность его обязательствъ черезъ два года повысилась почти на одну треть. Надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтить, что главный предметъ нашего производства — хлѣбъ, являющійся товаромъ международнаго сбыта, чрезвычайно чувствителенъ ко всякимъ колебаніямъ курса, подъ вліяніемъ которыхъ колеблются и цѣны на этотъ продуктъ. Измѣненіе цѣнъ въ портахъ происходитъ весьма быстро, постепенно передаваясь и на внутренніе рынки, на которыхъ совершается закупка хлѣба для экспорта. Вслѣдствіе этого наши цѣны не слѣдуютъ за международными, а бываютъ ниже или выше ихъ въ зависимости отъ состоянія курса.

Тѣ же свойства нашей денежной единицы дѣлаютъ и русскій денежно-торговый рынокъ изолированнымъ отъ рынковъ Западной Европы, крайне затрудняя всякіе расчеты по международной торговлѣ и пользованіе избыткомъ свободныхъ иностранныхъ капиталовъ. Ни одинъ солидный торговый домъ не согласится принять въ уплату русскій вексель, цѣнность котораго постоянно колеблется. Такъ, въ началѣ нынѣшняго года въ Берлинѣ за 100 р. кредитными давали 203 марки, а въ маѣ уже 212 марокъ. Могло, однако, случиться и обратное. Одинаково не можетъ держать у себя русскій торговецъ и иностранныхъ векселей, такъ какъ онъ не знаетъ будущей цѣны курса по отношенію къ нашей валютѣ. На этой почвѣ получили чрезвычайно широкое развитіе сдѣлки на срокъ съ иностранными портами и участіе во взаимныхъ расчетахъ представителей биржевой спекуляціи. «Лицо, которому предстоитъ произвести платежъ въ иностранной монетѣ, — говоритъ г. Студентскій въ своемъ изслѣдованіи о биржахъ *), — если оно не запаслось заблаговременно, до наступленія срока, необходимымъ количествомъ оной, подвергаетъ себя этимъ самымъ большому риску, состоящему въ томъ, что ему придется, можетъ быть, уплатить такую сумму, о которой оно вовсе и не думало, т.-е. понести при промѣнѣ двухъ денежныхъ знаковъ большую потерю». Такимъ образомъ, «фабрикантъ, закупившій въ кредитъ срокомъ на 4 мѣсяца въ Англіи сырыхъ продуктовъ на 1,000 ф. стерл. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, продавшій срокомъ на 4 мѣсяца свои издѣлія на сумму 10,000 р., зная при этомъ издержки своего производства, будетъ въ со-

*) *Биржевая спекуляція и игра.* Спб., 1892 г.

стояніи въ томъ лишь единственномъ случаѣ исчислить и опредѣлить свою прибыль, если онъ обезпечить себя отъ колебаній курса, т.-е. промѣны на фунты стерлинговъ, если онъ тутъ же приобрѣлъ англійскую валюту или векселя на Лондонъ. Когда же онъ не былъ настолько остороженъ и упустилъ это сдѣлать, то весьма легко можетъ оказаться, что, при повышеніи курса, его прибыль не только уменьшится, но всецѣло пропадетъ и даже обратится въ убытокъ. Правда, что при пониженіи курса прибыль его увеличится, но выходитъ такимъ образомъ, что не обезпечившійся фабрикантъ перестаетъ трудиться съ увѣренностью и расчетомъ, а вводитъ въ свои операціи дѣйствіе слѣпотаго случая, дѣлается какъ бы простымъ спекулянтъ, игрокомъ на пониженіе. Поэтому для всякаго солиднаго фабриканта является настоятельная необходимость обратиться къ банкиру или на биржу и купить уже въ моментъ закупки продуктовъ Англіи вексель или тратту на Лондонъ». Въ совершенно аналогичномъ положеніи находится и иностранннй покупатель русскихъ товаровъ. Онъ также заранѣе долженъ купить по извѣстной цѣнѣ, соответствующей его торговымъ расчетамъ, орудіе платежа къ тому сроку, когда этотъ платежъ наступитъ. Отсюда понятно, почему иностранныя биржи занимаются покупкой нашихъ рублей. При этомъ, конечно, биржевики стараются купить ихъ возможно дешевле, а продать торговцамъ возможно дороже. Достиженію такой задачи способствуютъ и разные спеціальныя приемы, при помощи которыхъ производится искусственное вліяніе на повышеніе или пониженіе курса нашей валюты. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что при естественныхъ колебаніяхъ въ цѣнности нашей денежной единицы расчеты по международной торговлѣ безъ такого чрезмѣрно широкаго участія биржи являются невозможными.

Другимъ не менѣе важнымъ послѣдствіемъ изолированности нашего денежнаго рынка нужно признать сравнительно весьма высокій у насъ уровень процента, взимаемаго за пользованіе капиталами. Въ Западной Европѣ капиталы давно уже сдѣлались международнымъ товаромъ, устремляющимся туда, гдѣ они приносятъ наивысшій доходъ. Вслѣдствіе этого учетный процентъ тамъ во всѣхъ банкахъ находится приблизительно на одинаковомъ уровнѣ и при обиліи свободной наличности онъ часто понижается до 2 или даже 1%. У насъ учетный процентъ въ государственномъ банкѣ не бываетъ ниже 5%, а въ частныхъ—7%. Столь значительной разницѣ въ размѣрѣ учетнаго процента мы единственно обязаны тому обстоятельству, что нашъ денежный рынокъ разобщенъ съ рынками Западной Европы, то мы не можемъ пользоваться свободными ихъ денежными средствами. Между тѣмъ, пока у насъ было металлическое обращеніе, свободныя средства иностранныхъ капиталистовъ находили себѣ весьма широкое помѣщеніе въ нашихъ банкахъ. То же нужно сказать и о государственныхъ займахъ, заключаемыхъ въ кредитной валютѣ. Постоянное колебаніе цѣнности нашей денежной единицы, а, слѣдовательно, и дохода, доставляемаго процентными бумагами въ кредитной валютѣ, въ значительной мѣрѣ пре

пятствуют размѣщенію ихъ на иностранныхъ рынкахъ въ «твердыхъ рукахъ». Ни одинъ добпорядочный рантье не станетъ помѣщать свои сбереженія въ подобныя бумаги. Взамѣнъ того онѣ являются прекраснымъ матеріаломъ для биржевой спекуляціи, умѣющей или, по крайней мѣрѣ, желающей пользоваться ихъ особыми свойствами въ видахъ извлеченія доходовъ отъ «пониженія» или «повышенія». Такимъ образомъ, наше денежное обращеніе въ настоящемъ своемъ видѣ порождаетъ самую разнородную спекуляцію, проникающую во всѣ кредитныя и денежно-торговныя сдѣлки.

VI.

Если не принимать во вниманіе своеобразныхъ воззрѣній группы нашихъ «дикихъ» финансистовъ, съ ихъ вѣрой въ волшебную силу типографскаго станка, печатающаго кредитныя билеты, то въ настоящее время настоятельная необходимость въ восстановленіи металлическаго обращенія можетъ считаться общепризнанной и безспорной. Нѣсколько въ иномъ положеніи находится вопросъ о способахъ такого восстановленія. Наиболее популярнымъ и какъ бы претендующимъ на полную научность признается у насъ способъ восстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ посредствомъ предварительнаго восстановленія ихъ цѣнности до *al pari*. Для этого обыкновенно прибѣгаютъ къ извлеченію изъ обращенія нѣкоторой части денежныхъ знаковъ путемъ простой ихъ покупки на золото или выпуска займовъ, замѣняющихъ безпроцентный долгъ процентнымъ, пока цѣнность этихъ знаковъ не повысится до *al pari*. Мы думаемъ, однако, что главное неудобство подобнаго способа восстановленія размѣна заключается вовсе не въ тѣхъ денежныхъ жертвахъ, которыя требуются для его осуществленія. На первомъ планѣ въ данномъ случаѣ должно быть поставлено нежелательно-рѣзкое измѣненіе въ цѣнности денежной единицы, которое окажется весьма выгоднымъ для всѣхъ владѣльцевъ денежныхъ обязательствъ и разорительнымъ для выдавшихъ ихъ. Можно вообразить себѣ хотя бы положеніе сельскаго хозяина, номинальная сумма долга котораго, лежащаго на землѣ, останется прежнею, а цѣны на продукты и даже самое заложенное имущество упадутъ соотвѣтственно повысившейся покупательной цѣнности денежной единицы. «Если и допустить,—говоритъ профессоръ Иванюковъ, — что правительство было бы въ состояніи, посредствомъ выпуска процентныхъ бумагъ, извлечь разомъ весь излишекъ бумажныхъ денегъ, оно едва ли рѣшилось бы на эту мѣру въ виду рѣзкаго измѣненія рыночной цѣнности бумажныхъ денегъ и большихъ потерь всѣхъ должниковъ, что вызвало бы сильную пертурбацію въ хозяйственныхъ отношеніяхъ общества». Не надо забывать, что задолженность одного землевладѣнія превышаетъ у насъ миллиардъ рублей въ кредитной валютѣ. Затѣмъ въ такой же мѣрѣ повысится и дѣйствительная цѣнность государственнаго долга, составляющаго нѣсколько миллиардовъ рублей. Выиграютъ же отъ повышенія цѣнности кредитныхъ билетовъ до *al pari*

только владѣльцы денежныхъ обязательствъ, т.-е. классъ капиталистовъ. Не удивительно поэтому, что въ «финансовыхъ кружкахъ» эта мѣра пользуется чрезвычайными симпатіями.

Несравненно болѣе цѣлесообразнымъ способомъ возстановленія размѣна нужно признать девальвацию, про которую тотъ же проф. Иваньковъ говоритъ, что она, «будучи болѣе радикальнымъ средствомъ, производить, въ то же время, меньшія потрясенія обычнаго хода дѣлъ въ народномъ хозяйствѣ». Сущность этой мѣры, прежде всего, заключается въ простомъ и ни для кого не обидномъ уравненіи номинальной цѣнности бумажныхъ денегъ съ рыночною, по которой, въ предупрежденіе колебаній, и производится размѣнъ на металлъ. Далѣе, для удобства расчета, упавшая въ цѣнѣ денежная единица тѣмъ или инымъ путемъ замѣняется новою полноцѣнною и также размѣнною. Противники девальвации переносятъ обыкновенно споръ съ экономическо-финансовой на нравственно-правовую почву, доказывая, что государство обязано полностью рассчитаться по своимъ долговымъ обязательствамъ, выражающимся въ общей суммѣ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, и тѣмъ вознаградить лицъ, пострадавшихъ отъ паденія ихъ цѣнности. Но несостоятельность подобной аргументаціи очевидна. Дѣло въ томъ, что курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ, а вмѣстѣ и цѣнныхъ бумагъ въ кредитной валютѣ, понижался постепенно и въ теченіе этого продолжительнаго періода цѣнности переходили изъ однихъ рукъ въ другія. Слѣдовательно, великодушно предлагаемое теперь вознагражденіе получать вовсе не тѣ лица, которые понесли дѣйствительныя потери. Для германскаго, на примѣръ, капиталиста, купившаго сторублевою бумагу за 200 марокъ, превращеніе ея, при возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля до *at par*, въ 340 марокъ, явится совсѣмъ незаслуженною преміей, полученною безъ всякихъ жертвъ въ прошедшемъ. Очевидно, здѣсь вопросъ идетъ лишь о пріятной перспективѣ капиталистовъ получить въ свою пользу разницу между нынѣшнею рыночною и номинальною цѣнностью нашихъ обязательствъ въ кредитной валютѣ. О возстановленіи ея можно было говорить въ 60-хъ годахъ, когда паденіе курса не было столь значительно, какъ теперь, и когда при посредствѣ обезцѣненнаго денежнаго знака не было заключено столько сдѣлокъ. Поэтому же Н. Х. Бунге, высказывавшійся ранѣе за возстановленіе цѣнности кредитныхъ билетовъ, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ послѣ 1877 года. Во второмъ своемъ проектѣ онъ предлагаетъ уже цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію тѣхъ убытковъ, которые могло бы понести государство отъ возвышенія цѣнности своихъ долговыхъ обязательствъ. Въ видахъ этого онъ рекомендовалъ предварительно перевести всѣ государственныя обязательства въ металлическую валюту и въ той же валютѣ выпускать займы, необходимые для извлеченія изъ обращенія нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ *).

*) П. И. Кауфманъ: „Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе“. Спб., 1888 г.

результаты подобной мѣры дали бы дѣйствительно весьма значительныя выгоды. Такъ, миллиардъ нашего долга при восстановленіи цѣнности кредитнаго билета остался бы, попрежнему, миллиардомъ, только болѣе цѣнныхъ рублей—золотомъ. Между тѣмъ, при предварительномъ перечисленіи миллиарда долга кредитными въ металлическую валюту, онъ, по курсу въ 65 к. мет., превратился бы въ 650 милліоновъ. Н. Х. Бунге забылъ лишь про интересы огромной группы частныхъ должниковъ, для которыхъ повышеніе цѣнности ихъ денежныхъ обязательствъ оказалось бы столь же разорительнымъ, какъ и для государства.

Такимъ образомъ, съ примѣненіемъ обоихъ способовъ восстановленія металлическаго обращенія связано нарушеніе интересовъ отдѣльныхъ группъ: при предварительномъ повышеніи цѣнности денежной единицы до *al pari* существенно нарушаются интересы всѣхъ должниковъ, къ девальвации же относится крайне непріязненно классъ капиталистовъ, не желающій разстаться съ надеждой получить выгоды отъ такого повышенія. Въ 40-хъ годахъ классъ капиталистовъ не былъ такъ многочисленъ и вліятеленъ, почему и операція девальвации могла быть совершена безъ особыхъ протестовъ. Въ виду этого многіе рекомендуютъ предоставить дѣло естественному его теченію и дожидаться того времени, когда съ усиленіемъ товарнаго обращенія усилятся и потребность въ денежныхъ знакахъ, вслѣдствіе чего само собою произойдетъ восстановленіе ихъ номинальной цѣнности. Но подобное предложеніе обрекаетъ насъ на необходимость имѣть дѣло и впредь съ колеблющеюся денежною единицей, между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Н. Х. Бунге, «возвращеніе народному хозяйству постоянной денежной единицы должно составить задачу возможно близкаго будущаго, и чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше». Съ другой стороны, вполне правдоподобныя теоріи объ усиленіи потребности въ денежныхъ знакахъ на практикѣ далеко не всегда оправдываются. Мы видимъ, напримѣръ, что за послѣднія 30 лѣтъ абсолютная сумма обращающихся кредитныхъ билетовъ увеличилась у насъ довольно незначительно, сравнительно же съ ростомъ населенія она даже уменьшилась. Въ 1860 г. приблизительно приходилось на человѣка 9 р. 60 к., а въ 1890 г. эта величина упала до 9 р. 10 к. Далѣе, въ 1860 г. курсъ былъ 80 к. золот. за кредитный рубль, теперь же онъ упалъ до 65 к. Приведенныя данныя съ очевидностью говорятъ за постепенно уменьшающуюся потребность въ денежныхъ знакахъ, рядомъ съ чѣмъ и цѣнность ихъ понижается. Такой результатъ не представляетъ собою ничего поразительнаго, если мы примемъ въ соображеніе постепенно совершенствующуюся технику товарнаго обмѣна и денежнаго обращенія. При помощи банковъ, текущихъ счетовъ, переводовъ и т. д. одна и та же сумма денегъ совершаетъ несравненно болѣе значительное число оборотовъ, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ увеличивается и число совершаемыхъ обмѣнныхъ сдѣлокъ. Затѣмъ система уплаты чеками и устройство разсчетовыхъ палатъ позволяетъ обходиться и вовсе безъ посредства денежныхъ знаковъ. У насъ это улучшеніе техники далеко еще не сказало своего послѣдняго слова и

тѣмъ, слѣдовательно, вѣроятнѣе дальнѣйшее сокращеніе потребности въ денежныхъ знакахъ.

Наконецъ, безъ погашенія государственнымъ казначействомъ безпроцентнаго долга государственному банку, это учрежденіе будетъ попрежнему лишено важнѣйшаго источника оказанія кредита въ видѣ эмиссіонныхъ операций. Въ программѣ предстоящаго преобразованія банка имѣется, между прочимъ, и такой пунктъ: «Слѣдуетъ ли предоставить государственному банку права выпускать банковые билеты на предъявителя (банкноты) и если слѣдуетъ, то на какихъ основаніяхъ?» Затѣмъ въ официальной сообщеніи говорится, что коммиссія не пришла при обсужденіи этого вопроса ни къ какому опредѣленному выводу. Дѣйствительно, при условіи обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, между банкнотами и кредитными билетами окажется разница лишь въ наименованіи. Если разница заключается въ томъ, что первые будутъ выпускаться для «цѣлей производительныхъ», то вѣдь и выпуски кредитныхъ билетовъ можно дѣлать на тѣхъ же началахъ. А каковы бы ни были эти начала, подобные выпуски всегда поведутъ къ дальнѣйшему паденію цѣнности нашей денежной единицы. Гарантій въ данномъ случаѣ можетъ служить лишь размѣнность выпускаемыхъ нотъ на металлъ въ полной ихъ нарицательной цѣнности. Поэтому поставленный въ программѣ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы банку было разрѣшено выпускать для оказанія кредита, свои ноты, размѣнными на золото, по примѣру всѣхъ остальныхъ эмиссіонныхъ банковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное казначейство должно возстановить размѣнъ своихъ кредитныхъ билетовъ по ихъ рыночному курсу. Такимъ образомъ, послѣдніе постепенно извлекались бы изъ обращенія и замѣнялись бы полноцѣнными и размѣнными банковыми билетами, выпускаемыми уже банкомъ не за счетъ и на нужды казначейства, а за счетъ кліентовъ подъ ихъ векселя. Эта форма девальвации совершенно однородна съ той, которая была произведена ранѣе, при гр. Канкринѣ. Какъ тогда упавшія въ цѣнѣ ассигнаціи были замѣнены полноцѣнными и размѣнными кредитными билетами, такъ теперь кредитные билеты можно замѣнить банковыми. Но гр. Канкринъ оставилъ право на эмиссіонныя операціи попрежнему за государствомъ или, вѣрнѣе, за финансовымъ вѣдомствомъ, между тѣмъ какъ оно всецѣло должно принадлежать государственному банку въ качествѣ учрежденія коммерческаго и вполне самостоятельнаго.

Въ общемъ возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія должно явиться необходимымъ элементомъ предстоящаго преобразованія государственнаго банка. Оно прежде всего устранить тотъ элементъ спекуляціи, которымъ по необходимости проникнуты теперь всѣ срочныя торговыя и кредитныя сдѣлки. Затѣмъ металлическое обращеніе облегчитъ переходъ къ болѣе правильной и цѣлесообразной въ интересахъ народнаго кредита постановкѣ эмиссіонной операціи. Наконецъ, оно усилитъ притокъ къ намъ денежныхъ иностранныхъ капиталовъ, причѣмъ какъ государственный, такъ частныя банки явятся весьма полезными посредниками между денеж-

ными рынками Западной Европы и нуждающеюся въ кредитъ нашей промышленности.

VII.

Рядомъ съ расширеніемъ оборотныхъ средствъ государственнаго банка предоставленіемъ въ его распоряженіе эмиссіонной операціи и исключительнаго пользованія частными вкладами предстоящее преобразование должно быть направлено въ децентрализаціи и демократизаціи его коммерческихъ операцій. Изъ частныхъ лицъ услугами этого учрежденія пользуется теперь сравнительно небольшая группа крупныхъ торговцевъ обѣихъ столицъ. Въ этомъ отношеніи у насъ обращаетъ на себя прежде всего вниманіе сравнительно незначительное количество провинціальныхъ отдѣленій государственнаго банка. Такъ, французскій центральный банкъ имѣетъ свои отдѣленія во всѣхъ департаментахъ, а въ Германіи ихъ насчитывается до 230, нашъ же государственный банкъ располагаетъ 9 конторами и 81 отдѣленіями. Эти отдѣленія, однако, не только не получаютъ отъ своего принципала нужныхъ ему оборотныхъ средствъ, но сами отсылаютъ туда почти всю свою свободную наличность. Конторы и отдѣленія служатъ лишь какъ бы агентами по стягиванію въ главную кассу банка свободныхъ капиталовъ со всѣхъ концовъ Россіи. Съ 1861 по 1890 г. долгъ банка его отдѣленіямъ колебался отъ 8 до 145 милл. р. То же, какъ мы видѣли, происходитъ и со средствами, стекающимися въ провинціальныя сберегательныя кассы.

Что касается главной операціи банка по учету векселей, то она, какъ говорится и въ официальномъ сообщеніи, «развивалась вообще медленно, не соотвѣтствуя росту торговыхъ оборотовъ страны». Располагая оборотными средствами въ размѣрѣ около 1½ миллиарда рублей (1.400 милл. р. выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и 440 милл. р. вкладовъ), банкъ учитываетъ векселей въ годъ не болѣе какъ на 250 милл. р. Чтобы судить о значеніи этой цифры, достаточно сказать, что годовой итогъ учетной операціи французскаго банка достигаетъ 10 миллиардовъ франковъ или 4 миллиардовъ рублей. Затѣмъ французскій банкъ вовсе не чуждается учета мелкихъ векселей, какъ то наблюдается у насъ. Средняя цѣнность векселя превышаетъ въ нашемъ банкѣ 1,000 р., во французскомъ же она составляетъ около 300 р., причѣмъ около 2 милліоновъ франковъ выдается въ ссуду подъ мелкіе векселя цѣнностью въ 100 фр. или 40 р. Такимъ образомъ пользованіе дешевымъ кредитомъ изъ государственнаго банка представляетъ собою теперь привилегію небольшой группы крупныхъ коммѣсантовъ. Получая оборотныя средства изъ этого источника, они часто занимаются простымъ дисконтерствомъ. Такъ, въ Москвѣ, по словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, большинство дисконтеровъ, «сами принадлежа къ промышленной аристократіи и пользуясь банковымъ кредитомъ, раздаютъ затѣмъ средства, полученныя изъ банка, болѣе мелкимъ клиентамъ, с. надбавкой не малой приплаты за свои услуги». Наконецъ, наиболѣе круп-

ными клиентами государственнаго банка являются частныя банки, пользующіея своимъ широкимъ кредитомъ для биржевой спекуляціи, а въ томъ числѣ и для игры съ нашимъ злополучнымъ кредитнымъ рублемъ.

Въ интересахъ предполагаемой демократизаціи и децентрализаціи дѣятельности государственнаго банка прежде всего необходимо, конечно, увеличеніе числа его мѣстныхъ отдѣленій. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго сочувствія указаніе комиссіи на возможность сліянія такихъ отдѣленій съ уѣздными казначействами и на желательность учрежденія такихъ отдѣленій или хотя бы простыхъ агентуръ даже въ деревняхъ. Но и при такой децентрализаціи непосредственныя сношенія банка съ массою его мелкихъ клиентовъ, если онъ пожелаетъ придти на помощь, наприм., крестьянскому населенію, явятся крайне затруднительными. Желаніе гарантировать себя отъ убытковъ поведетъ къ установленію сложныхъ формальностей, которыя сдѣлаютъ пользованіе кредитомъ для мелкихъ клиентовъ почти совершенно недоступнымъ. Поэтому наиболее цѣлесообразною системою нужно признать въ данномъ случаѣ организацію посредничества путемъ устройства специальныхъ кредитныхъ учреждений, предназначенныхъ для оказанія отдѣльныхъ видовъ кредита. Подобнаго рода учреждениями могли бы явиться банки сельско-хозяйственныя, кустарныя, ремесленныя и т. д., устраиваемыя правительствомъ, земствами и, наконецъ, непосредственно самими производителями въ видѣ обществъ взаимнаго кредита. Въ настоящее время общественная и частная самодѣятельность въ этой области въ значительной мѣрѣ парализируется отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія или расширенія различныхъ добрыхъ начинаній. Земства возбуждаютъ почти непрерывно ходатайства объ оказаніи имъ матеріальной поддержки по организаціи того или другаго вида кредита для населенія, но эти ходатайства остаются въ большинствѣ случаевъ безъ удовлетворенія. Въ такой же степени могли бы служить полезными посредниками между государственнымъ банкомъ и населеніемъ ссудо-сберегательныя товарищества и сельскіе банки, при условіи увеличенія ихъ числа, пересмотрѣ устава и организаціи надежнаго контроля за правильностью производства ихъ операцій.

Насколько неблагопріятно теперь положеніе нашихъ мелкихъ производителей, можно видѣть изъ слѣдующихъ сравнительныхъ данныхъ о размѣрахъ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ различныхъ государствахъ. Въ 1890 г. германскія товарищества выдали ссудъ на 1,641 тыс. марокъ, что по курсу составитъ почти 700 милл. руб. кред. Такимъ образомъ операціи ихъ значительно превосходятъ своими размѣрами даже ссудныя операціи нашего государственнаго банка, не говоря уже о нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, выдавшихъ въ 1890 г. ссудъ всего лишь на 17,460 тыс. р. «Было время, — говорится о Германіи въ отчетѣ нашего комитета, — когда, въ виду могущественнаго развитія фабричной промышленности и крупной земледѣльческой культуры, мелкіе производители чувствовали себя обреченными на гибель. Товарищества возвратили имъ сознаніе своей силы и дали возможность вести съ надеждой на успѣхъ со-

вершенно непосильную, казалось, борьбу съ крупнымъ производствомъ *)). Что касается оборотныхъ средствъ германскихъ товариществъ, то источникомъ ихъ служатъ главнымъ образомъ займы. Большинство ихъ предназначено для сельскаго земледѣльческаго населенія и устроено по примѣру Райфайзена, а не Шульце-Деличе, послужившаго прародителемъ нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Разница же между ними заключается въ томъ, что первыя занимаются главнымъ образомъ выдачею долгосрочныхъ ссудъ, погашаемыхъ мелкими частями иногда въ теченіе пятнадцати лѣтъ, вторыя же, имѣя дѣло съ рабочими городскими классами, имѣютъ въ виду оказаніе краткосрочнаго кредита и поощреніе кліентовъ къ накопленію сбереженій.

Надо имѣть въ виду, что нашъ мелкій производитель нуждается преимущественно въ долгосрочномъ съ меліорационнымъ характеромъ кредитѣ, а не въ краткосрочномъ оборотномъ. Для земледѣльца, вустаря, ремесленника прежде всего необходимы средства на приобрѣтеніе орудій труда, вообще на улучшеніе условий своего производства. Въ особенности это относится къ нынѣшнему времени, когда значительная часть нашего земледѣльческаго населенія, подъ вліяніемъ разныхъ невзгодъ, превратилась въ безхозяйныхъ пролетаріевъ. Возстановить ихъ благосостояніе только и можетъ хорошо организованный долгосрочный кредитъ съ выдачею ссудъ на обзаведеніе хозяйствомъ какъ на мѣстѣ, такъ и при переселеніяхъ **). Между тѣмъ у насъ весьма распространено мнѣніе, что государственный банкъ не можетъ затрачивать своихъ средствъ на выдачу долгосрочныхъ ссудъ. Съ подобнымъ мнѣніемъ нельзя вполне согласиться. Банкъ, какъ извѣстно, располагаетъ значительной суммой, состоящею изъ вкладовъ не только долгосрочныхъ, но даже вѣчныхъ. Затѣмъ и нѣкоторой части срочныхъ вкладовъ безъ всякаго риска можно дать долгосрочное помѣщеніе, такъ какъ практика достаточно выяснила тотъ уровень, который никогда не переходитъ обратное востребованіе вкладовъ. Въ Германіи и Австріи сберегательныя кассы помѣщаютъ значительную часть своихъ средствъ даже въ видѣ ссудъ подъ недвижимость на сроки до 20 лѣтъ. Нельзя, конечно, отрицать и важнаго значенія краткосрочнаго кредита, по ощущаемая теперь въ немъ широкая потребность, о размѣрѣ которой обыкновенно судятъ по усиливающейся дѣятельности ростовщиковъ, должна быть отнесена къ числу явленій ненормальныхъ. Эта потребность обуславливается разстройствомъ крестьянскаго хозяйства и общимъ упадкомъ благосостоянія населенія, когда огромная часть домохозяевъ постоянно ищетъ гдѣ бы «перехватить» и когда кредитъ получаетъ преимущественно потребительный характеръ, т.-е. предназначается на покрытіе текущихъ личныхъ нуждъ—покупку хлѣба, уплату повинностей и т. д. Что касается краткосрочнаго кредита, направленнаго къ улучшенію условий сбыта производителями своихъ продуктовъ, устраненія той поспѣшности, съ которою, наприм., теперь крестьяне

*) Семнадцатый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб., 1892 г.

**) Боже подробно о задачахъ этого рода кредита мною говорено въ статьѣ: — *Меліорационный кредитъ*. Русская Мысль, июнь 1892 г.

продать свой хлѣбъ раннею осенью, не дожидаясь установленія хорошихъ цѣнъ, то въ данномъ случаѣ нужно предпочесть организацію сбыта коллективнаго посредствомъ устройства мелкихъ элеваторовъ или складовъ кустарныхъ, ремесленныхъ и другихъ издѣлій. Здѣсь, однако, чаще всего также необходима выдача предварительно ссудъ долгосрочныхъ на устройство самыхъ приспособленій. Многія земства уже и обратились къ правительству съ ходатайствомъ о выдачѣ такихъ ссудъ на сооруженіе мелкихъ элеваторовъ.

Въ частности какъ на одну изъ лучшихъ формъ посредничества между отдѣленіями государственнаго банка и нуждающимся въ кредитѣ населеніемъ можно указать на устройство уѣздныхъ земскихъ банковъ. Въ настоящее время имѣется два такихъ банка: въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи, и въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Первый учрежденъ на средства, пожертвованныя г. Харитоненко, и располагаетъ капиталомъ въ 50 тыс. р., второй—на капиталъ въ 25 тыс. р., завѣщанный А. Н. Татариновымъ. Сумскій банкъ выдаетъ ссуды краткосрочныя на 12 мѣс. и долгосрочныя—на три года. Размѣръ ихъ для отдѣльныхъ домохозяевъ не долженъ превышать 300 р., а для цѣлыхъ обществъ—3,000 руб. Последними ссуды выдаются подъ приговоры съ взаимною другъ за друга круговою порукою. Затѣмъ въ качествѣ посредниковъ между крестьянами и банкомъ уѣздному собранію предоставлено право назначать для каждого района особыхъ попечителей изъ лицъ, постоянно тамъ проживающихъ и пользующихся довѣріемъ населенія. Попечитель даетъ свое заключеніе о кредитоспособности какъ заемщика, такъ и его поручителей, а равно ходатайствуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объ отсрочкѣ возвращенія ссуды. Въ заявленіи ходатайствующихъ о ссудѣ должно быть точно указано и то назначеніе, которое она получить. Уѣздные банки, устроенные на аналогичныхъ началахъ, могутъ въ значительной степени способствовать цѣлесообразной постановкѣ организаціи кредита для сельскаго населенія, выдавая ссуды отдѣльнымъ домохозяевамъ, сельскимъ обществамъ, артелямъ, снабжая оборотными средствами мелкія сельскія кредитныя учрежденія, элеваторы, склады кустарныхъ издѣлій, склады сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. д. Существованіе же при нѣкоторыхъ земствахъ особыхъ агентовъ, въ лицѣ агрономическихъ смотрителей, значительно облегчаетъ выполненіе этой задачи. Болѣе всего, однако, желательно, въ цѣляхъ успѣшнаго посредничества, развитіе мелкихъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій, стоящихъ въ непосредственной близости къ населенію и въ его непосредственномъ вѣдѣніи. Земскимъ банкамъ или отдѣленіямъ государственнаго банка, а также ихъ агентамъ, пришлось бы взять на себя по отношенію къ такимъ учрежденіямъ лишь роль посредниковъ по снабженію оборотными средствами, организацію контроля и нѣкотораго руководства.

Въ заключеніе постараемся подвести итоги тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявлены къ предстоящей реформѣ государственнаго банка, въ видахъ приспособленія его дѣятельности на служеніе развитію народнаго, а не исключительно государственнаго кредита. Въ этихъ ви-

дахъ прежде всего необходимо расширить средства банка, предназначенныя для его коммерческихъ операцій, что можетъ быть достигнуто постепеннымъ погашеніемъ различнаго рода обязательствъ государственнаго казначейства, предоставленіемъ въ его распоряженіе эмиссіонной операціи, увеличеніемъ основного капитала на счетъ прибылей (поступающихъ теперь въ доходъ государства) и затраты поступающихъ владовъ только на выдачу ссудъ. Правильное же совершеніе торговыхъ и кредитныхъ сдѣлокъ, равно какъ и правильная постановка эмиссіонной операціи немислимы безъ восстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Затѣмъ цѣлесообразная дѣятельность государственнаго банка въ интересахъ развитія народнаго кредита обуславливается его полною самостоятельностью и участіемъ въ управленіи имъ представителей какъ отъ различныхъ группъ населенія, пользующихся кредитомъ, такъ и отъ учреждений, при посредствѣ которыхъ онъ будетъ оазываться. Наконецъ, для демократизаціи и централизаціи дѣятельности банка необходимо болѣе значительное увеличеніе числа его мѣстныхъ отдѣленій, а также образованіе возможно большаго числа специальныхъ и мелкихъ кредитныхъ учреждений, которыя взяли бы на себя посредничество между нимъ и населеніемъ.

Но не слѣдуетъ забывать, что успѣшная дѣятельность государственнаго банка на почвѣ служенія развитію народнаго кредита останется попрежнему не только въ зависимости отъ приспособленности къ этой задачѣ его собственнаго механизма, но и отъ той среды или общей обстановки, въ которой ему придется дѣйствовать. Такъ, далеко не всѣ земства, особенно послѣ ихъ преобразованія и усиленія въ составѣ ихъ крупно-землевладѣческаго элемента, принимаютъ близко къ сердцу нужды крестьянскаго населенія и окажутся способными проявить требуемую энергію въ дѣлѣ предполагаемаго посредничества. Самодѣятельность же населенія съ своей стороны у насъ затрудняется чрезвычайно низкимъ уровнемъ умственнаго его развитія и многими неблагоприятными условіями, въ которыя она поставлена. Въ Германіи, напримѣръ, отъ учредителей новыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ требуется лишь, чтобы они представили свой уставъ въ мѣстный судъ для внесенія его въ общій реестръ, причѣмъ имъ предоставляется самимъ опредѣлять частности, сообразно мѣстнымъ условіямъ. У насъ возникновеніе каждаго товарищества обусловлено необходимостью испрашивать особое разрѣшеніе отъ центральныхъ учреждений, хотя учредители и не имѣютъ права отступать отъ «нормальныхъ» уставовъ. Въ послѣднее же время, по словамъ отчета комитета, такихъ разрѣшеній и вовсе не дается для тѣхъ районовъ, гдѣ не введенъ еще институтъ земскихъ начальниковъ. Точно также можно напомнить, что для утвержденія устава кустарнаго банка пермскаго земства потребовались чуть ли не десять лѣтъ. Въ общемъ, слѣдовательно, реформа государственнаго банка, взятая отдѣльно, еще не можетъ служить достаточнымъ залогомъ широкой постановки кредита въ интересахъ преуспѣянія народнаго хозяйства.

Вл. Бирюковичъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Принятіе германскаго военнаго закона было достигнуто соглашеніемъ съ представителями крупнаго землевладѣнія. Въ вознагражденіе за поддержку имперскій канцлеръ долженъ былъ затянуть переговоры съ нашимъ правительствомъ о торговомъ трактатѣ, а затѣмъ между Россіей и Германіей началась таможенная война, вызванная настойчивымъ желаніемъ Пруссіи облагать высокими пошлинами нашъ хлѣбъ и другіе товары. По послѣднимъ извѣстіямъ, однако, надежда на возобновленіе переговоровъ не утрачена.

Положеніе вещей, созданное въ Германіи исходомъ парламентскихъ выборовъ и принятіемъ закона, который усилилъ нѣмецкую армію, не заключаетъ въ себѣ ничего прочнаго и устойчиваго. Подъ вліяніемъ правительства, подъ давленіемъ усердно распространенныхъ опасеній мнимой возможности нарушенія мира со стороны Франціи и нашего отечества, образовалось случайное и довольно разнородное большинство, гдѣ антисемиты рейхстага шли рука объ руку съ національ-либералами, а сторонники сильной имперской власти—вмѣстѣ съ поляками. Произошла задержка въ политическомъ и экономическомъ развитіи великаго народа, котораго разъединяютъ съ нами немаловажные интересы, но который близокъ и дорогъ намъ своею научною мыслью, своимъ искусствомъ, своею многовѣковою и плодотворною борьбой за свободу совѣсти и права человѣка. Между стремленіями нынѣшняго германскаго правительства и культурными потребностями германскаго общества замѣчается значительное несоотвѣтствіе. Состояніе крестьянскаго хозяйства въ Германіи далеко не удовлетворительно; рабочіе на многихъ фабрикахъ и заводахъ лишаются занятій оттого, что сбытъ нѣмецкихъ фабрикатовъ сокращается вслѣдствіе таможенной войны съ Россіей. А милитаризмъ, усиліями правительства, продолжаетъ расти. Въ нынѣшнемъ году засуха тяжело отозвалась на урожаѣ. Особенно пострадали травы. Въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ, не отмѣнить ли правительство, въ виду этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, осенніе большіе маневры? Но едва ли это произойдетъ. Намѣстникъ Эльзась-Лотарингіи получилъ уже официальное увѣдомленіе, что въ сентябрѣ на маневры въ этомъ завоеванномъ краѣ прибудетъ императоръ. Ожидаютъ туда къ этому вре-

мени наследника итальянскаго престола. Возможность этого посѣщенія приводитъ въ негодование французскія газеты и, конечно, отразится неблагоприятно на настроеніи французскаго общественнаго мнѣнія по отношенію къ Италіи.

Логика милитаризма такова, что не совпадаетъ съ ходомъ мышленія людей труда и знанія. Германскій генеральный штабъ находитъ, что большіе маневры особенно полезны именно въ нынѣшней неурожайной для Германіи годъ: вслѣдствіе этого неурожая представляются затрудненія для правильного продовольствія арміи и для прокормленія лошадей, а изъ преодоленія такихъ затрудненій послѣдуютъ интересныя указанія на будущее время, на случай настоящей войны. Полезно, стало быть, отъ времени до времени понемножку раззорять страну, подготавливая ее тѣмъ самымъ къ большому раззоренію другого народа при благоприятномъ ходѣ военныхъ дѣйствій и къ собственному опустошенію, если нѣмецкую армію постигнетъ пораженіе.

Наше правительство ведетъ переговоры о заключеніи торговаго соглашенія и съ Австро-Венгріей. Шансы удовлетворительнаго для обѣихъ сторонъ исхода этихъ переговоровъ въ данномъ случаѣ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, очень значительны. Въ Германіи зорко слѣдятъ за дѣйствіями и скрытыми намѣреніями своей вѣрной союзницы, и печать гогенцоллернской имперіи нерѣдко упрекаетъ Австро-Венгрію въ вѣроломствѣ или, по крайней мѣрѣ, недостаточной преданности тройственному союзу. Противъ этого союза въ самой Цислейтаніи борются младо-чехи, поднимаются голоса въ другихъ лагеряхъ, раздается иногда неудовольствіе даже въ Венгріи. Появляются даже брошюры, авторы которыхъ считаютъ необходимымъ для государства союзъ не съ Германіей и Италіей, а съ Франціей и Россіей. Такія заявленія, разумѣется, вызываютъ раздраженіе въ господствующихъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ кругахъ. Владычеству мадьяръ не грозитъ въ настоящее время серьезная опасность, хотя многочисленное румынское населеніе Транслейтаніи и сильно недоволено централизаторскими стремленіями венгерскаго правительства, упорнымъ стремленіемъ остановить ростъ національнаго самосознанія румынъ и растворить ихъ въ господствующемъ племени. Несмотря на удивительную энергію мадьяръ и на то, что они не останавливаются въ своихъ цѣляхъ передъ грубыми и насильственными средствами,—стереть съ лица земли румынъ, какъ націю, невозможно, потому что рядомъ съ областями венгерскихъ румынъ лежитъ независимое румынское королевство. Все труднѣе и труднѣе справятся мадьярамъ и съ національными стремленіями хорватовъ.

Въ Цислейтаніи національная распря также не ослабѣваетъ. Въ Галиціи мы наблюдаемъ столкновение польскихъ и русскихъ (русинскихъ) интересовъ, въ Богеміи враждѣ между чехами и нѣмцами не видится конца. Мы много разъ отмѣчали уже, что, къ счастью, на сторонѣ чеховъ находится справедливость, что они стремятся не къ подчиненію себѣ другой національности, а къ тому, чтобы быть полноправными въ родномъ краѣ.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ является при этомъ защита младо-чехами всеобщей подачи голосовъ; рабочіе классы, фабричныя и земледѣльческіе, теперь лишенные представительства, пойдутъ рука объ руку съ чехами, а достиженіе въ Австро-Венгріи всеобщаго избирательнаго права обезпечило бы славянскія племена отъ посягательствъ со стороны австро-нѣмецкихъ и венгерскихъ централизаторовъ.

По истинѣ, счастливы страны, не знающіе внутри себя племенныхъ раздоровъ! И безъ того современное государство, слагавшееся путемъ завоеваній, насилій, династическихъ браковъ и т. п., требуетъ для своего упорядоченія выдающихся дарованій и энергіи со стороны правителей. Такою счастливою страной является Франція, но она, къ сожалѣнію, въ настоящій моментъ небогата крупными государственными людьми, которые совмѣщали бы въ себѣ умъ, преданность политическимъ идеямъ, достаточный законодательный починъ и достаточно крѣпкую добрую волю, при безукоризненной нравственной чистотѣ. Когда это обозрѣніе будетъ сдано въ печать, во Франціи произойдутъ общіе выборы въ парламентъ. Господствующее предположеніе заключается въ томъ, что на выборахъ восторжествуютъ умѣренные партіи. Мы думаемъ, что такой исходъ весьма правдоподобенъ, но въ большихъ городахъ могутъ усилиться социалисты.

Часть недавнихъ непримиримыхъ враговъ республики: орлеанистовъ, бонапартистовъ и клерикаловъ,—перемѣнила, какъ извѣстно, тактику: она признаетъ нынѣшнюю государственную форму и выставляетъ свою программу не революціонную, а конституціонную борьбу въ защиту извѣстныхъ консервативныхъ и клерикальныхъ идей. Такому повороту содѣйствовалъ въ значительной степени образъ дѣйствія римскаго первосвященника, благоразумно отказавшагося отъ вражды къ государственной формѣ, которая укрѣпилась во Франціи и съ которою, при ловкости и настойчивости, можно вступать въ болѣе или менѣе удовлетворительныя компромиссы.

Остаются, конечно, у республики и непримиримые противники. Въ избирательномъ манифестѣ Поля Кассаньяка, который напечатанъ въ его газетѣ *L'Autorité*, республикѣ расточаются многообразныя хулы. Но *Journal des Débats* отмѣчаетъ относительную на этотъ разъ скромность выражений у этого публициста, столь невоздержнаго вообще и рѣзкаго на языкъ. Кассаньякъ заявляетъ даже, что онъ могъ бы присоединиться къ республикѣ «въ тотъ день, когда она станетъ чистою, справедливою, либеральною». По мнѣнію *Journal des Débats*, это заявленіе совершенно излишне, такъ какъ Кассаньякъ всегда настаивалъ на томъ, что республика по существу своему не можетъ обладать подобными качествами.

Въ воззваніи Кассаньяка любопытно слѣдующее мѣсто: «Я не прошу у васъ,—пишетъ неукротимый бонапартистъ,—порученія перемѣнить, въ настоящій часъ, форму правленія. И это потому, что я не могу просить такого полномочія, которое не допускается конституціей и запрещается закономъ». Вѣроятно, многіе изъ избирателей округа Миранды удивились, увидавши, что ихъ кандидатъ въ депутаты такъ почтительно относится къ

конституціи и такъ заботливо сторонится отъ насильственныхъ государственныхъ переворотовъ. Тѣни Наполеона III и его сподвижниковъ должны возмутиться этою измѣною основнымъ «принципамъ» бонапартизма.

Слова Кассаньява служатъ показателемъ вымирания бонапартизма, слабости шансовъ на успѣхъ новыхъ цезаріанскихъ попытокъ во Франціи. Но республикѣ мало установиться: ей грозитъ при этомъ опасность остановиться. Въ дѣлѣ политической свободы парламентарная республика, исходящая изъ всеобщей подачи голосовъ, достигла весьма многого, но она очень мало сдѣлала для преобразованія въ демократическомъ духѣ податной системы и экономическихъ отношеній. Сильно чувствуются до сихъ поръ недостатки того строя, который установился во Франціи послѣ первой революціи: непомѣрное развитіе административной централизаціи, слабое развитіе мѣстнаго самоуправленія.

Передъ самыми выборами кабинетъ Дюпюи имѣлъ большую и эффектную дипломатическую удачу: Сіамъ, — полуварварское государство, — нѣсколько разъ испытывавшій разбойничьи нападенія террітіе Франціи, смирился передъ французскимъ ультиматумомъ. Въ началѣ Сіамъ понадѣялся на поддержку со стороны Англіи, но французскія военныя суда и войска такъ быстро и энергично поддержали дипломатическій документъ, что сіамское правительство поспѣшило безпрекословно принять всѣ предписанныя Франціей условія.

Колоніальныя владѣнія до сихъ поръ не приносили много пользы французамъ. Они не умѣли ни ассимилировать себѣ населенія колоній, ни извлекать изъ нихъ тѣхъ выгодъ, какія извлекаютъ, напримѣръ, англичане. Третья республика повела, однако, дѣло лучше, чѣмъ оно велось прежде. На Жюль Ферри сыпалось много обвиненій за то, что онъ втянулъ Францію въ завоеваніе Тонкина. Войска и средства, которыя понадобились на это предпріятіе, должны были оставаться, говорили противники Ферри, въ Европѣ, гдѣ у Франціи могучій и непримиримый врагъ, овладѣвшій Страсбургомъ и Мепомъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что азіатскія области, завоеванныя второю имперіей, не имѣли опредѣленныхъ и безопасныхъ границъ. Быть можетъ, управленіе колоніями и не отличалось большими достоинствами, съ разбойниками и полуварварскими сосѣдями приходилось, однако, вступать въ столкновенія. Съ французами случилось то же, что съ русскими въ Средней Азій. Это территоріальное, до нѣкоторой степени роковое расширеніе приводитъ теперь и Францію къ границамъ британскихъ владѣній и Китая. Кабинетъ Гладстона, несмотря на то, что министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розберри, сторонникъ торійской политики въ международныхъ отношеніяхъ, не оказалъ Франціи на этотъ разъ серьезнаго сопротивленія; но съ возможною перемѣною парламентскаго большинства недоразумѣнія между Франціей и Англіей изъ-за Сіама не лишены вѣроятности.

Французскій министръ-президентъ не преминулъ, конечно, въ своей избирательной рѣчи похвастаться легко доставшеюся побѣдою надъ Сіамомъ.

«Достоинство и величіе Франціи,—сказалъ г. Дюпюи,—вотъ единственная мысль, которой мы держались во вѣшнихъ дѣлахъ. Ей слѣдовали мы, когда недавно въ трудный моментъ мы апеллировали къ правиламъ международнаго права. И насъ послушали въ сорокъ восемь часовъ»... Слушатели разразились рукоплесканіями: для ихъ патриотической гордости лестно, что Франціи послушался въ двое сутокъ хоть и Сіамъ.

Въ той же рѣчи Дюпюи развивалъ свою правительственную программу. Онъ подробно остановился на вопросахъ о свободѣ ассоціацій, о рабочемъ законодательствѣ и упроченіи финансовъ государства. «Я полагаю,—сказалъ министр-президентъ,—что теперь, въ концѣ столѣтія, пора разрѣшить, наконецъ, этотъ вопросъ путемъ закона и позволить всѣмъ лицамъ собираться въ группы и держаться режима, который они избрали, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобъ они чтили существованіе и права государства, и въ особенности подъ тѣмъ условіемъ, чтобы подъ именемъ частныхъ обществъ и союзовъ не было создано государство въ государствѣ». Дюпюи прибавилъ, что онъ работаетъ надъ законопроектомъ по этому вопросу, который онъ намѣренъ внести въ палату и въ основѣ котораго положены два принципа: свобода и власть. Переходя къ вопросу о реформахъ рабочаго законодательства, Дюпюи заявилъ, что онъ не принадлежитъ къ числу рьяныхъ сторонниковъ государственнаго социализма, въ особенности того социализма, который хочетъ, чтобы государство дѣлало все, ничего не требуя отъ энергіи и свободы гражданъ. Въ основѣ реформы, по мнѣнію Дюпюи, должны быть положены два принципа, которые находятся въ деклараціи правъ человѣка и гражданина: это—индивидуальная собственность и свобода труда.

Намекая на недавнюю рѣчь Констанана, министр-президентъ выразился такимъ образомъ: «Я знаю, что былъ высказанъ проектъ сдѣлать всѣхъ французовъ ранты. Но легче давать обѣщанія, чѣмъ держать ихъ, особенно въ подобныхъ дѣлахъ». Во всякомъ случаѣ, необходимо придти на помощь тѣмъ, которые трудятся, и обезпечить ихъ на случай болѣзни и въ старости. Недостатокъ средствъ не можетъ служить поводомъ къ отказу въ помощи: если община недостаточно богата, на помощь долженъ прійти департаментъ, а если этого мало, то поддержку должно оказать государство. Такого же порядка должно держаться во всѣхъ вообще социальныхъ вопросахъ: государство должно приходить на помощь лишь тогда, когда у отдѣльныхъ лицъ или группъ не хватаетъ средствъ принять на себя необходимые расходы. «Государство является для того, чтобы пооплатить, а не для того, чтобы замѣнять частную и мѣстную инициативу» *). Нужно еще добавить, что въ этой рѣчи Дюпюи очень благосклонно отнесся къ присоединившимся къ республикѣ монархистамъ, заявляя, что республика есть достояніе всѣхъ гражданъ, что она даетъ всѣмъ французамъ свободу, праведливость и терпимость.

* Цитируемъ по *Русскимъ Видомостямъ* (№ 214).

Для характеристики современного политическаго положенія Франціи имѣетъ значеніе письмо бывшаго вліятельнаго политическаго дѣятеля, академика герцога де-Брольи. Это длинное письмо, разсуждающее о гарантіяхъ, которыя должны требоваться католиками-избирателями отъ кандидатовъ въ депутаты, появилось въ *Moniteur universel*. Дѣло идетъ преимущественно о школьномъ и военномъ законахъ. Достаточно ли, — спрашиваетъ де-Брольи, — если кандидатъ заявляетъ, что осуждаетъ эти законы въ принципѣ и принимаетъ ихъ лишь условно, требуя умѣренности при ихъ практическомъ примѣненіи? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный: «Католикъ, — говоритъ герцогъ, — требуетъ не снисхожденія, а права» (т.-е. подчиненія вновь народной школы римско-католическому духовенству и освобожденія семинаристовъ отъ воинской повинности). «Предпочестъ дѣло религіи, — пишетъ де-Брольи, — дѣлу монархіи, если думаютъ, что такова альтернатива, вполне законно; но дойти отсюда, по нечувствительной наклонной плоскости, до пожертвованія республикѣ религіей, — это значитъ отдаться въ руки непріятеля и перейти къ нему съ оружіемъ и багажомъ».

Медленно, съ величайшими усиліями, съ немаловажными уступками, удастся Гладстону проводить въ парламентѣ ирландскій гомруль. Ожесточенная оппозиція противъ этого билля не ослабѣваетъ; всѣ остальные законодательные вопросы отодвинуты на второй планъ, о нихъ даже нѣтъ покуда и рѣчи. Если гомруль благополучно пройдетъ въ палатѣ общинъ, то ожидается еще упорное сопротивленіе палаты лордовъ. Насколько можно судить по извѣстіямъ, которыя появляются въ печати, англійскій народъ въ вопросѣ объ ирландскомъ національномъ самоуправленіи раздѣленъ на два равные по численности лагеря. Перевѣсъ либераламъ даетъ притокъ новыхъ силъ изъ рабочихъ классовъ; но эти классы требуютъ значительныхъ экономическихъ реформъ, сокращенія, напримѣръ, рабочаго дня, расширенія фабричнаго законодательства и т. п. Въ программу Гладстона вошли многія изъ этихъ требованій, но до сихъ поръ у него не было возможности внести въ парламентъ никакого другого законопроекта, кромѣ ирландскаго. Вниманіе великаго государственнаго человѣка до такой степени поглощено гомрулемъ, — послѣднимъ его политическимъ подвигомъ, — что, чуткій всегда къ страданіямъ угнетенныхъ народовъ, Гладстонъ ничего не предпринимаетъ, напримѣръ, въ защиту турецкихъ армянъ, которыхъ незаконно судятъ и возмутительно притѣсняютъ. Въ парламентѣ, однако, былъ сдѣланъ запросъ объ этихъ жестокостяхъ и беззаконіяхъ, и правительство отвѣтило, что Турція обѣщала доставить сообщенія объ этомъ дѣлѣ. Утѣшеніемъ армянскому народу является въ настоящее время утвержденіе Государемъ Императоромъ избраннаго армянами католика Мертича. Новый католикосъ пользуется громадною популярностью у соплеменниковъ за энергическую дѣятельность въ защиту свободы и достоинства армянскаго народа. Мертичъ родился въ 1820 г., въ Ванѣ (турецкая Арменія). Въ 1854 году, по смерти жены и дочери,

онъ постригся въ монахи. Въ слѣдующемъ году имъ открыта въ Варанскомъ монастырѣ типографія, основанъ журналъ, устроено училище. Съ тѣхъ поръ не прекращалась его просвѣтительная и патріотическая дѣятельность. И словомъ, и перомъ Мкртчичъ обличалъ турецкія звѣрства, призывая вниманіе европейскаго общества къ печальной участи турецкихъ армянъ. Несмотря на преклонный возрастъ новаго католика, армянскій народъ вправѣ ожидать отъ него исполненія многихъ изъ своихъ завѣтныхъ стремленій.

Если Англія не желаетъ теперь беспокоить Турцію изъ-за ея армянскихъ подданныхъ, если она спокойно смотритъ на вопіющее пренебреженіе турецкимъ правительствомъ берлинскаго трактата, то за Египетъ она держится цѣпко. Въ этомъ случаѣ превозмогаетъ вліяніе лорда Розберри, которому Гладстонъ долженъ уступать, чтобы не разстроитъ своего довольно неустойчиваго и немногочисленнаго большинства. Молодой хедивъ съ неудовольствіемъ сноситъ англійское иго, и его путешествіе въ Константинополь вызвано было, очевидно, желаніемъ заручиться поддержкою и установить болѣе тѣсныя отношенія съ сюзереномъ. Поѣздѣ Аббаса-паши *Journal des Débats* придаетъ большое значеніе. Эта газета говоритъ, что присутствіе въ Египтѣ англійской арміи можетъ быть только временнымъ. Англія связана словомъ, британскій кабинетъ нѣсколько разъ подтверждалъ, что Египетъ будетъ очищенъ, какъ скоро тамъ совершенно установится прочный порядокъ вещей. Нужно прибавить, что островъ Бипръ былъ уступленъ Великобританіи за обязательство поддерживать цѣлость турецкихъ владѣній.

Пересмотръ конституціи сильно подвинулся въ Бельгіи. Въ газетахъ появилось извѣстіе, что министръ-президентъ Бернаертъ, утомленный и раздраженный несговорчивостью какъ своихъ друзей-консерваторовъ, такъ и либераловъ, рѣшился выйти въ отставку. Потомъ оказалось, что этотъ слухъ преждевременъ, но что основаніе для него было. Особенно затруднительнымъ являлось соглашеніе о преобразованіи сената *). По отношенію къ Конго учредительное собраніе приняло рѣшеніе, почти уничтожающее автономію этого «независимаго» государства. Напрасно возставали противъ этого Янсонъ и нѣкоторые другіе радикалы, доказывая, что такимъ поглоченіемъ Конго Бельгія скомпрометируетъ свой нейтралитетъ, такъ какъ изъ-за Конго могутъ произойти столкновенія съ другими государствами, имѣющими африканскія колоніи. Указывали и на финансовыя тяжести, которыя рѣшеніемъ конституанты возлагаютъ на Бельгію.

Избирательная реформа предстоитъ въ скоромъ времени и въ Голландіи. Засѣданія парламента уже возобновились. Передъ началомъ сессіи ге-

*) Путемъ компромисса достигнуто рѣшеніе, по которому три четверти сенаторовъ будутъ избираться всеобщей подачей голосовъ, одна четверть — провинціальными собраніями. Для избираемыхъ установленъ цѣвъъ въ 1,500 фр.

неральных штатовъ произошло обычное (черезъ каждые три года) избраніе трети первой палаты (напомнимъ, что она состоитъ изъ пятидесяти членовъ, выбираемыхъ на девять лѣтъ провинціальными штатами изъ числа лицъ, платящихъ наиболѣе податей). Изъ семнадцати мѣстъ (въ одиннадцати провинціяхъ) либералы лишились трехъ, которыя были отняты консерваторами, хотя и весьма незначительнымъ большинствомъ. Либералы удерживаютъ все-таки рѣшительное большинство въ первой палатѣ.

Намъ много разъ и въ теченіе многихъ уже лѣтъ приходилось говорить о томъ обновленіи Франціи путемъ преобразованія школы, которое энергично проводить въ жизнь республиканское правительство. Въ нѣсколько лѣтъ начальное народное образованіе сдѣлало во Франціи такіе успѣхи, что эта страна, такъ отставшая при Наполеонѣ III, теперь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Улучшено среднее образованіе, если не изгнана, то значительно сокращена рутинна и сушь классической школы; поднято преподаваніе въ университетахъ, которымъ дано больше самостоятельности. Къ юношамъ и къ дѣтямъ относятся въ настоящее время съ любовью и довѣріемъ, какъ къ надеждѣ Франціи, залогомъ ея нравственнаго и политическаго величія. Для характеристики того духа, которымъ проникаются постепенно отношенія къ учащимся французскихъ педагоговъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи извѣстнаго профессора Лависса при раздачѣ наградъ въ парижскомъ лицейѣ Кондорсе (какое прекрасное имя для учебнаго заведенія!).

Идеаль воспитанія, говорилъ Лависсъ, конечно, соединеніе школы и семьи, причѣмъ и та, и другая должны выполнять свою часть общей задачи. Въ живой, полной добродушнаго остроумія рѣчи, обращенной къ дѣтямъ-лицеистамъ, французскій ученый разъяснялъ, каковы были и каковы должны быть отношенія родителей къ дѣтямъ и школѣ, какъ слѣдуетъ школѣ относиться къ своимъ воспитанникамъ и къ семьѣ. Школа возвышаетъ духъ ученика. Она развертываетъ передъ дѣтьми великіе завѣты и великіе подвиги, совершенные въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Все, что есть лучшаго въ человѣчествѣ, указываетъ въ школѣ для того, чтобъ облагородить мысль и чувство, а *noblesse oblige*. Отъ ученика требуются усилія. Онъ видитъ, что надо что-либо дѣлать, чтобы значить что-либо. Мужественнымъ призывомъ къ самостоятельному, неустанному труду сначала для собственнаго развитія, а потомъ на пользу общества, заключилъ Лависсъ свою педагогическую рѣчь.

Легко вообразить, какою горделивою радостью наполнялись сердца гимназистовъ, когда такъ просто и задушевно, съ такимъ глубокимъ уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству говорилъ съ ними ученый, пользующійся громкою извѣстностью, профессоръ въ Сорбоннѣ, членъ французской академіи. Живой духъ, который вѣетъ во французскомъ педагогическомъ мірѣ, не оскудѣваетъ и въ другихъ странахъ, разумѣется, и дѣло воспитанія подвигается въ концѣ нашего вѣка несравненно быстрѣе, чѣмъ

въ его первой половинѣ. Вопреки реакціи, которая замѣчается теперь во многихъ странахъ и во многихъ отношеніяхъ, несмотря на рецидивъ малодушнаго пессимизма и апатіи, которые охватываютъ болѣе или менѣе значительныя части европейскаго общества, наука дѣлаетъ свое дѣло, разрушая предрасудки, очищая дорогу и приготавливая матеріалы для торжества справедливости и гуманности. Отмѣтимъ по этому поводу бывшее въ Кунео (сѣверная Италія) въ минувшемъ юлѣ собраніе, на которомъ защищалась идея мира и международнаго третейскаго суда. Было прислано много сочувственныхъ заявленій, въ томъ числѣ отъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля и депутата итальянскаго парламента Бонги и отъ не менѣе извѣстнаго писателя Амичиса. Депутатъ Пандольфи произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на тягостныя послѣдствія вооруженнаго мира, истощающаго силы европейскихъ народовъ. На собраніи постановлено дѣятельно агитировать противъ милитаризма и въ пользу рѣшенія международныхъ столкновеній третейскимъ судомъ.

В. Г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевский переулокъ, 21) принимаетъ объявленія: для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ.

1893 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія и біографія.—Путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *юль*.—«Русскій Вѣстникъ», *юль*.—«Русское Богатство», *юль*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *юль*.—«Міръ Божій», *юль*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 августа 1893 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Путь-дорога“. Изд. К. М. Сибирякова.—„Мозанка“. Е. Зеланд.—„Свои—чужие“. А. В. Круллова.—„Русскій художественный архивъ“. — „Притворная невѣрность“. А. С. Грибодова.—„Молодые супруги“. *Ею же*. — „Кто братъ, кто сестра“. *Ею же*. — „Звуки жизни“. О. Лурье.

Путь-дорога. Научно-литературный сборникъ въ пользу общества вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ, съ приложеніемъ фототипій и цинкографій. Изданіе К. М. Сибирякова. Спб., 1893 г. Цѣна 3 руб. 50 коп. „Рыба ищетъ гдѣ глубже, человекъ ищетъ гдѣ лучше“, и нѣтъ никакой возможности ни запретить, ни помѣшать людямъ искать „гдѣ лучше“, и разумныхъ оснований нѣтъ препятствовать такимъ исканіямъ. Чѣмъ большому числу людей лучше живется, тѣмъ лучше для всей страны, въ которой живутъ эти люди, и, слѣдовательно, на обязанности всей страны лежитъ помогать такимъ исканіямъ, облегчать ищущимъ тяжелую задачу исканія. И другая пословица говоритъ: „отъ добра добра не ищутъ“, и, разумеется, не отъ добра плетутся русскіе люди въ невѣдомую даль на поиски чаемаго лучшаго: уходятъ они отъ „тѣсноты“, бредутъ туда, гдѣ просторнѣе, гдѣ земли больше и есть къ чему приложить свой трудъ. Стремленіе вполне законное и мечты ничуть не фантастическія, но осуществленіе столь простаго и скромнаго желанія сопряжено не съ огромными трудностями только, а съ настоящими бѣдствіями, о которыхъ лишь весьма слабое понятіе даютъ описанія и рассказы очевидцевъ. Русское общество и на эти бѣдствія отзывалось такъ же точно, какъ въ бѣдственный голодный годъ, и если помощь является пока не въ такихъ размѣрахъ, какіе необходимы для облегченія страданій переселенцевъ, то лишь потому, что многимъ, вѣрнѣе, большинству, неизвѣстны ни ужасающая нужда идущихъ на „новыя мѣста“, ни то, какъ и чѣмъ помочь бѣдствующимъ. Сборникъ *Путь-дорога* въ рядѣ

статей раскрываетъ передъ нами состояніе „переселенческаго дѣла“ въ Россіи (двѣ статьи г. Ядринцева и статьи гг. Абрамова и Кауфмана) и въ чужихъ краяхъ (ст. г. Янжула). Очень яркую картину переселеній „въ доброе старое время“ даетъ г. Лѣсковъ въ рассказѣ *Продуктъ природы*. Авторъ вспоминаетъ о видѣнныхъ имъ переселеніяхъ совсѣмъ особаго рода, при крѣпостномъ правѣ: богатые помѣщики приобрѣтали дешевыя и пустынные земли въ Заволжьѣ, а въ густонаселенныхъ губерніяхъ, Курской и Орловской, накупили крестьянъ „на сводъ“ у мелкопомѣстныхъ дворянъ и переселяли этотъ „продуктъ природы“ въ свои далекия помѣстья. Г. Лѣсковъ описываетъ очень просто лишь то, чему былъ свидѣтелемъ тридцать пять лѣтъ назадъ, и отъ этого простого повѣствованія жутко становится, странно за переселяемыхъ и стыдно за переселяющихъ. Съ тѣхъ поръ измѣнилось очень многое, но не все измѣнилось къ лучшему для отправляющихся на „новыя мѣста“. Правда, ихъ выселяютъ не владѣльцы по своимъ экономическимъ соображеніямъ, но за то владѣльцы несли всѣ расходы по переселенію, по водворенію на купленныхъ земляхъ переселенцевъ и по ихъ прокорму, такъ какъ сами владѣльцы были заинтересованы въ сохраненіи живымъ, по меньшей мѣрѣ, закупленнаго ими „продукта природы“. Что при этомъ приходилось выносить „продукту“, объ этомъ надо прочесть у г. Лѣскова. Теперь переселенца гонить не чужой произволъ, а собственная нужда, и потому нравственно ему легче, конечно, физически же, навѣрное, тяжелѣе, хотя, кажется, трудно себѣ представить болѣе ужасное положеніе людей, чѣмъ то, какое описано г. Лѣсковымъ. Въ томъ же, что разсказана имъ только правда, сомнѣваться нельзя.

Повѣсть гр. Л. Н. Толстого *Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ*, написанная въ 1887 г., противопоставляетъ взгляды язычниковъ и христіанъ первыхъ временъ на то, какъ слѣдуетъ жить, чтобы быть счастливыми. Тутъ повторяется обычная знаменитому писателю проповѣдь „непротивленія“ и покорности. Относительно же брака и рожденія дѣтей высказываются мнѣнія, далеко несходныя съ тѣми, что говорено въ „последствіи“ къ *Крейцеровой сонатѣ*. Изъ повѣсти *Ходите въ свѣтъ* явствуетъ, что въ то время, „когда живы еще были ученики учениковъ Христовыхъ и христіане твердо держались закона Учителя“, они не отвергали ни брака вообще, ни брака по любви, ни сожитія въ супружествѣ, ни чадорожденія. Очень любопытенъ рассказъ г. Мамина-Сибиряка *Орелъ-городокъ*, „изъ путешествій по Уралу“. Орелъ-городокъ представляетъ собою рѣдкій у насъ образецъ полного и крѣпкаго довольства всѣхъ обывателей, тогда какъ повсюду кругомъ авторъ видѣлъ только нищету и разрушеніе, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для жизни населенія. Вотъ изъ такого „городка“ никто не поидетъ въ переселеніе. Изъ воспоминаній о быломъ большой интересъ представляетъ рассказъ г. Златовратскаго о русскихъ „мечтателяхъ“, озаглавленный именемъ героини: *Потаня*. Въ то время, когда на Руси, передъ освобожденіемъ крестьянъ, заговорили пока „шепотомъ“ о предстоящемъ великомъ дѣлѣ и народъ терпѣливо ждалъ „слова“, не смѣлъ самъ и даже шепотомъ выговорить это обаятельное „слово“: свобода, — крѣпостная, забитая горькою долей, дѣвушка Потаня „мечтала“ лишь объ одномъ — устроить „вертоградъ“, въ которомъ нашли бы себѣ пріютъ и старые немощные, и дѣтки малыя. Чаемое „слово“ произнесено было, великое дѣло совершилось, „мечты“ же, по большей части, остались мечтами. Прошло двадцать лѣтъ, Потаня удалось поставить малую хибарку и пріютить въ ней пять сиротокъ и двухъ вдовъ „честныхъ“,

сама Потаня состарилась, еле жива, а съ мечтою своею не рассталась: „Вотъ почиочекъ есть... Маль онъ, что говорить!... И пропитаться чуть что хватаетъ“... Но Потаня вѣрить въ свой „вертоградъ“: „Умру, молодые за меня останутся,—говоритъ она.—Домогаться надоть, помогаться и вѣрить“... Да, права Потаня: надо помогаться и вѣрить... и въ людяхъ надо поддерживать и укрѣплять вѣру.

Перечислить здѣсь всѣ выдающіяся статьи сборника мы не имѣемъ возможности и надобности въ томъ не видимъ, будучи убѣждены, что, въ виду добраго назначенія книги, она разоидется быстро и прочтется многими, хотя, конечно, далеко не равнаго достоинства весь матеріалъ, вошедшій въ составъ сборника. Такъ, нельзя безъ улыбки читать „отрывокъ изъ романа“ г. Скабичевского: *Тарановъ и Прокопенко*. Самъ по себѣ этотъ „отрывокъ“—просто скученъ, повторяется въ немъ старая-престарая исторія разочарованія дамы въ своемъ супругѣ и увлеченія ея совсѣмъ непривлекательнымъ товарищемъ мужа. Мы о такой „ископаемой“ фабулѣ совсѣмъ бы не упомянули, если бы не заканчивалась она пятью строками курсива слѣдующаго содержанія: „Обстоятельства помѣшали кончить мнѣ этотъ романъ, начатый мною давно, въ концѣ половины семидесятыхъ годовъ. Скажу лишь въ краткихъ словахъ, что далѣе Елена Тимофеевна бросила бы мужа и сошлась бы съ Прокопенко, но не для жизни, а для совмѣстнаго самоубійства“. Какія иногда счастливыя бываютъ обстоятельства, и вотъ какъ люди не умѣютъ ими пользоваться... Не можемъ мы также не выразить сожалѣнія по поводу помѣщенія въ сборникѣ разсказа г. Ежова: *Бредъ*, болѣе чѣмъ неумѣстнаго въ такомъ изданіи.

Мозаика. Очерки, разсказы и повѣсти Е. Зеланда. Вильна, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ неисчислимомъ множествѣ всякихъ „очерковъ и разсказовъ“, которые намъ приходится прочитывать, большинство принадлежитъ къ разряду издѣлій средняго качества, абсолютно плохихъ немного, по-настоящему хорошихъ еще меньше. Всего чаще въ такого рода произведеніяхъ мы находимъ идейку маленькую, не новенькую, съ гуманною окрасочкой, взятую отъ крупницъ, падающихъ со стола большихъ писателей, или уцѣлѣвшую отъ лучшихъ временъ и только заправленную по-теперешнему. Но разъ имѣется налицо идейка, да, къ тому же, честная, и выражена она довольно складно, не очень скучно, грамотно,—и возразить нечего противъ такихъ „очерковъ и разсказовъ“, надо признать ихъ удовлетворительными. Если же въ десяткѣ, составляющемъ отдѣльную книжку, окажутся два нѣсколько выше этого уровня, то и оцѣнку книжки слѣдуетъ поднять, что мы всегда охотно дѣлаемъ. А на этотъ разъ дѣлаемъ это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что въ книжкѣ г. Зеланда мелькаетъ даже кое-что новенькое, по меньшей же мѣрѣ—не особенно истрепанное. Таковы разсказы: *Въ сочельникъ* и *На разныя язвыкасы*. Послѣдній написанъ очень живо и даже пылко. Въ разсказѣ *Послѣдніе дни* не особенно ювыми являються фигуры счастливыхъ супруговъ, вполне довольныхъ другъ другомъ, своими дѣтками и хозяйствомъ. Эти „милые“ люди всѣ силы и способности употребляютъ на благо семьи, они—образцовые тець и мать, идеальныя хозяйева, но съ такими людьми не приведи Богъ никому имѣть дѣло. Авторъ талантливо, совершенно въ мѣру, удачными штрихами, отмѣтилъ всю мрачную сущность „коллективнаго“, „семейнаго“ себялюбія этихъ безпощадныхъ людей, готовыхъ за всякое злодѣйство, ненаказуемое по закону, разумѣется, лишь бы цѣть сладенькій кусочекъ своимъ драгоценнымъ чадамъ. По существу,

фигуры эти, повторяемъ, не новы, но отдѣланы онѣ авторомъ такъ типично, что ихъ двухъ уже достаточно для того, чтобы выдѣлить „очерки и рассказы“ г. Зеланда изъ общаго уровня книжекъ этого рода. Весьма недурны вышли у автора (въ рассказѣ *Одинъ изъ многихъ*) изображенія родителей юноши, надорвавшего свои молодые силы непосильною работою. Папенька и маменька обожаютъ способнаго мальчика, не нарадуются на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, губятъ его, въ гробъ вколачиваютъ, не сознавая даже своего преступления. Вообще, отрицательные типики удаются автору много лучше, чѣмъ положительные, какъ это, впрочемъ, бываетъ очень часто. Главное достоинство названныхъ произведеній заключается въ томъ, что авторъ, при всемъ негодованіи на мелочную негодность людей, губящихъ ближнихъ и близкихъ, находитъ вѣрныя выраженія для ихъ изображеній, не сгущаетъ для этого своихъ красокъ, которыя остаются въ этихъ случаяхъ мягкими, прозрачными и тѣмъ болѣе сильными, тогда какъ, расписывая „добродѣтельныхъ“ героевъ, онъ этого тона не выдерживаетъ, увлекается и пересахариваетъ въ пользу любимчиковъ. Въ рассказѣ *Жертва*, весьма шаблонномъ, оригиналенъ и хорошъ, по нашему мнѣнію, конецъ. Остальные два рассказа *Миражъ* и *Контрабандирка* не представляютъ собою ничего особеннаго ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Свой-чужіе. Романъ А. В. Круглова. Кіевъ, 1893 г. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Югансона. Цѣна 1 рубль. Замѣчательно тягуче и скучно расписывается г. Кругловъ старую, всѣмъ прискучившую исторію о восхитительной курсисткѣ, окончившей свое образованіе въ Петербургѣ, вернувшейся къ родителямъ въ уѣздный городъ и оказавшейся „чужою“ между „своими“. Все какъ по рецепту: умная, талантливая героиня, — такъ думаетъ авторъ и такую рекомендуетъ ее читателямъ, — добрякъ отецъ радуется успѣхамъ дочери, простая мѣщанка-мать не видитъ никакого прока въ „ученці“ и въ „ученыхъ“ женщинахъ, младшая сестра и ея мужъ лавочникъ жиромъ запыли и плутнями наживаютъ капиталы, братъ-пьяница терпѣть не можетъ „ученую“ и пристраиваетъ ей всякія гадости, уѣздные франты въ женихи лѣзутъ, „умнѣйшій“ докторъ разочаровался въ провинціи и говоритъ пессимистическія фразы о невозможности жить въ уѣздномъ городѣ... Въ концѣ-концовъ, героиня собираетъ свои пожитки и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Если бы авторъ развилъ свой тезисъ сколько-нибудь доказательно, то получилось бы очень странное положеніе, а именно: дочерямъ небогатыхъ и простыхъ уѣздныхъ обывателей не слѣдуетъ учиться, иначе онѣ сдѣлаются „чужими“ въ своихъ семьяхъ и вынуждены будутъ бѣжать изъ родныхъ городовъ въ столицы. Принявшіе положеніе г. Круглова провинціальныя обыватели невысокаго круга не должны отдавать своихъ дочерей въ гимназіи, а тѣмъ паче — пускать ихъ учиться въ столицы, дабы предотвратить семейную рознь и не потерять навѣкъ милыхъ сердцу дочерей. По всей вѣроятности, не это хотѣлъ доказать г. Кругловъ, а что-нибудь другое, на самомъ же дѣлѣ онъ ничего не доказалъ и не показалъ даже серьезныхъ неудобствъ жить образованной дѣвушкѣ въ уѣздномъ городѣ. Героиня романа, Лидія, можетъ быть, и выучилась наукамъ, преподаваемымъ на курсахъ, но умно назвать ее трудненько, такъ какъ держать себя она совсѣмъ не умѣетъ и въ двадцать три года дѣлаетъ на каждомъ шагѣ неловкости и глупости, непростительныя серьезно развитой дѣвушкѣ. За два или за три мѣсяца пребыванія въ городѣ Лидія ни съ кѣмъ не сочла нужнымъ познакомиться и возобновила только прежнія

отношенія съ едва грамотною мѣщаночкой Таней, живущею у старой дуры тетки. Въ ихъ домѣ Лидія встрѣчается на вечеринкѣ съ писарями изъ полиціи и съ жегѣзно - дорожными машинистами, которыхъ оскорбляетъ своимъ фырканьемъ и сама обижается, нарываясь за то на непріятности. Въ ожиданіи мѣста учительницы въ школѣ, о чемъ никто, однако, не хлопочетъ, Лидія получаетъ урокъ въ домѣ богатыхъ кушцовъ, съ которыми ничуть не желаетъ сближаться, хотя бы для пользы своихъ учениковъ. Старика, выжившаго изъ ума генерала, пріѣхавшаго за нее свататься, она оскорбляетъ совершенно неприличнымъ хохотомъ, нарушаетъ всѣ обычай того общества, среди котораго пріѣхала жить, и знать не хочетъ никакихъ мѣстныхъ обычаевъ и правилъ твердо установившагося общезнѣтія. Она и пріѣхала-то, впрочемъ, лишь по усиленнымъ настояніямъ родителей, а никакъ не ради того, чтобы полученное въ Петербургѣ образованіе приложить къ дѣлу въ родномъ городѣ. Тутъ она гостя поневолѣ, ее въ Петербургъ тянетъ со втораго дня пребыванія у отца съ матерью. Съ сестрой и зятемъ Лидія въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ, съ братомъ если не на ножкахъ, то на шпилькахъ. Провинціальное общество въ романѣ отсутствуетъ, о немъ извѣстно только, что оно сплетничаетъ про Лидію, а поводъ къ тому подала сама же героиня своими очень странными выходками, рассказывать про которыя было бы слишкомъ долго. Наконецъ, уѣзжаетъ она необыкновенно скоропалительно не потому, что тутъ жить нельзя, а испугавшись того, что оскорбленный ею машинистъ и родной ей братъ хотятъ ей „ворота вымазать дегтемъ...“ Къ чему все сіе писано? Поневолѣ приходится согласиться съ заключеніями старухъ мѣщанокъ уѣзднаго города: вотъ они каковы, эти курсы, какимъ-то наукамъ тамъ выучили, а жить съ людьми не научили... Повторяемъ, не это хотѣлъ, конечно, сказать авторъ, а такъ это вышло, но никто подобному выводу не повѣритъ. Ни образованіе вообще, ни гимназіи и высшіе женскіе курсы въ частности не виноваты въ томъ, что между окончившими въ нихъ курсъ дѣвушками встрѣчаются иногда такія неудачныя особы, какъ героиня, столь неудачно выбранная г. Кругловымъ.

Русскій художественный архивъ. Москва, 1892 г. Возникшее въ прошедшемъ году подъ этимъ наименованіемъ періодическое изданіе прекратилось съ выходомъ пятаго и шестаго выпусковъ въ одной тетради. О первыхъ выпускахъ этого художественнаго журнала мы въ свое время дали отзывы. Глубоко сожалѣемъ о прекращеніи интереснаго и, съ художественной стороны, очень хорошаго изданія. Въ его послѣднемъ выпускѣ помѣщена обстоятельная и любопытнѣйшая статья А. М. Павлинова: *Исторія архитектуры въ Россіи (до-монгольскій періодъ)*. Авторъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла указываетъ на остатки древнихъ въ Россіи „каменныхъ“ сооружений XI, XII и XIII вв., какъ церквей, такъ башенъ и палатъ, построенныхъ иноземными и русскими зодчими. При статьѣ приложено девять листовъ съ изображеніями плановъ, разрѣзовъ и видовъ старѣйшихъ храмовъ нашего отечества: Спасскаго собора въ Черниговѣ, Елецкаго монастыря, близъ Чернигова, церкви Спаса въ с. Берестовѣ, любимомъ мѣстопребываніи великаго князя Владиміра святаго, храмовъ св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, храма въ Юрьевскомъ монастырѣ, Псковско-Печерскаго и Спасо-Мирожскаго монастыря, нѣсколькихъ церквей во Владимірѣ и уцѣлѣвшихъ въ нихъ орнаментовъ. Въ вышедшихъ шести выпускахъ заключается не мало любопытнаго біографическаго матеріала, относящагося

къ извѣстному русскому архитектору М. Д. Быковскому, къ графу Ѳ. П. Толстому, записки Н. А. Рамазанова, письма А. И. Иванова къ сыну въ Италію, воспоминанія покойнаго К. А. Трутовскаго о С. Т. Аксаковѣ. Большого вниманія заслуживаетъ статья А. П. Новицкаго *Матеріалы къ описанію галлерей П. М. Третьякова*, въ которой подробно разсмотрѣны имѣющіяся въ этой чудесной галлерей произведенія П. А. Ѳедотова, И. Н. Крамского, К. П. Брюлова, Ѳ. А. Васильева и В. Г. Перова. Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, къ изданію приложено шестьдесятъ таблицъ снимковъ съ выдающихся произведеній русскихъ художниковъ. Подписная цѣна за все изданіе была 12 рублей. Въ настоящее время оставшіеся полные экземпляры продаются книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнѣбель (Петровскія линіи) по 6 рублей.

Притворная невѣрность, комедія въ 1-мъ дѣйстви въ стихахъ.— Молодые супруги, комедія въ 1-мъ дѣйстви въ стихахъ.— Кто братъ, кто сестра, или Обманъ за обманомъ, новая опера-водевиль въ 1-мъ дѣйстви. Сочиненія А. С. Грибоѣдова. „Библиотека Крошка“, изданіе книгопродавца Ф. А. Югансона въ Кіевѣ. Перечисленныя выше произведенія славнаго творца *Горя отъ ума*, какъ всѣмъ извѣстно, далеко не блистательны и могутъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь въ полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова. Разрозненныя же въ трехъ книжкахъ, эти комедіи никому не нужны. Къ тому же, онѣ еще и немилосердно изуродованы книгопродавцемъ Югансономъ, втискивающимъ стихи въ свою бібліотеку *Крошку*. Вышла настоящая чепуха. Вотъ образецъ того, какъ пришлось издателю кромать стихи, сообразно крошечнымъ страничкамъ книжекъ:

„Нѣтъ, лучше вовсе бы меня
вамъ не любить,
Вотъ радости! Замужемъ
невольницей мнѣ быть.
Росма. Невольницей!—
Тогда!—Ахъ! нѣтъ; из-
бави Боже,
Чтобъ я осмѣлился...“

Это не стихи, а крошка изъ стиховъ.

Звуки жизни, Осипа Лурье. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.—*Echos de la vie, par Ossip Lourié. Troisième édition. Paris, 1893. Prix: 3 francs.* Мы получили эти двѣ книжки одновременно, содержаніе ихъ тождественно. Вопросъ въ томъ: на какомъ языкѣ писанъ оригиналъ? По всей вѣроятности, на французскомъ и написанъ французомъ. Мнѣніе свое мы основываемъ на томъ, что во французскомъ изданіи герой перваго разсказа носитъ фамилію Ogonikow, дама, которую онъ разыскиваетъ, названа Anna Hischna, къ слову «trakture» сдѣлано примѣчаніе: «Etablissement où l'on prend le thé». Въ русской книжкѣ имена написаны правильно: Огоньковъ, Анна Ильинишна, примѣчанія нѣтъ, за то есть такіа фразы: „онъ бросилъ на столъ нѣсколько *блать* монеть...“ „Онъ упалъ, голова его разбилась и оросила могилу кровью своего большого мозга“. Оставивши въ сторонѣ эти ничтожныя погрѣшности, слѣдуетъ признать, что въ общемъ книга написана на обоихъ языкахъ не безъ таланта, помѣщенные въ ней семь разсказовъ прочтываются легко и нѣкоторые съ большимъ интересомъ, какъ, напримѣръ, *Присяжный повѣренный* и *Исповѣдь*. Для французовъ же и всѣ разсказы должны быть очень интересны, такъ какъ изображаютъ вѣрно и русскихъ людей, и тѣ стороны нашей жизни, которыхъ ка-

сается авторъ. Выходъ книги третьимъ изданіемъ въ Парижѣ доказы-
ваетъ, что французская публика оцѣнила произведенія г. Лурье по до-
стоинству.

ПЕДАГОГИКА.

„Le rôle social des Universités“, par Max Leclerc. — „Древніе языки въ среднемъ
образованіи“. М. Брессль.

Le rôle social des Universités, par Max Leclerc. Paris. Armand
Colin, 1892. И въ самой Франціи, и внѣ ея уже было замѣчено многими
наблюдателями *), что среди французской учащейся молодежи совер-
шается нынѣ какое-то, еще не вполне опредѣлившееся, но, тѣмъ не
менѣе, довольно сильное броженіе. Демократическо-соціальный харак-
теръ этого броженія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оно нахо-
дится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ тою, все усиливающеюся
ролью, которую начинаетъ играть въ современномъ общественномъ
строѣ рабочій вопросъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ то вре-
мя, когда общество съ особеннымъ напряженіемъ слѣдитъ за всѣми
перипетіями непрекращающейся борьбы труда съ капиталомъ, и молодое
поколѣніе тѣхъ странъ, гдѣ эта борьба появляется въ видимыхъ фор-
махъ манифестацій и стачекъ, стремится съ своей стороны разрѣшить
такъ или иначе „проклятые вопросы“ дня и внести свою лепту въ дѣло
наиболѣе справедливаго удовлетворенія враждующихъ сторонъ. Пovo-
ротъ въ сторону соціальныхъ интересовъ, замѣчаемый въ средѣ моло-
дежи болѣе пристальными наблюдателями, можетъ, разумѣется, не вы-
разиться сразу въ какой-нибудь очень широкой и плодотворной формѣ,
долгое время сначала онъ будетъ проявляться только бесѣдами, спо-
рами, занятіями въ опредѣленномъ направленіи, характеромъ господ-
ствующихъ симпатій, избраніемъ тѣхъ, а не иныхъ профессій. Однако,
тѣмъ, кто смотритъ впередъ за предѣлы сегодняшняго дня, не слѣдуетъ
игнорировать и этихъ показателей общаго направленія нынѣшнихъ сту-
дентовъ, а завтрашнихъ общественныхъ дѣятелей. Книжка Макса Лек-
кера, представляющая собой дополненный и расширенный докладъ,
читанный имъ въ „Ассоціаціи учениковъ и бывшихъ учениковъ свобод-
ной школы политическихъ наукъ“ (Ecole libre des Sciens Politiques),
представляетъ собою лишнее доказательство только что указаннаго
поворота. Авторъ ея, очевидно, принадлежащій къ молодому по-
колѣнію, ознакомившись на мѣстѣ съ англійскимъ университетскимъ
движеніемъ, задался двойною цѣлью: съ одной стороны, ознакомить
своихъ слушателей и читателей съ результатами распространения универ-
ситетскаго знанія среди англійскаго народа, съ другой—побудить сту-
дентовъ французскихъ университетовъ послѣдовать прекрасному при-
мѣру, представляемому сосѣдями.

30—40 лѣтъ тому назадъ англійскіе университетскіе города Окс-
фордъ и Кембриджъ являлись уединенными, замкнутыми для всѣхъ
постороннихъ монастырями, за стѣны которыхъ не проникалъ шумъ
общественной и промышленной жизни, кипѣвшей въ странѣ. Монастыр-
скій характеръ имѣли не только внутренніе порядки университетовъ,
требовавшіе отъ воспитанниковъ обѣта цѣломудрія, но даже и сама
преподаваемая въ нихъ наука. Платонъ и Аристотель царили здѣсь въ

*) См. объ этомъ статью г. Д—ва въ *Русской Мысли* 1891 г., кн. II.

философій, національная литература и новая исторія были изначальнѣ изъ преподаванія совершенно, точно также какъ и науки естественныя. Величайшіе ученые Англій (Фаррадей, Тиндаль, Дарвинъ, Гёккель, Спенсеръ) выходили не изъ университетовъ, они были selfmade men, потому что своимъ образованіемъ были обязаны только самимъ себѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ были сдѣланы первые слабые шаги, немного нарушившіе университетскую исключительность. Дѣло въ томъ, что тогда именно нѣсколько дамскихъ кружковъ обратились къ получившимъ ученую степень воспитанникамъ университета съ просьбой подѣлиться съ ними своими познаніями. Устроенныя по ихъ просьбѣ „конференціи“ имѣли громаднѣ успѣхъ, привлекли массу слушательницъ, къ которымъ мало-по-малу стали присоединяться и слушатели различныхъ общественныхъ классовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти конференціи обратили на себя особенное вниманіе молодого профессора Стюарта, который задумалъ уничтожить ихъ разрозненнѣ случайнѣ характеръ и преобразовать въ систематическіе курсы опредѣленныхъ наукъ. Согласно его предположенію въ этомъ смыслѣ Кембриджскій университетъ рѣшилъ одѣлать первый опытъ, за которымъ послѣдовали новые, болѣе смѣлые и болѣе широкіе. Къ концу 70-хъ годовъ десятки болѣе старинныхъ студентовъ Оксфорда и Кембриджа состязались между собой въ дѣлѣ распространенія университетскаго знанія; аудитории ихъ оказывались всегда переполненными, ихъ лекціи прослушивались съ глубокимъ вниманіемъ, а слѣдовавшія затѣмъ собесѣдованія доказывали, съ какимъ интересомъ и рвеніемъ относились присутствовавшіе къ словамъ своимъ молодыхъ преподавателей. Послѣднее обнаружилось еще лучше на введенныхъ скоро провѣрочныхъ испытаніяхъ; несмотря на строгость этихъ экзаменовъ, не уступавшихъ университетскимъ, слушатели вольныхъ курсовъ оказывались не менѣе свѣдущими, чѣмъ студенты первыхъ семестровъ, а потому было признано справедливымъ награждать ихъ дипломами, сокращающими срокъ пребыванія въ университетахъ, еслибъ они пожелали продолжать здѣсь свое образованіе. Къ 1890 году число всѣхъ обучающихся, такимъ образомъ, возросло до 42 тыс. и нѣтъ сомнѣнія, что еще такъ недавно начатое дѣло будетъ имѣть дальнѣйшее распространеніе. Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть слушателей принадлежитъ къ рабочему сословію, которое выказало, притомъ, особенную страсть къ занятіямъ. Максъ Леклеркъ рассказываетъ, какія трудности преодолеваютъ рабочіе, на какія жертвы они идутъ, чтобы только приобщить себя къ университетской наукѣ, и какую трогательную благодарность выражаютъ они всегда своимъ молодымъ просвѣтителямъ *).

Результаты этого университетскаго движенія сказались не только въ распространеніи знаній, но и въ установленіи дружескихъ отношеній между представителями науки и представителями труда; этого мало, сами университеты не остались безъ вліянія отъ столкновенія съ простымъ народомъ. Университетской наукѣ и ея преподавателямъ пришлось приспособляться къ новымъ, менѣе подготовленнымъ слушателямъ, подходившимъ иногда съ болѣе практическими запросами, которымъ старая университетская наука не всегда могла удовлетворить. И вотъ мы видимъ, какъ постепенно университетскія программы расширяются

*) Къ сожалѣнію, Леклеркъ обратилъ вниманіе только на просвѣтительную дѣятельность англійскаго студенчества, совершенно опустивъ филантропическо-соціальную; между тѣмъ, изложеніе этой стороны университетскаго движенія сдѣлало бы его книжку болѣе обстоятельной, а его выводы болѣе обоснованными.

и разнообразятся, какъ онѣ послѣдовательно пополняются естественными и общественными науками, современною литературой, новѣйшею исторіей. Схоластическій методъ преподаванія смѣняется на болѣе жизненный, эгонстическое отношеніе къ знанію—стремленіемъ дѣлиться имъ со всѣми окружающими. Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—университеты были спасены отъ гибели—неизбѣжной участи всѣхъ замкнутыхъ, не соответствующихъ духу времени, учреждений.

„Въ прежнее время,—говоритъ Максъ Леклеркъ, переходя къ французской молодежи,—студенты въ Парижѣ, особенно политехнической школы, были необыкновенно популярны. Тогда въ Латинскомъ кварталѣ занимались много политикой, и, притомъ, политикой оппозиціонной. Въ случаѣ надобности выходили на улицу и строили баррикады, тогда студенты и рабочіе были на одной сторонѣ. Чтобы имъ встрѣтиться нынѣ, у насъ есть еще лучшее средство. Мы чувствуемъ, что время пришло, когда слѣдуетъ иногда покидать библиотеки и спекулятивныя занятія, чтобы принимать участіе и вмѣшиваться въ жизнь народа, что наступилъ моментъ выйти на площадь, теперь уже не для того, чтобы сражаться, но чтобы просвѣщать и работать для дѣла умиротворенія“ (стр. 62—63). Напомнивъ завѣтъ, данный студентамъ Жюлемъ Ферри, „любить пролетаріатъ“, а также отдѣльныя попытки распространить университетское знаніе въ народѣ,—попытки, имѣвшія мѣсто въ Лионѣ и Монпелье,—Максъ Леклеркъ призываетъ студентовъ объединиться и приступить къ серьезному выполненію своей просвѣтительной миссіи. „Пусть университеты вернутся къ жизни, пусть образуется пять или шесть объединяющихъ центровъ, пусть они укрѣпляются, воодушевляются, и тогда къ нимъ въ каждомъ округѣ обратятся для объединенія всѣ, кто себя чувствуетъ одинокимъ. Каждый университетъ будетъ очагомъ дѣлага округа, и великое демократическое дѣло воодушевленія массъ и распространенія просвѣщенія совершится само собой“.

Такими краснорѣчивыми словами заканчиваетъ авторъ свою любопытную книжку.

Древніе языки въ среднемъ образованіи. Лекція Мишеля Бреала, члена института, проф. Collège de France, читанная студентамъ-филологамъ Сорбонны въ 1891 году. Перевелъ Н. Сперанскій. Москва, 1892 г. Цѣна 75 коп. Въ шести лекціяхъ, читанныхъ студентамъ-филологамъ въ 1891 году, Мишель Бреаль выступаетъ въ защиту древнихъ языковъ въ среднемъ образованіи. Побужденіемъ къ этимъ лекціямъ явились тѣ мысли автора, что если система классическаго образованія и „нуждается въ преобразованіи“ (стр. V), то, какъ Бреаль выражается словами Фулье, „наше образованіе живетъ, само не зная, какія у него есть права на существованіе“ (стр. VII). Съ другой стороны, „долгое господство извѣстнаго направленія влечетъ за собой его искаженіе“ (стр. VII), а, между тѣмъ, „если мы хотимъ создать новую систему образованія, то это надо дѣлать съ величайшею постепенностью, сохраняя основу и осторожно мѣняя нить за нитью, а не рвать и не пускать въ ходъ силу“ (стр. 9). И вотъ М. Бреаль, считая важнымъ „поставить какъ можно лучше преподаваніе того, что еще не вычеркнуто изъ программъ“ (стр. VII), т.-е. классическихъ языковъ, обращается къ студентамъ-филологамъ Сорбонны, или будущимъ преподавателямъ латинскаго и греческаго языковъ, съ своими мыслями, съ своими стремленіями, „не скрывая и своихъ колебаній и сомнѣній“ (стр. 2).

Нельзя, однако, не сказать, что, въ большинствѣ случаевъ, М. Бреаль повторяетъ старья, хотя и заслуживающія вниманія мысли. Заговорить ли онъ о томъ, зачѣмъ мы учимся по-латыни (лекція первая), или начнетъ бесѣду о формальной культурѣ ума примѣнительно къ древнимъ языкамъ (лекція четвертая), коснется ли переводовъ съ родного языка и чтенія авторовъ (лекція пятая), заведетъ ли рѣчь о школьныхъ упражненіяхъ (лекція шестая),—вездѣ онъ высказываетъ передъ читателемъ соображенія, не разъ уже имѣвшія мѣсто въ печати раньше, и занимается развитіемъ именно этихъ прежнихъ соображеній. Такимъ образомъ, заслуга М. Бреаля заключается въ томъ, что эти соображенія онъ излагаетъ систематично и послѣдовательно, какъ бы собираетъ во-едино все до сихъ поръ разрозненное; тутъ же необходимо прибавить, что нашъ авторъ не выпускаетъ изъ вида рѣшительно ничего: съ одинаковою обстоятельностью онъ говоритъ и о возрастѣ, въ какомъ слѣдуетъ начинать латинскій языкъ (лекція шестая), и объ отношеніи греческаго языка къ латинскому (лекція шестая), и объ изученіи латинскаго языка въ прошлые вѣка (лекція вторая и третья), и о многомъ другомъ. Наконецъ, не малое значеніе имѣетъ и заключеніе М. Бреаля послѣ шести его лекцій: здѣсь онъ заявляетъ, что его „бесѣды остались бы не законченными, еслибъ онъ ничего не сказалъ о томъ, что важнѣе всего въ преподавателѣ—о нужныхъ ему нравственныхъ качествахъ, характерѣ и сердцѣ“ (стр. 89). „Чтобы пользоваться уваженіемъ учениковъ,—говоритъ М. Бреаль,—прежде всего, надо, чтобъ они видѣли въ васъ людей подготовленныхъ, но безъ всякаго стремленія выставлять свои знанія на показъ“ (стр. 90). Разумѣется, этого крайне драгоцѣннѣе, а послѣ него весьма умѣстны и поучительны разсужденія М. Бреаля о томъ, что если студентамъ Сорбонны сообщаются основные приемы критики текста, если ими изучается исторія учреждений, если имъ предлагаютъ курсы лингвистики, то все это дѣлается только для пріобрѣтенія знаній и отнюдь не для щегольства этими знаніями (стр. 90, 91 и слѣд.). Всего нѣсколькими страницами ниже М. Бреаль прямо говоритъ: „Читайте ученые диссертации, пишите ихъ сами, но имѣйте мужество забывать ихъ, входя на кафедру“ (стр. 94). Съ другой стороны, по мнѣнію того же М. Бреаля, для преподавателя гимназій „ничто не можетъ замѣнить постоянного непосредственнаго соприкосновенія съ классомъ“ (стр. 95). Однако, всего замѣчательнѣе слѣдующія слова М. Бреаля: „ко всемъ качествамъ, которыми долженъ обладать преподаватель, надо прибавить еще одно, которое служить какъ бы солью и приправою для всего остального: я говорю о чувствѣ мѣры. Не давить слишкомъ на учениковъ, давать имъ свободно дышать!“ (стр. 97). Что касается перевода, то онъ сдѣланъ г. Сперанскимъ очень добросовѣстно и читается легко. Можно одобрить и выборъ переводчика: книжки, подобныя лекціямъ М. Бреаля, всегда имѣютъ значеніе.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Армянскій вопросъ въ Турціи“. Діева.—„Изъ эпохи великихъ людей“. Г. Досманова.—„Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. А. Борзенко. — „L'année littéraire, avec une préface par Henrik Ibsen“, par Paul Ginisty.

Армянскій вопросъ въ Турціи. Г. А. Діева. М., 1893 г. Ц. 40 к. Читатели *Русской Мысли* знакомы съ содержаніемъ этой брошюры: она

печаталась въ прошломъ году статьями въ нашемъ журналѣ. Поддерживать въ русскомъ обществѣ сочувственное вниманіе къ судьбѣ многострадальнаго армянскаго народа мы считаемъ одною изъ своихъ публицистическихъ обязанностей и поэтому рекомендуемъ брошюру г. Г. А. Діева. Положеніе вещей въ турецкой Арменіи таково, что возбуждаетъ глубокое негодованіе. Реформы, торжественно обѣщанныя Европѣ по берлинскому договору, до сихъ поръ не осуществляются. Но въ концѣ девятнадцатаго вѣка требованія гуманности и политической справедливости не могутъ уже нарушаться долгое время безъ достойнаго наказанія.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Г. Джаншіева. М., 1893 г. 4-е, вновь дополненное изданіе. Цѣна 2 руб. На долю „историческихъ справокъ“ Г. А. Джаншіева выпалъ рѣдкій и заслуженный успѣхъ среди читающей публики. Написанные ярко и горячо очерки этого публициста, посвященные освобожденію крестьянъ, созданію новаго суда и земства, университетскому уставу 1863 года и другимъ преобразованіямъ Императора Александра II, особенно своевременны въ наши дни, когда многихъ охватываетъ уныніе вслѣдствіе недовѣрія къ росту живыхъ общественныхъ силъ въ Россіи. Выходъ книги г. Джаншіева четвертымъ изданіемъ нельзя не признать утѣшительнымъ признакомъ даже упорному пессимисту. Издана эта книга, попрежнему, съ благотворительною цѣлью. Къ ней приложенъ хорошій портретъ одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ, В. А. Арцимовича.

Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. А. Борзенко. Москва, 1892 г. Заглавіе брошюры мало отвѣчаетъ ея содержанію: значительная часть ея со-всѣмъ не касается общественнаго строя Соединенныхъ Штатовъ. Авторъ говоритъ сначала объ исторіи населенія, излагая ее въ очень мелкихъ и безсвязныхъ фактахъ, затѣмъ объ индѣйцахъ и неграхъ, приводитъ замѣчанія Реклю о значеніи для страны этнографическихъ различій, потомъ вдругъ посвящаетъ три страницы вопросу о Беринговомъ морѣ, какъ шаге *clausum*. Собственно объ общественномъ строѣ рѣчь заходитъ только во второй половинѣ брошюры, но и здѣсь авторъ ограничивается немногими замѣчаніями о ростѣ населенія, ограниченіи эмиграціи, развращающихъ и морализующихъ моментахъ, наконецъ, объ объединяющихъ началахъ. Какъ видно изъ перечня содержанія, автору не удалось сосредоточиться на своей темѣ, выбрать наиболѣе важные и существенные пункты и изложить ихъ безъ лишнихъ частности. Самое изложеніе носить на себѣ печать наивности и даетъ очень туманное представленіе о содержаніи разбираемой книги. Отмѣтимъ въ заключеніе любопытныя ссылки на американскаго писателя Брайса (стр. 26, 27): авторъ, такимъ образомъ, и не подозреваетъ, что рѣчь тутъ идетъ о членѣ кабинета Гладстона и авторѣ капитальныхъ сочиненій о св. Римской имперіи и объ Американской республикѣ, переведенныхъ и на русскій языкъ; послѣднее изъ нихъ нѣсколько лѣтъ назадъ было даже разобрано въ особой статьѣ проф. Виноградовымъ.

L'année littéraire, avec une préface par Henrik Ibsen, par Paul Ginisty. Huitième année. 1892. Paris, 1893. Во Франціи существуетъ прекрасный и очень удобный, напимѣръ, для иностранцевъ обычай, — издавать ежегодно особые отчеты обо всѣхъ новинкахъ истекшаго года по разнымъ отраслямъ искусства, науки и литературы. Съ такою цѣлью издаются: *L'année philosophique, L'année scientifique, L'année politique, Les annales du theatre et de la musique* и проч., и проч. Стоитъ

намъ взять подобный сборникъ и вы оказываетсяея за считаніе всего сколько-нибудь выдающагося въ данной отрасли, знакомитесь съ послѣдними словами французской философіи и науки, узнаете о состояніи французскаго театра и о главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ прошлаго года. Къ этой серіи изданій принадлежитъ и только что вышедшая, еще не утратившая даже свѣжаго запаха типографской краски книжка Поля Жинисти. Она составилась изъ ряда фальсетоновъ, въ которыхъ французскій критикъ еженедѣльно обозрѣвалъ и излагалъ всѣ появляющіяся въ свѣтъ французскія книги не очень спеціального характера и почему-либо интересныя для массы читающей публики. Первое мѣсто тутъ заняла, разумѣется, беллетристика, но она не отвлекла вниманія автора отъ другихъ отраслей литературы: сочиненія экономическаго, историческаго и философскаго характера заняли тоже свои уголки въ обстоятельномъ отчетѣ Поля Жинисти. Искать въ немъ самостоятельной, сколько-нибудь глубокой критики, въ особенности книгъ, находящихся въ предѣлахъ изящной литературы, было бы, разумѣется, совершенно напрасно, но за то изложенія, дѣлаемыя французскимъ критикомъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣльны и даютъ правильное понятіе о той или другой литературной новинкѣ. А это именно то, что намъ, желающимъ представить себѣ общую картину состоянія французской литературы въ 1892 г., всего нужнѣе и полезнѣе. Вотъ нѣсколько главнѣйшихъ чертъ этой картины, какъ она рисуется въ отчетѣ французскаго критика.

Французскіе романисты-корифеи уже издавна приобрѣли пріятное обыкновеніе каждый годъ дарить публику какимъ-нибудь новымъ своимъ произведеніемъ. Возьмите хотя бы тѣ русскіе журналы, гдѣ печатаются переводные романы, и вы увидите, что не проходитъ ни одного года безъ того, чтобы столпы современной французской беллетристики: Золя, Додэ, Бурже—не напомнили о себѣ такъ или иначе. Истекшій 1892 г. не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія, и читатель при одномъ перечисленіи этихъ именъ безъ труда вспомнитъ и три соотвѣтствующихъ произведенія: *La Débâcle*, *Rose et Ninette (Divorce)* и *Terre promise*. Такъ какъ мы бесѣдуемъ съ читателемъ, который, что другое, быть можетъ, но ужъ произведеній достославныхъ французскихъ романистовъ не пропуститъ и даже почтетъ своею священной обязанностью прочитать ихъ при первой возможности, въ русскомъ ли переводѣ или въ подлинникѣ (который тотчасъ по выходѣ его во Франціи услужливо появляется у насъ въ витринахъ книгопродавцевъ), — то, слѣдовательно, ни излагать этихъ романовъ, ни долго останавливаться на нихъ намъ нѣтъ надобности. Вспомнимъ только, что ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ быть названо въ числѣ лучшихъ произведеній тѣхъ же авторовъ, ни одно изъ нихъ не будетъ крупнымъ брилліантомъ въ коронѣ вѣчныхъ романистовъ, и, даже больше, ни одно не заставило говорить о себѣ очень долго, ни одно не вызвало всеобщихъ восторговъ. Романъ Золя возбудилъ, правда, оживленную критику, но по большей части чисто-военную, да и развѣ такъ встрѣчались прежде новинки пророка современнаго натурализма, развѣ о нихъ переставали когда говорить черезъ мѣсяцъ, два послѣ выхода? Нѣтъ, видимо, время лавровъ и бенефисовъ прошло для творца: *L'Assommoir*, *Conquête de Plassans* и *Germinal*'а. То же самое долженъ почувствовать и авторъ *Fromont jeune* и *Jack'a*: объ его послѣднемъ произведеніи, *Divorce*, говорятъ только какъ о хорошей „полезности“. Третій, и самый молодой корифей французской беллетристики, Бурже,

написавшій нѣсколько дѣйствительно хорошихъ, хотя и всегда претенциозныхъ романовъ и, наконецъ, достигшій своего апогея въ *Disciple's*, теперь, вмѣстѣ съ видимымъ истощеніемъ темъ и запаса своихъ психологическихъ наблюденій, становится тѣмъ болѣе претенциознымъ. Всегда нѣсколько склонный къ поученіямъ, онъ, видимо, хочетъ взяться за морализующій романъ и первымъ шагомъ на этомъ пути является *Terre promise*, „краснорѣчивый *plaidoyer* въ защиту правъ дѣтей“, — какъ говорить намъ критикъ, — но за такими похвалами не трудно разглядѣть привычку прицѣплять хвалебные эпитеты къ имени Поля Бурже, — на самомъ дѣлѣ, его послѣдній романъ имѣлъ успѣхъ гораздо меньшій, чѣмъ всѣ предъидущіе. Сейчасъ же вольдѣ за этими тремя „китами“ слѣдуетъ говорить о новой французской знаменитости, объ оригинальной фигурѣ, появившейся на французскомъ горизонтѣ въ причудливомъ турецкомъ одѣяніи *) и сразу прошедшей всѣ ступени популярности и почета, включительно съ академическимъ кресломъ, этимъ недостижимымъ идеаломъ для ничего не идеализирующаго французскаго натуралиста — Золя. Читатель понялъ, что мы говоримъ о Пьерѣ Лоти. Въ прошломъ году его любовь къ Востоку дала намъ новое пространное и восточно-страстное произведеніе въ декоративномъ романѣ *Fantome d'orient*. Говоримъ „декоративномъ“, ибо изображеніе нарядовъ, въ которое рядился авторъ, полуазиатъ и полуюропеецъ, занимаетъ здѣсь такое же видное мѣсто, какъ и рассказъ о необыкновенной страсти, которой онъ воспылялъ къ одной великолѣпной азиаткѣ. Романъ произвелъ впечатлѣніе: страсти вообще въ почетѣ у парижанъ, а такіа своеобразныя, экзотическія, въ широкихъ шароварахъ, съ кривымъ кинжаломъ — въ особенности. На этомъ пути Лоти, конечно, пойдетъ далеко и скоро сдѣлается у парижскихъ дамъ даже большимъ любимцемъ, чѣмъ былъ когда-то Гюи де-Мопассанъ, столь преждевременно и печально сошедшій съ литературнаго поприща.

Теперь скажемъ о звѣздахъ второго порядка. Поэтъ Коппэ, какъ романистъ, величина, разумѣется, не первостепенная, отозвался произведеніемъ (*Les vrais riches*), въ основу котораго положена та замѣчательная и совершенно новая мысль, что многоаго, наприм., славы, здоровья, любви и чести, нельзя купить на деньги, и что истинные богачи — это люди добродѣтельные. „Добродѣтельные люди“, имѣющие, въ то же время, въ карманѣ лишніа деньги (*vrais riches*), охотно покупаютъ это нравоучительное и лестное для нихъ сочиненіе. Но это все же, даже для французскаго буржуа, черезъ-чуръ заурядная тема. За то любители необыкновеннаго могутъ быть удовлетворены романомъ Рони, гдѣ изображаются допотопныя (въ буквальномъ смыслѣ) чувства и страсти. Изъ гигантскомъ героѣ этого романа (стремительно переведеннаго на русскій языкъ) французскій критикъ не безъ ѣдкости замѣчаетъ: *qu'il est un peu fraseur pour un homme primitif* и весь романъ относитъ къ области майнъ-ридизма. А вотъ вамъ далѣе мистическій романъ *Magicienne*, мистическіа произведенія Эдуарда Рода, христіанскій социалистически-мистическій романъ Вальвора — *Amittana*. Это для одной публики, а для другой, предпочитающей конкретности, вотъ хотя бы романъ подъ названіемъ *Синій чулокъ*, совершенно непровержимо

*) Такимъ именно, въ широкихъ шароварахъ, съ кривымъ кинжаломъ и въ чалмѣ, изображенъ онъ и на фотографической карточкѣ, очень бойко расходящейся теперь въ Парижѣ.

доказывающий, что всё, рѣшительно всё женщины должны, въ концѣ-концовъ, пасть въ объятія мужчины,—иного выхода для нихъ не существуетъ. Вообще, „паденія“ и „объятія“—это, какъ оказывается, двѣ самыя популярныя темы у современныхъ французскихъ романистовъ, „имена же ихъ ты, Господи, вси“. Чтобы заключить серію этихъ безыменныхъ произведеній, упомянемъ о такъ называемыхъ *romans d'héredité*, слабыя копія съ Золя и Ибсена, гдѣ наследственность выдвигается какъ главный, чуть ли не единственный факторъ человѣческой дѣятельности.

Отдѣлъ воспоминаній, мемуаровъ и историческихъ сочиненій открывается воспоминаніями Ренана. Двѣ книжки знаменитаго историка, въ которыхъ онъ описываетъ свое дѣтство и юность, и вспоминаетъ о разныхъ знакомыхъ (*Souvenirs d'enfance et de jeunesse, feuilles détachées*), неприятно поразятъ тѣхъ изъ читателей, которые представляютъ себѣ Ренана неуклоннымъ, прямымъ борцомъ за истину. Житейская мудрость Ренана, его способность быть всѣмъ приятнымъ, его легкое отношеніе ко многимъ жгучимъ вопросамъ вызываютъ слова осужденія даже у Поля Жинисти, вообще имѣющаго слабость къ большимъ именамъ. Касаться другихъ воспоминаній мы не станемъ, — это все вещи страшныя: вотъ одинъ нѣмецъ вспоминаетъ о революціи, вотъ одинъ генералъ вспоминаетъ о революціи, вотъ цѣлый батальонъ старыхъ солдатъ вспоминаетъ о разныхъ войнахъ вообще и въ частности о тѣхъ сраженіяхъ, гдѣ они получили увѣчья. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ вспоминаютъ о старомъ театрѣ и о старыхъ артисткахъ, которыя теперь въ морщинахъ и въ забвеньѣ доживаютъ свои дни, съ полнымъ презрѣніемъ глядя на современное балаганство. Вспоминаетъ, впрочемъ, также о давнихъ событіяхъ и довольно извѣстный французскій историкъ Оларъ: его послѣднее сочиненіе *) *Culte de la raison et de l'Être Suprême* имѣетъ большое значеніе для всѣхъ, интересующихся этою эпохой французской исторіи. А вотъ наследники Флобера снова и снова напоминаютъ о немъ, издавая Богъ знаетъ который томъ Богъ знаетъ кому нужныхъ его мелкихъ случайныхъ записокъ и писемъ. Вспомнили въ прошломъ году, весьма кстати, автора марсельезы Ружэ де-Лили и написали о немъ цѣлую книгу; давно пора! А вотъ неистощимый и послѣ смерти Викторъ Гюго самъ о себѣ еще разъ напоминаетъ. На этотъ разъ онъ туристъ: онъ намъ описываетъ страны, которыя ему пришлось посѣтить въ 1834—36 году. Но не одинъ Гюго путешествовалъ въ прошломъ году: вотъ, наприм., Арманъ Сильвестръ съѣздилъ въ Россію и въ какихъ краскахъ описалъ ее французскимъ читателямъ! Подогрѣваемый, очевидно, мыслью о франко-русскомъ союзѣ, онъ всѣмъ восторгается dans le pays du Tzag и даже съ умиленіемъ вспоминаетъ о нашихъ droshkis, къ которому, комплимента ради, снѣшить прибавить эпитегъ rapides.

Однако, довольно. Въ нашу задачу не входитъ останавливаться на такихъ произведеніяхъ, какъ *Dans cent ans* Рише или *Conquête du pain* Крапоткина, относящихся къ области такой литературы, которая находится внѣ компетенціи нашего критика, да и вообще занимаетъ со-всѣмъ особое, интернаціональное, а не специально-французское мѣсто. Нѣтъ нужды передавать также сужденіе Жинисти о Ницше, съ которымъ французская публика познакомилась въ прошломъ году, мы

*) См. о немъ въ послѣдней книжкѣ *Историческаго Обзорнія* статью Н. Водозова.

спѣшимъ въ концу и заключительному выводу. Вотъ онъ: не намъ одними, русскими, слѣдуетъ огорчаться литературнымъ затишьемъ послѣдняго времени,—во Франціи, несмотря на существованіе тамъ нѣсколькихъ всесвѣтныхъ знаменитостей, дѣло обстоитъ, пожалуй, не лучше; прошлый годъ, наприм., не принесъ въ области изящной литературы ни одного очень крупнаго и замѣчательнаго произведенія, но за то породилъ такую массу литературной дряни, какъ, вѣроятно, ни въ одной другой странѣ.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФИИ.

„Жизнь и труды М. П. Погодина“. Н. П. Барсукова.—„Русско-византийскія изслѣдованія“. В. Васильевскаго.—„Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изданіе Ф. Павленкова.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. П. Барсукова. Книга седьмая. Спб., 1893 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Седьмая книга труда г. Барсукова обнимаетъ 1843—4 гг. жизни Погодина съ соединеніемъ разсказа о его третьемъ заграничномъ путешествіи въ 1842 г. (стр. 1—71) и является заключительною для перваго періода его жизни: въ 1844 г. Погодинъ окончательно покинулъ университетъ. Авторъ приложилъ къ книгѣ видъ кабинета Погодина въ московскомъ его домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, указатель именъ личныхъ и географическихъ, а также разныхъ предметовъ ко всѣмъ семи книгамъ и не лишнее интереса прелисловіе, въ которомъ своему труду даетъ титулъ „*дѣланія*“, имѣющаго дѣлю напомнить русскому обществу о великомъ прошломъ духовной жизни отцевъ нашихъ“. Такъ, самъ г. Барсуковъ уже счелъ необходимымъ признаться, что его *дѣланіе*—не столько „повѣсть о жизни и трудахъ“ Погодина, сколько чрезвычайно интересный сборникъ матеріаловъ для исторіи умственной жизни русскаго общества 30—60 гг. нашего вѣка, подобранныхъ хронологически и такъ или иначе могущихъ группироваться вокругъ своеобразной личности Погодина. Хотя авторъ и старается слѣдовать въ своемъ изложеніи мудрому совѣту персидскаго шаха, взятому въ качествѣ одного изъ эпитафовъ къ книгѣ *Жизнь и труды М. П. Погодина* („не извращай описанія событій: побѣду изображай какъ побѣду, а поражение описывай какъ поражение“), однако, это удастся только на половину. Мировоззрѣнія „время Очакова и покоренья Крыма“ и адмиральскій стиль даютъ себя знать настолько чувствительно, что чѣмъ дальше изучаешь книгу г. Барсукова, тѣмъ попадаешь все въ болѣе и болѣе затруднительное положеніе: содержаніе глубоко интересно и для публики, и для специалиста, а обстановка и приемы ученой работы архаичны до... до комизма. Сколько разъ уже указывали г. Барсукову, что своими выходками онъ только портитъ свой трудъ... онъ же внемлетъ и продолжаетъ по-своему, хотя, конечно, чувствуетъ порою свою неосновательность. Къ чему въ ученомъ изложеніи конца XIX в. подобныя выраженія, какъ: „принять въ бразды своего правленія“, „прибыль въ царствующій градъ Москву“, „подъ сѣнію общества исторіи и древностей“, „въ то время, когда въ первопрестольномъ Киевѣ происходили всяческія нестроенія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ совершалось пренесеніе памятниковъ“, „отшедшіе отъ насъ отцы и братія“ (по адресу русскихъ ученыхъ въ предисловіи къ VII книгѣ) etc., etc? Къ чему эти постойные эпитеты и титулы, употребляемые авторомъ на каждомъ шагѣ и безъ всякой дѣли? Словомъ, за

все, что касается формы и тона изложения, читатели не скажутъ сла-собо автору, который упорно не хочетъ понять всей негѣдности подчиняться одностороннимъ и скоропреходящимъ запросамъ всплывшаго за послѣднее время мировоззрѣнія „временъ Очакова и покоренья Крыма“, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ не прочь сообщить кое-что изъ вопіющихъ несообразностей указаннаго мировоззрѣнія и ужасовъ его практическаго примѣненія.

Когда заходить рѣчь о русской интеллигенціи сороковыхъ годовъ, то всегда является возможность наговорить много интереснаго и вмѣстѣ поучительнаго; такъ и въ данномъ случаѣ: публичныя лекціи незабвеннаго Т. Н. Грановскаго, ихъ невѣроятный успѣхъ среди московскаго общества и вызванныя ими статьи и частная переписка; московская жизнь А. И. Герцена послѣ ссылки, его сношенія съ славянофилами, разногласіе съ В. Г. Бѣлинскимъ по поводу этихъ сношеній и разрѣшеніе этого разногласія въ пользу критика *Отечественныхъ Записокъ*; московскіе философскіе споры западниковъ и славянофиловъ, окончившіеся безусловнымъ разрывомъ между ними; публичныя лекціи С. П. Шевырева, которому не давали спать завры Грановскаго; взаимныя оболщенія западниками Юрія Самарина и славянофилами Грановскаго,—оболщенія, изъ которыхъ ничего не могло выйти; диспуты въ Московскомъ университетѣ К. Д. Кавелина и Ю. Ѳ. Самарина; появленіе въ литературѣ П. А. Кулиша и Н. И. Костомарова; переходъ *Москвитянина* къ Ив. В. Кирѣевскому и пр., не говоря уже о множествѣ данныхъ, касающихся болѣе мелкихъ лицъ и явленій или деталей исторіографическаго характера. Среди этой массы тронутаго авторомъ матеріала временами всплываетъ Погодинъ съ его угловатостью и веряществомъ языка и комизмомъ сужденій, съ его заботами о своей біографіи и древлехранилищѣ, съ его стремленіями сильнымъ міра сего угодить и себя не забыть, съ его близорукими мечтаніями о славянахъ (срв. стр. 43) и мистическими волненіями, съ его комической *инструкціей для посвящающихъ себя русской исторіи* (см. стр. 261) и пустымъ вздохомъ, что русскіе юноши не читаютъ Патерика, а обращаются къ Уландамъ и Гейне (стр. 15). Тотъ же Погодинъ, впрочемъ, смѣялся надъ современными ему русскими педагогами, закоснѣвшими въ буквѣ, не хуже нынѣшнихъ сторонниковъ фальшивой классической системы; имѣлъ мужество признаться, что русскіе крестьяне въ правобережной Украинѣ укрѣпились вполнѣ за своими господами поляками „только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи“ (стр. 15) и что справедливо упрекаютъ (1842 г.) русское духовенство „въ пошломъ образѣ жизни, странныхъ привычкахъ, не очищенномъ вкусѣ, умственной бездѣйственности“, не совсемъ только правильно толкуя причину подобнаго явленія (стр. 31); умѣлъ позлословить надъ русскимъ помѣщикомъ, весь запасъ сельско-хозяйственныхъ знаній котораго нерѣдко заключался липъ въ умѣнныя заложить или перезаложить имѣніе или въ мечтахъ о службѣ съ эполетами, и замѣтить по этому поводу, что „наружный блескъ цивилизаціи мы достали себѣ, но много грубаго и дикаго скрывается подъ этою шлифовкой“ (стр. 33); злословя надъ русскимъ помѣщикомъ, Погодинъ былъ не прочь позлословить и надъ современностью вообще: такъ, въ своемъ отчетѣ министру просвѣщенія о заграничномъ путешествіи 1842 г. онъ, высказавшись въ очень наивной формѣ въ пользу существованія *духа времени*, пишетъ, что „дипломаты и политики векорѣ должны придти въ тупикъ на старыхъ дорогахъ и обветшалыхъ колеяхъ“ (стр. 68), а въ своемъ *Дневникѣ* по поводу

бесѣды съ П. Ф. Карабазовымъ, — что у насъ „все высококомѣрно, стѣснено теперь... главные министры домогаются аудіенціи, какъ милости... а министръ финансовъ употребилъ 600,000 на отдѣлку своего дома“ (стр. 258; срв. стр. 262 и 263). Книга Кюстина *La Russie en 1839 an.* заставляеть Погодина записать въ *Дневникъ* слова, которыя для многихъ могутъ показаться удивительными въ его устахъ: „за изображеніе дѣйствій деспотизма, для насъ часто непримѣтныхъ, я готовъ поклониться ему въ ноги“ (стр. 285). Этотъ деспотизмъ, который такъ возмущалъ Погодина, всего рѣзче отзывался на немъ при сношеніяхъ съ тогдашнею цензурой, доходившею до абсурда (см. стр. 414, 434); въ раздраженіи отъ нелѣпыхъ вырѣзокъ, онъ писалъ однажды московскому цензору В. П. Флерову: „Хотя вы *противозаконно* скрываете запрещенныя вами мѣста, кои должны значиться въ типографіи, даже для улики (sic!) въ нужномъ случаѣ издателя, но я не такъ простъ и имѣю въ копіи ихъ собраніе для поученія потомства“. О духовной цензурѣ и говорить нечего: въ этомъ отношеніи достаточно указать на исторію съ *Введеніемъ въ исторію древней русской словесности* С. П. Шевырева, въ которой м. Филаретомъ не было пропущено одно мѣсто, оправдываемое Четью-Минеею и др. Погодинъ писалъ по этому поводу Шевыреву: „Не должно ставить третье лицо свидѣтелемъ своей побѣды, чтобы не озлобить побѣжденнаго митрополита. Суди ты самъ, каково ему сдѣлаться уличеннымъ Четью-Минеею и т. п. Надо повести дѣло такъ, чтобы Филарету не стало стыдно, пощадить его монашеское самолюбіе“ (стр. 460; срв. стр. 442 и 478). Трудно было бы коснуться всѣхъ интересныхъ эпизодовъ, рассказанныхъ въ седьмой книгѣ труда г. Барсукова и дающихъ матеріалъ для характеристики тогдашняго времени; ограничимся въ заключеніе ссылкою на любопытные отзывы Погодина о Н. И. Костомаровѣ (стр. 209), Н. В. Калачовѣ (стр. 298), С. М. Соловьевѣ (стр. 315, 316, 344), которому посвящена вся 47 глава, и профессорахъ политической экономіи (стр. 274).

Въ 1844 г. Погодинъ оставилъ университетъ, кончился *первый* періодъ его жизни и дѣятельности, его вліяніе замираеть навсегда. Погодинъ ex-professor уже курьезъ, способный въ глазахъ публики пропирывать правое дѣло: на кафедрѣ—молодой Соловьевъ, затмившій учителя; въ журналистикѣ—голосъ свѣтлыхъ, свѣжихъ людей изъ лагеря, ненавидимаго устарѣвшимъ норманистомъ. Самъ Погодинъ написалъ въ своемъ *Дневникѣ* 1844 г. превосходное резюме перваго періода своей дѣятельности (если оставить пока въ сторонѣ его несомнѣныя заслуги, какъ изслѣдователя въ области древней русской исторіи): „Путешествіе (изданное Погодинымъ подъ заглавіемъ: *Годъ въ чужихъ краяхъ 1839 г. Дорожный дневникъ*. М., 1844 г.) совершенно пропало для публики. Удивительная судьба моихъ сочиненій. То говорю я въ нихъ, и уже 25 лѣтъ, чего въ голову не приходитъ (!), напримѣръ, нынѣшнимъ моднымъ профессорамъ даже въ томъ родѣ, что доставляеть имъ даровую славу, а моего не хочеть и читать никто, и спасибо никто не говоритъ. Что сказано въ моемъ *Путешествіи*, что сказано въ моихъ *Афоризмахъ*! И все ни во что. Не завидую, а удивляюсь. Эти господа даже и не пишутъ ничего! Сколько усилій я дѣлалъ, сколько помощи оказывалъ, сколько содѣйствія! Я часто думалъ, что злой духъ мѣшаетъ дѣйствию моихъ дѣлъ“ (VII, стр. 388). Этотъ злой духъ былъ *духъ времени*, въ который принужденъ былъ увѣрвать Погодинъ.

Русско-византийскія изслѣдованія В. Васильевскаго. Выпускъ второй. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Суроженскаго. Спб., 1893 г. Извѣстія о какихъ-то весьма древнихъ походахъ Руси на Амастриду (г. въ Малой Азїи, на берегу Чернаго моря, къ западу отъ Синопа, нын. Амассера) и на Сурожъ (нын. Судакъ въ Крыму) и о совершившихся при этомъ чудесахъ, находящіяся въ житїяхъ свв. Георгія и Стефана, давно уже привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей древнѣйшаго періода нашей исторїи. Разсказъ о походѣ на Сурожъ, помѣщенный въ житїи св. Стефана, давно извѣстнымъ въ Россїи, былъ отмѣченъ еще въ XVI в. составителями *Степенной Книги*, основавшими на этомъ разсказѣ представленіе о „до-рюриковскомъ походѣ славянъ“ на Таврической полуостровъ. Впрочемъ, когда началась научная разработка русской исторїи, разсказъ этотъ былъ забытъ, такъ какъ житїе въ полномъ видѣ не было напечатано. Память о „Суроженскомъ житїи“ была восстановлена лишь въ 1842 г. Востоковымъ (въ описанїи рукописей Румянцевскаго музея) и затѣмъ прот. А. В. Горскимъ. Въ статьѣ, сообщенной Погодинымъ въ I томѣ *Записокъ одесскаго общества исторїи и древностей* (въ 1844 г.), Горскій обращалъ вниманіе русскихъ изслѣдователей не только на разсказъ о суроженскомъ нашествїи Руси (въ житїи св. Стефана), но и на аналогичный разсказъ о нашествїи на Амастриду, находящійся въ житїи св. Георгія, которое до того времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ для изслѣдователей древнѣйшей русской исторїи, да и самому Горскому было знакомо только по латинскому переводу, изданному болландистами въ *Acta Sanctorum*. Сопоставляя оба разсказа, Горскій высказывалъ предположеніе, „что разсказъ о чудѣ, совершившемся надъ русскимъ княземъ въ Сурожѣ, объясняется разсказомъ о подобномъ же событїи при нашествїи русскихъ на Амастриду“ (см. стр. 2), но, при своей осторожности въ выводахъ, отъ дальнѣйшихъ заключеній воздержался, хотя изученіе житїя св. Стефана и наводило на приуроченіе суроженскаго нашествїя къ концу VIII или началу IX вѣка. Конечно, загадочныя показанія о древнихъ походахъ Руси, разъ на нихъ уже было указано, не могли остаться безъ вниманія со стороны послѣдующихъ изслѣдователей вопроса о происхожденїи Русскаго государства и, естественно, должны были, при своей неопредѣленности, вызвать различное толкованіе со стороны представителей различныхъ теорїй. Норманнская школа, естественно, должна была стремиться приурочить походы на Амастриду и Сурожъ ко времени послѣ предполагаемаго лѣтописью призванія Руси, т. е. послѣ 862 г., и дѣйствительно, акад. А. А. Куникъ во второмъ томѣ своего изслѣдованія о призванїи шведскихъ Родсовъ (*Die Berufung der schwedischen Rodsen*), вышедшемъ въ 1845 г., дѣлая не совсѣмъ правильный выводъ изъ указаннаго выше сопоставленія Горскаго, отождествлялъ нашествїе на Сурожъ съ нашествїемъ амастридской легенды и приурочивалъ то и другое къ извѣстному походу Аскольда и Дира въ 865 г. Впослѣдствїи Куникъ, замѣтивъ значительную разницу въ содержанїи обѣихъ легендъ, нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ и приурочилъ суроженскую легенду къ походу Владимїра св. на Тавриду. Антинорманнисты, наоборотъ, стремились приурочить факты, лежащіе въ основѣ легендъ, къ до-рюриковскому времени. И тою, и другою школою было высказано не мало вѣрныхъ замѣчаній, но изъ содержанія самихъ извѣстій, при ихъ неопредѣленности, трудно было почерпнуть вѣскіе аргументы въ пользу того или иного воззрѣнїя, почему изслѣдователямъ и приходилось по бѣльшой части ограничиваться лишь общими соображенїями. Впро-

чемъ, акад. Куникъ выставилъ въ пользу своего взгляда одинъ аргументъ, который давалъ ему большое преимущество надъ его противниками, такъ какъ обладалъ, повидимому, всеми свойствами строгонаучнаго формальнаго доказательства. Аргументъ этотъ акад. Куникъ почерпнулъ изъ сличенія изученнаго имъ въ подлинникѣ (и напечатаннаго въ бюллетеняхъ академіи наукъ за 1845 г.) отрывка изъ житія св. Георгія съ окружнымъ посланіемъ Фотія, касающимся похода 865 г., причемъ между тѣмъ и другимъ текстомъ оказались, по мнѣнію изслѣдователя, черты буквального сходства, а это приводило къ заключенію, что извѣстіе житія заимствовано изъ Фотіевой энциклики, слѣдовательно, относится ко времени послѣ 865 г. Однако, и этотъ вѣсскій, на первый взглядъ, аргументъ является не совсемъ устойчивымъ вслѣдствіе того, что для какихъ бы то ни было выводовъ касательно языка житія недостаточно было изучить только извѣстный отрывокъ, какъ это сдѣлалъ Куникъ, а нужно было изслѣдовать житіе св. Георгія во всемъ его составѣ. Подобнымъ же образомъ и разнорѣчіе въ выводахъ относительно данныхъ житія св. Стефана могло быть разрѣшено только при внимательномъ изученіи полнаго состава житія какъ въ славянскомъ текстѣ, такъ и въ греческомъ.

Эта-то работа и сдѣлана акад. Васильевскимъ. Въ своемъ прекрасномъ изданіи онъ далъ тщательно прѣвѣренныя тексты появляющагося впервые въ полномъ видѣ греческаго житія св. Георгія Амастридскаго и совершенно неизданныхъ до сихъ поръ краткаго греческаго и пространныаго славянскаго житія св. Стефана Сурожскаго, затѣмъ переводы греческихъ житій, сдѣланные съ тѣмъ знаніемъ и искусствомъ, какими отличаются всѣ работы знаменитаго византиниста, и, наконецъ, что всего важнѣе, подъ скромнымъ названіемъ „введеній въ житія“ предпослалъ тексту обширныя и въ высшей степени интересныя изслѣдованія о житіяхъ. При этомъ оказалось, что при изученіи житія св. Георгія во всемъ его составѣ можно и помимо языка, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ содержанія житія въ частяхъ, не касающихся русскаго нашествія, сдѣлать весьма замѣчательныя выводы относительно времени написанія житія и, слѣдовательно, относительно времени излагаемыхъ въ немъ событій, а изслѣдованіе житія св. Стефана дало почтенному ученому возможность, кромѣ разъясненія первоначально поставленнаго вопроса, коснуться и любопытныхъ вопросовъ объ исторіи г. Сурожа и о сношеніяхъ съ нимъ древней Руси, вопросовъ важныхъ по отношенію „къ нашимъ былинамъ, гдѣ богатырь Сурожанинъ или Суровецъ играетъ видную роль“ *). Въ предлагаемой замѣткѣ мы ограничимся, впрочемъ, лишь указаніемъ важнѣйшихъ результатовъ работы В. Г. Васильевскаго по отношенію къ главному ея предмету—къ вопросу о хронологическомъ приуроченіи походовъ на Амастриду и Сурожъ и тѣхъ выводовъ, какіе можно сдѣлать на основаніи такого приуроченія для разъясненія вопроса о національности племени Русь и о происхожденіи русскаго государства.

При изслѣдованіи житія св. Георгія акад. Васильевскій ищетъ сначала внѣшнихъ признаковъ, которые помогли бы опредѣлить эпоху на-

*) Первоначально изслѣдованія были напечатаны въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, но съ тѣхъ поръ прошло болѣе 10 лѣтъ, изслѣдованія выжили кое-какія новыя работы, изъ которыхъ можно было почерпнуть различныя указанія, и потому теперь, при изданіи текста житій, изслѣдованія появились въ значительно, измѣненномъ и дополненномъ видѣ.

писанія памятника. Уже изученіе состава Парижскаго кодекса, въ которомъ среди большаго количества агиографическихъ памятниковъ находится и единственный извѣстный списокъ подлиннаго (греческаго) текста житія св. Георгія, приводитъ (такъ же, какъ и палеографическое изслѣдованіе кодекса) къ заключенію, что весь кодексъ относится не позже какъ къ X в., а помѣщенное въ немъ житіе написано „самое позднее—во второй половинѣ IX в.“ Далѣе изученіе лексическаго и стилистическаго состава текста приводитъ В. Г. Васильевскаго къ двумъ важнымъ заключеніямъ: 1) что все житіе писано однимъ лицомъ, составляетъ одно цѣлое, и, слѣдовательно, тѣ выводы, какіе можно сдѣлать относительно времени написанія житія на основаніи первой половины текста (гдѣ не говорится о русскомъ нашествіи) распространяются и на вторую часть (гдѣ упоминается нападеніе Руси); 2) что предположеніе академика Куника о заимствованіяхъ изъ Фотія лишено прочнаго основанія, такъ какъ всѣ реченія и обороты, какими пользовался авторъ житія при описаніи русскаго похода, или свойственны ему вообще, или же составляютъ общеупотребительныя выраженія въ литературѣ той эпохи и потому несомнѣнно нѣсколькихъ подобныхъ выраженій у Фотія и въ житіи нельзя еще основывать мысли о заимствованіи одного изъ другого. Заручившись этими выводами, авторъ изслѣдованія обращается къ провѣркѣ историческихъ и біографическихъ данныхъ житія и здѣсь приходитъ къ одному весьма важному наблюденію: вся жизнь и дѣятельность св. Георгія относятся къ періоду оживленнаго иконоборческаго движенія (прибл. къ 760—807 гт.), самъ св. Георгій долженъ былъ такъ или иначе приходиться въ соприкосновеніе съ различными, подчасъ жгучими, вопросами, возникавшими въ этой борьбѣ и не утратившими, замѣтимъ, этой жгучести до конца IX в. Разныя перипетіи этой борьбы должны были оказывать извѣстное вліяніе на его жизнь, то или иное отношеніе къ иконоборству должно было вызвать со стороны автора житія, преданнаго, очевидно, православію, похвалы или порицанія, но никакъ не молчаніе, а, между тѣмъ, во всемъ житіи вопросъ объ иконахъ тщательно обходится, и обходится не случайно, а намѣренно, систематически, даже тогда, когда коснуться его было бы почти необходимо. Отчего же происходитъ эта странность? Чѣмъ объясняется это непонятное и, повидимому, недобровольное молчаніе? В. Г. Васильевскій обращается для разрѣшенія вопроса къ исторіи иконоборческаго періода и находитъ любопытное постановленіе императора Михаила II Косноязычнаго (Аторейскаго, 820—829 гт.), изъ котораго легко опредѣляются время и обстоятельства, при какихъ въ иконоборческое время для православнаго писателя была возможна литературная дѣятельность, но только подъ условіемъ молчанія объ иконахъ. Въ этомъ постановленіи императоръ требуетъ, „чтобы никто не смѣлъ приводить въ движеніе языкъ свой ни противъ иконъ, ни за иконы“, „чтобы глубокое молчаніе было правиломъ во всемъ, что напоминаетъ иконы“. Только въ періодъ дѣйствія этого постановленія, въ періодъ политики странной терпимости къ иконопочтателямъ и вынужденнаго молчанія обѣихъ сторонъ объ иконахъ и могло, по мнѣнію В. Г. Васильевскаго, появиться житіе, написанное съ тѣми особенностями, какія отмѣчены выше. Приведенное постановленіе дѣйствовало до смерти преемника Михаила, Теофила (въ 842 г.), вслѣдъ за чѣмъ, при императрицѣ Теодорѣ, иконоборческая партія потерпѣла рѣшительное крушеніе. Слѣдовательно, житіе св. Георгія написано до 842 г. и, значить, уже ранѣе этого года и-

зантіицы знали народъ русь, который, такимъ образомъ, съ началъ IX вѣка совершилъ или, по крайней мѣрѣ, могъ совершить походъ на Амастриду. Подкрѣпивъ свой главный аргументъ еще нѣсколькими другими, на которыхъ мы не будемъ останавливаться, авторъ переходитъ къ „обратной повѣркѣ получаемаго вывода“, къ вопросу о томъ, нѣтъ ли въ разсказѣ объ Амастридскомъ нашествіи ранѣе 842 г. „чего-либо противорѣчащаго достовѣрнымъ даннымъ, касающимся первоначальной русской исторіи“. Здѣсь авторъ, прежде всего, доказываетъ, что русское имя могло быть извѣстнымъ на южномъ побережьи Чернаго моря и въ Византіи гораздо ранѣе пресловутаго 862 г. Русскій лѣтописецъ заимствовалъ свои хронологическіе расчеты относительно того, когда „нача ся прозываети Русская земля“, „въ лѣтописаніи Гречьстѣмъ“, а греческая хронографія той эпохи, какъ доказываетъ В. Г. Васильевскій, была источникомъ скуднымъ и мало надежнымъ; имя, давно уже извѣстное въ Византіи и даже попавшее въ житія, нерѣдко бывшія источниками для хроникъ, могло ускользнуть отъ составителей послѣднихъ, пользовавшихся своимъ матеріаломъ несистематически и небрежно. А, между тѣмъ, есть ясныя указанія на возможность знакомства византійцевъ съ Русью еще въ первой половинѣ IX в. Сюда относится извѣстное мѣсто Бертинскихъ анналь о прибытіи въ 839 г. въ Ингельгеймъ къ Людовику Благочестивому изъ Константинополя, вмѣстѣ съ греческимъ посольствомъ, также и пословъ, qui se id est gentem vnam Rhos vocari dicebant; затѣмъ извѣстіе о русскихъ купцахъ у арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбега, относящееся, какъ теперь оказывается (см. стр. СXXX—СXXXII), къ сороковымъ годамъ IX в., и др. И такъ, выводы, къ которымъ приводитъ изученіе житія св. Георгія, сводятся въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему: житіе написано ранѣе 842 г., внутреннихъ основаній не допуская возможности нашествия Руси на Амастриду до этого времени нѣтъ, и, слѣдовательно, „Русь“ уже задолго до 862 г. была извѣстна въ Византіи, распространена въ теперешней Россіи, не исключая и ея южной части, и даже жила, „по всей вѣроятности, въ области Днѣпра“ или вообще „гораздо ближе къ Черному (мору), чѣмъ склонны допустить другіе (ислѣдователи)“. *).

Дальнѣйшіе выводы авторъ дѣлаетъ уже послѣ изслѣдованія житія св. Стефана Сурожскаго. Мы не будемъ долго останавливаться на тѣхъ частяхъ изслѣдованія, которыя посвящены исторіи г. Сурожа, его сношеній съ Россіей и разбору состава и происхожденія подробнаго славяно-русскаго житія св. Стефана, такъ какъ эти любопытные вопросы имѣютъ болѣе историко-литературнаго, нежели чисто-историческаго значенія. Для насъ достаточно будетъ замѣтить, что разборъ славянскаго житія приводитъ автора къ мысли, что житіе въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, есть не просто переводъ съ греческаго, а кампильяція изъ разныхъ источниковъ, составленная какимъ-то русскимъ книжникомъ не ранѣе половины XV в. Историческій вопросъ здѣсь сво-

*) СXXXVI—СXXXVII. Послѣднее соображеніе акад. Васильевскій основываетъ, главнымъ образомъ, на томъ, что имя „Хакавъ“ (какъ называетъ Русь своего царя въ извѣстіи Бертинскихъ анналь) указываетъ на признаніе Русью верховной власти казарскаго кагана, что и заставляетъ предполагать о близости населеній руссовъ къ Черному морю. Извѣстіе Бертинскихъ анналь, вообще говоря, требуетъ, конечно, разъясненій, но, признаваясь, возвращеніе пословъ Руси въ Приднѣпровье или на побережье Чернаго моря черезъ Ингельгеймъ само по себѣ возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе.

дится къ тому, считать ли разсказъ о походѣ Руси на Сурожъ и о чудесахъ надъ гробомъ св. Стефана, происшедшихъ при этомъ, за „позднее, произвольное и недостоверное произведеніе русскаго сказателя“, или же оно восходитъ къ болѣе древней основѣ, слѣды которой можно уловить въ русскомъ житіи, хотя самая основа эта намъ неизвѣстна *).

На основаніи многихъ очень тонкихъ, хотя иногда имѣющихъ, можетъ быть, слишкомъ уже гипотетическій характеръ соображеній авторъ пытается доказать, что сказаніе о сурожскомъ походѣ восходитъ къ первоначальному древнему источнику, и что самые факты, легшіе въ основу сказанія, произошли въ первой половинѣ или даже въ первой четверти IX в. Если даже не считать послѣдній выводъ за непоколебимый, это нисколько не помѣшаетъ, однако, признать вмѣстѣ съ ученымъ авторомъ необходимости пересмотрѣть вопросъ о Руси и такъ или иначе рѣшить, что же это была за до-юриковская Русь, нападавшая на Амастриду и Сурожъ? На постановку этого вопроса даютъ полное право, во-первыхъ, уже амастридское житіе, которому и самъ акад. Василевскій придаетъ въ данномъ случаѣ болѣе значенія, нежели сурожскому (ср. стр. ССХСХVI), и, во-вторыхъ, разсказъ паннонскаго житія св. Кирилла о посѣщеніи имъ Корсуни и находкѣ тамъ русскихъ Евангелія и псалтыри (ср. стр. ССХСХV и сл.). Выдвигая вытекающія изъ этихъ источниковъ возраженія противъ обычныхъ возрѣвній норманистовъ и признавая, какъ уже указано, народъ русъ весьма распространенныхъ и даже болѣе или менѣе прочно осѣвшихъ въ южной Россіи, уже въ первой половинѣ IX в., акад. Василевскій, съ другой стороны, вовсе не склоненъ дѣлать русъ славянскимъ племенемъ; онъ вполне основательно признаетъ въ этомъ случаѣ всю силу такихъ аргументовъ, какъ извѣстное сопоставленіе *русскихъ* и *славянскихъ* названій Диѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. И такъ, кто же этотъ народъ не славянскаго, а судя по именамъ пороговъ (и по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ) германскаго происхожденія, распространеннаго на югѣ Россіи въ началѣ IX в.? Не удовлетворяясь отвѣтомъ Бертинскихъ анналь, что народъ русъ (*Rhos*) происходитъ изъ *gente Sveonum*, В. Г. Василевскій ищетъ пути къ разрѣшенію вопроса въ томъ обстоятельствѣ, что въ амастридскомъ житіи, по его мнѣнію, „русскіе довольно явно приурочиваются къ другому весьма употребительному этническому термину „тавроскию“ (стр. ССХСХVII). Разбирая затѣмъ сложное имя „тавроскию“, нашъ авторъ приходитъ къ заключенію, что этотъ народъ есть смѣсь готовъ (называвшихся скинами у римскихъ и греческихъ писателей III и IV вв. по Р. Хр.) съ аланами (съ которыми отождествляются древніе жители Крыма, тавры). „Однимъ словомъ,—замѣчаетъ В. Г. Василевскій,—мы хотимъ сказать, что все извѣстія о Руси и русскихъ до половины IX в. относятся къ тавроскиюамъ и объясняются отождествленіемъ руси съ тавроскиюами и этихъ послѣднихъ съ готами, валлаготами, готаланами“. „Мы не хотимъ здѣсь проповѣдывать новой теоріи происхожденія Русскаго государства,—продолжаетъ авторъ,—или, лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готскою (намекъ на нее давно уже встрѣчаются), но не можемъ обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской. Для нашей на-

* Греческое краткое житіе поздняго происхожденія и не содержитъ въ себѣ сказанія о русскомъ вѣшествіи (см. стр. ССХХХIII—СХХХХVII).

стоящей дѣли достаточно знать, что въ первой половинѣ IX вѣка существовало нѣсколько пунктовъ, къ которымъ прикрѣплялось сначала греческое названіе тавроскиевъ, а затѣмъ въ томъ же столѣтіи распространившееся имя руси, не устранившее перваго, болѣе литературнаго, а служившее параллельнымъ выраженіемъ, отчасти переводнымъ для него. Въ самыхъ звукахъ слова тавроскиевъ есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усѣченіямъ, могло выработаться названіе рѣсь. На это какъ будто указываетъ замѣчаніе Льва Діакона, что рѣсь есть простонародное выраженіе, означающее народъ, который по-настоящему долженъ именоваться тавроскиевами“ (стр. ССХСІХ—ССС).

Таковы главные выводы интересной работы акад. Васильевского, замѣчательной какъ по тонкости и методической строгости анализа, такъ и по своимъ окончательнымъ результатамъ. Разрѣшаютъ ли, однако, наконецъ, эти выводы пресловутый вопросъ о происхожденіи руси? Разбиваютъ ли они окончательно ту теорію, которая считается наиболѣе научно-обоснованною, т.-е. норманнскую? Едва ли такъ. Несомнѣннымъ и въ высшей степени важнымъ результатомъ разбираемаго сочиненія (и въ особенности анализа „Амастридскаго житія“) является указаніе неудобствъ общепринятой норманнистской хронологіи. Но и готская теорія, которой, правда, уважаемый авторъ „не хочетъ проповѣдывать“, но которая невольно слагается въ результатъ его изслѣдованія, также должна возбуждать нѣкоторыя недоумѣнія; высказана она В. Г. Васильевскимъ лишь въ общихъ чертахъ, и потому только внимательный пересмотръ съ точки зрѣнія этой теоріи всѣхъ данныхъ, касающихся вопроса о происхожденіи руси и Русскаго государства, можетъ рѣшить, насколько она плодотворна. Но, во всякомъ случаѣ, это интересная теорія—„не въ примѣръ прочимъ“ ненорманнскимъ теоріямъ, а отрицательные выводы изслѣдованія, сильно колеблющіе обычную норманнистскую хронологію, таковы, что съ изслѣдованіемъ В. Г. Васильевского придется считаться всякому занимающемуся русскою исторіей.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека Ф. Павленкова. Чарльзъ Ляйелль, его жизнь и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ М. А. Энгельгардта, съ портретомъ Ляйелля. Спб., 1892 г. Ц. 25 к. Чарльзъ Ляйелль, какъ мыслитель, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду великихъ двигателей науки. Въ геологіи онъ былъ такимъ же авторитетнымъ реформаторомъ, какимъ Дарвинъ—въ области біологіи. Поставленный въ довольно завидныя жизненныя условія и обладавшій умомъ, способнымъ къ широкимъ обобщеніямъ, онъ, однако, не сразу вышелъ на путь плодотворнаго служенія наукѣ. Будучи отъ природы истымъ натуралистомъ, онъ попалъ въ школу, которая едва не искалѣчила его умственнаго развитія на всю жизнь. По словамъ г. Энгельгардта, „она заставила его промѣнять природу на аористы и герундіи, на элоги Вергілія и оды Горация; мало того, онъ повѣрилъ, что интересуется этою дребеденью, хотя на самомъ дѣлѣ томился и скучалъ“ (стр. 13). Даже позднѣе онъ не переставалъ готовить себя къ адвокатурѣ въ то время, когда всѣ его симпатіи были уже на сторонѣ геологіи. Не удивительно, что, при такомъ положеніи дѣла, официальная оцѣнка его школьныхъ успѣховъ не шла дальше *mediocriter* (посредственно). Тѣмъ не менѣе, любовь къ природѣ дѣлала свое дѣло и, въ концѣ-концовъ, Ляйелль понялъ, въ чемъ заключается его истинное призваніе. Въ очеркѣ его жизни, со-

ставленномъ г. Энгельгардтомъ, подробно рассказываются всѣ обстоятельства его постепеннаго увлеченія геологіей, сообщаются необходимыя свѣдѣнія изъ исторіи развитія этой отрасли человѣческаго знанія и опредѣляется та роль, какую пришлось играть въ ней Ляйеллю. Къ сожалѣнію, г. Энгельгардтъ не всегда умѣренъ въ живости своего изложенія, отчего личность Ляйелля какъ бы тускнѣетъ, заслоняясь по временамъ весьма развязными размышленіями самого г. Энгельгардта. Размышленіями этими пересыпана вся біографія Ляйелля, а насколько они удачны и умѣстны, можно судить, между прочимъ, по слѣдующему примѣру: „Въ то время (начало нынѣшняго столѣтія) Европа точно въ котлѣ кипѣла,—Наполеонъ I приближался къ зениту своей славы, колотилъ европейскихъ монарховъ, раздавалъ и отнималъ короны, перетасовывалъ государства, ослѣплялъ европейское общество блескомъ своихъ побѣдъ, и напустилъ такого дурмана, что вся эта эпоха кажется намъ какою-то фееріей, грандіозною или безсмысленною, какъ на чей вкусъ, но трескучею, съ сильными эффектами, съ грудями труповъ и рѣвками крови“ (стр. 5—6). Какое отношеніе можетъ имѣть эта тирада къ Ляйеллю и успѣхамъ геологіи, затруднится сказать и самъ г. Энгельгардтъ, которому нельзя не пожелать побольше сдержанности въ его увлеченіи трескомъ стилистическихъ эффектовъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу“. И. Я. Акинфіева. — „Путевые рассказы и замѣтки“. А. Филодумова.

Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. И. Я. Акинфіева. Екатеринославъ, 1892 г. Цѣна 50 коп. Г. Акинфіевъ, путешествовавшій съ научною цѣлью въ качествѣ ботаника, въ книгѣ своей очень живо, мѣстами увлекательно передаетъ впечатлѣнія наблюдательнаго туриста и восторженнаго поклонника Кавказскихъ горъ. Изъ Екатеринослава онъ проѣхалъ черезъ Таганрогъ и Ростовъ на Кубань въ Ставропольскую губернію, затѣмъ на Минеральныя воды и оттуда черезъ горный кряжъ къ Эльборусу. Въ описаніи этого пути авторъ даетъ вѣрную оцѣнку экономическаго положенія и отчасти быта жителей видѣнныхъ имъ мѣстностей, дѣлаетъ любопытныя и полезныя замѣчанія о лѣсоразведеніи въ степяхъ, о необходимости и способахъ устройства въ нихъ водохранилищъ, о неразумномъ пользованіи ихъ богатствами, что ведетъ иногда къ гибели обширныхъ культурныхъ пространствъ черезъ заносъ ихъ песками, какъ-то случилось въ с. Бешпагарь. На обложкѣ книги значится, что стоимость ея „полностью поступаетъ въ кассу екатеринославской комиссіи народныхъ чтеній для усиленія фонда по устройству аудиторіи“. Отъ всей души желаемъ успѣха доброму дѣлу и не сомнѣваемся въ томъ, что *Путешествіе* г. Акинфіева будетъ встрѣчено сочувствіемъ публики, какого оно вполне заслуживаетъ.

Путевые рассказы и замѣтки А. Филодумова. Выпускъ первый. Одесса, 1892 г. Цѣна 30 коп. Произведеніе г. Филодумова обогатитъ умъ читателя весьма умѣренными свѣдѣніями, за которыя едва ли стоить платить тридцать копѣекъ. Изъ этой книжки читатель узнаетъ: 1) что авторъ не куритъ, 2) что онъ не любитъ собакъ, 3) что онъ не вполне увѣренъ въ существованіи „привидѣній“, 4) что онъ занимается „утомительными изслѣдованіями изъ области русскаго языко-

знанія". Г. Филодумовъ справедливо обличаетъ желѣзно-дорожное управленіе и пассажировъ въ томъ, что ими не соблюдаются правила, коими запрещено курить въ вагонахъ для „некурящихъ“, основательно негодуетъ на то, что въ пассажирскіе вагоны допускаютъ собакъ, сильно упрекаетъ крымскихъ татаръ за то, что они телѣгу не мажутъ, бьютъ руками баранину и, получая „бакшишъ“, не даютъ „сдачи“. Г. Филодумовъ предлагаетъ ввести на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, кромѣ вагоновъ IV класса, еще промежуточный классъ между II и III, специально для „некурящихъ“. Пишетъ г. Филодумовъ языкомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ много онъ потрудился надъ „ислѣдованіемъ изъ области русскаго языкознанія“. Вотъ образецъ его слога: „Когда маджара приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, и интенсивность сказанныхъ звуковъ дошла до кульминаціонной точки своего crescendo, то они произвели на мой слухъ такое впечатлѣніе, какъ будто эту допотопную телѣгу сопровождаетъ усерднѣйшее жужжаніе цѣлаго миллиарда осъ“. Содержаніе вышеназванной книжки передано нами сполна. Теперь авторъ приготавливаетъ къ печати книгу съ такимъ заглавіемъ: *Современное собакофильство. Разказы и разсужденія о социальномъ - этическомъ значеніи собакъ въ сожителствѣ ихъ съ человекомъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Étude sur l'enseignement de l'économie politique dans les Universités d'Allemagne d'Autriche“, par Henri St.-Marc.—Die Arbeiterinnen- und Frauenfrage der Gegenwart“, von Clara Zetkin.—„Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района владикавказской желѣзной дороги“. Ф. Щербина.—„Пермскій край“.—„Движеніе на населеніе въ Българскомъ княжествѣ прѣзъ 1889 година“.—„Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растений въ Приамурскомъ краѣ въ 1891 г.“.—„Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи“. Гр. А. Д. Щерметева.

Étude sur l'enseignement de l'économie politique dans les Universités d'Allemagne et d'Autriche, par. Henri St.-Marc, professeur à la de faculté de droit de Bordeaux. Paris, 1892. Извѣстно, что въ отношеніи къ развитію экономической науки Франція значительно отстала отъ другихъ передовыхъ культурныхъ странъ. Въ экономической литературѣ ея до сихъ поръ не только преобладаютъ, но почти всецѣло царятъ отжившія доктрины, несостоятельность которыхъ доказана съ полною убѣдительностью. Лишь въ самое послѣднее время начинается обнаруживаться поворотъ въ сторону болѣе правильнаго направленія, раздаются голоса въ пользу необходимости порвать съ безплодными традиціями старой школы, выйти изъ тѣсныхъ рамокъ этихъ традицій и внимательно присмотрѣться къ тѣмъ успѣхамъ въ развитіи экономическихъ знаній, какихъ достигло оно въ сосѣдней Германіи. Однимъ изъ выразителей этого новаго теченія въ средѣ молодыхъ французскихъ экономистовъ является Анри С.-Маркъ, профессоръ политической экономіи въ Бордо. Изданный имъ недавно *Этюдъ о преподаваніи политической экономіи въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ* представляетъ съ этой точки зрѣнія не малый интересъ. Указавъ на значительные успѣхи разработки политической экономіи въ различныхъ странахъ, и особенно въ Германіи, и отмѣтивъ фактъ оживленнаго взаимодѣйствія въ средѣ экономистовъ нѣмецкихъ, англійскихъ и американскихъ, авторъ говоритъ: „Что же въ

это время дѣлають французы? Какъ разъ въ ту эпоху, когда это движеніе порождается или усиливается у другихъ народовъ, у насъ оно, повидимому, останавливается. До 1870 года лучшія иностранныя сочиненія переводили на французскій языкъ, обсуждали, съ выдающимися экономистами сосѣднихъ странъ стремились ознакомиться. Послѣ же этого мы не только ушли всецѣло въ самихъ себя, что иногда и бываетъ хорошо, но стали восторгаться лишь сами собою, что всегда бываетъ вредно. Мы систематически игнорируемъ иностранныхъ экономистовъ, и именно лучшихъ изъ нихъ, нѣмецкихъ; мы знакомимся съ ними лишь по коротенькимъ, насмѣшливымъ и пренебрежительнымъ замѣткамъ *Journal des Economistes*“. Лишь въ 1887 году, въ противобѣсъ этому лейбъ-органу французскихъ экономистовъ—беззащитныхъ поклонниковъ доктрины *laissez faire*, созданъ былъ новый журналъ *Revue d'économie politique*, гостеприимно открывшій свои страницы представителямъ другихъ направлений и поставившій свою задачей содѣйствовать развитію экономическихъ знаній независимо отъ ферулы ортодоксальныхъ экономистовъ. Анри С.-Маркъ является однимъ изъ главныхъ членовъ редакціи этого журнала. Ему, между прочимъ, поручено было ознакомиться на мѣстѣ путемъ личнаго наблюденія съ преподаваніемъ политической экономіи въ нѣмецкихъ (германскихъ и австрійскихъ) университетахъ. Указанный нами этюдъ и представляетъ собою результатъ этихъ наблюденій, свидѣтельствуя о весьма обстоятельномъ знакомствѣ автора съ современною нѣмецкою экономической литературой.

Этюдъ этотъ распадается на три части. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной „О духѣ преподаванія политической экономіи“, авторъ, прежде всего, даетъ общую характеристику школы германской (историко-реалистической) и школы австрійской, которую называютъ иногда декативной, но которую авторъ считаетъ болѣе правильнымъ назвать школой психологической и аналитической (съ Менгеромъ во главѣ). Отмѣтивъ далѣе роль нѣмецкой экономической науки въ отношеніи къ экономической политикѣ новѣйшаго времени, С.-Маркъ останавливается съ значительною подробностью на характеристикѣ отдѣльныхъ представителей экономической науки въ Германіи и Австріи. Таковы характеристики Шмоллера, Вагнера, Brentano, Конрада, Кона, Лексиса, Шанца, Шёнберга, Нейманна, Менгера, Бёмъ-Баверка, Міасковского, Сакса, Матайя. Авторъ отмѣняетъ выдающіяся особенности и своеобразныя черты каждаго изъ названныхъ экономистовъ и, кромѣ того, приводитъ подробныя указанія относительно ихъ сочиненій и даже журнальныхъ работъ. Во второй части своей монографіи С.-Маркъ даетъ довольно подробный обзоръ организаціи преподаванія политической экономіи въ нѣмецкихъ университетахъ, вводя въ свое изложеніе не мало интересныхъ указаній изъ практики различныхъ университетовъ. Третья часть посвящена сравненію изложенной системы съ системою французской и выясненію необходимыхъ реформъ въ послѣдней сообразно съ признанными недостатками ея и опытомъ нѣмецкихъ университетовъ. Здѣсь авторъ, между прочимъ, довольно подробно останавливается на положеніи политической экономіи въ системѣ французскаго университетскаго образованія. Какъ то ни странно по отношенію къ націи, игравшей столь значительную роль въ раннемъ періодѣ развитія экономической науки (достаточно вспомнить о школѣ фзіократовъ, о трудахъ Ж. Б. Сэя), преподаваніе политической экономіи въ университетахъ началось лишь въ самое недавнее время: оно введено было

впервые декретомъ 26 марта 1877 года, а до тѣхъ поръ политическая экономія преподавалась лишь въ Collège de France да въ нѣкоторыхъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ (какъ Conservatoire des arts et métiers). Но этого мало: и по установленіи на юридическихъ факультетахъ кафедры политической экономіи преподаваніе ея попало въ руки не специалистовъ-экономистовъ, а цивилистовъ и романистовъ, такъ какъ, по университетскимъ статутамъ, для занятія кафедры на юридическомъ факультетѣ необходимо имѣть званіе „agrégé la droit“ или, по крайней мѣрѣ, доктора правъ. И лишь съ теченіемъ времени явилась возможность замѣщать кафедры политической экономіи лицами, получившими спеціальную къ тому подготовку. При опредѣленіи причинъ, тормазившихъ развитіе экономической науки во Франціи, указанному факту столь поздняго введенія преподаванія ея въ университеты должно быть удѣлено надлежащее мѣсто. С.-Маркъ указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ реформъ въ программахъ французскихъ юридическихъ факультетовъ и выражаетъ надежду, что современемъ сгладится неравенство условій, среди которыхъ приходилось до сихъ поръ развиваться французской экономической наукѣ по сравненію съ Германіей, въ университетахъ которой уже болѣе столѣтія водворилось методическое изученіе политической экономіи.

Die Arbeiterinnen-und Frauenfrage der Gegenwart von Clara Zetkin. Berlin, 1898. Въ то время, когда Адамъ Смитъ писалъ свое знаменитое сочиненіе о *Богатствѣ народовъ*, женскій трудъ въ фабричной промышленности не имѣлъ еще примѣненія, а потому великій шотландскій экономистъ ни разу и не упоминаетъ о немъ въ своей книгѣ. Прошло сто слишкомъ лѣтъ неустаннаго развитія крупной промышленности, и въ настоящее время мы видимъ армію пролетаріевъ, составившуюся одинаково изъ представителей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Работа на фабрикѣ со всѣми ея неизбежными послѣдствіями стала необходимостью и для женщинъ, которыхъ она этимъ самымъ оторвала отъ семейныхъ заботъ и домашнего очага, и для дѣтей, вовлеченныхъ тою же промышленностью, этою всевластною богиней современнаго намъ соціального строя, въ омутъ безпросвѣтнаго механически-однообразнаго трудового существованія. Машина произвела революцію не только въ технику производства, но и въ соціальномъ быту. Ея разрушительное вліяніе сказалось, прежде всего, на устояхъ семейной жизни: патриархальная семья, съ мужиной-работникомъ и женщиной-хозяйкой во главѣ, уступила мѣсто новому укладу, при которомъ обѣ стороны направляютъ всю свою дѣятельность на добываніе средствъ къ жизни извнѣ, а ихъ заботы по дому и по домашнему хозяйству сокращаются до minimum'a, по возможности даже ввѣряются совершенно постороннимъ лицамъ. Процессъ, разрушившій патриархальную семью и вовлекшій женщину въ производство, съ обычно жестокою логичностью всѣхъ экономическихъ процессовъ, стремится ити еще дальше, стремится достигнуть своего крайняго предѣла: женскій трудъ, болѣе дешевый для предпринимателя и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе удобный, начинаетъ съ успѣхомъ конкурировать съ мужскимъ и даже вытѣснять этотъ послѣдній, становясь на его мѣсто. Проистекающія отсюда экономическія затрудненія, а также тѣ печальныя физическія послѣдствія, которыя сказались на женскомъ организмѣ отъ этой непрестанной скачки съ препятствіями въ удушливой и вредной атмосферѣ мастерскихъ, заставили, наконецъ, и общество, и законодательство обратить серьезное вниманіе на положеніе женщинъ-работницъ. Въ фабричномъ за-

конодательствѣ разныхъ странъ встрѣчаются уже нѣкоторыя ограниченія эксплуатаціи женскаго труда; эти ограниченія, однако, не всегда находятъ себѣ сочувствіе въ обществѣ и, какъ это ни странно, не находятъ сочувствія въ самыхъ различныхъ его кругахъ.

Передъ нами лежитъ теперь книжка, авторъ которой по своимъ взглядамъ принадлежитъ къ членамъ партіи, взявшей на себя дѣло представительства рабочихъ классовъ въ рейхстагѣ. Слѣдовательно, въ прогрессивномъ характерѣ основныхъ идей автора мы не имѣемъ права сомнѣваться. И что же? Законодательное ограниченіе примѣненію женскаго труда на фабрикахъ встрѣчаетъ здѣсь самое строгое порицаніе. Чѣмъ это объясняется? Отмѣтимъ въ краткихъ чертахъ главные положенія книжки.

Фабричная промышленность наложила на женщину тяжелую работу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она уничтожила и ея зависимое, подчиненное положеніе въ семьѣ и поставила рядомъ съ мужчиной, какъ во всемъ ему равную, экономически-самостоятельную единицу. Фабрика вырвала женщину изъ семейной теплицы и выдвинула на арену міровой жизни. Вотъ въ чемъ состоитъ положительная сторона этого отрицательнаго процесса, вотъ почему на ряду съ его печальными послѣдствіями, уже сказавшимися такъ или иначе, мы вправѣ ожидать и нѣкоторыхъ благодѣтельныхъ. „Какъ машина освободила челоуѣка тѣмъ, что, благодаря облегченію и сокращенію труда, благодаря умноженію продуктовъ, сдѣлала возможнымъ болѣе высокій общественный порядокъ, такъ точно и женскій трудъ создаетъ экономическій фундаментъ, безъ котораго освобожденіе и уравниеніе женщины дѣло немислимое. Женщина, подобно мужчине общественно-производительная, въ экономическомъ отношеніи стоящая на своихъ ногахъ, должна быть также уравнена съ нимъ въ политическомъ и въ правовомъ отношеніи“. Какъ хозяйка, она была крѣпостная отдѣльнаго мужчины, какъ фабричная работница, она попала въ зависимость отъ цѣлаго класса капиталистовъ, но потому, что сама стала принадлежать къ извѣстному классу, классу пролетаріевъ. „Участіе въ общественной жизни стало для женщины необходимою, проявляющеюся по десять разъ въ день. Это ея право и ея обязанность... И, благодаря той роли, которую она играетъ въ производствѣ и которая съ каждымъ днемъ становится все значительнѣе, она получить, наконецъ, свои соціально-политическія права, захотятъ ли этого мужчины, или нѣтъ, получить ихъ даже противъ своей собственной воли“ (стр. 12, 19—22).

Сѣванія на упадокъ семьи нашъ авторъ считаетъ въ значительной степени неосновательными. Женщина, въ роли воспитательницы своихъ дѣтей, кажется ему съ успѣхомъ замѣнимой воспитателями со стороны. Развѣ въ буржуазныхъ семьяхъ, безъ всякой къ тому необходимости, не входитъ все болѣе и болѣе въ обыкновеніе отдавать дѣтей на воспитаніе въ казенныя заведенія или поручать ихъ наемнымъ педагогамъ? Въ этомъ отношеніи дѣло можетъ, пожалуй, только выиграть. Въ провиденціальное назначеніе женщины и въ ея особенныя педагогическія способности г-жа Цеткина не вѣритъ и думаетъ, что профессиональные педагоги (изъ женщинъ тоже) болѣе пригодны для дѣла воспитанія, нежели часто совсѣмъ не подготовленные родители, тѣмъ болѣе, что этимъ способомъ въ семью скорѣе и легче проникаютъ прогрессивныя идеи новаго времени (см. стр. 29—33).

Но какъ бы ни смотрѣть на совершающійся процессъ, съ упованіемъ или съ печалью, самое опасное,—говоритъ нашъ авторъ,— это

стараться затормазить его, стать ему на дорогѣ. „Желать уничтожить или даже ограничить только женскій трудъ, это значить—обрекать женщину на продолжительную экономическую зависимость, на социальное порабощеніе, на проституцію въ бракѣ или внѣ его. Это значить еще обременять мужчину двойнымъ количествомъ труда и, такимъ образомъ, по необходимости и его ставить въ болѣе зависимое положеніе. Поэтому непонятно, когда подобное требованіе заявляется съ социалистической стороны; оно нисколько не менѣе реакціонно, чѣмъ стремленіе спасти мелкую, кустарную или ремесленную промышленность съ восстановленіемъ цеховъ. Если хотять уничтожить или, по крайней мѣрѣ, смягчить дурныя роковыя послѣдствія, являющіяся за женскимъ трудомъ, какъ тѣмъ за свѣтомъ, пусть не противопоставляютъ, какъ враждебные, интересы мужского и женскаго труда, но, напротивъ, соединяютъ и въ общей массѣ, какъ интересы всего рабочаго класса, противопоставляютъ интересамъ капиталистическимъ“.

Въ этомъ мы нѣсколько расходимся съ почтеннымъ авторомъ и думаемъ, что съ какого бы конца ни развивалось фабричное законодательство, всегда оно будетъ оружіемъ, направленнымъ противъ капиталистовъ и всегда будетъ доставлять рабочему классу все болѣе и болѣе значительныя побѣды. Вполнѣ понятно, что регулированіе свободы договора начинается сначала въ тѣхъ случаяхъ, когда эта свобода приводитъ къ *особенно-начальнымъ* въ глазахъ всего общества послѣдствіямъ, вполнѣ понятно, что его вниманіе останавливается раньше на *женскомъ* и *дѣтскомъ* трудѣ, нежели на мужскомъ. И пусть, скажемъ мы, будетъ ограничена сначала эксплуатація болѣе слабыхъ организмовъ, дальнѣйшая регламентація не замедлитъ явиться. Бояться остановить или затормазить процессъ освобожденія женщины отъ семейной зависимости значить быть недостаточно увѣреннымъ въ его непреложности, а, между тѣмъ, ни поворотъ назадъ, ни остановка на этомъ пути невозможны. Пусть же напрасныя опасенія не смущаютъ насъ въ наглядно-полезномъ, наглядно-необходимомъ дѣлѣ, каковымъ является, между прочимъ, регулированіе женскаго труда на фабрикахъ. Мы понимаемъ отлично, что нашъ авторъ возстаетъ противъ этого лишь въ цѣляхъ скорѣйшаго регулированія всякаго фабричнаго труда вообще, но, съ полнымъ уваженіемъ и симпатіей относясь къ конечнымъ широкимъ идеаламъ автора, мы не видимъ надобности игнорировать и болѣе мелкихъ, ближайшихъ, насущныхъ реформъ.

Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района владикавказской желѣзной дороги. Хлѣбная производительность и торговля. Сѣверный районъ. Составилъ Ф. Щербина. 1892 г. Судя по предисловію къ этому интересному изданію правленія общества владикавказской желѣзной дороги, первый опытъ подобнаго изслѣдованія сѣвернаго Кавказа былъ произведенъ имъ еще въ 1881 году для выясненія доходности проектированной тогда новороссійской вѣтви. Первые же годы эксплуатаціи этой вѣтви доказали правильность выводовъ, основанныхъ на изслѣдованіи. Такой удачный опытъ утвердилъ правленіе дороги въ той мысли, что всякія желѣзнодорожныя предпріятія должны обосновываться на тщательномъ изученіи экономическихъ условій края по специально приготовленной программѣ. На этотъ разъ такое изслѣдованіе было поручено извѣстному неумолимому изслѣдователю русской хозяйственной жизни, Ф. А. Щербинѣ. Нельзя не выразить благодарности правленію владикавказской дороги, что оно сочло возможнымъ на этотъ разъ опубликовать эту интересную работу.

Правленіе намѣрено произвести цѣлый рядъ подобныхъ работъ, которыя должны обнять не только хлѣбную производительность и торговлю всего района владикавказской желѣзной дороги, но также выяснитъ современное положеніе и условія развитія здѣсь скотоводства, винодѣлія и садоводства, табаководства, лѣсного хозяйства и даже минеральныхъ богатствъ края, т.-е. всего того, что можетъ дать грузы для желѣзной дороги.

Лежащій передъ нами первый выпускъ обнимаетъ собою сѣверный районъ владикавказской дороги и сообщаетъ свѣдѣнія не только о земледѣльческомъ производствѣ и торговлѣ хлѣбомъ, но и о заселеніи края, о размѣрахъ конкуренціи гужевой перевозки и способахъ борьбы съ этимъ отвлеченіемъ хлѣбныхъ грузовъ отъ желѣзно-дорожнаго пути. По достоинствамъ матеріала, это изслѣдованіе примыкаетъ къ работамъ земскихъ статистиковъ, но экспедиционный способъ примѣненъ здѣсь, главнымъ образомъ, для уясненія деталей явленій, массовый же цифровой учетъ обоснованъ на данныхъ правительственныхъ статистическихъ комитетовъ; таковы, наприм., общія цифры населенія. Благодаря отмѣченной выше специальной цѣли изслѣдованія, описаніе хозяйственныхъ сторонъ жизни населенія коротко и даже отрывочно, но, тѣмъ не менѣе, оно сообщаетъ немало любопытнаго о земледѣльческой промышленности, торговлѣ и о движеніи грузовъ по сѣверному Кавказу.

Разсматриваемая работа г. Щербины обнимаетъ мѣстности, лежащія по обѣ стороны сѣверной части владикавказской желѣзной дороги и входящія въ районы трехъ портовъ—Ростова, Азова и Ейска. Районъ изслѣдованія заключаетъ въ себѣ свыше 2 милліоновъ десятинъ, до 230 тысячъ жителей, и состоитъ изъ небольшихъ частей Кубанской и Донской областей и Ставропольской губерніи. Населеніе здѣсь частью коренное, частью (до 40%) пришлое. Мѣстные переселенцы ведутъ свое хозяйство почти исключительно на землѣ, арендуемой у частныхъ владѣльцевъ, казаковъ и крестьянъ; но въ послѣднее время переселенія сюда значительно стѣснены станичными обществами, хотя земель, годныхъ для расширенія зернового хозяйства, еще достаточно.

Правленіе желѣзно-дорожнаго пути способствовало измѣненію формы здѣшняго хозяйства: возможность сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, открывшаяся съ проведеніемъ владикавказской дороги, вызвала быструю смѣну скотоводческихъ формъ формами земледѣльческими. Въ настоящее время распахано $\frac{2}{3}$ всѣхъ мѣстныхъ земель, причемъ больше $\frac{2}{3}$ посѣвной площади засѣвается озимую и яровую пшеницей; остальная треть приходится, главнымъ образомъ, на долю ячменныхъ и овсяныхъ посѣвовъ.

Какъ извѣстно, во время уборки хлѣбовъ здѣсь издавна не хватало рабочихъ рукъ, и сюда обыкновенно направлялись для заработковъ тысячи „косарей“ изъ центральныхъ губерній. Хотя въ неурожайные годы косари часто оставались безъ работы и возвращались домой Христовыхъ именемъ, но за то въ урожайные годы оставались на корню тысячи десятинъ хлѣба, несобраннаго благодаря недостатку рабочихъ рукъ. Интересно, что подъ давленіемъ этого не только крупные хозяева, но и крестьяне издавна ввели у себя усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Такъ почти во всякомъ дворѣ здѣсь можно встрѣтить ручную вѣялку и сортировку; встрѣчаются также жатвенныя машины, конныя и даже паровыя молотилки, усовершенствованныя плуги, желѣзныя бороны, а изрѣдка и сѣялки.

Говоря о конкуренціи гужевой перевозки, г. Щербина отмѣчаетъ,

что владикавказская дорога теряетъ болѣе милліона четвертей хлѣбныхъ грузовъ, идущихъ гужомъ къ Ростову, Ейску и Азову. Есть даже станицы, лежащія ближе къ желѣзной дорогѣ, чѣмъ къ Ейску, и все же обывающія свой хлѣбъ, подвозя его на лошадяхъ къ этому порту. Выясняя средства, къ какимъ должно прибѣгнуть правленіе желѣзной дороги для уменьшенія конкуренціи гужевой перевозкы: увеличеніе подвижнаго состава, устройство хлѣбоохранилищъ на станціяхъ и т. п., г. Щербина весьма убѣдительно также доказываетъ, что правленіе должно принимать всякія мѣры, способствующія оживленію производительности края, такъ какъ это несомнѣнно вызоветъ притокъ грузовъ къ желѣзной дорогѣ. Такъ, онъ полагаетъ, что вполнѣ возможна и чрезвычайно полезна для желѣзной дороги организація правильной постановки рабочихъ рукъ на сѣверный Кавказъ; для этого необходимо завести сношенія съ официальными учрежденіями и лицами мѣстностей, откуда идутъ на Кавказъ рабочіе, и вести своевременный учетъ предстоящаго урожая, т.-е. необходима текущая желѣзно-дорожная статистика. Ссуды подъ хлѣбъ уже и теперь практикуются желѣзною дорогой, но ихъ нужно упорядочить, необходимо выдавать ссуду подъ будущій урожай и т. д. Но самымъ радикальнымъ средствомъ для привлеченія грузовъ представляется устройство подѣзднаго пути, направленіе котораго и намѣчено въ разсматриваемомъ изслѣдованіи и на приложенной къ нему картѣ сѣвернаго Кавказа.

Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый пермскими губернскими статистическими комитетами, подъ редакціей д. члена-секретаря комитета Д. Д. Смышляева. Томъ I. Пермь, 1892 г. Новое изданіе пермскаго губернскаго статистическаго комитета несомнѣнно займетъ видное мѣсто среди изслѣдованій, посвященныхъ изученію любопытнаго и своеобразнаго Приуральскаго края. Выборъ статей, на нашъ взглядъ, очень удаченъ и каждая изъ нихъ представляетъ свой интересъ. Конечно, болѣею частью интересъ этотъ чисто-мѣстнаго свойства: многія статьи и замѣтки обращать на себя вниманіе только жителей Пермской губ. или изслѣдователей, специально заинтересованныхъ прошлымъ и настоящимъ этого края. Изъ такихъ статей укажемъ на солидную монографію свящ. А. Топоркова *О Васильевско-Шайтанскомъ заводѣ*, нѣсколько растянутую, но за то чрезвычайно подробно рисующую исторію и современное состояніе одного изъ большихъ уральскихъ горныхъ заводовъ. Не мало интересныхъ свѣдѣній найдутъ спеціалисты и въ статьѣ г. Чупина *По поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бэера (1744—1746 и.)*. Отмѣтимъ еще любопытную для археологовъ работу г. Теплоухова, собравшаго, изслѣдовавшаго и очень обстоятельно описавшаго остатки земледѣльческихъ орудій пермской чуди. Изъ статей, имѣющихъ общій интересъ, выдѣляются двѣ: *Благотворительность, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго благосостоянія и прогресса* (г. Красноперова) и *Неплательщики* (г. Солодовникова). Первая посвящена характеристикѣ современнаго филантропическаго движенія на Западѣ и горячему воззванію къ дремлющимъ силамъ нашей интеллигенціи. Авторъ пытается дать научное обоснованіе филантропіи, считая ее способною смягчить социальное неравенство и придти къ народу на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда безсильны государственныя учрежденія. Г. Красноперовъ настаиваетъ на томъ, что филантропія эта не должна ограничиваться такими исключительными случаями, какъ бѣдствія послѣднихъ лѣтъ,—она должна быть постоянною и, такъ сказать,

„предупредительною“. Какъ обращить формы, въ которой могла бы организоваться помощь нашему крестьянству, г. Красноперовъ приводитъ проектъ устава „пермскаго экономическаго общества“, утвержденный правительствомъ еще въ 1882 г. Хотя уставъ дѣйствительно широко захватываетъ нужды края, отличаясь, притомъ, практичностью и осуществимостью, общество не собрало до сихъ поръ необходимаго числа членовъ и не состоялось. Другая отмѣченная нами статья посвящена мало извѣстной раскольниковѣй сектѣ *Неплательщиковъ*. Въ краткомъ очеркѣ авторъ ея знакомитъ публику съ оригинальнымъ проявленіемъ нашего сектантства, имѣющимъ не религіозную, а чисто-экономическую и социальную подкладку. *Неплательщики* появились недавно. Сущность ихъ ученія сводится къ невѣрному толкованію реформы 1861 г., которую они понимаютъ какъ полное освобожденіе отъ всѣхъ обязательствъ къ правительству и обществу. „Сотворивъ землю и человѣка, Господь изгналъ послѣдняго за грѣхопаденіе изъ рая, но отдалъ ему въ обладаніе землю и завѣщаль ему обрабатывать ее въ потѣ лица, за что она будетъ приносить трудящемуся надъ ней плоды. Это и есть, въ общемъ, тотъ истинный и святой горній законъ, по которому владѣть землею долженъ непосредственно рабочій или крестьянинъ“. Если порядки съ теченіемъ времени наступили иначе, то виновать въ этомъ антихристъ. Впрочемъ, была попытка возвращенія къ „горнему закону“—это реформа 1861 года: желавшіе развязаться съ властью антихриста должны были отказаться отъ принятія уставной грамоты и тогда стали бы они свободны отъ всѣхъ обязательствъ передъ людьми. Но печаль антихристовъ восторжествовала, и теперь, чтобъ спастись, остается только „отказаться отъ всего, не признавать ни законовъ, ни общества, ни власти...“ и не платить никакихъ повинностей. Къ активнымъ протестамъ сектанты эти переходятъ рѣдко, но въ сопротивленіи властямъ оказываютъ чрезвычайное упорство и выдержку. Объ этой исчезающей сектѣ читатель найдетъ много любопытнаго въ небольшой замѣткѣ г. Солодовникова.

Въ заключеніе пожелаемъ пермскому статистическому комитету не ограничиться выпускомъ перваго тома своего изданія, а продолжать его въ томъ же духѣ и направленіи.

Движеніе на населеніе въ Българското княжество прѣзъ 1889 година. Издава статистическото бюро. София, 1892 г. Это новое изданіе статистическаго бюро Българскаго княжества состоитъ изъ массы чрезвычайно детальнахъ таблицъ о родившихся, умершихъ и вступившихъ въ бракъ въ Болгаріи въ теченіе 1889 года и представляетъ собою объемистый томъ in quarto. Хотя, конечно, число данныхъ по этому небольшому государству и не велико, но всесторонняя разработка матеріала придаетъ разсматриваемому труду болгарскихъ статистиковъ немалый интересъ. Такъ, напримѣръ, таблицы объ умершихъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія (по всему княжеству и отдѣльно по округамъ и по городамъ) не только по мѣсяцамъ, когда произошла смерть, по возрастамъ умершихъ, но и по ихъ семейному состоянію, по продолжительности брачной жизни и по профессіямъ умершихъ. Не менѣе подробно разработаны и данныя о родившихся и бракахъ. Правда, составители разбираемаго труда не нашли возможнымъ дать свѣдѣнія объ умершихъ по причинамъ смерти, но это, по всей вѣроятности, объясняется обычными недостатками такого рода данныхъ.

Такого рода публикаціи болгарскимъ статистическимъ бюро издаются уже девятый годъ; за этотъ періодъ какъ цифры умершихъ,

такъ и родившихся въ княжествѣ значительно возросли: въ 1881 году было 68 тысячъ родившихся и 33 тысячи умершихъ, а въ 1889 году уже эти цифры были 117 и 59 тысячъ, а годичный приростъ съ 35 тысячъ возросъ до 58 тысячъ. Средняя рождаемость для всей Болгаріи въ 1889 году была 36,4 на 1,000 жит., а смертность всего 18,5.

Въ разсматриваемомъ выпускѣ нѣтъ текстовой разработки интереснаго и богатаго цифрового матеріала. Было бы желательно, чтобы въ слѣдующемъ томѣ этихъ трудовъ болгарскихъ статистиковъ эти поучительныя данныя получили сравнительную текстовую разработку за все жстекшее десятилѣтіе; тогда научная цѣнность ихъ изданія еще болѣе возрастетъ.

Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растений въ Приамурскомъ краѣ въ 1891 году. Благовѣщенскъ, 1892 г. Въ этой брошюрѣ (около 2½ печатныхъ лист.), составленной астрономомъ при приамурскомъ генералъ-губернаторѣ г. Крюковымъ, составитель ея говоритъ, что имъ приступлено къ всестороннему изученію сельско-хозяйственныхъ условий Приамурскаго края и что въ іюлѣ 1891 года съ этою цѣлью разосланы во всѣ его населенныя пункты требованія доставить образцы всѣхъ хлѣбныхъ сѣмянъ текущаго урожая; вмѣстѣ съ тѣмъ были разосланы таблицы съ вопросами о количествѣ десятинъ, занятыхъ подъ каждымъ хлѣбомъ, о величинѣ урожая по пробнымъ умолотамъ, когда была жатва, и каковы мѣстныя цѣны. Наиболѣе существенный результатъ такого требованія представляютъ цифры средняго вѣса четверти зерна по различнымъ округамъ и вообще собраны, главнымъ образомъ, данныя, характеризующія *качественную* сторону хлѣбовъ. Насколько статистика Приамурскаго края находится еще въ зачаточномъ состояніи, уже видно изъ того, что не только не выяснена величина площади посѣвовъ, но во всемъ Забайкальѣ и во многихъ округахъ Приморской области *неизвѣстно* даже число селеній.

Лежащая передъ нами брошюра констатируетъ, что земледѣліе есть главнѣйшее занятіе жителей Приамурскаго края, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ преобладаютъ рыболовныя занятія. Отсутствие путей сообщенія дѣлаетъ крайне затруднительнымъ, даже въ случаѣ неурожая, доставку продуктовъ изъ одной области этого обширнаго края въ другую; благодаря этому, каждая мѣстность должна здѣсь заниматься производствомъ всѣхъ продуктовъ, хотя бы тому и не вполне соответствовали мѣстныя условія. Повидимому, почти половина всѣхъ посѣвовъ края приходится на долю яровой ржи, затѣмъ уже идутъ пшеница, овесъ, гречиха, ячмень, озимая рожь и просо. Изслѣдованіе выяснило также чрезвычайную сорность и болѣзненность хлѣбовъ. Вообще же, привѣтствуя эту первую, крайне неполную попытку собрать статистическія свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ Приамурскаго края, мы выскажемъ пожеланія, чтобы мѣстнымъ статистикамъ удалось собрать болѣе обстоятельный матеріалъ о жизни этой громадной, но еще и по настоящее время почти невѣдомой страны.

Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи. Составленъ графомъ А. Д. Шереметевымъ. Собственно въ этомъ объемистомъ томѣ, стоющемъ 4 рубля, читатель не найдетъ сколько-нибудь связнаго обзора заключающихся въ немъ данныхъ. Это не болѣе, какъ сборникъ сырого матеріала, характеризующаго составъ каждой изъ 3 тысячъ пожарныхъ командъ, разбросанныхъ по селамъ и городамъ земли Русской. Систематизація этого матеріала заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ расположенъ въ

алфавитъ губерній и городовъ и что въ концѣ этого перечня существующихъ пожарныхъ командъ дана сводная вѣдомость какъ ихъ, такъ и составныхъ частей пожарныхъ обозовъ. Самый матеріалъ собранъ путемъ личныхъ сношеній составителя книги съ лицами и учреждениями, завѣдующими пожарными командами; „многіе отвѣты, по заявленію составителя, не отличаются надлежащею точностью и страдаютъ недомолвками“, да и самая программа вопросовъ, повидимому, была неполна; по крайней мѣрѣ, въ печатномъ перечнѣ пожарныхъ командъ нѣтъ отвѣта на такой важный вопросъ, какъ стоимость ихъ содержанія. Во всякомъ случаѣ, въ качествѣ сырого матеріала, для справокъ лежащая передъ нами книга имѣетъ большое значеніе, такъ какъ въ ней опубликованы данныя о громадномъ большинствѣ русскихъ пожарныхъ командъ.

Изъ нея мы узнаемъ, что на все обширное пространство Россіи (Европейской и Азіатской), почти съ 600 тысячъ отдѣльныхъ поселеній, насчитывается 3,020 сколько-нибудь организованныхъ пожарныхъ командъ съ 84 тысячами пожарными служителями, менѣе чѣмъ съ 19 тысячами лошадей и съ 10 тысячами пожарныхъ трубъ; на всю Россію не насчитано и 170 паровыхъ пожарныхъ машинъ, тогда какъ, напримѣръ, въ одномъ Нью-Йоркѣ переписью 1890 г. насчитано ихъ больше половины этого числа (92), въ Чикаго—63 паровыхъ машины и т. д. Главная масса русскихъ пожарныхъ командъ — плохо организованныя сельскія (2,026), 590—городскихъ, 250—вольныхъ, 127—заводскихъ. Даже изъ городовъ не наберется и десятка достаточно обеспеченныхъ въ противопожарномъ отношеніи: Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Осташковъ, Рыбинскъ, Рига, Астрахань, Благовѣщенскъ—и только. Не только въ уѣздныхъ, но и во многихъ губернскихъ городахъ правильно-организованныхъ пожарныхъ командъ не существуетъ. Подавляющее число селеній оказывается совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ съ пожарами; сельскія пожарныя команды обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ разохшихся бочекъ, безъ всякихъ пожарныхъ инструментовъ, безъ специально-пожарныхъ лошадей и людей. Впрочемъ, можно насчитать до двухъ десятковъ уѣздовъ, довольно удовлетворительно обеспеченныхъ въ противопожарномъ отношеніи.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„О промышленномъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промышленнаго обученія въ особенности“. А. Ф. Федорова. — „Очерки первобытнаго права“. С. Гальперина. — „Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута“. С. Пташкинъ.

О промышленномъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промышленнаго обученія въ особенности. А. Ф. Федорова. Одесса, 1892 г. Книга г. Федорова дѣлится на три части. Первая (стр. 31—294) знакомитъ читателя съ законодательными актами, регулировавшими промышленное ученичество во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Вторая часть (стр. 295—408) посвящена выясненію „недостатковъ современнаго промышленнаго ученичества и средствъ къ ихъ восполненію“. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Промышленное ученичество все болѣе и болѣе вырождается въ простую работу малолѣтнихъ. Обстоятельство это ставитъ ремесленныхъ учениковъ въ тяжелыя экономическія и нравственныя условія, не давая имъ, притомъ, не только общаго элементарнаго образованія, но и никакихъ техни-

ческихъ, профессиональныхъ познаній. Правительству необходимо, наконецъ, придти на помощь къ гибнущей мелкой промышленности (стр. 319). Первою его заботой должно быть введеніе принудительнаго общаго образованія въ средѣ ремесленнаго ученичества (стр. 326—327). Не предрѣшая его программы, г. Федоровъ считаетъ, однако, безусловно необходимыми его элементами—ручной трудъ и рисованіе (стр. 335). Дальнѣйшій шагъ впередъ будетъ сдѣланъ широкимъ проведеніемъ въ жизнь специальныхъ техническихъ или профессиональныхъ школъ съ мастерскими, которыя „могутъ вполне успѣшно замѣнить собою обученіе въ мастерскихъ частныхъ мастеровъ“ (стр. 364). Но „пока профессиональныхъ школъ будетъ недостаточно для полной замѣны промысловаго обученія, получаемаго исключительно практическимъ путемъ, успѣхи школьной дѣятельности будутъ находиться въ непосредственной связи съ условіями быта учениковъ у частныхъ мастеровъ“ (стр. 399). Такимъ образомъ, самъ собою возникаетъ вопросъ о законодательномъ урегулированіи отношеній тѣхъ и другихъ. Последнее и должно быть сдѣлано, но съ извѣстной осторожностью, обезпечивающею нѣкоторую свободу договаривающимся сторонамъ. Для того же, чтобы законодательныя опредѣленія примѣнялись на практикѣ, надзоръ за ихъ выполненіемъ долженъ быть порученъ какому-нибудь правительственному органу, напримѣръ, фабричной инспекціи, дѣятельность которой близко соприкасается съ указанною задачей. Въ послѣдней части своего сочиненія (стр. 408—495) г. Федоровъ выясняетъ юридическое значеніе договора промысловаго обученія, знакомитъ читателя съ относящимися сюда опредѣленіями дѣйствующаго права и предлагаетъ рядъ необходимыхъ, по его мнѣнію, поправокъ. Такимъ образомъ, поставленную себѣ во введеніи (стр. 29) задачу авторъ благополучно приводитъ къ концу. Нельзя не подивиться олимпійскому спокойствію, постепенности и методичности, съ которыми онъ идетъ къ намѣченной цѣли. Каждый вопросъ трактуется обстоятельно, со всѣхъ сторонъ, причѣмъ обсуждаются *sine ira et studio* какъ существующія уже противоположныя воззрѣнія, такъ и возраженія, кои лишь могутъ возникнуть. Правда, авторъ почти не касается живого матеріала, въ изобилии бывшаго у него подъ руками: его интересуетъ лишь идеальное построеніе юридическаго института, а отнюдь не бытовыя условія, среди которыхъ послѣдній призванъ дѣйствовать. Вѣроятно, поэтому и возможна та „объективность“, которою преисполнено разсматриваемое сочиненіе. Къ сожалѣнію, благодаря именно этому обстоятельству, солидный трудъ автора теряетъ всякую цѣну въ глазахъ читателя. Только изслѣдованіе *взаимодѣйствій* бытовыхъ условій и регулирующихъ ихъ законодательныхъ опредѣленій можетъ дать ясное понятіе о томъ, какія поправки необходимо внести въ дѣйствующіе уставы. Мы нарочно довольно подробно изложили выводы автора, чтобы показать, какихъ незначительныхъ результатовъ достигъ онъ въ своихъ изысканіяхъ. Между тѣмъ, передъ нами солидный томъ въ 500 стр. убористой печати, снабженный множествомъ примѣчаній и ссылками на русскіе, французскіе, нѣмецкіе, англійскіе, итальянскіе и даже испанскіе источники. Г. Федоровъ изучаетъ законодательную исторію промысловаго ученичества въ 15 государствахъ новаго времени, изучаетъ подробно и обстоятельно, сообщая точныя даты изданія каждаго новаго устава и методично, по пунктамъ, передавая его содержаніе. Мало этого: авторъ забирается въ глубь вѣковъ и ищетъ (увь, тшетно!) излюбленнаго имъ института на берегахъ Ганга, въ

Палестинѣ, Римѣ и Греціи. Напрасный трудъ! Живой человѣкъ, интересующійся истиннымъ положеніемъ промысловаго ученичества, можетъ воспользоваться книгою г. Федорова развѣ только какъ богатымъ библиографическимъ указателемъ по вопросу, трактуемому авторомъ.

Очерки первобытнаго права изслѣдованія. С. Гальперина. Спб., 1898 г. Изслѣдованія въ области первобытной культуры имѣютъ большой научный интерес и въ обилии появляются въ литературѣ Западной Европы. Наша историко-юридическая литература, въ лицѣ проф. Ковалевского, Муромцева, Зибера и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, владѣетъ уже теперь въ данной области образцами работъ, вполне стоящихъ на уровнѣ лучшихъ западно-европейскихъ изслѣдованій. Можно поэтому, по справедливости, утверждать, что если русскія изслѣдованія не особенно многочисленны, то вполне цѣнны; они приучили насъ строго относиться къ изученію вопросовъ ранней культуры. Сочиненіе г. Гальперина хотя и касается тѣхъ же вопросовъ, но совершенно не удовлетворяетъ какимъ-либо научнымъ требованіямъ. Это просто компиляція, составленная, правда, на основаніи большого списка литературныхъ пособій, но составленная безъ особой вдумчивости и безъ той научной широкой подготовки, какой неперемѣнно требуютъ изслѣдованія научныхъ вопросовъ. Авторъ постоянно приводитъ массу свѣдѣній изъ жизни дикарей, цитируетъ усердно памятники древняго права; но, въ большинствѣ случаевъ, все это лишь простой перечень фактовъ, не сопровождаемый серьезными *собственными* выводами автора. Правда, г. Гальперинъ обильно пользуется выводами лучшихъ нашихъ писателей по затрагиваемымъ имъ вопросамъ, но весьма часто это только сводъ выводовъ и данныхъ, уже ранѣе всѣмъ извѣстныхъ. Литературныя указанія, дѣлаемыя авторомъ (нерѣдко, впрочемъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ), весьма обильны. Но эти указанія надо принимать съ нѣкоторою осторожностью, такъ какъ авторъ то ссылается на плохія изданія памятниковъ (какъ, наприм., на совершенно неудовлетворительное въ научномъ отношеніи изданіе *Русской Правды* Гинцбурга), то указываетъ устарѣлыя нынѣ сочиненія. Языкъ изслѣдованія также оставляетъ желать многого и едва ли къ украшенію стиля сочиненія могутъ служить, наприм., такія фразы: „*натурфортство* удалено отъ изслѣдованія Зибера“ (стр. 30) и т. п.

Въ общемъ, такимъ образомъ, *Очерки* г. Гальперина безполезны, какъ сводъ литературныхъ свѣдѣній по вопросамъ первобытнаго права, но и только.

Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута. Историко-библиографическая справка. С. Пташицкаго. Спб., 1898 г. Небольшая книжка г. Пташицкаго касается важнаго историко-юридическаго вопроса и даетъ не мало интересныхъ свѣдѣній. Авторъ разсматриваетъ, правда, весьма кратко, но довольно обстоятельно, тотъ порядокъ, какой существовалъ въ Польшѣ при изданіяхъ законовъ вообще, и въ частности останавливается на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ былъ изданъ литовскій статутъ, — памятникъ, игравшій не только большую роль въ литовско-русскихъ областяхъ, но нашедшій доступъ и въ чисто-русскіе памятники, какъ соборное уложеніе. Авторъ при этомъ приходитъ къ тому важному выводу, что „литовскою государственною властью со дня утвержденія статута (28 января 1588 года) признаны были одинаково законными два текста — *польскій и русскій* и что какъ русскія, такъ и польскія изданія, вплоть до изданія

1786 г., выходили въ свѣтъ на одинаковыхъ юридическихъ основаніяхъ, и что въ способѣ ихъ изданія съ формальной стороны нѣтъ ни малѣйшей разницы“ (стр. 39). Какъ извѣстно, далѣе, вопросъ о *предпочтительности*, съ исторической точки зрѣнія, *одного* изданія памятника другому играетъ важную роль при установленіи вполне точнаго текста столь значительнаго памятника, какъ литовскій статутъ. Г. Пташицкій и здѣсь вѣрно подходитъ къ разрѣшенію вопроса, вполне справедливо утверждая, что „изданіе (статута) 1588 г., на русскомъ языкѣ, и есть *оригиналъ*, всѣ послѣдующія на польскомъ представляютъ собою переводъ. Слѣдовательно, вопросъ долженъ быть сведенъ къ точности перевода. Первый переводъ составленъ съ большою точностью, сохранены всѣ обороты, полонизированы даже русскія слова, какихъ не было въ польскомъ“. Вопросъ объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута, какъ всякій сложный и важный историко-юридическій вопросъ, нуждается еще въ серьезномъ изслѣдованіи. Но справка по вопросу г. Пташицкаго представляется въ этомъ вопросѣ далеко не лишнею.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„О теоріи растворовъ“. А. Горстмана.—„Чудесное въ наукѣ“. Эмиль Дебо.

О теоріи растворовъ. А. Горстмана, профессора Гейдельбергскаго университета (чтеніе въ обществѣ естественной исторіи и медицины 4 марта 1892 г.). Переводъ съ нѣмецкаго: „Ueber die Theorie der Lösungen von A. Horstmann“ Н. С. Дрентельна. Спб., 1893 г. Книжка А. Горстмана служитъ продолженіемъ брошюры В. Оствальда: *О растворахъ и Современной теоріи растворовъ состава электролитическихъ растворовъ* С. Аррениуса (1890 г.), отчетъ о которыхъ въ свое время былъ данъ нами. Созданная въ послѣднее время трудами Вантъ-Гоффа, Аррениуса и др., теорія растворовъ обратила на себя большое вниманіе физиковъ и химиковъ, между которыми нашлось много послѣдователей, но нашлись также и враги, которые напали на теорію Вантъ-Гоффа. Нужно указать, что такіа нападки дѣлались даже со стороны ученыхъ, считающихся авторитетами въ вопросахъ теоретической химіи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются, что многія изъ этихъ нападковъ вызваны недоразумѣніемъ, каково, наприм., возраженіе Лошара Мейера относительно осмотическаго давленія. А. Горстманъ въ своей рѣчи спокойно и безпристрастно излагаетъ современное состояніе новой теоріи растворовъ, причѣмъ преимущественное вниманіе удѣляетъ тѣмъ ея сторонамъ, которыя подали поводъ къ недоразумѣніямъ. Установивъ въ началѣ своей рѣчи слѣдующее основное положеніе Вантъ-Гоффа: „растворенныя вещества при всякихъ измѣненіяхъ концентраціи показываютъ въ термодинамическомъ отношеніи свойства газовъ“, онъ показываетъ далѣе, какъ на основаніи этого исходнаго положенія можно теоретически прослѣдить и объяснить въ согласіи съ опытомъ всѣ тѣ явленія, въ которыхъ существенную роль играютъ измѣненія концентраціи растворенныхъ веществъ, т.-е. явленія испаренія, замерзанія и т. п. въ растворахъ. Вкратцѣ далѣе онъ излагаетъ теорію Аррениуса и болѣе подробно разсматриваетъ осмотическое давленіе. Въ общемъ книжка А. Горстмана представляетъ довольно стройный очеркъ теоріи Вантъ-Гоффа и тѣмъ уясняетъ то значеніе, какое имѣетъ эта теорія въ наукѣ, а значеніе это немалое, ибо

нельзя не согласиться съ слѣдующими заключительными словами рѣчи А. Горстмана: „вообще вездѣ, гдѣ участвуютъ растворы, простая основная мысль теоріи Вантъ-Гоффа можетъ быть примѣнена для приведенія наблюдаемыхъ явленій въ законѣрную связь, доступную опытной проверкѣ. Этого до сихъ поръ не далъ въ равной степени никакой иной взглядъ на природу растворовъ—вотъ въ чемъ важное значеніе теоріи Вантъ-Гоффа, которое долженъ признать и тотъ, кто видитъ въ ней необходимость еще многихъ поправокъ“.

Чудесное въ наукѣ (популярная физика). Эмиля Дебо. Москва, 1892 г. Ц. 3 р. Популяризація точныхъ знаній представляетъ нелегкую задачу и нужно много опытности и таланта, чтобы удачно разрѣшить ее. Для этого недостаточно одной только забавной болтовни или затѣйливыхъ иллюстрацій, съ какими выступаетъ г. Эмиль Дебо, не стѣсняющийся на цѣлыхъ страницахъ, какъ говорится, пересыпать изъ пустого въ порожнее. Интересъ содержанія его научныхъ бесѣдъ отъ этого нисколько не выигрываетъ, а, между тѣмъ, благодаря неумѣстной болтовнѣ и совершенно ненужнымъ рисункамъ, книга разрастается на нѣсколько лишнихъ листовъ, безъ которыхъ она могла бы быть значительно дешевле. Это заслуживаетъ тѣмъ большаго сожалѣнія, что, по существу своему, книга г. Дебо весьма богата содержаніемъ, такъ какъ авторъ касается въ ней почти всѣхъ наиболѣе интересныхъ физическихъ явленій, освѣщаемыхъ имъ съ опытностью человѣка, стоящаго на высотѣ современнаго уровня физическихъ знаній. Прежде всего, онъ говоритъ о такихъ удивительныхъ приборахъ, какъ фонографъ, телефонъ, телефонографъ и телеграфъ, причемъ попутно сообщаетъ множество свѣдѣній изъ теоретической физики почти по всѣмъ отдѣламъ ея. Значительно же большую часть своей книги г. Дебо посвящаетъ ученію объ энергіи во всѣхъ ея видахъ, удѣляя при этомъ цѣлую главу для разъясненія понятія о физическихъ величинахъ. Правда, въ изложеніи всѣхъ, сообщаемыхъ г. Дебо, свѣдѣній мы не видимъ какой-либо системы, отчего они кажутся разрозненными и случайными, но, тѣмъ не менѣе, внимательное чтеніе его книги даетъ весьма много поучительнаго, въ особенности по отдѣлу прикладной физики. Во всякомъ случаѣ, книга г. Дебо принадлежитъ къ числу такихъ, по которымъ нельзя учиться, но изъ которыхъ можно многое узнать.

МЕДИЦИНА.

„Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія“. Ил. Мечникова.—„Руководство къ леченію зубныхъ болевней“. — „Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи“. К. П. Сумина.

Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія. Ил. Мечникова. Съ тремя таблицами и 65 рисунками въ текстѣ. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. Изданіе въ русскомъ переводѣ лекцій извѣстнаго русскаго зоолога, завѣдующаго отдѣленіемъ Пастѣровскаго института въ Парижѣ, читанныхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1891 года, представляетъ не маловажное значеніе. Помимо практическаго примѣненія къ медицинскимъ цѣлямъ, названный трудъ, какъ указывается въ предисловіи автора къ русскому изданію, стремится „установить прочную связь между патологіей и зоологіей или, правильнѣе, биологіей вообще“. Путемъ изученія патологическихъ явленій у низшихъ животныхъ биологія способствуетъ въ настоящее время болѣе обширному и точному пониманію сложныхъ и

нерѣдко загадочныхъ патологическихъ явленій воспалительнаго процесса. Лекціи эти не содержатъ, однако, полнаго изложенія знаменитой теоріи фагоцитовъ, хотя о послѣднихъ и часто упоминается, ибо относящіеся сюда вопросы (объ иммунитѣ, выздоровленіи и атрофіи) будутъ изложены авторомъ въ отдѣльной работѣ. Теорія сравнительной патологии воспалительныхъ процессовъ составляетъ общее содержаніе 12 отдѣльныхъ лекцій, изъ коихъ первая посвящена выясненію основнаго положенія, что „инфекція есть борьба между двумя организмами“ и что сравнительная патологія представляетъ вѣтъ зоологіи. Послѣдняя лекція заключаетъ обзоръ примѣненія изложенныхъ въ предшествующихъ главахъ фактовъ къ критикѣ теорій притяженія питательныхъ веществъ и поврежденія сосудистыхъ стѣнокъ, возраженій противъ биологической теоріи воспаления и т. д. Согласно теоріи проф. Мечникова, цѣлительная сила природы вовсе не есть приспособленіе, достигшее совершенства, какъ доказываютъ частыя болѣзни и случаи преждевременной смерти, но „фагоцитный аппаратъ“, развивающійся по закону естественнаго подбора, находится на пути къ усовершенствованію. Это несовершенство, по мнѣнію автора, и дѣлаетъ необходимымъ вмѣшательство человѣка, не удовлетвореннаго функціей своей естественной цѣлебной силы. Защита организма противъ вредныхъ дѣятелей, сконцентрированныхъ въ фагоцитномъ аппаратѣ и соматической нервной системѣ, распространяется и на нервный аппаратъ психической дѣятельности: къ нервнымъ клѣткамъ, управляющимъ сокращеніемъ и расширеніемъ сосудовъ, присоединяются и клѣтки, производящія мысль и волевые акты. Подобно тому, какъ бессознательный реакціонный аппаратъ—цѣлебныя силы природы съ ихъ фагоцитами—далеко не совершененъ, не представляетъ совершенства и сознательный реакціонный аппаратъ—медицина. Вообще говоря, авторъ приходитъ къ заключенію, что развитие зарождающейся отрасли зоологіи или биологіи—сравнительной патологіи еще впереди, хотя она уже теперь можетъ оказать услуги медицинѣ. Облегчая анализъ реакціонныхъ явленій, она указываетъ элементы, подлежащіе особенно тщательному охраненію въ борьбѣ организма противъ своихъ враговъ. Теорія фагоцитовъ, уничтожающихъ иные враждебные организму клѣточные элементы, представляетъ весьма интересный отдѣлъ философіи медицины и, дѣйствительно, можетъ содѣйствовать, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, „рѣшенію одной изъ величайшихъ задачъ человѣчества“.

Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Т. П. Вып. 1-й. Харьковъ, 1892 г. Въ Харьковѣ предпринято изданіе обширнаго руководства, составленнаго проф. Шефомъ младшимъ (въ Вѣнѣ) при содѣйствіи нѣмецкихъ ученыхъ, въ переводѣ д-ра Л. А. Говсѣева, подъ редакціей проф. В. Ѳ. Грубе. Все изданіе (въ 24 выпускахъ) составитъ три тома, каждый до 50 печатныхъ листовъ (15 руб. при подпискѣ до 15 марта 1893 г.) и будетъ окончено къ 15 августа будущаго года. Въ настоящее время началось уже печатаніе втораго тома, первый выпускъ котораго заключаетъ въ себѣ изложеніе фармакологическихъ свѣдѣній въ зубной практикѣ, обработанныхъ приватъ-доцентомъ Вѣнскаго университета Н. Paschkis'омъ, а равно различныхъ способовъ пломбированія зубовъ.

Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи. К. П. Сулима. Дисс. Спб., 1892 г. Уже въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія въ мѣстныхъ и центральныхъ административныхъ инстанціяхъ возникло сознаніе необходимости законодательными мѣрами улучшить

санитарныя условія свеклосахарнаго производства въ Россіи. По этому предмету въ Петербургѣ были уже закончены всѣ подготовительныя работы, которыя затормозились въ министерствѣ финансовъ лишь опасеніемъ усилить кризисъ этой отрасли промышленности въ началѣ 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что тема названной диссертациі избрана весьма кстати. Авторъ въ введении сообщаетъ краткій очеркъ развитія и современнаго состоянія свеклосахарной промышленности въ государствахъ Европы и, главнымъ образомъ, въ Россіи, а затѣмъ въ шести главахъ излагаетъ: свѣдѣнія по техникѣ сахароваренія, описаніе санитарныхъ условій профессиональнаго труда въ свеклосахарныхъ заводахъ, условій найма рабочихъ, устройства жилищъ, продовольствія рабочихъ, организаціи медицинской помощи и заболѣваемости рабочихъ. Подробной характеристикѣ сточныхъ водъ свеклосахарныхъ заводовъ, съ указаніемъ способовъ ихъ очистки, посвящена заключительная глава. Сахарная промышленность, какъ извѣстно, представляетъ громадное сельско-хозяйственное, экономическое и санитарное значеніе для Россіи, по размѣрамъ производства сахара занимающей *четвертое* мѣсто въ числѣ европейскихъ государствъ, по отношенію же къ потребленію сахара, наравнѣ съ Турціей, лишь *десятое* мѣсто. Большинство заводовъ сосредоточено въ юго-западномъ краѣ (въ Киевской губ. 65 заводовъ и въ Подольской—45 заводовъ), а затѣмъ слѣдуютъ Царство Польское (41 зав.) и малороссійскія губерніи (38 зав.). Въ періодъ 1884—1890 гг. общее число рабочихъ на свеклосахарныхъ заводахъ колебалось отъ 94,289 чел. или въ среднемъ 385 чел. на заводъ (свыше 75 тыс. мужчинъ, около 13 тыс. женщинъ и до 6½ тыс. несовершеннолѣтнихъ) до 81,699 чел. въ послѣдній изъ указанныхъ годовъ, въ среднемъ 381 чел. на заводъ (свыше 71 тыс. мужчинъ, 9 тыс. женщинъ и около 2 тыс. несовершеннолѣтнихъ). Вообще, съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, количество рабочихъ на свеклосахарныхъ заводахъ уменьшается. Не ограничиваясь одними лишь санитарными наблюденіями, авторъ сообщаетъ разнообразныя и въ высшей степени поучительныя факты, на которыхъ слѣдуетъ особенно подробно остановиться. Сахарное производство, развиваясь на разумныхъ основахъ сельскаго хозяйства, представляло бы очень выгодную для земледѣльческой Россіи промышленность. Къ сожалѣнію, однако, въ настоящее время преслѣдуются „исключительно лишь коммерческія цѣли, возможно наибольшая прибыль производства“, причѣмъ почва подвергается слишкомъ хищнической эксплуатаціи обширными плантаціями, что губельно отзывается на общей производительности почвы и пр. По мнѣнію извѣстнаго знатока сахарнаго дѣла М. Толпыгина, на болѣе успѣшное развитіе свеклосахарной промышленности неблагоприятно вліяютъ, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства: 1) устройство заводовъ не соответствуетъ новѣйшимъ улучшеніямъ и 2) по рабочему вопросу и устройству заводовъ нѣтъ ясныхъ и однородныхъ узаконеній, причѣмъ вредно отражается также малочисленность фабричной инспекціи и т. п.

Къ этому авторъ разбираемой диссертациі прибавляетъ отъ себя, что преимущественное вниманіе лицъ, занятыхъ техникою сахарнаго производства, направлено въ настоящее время на усовершенствованіе снарядовъ и машинъ и болѣе совершенную утилизацію пара, а, между тѣмъ, не обращается почти никакого вниманія на надлежащій *химическій контроль* по всѣмъ станціямъ переработки соковъ и, въ большинствѣ случаевъ, это дѣло поручается людямъ совершенно *не сведущимъ въ химию*.

Къ аналогичнымъ общинтереснымъ выводамъ приводитъ и знакомство съ самою техникой производства, причѣмъ по адресу остальныхъ отраслей русской промышленности можно было бы сказать: *putata po-
pule, de te fabula narratur...* „Вообще, громадный прогрессъ и великія открытія бактериологіи, — замѣчаетъ, наприм., д-ръ Сулима, — совсѣмъ почти не коснулись сахарнаго производства, гдѣ низшіе организмы играютъ слишкомъ важную роль, способствуя промышленности въ процессахъ оживленія костяного угля и вреда ей возбужденіемъ процессовъ броженія въ сахарныхъ сокахъ, сиропакъ и патокахъ“.

Можно было указать массу примѣровъ, что правильное развитіе фабричнаго законодательства и усиленія санитарнаго надзора едва ли не въ большей степени оказали бы услугу не столько рабочимъ, сколько самимъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Существуютъ наблюденія, что микробы, наприм., являются сильными врагами сахарнаго производства и ихъ слѣдуетъ всѣми средствами избѣгать, предохраняя сахарные продукты отъ ихъ вліянія, а, между тѣмъ, „среди самаго завода ихъ нарочно культивируютъ въ квасильныхъ ямахъ и о какой-либо изоляціи сахарныхъ продуктовъ отъ вліянія микробовъ нѣтъ и помину, но рабочій, который сегодня работаетъ въ квасильномъ отдѣленіи, завтра работаетъ въ паточной ямѣ“. Далекое не въ интересахъ одной лишь сахарной промышленности, понятно, слѣдуетъ отмѣтить особенно тотъ фактъ, что „новое направленіе въ сахарномъ производствѣ, уничтожая косточкальни, повлечетъ за собою *улучшеніе санитарныхъ условий* какъ по отношенію къ рабочему, такъ и относительно загрязненія водъ общественныхъ водоемовъ“.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, можно поручиться, что интересующіеся вопросами фабричнаго законодательства и промышленной гигіены, въ ихъ общекультурномъ значеніи, съ удовольствіемъ познакомятся съ результатами наблюденій, изложенными въ упомянутой диссертаціи. Сопоставляя вредныя условія на заводахъ съ соответственными наблюденіями по общей патологіи, авторъ приходитъ къ выводу, что „самый сладкій продуктъ производства—сахаръ—добывается рабочими очень горькимъ и тяжелымъ трудомъ“. Весьма обстоятельно разработаны данныя объ условіяхъ жизни сельско-хозяйственныхъ и заводскихъ рабочихъ, о профессиональных заболѣваніяхъ, о способахъ очистки сточныхъ водъ свеклосахарныхъ заводовъ и проч.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву съ указаніемъ элементарныхъ приѣмовъ обработки металловъ на токарномъ станкѣ и многими рецептами по отдѣлкѣ дерева“. М. А. Нетыкса.

Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву съ указаніемъ элементарныхъ приѣмовъ обработки металловъ на токарномъ станкѣ и многими рецептами по отдѣлкѣ дерева. Пособіе для любителей, а также для техническихъ и ремесленныхъ училищъ и профессиональныхъ школъ. М. А. Нетыкса. Второе, совершенно переработанное изданіе съ 235 полнотипажамъ въ текстѣ и 8 литографированными таблицами. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. Книга г. Нетыкса представляетъ собою довольно подробный и обстоятельно составленный курсъ токарнаго искусства. Прежде всего, авторъ описываетъ токарные станки, приспособленія къ нимъ и уходъ за ними,

дальше слѣдуютъ токарные инструменты и ихъ остреніе (авторъ не точить, а острить), различные вспомогательные инструменты и приборы. Послѣ этого слѣдуетъ описаніе приемовъ точенія. Весьма обстоятельно трактуетъ авторъ о матеріалахъ, употребляемыхъ въ токарномъ дѣлѣ. Съ особенною подробностью описаны различныя древесныя породы, но вполнѣ достаточныя свѣдѣнія сообщаются также о матеріалахъ животного и минеральнаго происхожденія и о разныхъ имитацияхъ. Затѣмъ слѣдуютъ: клей и замазка, инкрустаціи, рѣзные и разные другіе способы украшенія поверхности токарныхъ издѣлій, отдѣлка, заключающаяся въ чисткѣ, шлифовкѣ, лакировкѣ, полировкѣ и покрываніи воскомъ. Достаточныя свѣдѣнія сообщаются о политурахъ, лакахъ и воскахъ, но за то сказано всего нѣсколько словъ о золоченіи и бронзированіи. Въ книгѣ довольно много различныхъ рецептовъ, касающихся отдѣлки дерева, рога, кости и перламутра. Здѣсь указываются способы для подкрашиванія и окрашиванія въ тѣ или другіе цвѣта, способы бѣленія кости и рога, металлизированія дерева и пр.

Таково содержаніе интересной и весьма полезной книги г. Нетыкса. Написана она съ отличнымъ знаніемъ дѣла и довольно удобопонятнымъ языкомъ, напечатана очень чисто и по своей внѣшности можетъ быть причислена къ числу довольно изящныхъ изданій. Хотя авторъ и заявляетъ въ своемъ предисловіи, что его книга „вовсе не предназначена какъ школьный учебникъ“, тѣмъ не менѣе, она можетъ служить прекраснымъ учебнымъ пособіемъ для ремесленныхъ и техническихъ школъ, въ которыхъ преподается токарное искусство. Въ самомъ изложеніи встрѣчаются нѣрѣдко болѣе или менѣе замѣтныя шероховатости, правда, не искажающія смысла, но, все-таки, затрудняющія пониманіе. Въ книгѣ встрѣчаются такія, наприм., выраженія: „тѣмъ *растянутѣ* получается эллипсъ“ (стр. 121); „когда это *покрытіе* высохнетъ“ и т. п.

Что касается рецептовъ, то авторъ заимствовалъ ихъ изъ довольно хорошихъ источниковъ, но онъ лично ихъ не провѣрялъ и отвѣтственности въ томъ, что всѣ они одинаково практичны, онъ не принимаетъ на себя.

Достоинство книги г. Нетыкса въ значительной степени зависитъ, конечно, отъ того, насколько данные имъ рецепты окажутся практичными и въ какой степени на опытѣ оправдывается ихъ рекомендація. Но, само собою разумѣется, требовать, чтобы всѣ они были провѣрены авторомъ, невозможно. Во всякомъ случаѣ, книга эта представляетъ собою полезный вкладъ въ нашу ремесленно-техническую литературу и заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны лицъ, интересующихся токарнымъ дѣломъ. При своихъ несомнѣнныхъ внутреннихъ достоинствахъ и прекрасной внѣшности книга стоитъ сравнительно недорого.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ“. М. Турского и Л. Яшова. — „Практическое русское огородничество“. В. Н. Маракужева. — „Географическое распредѣленіе града въ Европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности“. А. В. Тарюнскаго. — „Краткое практическое руководство къ правильному устройству и веденію сельскаго хозяйства въ сѣверной и южной полосѣ Россіи“. К. Ф. Гасна. — „Страхованіе отъ градобитія“. В. А. Тарюнскаго.

Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. Составили М. Тур-

скій и Л. Яшновъ. 2-е изданіе. М., 1893 г. Цѣна 75 коп. Первое изданіе опредѣлителя лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ вышло 8 лѣтъ тому назадъ и, повидимому, сочувственно принято было русскою публикой, интересующеюся изученіемъ лѣсной флоры. Въ книжкѣ 6 отдѣловъ: сначала указываются способы опредѣленія древесины, затѣмъ вѣтвей безъ листьевъ, съ листьями, съ цвѣтами и плодами, далѣе излагается опредѣленіе листовыхъ кустарниковъ и, наконецъ, опредѣленіе сѣмянъ. Таблицы расположены въ дихотомической системѣ; каждому роду таблицъ предпосылаются замѣчанія, объясняющія соотвѣтствующую терминологию. Въ приложеніяхъ помѣщены списокъ породъ и алфавитные указатели названій. Кромѣ 75 политипажей въ текстѣ, имѣются 2 отдѣльные таблицы рисунковъ, одна—съ изображеніемъ листьевъ, другая—съ изображеніемъ древесныхъ сѣмянъ.

Для педагогической литературы книжка гг. Турскаго и Яшнова является очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ и, кромѣ того, она, вѣроятно, не останется незамѣченною со стороны образованныхъ хозяевъ.

Практическое русское огородничество. Составилъ В. Н. Маракуевъ. М., 1893 г. Цѣна 50 к. Такъ озаглавлена книжка на титулѣ; на обложкѣ стоитъ заглавіе *Русское огородничество*, на корешкѣ *Парниковое огородничество*. Едва ли такое обиліе заглавій представляетъ удобства для публики, особенно если вспомнить, что имѣется въ продажѣ особая маленькая книжка того же автора подъ названіемъ *Сельское огородничество*. Предисловіе ставитъ книгѣ неосуществимую задачу—быть такою книгой, съ которою прямо „можно было бы работать“. Въ прямомъ противорѣчій съ этими словами предисловія стоятъ цитируемыя на стр. 52 слова проф. Тимирязева: „Практики нельзя требовать ни отъ книги, ни отъ школы, ей учить только личный опытъ, да время, т.-е. сама жизнь“. Первый отдѣлъ книжки г. Маракуева излагаетъ общія свѣдѣнія объ устройствѣ огорода, обработкѣ, удобреніи, поливкѣ и мотыженіи. Во второмъ отдѣлѣ главное мѣсто отведено парникамъ и теплицамъ; въ описаніи клинскихъ крестьянскихъ теплицъ, кромѣ статьи г. Желѣзнова, автору слѣдовало воспользоваться трудами земской статистики (*Моск. Сборн.*, VII, стр. 1).

Въ книгѣ довольно много рисунковъ, изъ которыхъ обращаемъ вниманіе на планъ парника. Жаль, что краткое описаніе вредныхъ животныхъ (стр. 146—164) вовсе не снабжено рисунками. Если книга получитъ новымъ изданіемъ, что весьма возможно, слѣдуетъ пожелать нѣкотораго пониженія цѣны. Распространеніе огородничества въ крестьянской средѣ заслуживаетъ усиленнаго вниманія какъ со стороны общественныхъ учреждений, такъ и со стороны частныхъ лицъ—немногочисленныхъ представителей русской деревенской интеллигенціи.

Географическое распредѣленіе града въ Европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности. В. А. Таргонскаго. М., 1893 г. Главный интересъ въ брошюрѣ г. Таргонскаго представляютъ поуѣздная карта градобитій и поуѣздныя таблицы страхованій и градобитій за 16 лѣтъ по свѣдѣніямъ московскаго общества взаимнаго страхованія посѣвовъ отъ града (авторъ принимаетъ ближайшее участіе въ дѣлахъ этого общества). Сдѣланныя авторомъ сопоставленія дѣйствительно подтверждаютъ зависимость между частотою мѣстныхъ градобитій и высотой мѣстности надъ уровнемъ моря. Авторъ могъ бы провѣрить этотъ выводъ еще анализомъ метеорологическихъ отмѣтокъ о градѣ и группировкою официальныхъ свѣдѣній о градобитіяхъ (такую группировку когда-то занимался К. С.

Веселовскій), но, конечно, эти работы потребовали бы не малаго количества времени, и пока можно только поблагодарить г. Таргонскаго за опубликованіе матеріаловъ московскаго общества. Эти матеріалы могутъ помочь ознакомленію съ географическимъ распредѣленіемъ немаловажнаго и, притомъ, совершенно неизбѣжнаго сельско-хозяйственнаго бѣдствія, противъ котораго есть только одно средство борьбы—страхованіе. Кромѣ карты градобитій, брошюра снабжена кошей съ гипсометрической карты Тилло и таблицей съ изображеніями градинъ различной формы.

Краткое практическое руководство къ правильному устройству и веденію сельскаго хозяйства въ сѣверной и южной половинахъ Россіи. Составилъ агрономъ К. Ф. Гагенъ. Изд. Девриена. Спб., 1893 г. Цѣна 30 коп. *Руководство*, написанное покойнымъ Гагеномъ, оригинально по способу своего построенія, заслуживающему вниманія и подражанія со стороны нашей педагогической хозяйственной литературы. Авторъ ограничивается разборомъ двухъ примѣрныхъ имѣній, изъ которыхъ одно въ 500 десятинъ взято въ сѣверной лѣсной полосѣ, а другое въ 2,000 десятинъ на степномъ черноземѣ. Организация этихъ имѣній описана довольно детально и сопровождается примѣрными учетами доходности. Изложеніе весьма ясное, сжатое, изобилующее интересными практическими совѣтами. Хотя книжка едва ли осуществляетъ указанное въ предисловіи назначеніе—служить руководствомъ „начинающему хозяину, не имѣющему никакого понятія о томъ сложномъ дѣлѣ, за которое онъ намѣренъ приняться“, такъ какъ рѣдко лица, покупающія большое имѣніе, совѣмъ ничего не смыслятъ въ хозяйствѣ, но *Руководство* Гагена прочтается не безъ пользы многими практическими хозяевами, такъ какъ поможетъ имъ ориентироваться въ пониманіи общей картины отдѣльнаго сельско-хозяйственнаго предпріятія. Жаль, что примѣры относятся къ слишкомъ крупнымъ хозяйственнымъ единицамъ и стоятъ лишь въ отдаленномъ отношеніи къ положенію массы дѣйствительныхъ хозяйствъ. Цѣна назначена (за 6½ печатныхъ листовъ) совершенно общедоступная, что особенно слѣдуетъ приѣтствовать въ примѣненіи къ издательской фирмѣ Девриена.

Страхованіе отъ градобитія. Краткій очеркъ развитія страхованія отъ града въ Германіи и Россіи. В. А. Таргонскаго. Москва, 1892 г. Г. Таргонскій написалъ свою брошюру, имѣя въ виду познакомить публику съ основаніями страхованія отъ градобитія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи этотъ видъ страхованія получилъ уже значительное развитіе. Такъ, въ Баваріи, по увѣренію автора, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ скоромъ времени не останется ни одного хозяйства, которое не было бы застраховано отъ градобитія (стр. 22). Къ сожалѣнію, въ Россіи страхованіе отъ града подвигается впередъ очень туго; въ русскихъ частныхъ обществахъ запаснаго капитала почти совсѣмъ нѣтъ, а процентъ премій весьма великъ. Пополнить этотъ пробѣлъ въ народномъ хозяйствѣ можетъ, по мнѣнію автора, только правительственная субсидія; тѣмъ не менѣе, г. Таргонскій относится отрицательно къ государственному страхованію отъ града; послѣднее, „какъ не допускающее схематическаго образа дѣйствій, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено правительственнымъ учрежденіемъ“ (стр. 63). Г. Таргонскій приводитъ шесть аргументовъ въ пользу того положенія, что страхованіе отъ градобитія должно исключительно находиться въ рукахъ частныхъ обществъ. Съ нѣкоторыми изъ его доводовъ мы положительно не согласны. Такъ, мы думаемъ, что не одни только частныя

общества, но и государство можетъ выработать страховой тарифъ „съ болѣею тщательностью и соображаясь съ разнообразными обстоятельствами“. Если нѣкоторыя земства, какъ, наприм., тверское, симбирское и за послѣднее время московское, могли выработать довольно сложные тарифы по обязательному страхованію, то почему же и государству не завести у себя такіе же тарифы? Затѣмъ мы не совсѣмъ понимаемъ, почему въ государственномъ учрежденіи, „гдѣ дѣятельность основана на чувствѣ долга и безъ всякаго (?) личнаго интереса“, дѣйствіе обязательно превращается „въ простую бюрократическую формалистику“ (стр. 61). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ многое будетъ зависетьъ отъ общихъ основаній всего государственнаго строя, отъ развитія, наприм., гласности въ странѣ и т. д. Наконецъ, мы отказываемся раздѣлить убѣжденіе автора, будто государственное учрежденіе, въ которомъ принимаются на страхъ посѣвы крестьянъ и помѣщиковъ, должно непременно обратиться въ какія-то казармы, гдѣ всякое критическое отношеніе къ распоряженіямъ начальства, а тѣмъ паче противорѣчіе должно быть тотчасъ же подавляемо (стр. 61). Мы держимся болѣе оптимистическихъ взглядовъ и думаемъ, что время, когда, по выраженію поэта, „и самъ Гомеръ не смѣлъ Омиромъ называться“, кануло въ вѣчность.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

„Русская классная бібліотека“. Изд. Чудинова.—„Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты“. А. Гусова. — „Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарій“. П. Крессова.—„Избранныя стихотворенія“ А. В. Комцова.

Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціей Чудинова. Вып. XII—XIV. Спб., 1898 г. 12-й выпускъ *Русской классной бібліотеки*, посвященный Кантемиру, составленъ довольно удачно: въ него вошли лучшіе тексты трехъ наиболѣе характерныхъ сатиръ, „письмо стихотворца къ пріятелю“, посвященіе и предисловіе автора, хорошо подобранныя примѣчанія, стихи Теофана Прокоповича и Теофила Кролика въ честь Кантемира, безъ которыхъ, впрочемъ, свободно можно было обойтись, и статья о сатирахъ Кантемира Галахова, изъ которой ученикъ можетъ вынести довольно цѣльное и полное представленіе о значеніи и характерѣ литературной дѣятельности перваго русскаго сатирика. Въ послѣдней статьѣ слѣдовало произвести нѣкоторыя сокращенія или, что еще лучше, замѣнить ее короткою компиляціей изъ изслѣдованій Стоюнина и Галахова: она слишкомъ растянута, увеличиваетъ безъ нужды объемъ и цѣну книги. 13-й выпускъ принадлежитъ къ числу наиболѣе отвѣтственныхъ: онъ посвященъ былинамъ. Въ начальныхъ учебникахъ по исторіи русской словесности отдѣлъ о народной поэзіи вообще и былинамъ въ частности не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ: повторяются давно отвергнутыя въ наукѣ сказки, игнорируются положительные результаты новѣйшихъ розысканій и пр. Г. Чудиновъ избавилъ себя отъ сложной работы, не пожелалъ азобратиться въ новѣйшей литературѣ по русскому былевому эпосу и пошелъ по торной дорогѣ: повторяется старая, ни на чемъ не основанная „ученая сказка“ о дѣленіи богатырей на старшихъ и младшихъ,

Микула, попрежнему, возводится въ санъ „*ещцаю пахара*“ (стр. 5), воспроизводятся мнѣнія Θ. И. Буслаева о процессѣ созданія миеовъ (стр. 128—133), О. Θ. Миллера—объ „единствѣ русскаго богатырскаго эпоса“ (стр. 133—137) и пр. Выборъ текстовъ былинь, духовныхъ стиховъ и историческихъ пѣсенъ сдѣлать недурно, большинство же примѣчаній и объяснительныхъ статей является совершенно неудобнымъ для школы, такъ какъ они воспроизводятъ мнѣнія „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“, мнѣнія „покойной миеологической школы“, изложеніе которыхъ умѣстно въ историческомъ очеркѣ разработкѣ эпоса, а не въ учебникахъ для средней школы.

14-й выпускъ посвященъ Сумарокову. Г. Чудиновъ даетъ тексты *Хорева, Синава и Тривора*, которыхъ лучше было замѣнить однимъ *Димитріемъ Самозванцемъ*, и комедію: *Опекунъ*. Въ видѣ объяснительныхъ статей напечатано разсужденіе Корнеля о трагедіи, статья Фаге о *Расинѣ*, двѣ выдержки извѣстнаго труда о Сумароковѣ г. Булича. Этотъ выпускъ можно было, не безъ пользы для дѣла, сократить на добрую половину и дать, вмѣсто совершенно лишняго балласта, наиболѣе характерныя сатиры, басни и критическія статьи Сумарокова: останавливаясь только на драматическихъ сочиненіяхъ этого писателя, г. Чудиновъ, по нашему мнѣнію, впадаетъ въ большую ошибку. Статьи Корнеля и Фаге лучше было замѣнить короткимъ компилятивнымъ очеркомъ псевдо-классической трагедіи и комедіи. Предисловіе къ настоящему выпуску посвящено полемикѣ съ *Русскою Мыслью*, не менѣе прежней добросовѣстной. Въ словарѣ г. Чудинова, наприм., напечатано: *текстъ*, и мы указали на ошибочность этого; г. Чудиновъ сослался на Буслаева, у котораго, однако, оказалось правильно: *текстъ*. „Ничто же сумняся“, онъ теперь пишетъ (стр. 6): „авторъ (т.-е. мы)... разсчитывая на разсѣянность читателей библиографическихъ замѣтокъ, цитируетъ, наприм., указанное мною мѣсто (у Буслаева), яко бы въ опроверженіе меня, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно только подтверждаетъ мои слова (текстъ, крикъ дятла)“. Г. Чудиновъ, видимо, разсчитываетъ „на разсѣянность читателей“ или просто не знаетъ, что текстъ и тектъ—не одно и то же. Столь же добросовѣстны и научны и остальные замѣчанія г. Чудинова.

Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Составилъ А. Гусевъ, преподаватель астраханской гимназіи. Москва, 1892 г. Ц. 25 к. Предназначая свой учебникъ для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, г. Гусевъ поступаетъ вполне основательно, когда соблюдаетъ въ немъ строгую постепенность, т.-е. послѣдовательный переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному. Такимъ образомъ, нельзя не одобрить, по нашему мнѣнію, порядка ознакомленія учащихся съ буквами церковно-славянскаго алфавита, изъ которыхъ сначала идутъ буквы сходныя съ русскими и только потомъ несходныя. Надстрочные знаки показываются въ учебникѣ г. Гусева тоже не сразу, а послѣ буквъ, и это тоже весьма цѣлесообразно. Однако, этимъ, да еще довольно обильнымъ матеріаломъ для чтенія и ограничиваются, какъ кажется, всѣ достоинства разсматриваемой грамматики. Правда, мысль дать только самыя важныя формы церковно-славянскаго языка, и, притомъ, постоянно сравнительно съ таковыми же русскими, безпорно, заслуживаетъ вниманія, но ее надо было бы, на нашъ взглядъ, провести въ учебникѣ нѣсколько иначе, и во всякомъ случаѣ сомнительно,

чтобы учащiеся, пройдя церковно-славянскую грамматику въ томъ видѣ, какого придерживается г. Гусевъ, не затруднились, какъ думаетъ онъ (предисл., стр. V), сдѣлать сознательный и буквальный переводъ статей, помѣщенныхъ въ III отдѣлѣ учебника, даже при помощи приложеннаго въ концѣ книги словаря малопонятныхъ словъ. Дѣло въ томъ, что въ книгѣ сообщаются только нѣкоторые падежи существит., мѣстоименій и числительныхъ и кое-что изъ спряженiя церковно-славянскаго глагола, а, между тѣмъ, въ статьяхъ III отдѣла попадаются формы самыя разнообразныя. Вотъ почему формы *има, шедше, исполняй, волсви, руку мою* и другiя должны остаться для учащихся совершенно непонятными; впрочемъ, и относительно формъ, о которыхъ говорится въ учебникѣ, слѣдуетъ замѣтить, что для ихъ пониманiя одного сравненiя съ русскими не всегда достаточно: такъ, напримѣръ, едва ли можно вовсе не упоминать о существованiи въ церковно-славянскомъ языкѣ двойственнаго числа. Кромѣ этого, странно, что, называя *юсъ малый*, г. Гусевъ совсѣмъ умалчиваетъ объ *юсѣ большомъ*, а страници нумеруетъ славянскими цифрами, т.-е. буквами, причеиъ понятiе о такихъ цифрахъ даетъ только на страницахъ 19 и 20. Во-первыхъ, неужели читатели славянскихъ книгъ никогда не встрѣтятся съ *юсомъ большимъ* и, во-вторыхъ, какъ обойдутся учащiеся по *Элементарному учебнику церковно-славянскаго языка* съ цифрами, стоящими на верху каждой страницы, начиная со 2-й?

Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназiй и военно-учебныхъ заведенiй и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарiй. Составилъ П. Кремлевъ. Первый выпускъ. Ярославль, 1892 г. Цѣна 1 руб. Г. Кремлевъ слишкомъ много обѣщаетъ въ предисловiи къ своему сборнику темъ и слишкомъ мало даетъ въ самомъ сборникѣ. Въ предисловiи онъ признаетъ значенiе только за такою темой, которая касается предметовъ близкихъ, знакомыхъ и съ нѣкоторыхъ сторонъ интересныхъ для ученика, причеиъ прибавляетъ, что только трудъ надъ обработкой подобной темы и освѣжаетъ ученика, „давая понять, въ то же время, что всякiй трудъ въ самомъ своемъ процессѣ есть своего рода удовольствiе, а въ своемъ окончанiи — своего рода духовное торжество, лучеиъ какого-то внутренняго свѣта озаряющее, укрѣпляющее и радостно успокоивающее психо-физическiй организмъ челоиъка“ (предисл., стр. III). Уже если дѣло дошло до озаренiя и успокоенiя психо-физическаго организма челоиъка, то позволительно, кажется, ожидать очень многого, а, между тѣмъ, достаточно познакомиться съ оглавленiемъ сборника темъ, чтобы убѣдиться, что темы здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, самыя избитыя, которыя съ незапамятныхъ временъ и на основанiи только одной рутинны задаются во всѣхъ учебныхъ заведенiяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ учащихся не писалъ сочиненiй на темы, вроде: „польза стекла“, „значенiе огня“, „причины побѣдъ грековъ надъ персами“, „взглядъ автора *Слова о полку Игоревѣ* на природу“ и т. д., а почти только подобныя темы мы и находимъ у г. Кремлева. Если въ разсматриваемомъ сборникѣ и найдется нѣсколько темъ не столь заурядныхъ, но за то онѣ не вполнѣ удовлетворяютъ поставленной цѣли г. Кремлева: едва ли, напримѣръ, съ какой-нибудь стороны для ученика можетъ быть интересна тема: „о вредѣ для молодого челоиъка высокаго о себѣ мнѣнiя“, гдѣ онъ долженъ превозносить „золотую середину“ (стр. 26), или тема: „при какихъ условiяхъ чтенiе книгъ полезно для ученика“,

гдѣ приходится благоразумно разсуждать о томъ, что, когда и какъ читать (стр. 32 и 33).

Такимъ образомъ, едва ли преподавателю стоить запасаться сборникомъ томъ г. Кремлева и платить рубль за то, что или давнымъ-давно извѣстно, или мало удовлетворительно. Правда, при каждой томѣ прилагается составителемъ подробный планъ ея разработки, но понять такое приложеніе весьма трудно, что-нибудь одно изъ двухъ: или эти планы нужны для учащихся, тогда у послѣднихъ отнимается всякая самостоятельность въ работѣ; или планы нужны для учителей, тогда интересно знать, какого же мнѣнія г. Кремлевъ объ учителяхъ?

Избранныя стихотворенія Алексѣя Васильевича Кольцова (1809—1842 гг.). Изданіе И. Ѳ. Жиркова. Книжка I для младшаго и средняго возраста, цѣна 5 коп. Книжка II для старшаго возраста, цѣна 5 коп. Книжка III для зрѣлаго возраста, цѣна 5 к. Москва, 1893 г. Въ изданіи г. Жиркова нѣтъ никакого предисловія, такъ что для насъ является совершенною загадкой какъ самое подраздѣленіе произведеній Кольцова по возрастамъ, такъ и мотивы выбора тѣхъ или другихъ стихотвореній. Такъ, напримѣръ, мы положительно не можемъ понять, какими соображеніями руководствовался издатель, когда помѣщалъ въ книжкѣ для младшаго возраста такія пессимистическія стихотворенія, какъ *Доля бѣдняка* (кн. I, стр. 15), *Путь* (кн. I, стр. 17), *Пѣсня старика* (кн. I, стр. 23), *Дума Сокола* (кн. I, стр. 26) и друг.; затѣмъ во II-й книжкѣ такія еще болѣе пессимистическія, какъ *Расчетъ съ жизнью* (кн. II, стр. 10), и такія завѣдомо метафизическія, какъ *Вопросъ* (кн. II, стр. 30).

Съ другой стороны, три книжки Кольцова въ изданіи г. Жиркова стоятъ 15 коп., всего на 5 коп. дешевле полнаго изданія г. Солдатенкова, а если принять во вниманіе, что въ разсматриваемомъ изданіи выпущено больше 40 стихотвореній изъ 120 съ меньшимъ, написанныхъ Кольцовымъ, и что біографія поэта въ немъ отсутствуетъ, то можно задаться вопросомъ, стоить ли вообще покупать названное изданіе при существующемъ изданіи г. Солдатенкова?

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Энциклопедическій словарь“. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.—„Настольный энциклопедическій словарь“. Изд. товарищества А. Гранатъ и К°.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціей К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Изданіе Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Спб., 1893 г. Полутомы 16, 17 и 18. Обширный трудъ, который взяли на себя при очень неблагоприятныхъ условіяхъ гг. Арсеньевъ и Петрушевскій, подвигается довольно успѣшно. Въ IX томѣ покончено съ буквою Г, такимъ образомъ новая редакція словаря дала объясненія словъ уже на двѣ буквы: В и Г. Мы имѣли не разъ случай отмѣчать, что при новой редакціи все дѣло пошло иначе и пошло такъ, какъ было желательно всѣмъ, кто понимаетъ значеніе *Энциклопедическаго словаря*, какъ справочной книги, почти одинаково необходимой ученому и простому учителю, и просто образованному человѣку. Гг. Арсеньевъ и Петрушевскій сумѣли привлечь къ участию въ составленіи *Словаря* очень многихъ выдающихся профессоровъ и специалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и придали своему изданію характеръ чисто русскій, совершенно независимый отъ нѣмецкаго образца, изданнаго

Брокгаузовъ. Насколько самостоятельно составляется *Энциклопедическій словарь*, можно видѣть изъ того, что статьи о Гёте написаны русскими учеными: проф. А. Веселовскимъ, А. Бекетовымъ и Ѳ. Петрушевскимъ и далеко превосходятъ то, что напечатано о гениальномъ нѣмцѣ въ нѣмецкомъ изданіи. При составленіи объясненій словъ на буквы А и В, весьма значительный перевѣсъ былъ на сторонѣ переведенныхъ съ нѣмецкаго. Теперь заимствования и переводы занимаютъ ничтожное мѣсто, и, наоборотъ, г. Брокгаузъ, при новомъ изданіи своего *Conversations Lexicon*'а долженъ будетъ очень многое заимствовать изъ русскаго *Словаря*, да и не онъ одинъ, а такъ же г. Майеръ и французы, и англичане, и не только по вопросамъ, касающимся исключительно Россіи, но и по множеству статей научнаго характера. Изъ наиболѣе выдающихся статей мы отмѣтимъ, кромѣ вышеназванной: *Герцень-Искандеръ*, *Гимназія*, *Гипнотизмъ*, *Голова*—въ смыслѣ должностнаго лица, рядъ статей по *Горному дѣлу*, отличныя статьи о *Гильдияхъ*, *Гетеризмъ*, *Глаголицъ*, *Глетчергахъ*, *Гражданскомъ бракѣ*... Всего выдающагося въ этихъ трехъ выпускахъ мы не имѣемъ возможности перечислить, но считаемъ своею обязанностью отмѣтить, — то же далеко не всѣ, а лишь случайно нами встрѣченныя, — нѣкоторые промахи и пропуски, напримѣръ: подъ словомъ *Губа* не объяснено, что словомъ этимъ называютъ на сѣверѣ „морской заливъ“, въ объясненіи слова *Гумно* намъ показался немного страннымъ совѣтъ не ставить на гумнѣ овина, — этого и такъ нигдѣ не дѣлается. Не совсѣмъ ясно намъ, почему такія всѣмъ извѣстныя слова, какъ „гумно“, находятъ мѣсто въ этомъ *Словарѣ*, а другія, менѣе понятныя, — нѣтъ, какъ наприм., *уменце*, въ смыслѣ „тонзуры“. Немного странное впечатлѣніе производитъ на читателя такое объясненіе: „*Гренадинъ*, — юфтовая красная, серизъ, карлиналъ, амарантъ, марронъ, патѣнъ, хризанилинъ, фосфинъ, хризотолуидинъ, рубинитъ, мованилинъ, мольберъ, представляетъ нечистый фуксинъ, побочный продуктъ при фабрикаціи его. Въ водѣ онъ растворимъ...“ Встрѣчаются неточности такого рода: „*Гизе*—мѣстность на лѣвомъ берегу Нила, почти напротивъ Каира (немного къ югу), извѣстная полемъ пирамидъ. Здѣсь стоятъ три самыхъ большихъ пирамиды, принадлежащихъ Хеопсу, Хефрену и Менкара... Теперь въ Гизе вицекоролевскій дворецъ, въ залахъ котораго помѣщается музей... парки, сады и частная вицекоролевская станція на желѣзной дорогѣ... Черезъ Нилъ перекинутъ великолѣпный мостъ...“ Все это не совсѣмъ такъ: пирамиды, дѣйствительно, носятъ названіе „пирамидъ Гизе“, но отъ дворца Гизе отстоятъ въ 12 килим. и находятся въ мѣстности совершенно пустынной. Двѣ первыя, правда, — „величайшія“, третья вдвое ихъ меньше, и многія другія значительно ея выше и больше. Близъ пирамидъ нѣтъ ни садовъ, ни дворцовъ... Такой ошибки легко было избѣжать, справившись съ нѣмецкимъ *Conversations Lexicon*'омъ Брокгауза, гдѣ свѣдѣнія даны вѣрныя. Отъ Гизе до „поля пирамидъ“ больше часа ѣзды по шоссе, обсаженному тѣнистыми деревьями. Съ нѣмецкимъ изданіемъ справляться необходимо.

Настольный энциклопедическій словарь, товарищества А. Гранатъ и К^о (бывшее т-во А. Гарбаль и К^о). Выпуски 57—70. Москва, 1893 г. Альбомъ настольнаго энциклопедическаго словаря. Серія I. Бесплатное приложеніе. Мы уже отмѣтили въ свое время, что съ переходомъ изданія въ распоряженіе новой редакціи *Настольный энциклопедическій словарь* значительно измѣнился къ лучшему, и теперь

мы съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ сказать, что онъ сталъ настоящимъ „русскимъ“ энциклопедическимъ словаремъ, въ которомъ большая часть богатаго содержанія написана и обработана совершенно самостоятельно и по самымъ новѣйшимъ даннымъ. Насколько богатъ этотъ словарь, можно судить по тому, что въ вышеуказанныхъ выпускахъ, составляющихъ пятый томъ *Словаря*, объяснено 5,765 словъ, въ этомъ томѣ помѣщено 94 рисунка и 88 портретовъ въ текстѣ, а во всѣхъ вышедшихъ пяти томахъ имѣется объясненіе 59,059 словъ, 494 рисунка, 572 портрета; кромѣ того, къ нимъ приложено много географическихъ картъ, видовъ городовъ и мѣстностей, изображенія костюмовъ и типовъ, пояснительныя таблицы къ статьямъ научнаго содержанія. И, наконецъ, редакція приступаетъ къ выпуску, въ видѣ особаго приложенія, вышеназваннаго *Альбома* снимковъ съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Въ первой тетрадкѣ, или въ „I серіи“, мы имѣемъ десять снимковъ, изъ коихъ одинъ съ картины Клода Лоррена *Похищеніе Европы*, одинъ — Леонардо да-Винчи *Благовѣщеніе*, два съ произведеній Л. Монтеня, три — Микель Анжело, два — Мурильо. Снимки сдѣланы съ оригиналовъ фотографическимъ способомъ и даютъ вѣрное понятіе о подлинныхъ картинахъ, насколько это возможно для фотографій. Помѣщенные въ текстѣ *Словаря* портреты исполнены отчасти фототипіей, отчасти въ снимкахъ съ хорошихъ гравированныхъ портретовъ, пояснительныя иллюстраціи сдѣланы тщательно и отчетливо. Изложеніе, вообще, очень сжатое, когда дѣло идетъ объ именахъ собственныхъ, о названіяхъ мѣстностей и городовъ. Статьи, касающіяся научныхъ понятій и терминовъ, изложены съ достаточною полнотою и знаніемъ, вполне яснымъ языкомъ, доступнымъ большинству читателей. Изъ наиболѣе выдающихся статей этого рода мы назовемъ объясняющія слова: *мирика*, *литература*, *литературная критика* и *литературная собственность*, *малолѣтніе преступники*, *жѣлкантимизмъ*, *мистицизмъ*, *мозгъ*... При біографическихъ свѣдѣніяхъ о писателяхъ высказаны всегда короткія, но по большей части очень мѣткія и вѣрныя сужденія, характеризующія направленіе и литературное значеніе даннаго писателя.

По нашему мнѣнію, новая редакція *Настольнаго энциклопедическаго словаря* вѣрно поняла свою задачу — дать, по возможности, полную „справочную“ книгу для огромнаго большинства читателей, не имѣющихъ возможности пользоваться дорогами иностранными *Словарями* этого рода, къ тому же, весьма неполными въ томъ, что касается Россіи, русской исторіи и русскихъ людей. Такая книга представляется насущно-необходимою, въ особенности для жителей провинціи, гдѣ за интересующею читателя справкой обратиться некуда и не къ кому.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *юль*. — „Русскій Вѣстникъ“, *юль*. — „Русское Богатство“, *юль*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *юль*. — „Міръ Божій“, *юль*.

Вѣстникъ Европы, *юль*. *Господинъ Арсковъ* г. Корабчевскаго продолжаетъ и давать о немъ отзывъ преждевременно. Герой повѣсти разсуждаетъ иногда, по всей вѣроятности, глубокомысленно, но довольно невразумительно. „Безконечность и—я!—говоритъ господинъ Арсковъ.— Вотъ два великіе полюса мірозданія. Человѣческая душа уравновѣшивается только безконечностью. Это и есть смерть! То-есть *смерть*—душа, уравновѣшенная безконечностью...“

„Эти мысли,—говоритъ г. Корабчевскій,—ползли въ голову Арско-

ва; онъ даже забавлялся тѣмъ, что укладывалъ ихъ въ короткія и звучныя фразы, но въ глубинѣ души онъ имъ не вѣрилъ“.

Короткія и звучныя фразы... конечно, это дѣло вкуса. Лично намъ языкъ самого г. Корабчевкаго кажется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вычурнымъ и неправильнымъ. Приведемъ одинъ примѣръ: „Между тѣмъ какъ, вовсе какъ-то не интересуясь, зачѣмъ именно онъ могъ такъ поспѣшно понадобиться, и именно сегодня, дѣловитому адвокату, Арсковъ мысленно, какъ ему казалось—поучительно для себя, созерцалъ не лишнюю характерныхъ чертъ личность Кидошенцова,—пролетка, завернувъ на Михайловскую площадь, остановилась у огромнаго, шестиэтажнаго дома“.

Тутъ мы куда господина Арскова и оставимъ. Другое беллетристическое произведеніе, повѣсть г-жи Виночкиной, только начато въ іюльской книжкѣ *Вѣстника Европы*. Она называется *Безъ мужей* (у П. Д. Боборыкина есть повѣсть съ такимъ заглавіемъ). Первые восемь главъ написаны интересно, мѣстами талантливо, но съ нѣкоторыми преувеличеніями и неправдоподобіями. Учительница Лиза, на примѣръ, по словамъ автора, принадлежитъ къ счастливымъ натурамъ. Такія натуры „на всякомъ поприщѣ трудятся не для славы и выгоды, а изъ любви къ своему дѣлу. Еслибъ судьба ее забросила въ тюрьму, и тамъ нашлась бы для нея возможность пріятно проводить время“. Легко сказать: пріятно проводить время въ тюрьмѣ!

Мысль повѣсти, по скольку она выяснена въ восьми напечатанныхъ главахъ, правильнѣе—настроеніе автора, господствующее въ его рассказѣ, представляется намъ очень симпатичнымъ. Подождемъ конца.

Изъ статей седьмой книги *Вѣстника Европы* укажемъ на очеркъ М. М. Ковалевскаго: *Токвилль въ его воспоминаніяхъ, письмахъ и разговорахъ*. О воспоминаніяхъ знаменитаго французскаго мыслителя мы говорили уже въ *Библиографическомъ отдѣлѣ* нашего журнала. М. М. Ковалевскій находитъ, что эти воспоминанія едва ли уступаютъ по своему интересу надѣлавшимъ въ свое время столько шума мемуарамъ Талейрана. Въ перепискѣ и воспоминаніяхъ Токвилля находится много глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній о необходимости широкаго развитія самоуправленія, о вредѣ абсолютной власти, тѣсно связанной съ административною централизацией и подчиненіемъ церкви государству. По мнѣнію М. М. Ковалевскаго, въ этомъ отношеніи и во многихъ другихъ, ближайшимъ указателемъ и образцомъ для Токвилля, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ политическихъ мыслителей во Франціи,—его предшественниковъ доктринеровъ, такъ называетъ ихъ русский ученый,—служила Англія.

Любопытны отзывы Токвилля о Россіи. „Россія, — писалъ онъ, — это своего рода Америка, только безъ знаній и свободы“. По этому поводу М. М. Ковалевскій замѣчаетъ: „Простимъ Токвиллю его преувеличенія, его пристрастныя оцѣнки. Они вызваны недостаточнымъ знакомствомъ съ предметомъ и несбыточными опасеніями за будущее европейской культуры. Во всякомъ случаѣ, въ его злословіи больше искренности, чѣмъ въ тѣхъ любезностяхъ, какими обсыпаетъ насъ французская печать за послѣднее время. Токвилль не искалъ нашего союза и, тѣмъ не менѣе, признавалъ величіе въ нашемъ народѣ. Отмѣтимъ это сознаніе. Его достаточно для нашей гордости“.

Русскій Вѣстникъ, *ислв.* Продолжающіяся въ этой книжкѣ статьи Н. П. Семенова *О крестьянскомъ сословіи въ Россіи* заключаютъ въ себѣ много интересныхъ и важныхъ данныхъ. Упомянемъ о томъ, что,

вопреки министерству внутренних дѣлъ, тверской губернской комитетъ предположилъ основать освобожденіе крестьянъ на выкупѣ ихъ надѣловъ, обязательномъ для помѣщиковъ. По настоянію Ростовцева, запрещеніе министерства внутреннихъ дѣлъ отмѣнено.

Г. Семеновъ является сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Онъ упоминаетъ о нерѣдкихъ случаяхъ перехода крестьянъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному и приводитъ въ примѣръ пять одновременныхъ приговоровъ въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Въ Самарской губерніи такіе случаи были въ сельскихъ обществахъ нѣмецкихъ колонистовъ. Относительно 165 ст. положенія, разрѣшающей выкупать надѣлы въ собственность, Н. П. Семеновъ выражается такимъ образомъ: „Приведенную статью можно поистинѣ назвать губительнымъ даромъ, поднесеннымъ нашему крестьянству, потому что укрѣпленіемъ земельныхъ участковъ въ собственность, да еще и отдѣльныхъ лицъ, отнимается у крестьянскаго сословія самое прочное его обезпеченіе — безусловная, исторически-сложившаяся *неотчуждаемость* тѣхъ земель, которыя крестьяне съ давнихъ временъ, какъ и нынѣ, не справляясь съ закономъ, считаютъ за собою крѣпкими. Сверхъ того, разрушается несомнѣстное съ правами *собственности* на землю *общинное* землевладѣніе, которое скрѣпляло семейный союзъ подъ властью главы его и подъ попечительствомъ міра, чѣмъ поддерживались добрые нравы и необходимая дисциплина, помогавшіе правительству въ охраненіи общественаго порядка“.

Въ средѣ редакціонныхъ комиссій было не мало противниковъ общины (въ томъ числѣ и Н. А. Милютинъ). Ростовцевъ заявлялъ по этому поводу слѣдующее: „Нѣтъ, господа, ломать исторію я вамъ не позволю. Я не профессоръ и не буду вамъ объяснять, какъ образовалась у насъ община. Въ нашей литературѣ много объ этомъ разсужденій и споровъ; но у насъ община есть и, слѣдовательно, еще нужна, мы и должны ее сохранить. Ломать мы ничего не должны. Когда вы говорите о свободѣ, я вамъ уступаю: отворите какъ хотите широко ворота для выхода всякаго крестьянина изъ общины, но не *ломайте* общины, — пусть она останется“.

Ипопрежнему интересны путевые очерки Е. Л. Маркова *Фергана*. Въ высшей степени любопытенъ очеркъ г. Юнина *Селитряный король*. Въ немъ разсказывается о приключеніяхъ и громадной предпринимательской дѣятельности англичанина Норта въ Чили.

Русское Богатство, июль. Интересная статья В. В. Лесевича, еще не оконченная въ июльской книжкѣ *Русскаго Богатства*, даетъ удачную характеристику Даніэля Дефо въ тѣсной связи съ общественными и политическими событіями того времени.

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка англійскіе тори, признававшіе „*божественное*“ право королей, являлись сторонниками низложенной династїи, якобитами. Виги поддерживали новую, ганноверскую династію, стремясь дать представляемой парламентомъ народной волѣ первенствующее значеніе въ государственной жизни. „Населеніе Англїи, распадаясь на эти двѣ партїи, группировалось въ общихъ чертахъ такимъ образомъ, что коммерческій классъ и диссиденты придерживались принциповъ вигизма, тогда какъ духовенство и деревенское мелкое дворянство (джентри) стояли за взгляды торіевъ, партія поэтому нерѣдко и называлась въ это время *церковною* или же *деревенскою* партїей“.

Дефо издавалъ газету *Обозрѣніе дѣлъ Франціи*. Онъ сидѣлъ въ это время въ тюрьмѣ и оттуда, два раза въ мѣсяцъ, выпускалъ газету, которую составлялъ исключительно самъ. Надо замѣтить, что по благо-

дѣтельному постановленію парламента 3 мая 1695 года цензура въ Англіи была навсегда отмѣнена. Съ этого момента значеніе британской печати чрезвычайно поднялось, тонъ газетъ сталъ несравненно серьезнѣе и благороднѣе, появилась блистательная плеяда политическихъ писателей. Почти двѣсти лѣтъ благотворной дѣятельности англійской свободной печати, — замѣчаетъ г. Лесевичъ, — благословляются теперь не только всякимъ англичаниномъ, но и всякимъ образованнымъ европейцемъ.

В. В. Лесевичъ энергично и, конечно, вполне справедливо осуждаетъ публицистическую дѣятельность знаменитаго автора *Робинзона Крузе*, который восхвалялъ либеральныя идеи, когда у власти были виги, и получалъ жалованье отъ тори, когда побѣда доставалась имъ, чтобы своими памфлетами преслѣдовать виговъ. Нельзя безъ негодованія и глубокой грусти читать, какъ позорно измѣнивалъ и шпионилъ гениальный писатель. Пушкинскій Моцартъ говоритъ, что гений и злодѣйство не совмѣстимы; увы, примѣръ Дефо свидѣтельствуетъ, что въ этомъ отношеніи бываютъ и исключенія, да еще какія, потому что предательство и продажность похуже злодѣйства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Сѣверный Вѣстникъ, *юм.* Всего интереснѣе въ этой книжкѣ петербургскаго журнала продолженіе труда г. Ковалевскаго, о которомъ мы уже упоминали: *Общественныя доктрины прошлаго вѣка*. Авторъ отмѣчаетъ, что противникомъ физиократовъ, требовавшихъ отмѣны цеховой организаціи, выступалъ Маратъ. „Въ каждомъ сословіи, — писалъ этотъ демагогъ, — не ставящемъ себѣ задачей удовлетвореніе честолюбія, а только обезпеченіе личнаго благосостоянія, добросовѣстность неразрывно связана съ возможностью упрочить свою репутацію. Отнята эта возможность, и необходимо наступаетъ конецъ обыкновенной честности. Всякое ремесло, всякая торговля вырождается въ открытое плутовство и интригу, такъ какъ съ отмѣною цеховъ исчезнетъ стимулъ къ производству мануфактуратовъ отмѣннаго качества въ видахъ упроченія репутаціи; каждый отнынѣ будетъ ставить себѣ цѣлью привлечь покупателя одною внѣшностью; можно ждать, что впредь всѣ будутъ искать какъ можно больше работы и работать какъ можно быстрѣе. Чтобы избѣжать послѣдствій, какія для сбыта его продуктовъ произведетъ дурная о нихъ молва, ремесленнику ничто не мѣшаетъ переселиться въ другой кварталъ или въ другой городъ“. Маратъ полагаетъ, что государство должно обезпечить всѣмъ потребителямъ возможность пріобрѣтенія мануфактуратовъ добраго качества, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько эти мануфактураты принадлежать къ числу предметовъ необходимости. Желая подчинить всѣхъ, кто хочетъ быть самостоятельнымъ ремесленникомъ, опредѣленнымъ испытаніямъ для указанной цѣли, Маратъ, въ то же время, находитъ необходимымъ давать рабочимъ (подмастерьямъ) приличное жалованье, а по истеченіи трехъ лѣтъ надѣлать наиболѣе искусныхъ изъ нихъ необходимыми средствами къ открытію самостоятельнаго производства.

Въ общемъ, — говоритъ г. Ковалевскій, — указы 1783 года, хотя и не вполне, отразили на себѣ довольно ярко вліяніе той теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность, которую Гурнэ высказалъ въ извѣстномъ афоризмѣ *laissez faire* и которая на цѣлое столѣтіе опредѣлила собою характеръ господствующей экономической доктрины и политику европейскихъ правительствъ по отношенію къ промысламъ и торговлѣ“.

Съ интересомъ читается замѣтка г-жи Венгеровой *Новая умона-*

(*Вильямъ Моррисъ и его послѣдняя книга*). Англійскій поэтъ кладетъ въ основу будущаго общества правильную организацію труда и примѣненіе искусства къ жизни. При современномъ порядкѣ вещей трудъ составляетъ утомительное бремя, потому что работникъ лишень того, что возвышаетъ всякій трудъ: надежды на отдыхъ, вѣры въ пользу того, что онъ дѣлаетъ, и удовольствіемъ отъ самого процесса работы. Всякая работа должна быть привлекательна. Мы должны украшать жизнь, наполнять ее удовольствіями, умственными, нравственными, художественными и физическими. Свободный трудъ и красота — вотъ что должно характеризовать будущее общество.

Замѣски А. О. Смирновой, продолженіе которыхъ помѣщено въ юльской книжкѣ *Свернаго Вѣстника*, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и важнаго; но о Пушкинѣ русскому дѣрога, конечно, каждая мелочь. Ясный, проникательный и глубокой умъ Пушкина такъ и искрится въ его литературныхъ спорахъ, записанныхъ на-скоро г-жею Смирновой. Всѣ народы, говоритъ, напримѣръ, великій поэтъ, возражая Хомякову, заимствуютъ и сочетаютъ, болѣе или менѣе удачно, свою почву съ почвой другихъ народовъ. „Я не могу,—замѣчалъ Пушкинъ,—перестать быть русскимъ, не чувствовать какъ русскій, но я долженъ заставить понимать себя всюду, потому что есть вещи общія для всѣхъ людей. Библия—еврейская книга, а, между тѣмъ, она всемірна; книга Іова содержитъ всю жизнь человѣческую; та книга неизвѣстнаго автора, которою зачитывался Байронъ, переживаетъ вѣка, а мѣстныя пѣсни никогда не могутъ быть вѣчны. Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства,—есть мысли и чувства всеобщія и всемірныя. И если мы ограничимся только своимъ, русскимъ колоколомъ, мы ничего не сдѣлаемъ для человѣческой мысли и создадимъ только *приходскую* литературу“.

Миръ Божій, июль. Весеннія вѣзсы Д. Н. Мамина-Сибиряка продолжаютъ интересовать читателей. Разсказъ ведется просто и задушевно. Остальная беллетристика *Мира Божія*—переводная: *Первые итоги на жизненномъ пути* Бальзака, *Местъ Демаръ* Кипплинга, *Тайна богатой наслѣдницы* Безанта (этотъ послѣдній романъ былъ уже переведенъ на русскій языкъ).

Г. Ивановъ въ статьѣ *Чувствительный путешественникъ* даетъ характеристику литературной дѣятельности Стерна и отмѣчаетъ ея общеевропейское вліяніе. Извѣстно, что сантиментализмъ сильно увлекалъ и нашего Карамзина. „У русскаго писателя съ теченіемъ времени исчезли лирическія увлеченія молодости. Идиллія, какими Карамзинъ грезилъ среди *счастливыхъ швейцарцевъ*, разсѣялись окончательно въ эпоху, когда чувствительный путешественникъ превратился въ историка. Восторги предъ естественною свободой, предъ свободнымъ трудомъ бѣднаго поселанина были забыты, когда автору пришлось сказать свое слово по жгучему современному вопросу: о положеніи крѣпостныхъ въ Россіи и о будущей великой реформѣ—объ освобожденіи. Это было отступничествомъ отъ *вѣзсы молодости*, измѣною чувству и чувствительности... Жизнь и внѣшнія условія разсѣяли былую поэзію, но отнюдь не лишили ее первоначальнаго смысла. Найдутся другіе люди, способные устоять на разѣ принятомъ пути. Воздемъ ихъ будетъ тотъ же Стернь, о немъ они также будутъ съ глубокою благодарностью вспоминать въ лучшія свои минуты и онъ внушитъ имъ задушевнѣйшія стремленія на пути отечественнаго развитія. Мы говоримъ о Радищевѣ“.

Обычные отдѣлы журнала составлены также съ обычною *Міру Божію* тщательностью и разнообразіемъ.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа
1893 г.**

- Лесгафтъ, П.** Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 247 in 8.
- Лесгафтъ, П.** Протоколы специальной комиссіи по вопросу о преподаваніи естественнаго въ техническихъ школахъ (элементарный отдѣлъ). Рефератъ по физическому образованію. Спб., 1893 г. 112 in 8.
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1891 г.** Изд. главнаго тюремнаго управленія. Спб., 1893 г. in 4.
- Гарбень, А.** Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 71-й. Ц. 40 к. Москва, 1893 г. in 8.
- „Путь - дорога“.** Научно - литературный сборникъ въ пользу общества вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. Изд. К. М. Сибирякова. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к. 590 in 8.
- Фурнье, Альфредъ.** Лечение сифилиса. Перев. д-ра Л. А. Говсѣева. Изд. бр. Говсѣевыхъ. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. 396 in 8.
- Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1892 годъ.** Выпуски 1-й, 2-й и 3-й. Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Н.-Новгородъ, 1893 г. 54 in 8.
- Материалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. В. VII. Горбатовскій уѣздъ.** Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Н.-Новгородъ, 1892 г. Ц. 2 р. in 8.
- Межовъ, В. И.** Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 гг. Томъ III. Спб., 1893 г. X+514 in 8. Ц. 3 р. 50 к.
- Отчетъ одесской городской публичной библиотеки за 1892 г.** Одесса, 1893 г. 22 in 8.
- Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича за 1892 г.** Москва, 1893 г. Ц. 30 к. 51 in 8.
- Габричевскій, Г.** Руководство къ клинической бактериологіи для врачей и студентовъ. Съ 31 рис. въ текстѣ и съ 4-мя таблицами. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. 172 in 8.
- Краткій учебникъ желѣзно-дорожной телеграфіи (для начинающихъ изучать передачу и приемъ депешъ на аппаратъ Морзе).** Харьковъ, 1893 г. 25 in 16.
- Нагер, Н.** Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. Вып. 17—18. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. in 8.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Полугомъ I. Вып. I. Пер. со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей С. М. Переславцевой. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. in 8.
- Житецкій, Ир. А.** Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг. Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. 73 in 4.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XIII. Изд. К. К. Банза. Москва, 1893 г. in 8.
- Лучинскій, Левъ.** Тигровая шкура. Ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе происходитъ въ Туркестанѣ, въ наши дни. Ташкентъ, 1893 г. Ц. 70 к. 98 in 8.
- Свирскій, А. И.** Ростовскія трудобы. Ростовъ на-Дону, 1893 г. Ц. 50 к. in 8.
- Беранже.** Полное собраніе пѣсень. Подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XXII, XXIII, XXIV и XXV. in 4. Тифлисъ, 1893 г.
- Хидая.** Комментаріи мусульманскаго права. Переведено съ англійскаго подъ редакціей Н. И. Гродекова. Т. I—XX+513 in 8. Ц. 2 р. Т. II—XXVII+462 in 8. Ц. 2 р. Т. III—XXIV+423 in 8. Ц. 2 р. Т. IV—XX+319 in 8. Ц. 1 р. Ташкентъ, 1893 г.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Методы изу-

- ченія исторіи. Восемь лекцій 1884 г. съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Пер. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 238 in 8.
- Мещерскій, И. И.** Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей. Слб., 1893 г. 408+XXXVII in 8.
- Орловская губернія.** Зима и весна 1892—1893 г. Выпускъ I. Видн на урожай и состояніе скота (до 1 іюня 1893 г.) Орелъ, 1893 г. 68 in 8.
- Кальнингъ, И.** Комментарій къ четвертому изданію российской фармакопеи. Т. I, вып. 6. Москва, 1893 г. Ц. 70 к. in 8.
- Кузьминъ, Г. Н.** Правильное сельско-хозяйственное счетоводство. Харьковъ, 1893 г. Ц. 60 к. 40 in 16.
- Извѣстія Иркутской городской думы.** 1893 года. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11. Иркутскъ, 1893 г. in 8.
- Комаровъ, А. Ф.** Арифметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Воронежъ, 1893 г. Ц. 30 к. 156 in 8.
- Шеллеръ, А. К.** Савонарола, его жизнь и общественная дѣятельность. Изд. Ф. Павленкова. Слб., 1893 г. Ц. 25 к. 78 in 16.
- Внѣшняя торговля по европейской границѣ.** 1893 г. Май. Слб., 1893 г. 39 in 4.
- Статистическія данныя по операціямъ государственнаго банка и сберегательныхъ кассъ за 1860—1892 гг.** Слб., 1893 г. in 4.
- Сельско-хозяйственный обзоръ по Воронежской губерніи за 1892—93 г.** Изд. воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1892 г. 30 in 8.
- Панаевъ, В. А.** Изъ прошедшаго для пользы настоящаго. По поводу узкоколейныхъ дорогъ и удешевленія ширококолейныхъ. Слб., 1893 г. Ц. 50 коп. 68 in 8.
- Летонис матице сръкска.** џанг. 174. У Новомъ Саду, 1893 г. Ц. 70 к. 159 in 8.
- Отчетъ общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ за 1892 г.** Слб., 1893 г. 60 in 16.
- Діевъ, Гр. А.** Армянскій вопросъ въ Турціи. (Изъ переписки со стамбульскимъ публицистомъ). Москва, 1893 г. Ц. 40 к. 78 in 16.
- Jan Kollár.** 1793—1852. Sbornik stati o živolě, pôsobeni a literarni činnosti pèvece „sláv v dcery“ Na oslavu jeho sto letych narozenin. Ve Vidni, 1893. 282 in 8.
- Отчетъ комитета по изданію книгъ для народнаго чтенія, состоящаго при харьковскомъ обществѣ распространенія грамотности въ народѣ, съ 1 января 1892 по 1 января 1893 года.** Харьковъ, 1893 г. 15 in 16.
- Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ (высочайше утвержденное 14 мая 1893 г.) съ поясненіями.** Изд. И. В. Полякова, неофициальное. Кіевъ, 1893 г. Ц. 20 к. 24 in 8.
- Псалти, Г. Г.** Искусственный выводъ цыплятъ (инкубація). Мариуполь, 1893 г. Ц. 10 к. 38 in 16.
- Харьковский сборникъ.** Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому календарю“ на 1893 годъ. Подъ редакціей В. В. Иванова. Вып. VII. Харьковъ, 1893 г. 476 in 8.
- Гавалевичъ, М.** Вачочка. Материалы для повѣсти. Изд. С. Карнатовскаго. Слб., 1894 г. 354 in 8.
- Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А.** Энциклопедическій словарь. Т. IX. Слб., 1893 г. in 8.
- Лукьянскій.** Оянтъ прямого отвѣта на вопросъ: что дѣлается съ человекомъ, когда онъ заболѣваетъ холерой, гдѣ гнѣздится въ немъ эта болѣзнь? Санитарная бесѣда съ читателемъ о холерѣ. Москва, 1893 г. Ц. 80 к. 134 in 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книжки.

Стр.

Беллетристика: „Путь-дорога“. Изд. К. М. Сибирякова.—„Мозаика“. Е. Зеланда.—„Свой-чужие“. А. В. Крулова.—„Русскій художественный архивъ“.—„Притворная невѣрность“. А. С. Грибондова.—„Молодые супруги“. Ею же.—„Кто братъ, кто сестра“. Ею же.—„Звуки жизни“. О. Лурье 353

Педагогика: „Le rôle social des Universités“, par Max Leclerc.—„Древние языки въ среднѣмъ образованіи“. М. Бреала 359

Публицистика: „Армянскій вопросъ въ Турціи“. Г. А. Диева.—„Изъ эпохи великихъ людей“. Г. Джамилева.—„Элизе Реклю объ общественномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. А. Борзенко.—„L'année littéraire, avec une préface par Henrik Ibsen“, par Paul Ginisty 362

Исторія и биографіи: „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Н. П. Барсукова.—„Русско-византийскія изслѣдованія“. В. Васильевского.—„Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изданіе Ф. Павленкова 367

Путешествія: „Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу“. И. Я. Акинфьева.—„Путевые разсказы и замѣтки“. А. Филодимова 376

Политическая экономія и статистика: „Étude sur l'enseignement de l'économie politique dans les Universités l'Allemagne d'Autriche“, par Henri St.-Marc.—„Die Arbeiterinnen- und Frauenfrage der Gegenwart“, von Clara Zetkin.—„Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района владикавказской желѣзной дороги“. Ф. Щербини.—„Пермскій край“.—„Движеніе на населеніи въ Българскомъ княжествѣ прѣвъ 1891 година“.—„Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растений въ Примурскомъ краѣ въ 1891 г.“.—„Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи“. Гр. А. Д. Шереметева 377

Юридическія книги: „О промышленномъ ученичествѣ вообще и о договорахъ промышленнаго обученія въ особенности“. А. Ф. Федорова.—„Очерки первобытнаго права“. С. Галперина.—„Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ литовскаго статута“. С. Пташицкаю 386

Естествознаніе: „О теоріи растворовъ“. А. Горстмана.—„Чудесное въ наукаѣ“. Эммануилъ Дебо 389

Медицина: „Лекція о сравнительной патологій воспаленія“. *Ил. Мечникова*. — „Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней“. — „Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи“. *К. П. Сулима* 390

Техническія книги: „Практическій курсъ токарнаго искусства по дереву съ указаніемъ элементарныхъ приѣмовъ обработки металловъ на токарномъ станкѣ и многими рецептами по огнѣнкѣ дерева“. *М. А. Нетикса* 393

Сельское хозяйство: „Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ“. *М. Турскаго и Л. Яникова*. — „Практическое русское огородничество“. *В. Н. Маркуева*. — „Географическое распрежденіе града въ Европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности“. *В. А. Тарюнскаго*. — „Краткое практическое руководство къ правильному устройству и веденію сельскаго хозяйства въ сѣверной и южной полосѣ Россіи“. *К. Ф. Гагена*. — „Страхованіе отъ градобитія“. *В. А. Тарюнскаго* 394

Учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія: „Русская классная бібліотека“. *Изд. Чудинова*. — „Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты“. *А. Гусева*. — „Темы по предмету русскаго языка для старшихъ классовъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній и для низшихъ классовъ духовныхъ семинарій“. *П. Кремлева*. — „Избранныя стихотворенія“ *А. В. Колцова* 397

Справочныя книги: „Энциклопедическій словарь“. *Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. — „Настольный энциклопедическій словарь“. *Изд. товарищества А. Гранатъ и К^о*. 400

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, *юль*. — „Русскій Вѣстникъ“, *юль*. — „Русское Богатство“, *юль*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *юль*. — „Міръ Божій“, *юль* 402

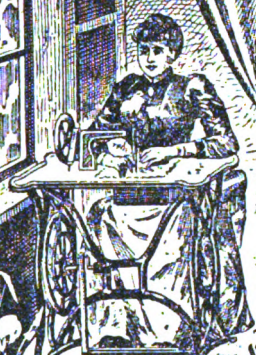
III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1893 г.

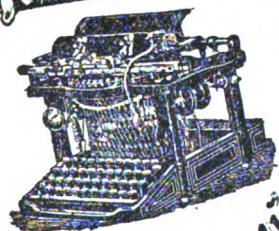
Торговый Домъ Ж. Блокъ

ОСНОВАНЪ
1862

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА
ОТДѢЛЕНІЯ:
ПЕТЕРБУРГЪ
ОДЕССА
ВАРШАВА
КОКАНДЪ

ЕКАТЕРИНБУРГЪ

Самый обширный
въ Россіи складъ:
ВЕЛОСИДОВЪ
ВѢСОВЪ * ШВЕДНЫХЪ
ЛИФТОВЪ И МАШИНЪ

И. Гасень. Ф.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

отъ Распорядительнаго Комитета Высочайше разрѣшеннаго IX сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 4 іюня 1893 года Положенія Комитета г. министровъ, министромъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаремъ графомъ Деляновымъ 19 іюня 1893 г. утверждены слѣдующія правила:

ПРАВИЛА

для IX сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ.

1. IX сѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ имѣть цѣлю споспѣшествовать ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, направлять эту дѣятельность, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и доставлять русскимъ естествоиспытателямъ случай лично знакомиться между собою.

2. IX сѣздъ, состоя, по примѣру предшествовавшихъ сѣздовъ, подъ покровительствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, находится въ вѣдѣніи г. попечителя московскаго учебнаго округа, отъ котораго зависятъ ближайшія распоряженія по устройству сего сѣзда.

3. Членомъ сѣзда можетъ быть всякій, кто научно занимается естествознаніемъ, но правами голоса на сѣздѣ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ и преподаватели сихъ наукъ при высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Никакого диплома на званіе члена IX сѣзда не выдается.

4. Засѣданія сѣзда бываютъ общія и частныя (по секціямъ); въ общихъ засѣданіяхъ читаются статьи общинтересныя и обсуждаются вопросы, касающіеся всего сѣзда; въ частныхъ засѣданіяхъ сообщаются и разбираются изслѣдованія и наблюденія, имѣющія болѣе специальное значеніе для одной изъ отраслей естествознанія.

5. Отдѣленія на сѣздѣ полагаются слѣдующія: а) по математикѣ (чистой и прикладной) и астрономіи, б) физикѣ, в) химіи, д) минералогіи и геологіи, е) ботаникѣ, ф) зоологіи, г) анатоміи и физиологіи человѣка и животныхъ, h) географіи, этнографіи и антропологіи, і) агрономіи, к) научной медицинѣ и л) научной гигиенѣ.

6) Члены академіи наукъ, преподаватели университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній (находящіеся внѣ столицы), желающіе принять участіе въ сѣздѣ, могутъ получать для этой цѣли командировки срокомъ отъ двухъ до четырехъ недѣль, смотря по разстоянію ихъ мѣстожительства отъ Москвы.

7) Сѣздъ имѣть быть съ 3 по 11 января 1894 г. въ зданіяхъ университета.

Довода о семъ до всеобщаго сѣздѣнія, Распорядительный Комитетъ покорнѣйше проситъ со всѣми необходимыми заявленіями и за разъясненіями дальнѣйшихъ подробностей, касающихся ближайшей организаціи сѣзда, обращаться съ 20 августа 1893 года къ предсѣдателю Распорядительнаго Комитета, К. А. Тимирязеву, въ Московскій университетъ.

Предсѣдатель Комитета *К. Тимирязевъ.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

Н. ФЕНУ И К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

- Аркольдъ, Ф. Русскій языкъ. Томъ I. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 4 р. За 3 тома 14 р.
- Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать девятая. Писма къ князю М. С. Воронцову А. И. Левшина, А. П. Бутенева, И. В. Сабанѣева. Москва, 1893 г. Цѣна 3 р.
- Вертрагъ, В. Уходъ за пчелкой. Календарь пчеловода. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Г. Кондратьева. Съ рисунками и 3-мя таблицами чертежей улья. Спб., 1893 г. Цѣна 90 к.
- Веберъ, К. Корзиночное производство по выдѣлкѣ корзиночныхъ кудлѣй и корзиночной мебели. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.
- Викстремъ, Д. Элементарный курсъ рисованія для городскихъ училищъ. Съ 36-ю таблицами рисунковъ. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.
- Вонковъ, Н. Краткое практическое виноградарство. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб., 1893 г. Цѣна 25 к.
- Воронковъ, Г. Дешевый лѣсомѣръ, дающій возможность измѣрять толщину дерева на известной высотѣ, не прибѣгая къ срубанію. Спб., 1893 г. Цѣна 20 к.
- Гавалевичъ, Ж. Вабочка. Матеріалы для повѣсти. Переводъ съ польскаго Л. Горбачевского. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Галь, К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Изд. 5-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Вильно, 1893 г. Цѣна 30 к.
- Горбачевскій, Л. Карманный русско-нѣмецкій словарь, болѣе 3,000 употребительнѣйшихъ словъ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.
- Горбачевскій, Л. Карманный русско-нѣмецкій словарь, болѣе 3,000 употребительнѣйшихъ словъ. Спб., 1892 г. Цѣна 50 к.
- Европейская библиотека, № 2-й. Избранная мысль Сафира. Переводъ подъ редакціей П. Вейнберга. Спб., 1893 г. Цѣна 30 к.
- Егоровъ, Я. Русская грамматика въ примѣрахъ или какъ научиться толково и грамотно писать по-русски. (Для семьи и школы и для самообученія). Отд. I—звукъ. Москва, 1893 г. Цѣна 10 к.
- Эйхенблѣкъ, Ф. Очищеніе химическимъ способомъ воды для питья. Изъ гигиенической лабораторіи военно-медицинской академіи. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.
- Избранные нѣмецкіе писатели для школы съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ф. Андерсона. Шиллеръ. Орлеанская дѣва. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.
- Избранные нѣмецкіе писатели для школы съ введеніемъ примѣчаніями и словаремъ О. К. Андерсона. Шиллеръ. Марія Стюартъ. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.
- Костеръ, Ж. Гимнастика: нарощеніе мышць гириями. Полное руководство, съ рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 25 к.
- Крейтцъ, С. Уходъ за здоровыми и больными дѣтми съ первыхъ дней ребенка до юношескаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 60 к.
- Котельниковъ, Бесѣды по земледѣлію (выпускъ 1-й). О почвѣ и ея обработкѣ. Изданіе 5-е. Спб., 1893 г. Цѣна 30 к.
- Кривошъ, В. Самоучитель русской скорописи (стенографія). Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Лѣсковъ, П. Собраніе сочиненій. Т. 11-й. Спб., 1893 г. Цѣна 3 р.
- Любимая книжка. Для малютокъ. Картинки на палькѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 35 к.
- Лихидъ, А. Новый всеобщій языкъ „Франкоазія“. Спб., 1893 г. Цѣна 20 к.
- Мартосъ, Г. Начинаящимъ велосипедистамъ безопасный велосипедъ. Обученіе и ѣзда на велосипедѣ. Дѣйствіе велосипеда на здоровье. Распространеніе велосипеда въ Россіи. Гоним. Дальнія поѣздки. Костюмъ велосипедиста. Уходъ за велосипедомъ и исправленіе легкѣхъ поврежденій. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Медерсидъ, К. Высшее сельско-хозяйственное образование въ Россіи и за границей. Сиб., 1893 г. Цѣна 3 р.

Молотовъ, А. Отголоски 60-лѣтнихъ очерки и рассказы. Томъ I. Сиб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Модякоидъ, А. Деревня Мохово. Вытовой очеркъ. Сиб., 1893 г. Цѣна 10 к.

Плеховъ, Н. Подробный спутникъ на всемирную выставку въ Чикаго съ приложеніемъ англо-русскихъ разговоровъ и картой пути. Сиб., 1893 г. Цѣна 80 к.

Реуэтъ, А., 4-г. Неврозы влечника у неврастениковъ. Книжечка для неврастениковъ. Кинешная неврастения. Перев. съ нѣмецкаго А. Мендельсона. Сиб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія. Изданіе А. Алексѣева. Rollin Charles Biographies

d'Homescélèbres de l'antiquité. (Сократъ, Брезъ, Мильтиадъ, Демосфенъ, Персенна, Югурта). Составилъ Ф. Крейсбергъ. Вып. 10-й. Сиб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Сталковский, К. Первые шаги. Романъ. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.

Торгола шеротъ въ 1892 г. (Изъ „Вѣстника финансовъ“). Сиб., 1893 г. Цѣна 75 к.

Цыжмерка, Э. Въ глубь Азіи. Поѣздка въ Самаркандъ. Съ рисунками въ текстѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 25 к.

Яковлевъ, П. Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ. Съ 17-ю рисунками въ текстѣ. Сиб., 1893 г. Цѣна 40 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Въ пользу „Общества вспомошествованія переселенцамъ“

вышелъ и поступилъ въ продажу художественно-литературный

СБОРНИКЪ

„ПУТЬ - ДОРОГА“,

въ который вошли статьи и стихотворенія: гг. Баранцевича, Барыковой, В. В., Гарина, В. М. Гарина (посмертное стихотвореніе), Гольцева, Засодимскаго, Златовратскаго, Кауфмана, Ковалевскаго, Кривенко, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Мачтета, Мерожковскаго, Минскаго, В. П. Острогорскаго, Я. Полонскаго, Потапенка, Скабичевскаго, Вл. Соловьева, Л. Н. Толстого, Цибриковой, Чехова, Щедрина (автобиографическое письмо-факсимиле), Ядринцова, Янжула и друг. Изъ иностранныхъ писателей дали свои произведенія Бурже, Вильденбрухъ и Гартманъ (философъ).

Сборникъ украшенъ произведеніями художниковъ: Архипова, Бемъ, Васнецова, Го, Дмитріева-Кавказскаго, Загорскаго, Зоженко, Касаткина, Киселева, бар. Клодта, Крамского, Лебедева, Малышева, Неврева, Орловскаго, Перапетчикова, Пиюженка, Полѣнова, Рѣпина, Савицкаго, Шарлеманя и друг.

Цѣна сборника 3 руб. 50 коп., съ пересылкой 4 руб., на лучшей вѣленовой бумагѣ 5 руб., съ пересылкой 6 руб.

Главный складъ изданія въ редакціи «РУССКАГО БОГАТСТВА», Литейная № 46.

СЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЮ ЦѢЛЮ.

Въ книжныхъ магазинахъ Барбасникова, „Новаго Времени“, Барцева, Прянишниковъ, Думнова, Скорова и друг. поступило въ продажу

4-е значительно дополненное изданіе новой книги:

„ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ“.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Гр. ДЖАНШІЕВА.

Съ портретомъ В. А. АРЦИМОВИЧА.

СОДЕРЖАНІЕ: Посвященіе Бѣлинскому. Предисловія.—В. А. Арцимовичъ † 2 марта 1898 г.—ГЛАВА I. Объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе.—ГЛАВА II. Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ.—ГЛАВА III. Сподвижникъ Царя-Освободителя Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—ГЛАВА IV. Къ 30-лѣтію отмены тѣлесныхъ наказаній.—ГЛАВА V. Университетскій уставъ 1863 г.—ГЛАВА VI. Земское самоуправленіе.—ГЛАВА VII. Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 г.—ГЛАВА VIII. Первые шаги безцензурной печати.—ГЛАВА IX. Судебные уставы Александра II.—ГЛАВА X. Предтечи гласнаго суда.—ГЛАВА XI. Открытіе „новаго суда“ въ Петербургѣ.—ГЛАВА XII. Открытіе новаго суда въ Москвѣ и въ провинціи.—ГЛАВА XIII. Учрежденіе мирового суда. Post-scriptum (либерализмъ и новый судъ). ГЛАВА XIV. Какъ возникло московское юридическое общество.—ГЛАВА XV. Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“.—ГЛАВА XVI. Юбилейныя справки: 1) В. Д. Спасовичъ; 2) Н. И. Стояновскій; 3) А. М. Унковскій; 4) А. А. Головачевъ; 5) Е. П. Старцкій; 6) В. Н. Герардъ; 7) И. Я. Фойницкій.—ГЛАВА XVII. Скорбныя справки: 1) И. М. Остроглазовъ; 2) П. Н. Гревковъ; 3) П. Я. Александровъ.

Стр. 583+LX и двѣ бібліотечныя карточки.

Складъ въ конторѣ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 30 коп.

Поступила въ продажу новая брошюра:

Гр. А. Діевъ.

АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ТУРЦІИ.

(Изъ перенески съ стамбульскимъ публицистомъ).

Цѣна **40** коп.

Продается въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Барбасникова, на Моховой; въ Тифлисѣ: въ Центральномъ книжномъ магазинѣ.

Египтъ—отъ $\frac{1}{30}$ до $\frac{1}{60}$ пиастра (пиастръ=5 $\frac{1}{2}$ /о к.).
Мадисонъ (Madison), главный городъ сѣвероамериканскаго штата Висконсинъ; университета, 10324 жит.

Mediterraneum, mare M., латинское названіе Средиземнаго моря.

Медицина, medicina, наука о здоровьи и болѣзняхъ человѣка и вѣдѣніи съ тѣмъ искусство сохранять здоровье, предупреждать и лѣчить болѣзнь. Какъ наука, М. есть часть естествознанія, и движеніе ея во всё времена находилось въ прямой зависимости отъ успѣховъ послѣдняго. М. развѣтвляется на рядъ отдѣльныхъ наукъ, образующихъ двѣ основныя группы, въ коихъ одна изучаетъ здоровый, другая—болѣзнь организмъ. Первая, физиологическая группа обнимаетъ анатомію съ гистологіей, физиологию съ физиологич. химіей; вторая, патологич. группа—патологию, нозологию, патологич. анатомію и этиологию, авианестику и патогенію, симптоматологию, семіотику, діагностику и прогностику. **Прикладная М.** состоитъ изъ гігіены, профилактики и собственно науки о лѣченіи болѣзней или терапіи, которая распадается на общую и частную; послѣдняя имѣетъ задачей лѣченіе отдѣльныхъ видовъ болѣзней. Сюда же примыкаютъ: фармакологія, фармакодинамика, фармакогнозія и фармація съ рецептурой. Отдѣльныя вѣтви патологич. и терапіи суть: хирургія, гинекологія, акушерство, педиатрія, отіатрія, офтальматрія, психіатрія, зубоврачебная наука. **Судебная М.** есть приложеніе медицинскихъ знаній къ вопросамъ права. Въ новѣйшее время все болѣе выясняется, что плодотворное изученіе и пониманіе болѣзней человѣка невозможно безъ знанія патологич. животныхъ и даже растений. И вотъ, на ряду съ сравнит. анатоміей и физиологіей, соиздается, на нашихъ глазахъ, **сравнительная патологія**, въ рукахъ которой—будущее медицины (см. сл. **Мечниковъ**).—Въ древнія времена лѣченіе недуговъ было тѣсно связано съ религіознымъ культомъ. У индусовъ, арабовъ, египтянъ и грековъ лѣчили жрецы, которымъ это искусство было, по общему тогда вѣрованію, сообщено первоначально божественнымъ откровеніемъ. У грековъ храмы Эскулапа, сына Аполлона, были долгое время единственнымъ мѣстомъ, гдѣ страдающіе локалы и находили исцѣленіе. Научная М. начинается съ Гиппократъ (род. въ 460 г. до Р. X.), который обладалъ гениальною наблюдательностью, ставилъ меточникомъ всякаго знанія точное и систематическое изслѣдованіе у посталя больного и такимъ образомъ является основателемъ **эмпирической школы**. Ея наука обязана массою цѣнныхъ, понятий не лишенихъ значенія наблюденій. Изъ Александрій греческая медицина перешла къ римлянамъ, и Бемисонъ основалъ школу **методиковъ**, которые старались отыскать признаки, общіе различнымъ болѣзнямъ, свести послѣднія къ немногимъ типамъ и для каждого типа найти соответственное лѣченіе. Цельсъ, около 30 л. до Р. X., собралъ весь накопившійся къ тому времени запасъ знаній и критически освѣтилъ ихъ. За снмъ слѣдуетъ въ I в. послѣ Р. X. школа **тесематиковъ**, по ученію которой источникомъ всякой дѣятельности въ организмѣ служитъ воздухо-

образное начало, **тесема**. Школа эта основана **Атенеумъ**, ученикъ котораго **Адиммусъ** изъ Спарты, около 90 г. по Р. X., основалъ **электическую школу**, послѣднюю изъ медицинскихъ школъ древности. Въ эту эпоху жилъ эмпириконецъ Галенъ, создавшій теорію отдѣльныхъ болѣзней и болѣзненныхъ симптомовъ и втеченіе наступившихъ вѣковъ средневѣковаго вѣстоа въ наукѣ служившій единственнымъ авторитетомъ. Въ X и XI вв. прогрессивное движеніе М-ы сосредоточивается въ рукахъ арабовъ, и „Кавонъ“ **Авиценны** служитъ, вплоть до XVI ст., лучшимъ и обширѣйшимъ руководствомъ для врачей. Въ это же время не мало способствовали процвѣтанію и сохраненію науки еврейскіе врачи, многіе изъ которыхъ состояли лейбъ-медиками коронованныхъ особъ. Съ эпохой реформачіи и открытій книгопечатанія совпадаетъ гигантскій переворотъ въ М-ѣ, созданный возрожденіемъ **анатоміи** и быстро слѣдовавшими одно за другимъ открытійми въ этой наукѣ. Достаточно вспомнить имена **Везалия** (утверждающаго, что рисунки къ его знаменитому соч. объ устройствѣ человѣч. тѣла принадлежать **Тичіану**), **Фаллопія** (ум. въ 1562 г.), **Весталія** (ум. въ 1579 г.). На границѣ среднѣхъ вѣковъ появляется личность **Парацельса**, который разбиваетъ арабскую и римскую системы и пытается дать М-ѣ болѣе широкое, идеальное направленіе. Вся природа, учить онъ, есть одно живое цѣлое, въ которомъ нѣтъ ни остановки, ни смерти, но существуетъ лишь безостановочное развитіе въ силу внутренняго принципа. Болѣзнь—это живое существо, паразитическое растеніе съ самостоятельными, индивидуальными жизненными процессомъ, развивающаеся въ другомъ, вышемъ организмѣ. Это ученіе является поразительнымъ предчувствіемъ современной теоріи инфекціонныхъ болѣзней. На исцѣленіе Парацельсъ смотрѣлъ, какъ на индивидуальное-специфическій процессъ, развиваемый самой жизнью и побѣждающій болѣзнь. Цѣлебныя средства, агалла, это какъ бы сѣмена, развивающія въ нѣдрахъ самого организма новую жизненную енергію для борьбы съ болѣзнями. Послѣдующая **эмпирическая школа**, примкнувшая отчасти къ Парацельсу, расширила роль химіи и старалась привлечь эту науку къ объясненію органической жизни. Ванъ-Гельмонтъ соединилъ естественно-научное направленіе съ мистическимъ и утверждалъ, что вся природа воодушевляется соиздающимъ принципомъ, Археомъ. Лѣченіе должно быть направлено къ успокоенію разнѣванного Архея, для чего онъ употреблялъ, кромѣ „агала“, вино, опій, ртуть и пр. **Атмометаматическая школа** объясняла явленія жизни законами статика и гидравлики и, находясь подъ вліяніемъ Бюфена, Веруламскаго и Декарта, смотрѣла на М-у, какъ на часть прикладной математики и механической физики. Въ 17 вѣкѣ **Гарвей** (1578 — 1657) открываетъ кровообращеніе и возвѣщаетъ принципъ: „все живое изъ яйца“. Онъ является настоящимъ творцомъ новой физиологич; радомъ съ этикой идутъ великія анатомич. и микроскопич. открытія, связанныя съ именами **Малпигіи** и **Лесвука** (см. соотв. слова). Великій врачъ **Сейденгамъ** (1624—1689) возвратилъ М-у на путь естество-

дународную торговлю можно сравнить съ вѣсами (balance), вывозъ и ввозъ подобны чашкамъ вѣсовъ, и перевѣсомъ той или другой (торговымъ балансомъ) рѣшается вопросъ, приливать ли деньги въ страну, которая въ такомъ случаѣ богатѣетъ, или они уходятъ изъ нея, и она бѣднѣетъ. 5. Благого состояніе населенія тѣмъ выше, чѣмъ шире область для приложанія его труда. 6. Хозяйственное процвѣтаніе страны находится въ прямомъ отношеніи къ размѣрамъ ея населенія. 7. Прибыль отъ вывоза значительнѣе, если предметомъ его служатъ не сырые, а обработанные продукты. 8. Наиболѣе выгодно торговля съ политически слабыми странами или съ находящимися въ полномъ подчиненіи колоніями. 9. Только плановѣрое вмѣшательство государства придаетъ торговлѣ ту форму, въ которой она наиболѣе полезна для страны. 10. Перевѣсъ въ торговлѣ сопровождается политическимъ преобладаніемъ. — Какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Англія является мѣстомъ, гдѣ съ наибольшей отчетливостью можно прослѣдить ходъ развитія М-а какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Съ проявленіями его мы встрѣчаемся здѣсь уже въ XIV в. Первоначально правительство прибѣгало къ прямому воздѣйствію на денежное обращеніе. Былъ запрещенъ вывозъ благородныхъ металловъ; англицамъ, возвѣвшимъ свои товары на континентъ, предпринималось продавать ихъ только въ опредѣленныхъ «складочныхъ мѣстахъ» („staples“), какъ Антверпенъ, Брюгге, Труа (въ Шампани), Кале, и известную часть выручки привозить обратно въ Англію въ видѣ монеты; иностранные купцы, привѣзавшіе въ Англію, обязаны были въ силу законовъ объ „истраченіи“ (statutes of employment); самый обширный ихъ кодексъ изданъ при Генрихѣ VI въ 1440 г.) расходовать свои деньги на покупку туземныхъ товаровъ и съ этой цѣлью были поставлены подъ бдительный контроль такъ наз. „хозяевъ“ (hosts) изъ мѣстныхъ купцовъ, „смычковъ“ (searchers), „надемотрищниковъ“ (customers). Съ развитіемъ торговли и переходомъ операций по ввозу въ руки английскихъ же купцовъ (Merchants-Adventurers и др. компаній) эти мѣры становятыся неудобнопонимными; является также сознаніе ихъ неразумности съ точки зрѣнія самого М-а, такъ какъ важна, вѣдь, не абсолютная цифра ввоза и вывоза благор. металловъ, а разница между ними (Менъ). Заботы правительства сосредоточиваются на достиженіи выгоднаго торговаго баланса путемъ расширенія отпускной и сокращенія ввозной торговли. Такъ какъ мануфактурныя издѣлія обладаютъ значительною цѣнностью и при несомнѣнномъ сравнительно объемѣ легче могутъ быть доставлены на иностранные рынки, то развитіе мануфактурной промышленности признается одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ. Съ этой цѣлью прибѣгаютъ прежде всего къ таможненнымъ мѣропріятіямъ: запрещается ввозъ мануфактурныхъ товаровъ, или они облагаются высокими пошлинами, вывозъ же ихъ поощряется при помощи премій. Чтобы расширить поле дѣятельности для туземной промышленности, запрещается вывозъ сырья, причѣмъ не послѣднюю роль играетъ опасеніе, что вывезенные сырые продукты вернутся назадъ обработанными, и денежная разница въ ихъ

цѣнности достанется иностранцамъ; по тѣмъ же мотивамъ ввозъ сырья допускается безпредѣлительно. Правительство, однако, не ограничивается одними мѣрами запрещенія и покровительства; чтобы довести до высокой степени совершенства отечественныя издѣлія и обезпечить т. о. за ними первенство на всемирномъ рынкѣ, оно поощряетъ иммиграцію искусныхъ мастеровъ, слѣдитъ при посредствѣ своихъ заграничныхъ агентовъ за всѣми появляющимися тамъ техническими усовершенствованіями, подвергаетъ промышленность строгой регламентаціи и контролю, которые простираются на самую технику производства, качество издѣлій, цѣну ихъ и пр. и по своей мелочности ни въ чемъ не уступаютъ прежнему надзору цеховъ и корпораций. Далѣе, въ видахъ удешевленія товаровъ, оно старается сдѣлать дешевымъ создающій ихъ трудъ; сюда кляются: запрещеніе вывозить хлѣбъ и установленіе таксы на предметы продовольствія рабочихъ, регулированіе самой заработной платы путемъ назначенія максимума, его поощрительныя мѣры къ разномноженію народонаселенія и пр. Чтобы обезпечить сбытъ английскимъ товарамъ, государство ревностно заботится о приобрѣтеніи новыхъ колоній, которымъ не даетъ заводить собственныхъ мануфактуры, торговлю же съ ними оно объявляетъ монополіей своихъ купцовъ; старается заключать выгодные торговые трактаты съ другими странами. На ряду со всѣми этими мѣрами, поощряется судоходство и кораблестроеніе, основаніе большихъ торговыхъ компаній, свѣжаемыхъ обширными привилегіями и монополіями (вапр. Ротъ-Индская комп.) и пр. Аналогичной, въ основнхъ чертахъ, политикѣ слѣдовали Франція, Голландія, Испанія и др. страны. Апогея своего развитія М. достигъ въ XVII в. (навигаціонный актъ Кромвелля въ Англіи, система Кольбера во Франціи), затѣмъ начинается его упадокъ. Послѣдательное проведеніе его началъ въ международной торговлѣ стало невозможнымъ, какъ только ими стали руководиться большинство государствъ: пошла въ ходъ взаимная торговая репрессалия, которая нерѣдко приводила къ военнымъ столкновеніямъ. Съ другой стороны, сама промышленность, которая быстро шла впередъ въ своемъ развитіи, стала находить правительственную опеку чрезчуръ стѣснительной. Начавшаяся въ жизни реакція противъ М-а отразилась и въ ходѣ экономическихъ идей и, идя слѣсепдо, завершилась въ ученіи физіократовъ и Адама Смита. На практикѣ М. продолжалъ держаться до конца XVIII в., а многія изъ его положеній, въ смягченной и родственной ему формѣ протекционизма, находятъ и теперь многочисленныхъ сторонниковъ. Основныя ошибки М-а заключаются въ преувѣщеніи роли денегъ и торговаго баланса въ народномъ хозяйствѣ, въ возложеніи слишкомъ большихъ надеждъ на всемогущество правительственной опеки въ дѣлѣ содѣйствія экономическому процвѣтанію страны, въ одностороннемъ покровительствѣ торговлѣ и промышленности, въ ущербъ законнымъ интересамъ земледѣлія и рабочаго класса. Для правильной оцѣнки М-а слѣдуетъ, однако, помнить, что деньги отнюдь не всѣми м-стами признавались единственною формою богатства; многіе изъ нихъ были все-

Михайловскіи, названіе многихъ крупныхъ сель-
хъ свободъ Екатериновской, Курской, Харьков-
ской, Тамбовской и др. губ.; изъ нихъ при де-
рехъ М.-в. Самарской губ., Бузурулскаго уѣзда,
по берегу р. Шугуты находятса нефтяныя ключи.

Михайловская, казачья станція области Войска
Донскаго, Хоперскаго окр., на лѣвомъ берегу рѣки
Хопра; 17848 ж. Ежегодне 3 ярмарки, изъ кото-
рыхъ самая значительная Крещенская или Бого-
явленская (съ 25 декабря до 12 января).

Михайловскій 1) Николай Константиновичъ, со-
временный публицистъ и критикъ, род. въ 1842 г.
въ г. Мещовѣхъ Калужской губ. Происходя изъ
бѣдной дворянской семьи, М. К. получилъ образо-
ваніе въ горномъ корпусѣ, хотя понаге курсъ и
не окончилъ. Сначала М. мечталъ объ адвокатурѣ,
но скоро литературныя наклонности взяли въ немъ
верхъ, и съ 1860 г. онъ безповоротно отдается
журналистикѣ. Первой статьёй Н. К. была крити-
ческая замѣтка по поводу „Обрыва“ Гончарова,
помѣщенная въ журналъ Крещина „Разсвѣтъ“
(1860). Затѣмъ работы его начинаютъ появляться
на страницахъ различныхъ журналовъ („Современ-
ное Обозрѣніе“ Тиблена, „Невскій сборникъ“
В. Курочкина, „Надѣя“); но важнѣйшій періодъ
его дѣятельности принадлежитъ „Отечественнымъ
Запискамъ“, въ которыхъ онъ сотрудничалъ съ
1868 г. до самаго ихъ закрытія. Въ послѣднее
время М. принималъ участіе въ „Сѣверномъ
Вѣстникѣ“, „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдо-
мостяхъ“ и „Русскомъ Богатствѣ“. — Замѣтки
юриспруденціи незаметно привели молодого ан-
татора къ изученію философскихъ системъ и прежде
всего Гегеля и Прудона. Мало-по-малу изъ него
выработался весьма своеобразный типъ *асури-
миста-мыслителя*. Характерную черту Н. К.
составляетъ глубокое и вѣрное пониманіе насущ-
ныхъ потребностей своего времени. Онъ взялъ на
себя нелегкую задачу стать провѣщеннымъ по-
средникомъ между наукой и обществомъ и надле-
жающимъ образомъ уяснить тѣ вопросы, которые
уже трактовались въ печати и обществѣ, но крайне
общично. Позитивизмъ, теорія Дарвина, социоло-
гическое ученіе Спенсера, педагогика, женскій
вопросъ, тѣ или другія явленія литературы—все
это находило талантливую, обстоятельную оцѣнку
въ статьяхъ Н. К. Благодаря смѣлому, фило-
софски развитому уму и обширной эрудиціи, М.
не только сумѣлъ популяризовать научныя и
общественныя идеи, но и обогатилъ науку новыми
выводами. Самостоятельное, критическое отношеніе
къ западно-европейскимъ и отечественнымъ автори-
тетамъ ярко выстаетъ въ каждой работѣ М.-аго, и
это качество, несомнѣнно, имѣло большое воспи-
тывающее вліяніе на русскаго читателя. Принимая,
напр., основныя положенія позитивизма о грани-
цахъ изслѣдованія, классификаціи наукъ Конта,
его субъективный методъ въ общественной наукѣ,
Н. К. отрицательно смотритъ на другія стороны
ученія Конта. Но особенно много сдѣлалъ М. для
соціологій. Хотя взгляды его раскритикованы въ отдѣль-
ныхъ статьяхъ, представляющихъ по большей
части разборъ сочиненій Спенсера, Южакова и др.,
тѣмъ не менѣе для всякаго очевидно, что авторъ
вездѣ преводитъ одну и ту же стройную социоло-

гическую теорію. М. не соглашается съ тѣмъ по-
ложеніемъ, что общество слѣдуетъ разсматривать,
какъ единый организмъ, въ члены котораго
играютъ лишь служебную роль по отношенію къ
цѣлому. Онъ горячо отстаиваетъ право каждаго
индивидуума на совершенствованіе, выражающееся,
согласно Бору, Милья-Эдгардеу и пр., въ из-
вѣстной степени сложности организма, болѣе или
менѣе значительной дифференціаціи его частей.
Соціальный прогрессъ рисуется М.-мъ въ видѣ гар-
моническаго примиренія интересовъ общества и лич-
ности, такого порядка вещей, когда цѣлое предо-
ставляетъ полную свободу развитія каждой единицѣ,
входящей въ его составъ. Вотъ исходная точка зрѣ-
нія М.-аго. Въ статьяхъ публицистическихъ и кри-
тическихъ М. остается тѣмъ же мыслителемъ,
чутко отзывавшимся на назрѣвшіе вопросы дня
и времени, по поводу которыхъ онъ смѣло вы-
сказываетъ свое вѣское, строго продуманное слово,
подкрѣпленное солидной аргументаціей. Наиболѣе
крупныя критическія работы касаются эксперимен-
тальнаго романа (противъ натурализма Золя),
Писемскаго, Достоевскаго, Тургенева, Гл. Успен-
скаго, Л. Толстаго, Щадрова и т. д. Воспитанный
на традиціяхъ 60-хъ годовъ, Н. К. въ теченіе
болѣе 30 лѣтъ шелъ по одной и той же до-
рогѣ, служилъ, говоря его словами, одной и той же
правдѣ. Сочиненія М.-аго вышли въ 6 том.; нѣко-
торыя его работы существуютъ и въ отдѣльныхъ
изданіяхъ (критическіе этюды о Щадринѣ, о
Л. Толстомъ, вступительныя сдѣлки къ соб-
ранію сочиненій Гл. И. Успенскаго и Н. В.
Шенгулова, сборникъ „Литература и жизнь“ и
пр.). 2) М., Василій Яковлевичъ, протоіерей
род. въ 1834 г.; кончилъ въ 1859 г. курсъ въ,
петербургской духовной академіи со степенью ма-
гистра богословія; былъ нѣкоторое время балка-
лавромъ казанской духовной академіи, устроилъ
въ Спасо-Богородицкой въ Петербургѣ церкви фар-
форовой иконостасъ и началъ издѣвать впервые
въ Россіи копѣечныя воскресныя листки. М. напи-
салъ очень много богословскихъ сочиненій, жур-
нальныхъ статей, учебниковъ по Закону Божію,
житію святыхъ, объясненій притчиновъ, попу-
лярныхъ книгъ для народа духовно-нравственнаго
одержанія и т. п. Изъ его отдѣльно-изданныхъ
сочиненій наиболѣе важны „Библейскій богословскій
словарь“ (1869).

Михайловскій-Даниловскій, Александръ Ивано-
вичъ, военный историкъ, род. въ 1790 г. Въ
молодости, ране выйдя въ отставку, М.-Д.
долго путешествовалъ по Германіи, гдѣ, между
пр., занимался въ геттингенскомъ университетѣ,
и Италіи. Съ 1812 г. и до начала 30-хъ гг. онъ
ведетъ почти непрерывную боевую дѣятельность.
Въ компаніи 1812 г. состоялъ адъютантомъ при
Кутузовѣ и былъ раненъ при Тарутинѣ, въ 1813-14
гг. — при начальникѣ штаба, Волконскомъ; въ
1828-29 гг. участвовалъ въ Турецкой кампаніи
наконецъ въ 1831 г. былъ раненъ при Грохевѣ
въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ. Въ
1835 г. онъ сдѣлалъ сенаторомъ и предсѣдате-
лемъ военно-цензурнаго комитета, а съ 1839 г.
членомъ военнаго совѣта. Частію по Высочайшему
повелѣнію онъ оставалъ рядъ описаній пережи-

знания и обратилъ особенное вниманіе на проясненіе виденійч. болѣзней. Въ XVIII в. развитію М-м особенно способствовали: *Стамм*, разсматривавшій тѣло, какъ непосредственное орудіе души, аніма, составляющей единственное дѣятельное и переходящее начало въ моментъ зачатія; *Горфманнъ*, сведеній въ болѣзненные явленія къ физическимъ и механич. законамъ; *Берноу*, отягчавшійся широтою философск. мысли и необходимымъ преподавательскимъ талантомъ; *Галлеръ* (1708—1777), оказавшій громадную услугу анатоміи, физиологіи и ботаникѣ и создавшій *солидарную* теорію, которая объясняла жизненные явленія, г. е. образъ, дѣятельность плотныхъ частей тѣла, именно „раздражительною“ мышечной и нервной системъ. *Гамессонъ* призналъ въ раздражительности основную органич. силу, присущую также крови, другимъ тканямъ и даже костямъ. *Галлеръ* отличалъ отъ раздражительности „нервную силу“, сосредоточенную въ головномъ мозгу и нервахъ и направляющую всю жизнь въ организмъ. Открытіе явленій электричества дало мощнѣйшій толчокъ къ развитію М-м и, между прочимъ, породило ученіе о тождествѣ жизненнаго процесса съ гальваническими. *Броннъ* (1735—88) смотритъ на жизненные явленія, какъ на продуктъ внѣшнихъ раздраженій. Жизнь только и разнится отъ смерти фактомъ возбужденности; онъ зналъ лишь 2 болѣзни: стению и астению и, пропорціонально плосу или минусу возбужденности, направлялъ лѣченіе. Съ этимъ ненаучнымъ ученіемъ, увлекшимъ неподготовленные умы, упорно боролись трезвые наблюдатели, какъ-то: *Гуффеландъ*, *Фрамъ*, котораго „*Epitome de curandis hominum*“ никогда не потеряетъ своего значенія; *Рейль*, написавшій замѣчательныя изслѣдованія о строеніи мозга и о лѣченіи лихорадки. Оживляющій толчокъ къ развитію М-м дала швейцарская натурфилософія; въ особенности это отразилось на физиологіи. Къ этому же времени относится появленіе *гомеопатіи*. Основатель ея, *Ганеманнъ* (1755—1843), училъ, что болѣзнь—не есть органич. процессъ развитія, а нарушеніе динамич. равновѣсія въ тѣлѣ, что силами природы исцѣленіе совершится не можетъ, и что одна болѣзнь нагоняется другою. Вѣдоизмѣненіемъ гомеопатія явилась *экзотикой*, извратившая принципъ Ганеманна въ томъ смыслѣ, что болѣзнь излѣчивается тѣмъ, что вызвало ее: „*similia similibus curantur*“. Начало XIX вѣка знаменуется необычайнымъ и всестороннимъ развитіемъ анатоміи и физиологіи. Особенно выдаются имена *Винна* и *Вурдхага*. *Шгалейнъ*, исходя изъ парадельсоваго положенія, что болѣзнь есть низшая форма жизненнаго процесса, паразитирующая въ организмѣ, создалъ носологическую систему, подобно Линнею, сгруппировавъ болѣзни на основаніи анатомич. и физиологич. признаковъ, географич. распространенія и пр. Экспериментальныя изслѣдованія *Орффилла*, *Максанда* и др. выдвинули *токсикологію*. Въ послѣдніе годы во всѣхъ отрасляхъ М-м сдѣлано больше, чѣмъ въ предшествующія 2 тысячелѣтія. Современная М. отличаетъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что отбрасывалась отъ априористической, спекулятивной философій и признаетъ лишь то, что открывается здоровыми пятью чувствами и трезвой логикой.

Анатомія, съ помощью микроскопа, открыла въ строеніи тѣлѣчайшихъ частей тѣла. Физиологія стремится—и съ успѣхомъ—свести всѣ жизненные явленія къ физическимъ и химическимъ явленіямъ. Поступившіе, выслушавшіе и другіе методы изслѣдованія большого человѣка значительно расширили кругозоръ врачебнаго наблюденія. Патологич. анатомія *Рокитанскаго* и *Целлюларна* патологія гениальнаго *Вирхова*, а равно позднѣйшія открытія *Комейма*, *Мечникова* и др. озарили небывалымъ свѣтомъ сущность и происхожденіе болѣзней. Быстро совершенствуются также отдѣльныя вѣтви практич. М-м, б. г. одаря антисептикѣ, изобрѣтенію офтальмоскопа, ларингоскопа и пр. Нужно надѣяться, глядя на эти гигантскіе успѣхи, что въ будущемъ и *медицинѣ* (особенно внутренней—самая отсталая изъ всѣхъ мед. наукъ) получить, наконецъ, истинно-научную основу, и М. сдѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть: искусствомъ удлинить, облегчить и ускорить жизнь.

Медицинская статистика, наука, имѣющая цѣлью собраніе и разработку цифровыхъ данныхъ, касающихся рождаемости, заболѣваемости и смертности человѣческаго рода. *Общая М.* с. изслѣдуетъ продолжительность жизни и смертность людей въ различныхъ странахъ. *Частная М. с.* разсматриваетъ каждую отдѣльную болѣзнь по отношенію къ числу жителей въ отдѣльныхъ странахъ, смертность отъ нея, вліяніе улучшенныхъ гигиеническихъ условій и различныхъ способовъ лѣченія, различныхъ операций и проч. Не ограничиваясь собраніемъ голыхъ фактовъ, М. с. старается воспользоваться ими въ видахъ улучшенія условій жизни. Статистика указала, напримѣръ, на смертность отъ осмы до и послѣ введенія оспопрививанія. Изслѣдуя, сколько выдворовѣло и сколько умерло въ различныхъ странахъ, въ одно и то же время, мы съ несомнѣнностью убѣждаемся въ благотворномъ вліяніи предохранит. прививокъ. Сравненіе цифръ выясняетъ далѣе, что надежнѣе, животна или гуманизированная лицифа и пр. М. с. выдѣлила важное значеніе для городовъ хорошей проведенной воды. Констатированіе громадной смертности дѣтей въ большихъ городахъ выяснило важность лѣтнихъ колоній для бѣдныхъ дѣтей въ деревнѣ или на морскомъ берегу. М. с. показала, что на известной высотѣ люди не умираютъ отъ чахотки,—и это повело къ устройству высокихъ лѣчебныхъ стампій, гдѣ чахотка протѣкаетъ чрезвычайно благоприятно и излѣчивается чаще, чѣмъ при всякихъ другихъ условіяхъ. Согласно М. с.-ѣ, многіе люди сдѣлаются оттого, что въ первые дни ихъ жизни оставляютъ безъ лѣченія незначительное воспаленіе галъзъ; многіе остаются глухими и глухонѣмыми только оттого, что не обращено было вниманія на катаръ средняго уха, остающійся нерѣдко послѣ кори и скарлатины. Уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какую широкую область захватываетъ М. с., и какая важная роль должна быть отведена этой наукѣ.

Медич. знамен. флорентинская фамилія, предстательница которой (*Медичисси*) уже въ XIII в., благодаря удачнымъ торговымъ предпріятіямъ, достигла богатства и могущества. Когда въ борьбѣ гвельфовъ и гибеллиновъ Флоренція стала во главѣ партіи

Мерико, донъ Джеронимо, испанскій партизанъ; род. въ 1770 г. Сперва былъ священникомъ, потомъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ французамъ за независимость Испаніи и своею храбростью снискалъ себѣ извѣстность. Когда въ 1820 г. въ Испаніи была восстановлена конституція, онъ выступилъ противъ нея и принялъ участіе въ междоусобной войнѣ, какъ защитникъ абсолютизма. Послѣ смерти короля Фердинанда VII М. сталъ на сторону донъ-Карлоса и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его сторонниковъ. Послѣ поражения карлистовъ удалился во Францію, гдѣ и умеръ въ 1847 г.

Мериносъ, одна изъ длиннохвостыхъ породъ овецъ, даютъ тонкую шерсть, ради получения которой и разводятся. Искусственнымъ разведениемъ выработано нѣсколько главныхъ типовъ М-въ: 1) М. *электроралине* съ нѣжными тѣлосложениемъ, дающие короткую сукодную шерсть въ небольшомъ количествѣ (самоонсаля, нѣмецкая, благородная овца); 2) типъ *негретти*, представляющій противоположность первому, съ густою, грубою и короткою шерстью, съ толстою, складчатою кожей и сильными костями (американскій негретти, въ Россіи инфантадо); 3) М., представляющій по конституціи средней между двумя предыдущими типъ, дающіе длинную камвольную шерсть и наиболее отличающіе современнымъ требованіямъ сукоднаго производства (суаонъ, шатльонъ, мошанская овца, рамбуль во Франціи, бальдебукская овца въ Германіи, мазавская въ Россіи). Родина М-овъ—Испанія, откуда они начали вывозиться только съ XVII в. Въ Россіи тонкорунное овцеводство получило начало при Петрѣ I, и въ настоящее время М-овъ насчитывается въ Европейской Россіи около 9½ миллионъ головъ, что составляетъ нѣсколько болѣе 1/8 всѣхъ овецъ; они разводятся преимущественно въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ и преобладаютъ надъ простыми лишь въ трехъ губерніяхъ: Таврической, Херсонской и Екатеринославской, при этомъ меринское овцеводство составляетъ принадлежность почти исключительно только крупныхъ хозяйствъ (напр., въ Кубанской области есть стадо въ 80 тысячъ головъ).

Мерихъ, холщевый жеребецъ.

Мерюзъ (Meurice), Поль, французскій писатель и поэтъ; род. въ 1820 г., былъ страстнымъ приверженцемъ В. Гюго и романтической школы. Онъ работалъ для французскаго театра нѣсколько произведеній любимаго своего автора Шекспира. Кроме того, М. написалъ драмы: „Benvenuto Cellini“, „L'avocat des pauvres“ и др., а также переводилъ для сценъ многие романы Жюль Занда. Собственные его романы не имѣютъ значенія. Гораздо болѣе выдвинулся онъ какъ републиканецъ-журналистъ, представляющій идеи Виктора Гюго, въ „Evénement“ 1848 года въ основанномъ имъ сообщеніи съ Валери „Rapport“.

Mérite (франц.), заслуга; „pour le M.“, прусскій орденъ, основанный въ 1687 г. подъ названіемъ „pour la générosité“ и переименованный затѣмъ (1740) королемъ Фридрихомъ II въ „pour le M.“; дана за военныя и гражданскія заслуги; въ 1842 г. Фридрихъ Вильгельмъ IV расширилъ орденскій уставъ, и съ тѣхъ поръ орденъ дается

также ученымъ и дѣтелямъ искусства, какъ прусскимъ (не болѣе 30 лицъ), такъ и иностранцамъ.

Меридианъ, *жесточка*, ruminatio, весьма рѣдкое у человѣка болѣзненное явленіе, состоящее въ томъ, что пища, побывавъ нѣкоторое время въ желудкѣ, возвращается обратно въ ротъ, вторично и безъ всякаго отвращенія пережевывается и снова проглатывается. Предполагаютъ, что М. есть слѣдствіе плохого перевариванія крахмалистыхъ веществъ: при этомъ желудочный сокъ содержитъ въ избыткѣ пектинъ, который раздражаетъ стѣнки желудка и вызываетъ усиленную перистальтику.

Меридиетитъ, небольшое (1557 кв. км.) английское графство въ наибольшей гористой части Уэльса; жители (52038) занимаются овцеводствомъ, добычей свинца, цинка и мѣди, частью земледѣліемъ (подъ пашинами 9% всей поверхности); обрабатывающая промышленность весьма слабо развита. Гл. г. Дольджели.

Мерка, городъ въ восточной Африкѣ, на Сомалинскомъ берегу; старинный фортъ, рейдъ, 12 мечетей, около 6500 жит.

Меркантилизмъ или *меркантильная* („торговал“) система обозначаетъ совокупность извѣстнаго числа хозяйственныхъ прищиповъ, которые отводятъ первающую роль въ народномъ хозяйствѣ торговымъ и денежнымъ вопросамъ и, начиная приблизительно съ новаго періода европ. исторіи, имѣли особенно сильное вліяніе на экономическую теорію и политику европейскихъ странъ. Указанное предпочтеніе легко объясняется, если припомнить, что возникновеніе М-а совпадаетъ съ переходомъ отъ натурального хозяйства къ денежно-мѣновому. Съ этимъ переходомъ было тѣсно связано значеніе, которое стало приобретать торговля; съ другой стороны стали испытывать опутительную нужду въ деньгахъ какъ частныя хозяйства, такъ и еще болѣе правительства, которыя не могли справиться съ своими новыми расходами (гл. обр. на содержаніе постоянныхъ армій, веденіе многочисленныхъ войнъ и пр.) при помощи старыхъ способовъ (доходы отъ доменовъ, натур. повинности). Принципы М-а развивались весьма медленно и, порожденные чисто практическими запросами жизни, постоянно стремились прировняться къ нимъ. Вотъ почему въ періодъ наивысшаго даже развитія этой системы мы не находимъ ея въ видѣ строго законченной доктрины; такое же разнообразіе и нестыдность характеризуютъ ея приложение къ жизни въ отдѣльныхъ государствахъ и въ разныя времена. Основныя положенія ея, тѣсно между собою связанныя, сводятся къ слѣдующему: 1. Страна, какъ и отдѣльными лица, тѣмъ богаче, чѣмъ больше денегъ въ ея распоряженіи. 2. Источникомъ пріобрѣтенія благородныхъ металловъ для тѣхъ странъ, которыя сами не добываютъ ихъ, является внѣшняя торговля. 3. Послѣдняя наиболѣе прибыльна въ томъ случаѣ, когда обмѣнъ туземныхъ продуктовъ на продукты чужихъ странъ производится своими купцами и на своихъ судахъ. 4. Богатство страны возрастаетъ тѣмъ быстрее, чѣмъ больше товаровъ она отпускаетъ за-границу и чѣмъ меньше ввезитъ ихъ оттуда; разница между цѣнностью тѣхъ и другихъ выплачивается наличкой монетою; меж-

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Законъ о преслѣдованіи ростовщи- ческихъ дѣяній не распространяется на многіе виды ростовщи- чества.—Вѣроятное вліяніе закона на ростовщическія сдѣл- ки.—Перемѣны въ русскомъ таможенномъ законодательствѣ.— О вліяніи, которое будутъ имѣть эти перемѣны на русскую внѣшнюю торговлю и наше сельское хозяйство.—Квартирный налогъ.—Льготы населенію по уплатѣ продовольственнаго дол- га.—30-тилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».—Заявленіе комиссіи при с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности.	129
XV. АВТОБІОГРАФІЯ Л. РАНКЕ.—Евг. Н. Щепина	149
XVI. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ.—Вл. В. Бирюковича.	170
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Гольцева	199
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Педагогія.— Публицистика.— Исторія и біографіи.— Путе- шества.— Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Естествознаніе.— Медицина.— Технические книги.— Сельское хозяйство.— Учебники и книги для дѣтскаго и народ- наго чтенія.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», июль.— «Русскій Вѣстникъ», июль.— «Русское Богатство», июль.— «Сѣверный Вѣстникъ», июль.— «Міръ Божій», июль. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1893 г.	353

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1893 годъ

(четырнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во				
всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу.	14 „	7 „	3 „	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фейу и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.